ИРИНА ЮКИНА

РУССКИЙ ФЕМИНИЗМ

как вызов современности

Алетейя

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

В серии
«ФЕМИНИСТСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ»
вышли в свет:

Г. Брандт
Философская антропология феминизма.
Природа женщины

И. Жеребкина
Страсть. Женское тело и женская сексуальность в России

И. Жеребкина
Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует

И. Жеребкина
Феминистская интервенция в сталинизм,
или Сталина не существует

А. Лаун
Любовь в современном мире

Ж. Липовецкий
Третья женщина.
Незыблемость и потрясение основ женственности

И. Богин
Вечная женственность

И. И. Юкина

РУССКИЙ ФЕМИНИЗМ КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2007

УДК 316.6-055.2
ББК 88.52
Ю24

Юкина И. И.

Ю24 Русский феминизм как вызов современности / И. И. Юкина ; под ред. Т. А. Мелешко. — СПб. : Алетейя, 2007. — 544 с. : ил. — (Серия «Феминистская коллекция»).

ISBN 978-5-903354-21-4

Книга посвящена истории женского движения России, а также истории русского феминизма, который начал развиваться в стране на рубеже XIX–XX веков. Автор исследует корни русского феминистского движения, его задачи, акции, идеологии и результативность.

Главным результатом деятельности феминистского движения стало получение женщинами России избирательного права, благодаря чему Россия вошла в первую пятерку стран по этому вопросу.

Законодательные реформы в сфере гендерного равенства в Советской России 1920–1930-х годов автор рассматривает как результат влияния и продолжение традиций русского дореволюционного феминистского движения.

Книга заканчивается описанием краткого периода диссидентского феминизма в Ленинграде в 1980-х годах.

УДК 316.6-055.2
ББК 88.52

ISBN 978-5-903354-21-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга возникла как результат исследовательского интереса к истории женского и феминистского движения России первой волны (середина XIX — первая треть XX веков), которое явно недостаточно изучено отечественной исторической наукой.

В советской историографии женское движение практически не исследовалось, особенно на монографическом уровне (в отличие от зарубежной историографии), и оно никогда не изучалось как самостоятельный субъект социальных изменений. Еще в большей степени все вышесказанное относится к феминистскому движению. Можно с уверенностью сказать, что в советское время он не исследовался никем, никогда и никак.

Естественно возникает вопрос — почему? Почему тема женского движения была и остается популярной в зарубежной исторической науке и не популярна в советской и российской? Почему отечественные историки разрабатывали только некоторые направления и темы, имеющие отношение к женскому движению («женский вопрос», участие женщин в освободительной борьбе, борьба женщин за высшее образование) и не рассматривали движение в целом?

Поиски ответа на эти вопросы привели к пониманию, что проблема низкого интереса и слабой изученности женского движения и феминизма в отечественной историографии коренилась в отсутствии методологии исследования общественных движений.

Работы дореволюционного времени, т. е. авторов — современников событий, описывали движение без анализа его как социального феномена, и сегодня они являются собственно историческими источниками.

Советские ученые могли работать только в марксистской парадигме. Но марксистская методология накладывала известные ограничения на разработку темы социальных движений вообще и женского, феминистского движения в частности. В первую очередь потому, что марксизм определял основой конфликтного поведения, возникающего между представителями разных классов и социальных групп, классовый конфликт. В то время как в основе движений не всегда лежат классовые противоречия. Для женского движения классовый конфликт как раз не основной. Но при отсутствии иной кроме марксизма теоретической базы изучения социальных процессов и феноменов и при идеологическом контроле советские историки вынуждены были

исследовать движение в марксистской парадигме. Поэтому разработка темы в советское время — это обреченная на неудачу попытка встроить женское и феминистское движение в рамки классовых отношений.

Зарубежные исследователи российского женского движения первой волны не были ограничены в использовании различных теорий и концепций для изучения движения. Это одна из причин того, что они стали первооткрывателями российского женского движения и феминизма. Вторая причина их прихода в тему заключалась в том, что феминистское движение второй волны, начавшееся в конце 1960-х годов, определило новые исследовательские приоритеты и темы в гуманитарных и социальных науках. Одной из них стало социальное движение женщин, как наиболее ярко и очевидно иллюстрирующее тезис о дискриминации женщин. Для зарождающегося нового направления в исторической науке — Истории женщин, эта тема стала приоритетной. Движение женщин первой волны исследовалось учеными разных стран, было написано множество книг и статей, издано энциклопедий. В сферу исследовательского интереса зарубежных ученых попала тема и женского движения и феминизма в России. Эту тему исследовали и продолжают в ней работать многие яркие зарубежные ученые. Формирующийся в это время гендерный подход и его применение в истории отразилось в работах этих исследователей. По различным аспектам движения изданы статьи и книги М. Бакли, Р. Гликман, Б. Клементс, Г. Лапидус, Н. Нунан, Р. Ратчилд, Р. Стайтса, Л. Эдмондсон, Б. А. Энгл и многих других.

В нашей стране рост интереса и новое обращение к теме отечественного женского движения и феминизма первой волны произошло только во время перестройки, когда стало возможным изучать движение на базе другой, отличной от марксизма методологической основе. Именно в эти годы появились работы С. Г. Айвазовой (1991–2004 гг.), А. Дроздовой (1995 г.), М. В. Рабжаевой (2000 г.), О. А. Хасбулатовой (1993–2004 гг.), О. А. Хасбулатовой и Н. Б. Гафизовой (2000, 2003 гг.), О. А. Хасбулатовой и Т. А. Кейфман (2000 г.), О. А. Хасбулатовой и И. А. Правкиной (1997 г.), И. И. Юкиной (1993–2004 гг.)*.

* *Айвазова С. Г.* Идейные истоки женского движения в России // Общественные науки и современность. 1991. № 4; *Айвазова С. Г.* К истории феминизма // Общественные науки и современность. 1992. № 6; *Айвазова С. Г.* Женское движение в России: традиции и современность // Общественные науки и современность. 1995. № 1–2; *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998; *Айвазова С. Г.* Женское движение в России: опыт типологического анализа // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. М., 1999; *Айвазова С. Г.* К истории феминизма // Женщина в обществе: мифы и реалии. М., 2000; *Айвазова С. Г.* Женское движение как ресурс модернизации России // Гендерная реконструкция политических систем. М., 2004; *Хасбулатова О. А., Кейфман Т. А.* Интеллигенция и женское движение в России. Женщины России в XX столетии: уроки прошлого, реалии и перспективы. Иваново, 1993; *Хасбулатова О. А.* Эволюция российской государственной политики в отношении женщин. Обзор исторического опыта (1861–1917, 1917–1995) // Интеграция женщин в

Замысел данной работы заключался в том, чтобы исследовать женское движение и феминизм первой волны как движение, завершившее цикл своего развития, с применением в качестве методологической основы теоретических подходов социологии общественных движений, интеллектуальной истории и гендерного подхода.

Этот междисциплинарный подход позволил исследовать российское женское движение как социальное движение, а отечественный феминизм и как движение, и как оригинальное теоретическое осмысление проблем женщин, влияющее на дискурс власти, политику, науку.

В основе работы лежит утверждение, что женское движение, являясь открытой системой, развивалось под непосредственным воздействием внешних факторов макроуровня, т. е. глобальных политических, экономических, социальных, культурных изменений в стране. Реформы 1860-х годов и последовавшие за ними события, которые определили появление движения, его цели, направленность, типы организаций, лидерства и коллективных действий. Это

процесс общественного развития. М., 1994; *Хасбулатова О. А.* Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново, 1994; *Хасбулатова О. А.* Краткая хронология женского движения в России (1860–1917) // Женщины и российское общество: научно-исторический аспект. Иваново, 1995; *Хасбулатова О. А., Правкина И. А.* Традиции женского движения в России: история и современность // Женщина в российском обществе. 1997. № 1; *Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б.* Исторические источники по проблеме формирования и развития российского женского движения, его взаимодействии с международными женскими организациями во второй половине XIX — начале XX вв. // Женщина в российском обществе. 2000. № 2; *Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б.* Женское движение в России: вторая половина XIX — начало XX века. Иваново, 2003; *Хасбулатова О. А.* Эволюция государственной политики в отношении женщин: обзор исторического опыта дореволюционного периода // Гендерная реконструкция политических систем. М., 2004; *Юкина И. И.* Истоки женского движения в России // Все люди — сестры. Бюллетень Петербургского центра гендерных проблем. СПб., 1993; *Юкина И. И.* Первый Всероссийский женский съезд // Женщина и российское общество: научно-исторический аспект. Иваново, 1995; *Юкина И. И.* Забытая феминистка Ольга Шапир // Женщина и культура. Материалы научной конференции. М., 1997; *Юкина И. И.* Доктор Шабанова // Харизматические личности в истории России. СПб., 1997; *Юкина И. И.* Вопреки обычаю // Преображение. Русский феминистский журнал. 1997. № 5; *Юкина И. И.* Ольга Шапир — идеолог российского феминизма // Из истории женского движения России. Вып 2. СПб., 1998; *Yukina I.* Olga Shapir; Policsena Sishkina-Javein // Encyclopedia of Russian Women's Movement. Ed. Norma C. Noonan and Carol Nechemias. Greenwood Publishing Group. 2000; *Yukina I.* Ideology of the Russian Feminism. The First Wave // WMI Anthology. Issue of University Oulu. 2001; *Юкина И.* Русские нигилистки // Гендерные исследования. Харьковский центр гендерных исследований. Харьков. 2002. № 6; Contested Ideological Issues of Early Russian Feminism // Crossing Borders. Remapping Women's Movement at the Turn of the 21-st Century. University Press of Southern Denmark, 2004; *Юкина И. И.* Женское движение России: ценз пола и суфражизм // Гендерная реконструкция политических систем. М., 2004; *Юкина И. И.* История женщин России: женское движение и феминизм. 1850–1920-е гг. Материалы к библиографии. СПб., 2003; *Юкина И. И., Гусева Ю. Е.* Женский Петербург: опыт историко-краеведческого путеводителя. СПб., 2004.

были, прежде всего, введение избирательного права в России, начало Первой мировой войны, Февральская и Октябрьская революции 1917 года.

Изменения, происшедшие под влиянием этих событий, положены в основу периодизации движения, поскольку они являлись точками роста и ресурсами новых тенденций в движении.

Другим определяющим моментом в периодизации женского движения, основанием для подразделения его на «женский» и «феминистский» этапы, выступил фактор идеологии, который выделил эти два этапа движения.

На начальном этапе движение не продуцировало никаких идеологических установок. Оно ратовало за улучшение жизни женщин в рамках традиций и культуры русского общества и не ставило своей целью их изменение. Поэтому этот этап определен как *женское движение*.

Но, решая проблемы женщин, участницы движения очень скоро обнаружили «несправедливость самого мироустройства» по отношению к женщине (т. е. увидели гендерную асимметрию и поставили под сомнение гендерную систему общества), начали рассматривать существующий социальный порядок под этим углом зрения. Это положило начало новому осмыслению истории, философии и формированию идеологии движения, понимая под ней систему взглядов, которая объясняет существующую ситуацию с позиций определенной социальной группы.

Появление идеологии движения на рубеже XIX–XX веков стало знаком его перехода на новый качественный уровень. Идеология теоретически обосновывала женские требования гражданских прав в полном объеме и этот «идеологический» этап движения определен как *феминистский*.

Феминизм, таким образом, — логическое продолжение женского движения. Он возник на его базе. Организационную основу феминистского движения составили по большей части женские организации «старого», «доидеологического» женского движения. Социальная база движения также оставалась прежней — образованные женщины среднего класса.

В работе выделено два этапа движения женщин. Первый этап — женское движение (1858–1905 гг.). Второй этап — феминистское движение (1905–1918 гг.). В работе доказывается, что феминистское движение России является прямым продолжением и следствием женского движения, результатом его развития.

Конечно, и после 1905 года были женские организации, работавшие по улучшению положения женщин в рамках ценностей традиционного общества. Феминистские организации, в свою очередь, не оставляли вниманием каждодневные нужды женщин. Важно другое — в начале XX века усилиями всех женских организаций было сформировано единое идеологическое пространство деятельности женского движения. Идеология феминизма обосновала притязания женщин, а практика всех женских организаций — и традиционных женских, и феминистских по факту — делала женщин акторами (деятелями) социальных действий и процесса социальных изменений. И с этих

позиций мы можем употреблять термин «женское движение» широко, включая в него и деятельность феминистских организаций, осознано работающих над изменением традиционной культуры русского общества, и деятельность женских организаций, реализующих возможности женщин в рамках традиционной культуры.

Такая же преемственность наблюдается и между дореволюционным феминистским движением (1905–1918 гг.) и советским феминизмом (1918–1930 гг.). Идеи феминизма в российской политической жизни пересеклись с марксистскими идеями уже в начале XX века. Поэтому идеологическое обеспечение феминизма советского времени дополнилось классовой риторикой. Организационной базой советского феминизма стали женсоветы. Они переняли от русского (дореволюционного) феминизма многие идеи и подходы к решению проблем женщин, репертуар коллективных действий, практику лоббирования интересов женщин, хотя после революции социальный состав движения и его масштаб изменились.

Несмотря на то что марксистский (советский) феминизм был плоть от плоти либерального (русского) феминистского движения, что он был продолжением тех же тенденций и направлен на реализацию тех же целей, он не прописан в книге как третий этап отечественного женского движения первой волны. Цель данного исследования — изучение русского (в смысле дореволюционного) феминизма.

Таким образом, структура данной книги состоит из теоретической главы и двух глав, посвященных каждому из этапов женского движения в дореволюционной России — женского и феминистского. Советский феминизм как наследник русского феминизма описан в заключительной части книги — «Советский феминизм. Вместо заключения».

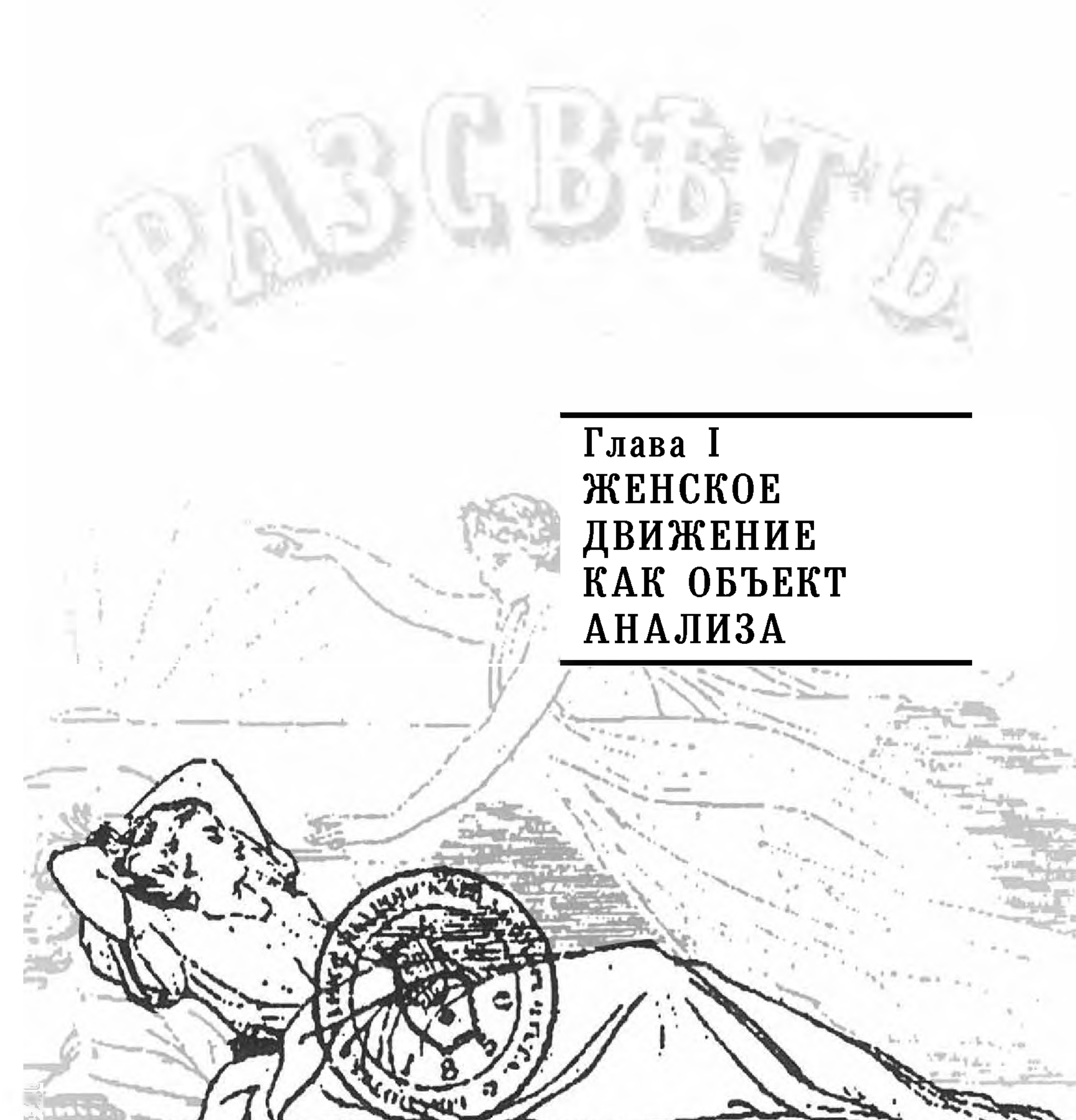
Вынесенный в название книги термин «русский феминизм» употребляется в соответствии с отечественной историографической традицией, в смысле дореволюционный, досоветский. К географии движения и национальной принадлежности его участниц это отношения не имеет. Феминистское движение проявило себя и на периферии Российской империи. Оно имело место во многих крупных городах современной Украины, Армении и Грузии, Азербайджана, а также Литвы, Латвии, Польши и Финляндии и, судя по имеющимся фактам, тенденции просматриваются одни и те же. Это объясняется тем, что феминистское движение являлось городским движением образованных женщин среднего класса, у которых были сходные интересы, проблемы и способы их решения. Хотя нет сомнений, что будущие исследования национальных движений первой волны выявят их своеобразие и национальные особенности.

Использование в названии книги термина «русский феминизм» также продиктовано самоидентификацией российских «равноправок» — женщин, выступавших за равноправие полов, которые по своей национальной принадлежности были не только русскими, но и украинками, еврейками, польками, немками и идентифицировали себя как «русских женщин».

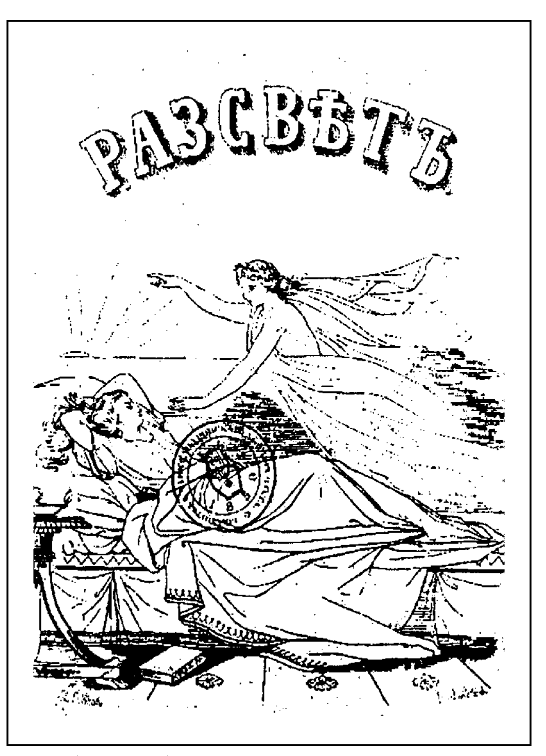
Слова благодарности

Эта книга была подготовлена и издана при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров.

Также она не смогла бы состояться без поддержки многих людей. Я приношу искреннюю благодарность сотрудникам Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров, сотрудникам Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург) и моим коллегам, которые взяли на себя труд прочитать рукопись и высказать свое мнение — кандидату исторических наук В. А. Веременко, кандидату философских наук М. А. Кашиной, доктору психологических наук И. С. Клециной. Их комментарии и замечания были очень важными для меня и позволили мне уточнить и конкретизировать мысли и идеи данной работы.



Глава I
ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ АНАЛИЗА



«Гений образования будит спящую женщину.
—Мое предназначение быть матерью, женой, хозяйкой, — говорит русская женщина.
— И гражданкой в своем Отечестве, — отвечает Гений образования».
Обложка журнала наук, искусств и литературы для взрослых девиц «Рассвет» (1859. № 1)

1. Методологическое введение

В отечественной науке изучение российского женского движения первой волны (середина XIX — первая треть XX вв.) проводилось в рамках исторической науки и историческими методами[1]. Только в последние годы появились монографии, изучающие этот социальный феномен с применением политологических и гендерных концепций[2].

Современное российское женское движение (с 1985 г.) сегодня также изучается в рамках политологии, гендерных исследований, социологии (Айвазова, Здравомыслова, Константинова, Мельникова, Темкина, Юкина)[3]. Уже одно перечисление научных дисциплин и теоретических подходов, в рамках и при помощи которых исследуется женское движение как общественное движение, дает основание говорить о многомерности, сложной структурированности и междисциплинарности объекта анализа.

Исследователи изучают разные аспекты и структурные элементы движения. Поэтому анализ женского движения (как и других социальных движений) возможен с позиций разных наук и в их различных комбинациях в зависимости от предмета научного интереса исследователя.

Данная работа выполнена на стыке истории и социологии как научных дисциплин, а точнее — интеллектуальной истории и социологии общественных движений.

Выбор такого сочетания научных дисциплин обусловлен тем, что женское движение и феминизм первой волны — «исторические» движения, которые уже завершили цикл своего развития. Поэтому история — то «естественное» поле, та научная сфера, в рамках которой и при помощи методов и принципов которой (сравнительный, хронологический методы, принцип историзма) проведено исследование.

Социология общественных движений разрабатывает методологию исследования социальных движений. Это молодая отрасль в отечественной социологии, которая стала оформляться только в последнее десятилетие. Предметом ее выступает конфликтное взаимодействие между властью и представителями социальных групп, а также структуры и механизмы реализации этого взаимодействия. Базовые теории и теоретические подходы зарубежной социологии общественных движений разрабатывались на эмпирике «своих» движений.

Тем самым историко-социологические исследования внесли значимый вклад в разработку теоретических моделей социологии общественных движений. Российские социологи идут по пути как осмысления теоретических разработок, традиции изучения западной социологии общественных движений, так и ее развития с учетом российского исторического, политического, культурного контекста[4]. Работы Е. А. Здравомысловой, А. В. Дуки, В. В. Костюшева, А. А. Темкиной, В. А. Ядова и других конституировали российскую социологию общественных движений и послужили наряду с работами зарубежных социологов теоретическим основанием для данной работы.

Теоретические подходы, методология, понятийный аппарат, принятые в социологии общественных движений, дают возможность отойти от традиционной классовой модели анализа движений, задают тот «концептуальный каркас» (К. Поппер), при помощи которого можно иначе выстроить и осмыслить исторический материал. Применение теоретических подходов социологии общественных движений к конкретному историческому материалу, то есть сочетание идеально-типических и конкретно-исторических исследовательских процедур, представляется методом плодотворным, открывающим новые перспективы анализа, несмотря на «сложности притирки нового инструментария к историческим источникам»[5].

Интеллектуальная история — одно из подразделений исторической науки. Ее исходной предпосылкой является «осознание неразрывной связи между историей самих идей и идейных комплексов, с одной стороны, и условий и форм интеллектуальной деятельности — с другой <...> Таким образом, принципиальным становится учет взаимодействия, которое существует между движением идей и их исторической "средой обитания", теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи порождаются, распространяются, извращаются, модифицируются, развиваются»[6].

Привлечение подходов и установок интеллектуальной истории обусловлено тем, что ее предмет — идеи и способы их функционирования в обществе — актуален для всех социальных движений, т. к. их деятельность всегда мотивировалась и освещалась с идеологических позиций. Поэтому законно утверждение, что социальные движения меняют не только общество, они меняют культуру. Женское и феминистское движения первой волны не составляют исключения.

Обращение к интеллектуальной истории позволяет рассмотреть и оценить появившиеся в ходе развития движения идеи, ценности, нормы, идеологии, новые темы в социальных и гуманитарных науках как результат женского и феминистского движений.

Историко-социологические исследования важны еще и потому, что развитие теоретической социологии и теоретических обоснований интеллектуальной истории возможно только на основе эмпирического материала. Отечественный исторический материал, осмысленный социологически, дает основу для теоретической разработки темы российских социальных движе-

ний. В то же самое время существующие зарубежные концептуальные социологические модели служат путеводной нитью для исторического исследования и созданию отечественной традиции их изучения.

Нет сомнений, что изучение общественных движений, как «исторических», так и современных, как и развитие теоретического обеспечения этих исследований на отечественном материале актуально для современной социальной и гуманитарной науки и современного российского общества.

Таким образом, специфика данной работы состоит в использовании методологии социологического анализа исторического материала при изучении темы российского женского и феминистского движений первой волны.

Рассмотрение причин возникновения женского движения середины XIX — начала XX веков, факторов его роста, динамики, стратегии и тактики, мотивов участия при помощи социологических теорий и социологического инструментария, позволяет вскрыть закономерности развития общественных движений. В отечественной науке «исторические» движения рассматривались при использовании марксистской методологии (за исключением работ последнего десятилетия), которая объясняет все конфликтные отношения между классами и социальными группами с классовой (в марксистском понимании) позиции.

Классовая модель анализа движений плохо работает при изучении классических общественных движений — либерального, женского, рабочего, не говоря уже о новых движениях постиндустриального общества (экологических, пацифистских, сексуальных меньшинств и др.). Она огрубляет и упрощает даже рабочее движение, имеющее в своей основе классовый конфликт. Причина заключается в теоретической неразработанности темы социальных движений и принципов ее изучения.

Исследование социальных движений всегда означает исследование социального неравенства, по поводу которого и возникает разного рода конфликтное противостояние тех или иных социальных групп и классов. Стало быть, эти исследования неизбежно приносят в методологический арсенал исследователя стратификационные теории и модели.

Согласно марксистской теории, основу социальной структуры общества составляют классы, которые напрямую связываются с развитием отношений частной собственности и материально-экономическим неравенством людей. К. Маркс, В. И. Ленин, разрабатывая теорию классов и классовой борьбы[7], определяли класс как главную силу в процессе социальных изменений. Принадлежность к классу они рассматривали через концепцию производственных отношений как определяющую жизненную позицию индивида. Многие марксистские определения классов включали не только различия по месту и роли людей в системе производственных отношений и по образу их жизни (условиям жизни), но и по политическим, социальным, духовным отличиям, по особенностям их общественного сознания[8]. Таким образом, марксистское понимание отношений между классами исходит из противостояния социаль-

но-экономических групп, из их деления на экономически господствующих и зависимых, эксплуатируемых в капиталистическом обществе[9].

Все социальные протесты и конфликты объяснялись в марксизме сквозь призму этой теории классовым неравенством и интерпретировались в терминах классовой борьбы[10].

Согласно марксизму в капиталистическом обществе (а именно в нем по большей части развивалось женское и феминистское движения первой волны) существовало два основных антагонистских класса — буржуазия и пролетариат. Главным актором социальных изменений определялся пролетариат. Поэтому другие социальные группы и классы не рассматривались как акторы позитивных социальных действий. Целью классовой борьбы рабочего класса объявлялась смена социального строя. Классовый конфликт разрешался через классовую борьбу. В рамках марксисткой теории классовой борьбы любой социальный конфликт, который не ставил своей целью уничтожение капитализма, рассматривался как ревизионизм, догматизм, оппортунизм. Понятно, что женскому движению, феминизму не было место в этой схеме. Поэтому исследователи женского движения испытывали огромные сложности методологического характера по «вписанию» его в эту жесткую конструкцию. Марксистская методология уводила их на поиск конфликта, который не являлся принципиальным для данного движения и, соответственно, не выступал причиной его зарождения.

В советское время под воздействием господствующей идеологии были исключены теоретические поиски в разработке темы общественных движений с неклассовых позиций. Попытка поставить вопрос в такой плоскости, в лучшем случае, была бы оценена как ревизионизм со всеми вытекающими для исследователя последствиями.

Поэтому в исторических, философских энциклопедиях и энциклопедических словарях советского времени понятие «общественное движение» вообще отсутствует. При всей чувствительности отечественной науки к изучению неравенства с интенцией на его преодоление советские ученые не могли выйти за рамки марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы. Только в последних социологических энциклопедических справочниках и словарях дается определение общественных движений, в которых сделана попытка преодолеть пропасть между теорией классовой борьбы и теоретическим осмыслением социальных движений вне марксистской парадигмы. Но это теоретические наработки ученых других стран[11].

Отличительные черты марксистского подхода в изучении проблемы социального неравенства — поляризация классов, социальных групп и представляющих их интересы политических сил; продвижение общества по пути прогресса исключительно через кризисные пики социальных революций — нашли отражение в отечественной исторической науке.

Например, ситуация 1859–1861 годов рассматривается в советской историографии, основанной на трудах В. И. Ульянова-Ленина, как первая рево-

люционная ситуация, которая не перешла в революцию, но сделала возможными буржуазно-демократические реформы. Политические силы страны резко поляризуются на контрреволюционный лагерь (правительство, крепостники и либералы) и лагерь революционной демократии (состав которого четко не определен)[12]. Ценностные установки, взгляды представителей этих групп также противопоставляются — консерватизм и политический либерализм одних и революционный демократизм других. Одни защищают интересы дворянства и буржуазии, другие — трудящихся и широкие народные массы. Но не все можно объяснить с позиций марксисткой методологии. Например, тот факт, что лидеры революционной демократии (а затем и рабочего движения) были в большинстве своем по происхождению дворянами. Почему они выступили против интересов своего класса? Как минимум, это говорит о том, что такой поляризации по классовому признаку в российском обществе не было, особенно в отношении убеждений, морально-нравственных установок личности.

Проблема социального неравенства исследовалась не только в марксистской парадигме. Существует школа М. Вебера—Г. Зиммеля—П. Сорокина, в которой представления о стратификации не оппозиционные и полярные, а взаимозависимые и многоуровневые. И тогда на сцене появляется средний класс, который, с одной стороны, имеет двойственное положение в структуре общества, а с другой — всегда выступает основой социальной стабильности. Вместе с тем появляется возможность рассмотреть женское движение, которое являлось движением женщин среднего класса, под другим углом зрения. Отмести такие обвинения в его адрес, как «буржуазность», нереволюционность, стремление к мирному сотрудничеству с правительственными структурами и увидеть его прогрессивный, демократический характер и устремления, направленные на развитие личности и строительство правового государства на новых демократических основах.

Через этот «стратификационный подход» уже можно объяснить, казалось бы, необъяснимый факт лидерства представителей среднего класса в рабочем движении.

Таким образом, в современном отечественном социально-гуманитарном знании сложилась ситуация некого противостояния между историографией, которая опиралась на марксистскую методологию в исследовании социального неравенства и социальных движений, и социологией общественных движений, которая имеет в своей основе разнообразие стратификационных моделей.

Эта ситуация переходного периода — от использования марксизма в качестве единственной верной теории (теоретической парадигмы) к использованию разных теоретических подходов. Она, безусловно, временная.

Хочется еще раз подчеркнуть, что социологический подход, лишенный классовой, политической ангажированности, позволяет отойти от жесткой дихотомичности и увидеть исторический процесс в переплетении идей, действий, судеб, услышать общественный диалог, выйти за рамки классового анализа и обнаружить «новых» людей, которые примыкали и к тому и к дру-

гому лагерю и способствовали продвижению общества самыми разными путями к обществу гражданскому и демократическому.

Цель данного исследования определена как анализ женского движения России первой волны на широкой источниковой базе с использованием теоретических подходов социологии общественных движений и интеллектуальной истории.

2. Теоретические подходы к изучению женского движения как общественного

В социологическом исследовании общественных движений существует три основных теоретических подхода, или концептуальные модели, или интеллектуальные традиции изучения феномена общественных движений. Эти подходы сосредотачиваются на его различных аспектах как приоритетных предметах изучения, по-разному интерпретируют сам феномен общественного движения[13].

Первый теоретический подход — *традиционный* (H. Blumer, T. Gurr, J. Gusfield, L. Killian, N. Smelser и др.) акцентирует внимание на изучении причин возникновения движений, роли идеологии, значении внутренних норм. Движение рассматривается как стихийный и дестабилизирующий общество феномен.

Второй — *коллективных действий, или мобилизации ресурсов* (W. Gamson, D. McAdam, J. McCarthy, A. Obershall, Ch. Tilly, M. Zald и др.), в котором движение предстает исключительно рациональным субъектом. Внимание обращено на организации, коллективные действия, процессы мобилизации. Движение рассматривается как норма социальной жизни общества, способствующее его прогрессу.

Третий — *новых социальных движений, или идентичности* (A. Melucci, C. Offe, A. Pizzorno, A. Touraine и др.), признавая движение рациональным субъектом, значимым фактором общественного развития, акцентирует внимание на поиске и обретении участниками движения новых идентичностей, ориентацию их на новые ценности.

Каждый теоретический подход не является единой теорией, скорее «это набор концепций, совпадающих между собой в общей перспективе анализа социального движения»[14]. Важно отметить, что в разных парадигмах движение определяется по-разному, хотя суть его, безусловно, сводится к одному — к противостоянию и конфликтному взаимодействию социальных групп, классов, с одной стороны, и власти — с другой.

Традиционный подход зародился в США в 1950-е годы. В его основе лежат теории коллективного поведения, массового общества и относительной депривации. В рамках этого подхода общественные движения стали самостоятельным предметом социологии.

Политическая направленность данного подхода консервативна. Согласно этому подходу, общественное движение является одним из видов коллективного поведения, которое сильно отличается от обычного. Оно характеризуется спонтанностью, отсутствием четкой организационной структуры. Это антиинституциональное поведение групп людей, которые руководствуются нормами, отличными от общепринятых. Их поведение представляет собой реакцию на проблемную ситуацию в обществе, разрядку психологической напряженности. Участники движения — маргиналы. В подтверждение этого тезиса приверженцы этого направления утверждали, что организации появляются на поздних стадиях движения, предшествующих его институционализации.

Социальные движения в этой концептуальной модели не рассматривались как постоянно действующие силы общественной жизни. Их оценивали как признаки временной дисфункции социальной системы или как показатели структурной напряженности, которая находила реализацию в коллективном поведении. После краткосрочных взрывов протеста стабильность общества восстанавливалась.

В этом подходе общественные движения рассматривались через призму социального порядка, внимание исследователей акцентировалось на дестабилизирующем характере движений в демократическом обществе. Но те же исследователи зафиксировали тот факт, что движения несли в себе новые ценности, новые формы общественной жизни, т. е. имели созидательное начало.

Для традиционного подхода приоритетным оказалось изучение следующих сторон общественных движений:

1. Причины возникновения и формирования движений. Возникновение любого общественного движения (либерального, женского, рабочего) с позиций этой парадигмы рассматривается как результат структурной напряженности в обществе, дисфункции социальной системы. Подчеркивалась роль массового недовольства в возникновении протеста. Теории коллективного поведения и относительной депривации[15], лежащие в основе данного подхода, давали объяснения не только причинам возникновения движения, но и причинам участия в нем.

2. Причины участия в движении. Участие рассматривали с позиций социальной психологии, изучались установки и ориентации личности, способствующие ее приходу в движение. В данном подходе преобладал взгляд, что главными причинами участия выступают неудовлетворенность, недовольство, вызванные как объективными условиями жизни (абсолютная депривация), так и субъективным восприятием условий жизни (относительная депривация).

3. Коллективный характер движений. Здесь изучались нормы, ценности идеологии движения как средства формирования коллективного характера движения.

4. Роль идеологии движения. Большое внимание уделялось роли идеологии движения, ее отличию от доминирующей в обществе идеологии и от доминирующих в обществе ценностей, на основе которых выстраивалась идео-

логия движения. Идея «генерализированных верований», которые определяли проблемную ситуацию и представляли собой тип мягкой идеологии, оказалась очень продуктивной для исследования женского движения первого этапа[16]. Также как и идея Н. Смелзера о том, что генерализированные убеждения создают общую культуру движения, в рамках которой возможна мобилизация, действия протеста и т. д.[17]

5. Нестабильный характер социальных движений. Нестабильность проявляется в слабой организованности, изменчивости целей движения, в позднем создании организационных структур.

Теоретический подход коллективного действия (или мобилизации ресурсов) пришел на смену традиционному подходу в американской социологии в 1970-е годы. Он рассматривает движение как неотъемлемый элемент общественной жизни, как активный субъект социальных изменений. Базовыми теориями данного подхода выступают две взаимодополняющие друг друга теории — теория мобилизации ресурсов и теория политического процесса.

Теория мобилизации ресурсов (J. McCarthy, M. Zald, A. Obershall и др.) определяет главной задачей движения мобилизацию возможностей (они же ресурсы), находящихся в пределах досягаемости движения для решения своих задач. Внимание исследователя сосредотачивается на внешних и внутренних ресурсах движения. Согласно этой теории протест возникает тогда, когда формируются политические, экономические, организационные возможности (т. е. внешние ресурсы), которые способствуют мобилизации существующего недовольства. На 70-летнем цикле развития женского — феминисткого движения в России хорошо видно, как внешние ресурсы (возможности) запускали процесс его формирования, корректировали цели, влияли на формы коллективных действий и методы работы.

В рамках данного направления исследуются прежде всего механизмы и пружины развития движения, каналы его влияния, методы рекрутирования, т. е. идет поиск ответа на вопрос как. Организации движения рассматриваются как знак, маркирующий момент зарождения общественного движения, его организационное начало и в то же время как один из главных ресурсов движения.

Другой базовой теорией данного подхода является теория политического процесса (Ch. Tilly, W. Gamson, D. McAdam и др.). Конкретные историко-социологические исследования зарубежных социологов, на базе которых выстроена эта теория, внесли значительный вклад в развитие социологии общественных движений. Здесь внимание обращается прежде всего к анализу исторических типов протеста, к репертуару коллективных действий. Движение определяется как специфический вид конфликтного взаимодействия между властью и представителями социальных групп, выступающих против этой власти в защиту своих интересов. Единицей социологического анализа становится именно это взаимодействие.

В целом, данный теоретический подход строится на следующих представлениях об общественном движении:

1. Движение анализируется в понятиях рациональности. Рациональность движения проявляется в том, что его организации и участники действуют на основе анализа ситуации и собственных ресурсов.

2. Коллективные действия рассматриваются как организованная деятельность в поддержку конкретных групп населения, т. е. деятельность по достижению целей движения.

3. Участники движения не являются маргиналами, они — представители образованных классов.

Рациональный характер движения утверждает идея преемственности между институциональными и внеинституциональными формами коллективных действий. Протестные акции рассматриваются как средство влияния определенных групп населения на официальную политику, которые применяются лишь в случае неэффективности институциональных форм влияния и давления. То есть они признаются «нормальными». Тем более что власть сама прибегает к внеинституциональным формам коллективных действий, особенно в период подъема протеста, и зачастую насильственные акции движения провоцируются непосредственно ею.

Известный американский историк и социолог Ч. Тилли, представитель историко-политического направления данной парадигмы, напрямую связывает общественное движение с исторически определенными типами коллективных действий. Он исходит из установки, что движение — это повторяющиеся, направленные на достижение определенных целей коллективные действия, мотивированные идеологически, с исторически ограниченным репертуаром коллективных действий, которые инициируются специфическими организациями. На основании этого Ч. Тилли делает вывод, что говорить об общественном движении ранее середины XIX века неправомерно и использовать термин «общественное движение» нецелесообразно.

В подходе новых общественных движений, или идентичности, который начал развиваться в Европе в 1970-х годах, на первое место в интерпретации движения выходит появление новой коллективной идентичности, изменение коллективных представлений и лишь затем — организационные структуры и акции движения. Идентичность — это осознанное самоопределение социального субъекта (A. Touraine), а коллективная идентичность — групповая самоидентификация, основанная на общих ценностях, мировоззрении, взаимодействии между участниками движения и на определенном отношении к социальному конфликту. Наиболее значимыми ценностями являются ценности личной автономии, стиля жизни, идентичности[18]. На основе этих новых ценностей, нового восприятия самих себя выстраиваются новые отношения с социальным окружением. И хотя значимость для социального движения новых ценностей и идентичностей выведены на материалах исследований

движений постиндустриальных обществ, они, как показало данное исследование, были значимыми и для более ранних движений. В частности, для женского и феминистского движения рубежа XIX–XX веков.

Формы коллективных действий в данной парадигме рассматриваются как внешний способ проявления идентичности.

В этой парадигме движение анализируется также как норма социальной жизни, как инструмент разрешения социального кризиса, как конструктивное творчество социальных и культурных изменений. Другими словами, общественные движения — это движущая сила исторического процесса.

Развитие парадигмы идентичности идет в расширении числа элементов движения, подлежащих анализу, факторов влияния на движение и увеличение сфер его собственного влияния. Теперь социальное движение — это не только коллективные действия, организации, лидеры, идеология, но и новые стили жизни, коммуникативные сети, субкультуры. Влияние движения определяется не только его видимыми акциями, но и неформальными коммуникациями, выработкой новых культурных кодов, отличных от кодов господствующей культуры, новой интерпретацией реальности, т. е. изменением культуры. Речь идет о латентном измерении общественного движения. Наряду с видимыми проявлениями движений (акции, организации) они составляют как бы разные стороны движения, каждая из которых важна для развития и успешности движений в целом.

А. Мелучи писал, что любое движение наряду с видимыми коллективными действиями имеет латентное измерение, в котором проистекает повседневная практика и формируется жизненный опыт его участников[19]. Поэтому события, происходящие в личных жизнях, не менее важны для развития движений, чем открытый вызов политическим институтам. Отсюда — внимание к индивидуальным биографиям и к личному опыту участниц движения. Каждое движение рождается как латентное, и лишь потом превращается в «классическое». И общество меняется не только под воздействием движенческой борьбы, но и через влияние движения на его культуру.

Эти идеи устанавливают связь с традиционным подходом, с идеями об «общем» и «специфическом» движении, при котором «общее движение», по сути, является процессом постепенных изменений ценностей общества, которые, в свою очередь, меняют культуру этих обществ[20].

Одной из новых сфер влияния движений определяется их влияние на развитие науки, производство поворота в социальных науках, который совершается под воздействием идей, привносимых движением[21]. Это — показатель значимости и влиятельности движения. Успех движения ставится в зависимость от способности его интеллектуалов создавать и распространять новый интеллектуальный продукт — новые представления о социальной реальности. В данном конкретном исследовании этот вывод позволил объяснить и прописать с позиций движения возникновение женских исследований первой волны и объяснить закономерность появления теоретического обоснования движения.

Таким образом, причинами зарождения движения выступает появление новых идентичностей, изменения в представлениях о социальном мире его потенциальных участников и активистов[22]. Участники движения перестают смотреть на существующий порядок как на незыблемый, считают, что его можно изменить согласно своим представлениям[23] и лишь затем они начинают действовать. Изменения идентичностей предшествуют движению и порождают его.

Роль идеологии как квинтэссенции интеллектуального продукта, произведенного интеллектуалами и лидерами движения, рассматривается как значимый фактор развития движения. Социальные движения предстают как функционирующие идеологии, которые порождают новые представления о социальной реальности, генерируют ее новые интерпретации, влияют на мышление участников движения, сочувствующих, оппонентов. По сути, движение отстаивает свое видение социального мира.

Поэтому данный подход обращает внимание на важность изучения не только идеологий, но и индивидуальных сознаний. Изучение индивидуальных сознаний позволяет объяснить, как движение превращает несогласованные действия, неполитические акции в политические, наращивая свой потенциал. В отношении женского движения это объясняет, почему были так эффективны неполитические методы работы, почему повседневная практика оказалась политически значимой, почему политические митинги, петиции вкупе с новым образом жизни, выстраивание отношений в семье, в публичной сфере оказались такими значимыми для достижения целей движения и почему женское движение продолжилось в сфере социальных и гуманитарных наук.

Это проявление латентного измерения движения, которое реализуется через культурные сдвиги (изменение культуры) и изменение сознания участников движения, а вслед за тем остальных членов общества. Таким образом, в трудах социологов, работающих в данной парадигме, идет преодоление видения только политического значения движений.

Модель идентичности также позволяет обратиться к проблеме участия в движении. Объяснение с позиций теории относительной депривации[24] и с позиций рационального выбора[25] не является исчерпывающим объяснением. Идея идентичности, самоопределения участников движения хорошо работает на определение причин их прихода в движение.

В целом данный подход не позволяет изобразить социальное движение по упрощенной схеме. С другой стороны, по остроумному замечанию М. Соколова[26], «стало не совсем ясно, что должны изучать социологи общественных движений, если под понятие движений попадает почти все, что попадает под понятие общества в целом».

Это актуальная проблема. Учесть все составляющие движения вряд ли возможно в одной работе. Поэтому, принимая во внимание новые подходы в изучении феномена социального движения, данное исследование базиру-

ется на теоретическом подходе коллективных действий с использованием теорий традиционного подхода и идентичности.

Теории, понятия концептуальной модели коллективного действия (мобилизации ресурсов) представлялись наиболее подходящими для анализа исторического материала. В первую очередь потому, что она была заявлена социологами, работающими преимущественно на эмпирике конкретных исторических исследований, историко-политическое направление которого уделяет особое внимание историческим типам коллективных действий.

Использование элементов других теоретических подходов неизбежно. Так, А. Темкина зафиксировала, что последователи парадигмы новых социальных движений, определяя женское движение, делают акцент на новой коллективной идентичности женщин, а последователи мобилизации ресурсов — на их коллективной деятельности, направленной на социальные изменения, представляющей протест против существующей структуры власти и преобладающих норм и ценностей[27]. Эти исследования конкретных движений показали возможность и перспективность синтеза научных парадигм, в том числе при изучении женского движения.

Работа над темой российского женского движения также привела к необходимости соединения теоретических установок разных парадигм. Например, по вопросу возникновения движения. Согласно традиционному подходу причиной возникновения движения выступает структурная напряженность и дисфункция социальной системы, согласно парадигме коллективного действия — новые политические, экономические и организационные возможности, появившиеся в обществе, идущем по пути модернизации. Согласно парадигме идентичности — появление новых идентичностей. И та, и другая, и третья аргументация работает на историческом материале.

Таким образом, специфику данной работы составляет использование всех трех подходов. Этот путь представляется плодотворным и правомерным. Во-первых, потому, что, как уже было сказано, ни один теоретический подход не представляет собой целостной теории. Это скорее совокупность теорий, развивающихся в одной интеллектуальной традиции и совпадающих в основополагающих принципах и постулатах. Во-вторых, это дает возможность реализовать «принцип взаимодополнительности различных научных парадигм, которые предлагают отличные друг от друга и даже противоположные способы описания одного и того же явления, дающие в итоговой комбинации более сложную и полноценную картину прошлого»[28].

Тем более что исследования национальных общественных движений и становления гражданского общества в странах Восточной Европы, в данном случае в России, неизбежно ведет к переосмыслению теоретических постулатов западной социологии общественных движений. Новые историко-культурные контексты устанавливают новые теоретические возможности. И это правомерно.

Взяв за основной теоретический подход концептуальную модель коллективного действия (мобилизации ресурсов), базовым определением движения в

данной работе выступает его производная. Общественное движение — это повторяющийся ряд специфического конфликтного взаимодействий между властью и личностями — представителями социальных групп, которые выступают от имени своей группы, не имеющей институционального представительства[29].

Данный теоретический подход позволил оформить материал в следующую аналитическую структуру.

Внешними факторами движения макроуровня определяются политические, социально-экономические, организационные возможности общества. Макроуровень включает общесоциальные и политические условия, определяющие возможности формирования общественных движений в контексте данной историко-политической ситуации. Поэтому описание культурно-политического контекста представлялось принципиально важным, и он прописан в каждой главе, посвященной одному из двух этапов движения. Согласно теоретическому подходу коллективных действий инициативные группы и организации движения появляются, их коллективные действия формируются и приобретают наступательный характер только во взаимодействии и параллельно с крупномасштабными социальными изменениями. В России общественные движения возникли с началом процесса модернизации страны, с изменением ее политической системы, когда появились принципиальные возможности для их развития.

Таким образом, к внешним факторам макроуровня (они же ресурсы) отнесены политические и социально-экономические условия, в которых развивалось движение, изменение сословно-классовой стратификации.

Развитие политической системы России в направлении становления гражданского общества оказывало всестороннее влияние на общественную жизнь страны, в том числе послужило толчком к появлению женского движения, повлияло на его концептуализацию, проблематику, формы коллективных действий, организационные структуры. В свою очередь, женское движение России, развиваясь в русле либерального движения, контактируя с рабочим движением, оказало несомненное влияние на ход и темп изменений самой политической системы.

Наряду с внешними факторами движения макроуровня в работе выделены внешние факторы мезоуровня, которые сформировались под прямым воздействием внешних факторов макроуровня и опосредовали их влияние на генезис и динамику общественных движений через социальные институты[30], через взаимодействие на уровне социальных групп[31], что, в свою очередь, сформировало политические возможности женского активизма. Так называемый мезоуровень представляет собой мобилизационный контекст движения, зависящий от организационной структуры общества. Эти политические возможности разные для первого (конец 1850-х — 1905 г.) и второго (1905–1918 гг.) этапов женского движения.

Для первого этапа это: институт прессы, литературы, которые отражали и формировали генерализированные верования образованных классов о

«женском вопросе»; институт семьи, образования, а также формы политической активности женщин.

Для второго этапа как актуальные были выявлены следующие институты: институт политических партий, законодательной (Государственная Дума), исполнительной (правительство, земства) и судебной властей, дискурс прессы, литературы, а также идеология движения, структура «старого» женского и «нового» феминистского движений.

Исходя из утверждения (модель идентичности), что одной из причин возникновения движения является появление людей, исповедующих новые ценности, отличные от ценностей, доминирующих в обществе, в работе большое внимание уделено разного рода дискурсам, которые, собственно, дают нам представление о постановке проблем женщин в исследуемое время. Официальный дискурс демонстрирует принятые, бытовавшие в обществе как доминирующие представления о женщинах, женственном, женском. Другие дискурсы (демократической, консервативной, женской прессы и беллетристики) показывают иные представления людей той эпохи и оформление протестных дискурсов.

Внутренние ресурсы движения также описаны в работе. Это те, которые находились в распоряжении движения. К ним отнесены лидеры, идеологии, социальная база движения, его организации и коллективные действия.

Временем зарождения женского движения определен конец 1850-х годов. В отечественной историографии встречается мнение, что женское движение началось с 1812 года, когда в Санкт-Петербурге появилось Императорское женское патриотическое общество[32]. Данный исторический факт возникновения первой женской организации не является аргументом для подобного вывода с позиций теоретического подхода коллективных действий. В процессе создания этой организации присутствовал принцип самодеятельности ее членов в определении и достижении своих целей, но отсутствовал принцип повторяемости — «повторяемости и настойчивости» по Ч. Тилли[33]. Аналогичных или каких-либо других женских объединений в России не было вплоть до конца 1850-х годов. Этот факт и не позволяет говорить о женской общественной деятельности начала XIX века в терминах движения, а именно в силу отсутствия добровольных, идеологически целостных, объединенных общей целью организаций, которые являлись проводниками и организаторами коллективных действий. Пока нет организаций, которые воплощают рациональный характер движения, — нет, собственно, движения.

Только в 1850–1860-х годах, в предреформенный и пореформенный периоды, в России впервые сложились те политические, экономические и организационные условия, которые дали возможность организационно оформиться, институализироваться первым инициативным группам, то есть впервые появились условия для зарождения общественных движений как таковых. До этого времени появление самодеятельных групп и организаций в России сдерживалось политической системой, внутренней политикой российского правитель-

ства, принятой социальной практикой. Любая общественная инициатива в Российской империи носила разрешительный характер со стороны властных структур, а власть всегда репрессивно реагировала на любое проявление «общественности», в которой традиционно видела источник подрывной силы.

Таким образом, женское движение стартовало в конце 1850-х годов, и деятельность первых групп, объединений носила наступательный характер в исторически корректном смысле.

Теоретический подход коллективных действий обосновывает значимость организационных структур для развития движения, подчеркивает закономерность их появления на его ранних этапах. Вот почему в работе уделено много внимания деятельности женских организаций, начиная с первых инициатив. Для нашей страны это особенно актуально. В России, в государстве с феодальной политической системой, всесильной бюрократией, в руках которой находилась социальная инициатива, формирование гражданского общества с его идеями о ценности, автономии и неприкосновенности личности, частной сферы, приоритете закона, самодеятельные организации являлись только что не самым значимым ресурсом и фактором развития движения и гражданского общества.

В силу этой аргументации в данном исследовании отрицается существование женского пролетарского движения до 1917 года. На мой взгляд, женское рабочее движение оформилось только в 1917 году, когда работницами обеих столиц были предприняты самостоятельные акции. Организации и структуры, создаваемые для них феминистками и большевиками, выступили структурной основой их деятельности. Женское пролетарское движение зародилось в результате осмысления работницами столиц и крупных промышленных центров собственных внутриклассовых женских проблем и интересов. Изменения в самоосознании, в данном случае политически активных работниц, — точка отсчета пролетарского женского движения. Самоосознание работницами своей коллективной женской идентичности произошло на подходе к 1917 году под влиянием феминисток и благодаря целенаправленной работе женских и феминистских организаций. Этот период предшествовал становлению женского рабочего движения, являлся его нулевой фазой. Только в 1917 году начались самостоятельные действия женского пролетариата как отдельной социальной группы в столицах, которые продолжились в 1920 годы по всей стране на основе женсоветов как организационных структур.

В основе данной работы лежит утверждение, что женское движение первого этапа 1858–1905 годов носило «общий» или «ненаправленный» характер, а второго этапа 1905–1918 годов — «специфический» характер.

Под «общим» движением Г. Блумер понимает движение, которое представляет собой некоординированные усилия многих людей, объединенных только общей направленностью. Такие движения по сути являются длительным процессом постепенного изменения ценностей общества и формирования новых систем ценностей. С одной стороны, эти движения отражают

тенденцию общих социальных изменений, а с другой — сами влияют на эти изменения через постепенное и постоянное воздействие на культуру, формируя новые ценности, потребности и нормы общества.

Представления о существующих проблемах женщин и о перспективах их решения на первом этапе движения были смутны и интуитивны. Постановка проблем происходила в ходе деятельности — практика решения одной проблемы обнаруживала другие. Цели движения выкристаллизовывались постепенно. Так как представления о будущем были не определены, то и идеологически они не обосновывались. Именно такой «ползучей» формой развития движения объясняется отсутствие идеологии на этом этапе.

Поэтому, если под идеологией движения понимать концептуально организованную систему представлений, ценностей, идей, которые описывают и интерпретируют социальную действительность с точки зрения определенной социальной группы, слоя, класса, описывают ожидаемое будущее, то ее не было. Говорить о формировании идеологии ранее 1890-х годов нет оснований.

Идеология создает общую культуру движения, в рамках которой формируется и развивается движение, и наряду с эмерджентными нормами, ценностями формирует коллективную идентичность участников движения, консолидирует недовольство, побуждает к действиям и тем самым является фактором существования движения[34]. Если общественное движение — социальный субъект, конструктивная движущая сила социальных изменений, исторического развития, то его идеология — руководство к действию и инструмент социальных преобразований. Поэтому можно понять критиков женского движения, которые интерпретировали факт отсутствия идеологии на начальном этапе его развития, как признак незрелости, слабости и «необоснованности» женского движения как такового. Тем более что развивалось оно на фоне и во взаимодействии с двумя массовыми освободительными общественными движениями России: либеральным и радикальным (революционно-демократическим, социал-демократическим), которые ориентировались на коренные изменения всей социальной системы страны и носили ярко выраженный идеологизированный характер.

Но, с другой стороны, говорить о полном отсутствии идеологической составляющей движения на первом этапе тоже было бы не верно. Исторический материал неуклонно демонстрирует факт присутствия и развития идей о «равноправности» женщин, а также то, что эти идеи реально являлись ресурсом движения, фактором его развития, условием и каналом рекрутирования новых участников и приверженцев. Здесь на помощь пришла идея теоретиков традиционного подхода (H. Blumer, N. Smelser и др.) о том, что в основе идеологии движения лежат генерализированные верования эпохи, которые рассматриваются как тип «мягкой» идеологии.

Таким образом, деятельность первых женских организаций в России в 1859–1861 годах основывалась на генерализированных верованиях, формировавшихся идеях либерализма, которые в дальнейшем послужили базой для оформления идеологии, собственно, женского движения.

Женское движение первого этапа 1858–1905 годов изменило культуру общества, были пересмотрены нормы, предпочтения, допущения в отношении женщин, сформировалась новая система ценностей, то есть был создан тот культурный контекст и организационный ресурс (сеть женских организаций), которые позволили сформироваться специфическому женскому движению — феминизму.

Второй этап движения 1905–1918 годов — феминистский — являет собой специфическое движение. Под «специфическим» движением понимается движение, имеющее конкретную, четко сформулированную цель, для достижения которой создаются специальные организации со структурой ролей, норм и правил.

Ситуация в стране сильно изменилась. Если на первом этапе развития движения — до принятия избирательного закона 1905 года, — женское движение было одинаково не легитимным в ряду с другими социальными движениями, то после принятия избирательного закона оно автоматически стало аутсайдером на политической арене, осталось за пределами институциональной политики. Новая ситуация определила новые цели.

Таким образом, основным принципом периодизации движения определен принцип формирования новых структурных макроусловий генезиса движения, которые выступают внешними факторами, возможностями, ресурсами движения и которые повлекли за собой формирование идеологии и усиление ее роли.

Требования гражданских прав и свобод в отношении женщин как социальной группы не были поставлены либеральной общественностью в свою повестку дня и соответственно не были реализованы при первых победах. Активистки движения расстались с иллюзиями по поводу того, что «женское освобождение» произойдет автоматически в результате демократизации общества, без самостоятельной, «сепаративной» женской активности. Поэтому с 1905 года женское движение начинает новый этап своего развития — оно пытается вписаться в политический процесс. Именно на этом этапе началась активная разработка идеологии движения, целенаправленное внедрение ее в массовое сознание. Движение приобретает специфический конкретный характер с четко сформулированными целями, для достижения которых были созданы новые организации (Союз равноправности женщин, Лига равноправия женщин, Женская прогрессивная партия, Общество защиты прав женщин и др.), а старые организации пересмотрели свои цели, изменили свою организационную структуру (Русское женское взаимно-благотворительное общество).

Женские организации изменили свой репертуар коллективных действий. Он обогатился такими формами деятельности, как контакты с партиями, депутатскими фракциями Государственной Думы, предоставление законопроектов, экспертиза принимаемых законов, акции консолидации женских организаций и т. д. При этом поиск союзников шел по всему спектру, по всей

партийной палитре: от левого фланга до центра, от радикальных партий до либеральных. Это было возможно потому, что базовые установки движения, декларируемые идеалы, цели и требования совпадали с реформаторскими идеологиями партий, с установками широкой российской общественности.

В обосновании использования терминов «женское движение», «феминистское движение» и обосновании перехода от одного к другому встает вопрос о различиях между ними. В современной литературе они часто используются как синонимы, но в исторической ретроспективе — это разные вещи.

Определение датской исследовательницы Д. Дахлерап (D. Dahlerup), что женское движение — «коллективная деятельность женщин для улучшения положения женщин и изменения мужской доминации в обществе»[35] представляется исторически корректным. Анализ развития идеологии движения, корреляция ее с этапами движения, позволяет сделать вывод, что в зависимости от того, осмысляется ли теоретически вопрос о существующей гендерной системе или нет, служит главным его определением как женского или феминистского. В зависимости от того, ставит ли движение под сомнение существующую гендерную систему общества, его можно определить как женское движение или как феминистское[36]. Если движение ориентировано на изменение гендерных отношений, имеет свою идеологию, основанную на феминистской теории, — это феминистское движение. Если движение действует, исходя из существующих гендерных ролей, то оно женское.

3. Российское женское движение в отечественной и зарубежной историографии

Отечественная историография

Исторический анализ женского движения России имеет свою отечественную историографию, которая представлена работами дореволюционного, советского и российского периодов.

Кроме того, в отечественной историографии существует еще огромный корпус работ по так называемому «женскому вопросу». Сложность состоит в том, что понятие «женский вопрос» часто использовалось как синоним женского движения (несмотря на то что «вопрос» сущностно отличен от «движения»), а сам термин «женский вопрос» к тому же на рубеже XIX–XX веков был переосмыслен и имеет разные коннотации в разных политических доктринах (либеральной и марксисткой).

Помимо двух вышеупомянутых терминов, отражающих процесс освобождения женщин, в исторической науке также активно используется термин «эмансипация женщин».

Основные термины

«Женский вопрос». Впервые общественное осмысление изменений в сознании и поведении женщин и социальных проблем, связанных с ними, появилось в России в 1830–1840 годах. Женская тема, женский вопрос насыщались разным содержанием: от требования «свободы женского сердца» в духе Жорж Санд, проблем женского воспитания и образования до осознания социальной значимости женщин для общества. Давление правительства на интеллигенцию, удушение интеллектуальных течений в конце 1840-х годов приостановили развитие мысли в отношении женской проблематики. Вновь тема стала актуальной в общественной жизни Российской империи под воздействием модернизационных процессов в предреформенные годы и получила устойчивое название «женский вопрос». «Вопросом» она была названа по обычной в XIX веке манере обозначать так любую социально значимую проблему. 1860-е годы были временем вопросов — крестьянского, квартирного, студенческого и др. «Женский вопрос» занял свое законное место в их ряду.

Первое осмысление «женского вопроса» происходило в узких кругах мужской интеллектуальной элиты и развивалось в русле идеи «бесправия женщин» и необходимости оказания «помощи женщинам». Представители литературных, научных кругов пытались определить место женщины в обществе и шире — в цивилизационном процессе.

Женщина в «женском вопросе» мыслилась как объект мужского воздействия: «Особенности женской природы требуют самого внимательного изучения, которые должно отделить от <...> исторически образовавшихся свойств и [выделить] черты женского характера, доступные изменению под влиянием правильного воспитания. *Женский вопрос* и состоит в разрешении этой задачи, потому что стремление достигнуть *тождества* в воспитании и правах женщины и мужчины есть нелепость, а современное положение женщины представляет много неудобств» (курсив Гольцева)[37].

Поэтому вопрос о субъекте (акторе) действий в решении «женского вопроса» не ставился. По мысли современников ими могли быть только образованные и демократически настроенные мужчины, осмыслявшие эту проблему и воздействующие на женщин. Их окрестили «печальниками женской доли». Сами женщины не мыслились акторами своего женского дела, да и не могли быть его зачинателями в силу ограниченного образования, отсутствия доступа к новым знаниям и книгам, отсутствия социального опыта. Поэтому нет ничего удивительного в первом «мужском призыве» в «женский вопрос», который в отечественной историографии рассматривается как некая специфика российского женского движения и который дал повод исследователям сделать вывод, что у истоков женского движения в России стояли мужчины[38]. В Европе шел тот же процесс.

Пути решения вопроса были определены как воспитание и образование женщин, расширение их общественных интересов.

В начале XX века термин «женский вопрос» был переосмыслен в российском общественно-политическом и научном дискурсе. Марксисты подошли к «женскому вопросу» с классовых позиций. В марксистской мысли он стал рассматриваться как «результат противоречий, созданных капитализмом, противоречий между ростом числа женщин, втянутых в народное хозяйство, и отсутствием их равноправности в обществе, в браке, в государстве»[39].

С марксистских позиций «женский вопрос» — вопрос вторичный, который не только не значим для процесса социальных изменений, но и вообще не существует отдельно от классовых отношений: «отдельного, самостоятельного женского вопроса не существует; противоречие, которое при буржуазном строе угнетает женщину, является частью великой социальной проблемы борьбы труда и капитала», писала А. М. Коллонтай[40].

Вопрос об акторе, то есть о том, кто будет решать «женский вопрос» в такой постановке «вопроса», также представлялся очевидным. Им определялся пролетариат как самый прогрессивный класс, каковым он был, согласно марксистской теории, в силу специфики своего положения в социальной структуре общества. Вопрос о путях решения «женского вопроса» не ставился. Считалась, что при установлении социалистического строя он решится автоматически и будут созданы «такие социально-бытовые условия, при которых они (массы женщин) могут сочетать счастливое материнство с активным творческим участием в общественном труде, во всех сферах общественной жизни»[41].

Таким образом, в марксистской парадигме понятие «женский вопрос» насыщалось принципиально иным содержанием, чем это было на заре его возникновения. Он понимался, прежде всего, как вовлечение женщин в политическую (т. е. революционную) борьбу, трудовую деятельность и в дальнейшем разрабатывался как «часть вопроса об условиях победы социалистической революции и построения коммунистического общества»[42].

Но что было общим с предыдущей трактовкой «женского вопроса», так это объективизация женщин. Женщины все так же рассматривались как объект воздействия. С марксистских позиций ведущей силой общества был пролетариат, руководимый пролетарской партией, и обе эти социальные институции — класс и партия — рассматривались вне гендерных категорий.

На рубеже XIX–XX веков категория «класс» для социально-политической мысли была очень значимой, чего нельзя сказать о категории «пол». Но если либералы признавали право женщин на организованные действия в защиту своих интересов, рассматривая женское движение как одну из составляющих общедемократического наступления на самодержавную власть, то социал-демократы постулировали в качестве единственного двигателя прогресса классовую борьбу пролетариата во главе со своей партией.

Активность женщин в рамках женского и феминистского движений, которые набирали силу в России вслед за Америкой и Европой, постановка в повестку дня общественности проблем женщин как дискриминируемой большой социальной группы демонстрировала появление на политической арене

новой силы. Тем самым прогрессивная, преобразующая роль пролетариата, объясняемая его угнетенным состоянием и положением в структуре общества, переставала быть единственной и исключительной. Вот почему российские социал-демократы, особенно большевики, так отрицательно относились к женскому движению, и особенно к феминизму, как идеологически оснащенному движению. В любой сепаративной женской активности им мерещился призрак феминизма, который «бродил» не только по Европе и Америке и теоретически обосновывал новый социальный конфликт, но забрел и в Россию. Именно поэтому российские социал-демократы декларировали равноправность женщин в рабочем движении. Это была попытка снять актуальность пресловутого «женского вопроса». Так, Н. К. Крупская писала по этому поводу: «В России и речи не может быть о выделении женщин в особые женские организации. Не таковы у нас традиции <...> Работница рассматривается как полноправный член и партийных, и профессиональных, и всяких других рабочих организаций»[43]. На деле, конечно, это было не так.

В России, как и в любой другой стране, идущей по пути модернизации и демократизации, шел процесс переосмысления и переконструирования социальных отношений по признаку пола и появились причины, вызвавшие женское движение и феминизм.

Женское движение. Главное отличие «женского вопроса» от женского движения заключается в том, кто является актором социальных действий в решении проблем женщин. Вопрос об этом встал с момента зарождения первых женских организаций. Начиная с середины XIX века, все громче звучала мысль о принципиальной самостоятельности женщин в деле отстаивания своих прав, которая нашла отражение в работах многих активисток, участниц движения и просто профессионально работающих женщин.

Так, М. Вернадская написала в 1858 году: «Напрасно женщины стали бы ждать, чтобы мужчины устроили им положение в обществе. Этого никогда не может быть, потому что до тех пор, пока женщины не в состоянии будут сами о себе заботиться, они будут не более, как дети, а известное дело, дети должны повиноваться старшим, т. е. тем, кто поумнее да посильнее. Не пора ли же занять своим трудом то положение в обществе, которого они достойны?»[44]

Для людей XIX века — участниц и свидетелей становления женского движения — оно мыслилось как решение усилиями женщин «женского вопроса», что соединяло эти понятия воедино. Так, одна из пионерок движения А. П. Философова в начале XX века ставила в один ряд, исходя из логики решения «женского вопроса», не только понятия «женский вопрос» и «женское движение», но и «феминизм». Она писала: «Так называемое женское дело, женское движение, женский вопрос и феминизм, встречают у нас до сих пор очень часто недоразумения <...> Но наряду с этим женский вопрос есть вопрос о сотрудничестве женщин с мужчинами в деле развития <...> культуры»[45]. Так же рассуждали и другие участницы движения[46].

Вопрос, что есть женское движение, — вопрос теоретического порядка, но он имел практическую значимость и потому осмысливался и разрабатывался участницами женского движения и учеными того времени.

В целом движение понималось как некие целенаправленные действия женщин, самостоятельно организовавшихся в разного рода женские общества, для решения «женского вопроса», т. е. неких экономических, политических и культурных проблем женщин.

Смысловое ударение ставилось на самостоятельности женщин, «самочинности», по выражению историка А. А. Корнилова[47], женских организаций, созданных для борьбы за свои права. Известная деятельница женского движения А. Н. Шабанова определяла женское движение как «инициативную деятельность женщин по *самоорганизации* в общества, союзы и клубы для борьбы за свои права»[48]. Другая деятельница российского движения, Е. Н. Щепкина, под движением понимала многообразие женских организаций, *созданных женщинами* для «расширения своих прав на образование, на труд, на большие заработки, на получение права голоса в местном самоуправлении и при выборе депутатов в палаты народных представителей»[49]. Известный социолог В. М. Хвостов, писал, что целью *самоорганизации* женщин должна стать борьба против «всех тех стеснений, которыми в настоящее время опутана женская личность», и представлений о «природной неполноценности женщин»[50].

Таким образом, в определении целей движения, путей их достижения допускались вариации, но под акторами движения всегда рассматривались сами женщины. К началу XX века участницы движения сформулировали практически современные представления о женском движении как общественном.

Эмансипация женщин. Еще одним синонимом женского движения являлся термин «эмансипация женщин». Эмансипация (лат. emancipatio) у Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона трактуется как «правомерное освобождение лица от юридической зависимости, предоставление неполноправному лицу полной юридической правоспособности; освобождение группы населения от некоторых ограничений в правах, сравнительно с прочими гражданами»[51]. Или, выражаясь современным языком, это процесс освобождения какой-либо социальной группы или класса, находящихся в зависимом положении по отношению к другим социальным группам, классам.

В первой половине XIX века — до начала 1860-х годов самым популярным и актуальным был термин «эмансипация крестьян». Термин «эмансипация женщин» «появился в середине XIX века и изначально обозначал движение женщин за освобождение от зависимости и/или угнетения, отмену ограничений по признаку пола, стремление к правовому равенству полов. <...> Эти процессы сопровождались оформлением женского движения как социального»[52].

Важно различать внешнюю эмансипацию — создание правового обеспечения свободы волеизъявления и выбора личности и внутреннюю эмансипацию — готовность личности принять эту свободу.

Особенности изучения женского движения в отечественной историографии

В советской историографии понятия «женский вопрос» и «женское движение» тоже часто выступали как синонимы. Но здесь это происходило в развитии марксисткой интерпретации «женского вопроса» и отрицания женского движения как субъекта социального действия. Исторически это был результат политической борьбы в начале XX века и господства марксизма в качестве «единственно верной теории» и единственной методологии в советской науке.

Методология изучения женского движения была заложена трудами А. М. Коллонтай, которая долгое время единственная из российских марксистов работала над этой темой. Тезис Коллонтай, что «женский мир, как и мир мужской, разделен на два лагеря <...> буржуазный и пролетарский»[53] показал путь применения марксисткой теории к феномену женского движения и феминизма. «Родовыми пятнами» марксистского подхода выступают утверждения политической несамостоятельности женского движения, отрицание его значимости (уже в силу только того, что оно носило либеральный характер), отрицание существования в России феминистского движения и утверждение в противовес тезиса о существовании женского пролетарского движения.

Подходы к изучению темы

Общая методологическая непроработанность темы социальных движений в отечественной науке определила ряд проблем в исследовании женского движения.

Тема общественных движений в советской науке на теоретическом уровне не разрабатывалась, и историки избегали давать определения женского движения в своих работах. Поэтому одной из особенностей и проблем историографии женского движения России в отечественной науке выступает «непрописанность», размытость базовых понятий темы, таких как «общественное движение», «женское движение», «женский вопрос», «феминизм», «суфражизм».

В качестве теоретического подхода в советской науке использован прием рассмотрения женского движения в широком и узком смыслах. В широком смысле под движением понималось любое политическое участие женщин, и прежде всего участие в освободительном движении. В узком — деятельность женщин в самодеятельных женских организациях, вызванная особенностями их экономического и политического положения. Так, Большая Советская энциклопедия определяла женское движение как «борьбу женщин за уравнение прав с мужчинами в экономической, общественно-политической и культурной областях, а также их участие в общеполитической борьбе»[54].

Часть исследователей, расширительно трактовавших женское движение, маркировали любую общественно-политическую деятельность женщин как участие в женском движении. И тогда становились возможным выводы, что

«в 1870-е годы не существовало какого-либо иного женского движения, кроме народнического»[55]. Все, чем занимались женщины в сфере политической — будь то работа в революционных и либеральных партиях, проведение специфических женских акций протеста, издание женских журналов, организация женских обществ и т. д., — все объявлялось женским движением. Тем самым стирался феномен женского общественного движения как женского. Широкое прочтение ключевого для темы термина при условии, что авторы не давали определения движению, вносило путаницу и делало работы по теме несопоставимыми и даже противоречащими друг другу.

Расширительное толкование феномена женского движения влекло за собой снижение его политической значимости и утверждение его политической несамостоятельности. Начиная с работ А. М. Коллонтай, либеральное женское движение определялось как движение, находящееся под идейным и организационным руководством кадетской партии, хотя на деле оно появилось на полвека раньше самой кадетской партии.

Кроме того, расширительное толкование женского движения использовалось в советское время в разного рода партийных, правительственных документах, было представлено в официальных изданиях. Большая Советская энциклопедия определила задачи женского движения после установления Советской власти как «всемерное содействие строительству социализма, защита социалистического отечества, вовлечение всех женщин в активную политическую и общественную деятельность»[56].

Те исследователи, которые рассматривали движение в узком смысле, т. е. изучали, собственно, женское движение, были поставлены в рамки классовой схемы анализа, выделявшего в нем два направления — буржуазное и пролетарское. Первые советские исследователи определяли участниц либерального женского движения и феминизма как представительниц буржуазии, что было заведомым и грубым упрощением. Затем, жонглируя тезисом о «буржуазности женского движения», они доказывали его незначимость для российского социума[57].

Исследователи позднесоветсткого времени отошли от подобной жесткой классовой интерпретации женского движения и избегали называть участниц движения буржуазками. В единичных монографиях, исследующих тему движения, они рассматривали его либо с позиций «женского вопроса»[58], либо вписывали составляющей частью в освободительное движение[59]. И та и другая постановка исследовательской проблемы правомерна, но не ставит объектом своего анализа, собственно, женское движение.

В советской науке была предпринята попытка рассмотреть женское движение как некий целостный социальный феномен через деятельность его организаций. З. В. Гришина — одна из немногих исследователей советского времени, которая в своем диссертационном исследовании «Женские организации в России. 1905 — февраль-март 1917»[60], сделала попытку теоретически обосновать значимость либерального женского движения для про-

цесса социальных изменений. Она определила движение как «общественную деятельность женщин, вызванную особенностями их экономического, гражданского и политического положения. Наиболее полное отражение оно находит в деятельности организаций, созданных с целью борьбы за улучшение этого положения»[61]. К сожалению, диссертационное исследование Гришиной не было издано в виде монографии. В дальнейшей своей работе Гришина рассматривала женское движение именно как общественное движение, т. е. как конфликтное взаимодействие женщин и власти[62].

В отношении изучения феминизма можно сказать только одно: ни как движенческая практика, ни как теория, ни как идеология движения в советское время не исследовалось совсем. В ранней советской историографии русский феминизм упоминался только в контексте борьбы партии большевиков за вовлечение работниц в революционное движение и рассматривался как буржуазное движение женщин, стремящихся к обособленной борьбе женщин за их равноправие с мужчинами при сохранении капиталистического строя[63]. Этот тезис — результат политической борьбы, не имеющий к науке никакого отношения.

В позднесоветское время русский феминизм также стал жертвой идеологических установок. Он определялся как антимужское движение, не характерное для России[64]. Симптоматично, что российское движение женщин рубежа XIX–XX веков в этих исследованиях определяли как «женское» движение, а развивающееся параллельно и одновременно движение женщин в западных странах как «феминистское». При этом движения были аналогичны по своим целями, типам организаций, социальному составу участниц, коллективным действиям и т. д. Это неудивительно: господствующая идеология определяла выводы.

В постсоветское время произошло переосмысление теоретических основ изучения женского движения. Появились работы монографического характера, написанные с применением разных теоретических подходов, в том числе гендерного, и теорий таких социальных наук, как политология, социология общественных движений. Ушел в прошлое идеологический диктат. В результате изменились не только подходы к исследованию движения, но и отношение к нему, оценка его результатов.

Первая монография постсоветского времени о женском движении России первой волны (сер. XIX — нач. XX вв.) принадлежит О. А. Хасбулатовой[65] и написана с позиций историко-политологического анализа. Затем последовали книги С. Г. Айвазовой[66], О. А. Хасбулатовой и Н. Б. Гафизовой[67]. В этих исследованиях положение женщин в российском обществе описывается в терминах дискриминации, факт существования женского движения признается закономерным и важным для развития гражданского общества и становления демократического государства. Женское движение рассматривается как противостояние власти и женщин в лице женских организаций, а сами организации как оргструктура движения.

В этих работах даются определения женского движения. Это — «совокупность многих женских организаций, групп и объединений с фиксированным и нефиксированным членством, которые активно действуют в обществе с целью удовлетворения какого-либо материального, социального, политического, духовного или иного интереса, корректировки государственной политики с целью достижения гендерного равенства — фактического равноправия женщин и мужчин в различных сферах общественной жизни»[68]; «особая форма политического и социального действия, направленного на принципиальные изменения в традиционных отношениях власти — на политическую модернизацию общества»[69].

Ушло в прошлое отрицательное отношение к феминизму и отрицание его существования в России. В работах С. Г. Айвазовой было положено начало изучению русского феминизма. Она рассматривает феминизм и как концептуальное обоснование женского движения, и как философию и идеологию «даже не столько собственно женского равноправия, сколько освобождения личности из-под репрессивной власти рода, отделения, автономизации индивида от родового начала»[70].

Периодизация женского движения

Вопрос о периодизации женского движения России всегда был важен для историков при анализе движения. На эту тему размышляли авторы рубежа XIX–XX веков, советского времени, современные российские исследователи.

«Биографы» движения XIX и начала XX века брали за основу периодизации либо значимые события из истории движения, либо создание тех или иных женских организаций. Например, Союза равноправности женщин, как нового типа политической организации женщин. Но так или иначе все они сходились во мнении, что движение стартовало в конце 1850 — начале 1860-х годов.

В работах советского времени ряд авторов (Э. А. Павлюченко, С. Н. Сердитова, Г. А. Тишкин) определяют периоды движения, исходя из целей последнего — высшее образование, избирательное право, участие в революционной деятельности. Кроме того, в трудах А. М. Коллонтай, И. Ф. Арманд, С. Н. Сердитовой выделен этап становления рабочего женского движения[71].

З. В. Гришина в своем диссертационном исследовании связала этапы развития движения с событиями макроуровня и получила следующую картину: с 1850–1860-х годов по 1905 год — начальный этап движения, постановка «женского вопроса»; 1905–1907 годы — становление политического характера движения; 1907–1914 годы — женское движение периода Столыпинской реакции и начала нового революционного подъема; 1914–1917 годы — женское движение во время Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции[72].

В диссертационной работе Е. П. Хмеляускене выделены два этапа женского движения: 1861–1905 годы — этап становления и 1905–1917 годы — этап политизации и расширения социальной базы движения[73].

О. А. Хасбулатова первым этапом — этапом становления женского движения — определила 1859–1894 годы, вторым этапом — этапом политизации и изменения инфраструктуры общества — 1895–1917 годы[74].

С. Г. Айвазова рассматривает российское женское движение более масштабно, выходя за рамки первой волны. Она выделяет три этапа отечественного женского движения, которые коррелируют с глобальными событиями в истории нашей страны.

Первый этап — 1861–1917 годы — развитие движения в условиях либерально-демократической модернизации; второй этап — 1917–1985 годы — движение в условиях социалистического строительства; третий этап — 1990-е годы — движение времен перехода к рыночной экономике и демократическому правовому государству[75].

В предлагаемой работе в основу периодизации женского движения также положена идея о том, что генезис движения напрямую связан с изменениями структурных макроусловий. Другими словами, изменения социально-экономических, политических, организационных возможностей общества (т. е. внешних факторов макроуровня), которые являются одновременно и ресурсами движения, есть важнейший фактор, позволяющий сформироваться общественному движению. Так, события 1860-х годов определили одни цели, направленность, тип организаций, коллективных действий и лидерства в женском движении. Введение избирательного права, создание русского парламента в виде Государственной Думы потребовало других действий, лидеров, идеологии, обосновывающей претензии женщин на политические права.

Внешние ресурсы движения рассматриваются на двух уровнях: макроуровень (политические и общесоциальные условия, которые формируют принципиальные возможности появления общественного движения в конкретной исторической ситуации) и мезоуровень (социальные институты, отношения на уровне социальных групп).

Другая идея, положенная в основу периодизации, — женское движение и феминизм два неразрывно связанных между собой этапа одного движения. Феминизм вырос из женского движения, переосмыслив опыт женского движения и теоретически обосновав наличие интересов женщин как большой социальной группы и их дискриминации по признаку пола.

Поэтому первый этап движения женщин приходится на 1858–1905 годы. Он определен как этап женского движения. Его суть состояла в попытке улучшить положение женщин в традиционном российском обществе, найти возможности для развития личности женщины, ее самореализации. Гендерная система общества не ставилась под сомнение, проблемы женщин не осмыслялись с теоретических позиций, идеология движения отсутствовала — в ней еще не было нужды.

1858 год — год встречи основательниц российского женского движения, время первых разговоров, обсуждений проблем женского участия в делах общественности и инициирования первой самодеятельной женской органи-

зации. Заканчивается первый этап движения в 1905 году с принятием избирательного закона, который нарушил баланс гендерного бесправия российского населения и сделал женщин аутсайдерами институциональной политики. Макроусловия развития движения изменились, и это привело к принципиальным изменениям в движении.

Второй этап движения — феминистский. Он стартовал в 1905 году и завершился в 1918. Начиная с 1905 года, цели движения были пересмотрены и поставлены узко и конкретно. Деятельность активисток женского движения по достижению целей движения заставила их усомниться в справедливости социальной организации общества. В конце XIX века в речах и статьях участниц движения зазвучали идеи, которые с полным правом можно назвать феминистскими — другими словами, начала формироваться феминистская теория и идеология движения. 1905 год дал новые аргументы к развитию теории и идеологии феминизма. В этот год появилась первая женская организация с политическими целями. Изменился репертуар коллективных действий. Эти изменения были вызваны к жизни процессами демократизации российского общества, появлением новых внешних ресурсов, которые выразились в открытии новых политических возможностей, таких как введение избирательного права, изменение масштаба политических отношений, появление новых политических структур. 1918 год — конец второго этапа. Политические условия опять изменились. Женские организации самораспустились или были закрыты властью. Это произошло повсеместно по стране — и в голодном и замерзающем Петрограде, и в Москве, и в провинции.

В новых политических и экономических условиях женское движение, используя идеи, традиции, опыт дореволюционного женского движения и феминизма, проявилось в виде советского феминизма. Несмотря на изменение социального состава участниц нового советского женского движения и советского феминизма, оно — продолжение в других условиях функционирования дореволюционного движения женщин первой волны.

В 1930 году первая волна русского советского женского и феминистского движений закончилась. Движение завершило цикл своего развития. Это произошло не потому, что оно решило поставленные задачи, исчерпало свой интеллектуальный, организационный, лидерский потенциал, а потому, что его цели и цели власти диаметрально разошлись, и оно было принудительно ликвидировано «сверху».

Для отечественной историографии характерно исследование политической, социально-экономической, культурной ситуации в стране, т. е., выражаясь социологическим языком, изучение внешних факторов макроуровня развития движения. Факторы среднего и индивидуального уровня не выстраивались или выстраивались фрагментарно, как дополнение. Поэтому организационные возможности движения, его идеология и символика, мотивы, функции, роли участниц движения и др., то есть позиции, важные для анализа движений с позиций социологии общественных движений, упуска-

лись. Таким образом, ряд тем и проблем движения, необходимых для понимания феномена общественного движения, не нашел освещения в отечественной историографии.

В работах последних лет этот пробел ликвидируется. С. Г. Айвазова изучает идеи русского феминизма, развитие в России темы прав женщин и их «освоения» в процессе модернизации страны[76]. О. А. Хасбулатова в своей работе обращает внимание на устойчивые представления, культурные нормы, бытовавшие в отношении женщин в российском социуме в XIX веке, и их значение для движения[77]. Н. Б. Гафизова разрабатывает тему взаимодействия россиянок с международными женскими организациями и установлением контактов российского женского движения с международным. М. В. Рабжаева рассматривает процесс женской эмансипации сквозь призму гендерного конструирования и тем самым освещает латентный период женского движения[78].

В отечественной историографии зафиксирован факт существования женского пролетарского движения. Традиция ведет свое начало с трудов А. М. Коллонтай. Именно она реализовала в своих работах бытовавший среди социал-демократов в конце XIX — начале XX веков тезис о буржуазном и пролетарском женском движении. Первое, по ее мнению, объединяло «буржуазок», под которыми понимались женщины всех непролетарских слоев общества. Второе объединяло работниц.

Возможно, в Германии и Финляндии существовало реальное пролетарское женское движение, но которое ссылалась А. М. Коллонтай. Но в России не было самостоятельных женских рабочих организаций и соответственно женского рабочего движения. Коллонтай определила своей политической задачей создание женского пролетарского движения. И хотя она положила немало сил и времени на осуществление этой идеи, сделать ей этого, разумеется, не удалось. Те работницы, которых она подготовила для участия в Первом Всероссийском женском съезде, или те, которые вошли в созданное ею Общество взаимопомощи работниц, не являлись представительницами и выразительницами интересов широких масс российских работниц как особой социальной группы. Любое движение предполагает формирование коллективной идентичности, определение интересов своей группы, самодеятельности в создании организаций (оргструктуры движения) и акций, выработку идеологии движения, взращивание «своих» лидеров. Один человек не в состоянии «раскачать», организовать и повлиять на самоопределение такой большой и инертной социальной группы, какой были женщины-работницы в начале XX века в России. Работа А. М. Коллонтай была лишь первым шагом российских марксистов навстречу работницам и первым шагом в осмыслении интересов пролетарок как специфической социальной группы.

Деятельность А. М. Коллонтай — политическая работа активистки социал-демократического движения. В 1905 году она обеспокоилась активизацией феминисток и установлением контактов между работницами и равноправками и попыталась отсечь работниц от конкурирующей политической силы в

виде русского феминизма, мотивируя свои действия желанием не допустить «распыление рабочего класса по половому признаку». Коллонтай предложила социал-демократам создавать женские рабочие внутрипартийные группы, но была подвергнута критике за феминизм. Но ее это не остановило, и в 1907 году она инициировала первую женскую рабочую организацию — Общество взаимопомощи работниц (Петербургский клуб работниц), что позднее позволило историкам и политикам говорить о появлении в России женского пролетарского движения в начале XX века. Впрочем, сама А. М. Коллонтай начинала его отсчет с участия женщин в первых рабочих забастовках в начале 1870-х годов[79].

Таким образом, существующему либеральному женскому движению, феминизму, Коллонтай противопоставила пока еще не существующее женское рабочее движение. В подтверждение этого тезиса выступает факт отсутствия самостоятельных женских рабочих организаций, т. е. оргструктуры движения. Деятельность равноправок А. М. Коллонтай оценивала, мягко говоря, с изрядной долей негативизма[80]. Р. Стайтс заметил, и с ним нельзя не согласиться, что Коллонтай намеренно искажала факты при описании деятельности русских феминисток[81].

Сложностей с интерпретацией рабочего женского движения в отечественной историографии было много. От партийной установки об отсутствии причин для его возникновения до деклараций о его существовании. От рассмотрения его как «женской стороны» рабочего движения без собственной структуры с объяснением, что у работниц нет «специфических женских задач <...>, специфических интересов, отличающихся от интересов всего пролетариата» (Коллонтай)[82], до признания необходимости сепаратных женских пролетарских организаций как «дополнительных» к общим рабочим организациям и наделение их функциями «пропаганды и агитации» (Крупская)[83]. От определения их цели как борьбы в рядах пролетариата за всеобщее освобождение до постановки перед ними двух целей — совместной борьбы с мужчинами за освобождения своего класса и «против угнетения женщин в обществе» (Коллонтай)[84].

В данной работе утверждается, что женское рабочее движение появилось в России только в 1917 году, когда произошло формирование коллективной идентичности работниц крупных городов, их самоидентификация как особой социальной группы; когда они выступили в защиту интересов собственной социальной группы, т. е. предприняли первые самостоятельные акции. В качестве оргструктуры женского рабочего движения выступили организации, созданные для работниц феминистками и социалистами. В основу идеологии этого движения легли феминистские и марксистские тезисы. Предметное изучение женского рабочего движения еще ждет своего часа и своего исследователя. По моему мнению, его начало приходится на 1917 год, а окончание на 1930-й, когда были упразднены женсоветы, которые составляли оргструктуру движения.

Что касается вопроса о результативности движения, то советские исследования утверждали важность женского пролетарского движения в классовой борьбе пролетариата и оценивали вклад пролетарок очень высоко. Женское либеральное движение оценивалось либо как не сыгравшее значимой роли в развитии российского общества, либо как оказавшее усиливающееся воздействие на развитие революционного процесса в России. В работах последних лет этот вывод пересмотрен. Движение оценивается как субъект социального прогресса[85], как ресурс модернизации России[86].

Исходя из всего вышесказанного следует, что наличие довольно обширной историографии не означает изученности феномена женского движения первой волны в отечественной науке. Исторические исследования, посвященные «женскому вопросу», отдельным проблемам или периодам движения не давали целостного представления о женском движении России на всем протяжении его существования. Эти исследования не анализировали проблемы, выдвигаемые движением в терминах движения, т. е. в плоскости специфического взаимодействия между властью и женщинами как представительницами особой социальной группы.

Это связано с традицией рассмотрения общественных движений с позиций марксистской парадигмы. Подобный подход не позволял осмыслить разнообразие форм протекания общественных движений и приводил к описанию движений как явлений однозначных, определенных и заданных. В отношении женского движения ситуация складывается еще более драматично. Понятие класса плохо сочетается с категорией гендера: классовый подход отрицает обоснованность существования женского движения как такового и его влияние на процесс социальных изменений. Именно этим и объясняется невысокая степень изученности и обобщения российского женского движения первой волны в советской историографии, и особенно российского феминизма как составляющей его части.

В последние годы, как уже говорилось, появились работы обобщающего характера с опорой на методологию смежных социальных наук, которые отошли от марксистского анализа и представили женское движение в ином свете. Данная работа написана в продолжение этой традиции.

Зарубежная историография

Нужно признать, что более разнообразная и обширная историография женского движения России создана в западной науке. Зарубежные исследователи не были ограничены рамками «единственно верной» теории и методологии. Не связанные идеологическими установками, имеющие возможность использовать разное теоретическое обеспечение для изучения такого сложного социального объекта, как движение, они многое сделали в изучении темы.

Классикой жанра стала монография Р. Стайтса «Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930»[87]. На русском языке книга издана в 2004 году.

Монография Р. Стайтса написана на беспрецедентно большом и не вовлеченном в то время в научный оборот корпусе источников. Книга интересна по замыслу и по структуре, ее отличает высокое качество обобщения исторического материала. Результативность женского, феминистского движения оценивается автором высоко. Анализ движения в длительной временной перспективе позволил Р. Стайтсу увидеть глубинные изменения российского общества в отношении женщин и роль женского движения в этих социальных изменениях.

Разные аспекты либерального женского движения освещены в работах Б. Петров-Эннкер[88], Р. (Голдберг) Ратчилд[89], Р. Стайтса[90], Б. А. Энгел[91], Н. Нунан[92], Ц. Уиттейкер[93]. Проблемам работниц и их прихода в общественные движения (рабочее и феминистское) посвящены исследования Р. Гликман[94]. Изучению практики большевиков в решении «женского вопроса», женского движения постреволюционных дней посвящены труды М. Бакли[95], А. Боброфф[96], Б. Е. Клементс[97], Г. Лапидус[98], Б. Б. Фарнсворт[99] и других.

Именно зарубежным ученым мы обязаны первым обращением к теме русского феминизма. Р. Стайтс изучал русский феминизм в своей монографии, Л. Эдмондсон сделала феминизм предметом отдельной монографии «Feminism in Russia, 1900–1917»[100]. Русский феминизм изучался в трудах Б. Энгл, Р. Гликман, Р. Ратчилд, В. Брайсон[101] и другие.

В этих работах феминизм получил полную реабилитацию. Трактовался он широко, как деятельность женщин в интересах женщин. Стайтс отметил, что «из трех основных ответов на женский вопрос, возникших в правление Александра II (феминизм, нигилизм, радикализм), именно феминизм первый четко сформулировал свою философию и предпринял конкретные действия»[102]. В трудах зарубежных исследователей освещена именно деятельная сторона феминистского движения. Идеология, философия его практически не исследовались этими авторами. Это ни в коем случае не упрек, а определение этапа в исследовании русского движения в зарубежной историографии. Работа ученых, изучавших архивные документы на чужом языке, вызывает только уважение и благодарность.

Итак, в данном исследовании базовые понятия темы понимаются следующим образом:

«Женский вопрос» — осмысление индивидуальных проблем женщин как социальных, возникших в связи с изменением их самоидентификации и требованием ими права на реализацию своих интересов и возможностей в публичной сфере. «Женский вопрос» связан с изменением положения женщин разных социальных слоев в силу изменения их социальных ролей в обществе под воздействием процесса модернизации.

Женское движение — общественное движение женщин, в основе которого лежит принцип рассмотрения любой социальной проблемы с точки зрения женщин. Движение порождает дискурсы и практики, которые критикуют социальные условия дискриминации, с которыми сталкиваются женщины, а также предлагает различные модели трансформации этих условий[103]. Женское движение является самоорганизующимся субъектом и представляет интересы женщин как специфической социальной группы.

Суфражизм — движение женщин за предоставление им одинаковых с мужчинами избирательных прав, которое часто определяется как направление феминизма[104]. Термин пришел из Великобритании, где суфражизм имел самую длительную историю в Европе и достиг своего максимального развития. «Движение за политическое равноправие женщин получило название суфражизма. Сам термин «суфражизм» в переводе с английского означает избирательное право вообще, но благодаря английским феминисткам, использовавшим это понятие в отношении прежде всего избирательных прав женщин, он вошел в историю как определение политического направления в феминизме»[105]. На мой взгляд, такой подход справедлив, т. к. суфражизм был «по сути дела попыткой изменения всей устоявшейся, традиционной системы гендерных отношений»[106].

В отношении феминизма дело обстоит сложнее. Базовыми установками является утверждение, что это теория равенства полов, которая лежит в основе социального движения женщин. Но нередко его трактуют шире, как действия в защиту прав женщин, основанные на представлениях о правовом равенстве полов (в этом случае термин может употребляться как синоним женского движения)[107].

Феминизм как теория возник в XVIII веке. «Феминизм возник из признания того, что есть нечто несправедливое в общественной оценке женщины. Он пытается проанализировать основания и уровни подавления женщин и достичь их освобождения. Последнее понимается далеко не однозначно»[108]. Эту расплывчатость феминизма как социального движения отмечает и другая исследовательница: «Если "рабочее женское движение" или суфражизм ставили перед собой весьма четкие и вполне достижимые цели (первые — работу для женщин, вторые — избирательные права), то те, кто еще в прошлом веке называли себя феминистками, выступая в защиту прав женщин, боролись за нечто эфемерное, считающееся несуществующим или, по крайней мере, несущественным для женщины в рамках традиционной западной культуры — за достоинство женщины, самоценность ее личности, независимость и индивидуальную свободу. Феминистки поддерживали борьбу за те или иные конкретные права женщин, но тем не менее всегда считали получение женщинами этого "джентльменского набора" (право на труд и равную его оплату, политические и гражданские права и т. д.) явно недостаточным для подлинной эмансипации женщины»[109].

Первая волна феминизма пришлась на XIX — первую половину XX века и основной его целью как движения являлось достижение юридического равноправия женщин. Поэтому зачастую феминизм и суфражизм также используются как синонимы. Вторая волна феминизма началась в середине XX века и представляет собой борьбу за фактическое равноправие женщин.

В научной литературе термин «феминизм» трактовался в раннее советское время как буржуазное движение за уравнение в правах женщин и мужчин, которое несло в себе печать «реакционности и ограниченности» в отличие от пролетарской борьбы за женское равноправие[110]. В позднесоветское время (1980-е гг.) в энциклопедических изданиях этот термин просто пропускали. В современных (постперестроечных) философских словарях феминизм рассматривается в трех плоскостях: социальное движение <...>, жизненные принципы, целостная система взглядов, при которой человек не имеет предубеждений по поводу пола <...> и философско-культурологическая концепция анализа понятия пола <...>[111]. В применении к движению феминизм сегодня рассматривается как идеология равноправия женщин[112], т. е. как идеология феминистского движения.

Все феминистские теории базируются на следующих постулатах: женщины как социальная группа занимают подчиненное положение в обществе, это положение несправедливо, оно поддерживается доминированием мужских ценностей и контролируемыми мужчинами институтами социальной, политической, культурной и семейной власти[113]. По своему характеру это революционная идеология, т. к. нацелена на упразднение патриархата, т. е. системы политических отношений между полами, характеризующейся доминированием мужского и подчиненностью женского в обществе[114].

Феминизм подразумевает разные формы сопротивления женщин как социальной группы, но прежде всего это теоретические аргументы в защиту равноправия полов[115]. И, добавим, вытекающая из них движенческая практика.

Наиболее кратким и емким мне представляется определение Карен Оффен, которое и взято за основу в данном исследовании. Феминизм — система идей и общественное движение за социально-политические изменения, основанные на критическом анализе привилегированного положения мужчин и подчиненного положения женщин в данном обществе[116].

Глава II
ПЕРВЫЙ ЭТАП ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИИ 1858–1905

«Помилуй, какой благовоспитанный человек женится на тебе; стриженая, нечесеная, старших не уважаешь, благодеяний не чувствуешь. Только и слышишь от этой неблагодарной: хочу сама хлеб зарабатывать, экая фря, подумаешь...» Иллюстрация в журнале «Искра» (1863. № 47)

§1. ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ГЕНЕЗИСА ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

1.1. Кризис традиционного общества. Политический и социально-экономический контекст возникновения движения

Согласно теории мобилизации ресурсов общественные движения формируются в том случае, если фундаментальные социально-экономические и политические изменения в обществе создают возможность для их возникновения. Эти изменения рассматриваются как внешние, макроуровневые ресурсы движений, потому что они меняют организационную структуру общества и положение в нем различных социальных групп. Эти социально-экономические и политические изменения произошли в российском обществе в середине XIX века, и они хорошо описаны в отечественной историографии.

Социально-экономическая ситуация в стране в 1850-е годы была сложной — в России накопилось социальное, техническое и кадровое отставание. Существующее крепостное право сдерживало развитие промышленности и сельского хозяйства. Кризисные явления проявлялись в низкой производительности труда подневольных крестьян. Барщинное хозяйство подрывало развитие товарно-денежных отношений. Это вело к разорению помещичьих хозяйств, залогу и перезалогу поместий в кредитных учреждениях. «Никогда не было столько имений, описанных и назначенных к продаже, как ныне, никогда дворянство не было более, чем ныне, обременено долгами», — свидетельствовал известный общественный деятель, славянофил и либерал А. И. Кошелев[1].

Попытки наиболее предприимчивой части поместного дворянства поднять производительность труда, увеличить доходность своих хозяйств, были малорезультативны. Внедрение сельскохозяйственных машин, новых культур, улучшение агротехники и т. д. не давало результата — феодальное жизнеустройство отторгало подобные инновации. К середине XIX века более 12% дворян-помещиков продали свои имения, в 1859 году были заложены имения с 7 млн крепостных крестьян, т. е. 2/3 крепостного населения[2]. Промышленный переворот, начавшийся было с конца 1830-х годов, стопорился отсутствием вольнонаемного труда.

Внутренняя политика Николая I характеризовалась консервацией феодальных институтов, опорой на дворянство, подавлением личности и проявлений индивидуализма, поддержанием традиционной патриархальной коллективной идентичности, ценностей и институтов феодальной корпоративности.

Поражение в Крымской войне (1853–1855 гг.) и вызванное им потрясение сыграло роль спускового крючка и выступило внешним фактором политического характера, вызвавшего социально-экономические и политические изменения в российском обществе глобального характера.

Поражение обнажило социальные, экономические и политические проблемы, давно имевшие место в стране. Историк С. М. Соловьев писал, что это была расплата за тридцатилетнюю ложь, тридцатилетнее давление всего живого, духовного, подавление народных сил, превращение русских людей в полки, за полную остановку именно того, что нужно было более всего поощрять, чего, к несчастью, так мало приготовила отечественная история — самостоятельности и общего действия. Страна всколыхнулась. Начался кризис дворянского государства, приведший к его краху. «Севастопольским разгромом кончился дворянский период русской культуры. Буря всколыхнуло русское море до дна, во всех слоях его. Непочатые глубины поплыли наверх. Крепостное право зашаталось и рухнуло. Россия не могла и не хотела оставаться государством ни военным, ни дворянским. Клич всесословности пронесся над страною», — так описал ситуацию известный публицист А. Амфитеаторов[3].

Совпавшая с поражением в войне смерть «деспота» — Николая I, была эмоционально воспринята во всех слоях общества как конец произвола, как возможность открытого обсуждения жизненно важных для страны вопросов. Новый император — Александр II слыл либералом. Строгости режима действительно уменьшились.

Таким образом, к середине 1850-х годов в стране изменилась структура политических возможностей, появились условия для формирования социальных движений.

Понятие «структуры политических возможностей» используется в социологии общественных движений для анализа влияния политической ситуации (контекста) на формирование социальных движений. Это понятие помогает объяснить, почему сходные по целям общественные движения вырабатывают разные стратегии, имеют различную организационную структуру и достигают разных результатов в различных обществах. Американский социолог С. Тэрроу[4] включает в структуру политических возможностей лишь те показатели и характеристики политического режима, которые могут выступать ресурсами движения, т. е. могут использоваться социальными движениями для достижения своих целей. Он выделяет следующие показатели: степень открытости политической системы, степень стабильности расстановки политических сил, наличие у движения союзников в рамках политической системы.

Рост оппозиционных настроений привел к открытой критике рабства, социально-экономической отсталости страны, патриархальных устоев общества. Крестьянский вопрос открыто встал на повестку дня, поднимались темы проведения судебной и образовательной реформ.

Началась работа нации над переходом от идеи служилого государства и «старых московских понятий» к той идее, что все социальные элементы России должны быть призваны к общественному служению на благо страны. Возникла «обличительная» литература (1856–1859 гг.) как подцензурная, так и «списочная». «Писаные тетради наводняют нас», — жаловался сенатор К. Н. Лебедев[5]. «Ряд новых поднятых вопросов вызвал появление целой переводной литературы по разным отраслям знания, — свидетельствовали современники, — эти вопросы обсуждались в журналах того времени, особенно в "Современнике", где тогда писал властитель дум либеральной и радикальной интеллигенции начала 1860-х — Н. Г. Чернышевский»[6].

На повестку дня встала проблема свободной личности. Обрели популярность идеи Н. И. Пирогова и Д. И. Ушинского о воспитании свободных, сознательных не подданных, но граждан.

«Умственные течения» — процесс переоценки старых ценностей и их смены происходили во всех слоях общества. Вопросы ставились о счастье общественном и личном, о благе государства и индивида. Офицеры, по свидетельству «шестидесятника» Н. В. Шелгунова, выходили в отставку, чтобы завести лавочку или магазин белья, чтобы открыть книжную торговлю, заняться издательством или основать журнал.

На повестку дня встал семейный вопрос: проблемы отцов и детей, отношения жен и мужей. По мнению многих современников, семейные отношения с 1860-х годов испытали полную революцию. Патриархальный семейный уклад рассматривался как пережиток крепостничества и также подлежал уничтожению. Поэтому «женский вопрос», включавший в себя проблемы личной свободы женщин, семьи, быта, образования и труда женщин, был внесен интеллигенцией в программу демократических реформ.

Реальная легальная возможность реализовать глубинные настроения общественности, возможность «делать дело» появилась только в конце 1850-х годов. Представители образованных и привилегированных слоев общества использовали открывшиеся новые возможности для создания разного рода салонов, кружков, ассоциаций, обществ, отражающих интересы различных профессиональных, политических и социальных групп. Именно в них шло обсуждение российских проблем, формировалось самосознание представителей образованных социальных групп и классов, прежде всего поместного дворянства, из которого вышли многие видные деятели русского либерализма.

Эти люди ратовали за либерализацию общественной и экономической жизни. Они начали работать на будущие реформы, либо становясь частью российского чиновничества, либо работая в интересах реформ с прогрессивными его представителями и стали реальными общественными деятелями.

Именно они позднее оказали существенное давление на ход подготовки и темп прохождения реформ. Поколение «лишних людей» — реальных прототипов Онегиных и Печориных с их оторванностью и житейской неприспособленностью уходило в прошлое. В это же время формировались такие субъекты политических отношений, как организованный труд и капитал.

Этот освободительный порыв всей нации хорошо отражен в воспоминаниях современников. «Живое время, полное надежд! — вспоминала Е. Некрасова. — Люди, искренне веровавшие в лучшее будущее России, посвятили все свои силы проведению реформ, служили делу до конца, несмотря на все препятствия. <...> Сила общества шестидесятых годов заключалась в его солидарности, которая сказывалась на частых и многолюдных сборищах того времени, где сходились люди всех слоев общества, всякого возраста: средних лет, старики, молодежь»[7].

В 1857 — первой половине 1858 года в стране начало оформляться либеральное движение, в рамках которого зародилось женское движение. В это время формулировались идеи русского либерализма, выделялись его центры, появлялись лидеры. Главными идеями либерализма были: освобождение крестьян, введение законов, гарантирующих гражданские права, установление равенства всех классов перед законом, введение независимого суда, представительного правления, местного самоуправления. Цель либералов — мирный переход России на путь постепенной модернизации.

Распространение либеральных настроений происходило в самой широкой дворянской среде, чему способствовала удушающая атмосфера, сложившаяся в стране в тридцатилетнее царствование Николая I (1825–1855 гг.). Стагнация общества, недовольство существующими порядками толкали представителей привилегированных классов, русскую интеллигенцию в самом широком смысле слова на путь включения в политические отношения, на поиск и определение своей социально-политической ниши.

К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин — одни из основателей русского либерализма — писали в совместном письме: «Задыхаясь под мучительным гнетом, русская мысль ищет себе хоть какого-нибудь исхода. Поставленная между бессмысленной, <...> преступной бюрократией и невежественной массой, она не имеет сама по себе никакого политического значения»[8]. Вывод, что в России интеллигенция слишком долго оставалась невостребованной, что радикализировало ее[9], подтверждается тем же Кавелиным: «Эта невозможность делать, писать и говорить меня ожесточили наконец»[10].

При описании понятия «русская интеллигенция» исследователи обращают внимание не только на образованность этой социальной группы, на производство ею новых идей, мыслей, языка, но и на такие ее черты, как социальное мессианство, верность общественному долгу, антибуржуазность, презрение к обывателю и к Западу как воплощенному мещанству. В описываемый период было популярным определение интеллигенции как «умственного пролетариата». Во всех определениях русской интеллигенции явно при-

сутствует ощущение некоторой специфичности этой группы. В данной работе используется определение М. Могильнер, которое выявляет эту специфичность и потому представляется точным и исторически корректным. «Интеллигент — это интеллектуал в модернизирующемся обществе и именно поэтому выполняющий ряд несвойственных интеллектуалу функций по реорганизации общества в поисках установления собственной комплексной (интеллектуальной, социальной и политической) идентификации»[11].

Русская интеллигенция, «люди живой общественной деятельности», по выражению XIX века, или просто общественность[12], напрягали все силы, чтобы взять социальную инициативу на себя, создать свое новое независимое положение. Делалось это за счет культурной работы, нацеленной на сглаживание социально-культурных и национальных антагонизмов, утверждение идеалов справедливости, прогресса и терпимости, принятие и адаптацию достижений западной цивилизации к национально-историческим условиям, расширение народного просвещения и правового порядка, межнационального взаимопонимания[13]. Именно интеллигенция была движущей силой процесса мобилизации в социальных движениях. Здесь термин «мобилизация» означает готовность к действиям или само действие. В нем отражается рациональное начало движения.

Власть в лице императора сделала вывод, что «лучше отменить крепостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу»[14]. В 1857 году был учрежден Секретный комитет по крестьянскому делу «для рассмотрения постановлений и предположений о крепостном состоянии», созданы губернские комитеты для обсуждения «местных особенностей и дворянских пожеланий».

В первые годы царствования Александра II был проведен целый блок либеральных, «уравнительных» реформ: крестьянская (1861 г.), финансовая (1860-е гг.), университетская (1863 г.), земская (1864 г.), судебная (1864 г.), печати и цензуры (1865 г.), городская (1870 г.), военная (1860–1870-е гг.).

Основная реформа — освобождение крестьян — внесла коренную перемену в «русский общественный порядок» (С. Ф. Платонов). Если до этого времени землевладельческое дворянство заправляло всеми делами в уездах, все правительственные должности занимали дворяне, а другие классы не принимали участия в государственной жизни, то теперь в уездах рядом с дворянским обществом появились крестьянские сельские общества, появились землевладельцы из горожан.

В результате произошли изменения в экономике, оживилась торговая и промышленная деятельность. Правительство продавало в частные руки казенные фабрики и заводы, поддерживало акционерные общества, учреждались частные банки и т. д. Всепоглощающая государственность в экономике исчезла. Между городами и уездами установились новые связи, уничтожавшие прежнюю сословную разобщенность. Жизнь стала носить характер более демократический.

Утратив из-за реформы свое привилегированное положение, дворянство очутилось в тяжелом материальном положении. В большинстве своем оно не смогло перейти от старых форм хозяйствования к новым, разорялось, теряло земли, которые перешли в крестьянские и купеческие руки, — писал С. Ф. Платонов в «Полном курсе лекций по русской истории». Упадок дворянства и демократизация общества было первым, по мнению Платонова, следствием реформ.

Вторым следствием по Платонову была либерализация духовной жизни или «умственное брожение радикального политического характера».

Осознание правительством катастрофического положения страны, поиски путей выхода из кризиса, проведение реформ способствовали повышению открытости политического режима. Открытая политическая система характеризуется высокой степенью «отзывчивости» власти к требованиям, выдвигаемым снизу, в отличие от закрытой, характеризующейся репрессивными мерами по отношению к любым инициативам и коллективным действиям и требованиям снизу. Этот показатель некоторые исследователи[15] считают важнейшим фактором возникновения движения.

Именно это продемонстрировала российская политическая система. Свидетельством изменения ее стали не только сами реформы, но и сопутствующие им общественные настроения, новые «умственные течения в области вековых традиций» (Р. В. Иванов-Разумник), новые либеральные формы жизни, способствующие личностной свободе. Это дает нам право охарактеризовать предреформенный период как время повышения открытости политического режима.

Деятельность журналов самых разных направлений — радикального «Современника», «Русского слова», западнического «Русского вестника», славянофильской «Русской беседы», а также «Вестника Европы», «Дня», «Отечественных записок», «Дела», появление в 1856 году новых педагогических журналов и знаковой, идейной статьи Н. И. Пирогова «Вопросы жизни»[16] — были составляющими этого процесса.

Высочайшее повеление от 17 января 1857 года о праве на заведение в столицах частных пансионов и школ и признание монополии государства в вопросе среднего образования вредной, открытие в 1858 году женских всесословных училищ (гимназий), в 1860-х годах воскресных школ, открытый доступ в университеты и появление в университетских аудиториях посторонней публики — и мужской и женской молодежи, оживление университетской жизни — все это свидетельствовало о некоем диалоге общественности и власти, о молчаливом согласии власти решать некоторые социальные проблемы в союзе с общественностью. Были услышаны идеи о необходимости создания «общественных органов из среды дворянства для управления публичными делами»[17], т. е. идеи о политическом представительстве дворянства, что вылилось в создание земств.

Одним из новшеств общественной жизни стало солидарное участие женщин в делах мужской интеллигенции. Восторженные женские отзывы о той

поре зафиксировали чувство сопричастности женщин к большому делу, ощущения востребованности своих сил, знаний, умений и обнаружение легитимного выхода «во всеобщее» — в публичную сферу жизни. Женщины продемонстрировали новые женские практики общественного служения, работая в воскресных школах или создавая свои частные учебные заведения после закрытия воскресных школ, которое последовало уже в 1862 году. Например, школа для девочек и девушек, открытая А. К. Европеус (супруги П. И. Европеуса) у себя дома в феврале 1865 года, в которой она бесплатно преподавала иностранные языки. Или бесплатная языковая школа ее свояченицы Э. В. Европеус. Или семинарий для сельских учительниц А. Солодовниковой. Начала формироваться когорта культурниц и женщин-педагогов, усвоивших передовые научные взгляды, таких как, например, Х. Д. Алчевская. При активном участии женщин появился новый тип светской начальной школы, перешедшей на попечение земств.

В 1859 году состоялся первый женский поход в университет, 1862 году — в Медико-хирургическую академию. Претензии женщин на высшее образование обрели характер политического требования. Правительство ответило на это работой комиссий по вопросам высшего женского образования в 1861, 1868, 1873–1876 годах.

Идеи изменения не только форм общественной жизни, но и семейного уклада на такие, которые обеспечили бы полное равенство людей и безусловную свободу каждой отдельной личности все более набирали силу. Ответом стала работа комиссии по брачному законодательству в 1861–1864 годах, в 1881 году.

Р. В. Иванов-Разумник счел возможным период с 1856 по 1861 год назвать эпохой «общественного доверия к начинаниям правительства», а 1861 год — «гребнем волны, высшей точкой, достигнутой интеллигенцией и бюрократией»[18]. В отечественной историографии этот период определен как общий кризис дворянского государства. С позиций социологии общественных движений его можно обозначить как период изменения степени открытости политической системы и формирования структуры новых политических возможностей.

Но за созданием учреждений на выборных началах — судебных и земских — не последовала политическая реформа, которая привлекла бы представителей различных классов к высшему управлению государством. Между тем русское общество, развивая идеи нового демократического государства и свой деятельный потенциал, не могло да и не хотело остановиться в своем поступательном движении и стремилось к дальнейшим достижениям в социальной жизни — к представительному правлению.

Законоположение 19 февраля 1861 года по сути дела никого не устроило. Накопившиеся социальные и культурные противоречия раскалывали российское общество. Дворянско-демократические, либеральные силы переживали одновременно подъем и недовольство, которое было выражено на губернских съездах в 1862 году.

Далеко не вся интеллигенция ориентировалась на либерально-реформаторскую деятельность. Недовольная ходом реформ часть русской общественности обратилась к революционным идеям и идеалам. Разночинно-демократическая, радикальная интеллигенция развивала социальный критицизм, пересматривала традиционные ценности и нормы, осуждала индивидуализм, интересы отдельной личности подчиняла коллективным интересам, так называемому «народному делу», клеймила участников культурной работы как «приспособленцев» и «соглашателей», осуждала тактику умеренности и постепенности, высмеивала ее под видом теории малых дел, требовала радикальных действий и взяла курс на уничтожение существующего строя.

Социалистическая проповедь Н. Г. Чернышевского, оппозиция А. И. Герцена, разрушительный критицизм Д. И. Писарева также были чертами 1860-х годов.

Революционная пропаганда влияла и на либеральную интеллигенцию. Идеи «Великорусса» о несостоятельности «настоящего образца правления» в России и необходимости замены его на конституционный строй находили разумными в среде либеральной интеллигенции. «Классовые антагонизмы буржуазного общества были совершенно еще не развиты, подавленные крепостничеством, когда это последнее порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции, создавая иллюзию об особом демократизме нашей интеллигенции, об отсутствии глубокой розни между идеями либералов и социалистов»[19], — так охарактеризовал это время В. И. Ульянов-Ленин.

Правительство металось между желанием завершить реформы и страхом перед обнаружившейся оппозицией, перед революционной пропагандой, инициативностью «передовой общественности». Отсюда происходила его противоречивая и половинчатая политика.

Если 1860-й год, по мнению Н. В. Шелгунова[20] был началом нового периода в общественной жизни и истории России, то 1861 год — гребнем демократической волны, пиком открытости политической системы и началом конца периода доверия. В 1861 году появилась прокламация «Великорусса», подвигающая общество на борьбу. Летом того же года — прокламация «К молодому поколению», за которую «творец женского вопроса» в России М. Л. Михайлов получил шесть лет каторги, а правительство свой первый политический процесс нового царствования.

1861–1866 годы — время проведения реформ и одновременно расхождения правительства и общественности в своих ожиданиях и путях реализации своих представлений.

Эмансипационные идеи и процессы развивались по трем направлениям — эмансипация крестьян от помещиков, женщин от семейных традиций, граждан от государства.

На политической сцене заявили о себе три политические силы, сформировались три политических игрока — правительственный лагерь, либеральный и радикальный.

Лидеры русского либерализма осмысливали две основные проблемы: освобождение личности и введение «государственного властвования» в рамки правомерности и в соответствии с потребностями и желаниями населения. «Суть либерализма, как идейного мотива, — писал П. Б. Струве, — состоит в сознательном утверждении свободы лица. <...> И либерализм, и консерватизм суть не только идеи, но и настроения, точнее — сочетание сознанной идеи с органическим, глубинным настроением»[21].

Народническая идея оформилась в доктрину радикальных сил, привела к принятию мысли о насилии и терроре как эффективных средствах переустройства общества. Позднее для радикальной интеллигенции основной теорией, объясняющей социальные процессы и определяющей программу радикального социального переустройства общества, стал марксизм.

Шла мобилизация общественных сил и их натиск на правительство.

В 1862 году в Петербурге заполыхали пожары и под их предлогом были закрыты воскресные школы. В тот же год был закрыт Вольный университет в здании Городской думы, временно закрыты «Современник» и «Русское слово», арестованы Н. Г. Чернышевский, А. А. Серно-Соловьевич, Д. И. Писарев. В 1863 году на университетскую свободу наложено вето — посторонние больше не допускались на лекции и новый университетский устав объявил принципиальную невозможность учиться в университетах женщинам. На просветительскую энергию интеллигенции был тоже наложен запрет.

Манифест 19 февраля 1861 года — юридический шаг из феодализма в капитализм. Он перевел стрелку на пути развития России. Страна пошла по пути модернизации. В результате модернизации, связанных с ней процессов индустриализации, переструктуризации экономики, освоения новых форм экономических отношений, урбанизации, изменилась политическая система и организационная структура общества, положение в ней различных социальных групп. Другими словами, реформы 1860-х годов позволили оформиться социальным движениям как протестному поведению образованных социальных групп.

Мучительное продвижение России по пути модернизации с прорывами и отступлениями на старые позиции, с колебаниями и непродуманными, эмоциональными шагами правительства, с формированием трех ветвей власти, с проведением политических, экономических и социальных, культурных, образовательных реформ и т. д. создавали в разное время различные политические комбинации, определяющие мобилизационные ресурсы движения, диктующие в свою очередь репертуар коллективных действий: от охранительных к наступательным и наоборот. Этот процесс коррелировал с процессами формирования новых структур политической власти, с экономической ситуацией.

Эти макросоциальные процессы привели к формированию новых социальных классов — рабочего класса и буржуазии, а также к поиску самовыражения, новых форм своей коллективной идентичности такой специфической внесословной социальной группы, как разночинцы. На авансцене российской истории появились новые политические игроки.

1.1.1. Формирование новых социальных групп

Для первой четверти XIX века агентом социальных изменений, или «новым человеком» (в терминах того века), то есть человеком, готовым к реформаторству и социальным изменениям, был дворянин, декабрист. Дворянство было главным носителем культуры, просвещения, исторической традиции и было незаменимо при слабости русской буржуазии и темноте крестьянства. По сути дела часть дворян взяла на себя роль третьего сословия и выступила против собственных привилегий[22]. Кризис 1859–1861 годов подвел черту под ведущей ролью дворянства как класса в процессах социальных изменений. Начался процесс отхода дворянства с ведущих политических и экономических позиций и ролей в обществе, отстранения их от ресурсов. Прежде всего от земли.

«Дворянский политический крах заставил искать других общественных слоев, куда бы переместить надежды России»[23], — констатировал ситуацию А. Амфитеатров. Разночинцы заявили о себе как социальная группа, претендующая на реализацию надежд России.

Их появление отмечено многими политическими и общественными деятелями. Н. А. Бердяев в своих заметках так зафиксировал их появление: «В 60-е годы в интеллигенцию вошли новые социальные слои, прежде всего, семинаристы; дворяне перестали господствовать и появился более жесткий и более аскетичный душевный тип, более реалистический и активный. Эпигоны идеалистов 40-х годов "лишние люди" представляются людьми отошедшего века». В. И. Ульянов-Ленин сделал акцент на другом: «Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще, и демократической безцензурной печати в частности»[24]. Но кто бы ни писал о разночинцах, все сходились на определении ведущей роли новой социальной группы в духовном и социальном развитии российского общества.

Понятие «разночинцы» довольно размыто. В литературе и публицистике XIX века они рассматривались как восходящие по социальной лестнице простолюдины с определенным набором личных черт и моральных качеств[25]. Под ними понимали и просто образованных людей недворянского сословия и определяли как некую единую социальную группу — «юридически неоформленную категорию населения России XIX века: выходцев из разных сословий, получивших образование»[26].

Таким образом, агентом социальных изменений, актором социальной жизни середины XIX века стал разночинец, демократ по убеждениям, человек, вступивший в мир в менее благоприятных условиях, чем дворянин, имевший другой социальный опыт, вышедший зачастую из низов и хорошо знавший народную жизнь. Определяющими характеристиками этой группы были: быстрая социальная мобильность, наличие образования или стремление к нему, потеря связи со своей средой, избавление от родительской

опеки, ига патриархальной семьи (разрыв-уход-побег из дома), занятие полезной общественной деятельностью (работа в школах, больницах, в науке, литературе и т. д.).

Позднее на первое место в определении разночинца выступало не его социальное происхождение, а взгляды, политическая позиция, поведение, и тогда в эту категорию зачислялись лица дворянского происхождения — разночинцы по убеждениям. Во второй четверти XIX века развитие самосознания оппозиционных образованных групп породило позитивные образы, которые подразумевали определенный набор ценностей и личных качеств. Разночинец стал символом «правильных воззрений»[27]. Критическое отношение практически ко всем сторонам российской действительности, непримиримость к социальной несправедливости, представление о долге перед народом, стремление служить ему, ожидание перемен — характерные для разночинной среды умонастроения.

Таким образом, разночинцы — не класс, не сословие, а маргинализированная группа, состоящая из выходцев из различных социальных классов, сословий, социальных групп: дворян, мещан, купечества, духовенства, крестьян. Эти люди, утратившие связь со своей средой, часто и средства к существованию, аккумулировали недовольство общества, переводя его на язык критики. Критика и ревизия осуществлялась разночинцами в отношении практически всех традиционных ценностей, идеалов, норм и предпочтений всех классов и слоев общества. Возможности этой группы лиц оказались широкими не столько в силу их численности, сколько в силу изменения «ситуативного и окружающего пространств, которые разночинцы занимали и через которые эта категория соприкасалась, в сущности, с любым элементом русского общества»[28].

Претензии этой группы на влияние оказались реализованными. Под ее влиянием и контролем шел поиск новых идеалов и выработка новой ценностно-нормативной базы. Были пересмотрены морально-нравственные установки, идеалы, ценности общества, модели поведения мужчин и женщин. Определялось новое видение мира. «Все пошло в переборку» говорили в то время, имея в виду, что все подвергалось критическому переосмыслению, начиная с основ российской государственности, религиозных воззрений, моральных норм и до внешнего облика.

1.1.2. Гендерное измерение сословно-классовой стратификации

Изменения сословно-классовой структуры общества, безусловно, имело и гендерный аспект. Пол выступил дополнительной характеристикой стратификационного процесса. Женщины привилегированных и полупривилегированных сословий, но особенно дворянки, в большинстве своем оказались в более сложном положении, чем мужчины того же сословия, в силу более

жестких установок традиционного общества в отношении женщин. Проявление инновационного поведения, востребованного в новых условиях модернизирующегося общества, допускалось и поощрялось лишь со стороны мужчин, но отнюдь не женщин.

Помимо представлений о «правильном» женском поведении, накладывающих запрет на женскую активность в публичной сфере, существовали еще и законодательные ограничения. В середине XIX века они состояли в следующем:[29]

— женщина до 21 года не имела права на отдельный вид на жительство без разрешения отца или мужа, что существенно ограничивало ее мобильность. При этом муж имел право иска на принудительное возвращение ушедшей от него жены;

— брачное право регулировалось исключительно церковными законами и потому развод был процедурой сложной, требующей большого труда. Причин для законного расторжения брака было мало, а процедура их доказательства была унизительной. Для добровольного развода или разъезда супругов законных оснований не существовало. Хотя в России всегда существовала практика «самовольных» разъездов супругов (без развода) вне зависимости от законодательных разрешений или запретов;

— наследственные права женщин были меньше, чем у мужчин;

— для найма на работу или поступления на учебу женщине требовалось письменное разрешение отца, опекунов или мужа;

— достижение совершеннолетия (в 21 год) не влияло на изменение статуса незамужней женщины — она не могла получить свою долю семейной собственности. Только замужество повышало ее статус и позволяло ей получить свою часть собственности, стать более самостоятельной.

Разорение дворянских гнезд поставило перед женщиной-дворянкой проблему дальнейшего существования и даже выживания. Традиционная стратегия жизни — замужество и переход из дома отца в дом мужа — стала проблематичной. В первую очередь по причине сохранившихся представлений об идеальном женихе — помещике-латифундисте и отсутствии таковых в реальной жизни. Мужская дворянская молодежь, решая проблемы собственной адаптации в новом пореформенном обществе, в массе своей не спешила обзаводиться семьями. Замужество и выполнение функций и ролей жены-матери-хозяйки в другой, чуждой социальной среде, скажем, купеческой или мещанской, также влекло за собой ряд психологических проблем и оценивалось в общественном мнении как мезальянс.

По мнению Е. Некрасовой — женщины-врача первого выпуска Женских медицинских курсов в Санкт-Петербурге, прошедшей непростой путь адаптации в новой экономической и политической ситуации, именно экономические причины подвигнули русских женщин на деятельное отношение к своей судьбе. Она писала: «Экономические условия русской жизни и обществен-

ный переворот, совершившийся 19 февраля 1861, вызвали и женщину на борьбу за существование, потребовали и от нее непременного участия в труде. Вынужденная силой необходимости, а не модой — как казалось тогда многим, — она заявила свою готовность к приобретению одинаковых с мужчиною прав на знание и труд, заявила потребность высшего образования»[30].

Важность проблем материального порядка для женщин дворянского круга подчеркивала активистка женского движения второго призыва Ольга Шапир. Она писала о своей профессиональной деятельности и работе в движении: «Я работала всегда искренне <...> стараясь облегчить работу будущим женским поколениям в их стремлении не только к свету, к равноправности и просвещению, а также к экономической независимости, которая играет почти главную роль в жизни людей».

Население Российской империи различных социальных слоев и групп по большей части сходилось в своих представлениях о «женском вопросе» как о некой моде и потому видели в «женском вопросе» проблему падения женской нравственности. Именно эта установка определяла появление таких документов, как записка начальника III отделения графа П. А. Шувалова на высочайшее имя «О недопущении женщин на службу в общественные и правительственные учреждения» от 15 декабря 1870 года. Шувалов аргументировал свой отказ женщинам в праве на работу тем, что работа вне дома «имеет самое растлевающее действие на нравственность и самые губительные влияния на состояние семьи»[31]. Других проблем власть в отношении женщин не видела.

Эти социально-экономические изменения послужили основой процессов консолидации женщин, объединенных общими проблемами, потребностями, интересами.

Другой причиной, двигавшей женщинами в деле организации женского движения, была их вовлеченность в общий подъем общественной жизни, желание играть значимую роль в общественной жизни, реализовать собственное «я» на пользу обществу. Женщины, принадлежащие к образованным классам общества, так же как и мужчины этой группы, переживали ощущение свободы и общественных перемен, готовили себя к труду на пользу общества. Е. Юнге по этому поводу писала: «Бывают счастливые периоды в жизни <...> целых народов, когда дурные семена <...> как будто глохнут, а добрые всходят и пышно расцветают. Таким периодом было время так называемых "шестидесятых годов". <...> то незабвенное время, одно воспоминание о котором заставляет радостно биться сердца, <...> время подъема духа, бодрости, энтузиазма, <...> и та поражающая быстрота, с которой совершалось это движение. <...> благие перемены в понятиях <...> вступили в сознание большинства людей вдруг. Жившие в то время помнят, как, например, до 1859 года лучшие матери не кормили сами своих детей, лучшие люди признавали деятельность женщины только в своем доме и хозяйстве, и как внезапно взгляд на подобные вещи переменился»[32].

Будущие лидеры женского движения заявили о себе тем, что быстро перешли от рассуждений и обсуждений к практическим делам и увлекли за собой женщин своего круга — «современных женщин наших средних интеллигентных классов», по выражению П. Ткачева. Та же Е. Некрасова вспоминала: «Трубниковой и Стасовой я обязана многим. Они отвлекли меня от беспочвенного горячего увлечения широкими общественными задачами и идеалами и убедили приняться за общественную деятельность. Благодаря им я приняла участие в возникшем обществе переводчиц, а затем в учреждении высших женских курсов, присутствовала на всех общих и частных собраниях, дежурила на лекциях и прочее»[33]. Другая представительница женской дворянской молодежи так вспоминала о своем вхождении в общественную работу и осознании своей новой идентичности: «С этого времени началась лучшая пора моей жизни. Еженедельные заседания Комитета были для меня праздничными днями, каждую "нашу пятницу" я ждала с радостным волнением и покидала заседание с убеждением, что я принята в среду исключительно выдающихся людей, творящих большое историческое дело, к которому и я теперь приобщена»[34].

Именно эта категория женщин — дворянки, поставленные, с одной стороны, перед проблемой выживания, а с другой — разделявшие либеральные идеи и включившиеся в деятельность интеллигентских кружков 1860-х годов, начали поиск приемлемых для женщин своего круга путей выхода из создавшегося положения и составили в дальнейшем социальную базу женского движения. Право на труд было для них важнейшей задачей как по причинам экономического порядка, так и по моральным соображениям. Среди этих пионерок, прокладывавших пути к профессиональному женскому труду и одновременно отстаивавших интересы своей социальной группы, были Н. А. Белозерская, М. А. Богданова, А. П. Блюммер, В. И. Глушановская, А. М. Евреинова, М. Н. Коркунова, Н. И. Корсини, Е. И. Конради, Е. И. Лихачева, сестры Е. Н. и П. Н. Пыпины, Н. П. Суслова, М. К. Цебрикова, А. Н. Энгельгардт и другие.

Эти женщины представляли собой новую социальную группу женщин, оформившуюся в 1860-х годах и получившую название «новых женщин». Наличие у них образования, свободного времени, а у некоторых и средств, позволило им выступить в качестве организаторов движения.

1.2. Мобилизационный контекст движения

Очевидно, что факторы макроуровня влияют на генезис общественных движений опосредованно, через функционирующие в обществе социальные институты и через взаимодействие на уровне социальных групп. Значимыми для генезиса женского движения первого этапа представляются институты

прессы, литературы, семьи и образования, которые формировали политические возможности женского активизма, служили его мобилизационным контекстом.

1.2.1. Первая постановка вопроса. Генерализированные убеждения образованных классов и групп о «женском вопросе»

Либеральные идеи о равенстве всех перед законом, о соблюдении законности, о гласности в суде, о долге перед народом, о необходимости действовать во имя «общего дела» и т. д. были весьма привлекательны для российской интеллигенции, представителей образованных слоев общества. Ими вырабатывался идеал свободной личности, уважительное отношение к самовыражению индивида. Этими людьми усваивались и формировались такие базовые понятия либерализма, как частная жизнь и частная собственность. Все эти идеи и понятия, их составляющие, предстают как генерализированные верования эпохи 1860-х годов. В социологии общественных движений генерализированные верования рассматриваются как тип «мягкой» идеологии, которая определяет проблемную ситуацию, осмысляет ее и убеждает участников событий в необходимости неких действий, которые бы стабилизировали ситуацию и разряжали социальную напряженность. Именно генерализированные верования определяют тип и направленность конкретных действий[35].

Эти идеи, вырабатываемые в либеральных интеллигентских кругах российского общества, подрывали базовые ценности и нормы традиционного общества. Распространение идеала свободной личности на женщин, определение новых норм для женщин, переосмысление концепции женственности вылилось в общенациональную дискуссию по так называемому «женскому вопросу». Это был принципиальный шаг в процессе демократизации общества и проходил он очень болезненно. Инновационное поведение части российских женщин, их претензии на «другую жизнь» поддерживали высокий градус дискуссии. Практически все современники отмечали ее массовый и ожесточенный характер. М. К. Цебрикова, в частности, писала: «Ни один вопрос не бывал встречен таким бессмысленным глумлением и ожесточенной враждой, не бывал так извращен непониманием, тупоумием или злонамеренной клеветой, как женский вопрос»[36]. «Чуть дело дойдет до вопроса о правах женщин, то люди самых противоположных взглядов, высказывают одинаковую непоследовательность и изумительное согласие в гонении идеи свободы и равноправности женщины»[37].

Как уже говорилось, обсуждение «женского вопроса» начали представители мужской интеллигенции. Д. И. Писарев точной датой начала «женского вопроса» называл 1857 год[38], публицист А. Пальховский 1858 год[39]. Другой известный публицист Н. Котляревский в своей довольно поздней

статье отнес начало «женского вопроса» к 1851 году — времени первого знакомства россиян с идеями Дж. С. Милля, отказа от «фантазий» в отношении женщин и начала теоретического осмысления положения женщин в обществе[40].

Причины появления «женского вопроса» в России прогрессисты, т. е. демократически настроенные интеллигенты, определяли как внутренние. «Исключительно вследствие умственного и нравственного развития общества, в общественной жизни которого женщины начинают приобретать влияние и значение»[41], — писал популярный публицист, критик и издатель А. С. Гиероглифов (1825–1900 гг.).

Лагерь противников «женского вопроса» настаивал на «привозном», т. е. заимствованном его характере.

В начале 1860-х годов деятели науки и литературы с разной степенью вдохновения и красноречия описывали положение женщины как рабы в семье, и как несовершеннолетнего ребенка в гражданской жизни. В целом ситуация с женщиной оценивалась как «ненормальность» и «несправедливость».

Эта тенденция рассмотрения «женского вопроса» как вопроса о справедливости в отношении женщин сформировалась еще в 1840-е годы. Идея «восстановления справедливости» была стержневой на всем протяжении существования вопроса. Позднее, уже в XX веке, поиск справедливости в отношении женщин был перенесен женщинами — участницами женского и феминистского движений в политическую сферу и вылился в требования равных гражданских прав. «Женский вопрос — это искажение справедливости. Мы требуем только признание за нами равных прав с мужчиной на труд во всех областях и требуем, чтобы общество и государство расплатилось бы с нами за него той же монетой — признанием за нами тех же политических и гражданских прав, что и за мужчиной. <...> Когда женщина достигнет этого — исчезнет и женский вопрос: он сольется с общечеловеческим»[42].

Другие аргументы, используемые в 1860-х годах в деле «освобождения женщины», также появились в 1840-х годах. Прежде всего это относится к представлениям о женщине как о матери, которая, воспитывая подрастающее поколение, является «создательницей и охранительницей всей расы» и которая не может воспитать свободных граждан будучи «рабой». В либеральной печати много писалось о том, что свободная женщина спасет нацию, а существующий порядок вещей ведет к «культурному одичанию» нации.

Другой аргумент о необходимости «вырывания женщин из плена духовного и телесного» заключался в использовании их нравственного и умственного потенциала в интересах общества.

Достижением 1860-х годов стало то, что женщин уже рассматривали как субъектов социальных действий. Говоря языком XIX века, их включили в состав «великой армии прогресса». Страна стояла на пороге перемен, и оппозиционно настроенная интеллигенция сплачивала свои силы. По мысли шестидесятников, женщины могли и должны были работать на благо буду-

щей России не только в роли матери-наставницы-воспитательницы в домашней сфере. Их призывали к деятельности в публичной сфере и возлагали на них определенные надежды. Доводы к этому были следующие.

Во-первых, женщины не участвовали в создании того общественного порядка, «пагубность» которого обнаружилась в 1850-е годы. Поэтому все, что происходило в России, определялось сферой ответственности исключительно мужчин.

Во-вторых, угнетенное положение женщин, по мысли «прогрессистов», развило в них сострадательность, гуманизм, доброту и делало их потенциальными сторонниками изменений общественного порядка.

Таким образом, прогрессисты 1860-х мыслили «женский вопрос» как подготовку женщин к общественной деятельности, использование их сил и имманентно им присущих «качеств» в построении новой России. Это, наряду с идеей справедливости, составило содержание генерализированных верований интеллигенции в «женском вопросе».

Следующим на очереди был вопрос «Как эту мечту согласовать с жизнью?»[43], т. е. как привлечь женщин в ряды общественности. Необходимыми первоочередными шагами было признано так называемое «развитие женщин», т. е. «вооружение их знаниями»; устройство мастерских и деятельность в них «развивателей» по нравственному развитию женщин и приучению их к труду, а также обсуждение «женского вопроса» на страницах специального журнала.

Эти представления определили деятельность «печальников женского вопроса». Таким образом, еще одной характерной чертой «женского вопроса», также сохранившейся на всем протяжении его существования, стала тема образования женщин. Историк Б. Б. Глинский в своих «Очерках русского прогресса» подытожил мнение многих своих современников. Он писал: «Центр тяжести женского вопроса <...> лежит в очень немногом, и прежде всего и главнее всего — в праве женщин на образование. Невежество женщин, может быть, представляет еще худшее зло для общества, чем невежество мужское, потому что все интимные и наиболее важные стороны нашей жизни находятся в руках женщин»[44].

Эти идеи нашли широкий отклик среди молодых женщин-дворянок. Идеи, вырабатываемые в столицах, давали им представление, в каком направлении нужно двигаться. В. Засулич вспоминала: «Начало 60-х годов облекло столицы, а в особенности Петербург, в самый яркий ореол. Издали, из провинции, он представлялся лабораторией идей, центром жизни, движения, деятельности <...> за выяснением, что это за “дело”, женщины <...> начинали рваться в Петербург. Но в Петербурге натыкались на ту же шаткость и неопределенность понятий, на “ерунду”, от которой они бежали из провинции»[45].

Осмысление «женского вопроса» самими женщинами состоялось позднее. Изменение своего положения рассматривалось женщинами-дворянками, женщинами из разночинной среды, тех, кто в данной работе определены как жен-

щины среднего класса, как результат развития общества. Эти женщины выступали против понимания «женского вопроса» как явления привозного и модного, придуманного петербургскими сочинителями. Они выступали против восприятия своих стремлений к участию в делах общественности, к знаниям, науке и труду как к «наваждению лукавого духа властолюбивого Запада, утратившего нравственный идеал женщины, который может дать только русская натура»[46].

Одна из этих «новых женщин», М. К. Цебрикова, видела в женщине актора социальных процессов, утверждая, что женщина делом может доказать, «что для нее прошло время быть одалиской и бесправной рабой»[47]. На пути новых женщин к собственной социальной субъективности она видела такие препятствия, как религию, законы и строй жизни и определила их «внешними препятствиями». В то же время она только что не первая обнаружила специфические женские проблемы на пути к свободной личности — «носить в себе самом врага», по ее выражению[48]. Это были проблемы психологического и духовного свойства. Для того чтобы идти по новому пути, женщинам требовалось переосмыслить отношение «старого общества к женскому вопросу» и противостоять устаревшим взглядам. Эти препятствия Цебрикова определяла как препятствия «внутренние»[49]. Главным источником в их преодолении она объявила «веру в себя».

В определении значимости «женского вопроса» М. К. Цебрикова ссылалась на О. Конта, который видел в нем «один из основных социологических вопросов, вопросов о главном, элементарном основании всякой общественной иерархии»[50]. Она видела в решении «женского вопроса» необходимый шаг на пути прогрессивного развития общества. Мария Константиновна писала: «Так называемый женский вопрос есть вопрос о правоспособности и освобождении целой половины человечества, и следовательно, вопрос о разумном устройстве жизни всего человечества»[51]. «Внутренние» женские проблемы Цебрикова рассматривала как проблемы социально значимые.

В начале XX века «женский вопрос» наполнился политическим содержанием. Русские феминистки активно использовали этот термин для обоснования своих притязаний. Неизвестная авторша на страницах Первого женского календаря написала по поводу «женского вопроса», что его характеризует «положение полного бесправия и экономического рабства» женщин, которые обладают меньшими способами и путями для борьбы за существование, работа которых оценивается дешевле, существующие паспортные законы и положение в семье унижают ее, а в плане политическом она приравнена к слабоумным и преступникам[52].

Таким образом, в 1860-е годы начала складываться традиция, по которой решение проблем женщин рассматривалось принципиально важным шагом для демократического развития общества. «Чем развитее цивилизация, тем сглаживается более видимое неравенство между мужчинами и женщинами,

хотя суть этих отношений во многом удерживается», — писал А. С. Гиероглифов[53]. В дальнейшем эта тенденция только набирала силу. «В действительности нет изолированного *женского вопроса*, потому что он составляет одно из звеньев неразрывной цепи жизненных вопросов нашего времени», — писал критик, публицист, либерал по убеждениям и кадет по партийной принадлежности В. А. Гольцев (1850–1906 гг.)[54].

Генерализированные убеждения женщин и мужчин 1860-х годов напрямую корреспондировали определенным типам коллективных действий. Основным каналом их распространения, в том числе и в женской среде, было подцензурное печатное слово.

1.2.2. Формирование дискурса движения

Для понимания специфичности российского женского движения представляется важным определение и описание дискурса движения с тем, чтобы воссоздать «профиль эпохи» (М. Фуко), то есть реконструировать основные смысловые категории, в которых «работало» движение. Дискурс не является некой текстовой или диалогичной структурой. Это сложное коммуникативное явление, которое включает в себя социальный контекст, дающий представление об участниках коммуникации, о процессах производства и восприятия текста. Дискурс движения выступает одновременно как фактор его развития, как внешний ресурс движения и как канал мобилизации его участников.

Понятие «дискурс» имеет множество интерпретаций и пониманий. По Ю. Хабермасу, дискурс — вид речевой коммуникации, ориентированной на обсуждение и обоснование любых значимых аспектов действий, мнений и высказываний их участников. По Ю. Кристевой — элемент практики, включающей в себя ансамбль бессознательных, субъективных, социальных отношений, находящихся в состоянии борьбы, присвоения, разрушения и созидания, что и есть «литература» или текст. По М. Фуко — определенные интеллектуальные практики и стратегии. Принимая во внимание все приведенные выше высказывания, в данной работе в качестве рабочего инструмента используется определение дискурса как «единства языковой формы, значения и действия»[55]. Это значит, что дискурс — это есть и специфический язык с его понятиями, терминами, определениями и идеологические построения, и коммуникативное действие одновременно, воздействующие на реальность и конструирующие ее. Это «социальный диалог между всеми структурами общества»[56], включенными в этот диалог: социальными институтами, организациями движения, партиями, политическими группами, индивидами.

Дискурс — одна из характеристик исторического контекста, на фоне которого развивалось общественное движение и в то же самое время составляющая движения, его внешний ресурс.

Основная категория политического дискурса женского движения — концепция женщины, то есть основная идея для описания феномена. Концепция женщины менялась на протяжении всего существования движения: от зарождения до его ликвидации.

На первом этапе движения (1850–1905 гг.) продуцировалась концепция женщины, стремящейся найти свое место в «общем деле», в едином строю с мужчиной, то есть общедемократические установки были приоритетными. Для второго этапа движения (1905–1918 гг.) характерны гендерные приоритеты — концепция женщины, обнаружившей дискриминацию по признаку пола в самих демократических движениях и в ходе демократических преобразований с дальнейшим определением гендерного неравенства как основы социальных конфликтов. На первом этапе движение не носило протестного характера, это пришло позже с появлением оппозиционного сознания, выработкой протестной идеологии.

Интерпретация концепции женщины, моделей женственности в различных дискурсах — официальном, либеральном, радикальном — была различна. «Сохранение понимания при сложностях взаимодействия, а то и при отсутствии прямой коммуникации между субъектами социального процесса, говорит именно о различии дискурсов взаимодействующих субъектов»[57], о противостоянии их друг другу. Таким образом, происходит языковая демаркация, свойственная любому общественному движению и являющаяся качественной характеристикой протестного движения.

Если женское движение в начале своего становления использовало политический дискурс зарождающихся либерально-демократического и радикально-демократического движений, которые в то время разнились мало, и он вполне удовлетворял потребности в описании и объяснении, мобилизации, то, начиная с 1890-х годов движение начинает продуцировать собственный дискурс. Это повлекло за собой изменение в постановке проблемы, в ее описании и в дальнейшем конструировании, привело к изменению мобилизационного потенциала движения — новшества отпугнули одних и привлекли других. А. В. Амфитеатров зафиксировал этот процесс в своей блестящей полемической статье «Женщина в общественных движениях России»[58], в которой он ядовито констатировал тот факт, что русские писатели — «жоржзандисты 40-х годов», поддерживавшие женщин в их стремлении к эмансипации, «сплоховали» и отступились, когда русская женщина всерьез взялась добиваться своих прав, не дождавшись ответов от Рудневых и Лаврецких. К этому же выводу пришла М. К. Цебрикова, анализируя творчество А. Ф. Писемского — одного из первых разработчиков «женской» темы в русской литературе (1840-е гг.), которого она обвинила в отречении от своего детища — темы эмансипации женщин[59].

Происходило это потому, что «печальники женского вопроса» проблематизировали и конструировали ситуацию в рамках господствующего патриархатного дискурса, «работая» в рамках существующих концепций и стереоти-

пов женственности, и при всем своем искреннем желании помочь женщине, они не могли предложить ей какого-либо реального пути. Потому что реальный путь женского освобождения пролегал через ломку этих самых концепций, стереотипов и моделей женственности.

Концепция женщины, создаваемой и поднимаемой мужчиной до своего уровня (изваянной Галатеи), и концепция мужчины (ваятеля Пигмалиона) соответствовали уровню понимания проблемы и определили пути ее решения российской общественностью в 1830–1860 годы.

Процесс осмысления женских проблем был двусторонним и взаимообусловленным. Не только представители мужской интеллигенции видели специфичность и «недостаточность» положения женщины в обществе, ущемленность ее прав и думали о необходимости изменения такого положения, что зафиксировано отечественной исторической наукой, но и образованные русские женщины, переживая кризис идентичности, также размышляли на эту тему и развивали ее — то, что российская наука еще практически не исследовала.

Провинциальная писательница Е. А. Ган в 1837 году написала «кажется, будто мир Божий создан для одних мужчин; <…> для них свобода и все таинства жизни», а если надежды женщины «на семейное счастье не сбудутся, что остается ей вне себя? Ее бедное ограниченное воспитание не позволяет ей даже посвятить себя важным занятиям, и она поневоле должна <…> до могилы влачить жалкое бесцветное существование»[60].

Только современные исследования, проведенные с позиций гендерной методологии, позволяют обнаружить «женскую» составляющую социальных процессов. Образованные женщины-дворянки переосмысливали в 1840-е годы модели женственности, предлагаемые им обществом. Они искали новой идентичности и отходили от прежних моделей женственности[61].

Официальный дискурс: 1830–1840-е гг.

У прогресса с старым веком спор великий рос.
«Уходи, старик, без злости» говорил прогресс:
Мы твои положим кости под тяжелый пресс.
Мы в способность женщин верим, в их гражданский путь,
Не запрем их в душный терем, им дадим вздохнуть.

Обличительный поэт

Тема «русской женщины в российском обществе» впервые была поднята в 1830–1840 годы в среде людей, «стремящихся к умственному и нравственному развитию» (историк А. А. Корнилов), т. е. российской интеллигенции в самом широком смысле слова. Позднее, в 1860-е годы, она стала предметом национальной дискуссии.

В целом 1830–1840 годы отмечены подъемом интеллектуальной и духовной жизни русского общества. Деятельность студенческих кружков с начала 1830-х годов, в том числе кружков Н. В. Станкевича и А. И. Герцена, развивалась в обсуждении разного рода этических, философских, социальных и политических проблем. Например, проблемы «нравственного государства» не подавляющего, а охраняющего личную свободу, что общеизвестно. Или «проблему женщины» — ее роли, предназначения, моделей женственности, что не очень известно. «Женщина играла в этих спорах очень важную роль; теоретически ей предоставлялась роль высшего существа, предназначением которой было пересоздать мужчину. Среди табачного дыма и за стаканами вина решались вопросы, как женщина должна любить: то от нее ждали любви по Шиллеру, то она должна была чувствовать по Гегелю, то ей рекомендовалось проникнуться настроениями Жорж Занд. И все это предъявлялось одному и тому же женскому поколению на очень коротком промежутке времени в одинаково безусловной догматической форме»[62]. Женщины 1840-х годов не могли участвовать в этих спорах. Правила приличия не допускали их в круг молодых людей. Кроме того, они не имели достаточной интеллектуальной подготовки для подобного рода дискуссий. А между тем перед ними встала проблема соответствия предписываемым моделям чувствования, поведения, женственности. И с той же неизбежностью встала проблема собственного осознания, обнаружения собственной идентичности, поиска ответа на вопрос «кто я?» и «как мне остаться самой собой?».

Активизировавшаяся в эти годы издательская деятельность, появившиеся новые печатные издания — «Московский вестник» (основан М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым в 1826 г.), «Телескоп» (основан Н. И. Надеждиным в 1831 г.), «Московский телеграф» (основан Н. А. Полевым в 1825 г.) доводили до читателей новые идеи. По словам Герцена, то было время наружного рабства и внутреннего освобождения. Знаковыми именами этой эпохи были имена А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. В. Станкевича.

Дискурс основных печатных изданий — газет, толстых журналов и беллетристики — составил культурный ресурс, который во многом определил дискурс женского движения и его мобилизационный потенциал.

Представляется, что художественная литература занимает в этом ряду законное место, так как была «единственной трибуной подцензурного печатного слова» (Герцен) и имела широкое распространение в различных слоях общества. Эта функциональная особенность русской литературы осмыслялась русской интеллигенцией. В числе многих об этом писал П. А. Кропоткин: «Ни в какой иной стране литература не занимает такого влиятельного положения как в России. <...> Причина такого влияния литературы в России вполне понятна. За исключением немногих лет перед и вслед за освобождением крестьян, у нас не было *политической* (курсив мой. — *И. Ю.*) жизни и русский народ был лишен возможности принимать какое-либо активное участие в деле создания институций родной страны»[63].

Таким образом, художественная литература в России вошла в сферу политики и выполняла несвойственные ей мобилизационные функции. Читатель той эпохи искал в художественных произведениях ответы на актуальные вопросы жизни; ценил нравственный, воспитательный, обучающий аспект художественного произведения; относился к писателю как к учителю жизни. Писатели, в свою очередь, оперативно реагировали на новшества, на инновации российской жизни, отражая и осмысляя идеи эпохи в своих произведениях. Писатель эпохи русского реализма осознавал гражданскую ответственность за отображение действительности. Он находился в состоянии непрерывного диалога с читателем, в значительной степени определял смыслы, установки, интерпретативные схемы (фреймы), в рамках которых шло формирование общественного мнения.

Критика того времени также оценивала художественные произведения, оперируя категорией «пользы», прежде всего с позиции «общественных интересов». Тот же Белинский приветствовал и поддерживал «общественное направление» в литературе.

Писатели — духовные отцы нации 1830–1840-х годов — никак не могли пройти мимо женской темы. Причин тому было несколько.

Осознание российской реальности — позора рабовладения и патриархатной зависимости всех классов и слоев общества от абсолютной власти одного человека. Переосмысление идей Просвещения о ценности и суверенности личности, о правах человека и гражданина, об инициативе личности, о принципиальном равенстве людей — все это входило в «умственные интересы» русского образованного общества. Идеи европейских революций о суверенитете каждого гражданина были восприняты в этой среде и имели своим результатом вывод о необходимости эмансипации русского общества. Эмансипация рассматривалась как освобождение от феодально-абсолютистского уложения жизни и становление общественного равноправия и свободы, как процесс становления личности и возможностей ее реализации, а также появление новой личности. В России шел процесс индивидуализации сознания, в котором мужская личность воспринимала себя уже субъектом и ценностью общества. Права человека осмыслялись как высшее достижение гуманизма. Практика ограничения женщин исключительно делами семейными рассматривалось, соответственно, как нарушение ее человеческих прав. Декларации об уважении к естественным правам человека вплотную подвели русскую интеллектуальную элиту к проблеме женской личности и прав женщины. Эти идеи поставили женщину в центр интеллектуальных дискуссий.

Одновременно с этим, «женская тема» нашла отражение в общих тенденциях русской культуры. Это было время, когда в русле романтической традиции шло конструирование мужской идентичности, а выстраивание романтических образов «героев» и «избранников» требовало, соответственно, конструирования и женской романтической идентичности. Об этом писала Л. Я. Гинсбург: «Романтическая культура непременно предполагала и требо-

вала присутствия женщины в качестве прекрасной дамы, носительницы вечноженственного начала и проч. Это побуждало женщин романтического круга[64] играть определенную роль, независимо от своих личных данных и дарований»[65]. Другими словами, романтическая культура определяла роли, манеру поведения женщин, а вторичное положение женщин в патриархатной культуре общества принуждало их «встраиваться», соответствовать предписываемым и навязываемым моделям женственности и образцам поведения. Вопрос о том, насколько соответствовал образ «шиллеровской девы» внутренним устремлениям, самовосприятию и самоосознанию реальных женщин, насколько удовлетворяли их предлагаемые модели женственности — «ребенка», «святой чистой девы» при муже — «отце и учителе» не ставился. Но в любом случае переосмысление концепции женщины, выработки новых моделей женственности шло не только в среде мужской интеллектуальной элиты, но и реальными женщинами.

Исследования И. Л. Савкиной показали, что идеализация мужской интеллектуальной элитой «женского элемента» — женщин, женского, женственного — по сути была одним из способов умаления женщины, всего женского и отражала фактическое положение женщины в патриархатной культуре[66]. По мнению исследовательницы, «агрессивно-идеологическая, патриархатная позиция «подлинных идеологов», которые третировали все неидеологическое, а точнее и все другое (и женское как самое привычное другое, другое, которое всегда под рукой), как несущественное и незначимое, разрешала им поглощать и использовать в своих целях реальных женщин[67]. С позиции изучения движения важно, что это отношение вызывало определенную реакцию женщин — самоопределение себя, поиски собственной идентичности и понимание того факта, что общий строй патриархатной культуры не позволит им реализовывать себя.

С другой стороны, на актуальность женской темы в кругах русских интеллектуалов повлияло обращение к этой теме западной социальной мысли. Женская тема стала предметом интереса и рассмотрения во французской интеллектуальной мысли, в диалоге с которой в значительной степени развивалась русская интеллектуальная мысль.

Идеи Жорж Санд обозначили «общественный», «политический», «идеологический» поворот в теме женщин.

Имя Жорж Санд (1802–1876 гг.) стало популярным в России в контексте идей новых моделей женственности. Тем самым она заняла особое место в подготовке общественного мнения России к восприятию проблем женской личности. Проникновение в Россию в начале 1830-х годов ее романов, представлявших «живой протест против рутинных, вековых предрассудков, порабощавших женщину»[68], усилило в России интерес к «женской» теме. Встречены они были недружественно.

Жорж Санд разрабатывала темы, составляющие женский мир XIX века — любовь, брак, семья, дети. Правда, в иной постановке. Она рассматривала

отношения власти, зависимость и угнетение женщины в браке, в семье; обосновывала идеи безнравственности брака без любви; влияния сословных предрассудков и социального неравенства на отношения мужчины и женщины, требовала равенства чувств и равенства в семье. Она «прописала» путь женщины к своей независимости, хотя и не декларировала его. Это была деятельность женщины вне семейной сферы, право женщины на самостоятельное решение собственной судьбы.

Жорж Санд

Идеал женщины по Жорж Санд вобрал в себя опыт общественной деятельности женщин-республиканок, участниц французских революций 1830 и 1848 годов, свидетельницей которых она была и имела возможность наблюдать. И этот идеал сильно отличался от романтического женского идеала «чистой девы» при муже-учителе.

Феномен самой Жорж Санд, своим интеллектуальным трудом, практикой своей жизни отрицавшей традиционные нормы поведения для женщины и взявшей на себя новую для женщины роль писательницы, общественной деятельницы, идеолога, — свидетельство кризиса традиционной женской идентичности в Европе — воспринимался россиянами как образец «новой женщины», способной обновить мир.

По свидетельству современников влияние Жорж Санд на русское общество 1830–1840-х годов было огромным. Франция с 1789 по 1848 год пережила три революции, и из крепостной России на нее глядели как на школу гражданской зрелости, а на романы Жорж Санд — как на популярное изложение новых идей и интеллектуальных течений.

Трудно сказать, сколько романов Ж. Санд было переведено и опубликовано в 1830–1850-е годы. Они переводились и печатались многими толстыми журналами, но несомненно одно: и в оригинале, и в переводах романы были очень популярны. Период между 1830–1850 годами называли 20-летием «жоржзандизма».

Для официальной идеологии взгляды Жорж Санд были абсолютно неприемлемы. Консервативная критика увидела в ее романах, в которых протест против семейной тирании сочетался с идеями утопического социализма, угрозу женской нравственности, идущую из революционной Европы. Такие издания, как «Северная Пчела», «Библиотека для чтения»[69] характеризовали ее романы в терминах «неженской смелости», «цинизма», «бесстыдства» и «безнравственности»[70]. Ф. В. Булгарин называл Ж. Санд не иначе как «чудовищем» и «нравственным уродом»[71].

В полемике с ней определились взгляды многих представителей российского духовного олимпа.

Социолог, критик, философ и лидер славянофилов А. С. Хомяков был принципиальным противником Жорж Санд. Он находил ее идеи «одинаково безрассудными и одинаково отвратительными»[72]. Разделенность и неравность

полов он рассматривал как Божий промысел, а женская эмансипация была для него не чем иным, как правом женщины на разврат наравне с мужчиной, дорогой к «войне полов», к полной женской зависимости и к деградации общества. Место женщины, по его мнению, было только в семье, которая являлась единственной оградой женщины от «буйной энергии мужского превосходства», и с исчезновением этой ограды эмансипированная женщина должна была превратиться в рабу мужчины[73]. При этом «старый бретер диалектики» не сомневался, что «протест целой школы, проповедующей эмансипацию, не пройдет без следов и что обществу предстоит впереди неизбежный выбор: или расширение пределов дозволенного разврата на женщину, или подчинение мужчины строгости нравственного закона»[74].

Его высокая оценка «сердца женщины», облагораживающей «ум мужчины» (образец все того же умаления женского), вполне соответствовала концепции женщины и идеальным образцам женственности, которые подтачивала Жорж Санд и которые хорошо отражены в известных строчках Д. И. Дмитриева-Мамонова:

Пленяйте красотой, любовию своей
Вы наши суть звезды, блистайте так собою
И зверский нрав людей смягчайте красотой.
Красавица моя, красавица есть станом,
Красавица лицом,
Красавица умом,
А более всего красавица и нравом.

Н. В. Гоголь оценил Жорж Санд как писательницу, которая «в немного лет произвела сильное изменение в нравах, чем все писатели, заботящиеся о развращении людей»[75].

Демократическая критика поначалу приняла Жорж Санд очень сдержанно, но быстро продвинулась в сторону поддержки ее идей, а затем и восторженной оценки ее творчества, видя в ней выдающуюся писательницу, сумевшую раскрыть миру истинное, зависимое и трагическое положение женщины. Тот факт, что Жорж Санд совместно с П. Леру издавала журнал «Revue independante», серьезно поднимал ее авторитет и придавал «идеологичность» и значимость ее идеям о женщинах в среде русской интеллигенции. Журнал рассматривал и развивал идеи равенства, общинного самоуправления, коллективной собственности, обязательности труда и был источником сведений для русских интеллектуалов о западной социальной мысли.

Д. И. Писарев назвал Жорж Санд «полезным работником нашего дела». К. В. Кавелин называл ее книги «нашим Евангелием».

Изменил свое первоначально отрицательное отношение к Жорж Санд «гладиатор русской критики» В. Г. Белинский. Как сложившийся к тому времени «европеец», он ратовал за европейский путь развития страны и идеи Ж. Санд были полностью восприняты им. Она предстала ему «гениальной женщиной»,

«первой поэтической славой мира», «Иоанной Д'Арк» и «энергическим адвокатом прав женщин», взгляды которой он называл «откровением», а ее творчество осмыслялось им как призыв к освобождению человека, как отказ от лжи в человеческих отношениях.

П. Н. Ткачев и Л. Н. Толстой отзывались о ней дурно.

Герцен услышал в романах Жорж Санд «голос женщины». «Разве голос G. Sand не заявил мнение женщины?» — вопрошал он[76].

Хотя, по мнению исследователей, русских интеллектуалов в романах Ж. Санд куда больше привлекали социальные идеи, нежели проблемы женщин[77].

Отношение к Ж. Санд было мерилом прогрессивности. По свидетельству современников в 1830, 1840, 1850-е годы не только литераторы, но и рядовые читатели должны были определить свое отношение к ней. «Пора нам бросить эту Жорж Санд, которая всем надоела со своей бабьей эмансипацией», — писал переводчик И. И. Введенский А. П. Милюкову в 1843 году[78]. Но и в 1847 году «Санкт-Петербургские ведомости» еще писали: «Если вы не стоите на коленях перед Жорж Занд, то вы несовременный человек»[79].

Другим основанием обращения к теме «положения женщин в российском обществе» было то, что проблема эта становилась частью освободительной доктрины и рассматривалась как составляющая задача освободительного движения. Деятели демократического направления — А. И. Герцен, Н. П. Огарев, В. Г. Белинский, М. В. Буташевич-Петрашевский, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. П. Боткин, М. А. Бакунин, Т. Н. Грановский и др. в той или иной степени признавали, что частью общей эмансипации российского общества должна стать эмансипация женщины. Другой вопрос, оказавшийся позднее очень значимым, — что понимать под эмансипацией женщины?

Помимо этих внешних факторов, повлиявших на легитимацию проблем женщин в русской интеллектуальной среде и общественной мысли в 1830–1840-е годы, существовали еще и внутренние причины, способствовавшие этому процессу. А именно — личный опыт «духовных отцов нации».

Исследование И. Л. Савкиной демонстрирует нам на примере А. И. Герцена, жизнь которого подробно описана в дневниках и мемуарах, как драматически проходило переживание кризисов идентичности, переосмысление концепций и моделей женственности четой Герценов.

А. И. Герцен

В. Г. Белинский

В. П. Боткин

Т. Н. Грановский

Н. А. Герцен

Драматизм судьбы Н. А. Герцен — супруги А. И. Герцена оставлял, по мнению исследовательницы, ощущение «избыточности задатков ее женской натуры» и невозможности их реализации. С высокой степенью достоверности можно предположить, что в эти годы не одна только г-жа Герцен переживала подобное состояние, что оно было знакомо многим женщинам ее круга. Об этом пишет другая исследовательница — И. М. Рудая: «Именно в 1830–1840-е годы в русском обществе все глубже и трагичнее осознавалась невозможность проявить то душевное богатство, которым была наделена женщина и которое силой социальных обстоятельств было замкнуто для нее узким кругом домашних забот и обязанностей. Неудовлетворенность жизнью, проникавшая все глубже в сознание женщины, составляла своего рода знамение времени и вскоре нашла яркое воплощение в литературе»[80].

Таким образом, 1830–1840-е годы можно определить началом формирования новой идентичности женщин образованных групп, кануном кануна формирования коллективной идентичности, самосознания женщин привилегированных сословий.

Г. Зиммель писал, что изменение исторической жизни происходит тогда, когда средний класс осваивает ту или иную идею и интентифицирует процесс: «Социальное и культурное движение стало идти в совсем ином темпе с той поры, как его возглавило tiers etat (третье сословие)»[81]. Но постановка самой проблемы часто в истории была приоритетом высших классов.

Рассмотрение проблем женщин в общественных дискуссиях шло в двух направлениях — проблемы женщин в приватном пространстве и в публичном. В первом развивались сюжеты роли и бесправия женщины в семье, неравенства в браке. Во втором — роль и назначение женщины в обществе, рассматривалась принципиальная возможность деятельности женщины вне семьи, формы этой деятельности, а также ложность и односторонность женского воспитания как причины, формирующей ситуацию. Отдельно ставился вопрос о праве женщин быть писательницами, то есть о правомерности нарушения женщинами неких конвенциональных актов, мужской прерогативы писания и говорения, т. е. производство своего дискурса и через то — влияние на духовную жизнь общества; об отношении к идеям Сен-Симона и романам Жорж Санд.

Между тем широкая российская читающая публика восторженно приняла произведения писательницы, увидев в них освещение давно назревших проблем. Отрицательное отношение официальной прессы, попытки дискредитировать личность писательницы, ирония над читателем, зачитывающимся ее романами[82], только подогревала интерес к личности Жорж Санд, ее романам и спровоцировали «моду на Жорж Занд». Мода популяризировала «апологию свободы чувств» в среде социально пестрой, в том числе эти идеи

проникли и в оплот девичьей аристократии — Смольный институт[83]. Идеи «жорж-зандизма» разнеслись по просторам Российской империи, где они попали в благоприятную почву и получили дальнейшее развитие.

Отношение к женской проблематике духовных отцов нации было неоднозначным. С одной стороны, русские «жоржсандисты 40-х-годов» — и А. И. Герцен и В. Г. Белинский в их числе — в качестве безусловных идей Жорж Санд приняли идею женской свободы, права женщины на выбор и выход ее в сферу «общих интересов», т. е. в публичную сферу. С другой стороны, их беспокоило, как бы эмансипация не разрушила женственность, «ее главные патриархатные тотемы — грацию, прелесть, кроткость и любовь»[84]. Об этом же беспокоился Н. И. Пирогов. «Женщина с мужским образованием и даже в мужском платье, всегда должна оставаться женственной, — утверждал он, — и никогда не пренебрегать развитием лучших дарований своей женской природы»[85].

Этот страх перед неженственной женщиной, т. е. перед женщиной, разрушившей традиционные модели женственности, хорошо слышен в рассуждениях критика этого времени Н. Н. Веревкина (псевдоним Рахманный): «Женщине надобно быть женщиной. Когда она <...> вооруженная пером, <...> пускается в умствования, все женское в ней исчезает. Мы <...> причисляем ее к разряду чудовищ, которых настоящее место не в будуаре, благоухающей резедой и амброй, а в кабинете естественной истории»[86]. Именно эти умонастроения позднее позволили А. В. Амфитеатрову определить первых «печальников женского вопроса» «сплоховавшими жоржсандистами 40-х годов».

Но искреннее стремление осмыслить проблему присутствовало, и начало разработки темы было положено. Так, А. И. Герцен много размышлял в своих дневниках о проблемах семьи, брака, положения женщины в обществе. Одной из причин, сделавшей эту тему актуальной для него, как уже было сказано, был семейный кризис и попытка выстроить отношения с супругой. Герцен объяснял личностные проблемы своей жены и ситуацию их семейного кризиса ее «воспитанием» и «илотским», т. е. рабским положением женщины в обществе, женской замкнутостью в тесной сфере домашних интересов[87]. Он сделал вывод, что спасение для женщины — это эмансипация и выход во «всеобщее».

Что же понимать под эмансипацией женщин? Каким «подлинные идеологи» общества видели путь выхода женщины «во всеобщее»? Что могли они ей предложить в качестве ее общественного участия? Увы, немногое. Большинство общественных деятелей, сочувствующих женской эмансипации, предлагали женщине самореализацию опять-таки в круге традиционных «женских призваний» — ответственное материнство (роль матери-воспитательницы), обязанности в отношении мужа (роль подруги-соратницы), а также некую деятельность в сфере религии и искусства.

Как относились сами женщины к «женскому вопросу», идеям Жорж Санд, столь активно обсуждаемому мужчинами?

Реакция женщин на романы Ж. Санд, судя по мемуарной литературе, была восторженной. Ее творчество и политическая деятельность способствовали формированию нового образа женщины, нового женского идеала — свободной, сильной женщины, выбирающей самостоятельно свою судьбу, идущей рядом с мужчиной, но отдельно от него. «О, великая Санд, — записала в своем дневнике 13 ноября 1846 года Н. А. Герцен, — так глубоко проникнуть в человеческую натуру, так смело провести живую душу сквозь падения и разврат и вывести ее невредимую из этого всепожирающего пламени. Еще четыре года назад Боткин смешно выразился о ней, что она Христос женского рода, но ведь в этом много правды»[88].

В отличие от мужчин-идеологов, женщин в романах Ж. Санд (на примере Н. А. Герцен) привлекали не идеи социального переустройства общества, а конструкция новой женственности, женщины как свободной самостоятельной личности, имеющей право на собственный, не продиктованный мужчиной и не определенный обычаями и предрассудками выбор на собственные желания[89]. Н. А. Герцен пережила смену модели женственности (самости) как глубокий кризис идентичности. Она отказалась от образа «святой чистой девы» при муже — «отце и учителе» и приняла как приемлемую для себя «жоржсандовскую» модель женственности[90]. Вот почему критик В. Ф. Боцяновский с высоты конца XIX века увидел связь Жорж Санд с изменениями в русской женщине — смене идеала и концепции женщины, моделей женственности и написал: «Положение, которого добилась современная русская женщина, является одним из наиболее видных листков в лавровом венке Жорж Санд»[91].

Опасения консервативной прессы оправдались: влияние Ж. Санд сказалось на русских женщинах, в первую очередь, в сфере сексуальной свободы. Новое понимание любви между мужчиной и женщиной стало на какое-то время основой понимания равноправия. Перенесение в реальную жизнь российской женщины моделей поведения литературных героинь Жорж Санд вызывало шок в обществе и гневные филиппики в прессе. Но мысль о своем безусловном праве распоряжаться своей судьбой и своим телом привлекала в романах Ж. Санд многих женщин. Свидетельством выступает женская литература, как проявленная женская рефлексия. Так, созвучие с «преступными волнениями героинь Жорж Санд» испытывала героиня популярного романа Ольги Шапир с многозначительным названием «Одна из многих».

Герцен увидел в «аристократическом камелизме», т. е. уходе жены от мужа ради другой любви, женский протест: «ее (женщины) протест был дик, но и положение ее было дико <...> Это (был) своего рода полусознанный протест против старинной, давящей как свинец семьи, против безобразного разврата мужчин»[92]. Он считал, что это явление, которое проявилось в российском обществе под лозунгом «свободы сердца» по Жорж Санд, длилось «не далее самого начала 1840-х годов» и было закономерным. «Травиаты наши в исто-

рии нашего развития <...> имеют свой смысл и значение и представляют удалую и разгульную шеренгу авангардных охотников и песельников, которые <...> идут в первый огонь, покрывая собой более серьезную фалангу, у которой нет недостатка ни в мысли, ни в отваге, ни в оружии»[93]. В этом он оказался пророком.

Новый женский идеал был связан с концепциями женственности, развиваемыми Жорж Санд. Именно поэтому А. В. Амфитеатров, исследуя роль женщин в общественных движениях, также высоко оценил влияние Ж. Санд на женщин и на формирование условий для женского участия в политическом процессе. Он писал: «Нигде знамя женской свободы, поднятое вдохновенной Жорж Санд, не было встречено с такой радостью, как в России»[94].

Тема «положения женщины в российском обществе» стала популярной на страницах печати.

Одним из первых журналов, затронувших этот вопрос еще в 1833 году, был «Московский телеграф» Н. А. Полевого. Он открыл эту тему переводной статьей Сальванди «Об участии женщин нашего времени в просвещении»[95]. Главная мысль статьи заключалась в том, что наличие в обществе одаренных женщин определяется степенью свободы, предоставленной им. Женщину нужно освободить от ига предрассудков, сковывающих ее развитие. В качестве примера приводилась госпожа де Сталь. Сальванди приветствовал участие женщин в литературной деятельности и искусствах, но считал, что этим общественная деятельность женщин и должна ограничиться, — политическая деятельность женщинам ни к чему. Идеи Сен-Симона осуждал, скорбел о заблуждениях Жорж Санд.

«Московский телеграф», открыв столь прогрессивной по меркам своего времени статьей обозначенную тему, выработал свою достаточно последовательную позицию. Сочувственно отзывался о творчестве женщин-писательниц[96], пропагандировал идеи уважения к женской личности, уму и дарованиям, привлекал женщин к сотрудничеству, не одобрял существующего женского образования. В 1834 году журнал был закрыт, но в спор по поводу женской эмансипации включились новые издания.

«Телескоп» и «Молва» Н. И. Надеждина поместили исторические обзоры деятельности женщин различных стран и эпох[97]. В основном это были переводы из английских и французских журналов. Позиция журналов была непоследовательной и до прихода В. Г. Белинского в 1835 году более консервативной. Журналы отводили в качестве главной сферы деятельности женщин — семью, главными женскими ролями — роли жены и матери. Отрицали идеи Сен-Симона. Так, в статье «Впечатление от Парижа»[98] автор внушал читателям, что идея женской эмансипации вызвана исключительно сумасбродством Сен-Симона. Но затем темы неравенства женщины в браке, бесправия в семье и обществе получили постоянную прописку на страницах журнала. Эти мысли нашли отражение в беллетристике П. Н. Кудрявцева, И. И. Панаева, статьях Андросова, В. Г. Белинского, Ш. Нодье[99].

«Московский наблюдатель» явился выразителем двух диаметрально противоположных взглядов. До 1838 года — охранительного толка. В статье «Об участии и нравах женщин между нынешними народами Европы»[100] основной целью воспитания и образования женщины определялась подготовка ее к семейной жизни, умение быть «центром семьи своей», и выходить за эти пределы женщине не надлежало, ибо «ученая женщина есть уже нарушение естественного определения природы». Эмансипационная идея оценивалась резко отрицательно, сен-симонисты обвинялись в безнравственности и разврате. В 1838 году журнал перешел в руки членов кружка Н. В. Станкевича и его фактическим, хотя и не объявленным редактором стал В. Г. Белинский. Позиция журнала резко изменилась. Теперь «Московский наблюдатель» сочувственно относился к стремлению женщин включиться в духовную жизнь современного общества, признавал творчество женщин-писательниц без какой-либо ограничительной программы, осуждал насильственные браки, подчиненное положение женщины в семье, защищал ее человеческое достоинство. В конце 1830-х годов это был единственный журнал, который занял четкую позицию в поддержку женщин во все разрастающихся спорах по вопросам женской эмансипации.

В целом позиция русской интеллигенции в женском вопросе была противоречивой. Женщина почиталась, но в то же время принижалась общим строем русской жизни. С одной стороны было очевидно несправедливое положение женщины в обществе и с позиций общечеловеческой гуманности прогрессисту должно было делать все, чтобы справедливость восторжествовала. С другой стороны законодательно, в официальном и юридическом дискурсе женщина рассматривалась только что не как собственность мужа (паспортные ограничения, ограничения передвижения, ограничения на учебу, работу) и эти представления о женщине были распространены в культуре, составляли ее суть.

Фронт противников женской эмансипации оформился силами «Сына Отечества», «Современника» (П. А. Плетнев), «Москвитянина», «Патриота», «Улья» и др., которые отстаивали идею, что положение женщины вполне соответствует ее «природным» функциям и предназначению.

Таким образом, на страницах прессы происходила ревизия прошлого и настоящего русской женщины, шел процесс переосмысления и переконструирования концепции женщины, моделей женственности и всех политических смыслов с этим связанных. Шел непрекращающийся процесс становления и обновления проблем женщин и интерпретативных схем (фреймов), т. е. способов понимания этих проблем, которые, собственно, являлись мобилизационным ресурсом и определяли политические возможности зарождавшегося общественного движения.

«Женская» проблематика через художественные образы осмыслялась в литературе, которая все более становилась ареной политической дискуссии. Романы на «женскую» тему имели успех у публики: «Катенька Пы-

ляева» (1836 г.), «Флейта» (1839 г.) П. Н. Кудрявцева; «Кто виноват?» (1845 г.), «Сорока-воровка» (1848 г.) А. И. Герцена; «Полинька Сакс» (1847 г.) А. В. Дружинина.

Женщины-писательницы также поднимали темы женского предназначения и целей женской жизни, описывали реалии жизни русской женщины в своих произведениях. Читателю на эту тему были предложены романы Зенаиды Р-вой (Елена Ган) «Напрасный дар» (1842 г.), «Теофания Аббиаджио» (1841 г.); Марии Жуковой «Провинциалка», «Медальон» (1837 г.), «Две сестры» (1843 г.), «Эпизод из жизни деревенской дамы» (1847 г.); Евгении Тур (графиня Е. В. Салиас де Турнемир) «Ошибка» (1849 г.); романы Юлии Жадовской, Надежды Хвощинской и других.

Женщины-писательницы изменили проблематику и тональность повествования. В первую очередь в своем творчестве они исследовали семейную тиранию. Описывая ситуации женской жизни, модели женственности, навязываемые патриархатным дискурсом, они так или иначе формулировали проблемы женщин (бесправие, требования покорности и беспрекословности, замкнутость жизненного пространства, погруженность в сферу чувств, отсутствие образования) и поставили вопрос о справедливости устройства российской жизни в отношении женщин.

В женских текстах вместо привычного мужчины-повествователя появилась женщина-повествовательница. Это обнаруживало женщину как субъекта социального действия. Представление о женских проблемах, озвученное писательницами, также наполняло содержанием понятие «женский вопрос», формировало встречный патриархатному дискурсу дискурс беллетристики.

Литературную полемику и интеллектуальные поиски 1830–1840-х годов оборвала французская революция 1848 года. Планы реформ были оставлены, терпимость по отношению к литературе, вольной публицистике сменилась ее удушением. Заработали 17 цензур с «негласным комитетом» во главе, на университеты очередной раз был оказан нажим и как пример устрашающей кары для вольнолюбцев был организован показательный политический процесс — дело петрашевцев.

Страх парализовал идейное брожение 1830–1840-х годов. В отзывах современников зазвучала тоска — «безвременье», «отчаянная скука» (Н. А. Добролюбов), «Жестокие удары по литературе и науке и все занимавшиеся ею надолго были лишены возможности действовать как следует» (М. Н. Лонгинов). Семь лет (до 1855 г.) Россия пребывала в состоянии покоя кладбища, шума войны и шовинизма. Духовная жизнь, придавленная жесткой цензурой, ушла внутрь. На тему женской эмансипации также было наложено вето.

1850–1860-е годы

Старые идеалы добра и красоты сороковых годов, казалось, уже поблекли, и когда на смену им шла новая жизнь с другими требованиями и запросами, когда вместе с уничтожением крепостного права стало некогда и не на что восхищаться красотой, а надо было делать будничное, но нужное дело, когда слово *польза* стало на первом плане и, конечно, не для себя, а для народа.

Н. Г. Степанова-Бородина

В третий входит он дом, и объял его страх;
Видит, в длинной палате вонючей,
Все острижены в круг, в сюртуках и очках,
Собралися красавицы кучей.
Про какие-то женские споря права,
Совершают они, засучив рукава,
Пресловутое общее дело:
Потрошат чье-то мертвое тело.

А. Толстой. «Поток-Богатырь»

Вновь «женская» тема появилась в прессе в середине 1850-х, а в 1860-х годах переросла в национальную дискуссию. Современник свидетельствовал: «Вопрос о правах женщины, об ее значении в семье и обществе составляет в настоящее время чуть ли не *самый модный и интересный предмет* (курсив мой. — *И. Ю.*) книжных рассуждений. Кто из молодых, мало-мальски развитых людей не кричал смело и громко о женской *эмансипации* (курсив А. Пятковского) <...> кто из хранителей предания <...> не кусал себе губы, при одном этом слове, в котором звучит для него такая враждебная и зловещая нота?»[101]

Дискурс демократической прессы: 1850–1860

И меж тем, как идут к женам
Все беды судьбы —
Им твердят спокойным тоном: —
Вы ведь не рабы,
И ведут во всех журналах —
Петербург, Москва, —
О гражданских идеалах:
Лишь слова, слова...

Обличительный поэт

В 1856 году известный врач, педагог и общественный деятель Н. И. Пирогов поместил в июльской книжке «Морского сборника» статью «Вопросы жизни». Вопросы жизни — вопросы назначения человека и смысла человеческой

жизни. Пирогов искал ответы на вопросы, какой же должна быть подготовка юношества к выполнению своего человеческого долга, каковы должны быть воспитательные и образовательные системы. По Пирогову, целью воспитания должна быть подготовка детей к неизбежной жизненной борьбе и научение их «быть людьми», полезными гражданами общества. Он или она, — писал Пирогов, — должны сознавать, что принадлежат к людям, имеющим притязания.

Н. И. Пирогов

Вопросам воспитания и образования женщин автор уделил совсем немного внимания, но тем не менее эта статья вызвала дискуссию и стала программной для развития «женского вопроса».

Пирогов признал необходимость развития мышления и воли у девочек по той причине, что эти качества женщинам «столь же нужны в жизни, сколь и мужчинам». Поэтому девочки должны развиваться свободно и всесторонне и готовиться к жизненной борьбе. Существующие принципы женского воспитания он осудил, так как они «делали из женщины куклу». «Быть людьми», «иметь притязания» для женщин интерпретировалось Пироговым как быть в состоянии «усладить сочувствием жизнь человека» (т. е. мужчины), «быть спутницей в борьбе», «иметь ясную и светлую идею о цели воспитания детей»[102].

Поднимая проблему женского воспитания на уровень общенациональной задачи, Пирогов исходил, прежде всего, из обеспечения интересов мужчины как субъекта социальных действий. Значимость в жизни мужчины, в его общественной деятельности поддержки образованной женщины — матери, жены, дочери, сестры — у него не вызывала сомнений. Женщины были для него серьезным социальным резервом, который надо было подключить к процессу преобразований, определенным образом воспитав их. Пирогов акцентировал внимание именно на воспитании, а не на образовании. Воспитание женщин (надо полагать, с элементами образования) должно было быть достаточным не только для того, чтобы они могли поддерживать разговор с мужем и участвовать в воспитании детей — это была самая распространенная точка зрения на цели воспитания женщины. Но и для того, чтобы разделить идеи мужа и поддерживать его в его деле. Или, как очень определенно выразился Пирогов, чтобы не взирали они (жены) с «бессмысленной улыбкой идиота на вашу заветную борьбу»[103]. Вывод Пирогова, что если не взяться за воспитание женщины, то она сама распорядится собой и что «не положение женщины в обществе, но воспитание ее <...> — вот что требует перемен» продемонстрировали актуальность эмансипационных настроений в женских рядах в том числе, и желание взять под контроль процесс эмансипации и в смысловом, и в организационном плане.

Статья определила направление дебатов и вектор будущей деятельности части мужской российской интеллигенции в 1860-х годах[104], которые так же как и мужчины-интеллектуалы западного мира середины XIX века поставили в повестку дня вопрос о женской эмансипации.

Влияние и роль женщины в обществе, по мнению Пирогова, могли проявиться только в супружестве и материнстве. Взгляд Пирогова на женщину был утилитарно-инструментальный, обоснованный натуралистическими биологическими теориями о «естественном предназначении полов». Но при этом Пирогов предлагал женщине самостоятельность, инициативность в отведенной ей сфере. Деятельность женщины в сфере частной жизни, по воспроизводству и поддержанию ее, объявлялась им социально значимой. Этот общественный идеал поэт Николай Щербина выразил так:

Твое святое назначенье —
Наш (выделено нами. — *И. Ю.*) *гений из пелен принять,*
Направить душу поколенья,
Отчизне граждан воспитать.

Предлагаемый идеал, эталонный образ женщины — активная и сознательная спутница жизни мужчины, разделяющая его идеи и обеспечивающая его жизнь в сфере частного. Другими словами, Пирогов ориентировал женщину на выполнение все тех же традиционных ролей, но в более качественном и идеологически осмысленном исполнении, определяя это единственно возможной формой эмансипации — «воспитание себя для борьбы и жертвований — вот где должна она искать эмансипации». Таким образом, Пирогов одним из первых операционализировал понятие «эмансипации» в отношении женщин, дал ему смысловое наполнение. Мотив «правильного использования» эмансипации женщин на пользу мужчин и общества проходит красной нитью через всю его статью.

Сестры милосердия Крестовоздвиженской общины в Крымской кампании. 1853–1855 гг.

Никакой другой трактовки эмансипации Пирогов не допускал, хотя, если судить по тексту статьи, она существовала и исходила непосредственно от женщин — «если *женские педанты* (курсив мой. — *И. Ю.*), толкуя об эмансипации, разумеют одно — воспитание женщины — они правы. Если разумеют эмансипацию общественных прав женщины, то они не знают чего хотят»[105]. Кто были эти женские педанты неизвестно. Возможно, образованные женщины вроде писательницы Т. А. Астраковой, о которой воспоминания некой неизвестной современницы 1850-х годов донесли до нас сведения, что та «курила трубку с очень длинным чубуком и любила говорить о правах женщин, требуя для них доступа к науке и другой деятельности и равноправия с мужчинами, и идеи которой в то время казались очень новы и оригинальны, хотя и не всеми признавались справедливыми»[106]. Или Е. Фаддеева, урожденная княгиня Долгорукая, мать писательницы Елены Ган, — одна из самых образованных женщин начала XIX века, знавшая пять языков и привившая своей дочери потребность к интеллектуальным занятиям, или г-жа Михаэлис — мать Людмилы Шелгуновой, которая сама зарабатывала себе на жизнь, сотрудничая с газетами и давая уроки музыки, не нуждалась особенно в деньгах. Она также воспитала свою дочь в духе опоры на собственные силы.

В отношении образования женщин Н. И. Пирогов считал, что оно должно быть ограниченным: «Пусть многое ей останется неизвестным. Она должна гордиться тем, что многого не знает»[107].

Статья имела «полный и блестящий успех»[108], ходила в списках вместе с неопубликованной работой Пирогова «Идеал женщины», написанной еще в 1840-х годах[109], была воспринята как веха в разработке женского вопроса и вызвала к жизни публичную женскую реакцию — восторженную благодарность за признание социальной значимости женщины, озвученную на страницах прессы.

Деятельность Пирогова по подготовке сестер милосердия и организации их участия в Крымской войне — результат его прикладных взглядов на женщину и применение на практике «естественно-научных теорий» о природных качествах женщины. Под этим лозунгом использования «природных качеств женщин на пользу обществу» произошел переход женщин в сферу публичную. Война выявила у женщин неизвестные качества. Мужество, стойкость сестер Крестовоздвиженской общины произвели на российское общество сильное впечатление. Женщины оказались способными к нетрадиционным по представлениям того времени действиям — к выполнению гражданского и профессионального долга. Описывать их профессиональную деятельность в условиях реальной войны в терминах «частного» было невозможно. Многие из сестер были награждены орденами и медалями и с триумфом возвратились домой. Несколько сестер милосердия погибло.

После блестящих результатов этого эксперимента взгляды Н. И. Пирогова эволюционировали, он многое переосмыслил. Он уже не утверждал, что деятельность женщин возможна только в кругу семьи, к тому же, как истин-

ный утилитарист он не мог допустить, чтобы общество рачительно не использовало женский ресурс на свою пользу. Но, чувствуя противоречивость своей позиции, Пирогов изобрел термин «благоразумная эмансипация». Именно с позиций «благоразумной эмансипации» он интерпретировал деятельность сестер Крестовоздвиженской общины. В 1876 году он писал: «Результаты эти <...> доказывают, что до сей поры мы совершенно игнорировали чудесные дарования наших женщин. Эти дарования ясно доказывают, что современный женский вопрос и тогда уже был в полном праве требовать своего raison d'etre»[110]. Из текста статьи следует, что такие качества женщин, как милосердие, нравственность, которая по определению была выше мужской, рассматривались им как имманентно присущие женщинам характеристики. Это обычное для того времени направление социальной мысли — находить в «биологическом» корни социальных явлений и осмыслять социальные процессы по аналогии с физиологическими. Биологизаторские аргументы использовалась с равным успехом и сторонниками, и противниками эмансипации.

В письме к баронессе Раден Н. И. Пирогов восхвалял деятельность сестер милосердия в Крымской кампании, их «нравственный присмотр и контроль административного попечения над руководителями госпитальных порядков»[111]. Другими словами, Пирогов делегировал женщинам в общественной сфере функции нравственного контроля.

После успеха сестринской общины Пирогов всячески поддерживал и отстаивал право женщин на инициативу в публичной сфере, в той ее части, которую с долей условности можно назвать сферой «социального материн-

Группа врачей и медсестер Крестовоздвиженской общины сестер милосердия перед отъездом в Грецию на Балканскую войну у Николаевского вокзала. 1912 г.

ства», то есть он отдавал женщинам те виды социальной деятельности, для выполнения которых женщины могли использовать свой опыт и навыки, полученные ими при выполнении традиционных женских ролей и функций. В первую очередь материнских.

Противодействия деятельности сестер Крестовоздвиженской общины он объяснял недальновидностью и корпоративным сопротивлением не очень нравственных чиновников. Описывая деятельность сестры милосердия Е. М. Бакуниной, требовавшей от госпитальной администрации выполнения всех норм по питанию и содержанию раненых, он писал: «Не удивительно, что подобное вмешательство и *такая* (выделено Пироговым. — *И. Ю.*) деятельность женщин не могли быть приятны господам командирам и официальным инспекторам»[112]. По его мнению, «сестры ступили первый шаг к практической резолюции женского вопроса»[113].

В этой своей противоречивой и половинчатой позиции Н. И. Пирогов, учитывая его огромный профессиональный и общественный авторитет, немало способствовал поддержке женских инициатив, а в перспективе и становлению женского движения. С высоты авторитета медика, хирурга, ученого мужа он опроверг популярный в то время псевдонаучный тезис, который накладывал ограничения на женские претензии к жизни, — о физиологической неполноценности женщины. Он писал: «То, что противники благоразумной эмансипации женщин еще до сего дня утверждают, будто бы великая разница в организации полов, — например, меньший вес мозга и проч., — этого нечего брать во внимание, и это никогда не выдержит серьезной критики. Женщина, если она получит надлежащее образование и воспитание, может также хорошо усвоить себе научную, художественную и общественную культурность, как и мужчина»[114]. И хотя он не смог поступиться главным патриархатным тотемом — женственностью, он закончил свою мысль весьма оптимистично: «При этом главное условие только то, чтобы женщина всегда сохраняла в себе физиологическую и нравственную женственность и выучилась бы не расставаться с ней. Это, конечно, нелегко, но, однако, возможно <...> И я решительно не вижу, почему одинаковое общественное положение женщины с мужчиной может помешать такому развитию»[115]. Мнение, что женщину нельзя ограничивать семейной сферой, появившееся с момента постановки женского вопроса, все более находило поддержку в обществе.

Оперативно откликнулись на женскую тему в 1860-е годы представители радикальных демократических кругов. Их рупор журнал «Современник» одним из первых обратился к ней[116]. Это был один из самых передовых, популярных и читаемых журналов той поры. Разумеется, проблему подняли мужчины, сотрудники журнала, «запевалы общественных настроений» — Д. И. Писарев, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, М. Л. Михайлов. Но при обсуждении женских проблем на страницах «Современника» впервые нашлось место для женского мнения. Это был прорыв. Если до этого дискурс толстых журналов да и других печатных изданий строился по принци-

пу «мужчина — мужчине», в первых изданиях для женщин, инициированных мужчинами, по принципу «мужчина — женщине», то на страницах «Современника» впервые появилась возможность и первые опыты конструирования дискурса по принципу «женщина — мужчине». Конечно, это была первая попытка подобного рода, и голоса женщин, по словам Р. Стайтса, были «слабыми, зависимыми и нерешительными»[117]. Но женщины разделили суть и пафос дискуссии, расширили ее собственной аргументацией. Е. О. Лихачева отметила в своем монографическом труде[118] еще в начале XX века, что это был первый голос пробуждающегося женского самосознания, публично обращавшийся к мужчинам.

В 1857 году «Современник» впервые опубликовал письмо женщины (анонимное), которому редакция дала заголовок «Жалоба женщины». Неизвестная женщина описывала тяготы женского существования: бесцельность и искусственность женской жизни, женское воспитание, убивающее личность, культивирующее слабость и неподготовленность к жизни, запреты и условности, сковывающие женскую жизнь. Она демонстрировала кризис традиционной женской идентичности — «защищать себя не пристало — иначе не женщина, а какой-то гусар». Заканчивалось письмо призывом помочь женщине стать независимой и тем самым решить один из жгучих «вопросов жизни»[119].

«Журнал для воспитания» опубликовал «Письма к русским женщинам» А. Х-вой[120], в которых всему нашлось место: и критике женского воспитания, и упреков в адрес женщин за их неразвитость, и предостережений против излишней учености. Назначением женщин определялась семья и воспитание детей, в целях чего, собственно, признавалась необходимость осведомленности женщин в науках и искусствах. Предлагалось принять участие в общественных делах, но «конечно не непосредственно», а ограничиться правом «нравственной оценки». Влияние женщины на общество предлагалось осуществлять через семейные отношения — «нравственное и физическое единство супругов, единомыслие в чувствах, желаниях, действиях <...> суть первые условия для достижения общественного благоустройства при помощи благоустройства семейного»[121].

«Русская Беседа» откликнулась статьей Надежды Дестунис «Чему мы, женщины, учились?»[122] с критикой женского образования.

Ей ответила Екатерина Бурнашева[123], которая увидела причину низкого уровня женской образованности в отсутствии необходимости образования в жизни женщин и в воспитании девочек не самостоятельной личностью, а приложением к мужчине, с главной жизненной целью — замужеством. Женщины не учатся самостоятельно — и в этом их вина.

«Женщина ни в чем не виновата», — парировал Д. Писарев[124].

Прозвучало мнение и «профессионально активных» женщин. М. Н. Вернадская[125] — первая в России женщина-экономист полемизировала с официальной концепцией женщины: «Нельзя из каждой женщины сделать хозяйку и воспитательницу»[126].

Писательница, а позднее «инициаторша» женского образования в Перми Е. А. Словцова-Камская в своей речи в 1860 году признала «противосемейные системы» французских социальных философов понятными и вызывающими сочувствие в российском обществе, учитывая тот печальный разлад, произвол и угнетение женщины, который существовал в российских семьях[127]. Евгения Тур откликнулась на книгу французского философа Ж. Мишле, уличив его в нелогичности, подражании П.-Ж. Прудону и в презрительном отношении к женщинам[128].

Д. И. Писарев

Перед участниками дискуссии встала задача нахождения путей решения поставленных проблем. М. Н. Вернадская, Е. А. Словцова-Камская предлагали прямое вхождение женщин в публичную сферу через труд в общественном производстве (по Вернадской), через получение образования (по Словцовой-Камской). Последняя оценивала изменение воспитания и образования женщин, как «первые двигатели всех реформ общественной жизни»[129]. Им вторили прогрессисты: «Участие в труде и промышленности, в науке и искусстве вообще должно быть доступно каждому совершеннолетнему члену общества <...> Надо учиться, учиться в той же мере, в какой учится мужчина»[130], — утверждал М. Л. Михайлов. «Вы сделаетесь умными, мыслящими и полезными людьми»[131], — продолжал мысль Д. И. Писарев.

Эти новаторские суждения тонули в другого рода аргументации демократической прессы в защиту женщин, которые по сути дела были производными от идей Пирогова. Основным сюжетом либерально-демократической прессы было рассмотрение женщины как «матери и воспитательницы человечества»: «Всякую женщину, прежде всего, необходимо предположить матерью <...> Для женщины вообще бездетность ненормальна»[132].

Эмансипация трактовалась, как правило, в очень общих выражениях. Умеренный либерал А. С. Гиероглифов сформулировал это так: «Дать женщине независимое социальное положение и вообще уравнять с мужчиной». При определении женской эмансипации и путей ее достижения возникало много противоречий, обойти которые авторам было очень не просто. Идейный пафос защиты женщин наталкивался на собственные представления о женщинах, на отсутствие образцов деятельности женщин в общественной сфере. Тот же А. С. Гиероглифов, ратуя за эмансипацию женщин, утверждал, что «многие отрасли человеческой деятельности не могут быть согласованы с природой женщины и ее обязанностями»[133]. С одной стороны предполагалось, что женщина должна создавать «нравственный характер общественной атмосферы», с другой стороны вставал вопрос — как? В который раз выход был найден через нравственно-общественно-идейную деятельность женщины как «матери и воспитательницы человечества» «в самой ячейке общества — в семействе, откуда она распространится уже в другие более обширные общественные центры — в клубы, собрания и т. д.»[134]. В руках женщины, по мысли

А. С. Гиероглифова, должна находиться «нравственная инициатива общественного мнения», а ее интересы должны составлять политика, литература, наука, культура, все движения политической и общественной жизни.

Эта идея, в равной степени как компромиссная, так и иллюзорная, была конечно не нова и популярна в разных политических кругах. Ее различные модификации озвучивались деятелями либерально-демократического и радикально-демократического лагеря, и консервативного. На страницах «Русского инвалида»[135] эта идея прозвучала в следующей интерпретации. Женщина как «практик жизни», живущая «помышлениями о семье», действует снизу (то есть из приватной, частной сферы жизни), идет к пониманию «общей идеи» от жизненных мелочей, а мужчина, руководимый идеями гуманизма, права и справедливости, «идет сверху» (надо понимать из сферы общественной). Женщина преобразует семью, а мужчина — общество в целом[136]. «Влияние женщины на общество всего действительнее и благотворнее может свершаться через посредство семейства. <...> Это естественная сфера ее», — писал другой автор[137]. Деятельность женщины по нравственной гармонизации своей «женской части человеческой жизни» оценивалась как крайне важная для общества. Журналы 1860-х годов буквально пестрят такого рода размышлениями.

Еще один сюжет, тоже популярный в либеральной среде — взаимодополняемость полов, важность качественного исполнения своих обязанностей каждой половиной человечества для его поступательного цивилизационного развития общества. В изложении одного из современников эта идея звучала так: человечество до сих пор жило своей одной половиной, другая слишком мало могла проявить себя. Поэтому для человечества наступит истинно нравственное и полное развитие, когда оно станет жить не только умом и силою мужчин, но и любовью и сердцем женщин[138]. Основанием этой идеи выступала мысль о разделение сфер женского и мужского как определенного самой природой, что позволяло использовать эту идею и противникам эмансипации.

Либерально-демократическая печать фиксировала как отрадный факт «проникновение новых идей в душу современной женщины» и поддерживала любые проявления общественной деятельности с ее стороны. Это и участие в организации воскресных школ, и появление женщин в университетах в качестве вольнослушательниц, и создание первых женских организаций (как, например, основание в 1861 г. Московского женского общества по распространению полезных книг — председательница А. Н. Стрекалова) и даже бойкот товаров из тех стран, которые осудили Россию за «польский вопрос»[139]. Все это рассматривалось как шаги женщин к гражданственности в их «стесненных обстоятельствах». Критика женских инициатив строго осуждались. Некий г-н Иванов обрушивался на «СПб ведомости» и «Голос» за их глумление над идеей бойкота, клеймя эти издания ни много ни мало как последователей попа Сильвестра — автора «Домостроя», досталось от него и литературе, которая «немного сделала для женского вопроса».

Радикально-демократические круги разрабатывали свою версию «женского вопроса». Д. И. Писарев полностью разделял мнение М. Н. Вернадской, что существующее воспитание женщины при его ограничениях и направленности, навязывание «целой половине человеческого рода» одной исключительной цели «ведет за собою горестные последствия». Поэтому он выступал за всемерное развитие физических, умственных и нравственных способностей женщины, за предоставление ей свободы и права «поддаться своему естественному влечению». Он призвал женщин в ряды «мыслящих реалистов» — главных деятелей по переустройству мира.

Д. И. Писарев возлагал на мужчин ответственность за все существующие женские проблемы. Женщина у Писарева — элемент страдательный, задавленный обстоятельствами жизни и не несущий никакой ответственности ни за какие свои действия: «Я во всех случаях безусловно оправдываю женщину»[140]. Его взгляды поражали современников своим радикализмом, но наиболее проницательные из них понимали, что это другая сторона все той же позиции умаления и объективизации женщины.

Все тот же г-н Иванов справедливо заметил в отношении позиции Писарева, что «это, конечно, гуманно, но унизительно, так как ставит женщину очень низко». Возникшая практически одновременно с самим «женским вопросом» традиция осмысления женских проблем не только как ответственности, но и как вины мужчин в какой-то степени была заложена Д. И. Писаревым. Он писал, обращаясь к мужскому сообществу: «Оглянемся на самих себя, посмотрим, каковы мы сами; посмотрим, что мы, люди дела, люди мысли, дали и даем нашим женщинам? Посмотрим — и покраснеем от стыда!»[141]

В 1860 году «Современник» опубликовал «веховую» статью М. Л. Михайлова «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе»[142], произведшую «землетрясение в умах» и принесшую автору славу «творца женского вопроса». Постановка проблемы была обновлена. Михайлов объявил женскую эмансипацию самой главной характеристикой эпохи — «одной из самых высших, самых характеристических явлений нашего века»[143]. Он критиковал Ж. Мишле и П.-Ж. Прудона за их «гигиенический взгляд» на женщину, а Библию и Домострой за их антиженские нравственные нормы. Он внятно обосновал различия не только в воспитании мальчиков и девочек, а в том, что мы сегодня называем социализацией, и определил ее первопричиной существующих половых (гендерных) различий и основой только что не всех социальных проблем. В качестве меры по преодолению кризисных явлений в обществе Михайлов предлагал новую концепцию женского воспитания и образования, которая заключалось в совместном обучении детей обоего пола и в воспитании у женщин мужских качеств. Эти странные на взгляд современников меры означали только одно — создание одинаковых условий социализации для девочек и для мальчиков. Другими словами,

М. Л. Михайлов

Михайловым оспаривался старый просветительский тезис об особой природе женщины. Он утверждал зависимость развития женского интеллекта от социальных условий и доказывал, что создание иных условий социализации девочек приведет к развитию у них ума и рационального начала. В то время как существующее женское воспитание и образование развивало у них только чувственность. Михайлов уже не смотрел на женщин исключительно сквозь призму материнства. Их жизнь, по его мысли, не должна больше подчиняться краткому времени деторождения.

В какой-то степени статья Михайлова была ответом Ж. Мишле и П.-Ж. Прудону, чьи установки на «биологический фатализм» женщины были хорошо известны российской интеллигенции. Французские мыслители в своих трудах описывали умственную ограниченность, истеричность женщин, склонность их к фанатизму. Они обосновывали «природу женщины» ее физиологией. Единственную возможность развития и эмансипации женщины Мишле и Прудон видели в супружестве: «женщина рождается в браке», т. е. под контролем мужчины. У Михайлова брак предполагался как «разумное сожительство» двух полноправных лиц. Женщина по Михайлову не являлась объектом приложения мужского просвещенного воздействия через процесс воспитания. Мужчине отводилась роль просвещенного наставника.

Таким образом, Михайлов сумел проанализировать, логически выстроить, объединить и внятно прописать все доводы сторонников эмансипации женщин. Все это было ново, убедительно и произвело огромное впечатление.

Михайлов вошел в специфическое европейское сообщество мыслителей-феминистов. Он был знаком с известной французской феминисткой Эжен д'Эрикур, считавшей проблему женской эмансипации проблемой социетальной: «Если мы хотим освободить мужчин и вообще человечество, необходимо, чтобы женщины стали свободны, образованны, начитанны и могли бы расцвести в соответствии с собственным духом»[144]. М. Л. Михайлов солидаризировался с ней в постановке проблемы: «Пока мы будем считать женщину существом больным <...>, самкой<...>, рабой <...>, куклой <...> невозможны успехи общества»[145].

По мнению известного историка Б. П. Козьмина, М. Л. Михайлов видел в женском вопросе «чуть ли не необходимое условие правильного решения всей социальной проблемы», что не встретило понимания в революционно-демократических кругах[146]. По моему мнению, Михайлов действительно считал решение «женского вопроса» непременным условием «прогрессивного» развития общества.

Сюжет эмансипации женщины в интересах общества был довольно популярным в европейской политической философской мысли. Ее развивал Дж. Ст. Милль: «Равноправность обоих полов в отношении умственного развития важна не только для женщин <...>, но еще более для *всемирной цивилизации*»[147]. В России эта идея получила свое дальнейшее развитие. Она стала значимой для российской концепции «женского вопроса», а в будущем — для русского феминизма.

Дискурс освободительного движения в самом широком понимании обогатился сюжетом о решении «женского вопроса», повышения потенциальной «субъектности» женщин, как условия прорыва страны на новые цивилизационные рубежи и выводом проблемы эмансипации женщин на глобальный уровень.

Н. Г. Чернышевский

Но далеко не все прогрессисты так считали. Властитель дум 1860-х Н. Г. Чернышевский, по свидетельству современников, ставил «женский вопрос» в разряд второстепенных, считая, что он «хорош тогда, когда нет других вопросов»[148]. Чернышевский проблематизировал тему положения женщин через критику крепостничества. Так, комментируя на страницах «Современника» статью А. С. Зеленого «О жестоком обращении крестьян со своими женами»[149], он обращал внимание читателей на обычаи и нравы в отношении женщин, привитые крестьянству крепостничеством. Уравнение мужчин и женщин в гражданских правах он относил ко времени, когда произойдет коренная социальная реорганизация общества, т. е. уничтожение самодержавия[150]. Но Чернышевский имел и свое достижение в «женском вопросе». Он считал, что эмансипация женщины невозможна без изменения семейного уклада. Именно эти его идеи о новых отношениях в супружестве, изложенные в романе «Что делать?», оказали огромное влияние на русское общество.

Также радикальная интеллигенция положила начало традиции рассмотрения неравноправности женщин как экономического феномена. Наплыв в столицы в поисках работы женщин-дворянок позволил определить их как «женский пролетариат» (А. П. Корелин) и вызвал к жизни в этих кругах размышления о женщинах как новых жертвах капитализма, о росте женского бесправия вместе с развитием капитализма. П. Н. Ткачев видел единственный путь решения женских проблем в уничтожении капитализма[151].

Духовный отец народничества Н. К. Михайловский во вступительной статье к книге Дж. Ст. Милля «Подчинность женщины» написал, что «усугублять существующие отношения между трудом и капиталом вовсе не дело женщин», и предложил женщинам, «имеющим фактическую возможность такого усугубления», уйти на широкое поприще науки, где конкуренция не страшна[152].

Позднее экономический подход был развит в марксизме. Но с такой упрощенной постановкой вопроса русские феминистки не соглашались уже в начале XX века, т. к. при такой постановке вопроса «выпадала» проблема самореализации женской личности как свободной и независимой «единицы общества».

Журналы «Дело», «Отечественные записки» поднимали вопросы о праве женщин на свободный выбор профессии, критиковали дискриминацию женского труда в пореформенной России, экономическое положение женщин низших социальных классов.

Проблема была поставлена, встал вопрос о путях вывода женщин из зависимого состояния и вовлечения их в ряды общественности.

Писарев дал ответ на вопрос «кто виноват?», ответ на вопрос «что делать?» предложил Чернышевский.

Н. Г. Чернышевский пытался направить активность женщин в русло помощи бедным. Под видом отчета Одесского женского благотворительного общества он опубликовал свои размышления о конструктивной благотворительности женщин в деле доставления жилья беднейшим слоям населения[153]. Он еще не раз призывал женщин к общественной инициативе в виде благотворительности[154], и не исключено, что его услышали[155]. Возможно, что созданное в мае 1859 года (регистрация в феврале 1861 г.) «Общество дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям СПб» возникло как отклик на его идею.

Самую радикальную позицию озвучила М. Н. Вернадская. Путь женского освобождения она прокладывала через участие женщин в общественном производстве. В статье «Женский труд»[156] М. Н. Вернадская утверждала, что независимой женщина может стать, лишь став экономически самостоятельной. Она обращалась напрямую к женщинам, положив тем самым начало традиции формирования дискурса «женщина — женщине». «Mesdames, перестаньте быть детьми, попробуйте стать на свои собственные ноги, жить своим умом, работать своими руками, учитесь, думайте, трудитесь как мужчины, — и вы будете также независимы или, по крайней мере, в меньшей зависимости <...> а главное — перестаньте стыдиться и презирать работу <...> только в одном труде — истинная свобода женщины!»[157] В ряде своих статей: «Свобода выбора труда», «Назначение женщины», «Аристократический труд», «Еще о женском труде»[158] она развивала идею социальной значимости любого добросовестного труда. Призывала малообеспеченных женщин из привилегированных сословий, не связанных семьей и без образования, становиться цветочницами, портнихами и т. д. Она определила сферы, в которых женщины могли бы работать: торговля, сельское хозяйство, литература, журналистика, педагогика. Призывала женщин ломать стереотипы презрительного отношения к труду, к бедности и т. д. Но в России, с ее феодально-сословным устройством, с барским пренебрежением к труду со стороны привилегированных сословий, все эти призывы выглядели утопично.

М. Н. Вернадская

Вернадская ратовала за возможность выбора женщиной собственной жизненной стратегии. Выражала уверенность, что традиционная жизненная программа женщины обедняет ее жизнь. Корень проблем видела в традиционной социализации девочек, в том, что «с самого начала девочке внушают совсем другие понятия, чем мальчику»[159].

Ее статьи вызвали некий отклик в прессе[160], но в целом интеллектуальный прорыв Вернадской современники не оценили. М. Н. Вернадская рано умерла — в 29 лет, не успев в полной мере раскрыться как исследовательница

и общественная деятельница. Ее работы — начало теоретической разработки концепции женского освобождения.

Темы труда женщин, допустимых рамок женской свободы (имелось в виду принципиальная возможность самореализации женщин во внесемейной сфере), а также проблема женского воспитания и образования — стали доминирующими темами дискуссии 1860-х годов.

Но мнение Писарева, что в сложившейся ситуации «виноваты одни мужчины как единственные деятельные члены этого общества <...> потому, что мужчины дирижируют оркестром общественных убеждений и являются запевалами»[161], получило распространение. Этот тезис он сформулировал на страницах «Русского слова» Д. Благовестова еще в декабре 1861 года. Тема ответственности мужчин, их долженствования плавно переходила в тему мужской вины, не способности мужчин что-либо изменить, их покаяния и призыва женщин к активности.

Да укрепятся ваши силы
В борьбе об участи своей!
Мы стали пошлы, слабы, хилы
И ждем от вас мы лучших дней.

Н. Гейнце

Таким образом, дискурсные сюжеты, охватывающие женскую проблематику на страницах прессы в 1860-х годах, были следующие:

1. Концепция женщины — кто она? Мать, жена, воспитательница человечества?

2. Проблемы общества, связанные с женщиной. Каково значение женщины для общества? Какие существуют каналы женского влияния и ограничения воздействия женщин и женского мнения на общество?

3. Проблемы самой женщины, имеющие общественное значение: проблема бесправия и неравенства (в интерпретации мужчин).

4. Каковы перспективы женщины? Будет ли это путь «жорж-зандизма», «сен-симонизма» или традиционный путь «доброй жены»?

5. Можно и нужно ли модифицировать традиционные модели женственности, идеал русской женщины, с характерным для него послушанием, терпением, жертвенностью, смирением, верностью, трудолюбием, молчанием и социальной пассивностью?

6. Каково должно быть отношение мужчины как субъекта социального действия к женщине и ее проблемам? Как воспитывать женщину?

7. Какой должна быть система женского воспитания и как можно использовать «природные» качества и возможности женщины на «пользу общества»?

Интерпретативные схемы (или фреймы), т. е. элементы дискурса, определяющие смысл и позволяющие «локализовать, воспринимать, идентифицировать и обозначать события, в которых прямо или косвенно участвуют социально-политические субъекты»[162], были следующими:

— Фрейм несправедливости. Положение женщины было признано однозначно несправедливым, как «вопиющее по своей несправедливости»[163] (И. А. Гончаров).

— Фрейм ожидания и долженствования. Женщины ждали помощи от мужчин, а мужчины в качестве «каждого честного и порядочного человека» обязаны были ее оказать.

— Фрейм «объектности» женщины по отношению к мужчине. Женщина не являлась самостоятельным субъектом изменений, ее должно было развивать, образовывать, выводить из зависимого положения, поднимать до своего уровня, повышать ее значение в обществе.

Эти подходы (фреймы) определили специфическую интерпретацию «женского вопроса», имели долговременное воздействие и определили практику. Так, фрейм несправедливости разрабатывался представителями диаметрально противоположных направлений в русской общественно-политической и философской мысли. На эту тему размышлял славянофил А. С. Хомяков и мыслитель просоциалистического направления Н. Г. Чернышевский. Л. Н. Толстой — защитник патриархатного уклада — считал, что несправедливое и неравноправное положение женщины привело к искажению ее естества. Для Ф. М. Достоевского эта мысль была очевидной. Пути решения предлагались взаимоисключающие.

Фрейм женского ожидания и мужского долженствования, когда «каждый порядочный человек <...> обязан ставить свою жену выше себя»[164] и его производная — фрейм «объектности» женщины, определили реальную практику российской мужской интеллигенции в поддержку женских инициатив. Примеров более чем достаточно. Это и профессор К. Н. Бестужев-Рюмин, взявший на себя ответственность и предоставивший свое имя и свою репутацию Высшим женским курсам (ВЖК) в Петербурге; и профессура ВЖК, в первый год существования курсов отказавшаяся от оплаты за свой труд. Это и многие другие представители мужской научной интеллигенции. Так, по воспоминаниям А. Б. Лесневской — первой женщины-фармацевта[165], несколько преподавателей Медико-хирургической академии провели для нее и ее подруги лабораторный курс по химии и физике, который был им необходим для сдачи экзамена на степень магистра. Широкое распространение фиктивных браков с их благородной целью освобождения женщин из-под ига патриархатной семьи также подтверждают этот тезис.

Но практически с начала появления «женского вопроса» фрейму ожидания мужской помощи со стороны женщин противопоставлялась установка «женщина сама». От риторических вопросов начала 1860-х, как мы это видим в статье Е. Ценской, вопрошавшей: «Может ли женщина идти независимым путем без отеческого покровительства мужчины? Как она найдет этот путь? Кто его ей укажет? Кто на нем поддержит?»[166] до серьезного разговора о новых социальных ролях женщин на страницах преимущественно женских журналов (но не только) в 1880–1890-х годах.

В результате женская тема вышла на другие уровни. В прессе были подняты вопросы о положении гувернанток[167], о правах прислуги. Выкристаллизовалась проблема труда женщин в общественном производстве. Дискутировались темы телесных наказаний для женщин[168], положение незаконнорожденных детей[169], был поставлен вопрос о «падших женщинах» и возвращении их к нормальной жизни[170]. Причины и рост проституции связывали с «неудовлетворительным состоянием вопроса о женском труде»[171]. В либеральных кругах вызревала идея о необходимости социального призрения определенных категорий женщин, в том числе проституток.

В среде юристов шло обсуждение правового статуса женщин. Постановка проблемы вызвала к жизни обширную литературу профессионального и популярного характера[172]. Совершенно очевидно, что юридический статус русской женщины в отношении прав собственности и наследования был чрезвычайно высок по европейским меркам — довод, который консервативные авторы использовали в дискуссии, утверждая неактуальность «женского вопроса» для России[173]. Политические права не обсуждались — их не имели и мужчины. Обсуждались темы гражданского брака, специфических женских преступлений, проблема наследования. В среде юристов (Кавелин, Любавский, Беляев, Мотовилов и др.) родилась идея об изменении закона о наследовании в сторону уравнения наследственных прав женщин как одного из путей решения экономических проблем женщин.

Взгляды либералов развивались в борьбе с охранительной идеологией.

Дискурс консервативной прессы: 1850–1860

Женский труд и женское образование достойны не восхваления, а проклятий, ибо не идут дальше уничтожения женского достоинства.

М. Де-Пуле

Терруань-де-Мерикуры
Школы женские открыли,
Чтоб оттуда наши дуры
В нигилистки выходили.

Н. Щербина (1863)

Известный публицист и историк С. С. Шашков писал, что «по общему закону исторической жизни <...> стремления женщин должны были вызвать сильную реакцию против их дела и вызвали ее»[174]. Эта реакция явилась в форме религии, науки, полиции и общественного мнения». Авангард противников составляло духовенство, вторую колонну — тяжелая артиллерия статутов, уложений, сводов и кодексов. За ними следовала старая и молодая гвардия европейской науки — юристы, естественники, политэкономы, историки, а далее волновалась пестрая толпа обывателей всех стран и народов.

Шашков считал, что в любезном отечестве эта армия действует «страхом и сплетней»[175]. И в первую очередь он адресовал свои упреки деятелям литературы и науки. К пересудам той части публики, которая в своем развитии недалеко ушла от гоголевского Петрушки, он относился снисходительно. А вот «литературно-научная борьба» «надзирателей литературного благоустройства» против женщин с опорой не на науку, а на сплетню и вымысел, вызывало его протест и солидарную поддержку женщин.

В формировании консервативного дискурса действительно приняли участие видные писатели, профессора, земские деятели. От недоумения историка, редактора и издателя газеты «Русский» М. П. Погодина по поводу женских притязаний — «Кто же будет детей рожать, если женщины будут иметь право на общественную деятельность?»[176] — до более детализированных обоснований и аргументаций.

На страницах охранительной прессы был ярко выписан идеал русской женщины и предпочтительные модели женственности, которые стали визитной карточкой охранительного дискурса. Женщина представлена в нем как «ангел-хранитель мужчины, источник силы, жрица любви и самоотвержения, гибкая лоза, обвивающая гордый дуб, утешительница, радость и гордость мужчины, весталка огня кротких и возвышенных страстей»[177]. Мужчина, в свою очередь, представал как олицетворение гордости и отваги.

Ранним образцом охранительной критики, формирующегося консервативного дискурса может служить статья А. Пальховского «Еще о женском труде. По поводу журнальных толков об этом вопросе»[178]. Это был ответ М. Н. Вернадской. А. Пальховский отмел все ее доводы в пользу женского труда одним единственным тезисом о «естественном и природном разделении труда». Поэтому женщины не должны и не в силах трудиться в общественной сфере (у автора именно в такой последовательности), если они хотят остаться верными своему высокому назначению и если не хотят «нарушать законы природы, правящие их *нравственно-физическим организмом*» (курсив мой. — *И. Ю.*)[179]. Женщина призвана быть матерью, воспитательницей, распорядительницей дома и содействовать прогрессивному развитию человечества через детей. В то время как женщина-деятель представляет собой «аномалию, противоречащую естественному закону, лежащему в основании женского организма»[180]. Статья никак не соответствовала уровню проработки вопроса М. Н. Вернадской. Автор исходил из самоочевидности решения женской проблемы и воспроизводил биодетерминистские идеи о природном предназначении полов, которые еще считались научными и критическое осмысление которых только началось.

Но не только мужчины протестовали против нового явления российской жизни. «Домашняя беседа» опубликовала письмо некой почтенной дамы, которая дала характеристику вольнослушательницам Петербургского университета как «немецким burschen»: «Я увидела каких-то не то дам, не то девиц с подстриженными в кружок волосами, в ямщицких шляпах, в чем-то вроде

казакинов и в коротких платьях. <...> Они фамильярно здоровались с молодыми людьми <...> вели себя как немецкие burschen»[181]. Во время лекции «ни одна из них не сидела спокойно; каждая рисовалась как можно оригинальнее и обращала на себя взоры молодых людей»[182]. Вывод следовал тот, что с приобретением независимости женщины теряют свою женственность и в этом состоит пагубное влияние женского образования на нравственные начала общества.

Другая, вполне реальная женщина Наталья Петровна Грот, писавшая под псевдонимом «Русская женщина», воспроизводила концепцию жертвенности русской женщины, как непременную черту истинно русской женщины. Ей отвечала Евгения Тур, которая утверждала, что нельзя требовать от женщины «темных жертв, скромных подвигов, вообще роли пассивной и страдательной»[183] и что «строгий кодекс пошлой морали вреден для общества»[184].

Формируясь, охранительный дискурс выработал свой язык, свою аргументацию, свои подходы и любимые темы. Женская эмансипация трактовалось как право женщины на разврат и падение. Тон статей был назидательным и даже развязно-назидательным. Например, в обращении А. Пальховского к читательницам: «К чему позволения! Я буду говорить с Вами и без вашего согласия, и вы должны меня слушать»[185].

Поскольку женщина рассматривалась как объект социальных действий, то основная критика была направлена не столько против самих женщин, сколько против «неразумных эмансипаторов».

Статья «Женщинам» врача и литературного критика Н. И. Соловьева (1831–1874 гг.)[186] развивала эту традицию охранительного дискурса. В качестве обоснования и оправдания гендерного неравенства и гендерной асимметрии общества выступала идея недостаточности «нравственно-физической» природы организма женщины, утверждение принципиальной объектности и ведóмости женщин. Статья была обращена не к женщинам, как это можно было бы понять из ее названия. Нет, женщины, «затронутые литературой и чреватые современными идеями», выступили в ней только как предмет разговора и критики, в первую очередь, за претензии на образование и оплачиваемый труд как несоответствующие их природе. Стрелы критики были выпущены в эмансипаторов, которых автор клеймит «гулящими повествователями» и «полувлюбленными публицистами». Причина их интереса к женской теме одна — сильное половое влечение, которое подогревало их интерес к женщинам. По мысли Соловьева именно мужчины ответственны за низведение женщины с ее высокого пьедестала. Роман «Что делать?» наглядно продемонстрировал, как происходит «развращение благородной женской натуры хитрыми теоретическими умствованиями»[187]. Не утруждая себя никакой аргументацией и в общем-то в духе общеевропейской философской традиции (Ж. Мишле, П.-Ж. Прудон), автор утверждал, что женщины ниже мужчин умственно, но требовал от них вы-

сокой нравственности. Женщины «*должны быть* (курсив Соловьева) выше (мужчин) нравственно»[188], «женщина должна быть непременно хороша, если не физически, то нравственно»[189].

Ж. Мишле

Соловьев утверждал, что университетские лекции совершенно бесполезны для женщин. Кроме того, женщины — помеха серьезным занятиям мужчин, так как возбуждают их половое чувство.

Пристрастному разбору в статье подвергалась «женская натура». Опираясь на традицию «биологизации» женщины, рассмотрение ее как части природы и физического мира, которую в это время в Европе активно разрабатывали Ж. Мишле и П.-Ж. Прудон, Соловьев критикует «податливость» женской натуры и самих «новых женщин» за их падкость на льстивые речи эмансипаторов, за преувеличение своих возможностей, за амбиции и, что самое интересное, за претензии «быть не только украшением, но и членом общества».

П.-Ж. Прудон

Но надо признать, что такой жесткой «привязки» женщины к ее физиологии, как это было в трудах западных ученых, к матке как основе ее организма и главной причины «раздражительного характера», низких интеллектуальных качеств, греховности, физической «недостаточности» и постоянной болезненности, материнских и домашних склонностей и проч., российские противники женской эмансипации не делали. Но женщины, «выпадавшие» из домашней сферы, представлялись как девиантные и опасные. В первую очередь это касалось профессионально активных женщин и разного рода участниц и активисток социальных движений. Поэтому охранительный дискурс идеализировал женщину в роли домашнего ангела-хранителя, культивировал женскую самоотверженность в интересах семьи и материнства. Независимая и самостоятельная женщина, действующая вне рамок традиционных женских ролей, вызывала резкую критику.

Но главным поводом для консолидации охранительных сил послужило появление в 1869 году на русском языке книги Дж. Ст. Милля (1806–1873 гг.) «Подчиненность женщины». О влиянии этой книги на русских сторонников эмансипации женщин и ее роли в разработке женского вопроса в России написано много. О популярности книги говорит тот факт, что она была издана в 1869 году в Петербурге двумя издательствами: издательством С. В. Звонарева с предисловием Н. Михайловского и приложением писем О. Конта к Дж. Ст. Миллю по поводу женского вопроса и издательством Е. А. Благосветовой. На следующий год (1870), издательство Звонарева вновь издало книгу теперь уже с предисловием М. К. Цебриковой, письмами Конта, текстом речи Я. Брайта, произнесенной в Эдинбурге 16 февраля 1870 года о даровании избирательных прав женщинам; Благосветова также выпустила второе из-

дание (1871 г.) книжки Дж. Ст. Милля, а затем и третье (1882 г.). Позднее книга еще не раз переиздавалась другими издательствами. Надо полагать, издатели в прогаре не остались.

Суть книги — аргументация в пользу предоставления женщинам гражданских прав, включая избирательное право, рассмотрение феномена подчиненности женщины и самой женщины как «искусственного продукта» мужских потребностей, объявление подчиненного положения женщины как главного препятствия на пути прогресса. Дж. Ст. Милль сделал вывод, что в интересах всего человечества необходимо установить принцип полного равенства между обоими полами, не допуская преимуществ и власти с той или другой стороны. Свободу Дж. Ст. Милль объявлял «первой и сильнейшей необходимостью» любой человеческой личности, а личную независимость рассматривал как элемент счастья и мужчины и женщины. Эти мысли особенно были близки русскому человеку в период антикрепостнических реформ и формирования идеала свободой человеческой личности. Утверждение Милля, что «возможность зарабатывать деньги — необходимое условие достоинства женщины»[190], соответствовали ситуации и устремлениям женщин среднего класса. Как и та позиция Милля, что «нравственное возрождение человечества только тогда действительно начнется, когда наиболее основные из всех общественных отношений будут поставлены под охрану равенства и справедливости», что будет служить «приращением личного счастья целой половины человечества»[191].

На книгу Дж. Ст. Милля откликнулся известный мыслитель и публицист Н. Н. Страхов статьей «Женский вопрос» (1870 г.)[192], изданной затем отдельной книгой «Женский вопрос. Разбор сочинения Джона Стюарта Милля "О подчинении женщины"» (1871 г.). Также он посвятил целую главу критике взглядов Милля в своей монографии «Борьба с Западом в нашей литературе» (1882 г.).

Критика тезисов Дж. С. Милля строится в русле отрицания единого пути развития Европы и России. Поэтому аргументация Милля есть «бессодержательные напыщенные декларации» «совершенного англичанина», для которого юридическая сторона жизни имеет «преувеличенное значение». Далее следовал вывод, что «в этом вопросе нет ни единой нашей самобытной черты <...> мы не слышим выражения какой-нибудь потребности русских женщин»[193], «женский вопрос у нас в России <...> никак не составляет потребностей русской жизни. Это явление отчасти привозное, отчасти сочиненное. Завезли его к нам иностранные книжки, а подсочинили его петербургские сочинители»[194].

Самую главную опасность Н. Н. Страхов увидел в отрицании Дж. Ст. Миллем идеала женского самоотречения, практики женской жизни «для других», стремлении к личному счастью. В предложении юридического равноправия женщин он увидел путь по преодолению влияния этого идеала. Страхов писал, что отсутствие идеала жены и матери провоцирует женщин на забвение своих «женских» целей, а это опасная сторона женского вопроса, откуда произойдут величайшие затруднения и трагические последствия для всего человечества.

Страхов транслирует ту известную европейскую идею, что постановка проблемы женских политических прав — это хлопоты «о старых девах и пятидесятилетних старухах в парламенте». Отсюда он делает вывод, что для общественных дел требуется женщина бесполая, которая не имеет «пола» либо от рождения, либо которая уже перешла «за пределы полового возраста». Поэтому развитие женского вопроса по Страхову — это опасная тенденция распространения «бесполости женщин». Если даже несколько женщин и смогут стать «недурными членами парламента», — писал он, то общество и все человечество все равно проиграют, так как природа женщин будет извращена.

Н. Н. Страхов также как и его соратники по охранительному лагерю не верил в инновационность женского мышления. «Женский вопрос выдуман мужчинами», а женщины привычно идут в фарватере мужского мнения исключительно по причине угодить мужчинам, писал он.

Отрицая женскую политическую правоспособность, Н. Н. Страхов неоднократно повторял, что не имеет ничего против развития законодательства в направлении уравнения полов, если только женщины сами увидят в этом потребность. Такое женское требование примирило бы его со всеми крайностями женского вопроса. Эта его позиция была данью времени, т. к. отношение к женскому вопросу стало мерилом прогрессивности и Страхов не мог рисковать своей репутацией.

Как бы в ответ на сентенции Страхова известный ученый и анархист П. А. Кропоткин (1842–1921 гг.) написал о женских инициативах того времени: «В женских кругах пульс жизни бился сильно и часто представлял резкую противоположность тому, что я видел в других сферах[195]. <...> Без сомнения, то было великое движение, изумительное по своим результатам и крайне поучительное вообще. <...> Они (женщины) в буквальном смысле слова завоевали свои права»[196].

За эту уступку общественному мнению Н. Н. Страхов был осужден Л. Н. Толстым, который в своем письме писал: «Милостивый государь! Я с большим удовольствием прочел вашу статью о женщинах и обеими руками подписываюсь под ее выводы; но одна уступка, которую вы делаете о женщинах бесполых, мне кажется, портит все дело»[197].

Далее в письме Толстой аргументировал свою позицию по этому поводу и попутно излагал свои взгляды на женский вопрос. В частности он писал: «Отрожавшая женщина и не нашедшая мужа женщина все-таки женщина <...> никакой надобности нет придумывать исход для отрожавших и не нашедших мужа женщин: на этих женщин без контор, кафедр и телеграфов всегда есть и было требование, превышающее предложение. Повивальные бабки, няньки, экономки, распутные женщины».

В этой полемике Л. Н. Толстой озвучил взгляд, широко распространенный в обывательском сознании того времени — уравнение женщин, работающих в общественной, публичной сфере с женщинами проституциирующими. Он писал: «Всякая несемейная женщина, не хотящая распутничать телом

и *душою* (курсив мой. — *И. Ю.*), не будет искать кафедры, а пойдет насколько умеет помогать родительницам», «женщина, не хотящая распутничать *душой* и телом, вместо телеграфной конторы всегда выберет это призвание»[198]. Его взгляд на проституток и роль проституции в обществе демонстрировал его пренебрежительное и утилитарное отношение к женщине: «Вы, может быть, удивитесь, что в число этих почетных званий я включаю и несчастных б... Эти несчастные всегда были и есть, и, по-моему, было бы безбожием и бессмыслием допускать, что бог ошибся, устроив это так, и еще больше ошибся Христос, объявив прощение одной из них. <...> То, что этот род женщин нужен нам, доказывает то, что мы выписали их из Европы; то же, для чего они необходимы, нетрудно понять <...>. Что сталось бы с семьями? Много ли бы удержалось жен, дочерей чистыми? Что сталось бы с законами нравственности, которые так любят блюсти люди? Мне кажется, что этот класс женщин *необходим* (выделено Толстым. — *И. Ю.*) для семьи при теперешних усложненных формах жизни. Так что, если мы только не будем думать, что общественное устройство произошло по воле каких-то дураков и злых людей, как это думают Милли, а по воле непостижимой нам, то нам будет ясно место, занимаемое в нем несемейной женщиной»[199]. В заключение письма Толстой формулирует свои взгляды на роль женщин в обществе: «Призвание женщины все-таки главное — рождение, воспитание, кормление детей. Мишле прекрасно говорит, что есть только женщина, а что есть мужчина»[200].

Другой отклик на работу Дж. Ст. Милля последовал со стороны все того же Н. И. Соловьева, издавшего книгу «Милль, Конт и Бокль о женском вопросе». Идеи Н. И. Соловьева во многом перекликались с идеями Н. Н. Страхова. Трудно сказать, кто из них на кого повлиял, так как они публиковались практически одновременно. Сам этот факт дает возможность доказательно говорить о выработке общей контраргументации женским требованиям в формирующемся охранительном дискурсе.

Так же как и Н. Н. Страхов, Н. И. Соловьев фиксирует факт существования «женского вопроса» (1870 г.) — «женский вопрос все еще не перестал волновать умы современного общества», хотя «остается по-прежнему далеким от своего разрешения»[201]. Более того, он фиксирует тот факт, что в российском обществе отношение к «женскому вопросу» стало «мерилом прогрессивности писателя»[202], что, возможно, на деле смягчило резкость некоторых его формулировок.

Так же как и Н. Страхов Н. Соловьев строит свою аргументацию, исходя из идеи о нерусском происхождении идей женской эмансипации. Так, Соловьев писал, что особого значения для русского общества брошюра Милля иметь не может, так как она не сообразуется «с историей русской женщины».

С одной стороны, Соловьев, безусловно, прав, напоминая читателям о другом историко-культурном контексте проблемы. Он приводил в пример деятельность в России многочисленных правительниц, начиная с княгини Ольги, напоминал о таких «политических» женщинах, как княгиня Е. Р. Дашкова

(президент Российской Академии наук и Санкт-Петербургской Академии наук и художеств), императрица Мария Федоровна (основательница собственного Ведомства императрицы Марии), о своей современнице великой княгини Марии Николаевне (президент Академии художеств). Он напомнил читателям об имущественных правах русских женщин, о правах купчих в управлении общинными делами, о праве женщин на выборах дворянства, о праве женщин участвовать в земских выборах[203].

С другой стороны, описывая такие возможности современных женщин, как право на труд в телеграфном ведомстве, доступ к учительским местам, к должностям бухгалтерш и факт «процветания высших женских курсов», он не осознавал их как результат процесса эмансипации и достижений женского движения. Факт, что новая реальность — следствие национальной дискуссии по проблемам женщин и их собственной активности, ускользал от него.

Другой привычный прием охранительного дискурса, которым активно пользуется Соловьев — «объективация» женщин, представление их как объекта мужских манипуляций: «Что же касается до самих женщин, то они большею частью повторяли, что им нашептывали мужчины, сами же от себя редко что говорили <...>»[204]. Отказывая женщинам в деятельном начале, Соловьев не интерпретирует их деятельность по изменению своего положения как коллективные действия. Отсюда его негодование по поводу предположения «западных эмансипаторов» типа Дж. Ст. Милля о возможных женских коллективных акциях, которых «конечно, нет и быть не может»[205].

Неоригинальны и его попытки принизить общественное звучание тех женщин, которые реально повлияли на социальную жизнь. В первую очередь достается от него Жорж Санд. Авторитет Жорж Санд, утверждал Соловьев, выстроен на идеях, ей не принадлежавших, в которых нет ничего «собственно женского», а все ее романы — только «поэтический перифраз коммунистической теории любви, гораздо ранее ее выдуманный мужчинами»[206].

В русле другой традиции охранительного дискурса — «биологизации» женщины — он, также как Н. Н. Страхов и Л. Н. Толстой, рассматривает жизнь и деятельность женщины исключительно в рамках ее репродуктивной функции. Из чего он делает вывод, что «женский вопрос» — есть «бездетный вопрос». От имени людей «поживших», с жизненным опытом, он оценивает «зарождающуюся деятельность женщины, как пустую претензию»[207]. Тем самым маркирует свой охранительный лагерь как сообщество людей не молодых, противопоставляя его молодежи, «для которых роман жизни еще не начался» и которые «у нас более всего и занимаются женским вопросом»[208].

Свою задачу Н. И. Соловьев видит в необходимости объяснить читателям книгу Милля, с тем чтобы общество «правильно переварило ее» и чтобы эта книга не получила того «незавидного, наркотического успеха», который в свое время снискал роман Н. Г. Чернышевского. Опасения Н. И. Соловьева были не напрасны. По словам публициста И. Вертинского, книга Дж. Ст. Милля стала «одним из боевых знамен женской самостоятельности»[209].

Наиболее одиозной фигурой консервативной фронды стал профессор юстиции Новороссийского университета П. П. Цитович (1843–1913 гг.), который откликнулся на серию статей Н. К. Михайловского «Письма ученым людям» брошюрой «Ответ на письма к ученым людям» (1878 г.). В том же 1878 году он издал «Хрестоматию "нового слова"», первую часть которой составила еще одна его брошюра, посвященная теме «женского вопроса» — «Что делали в романе "Что делать?"».

Позиция Цитовича в отношении «женского вопроса» сводилась к огульному поношению русской журналистики, русской беллетристики и всей российской молодежи как сил, поддерживающих этот вопрос.

Цитович вполне осознавал, что «женский вопрос» возник как результат модернизирующегося общества и что касается он преимущественно женщин привилегированных сословий. Он писал: «Эти требования новой обстановки возникли по отношению к женщинам лишь благородного сословия, т. е. к дочерям чиновников и бывших мелких помещиков»[210]. Он понимал, что «женский вопрос» — это «вопрос образования и воспитания и вместе вопрос профессиональной подготовки для тех из женщин, которым придется существовать своим трудом в виде профессии»[211]. Но его личное отношение к «женскому вопросу» никак не согласовывалось с пониманием «требований новой обстановки». Душа не принимала. Отход от социальных аспектов и перевод проблемы в сферу сексуальных отношений, возможно, уж не такое и новшество для охранительного дискурса, но у Цитовича этот ход получил блестящее развитие. По сдержанному замечанию одного из его критиков, тема разрабатывалась им «в смысле promiscuitas», а «половой подбор» толковался в смысле ничем не стесненного в удовлетворении полового инстинкта»[212].

В лучших традициях охранительного дискурса он обвинял «ученых людей» в инициировании процесса эмансипации, приведшего к пагубным изменениям в русской женщине. Писал он ярко и вызывающе провокационно: «Вы <...> развратили ее ум и растлили ее сердце <...> вы надолго искалечили не только нравственный облик, но даже наружный образ русской женщины. <...> В этом уме была игривость, — из нее вы сделали блудливость, в этом сердце было увлечение — его превратили в похоть. Она была способна на жертву, — из нее вы сделали искательницу приключений...»[213]. «Полюбуйтесь на нее, — с пафосом продолжал он, — мужской плащ, мужская шапка, грязные юбки, оборванное платье <...>. По наружному виду какой-то гермафродит, по нутру — подлинная дочь Каина»[214].

Отталкиваясь от идеи равноправности мужчин и женщин в смысле их *одинаковости*, характерной для того времени, он переворачивает этот тезис для разнузданного доказательства неодинаковости женщин и мужчин. И тут для его целей предоставляются огромные возможности. Он утверждал, что развитие женщин со стороны мужчин сводится к их растлению, а проповедь женской эмансипации заключается в том, что женщина должна отдаваться даром[215].

Современные произведения русских беллетристов в его оценке предстают не как романы, а как «трактаты по физиологии половой системы, это не столько повести, сколько этюды по акушерству»[216]. Досталось от него и самим женщинам. Курсисток он уличал в их истинной цели, к которой они стремились под предлогом образования — к «срыванию созревшего плода на занятиях, в коммунах».

Его брошюры подняли волну негодования, протестные письма оскорбленных курсисток, и в целом были оценены в среде интеллигенции как ненаучные, необъективные работы, написанные под «влиянием оскорбленного самолюбия»[217], как комок грязи в современную молодежь, учащихся женщин и деятелей литературы[218].

Но нельзя пройти и мимо того факта, что брошюра «Ответ на письма ученым людям» за два года выдержала восемь изданий, что говорит о востребованности такого рода аргументации и такого рода литературы.

Шум, поднятый прессой вокруг П. Цитовича, сделал его своего рода героем антиженской фронды и, кстати сказать, заметно способствовал его карьере. Практически сразу он издал брошюрой свой ответ критику «Вестника Европы» — «Объяснение по поводу Внутреннего обозрения»[219], в которой несколько смягчил выражения, отклонил обвинения о несправедливых и необоснованных нападках на молодежь — «я этого не делал»[220], но остался верен своей позиции.

В целом охранительная тенденция развивалась в отходе от высокой риторики о «природном и Божественном промысле» и обращалась к делам земным и практическим. В частности к проблеме конкуренции, которую составили образованные женщины мужчинам на рынке интеллектуального труда, хотя и в очень незначительной степени. Как выразился А. В. Амфитеатров, когда оборонительные статьи мужчин-врачей или адвокатов всплывали на страницах журналов, то становилось жутко и «за человека страшно»[221].

Охранительные настроения развивал П. А. Бакунин (1820–1900 гг.) — земский либерал, пионер земского дела и брат известного анархиста, опубликовавший в 1881 году книгу «Запоздалый голос 40-х годов. По поводу женского вопроса».

В предисловии автор объясняет причины своего позднего вступления в дискуссию. Изначально его работа была журнальной статьей, но в конце 1860-х не нашлось журнала, который мог бы принять ответственность за содержание критической «к излюбленным тезисам женского вопроса» статьи. Факт сам по себе примечательный, как и то, что в 1880-е годы — годы отхода от реформ нашлось и издание, выпустившее книгу, и деньги на ее издание.

Как и П. П. Цитович, П. А. Бакунин вполне внятно воспроизводит общепринятую интеллигентскую установку в отношении женского вопроса: «В смысле нужды женский вопрос выражается как настоятельное требование дать женщинам право и средство к самобытному существованию. Поставить их в полную независимость от внешних случайностей, от родственников, от мужа,

от детей <...> для этого является необходимость вооружить их такими правами и способами, и подготовить их к жизни так, чтобы они могли жить ни от кого не завися, собственным трудом своим»[222].

Бакунин даже солидаризируется с подобным подходом к проблеме, но при этом в его довольно объемной книге нашлось место всем старым сюжетам охранительного дискурса и апробации новых. Это идеи о нарушении «естественной природы женщины» «новыми людьми», о женской ведомости, объектности и наивности. Но главная его тема — «неоправданность» женской конкуренции на рынке труда.

Эмансипационный процесс в представлении Бакунина выглядит следующим образом. Женщины под жестким давлением мужчин-эмансипаторов отказываются от своих «природных женских качеств» — «нравиться, наряжаться, краситься, красоваться, кушать конфетки, выслушивать и говорить речи сомнительного достоинства, кокетничать, забавляться, сводить с ума, кружить головы, властвовать, иметь весь мир у ног своих, проводить всю жизнь в праздности, в сплетнях, в клевете, в притворстве, во лжи, в злости, в нервах»[223]. Коварные эмансипаторы, «увидев женщину в обществе, <...> нашли ее вовсе не такой, какой они ожидали». «Нет, — сказали "новые люди" — это совсем не то, <...> ее следует исправить»[224]. И «новые люди» — суровее всяких менторов, не признавая права за «естественными позывами», запретили женщинам вести привычный для них образ жизни — «не легкомысленничай, не кокетничай, не забавляйся, а ступай на курсы учиться и лекции слушать, ступай жить своим трудом, ступай дело делать! А они бедняжки вовсе не желают лекции слушать, не имеют никакого позыва трудиться, не чувствуют особой потребности дело делать. Это ничего! Так надо. В этом есть общая потребность»[225].

«Мужчины вновь оказались коварными; и женщины, несмотря на научность, явились такими же легкомысленными, как и прежде. Они с прежнею готовностью и прежним увлечением поддались новому <...> обману»[226]. Женщины доверились мужчинам и, повинуясь требованиям нового учения жить самостоятельно и в самом деле отказались от праздности, от роскоши, от привычек элегантности и принялись за реальный труд»[227].

П. А. Бакунин доказывал полную несамостоятельность и неспособность женщин принимать решения и отвечать за самих себя. Одновременно с тем существование в российском обществе женщин, живущих «независимо и, повидимому, без всякого содействия мужчин» оценивалась им как нарушение не только естественных женских качеств, но и посягательство на идеальный образ русской женщины, который «стоит недосягаемо высоко над развитыми Верочками».

Вслед за своими соратниками по охранительному лагерю П. А. Бакунин воспевает традиционный женский идеал, сильный «античным мотивом» женского самоотречения и самоотверженности (декабристки, Татьяна Ларина, Лиза из «Дворянского гнезда»). «Идеал придуман ловко», — писала

о таких сюжетах Цебрикова[228]. В основе его лежит «идея добровольной рабы», и наши благонамеренные писатели волнуются о гибельных последствиях его искажения[229].

Новые женские практики самостоятельности и достижения личного преуспевания П. А. Бакунин рассматривал как практику разрушения идеала русской женщины, с которыми связаны определенные мужские ожидания: «Женский образ — наше живое ручательство, что мечты, навеянные с детства, и все пророчества нашей юности сбудутся[230].

Виноваты в этом опять-таки «новые люди», которые пытаются «преобразовать этот самый образ <...> по своему лекалу! Они полагают, что ему не достает придатков и подвесков научности и учености и выставляют <...> всем известный образ современно-развитой барышни, которая уже не киснет в своих идеалах, а бодро и развязно прохаживается по всяким ученостям, и идет индуктивным путем к преуспеванию»[231].

В итоге Бакунин формулирует свое видение женского вопроса — «женский вопрос является совершенно праздным. Совершенно ненужным вопросом, пустым измышлением людей, далеких от всякой нужды»[232]; «женский вопрос со всеми его мотивами <...> не исходит ни от неволи, под давлением нужды; ни от свободы, возникающей от сознания долга. В нем нет ничего необходимого; он есть продукт вольного измышления»[233].

Позднее феминистская мысль сформулировала ответ на этот вопрос. Ольга Шапир написала, что долг русской женщины заключается в осознании долга перед самой собой.

Больше всего Бакунина волновала тема претензий женщин на право на труд и в первую очередь на высокооплачиваемй, престижный, профессиональный труд. Он признал право на труд за фабричными работницами. Но поскольку «женский вопрос имеет в виду не столько женский труд и работящих женщин, имеющих в обществе свое полное признание, сколько независимый женский труд и независимых женщин»[234], то здесь он находит новые для охранительного дискурса аргументы. «Конкуренция женщин с мужчинами на том же поприще труда, в случае успеха некоторого числа женщин, по необходимости вытесняет с него такое же количество мужчин, а если не вытесняет, то неминуемо сбавляет плату за труд, не к выгоде предлагающих, а только покупающих оный». И потому «успех и удача некоторых женщин <...> окупаются соответственным неуспехом и неудачей некоторых мужчин <...> А между тем на попечении тех вытесненных мужчин жили и существовали и женщины и дети»[235].

Обычное для русского интеллигента позитивное отношение к образованным женщинам сменяется раздражением и упреками в том, что «женский труд, вступая на общий рынок, количество требуемого и оплачиваемого труда не увеличивает, а только производит некоторую перетасовку <...> через то, если одним становиться жить легче, то зато другим приходится жить настолько же труднее»[236].

Текст наглядно демонстрирует метания автора между общепризнанными интеллигентскими верованиями о правах женщин на профессиональный труд и собственными опасениями.

Общественное признание женских достижений в науке, профессиональной деятельности не давали Бакунину возможности просто перечеркнуть эту новую женскую жизненную стратегию. Он был вынужден признать, что «по общему свидетельству они (профессиональные женщины. — *И. Ю.*), занимаясь с усердием, успешно преодолевают всякого рода трудности и удостаиваются по заслугам аттестатов, ученых свидетельств, дипломов; с такими дипломами перед ними открываются многие пути и многие средства существования, прежде для них совершенно недоступные; и как сообщают, очень многие из них и в самом деле, достигая цели своих стремлений, живут трудом своим безо всякого содействия мужчин»[237]. Поэтому Бакунин доказывал незначительность женских достижений в масштабах общества. Он писал: «Соображая, как и чем бы они существовали, если бы они не добыли себе таких средств, таких прав и такой привилегии на труд, нельзя не порадоваться <...>, но только в стране бедной, которая еще не в состоянии оплатить и то, что ей необходимо <...> дополнительная деятельность нескольких сведущих или практикующих женщин, разумеется, ничего собою пополнить не может <...> и женский вопрос <...> являясь напрасною тратою сил, никоим образом <...> не может не то что отвратить, но даже сколько-нибудь убавить насущную нужду его и все беды из него истекающие»[238].

В качестве альтернативы профессиональному труду женщин как средству заработка Бакунин видел только проституцию. В его глазах судьбы нескольких тысяч успешных женщин не оправдывали ситуацию с женской конкуренцией, как и не оправдывали существование «женского вопроса».

Он утверждал, что «мужская сила несравненно имеет более прав на внимание, чем все права женщин» и поэтому «всякие женские вопросы должны, конечно, посторониться, чтобы дать место не женскому, а чисто мужскому делу. Пусть женщины позволять сперва устроиться мужчинам, и тогда, после, ужо, можно будет на досуге потолковать с ними и об их делах, и об их сокрушениях, а до тех пор и их действительный ум, и им врожденная скромность требовали б, чтоб они не только не мешали, не шумели и не путались в дело, которое есть не их рук дело»[239].

Другими словами, прекраснодушные интеллигентские идеи о потребности общества в образованных женщинах, их облагораживающем влиянии на это общество лопались как мыльный пузырь, лишь только вопрос вставал о собственных интересах мужчин.

Вслед за Н. Г. Чернышевским П. А. Бакунин также дал ответ на вопрос «что делать?»: «Им, этим вопрошающим — мужчинам и женщинам — следует ответить: не делайте ничего; это лучшее, что вы можете сделать»[240].

Этот земский деятель не заметил тех преобразующих действий, которые к 1880 годам произвели россиянки. Его мысль, что «никакая действительная

сила <...> не станет ждать <...> чтоб им предоставили право, они <...> сами берут себе все, что им требуется», а те, «кто ожидает <...> свидетельствуют, что они лишены силы <...> и имеют только пустое притязание»[241] оказалась проговоренной им с опозданием.

Мысль, что «никто ничего не даст» и ничего не изменится, если не взять дело в собственные руки, к 1880 годам уже была усвоена российскими равноправками и стала путеводной звездой активисток женского движения. Этот бакунинский тезис также был развит Ольгой Шапир, которая в 1908 году, обращаясь к участницам женского съезда, сказала: «Ребячество требовать, чтобы другой с таким же жаром стремился к уменьшению собственных монополий, с каким нам естественно стремиться к получению наших прав»[242].

Критика на книгу П. А. Бакунина была вялой, его голос, несмотря на то что он аккумулировал все претензии к «женскому вопросу», «новым женщинам» и «новым людям» в целом, был голосом «по уже решенному вопросу» и не мог никак повлиять на развитие темы — «не даром он сам себя зовет запоздалым», — констатировал критик[243].

Женские журналы в вопросе труда женщин развивали свою аргументацию и создавали другой, встречный дискурс. Так, в журнале «Друг женщин» некто Z. в обширном обзоре российской прессы по поводу труда женщин, констатировал тот факт, что «вопрос о правах женщины на высшее образование и расширении круга ее деятельности не замедлил вызвать и работу теоретической научной мысли о женщине, особенностях ее природы»[244].

Автор статьи оппонировал известному физиологу и анатому профессору Г. фон Бишофу, утверждавшего идею «естественного» разделения труда по признаку пола с выводом, что «каждый пол имеет свои особые занятия, женщины не могут исполнять того, что исполняют мужчины и наоборот»[245].

В подтверждение своего мнения Z. цитировал немецкую писательницу Эдвигу Дом, которая писала, что «нет ни одной формы труда, которая ограничивалась бы одними женщинами. Мужчины шьют, варят, стирают, гладят <...>. В знатных домах вместо кухарки и экономки находятся повар и эконом». Но, замечала немецкая писательница, и автор обзора полностью солидаризировался с ней: «Боязнь конкуренции играет большую роль при ограничении прав женщин на труд <...> нигде и никогда женщину не устраняли от труднейших и неприятнейших занятий, разве там, где речь идет о высших и прибыльнейших отраслях труда, там никогда не забывали поставить пограничные столбы, сообразуясь будто бы с нежной комплекцией и стыдливостью»[246] и потому «при распределении труда между мужчиной и женщиной ясно и рельефно выступают два принципа — умственный и выгодный труд для мужчин, механический и дурно оплачиваемый — для женщин. В отношении низших классов имеет силу следующее правило — чем тяжелее работа, тем лучше для женщины»[247].

Автор обзора считал, что женщины должны иметь право на получение высшего образования, потому что каждый человек имеет право на индивидуальную свободу и право заниматься тем делом, которое соответствует его склонностям[248]. Эта мысль была популярной в женской прессе и являлась важной составляющей ее дискурса.

Таким образом, экономические вопросы стали важной составляющей консервативного дискурса. Развиваясь в парадигме общелиберальной идеи справедливости, консервативный дискурс апеллировал к «природным» возможностям женщин. Внимание уводилось от темы низкой оплаты женского труда, недоступности для женщин высокопрофессионального труда. Стрелка переводилась на тему «оскорбления» природы женщин «низкой» темой денег.

Отдельную группу противников эмансипации, понимаемой в те годы как реализация женщинами права на образование и труд, составляли врачи. Врачи — противники женской эмансипации беспокоились по поводу женской конкуренции и протестовали против высшего женского медицинского образования. Медицинский инспектор министерства внутренних дел г-н Мамонов выпустил в начале 1880-х годов брошюру против женского медицинского образования, как ответ профессору Сущинскому — стороннику последнего. Доктор Толстой в 1889 году в «Вестнике общественной гигиены, судебной и практической медицины» протестовал против женского профессионального вторжения в медицину.

Появлялись популярные издания под громкими и шокирующими названиями типа «Опасные стороны полной женской эмансипации. Очерк по женскому вопросу» составленный Аделью Крепанец, в котором претензии женщин на медицинское образование также осуждались, а университетское начальство предостерегалось от «рискованного шага», вздумай они открыть «женщинам доступ к медицинскому образованию». От имени женщины автор призывала женщин не сворачивать с истинного пути и следовать традиционной жизненной стратегии: «Мы, женщины, должны стремиться к прекраснейшему и возвышеннейшему призванию супруги и матери и стараться других побуждать к этому стремлению». И тем самым решить женский вопрос[249].

Приверженцы идеи удержания женщин в «семейном начале» пополнялись и за счет писателей — Н. С. Лескова, В. П. Клюшникова, Вс. Крестовского, Болеслава Марковича, В. П. Авенариуса, публицистов — П. П. Цитовича, Дьяков-Незлобина, В. П. Мещерского, В. П. Буренина. Двадцатипятилетней литературно-государственной борьбой с женским умом назвал это противостояние А. В. Амфитеатоворов.

Общество должно «свято хранить женский идеал» — вот суть охранительной позиции и консервативного дискурса. Женский идеал, модели женственности таким образом стали квинтэссенцией женского вопроса, предметом и ареной противоборства. «Идеальная женщина по мне будет та, которая, усвоив высшее миросозерцание того времени, в котором она живет, отдается своему женскому, непреодолимо вложенному в нее призванию — родит,

выкормит и воспитает наибольшее количество детей, способных работать для людей по усвоенному ею миросозерцанию. Для того чтобы усвоить себе высшее миросозерцание, мне кажется, нет надобности посещать курсы»[250], — писал Л. Н. Толстой. Роль литературы как признанной базы самоидентификации личности в дискуссии по «женскому вопросу» возрастала.

Общими чертами консервативного дискурса были: непризнание инокультурного влияния, насаждение антииндивидуализма женщины, патриархатной идентичности, (включающей в себя позицию слабости, подчиненности, жертвенности), защита иерархичности и авторитарности российского общества, поддержание приоритета обычая над законом и в целом защита существующего социального порядка, которому явно и неоднозначно угрожала активность женщин в публичной сфере и последующие за тем изменения традиционной поло-ролевой структуры.

Мнение С. С. Шашкова о том, что «мало приготовлены мужчины к неминуемому освобождению женщин, если уж гениальнейший и честнейший из современных мыслителей Прудон и даровитейший из этнографов Риль братски лобзаются с Тит Титычем Брусковым, пропагандируя идеи «Домостроя»[251], оказался верным.

Женская оценка консервативных сил, озвученная позднее на страницах Первого женского календаря, представляется лаконичной и четкой: «Оппозиция находит себе поддержку только в традициях прошлых веков и собственном эгоизме»[252].

Усилия женщин, направленные на получение общественного признания как юридически полноправной, профессионально состоявшейся, экономически независимой личности и субъекта социальных изменений вступали в конфликт с политикой мужчин за сохранение своих доминирующих позиций в экономике и культуре, в различных социальных институтах. Это было начало процесса серьезных изменений в отношениях между полами. Женщины вынуждены были деконструировать свой образ и переконструировать его, с тем чтобы из объекта социальных изменений превратиться в субъект этих изменений. Под влиянием этого процесса мужчины вынуждены были пересмотреть свои взгляды на женщин и самих себя, как и женщины пересмотрели свои взгляды в отношении мужчин и себя самих.

Таким образом, в первые пореформенные годы «женская» тема стала злободневной общественной проблемой.

О «женском вопросе» читали лекции, издавали книги, историки осмысляли исторический путь русской женщины (труды Ф. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, Д. И. Илловайского и др.). Ученые, беллетристы, журналисты, публицисты, общественные деятели приняли участие в дискуссии, разросшейся до масштаба общенациональной, которая долго не затихала, вплоть до 1880-х годов, чему свидетель П. А. Бакунин — «за последнее время над нами пронесся, прошумел, назойливо еще продолжает шуметь так называемый женский вопрос»[253].

Основные дебатируемые темы звучали следующим образом:

1. Каким должно быть воспитание и образование женщин и в чем оно должно отличаться от воспитания и образования мужчин?

2. Имеют ли женщины право на высшее образование?

3. Имеют ли женщины право на мужской труд в общественном производстве?

4. Какие сферы мужской деятельности доступны женщине?

5. Какова социальная роль женщины в обществе?

Дискуссия помогла женщинам определиться в своих предпочтениях и «вооружиться готовыми лозунгами для дальнейшей целеустремленной деятельности»[254]. В конце 1870-х годов дискуссия пошла на спад. Но по-прежнему женская проблематика на страницах печати оставалась популярной и ответы на поднятые вопросы оформлялись в одну из трех политических позиций в «женском вопросе» (радикальную, либеральную или консервативную).

Самоидентификация и обретение субъектности обоих полов проходило в значительной степени под воздействием и контролем литературы.

Дискурс беллетристики: 1850–1860-е гг.

Тайно был прогресс ответом роковым смущен <...>;
И томим печалью края и неволей дам,
Стал врагов считать, вздыхая: нет числа врагам.
В взгляде вспыхнул гневный пламень, он умолк с тоской,
Перечел «Подводный камень» и — махнул рукой.

Обличительный поэт

Под формой романа <...> предложено полное руководство к переделке всех общественных отношений, но главным образом — к переделке отношений между мужчинами и женщинами. <...> За 16 лет преподавания в университете мне не удалось встретить студента, который бы не прочел знаменитого романа еще в гимназии, а гимназистка 5–6 класса считалась бы дурой, если бы не ознакомилась с похождениями Веры Павловны.

П. Цитович

«Вопрос о свободе и правах женщины <...> создал целую отрасль в литературе», — констатировала М. К. Цебрикова[255]. Влияние литературы на общественную жизнь в России всегда было сильным, так как литература была практически единственным подцензурным каналом распространения новых идей. В ситуации тотальной цензуры, роль писателей выросла только что не до роли духовных отцов нации. Они в значительной степени формировали общественное мнение, влияли на развитие языка. Поэтому нет ничего удивительного в том, что противники «женского вопроса» связывали его ста-

новление с неправильной «литературой, которая разнит полы»[256], которая твердит женщине о гнете и о рабстве и настраивает ее на враждебный тон.

Начиная с 1840-х годов положительный образ женщины в литературе был представлен в исполнении героиней традиционных женских ролей, но облагороженных уважением к ее чувствам.

Произведения, в которых тема эмансипации женского сердца разрабатывалась «по Жорж Санд», пользовались у публики неизменным успехом[257]. «Громовой успех» выпал на долю «Полиньки Сакс» А. В. Дружинина (1847 г.) и «Подводного камня» П. Н. Кудрявцева (1860 г.).

Центральная проблема, решаемая на страницах литературы этого направления — определение границ сексуальной свободы женщины, соотношение ее долга и ее права на счастье. Представления о женской сексуальности и нормы сексуального поведения женщин пересматривались. Пушкинская Татьяна — национальный идеал русской женщины был подвергнут критике «за подчинение»[258]. В. П. Боткин укорял Татьяну за то, что она «добровольно осудила себя на проституцию со своим старым генералом»[259]. «Не могу я примириться с положением Татьяны», — писал он Белинскому. Последний отвечал: «О Татьяне тоже согласен. С тех пор, как она хочет век быть верною своему генералу, ее прекрасный облик затемняется»[260]. Хотя по свидетельству критики, в свое время именно слова Татьяны, обозначавшие границы ее сексуальной свободы: «Но я другому отдана. Я буду век ему верна», — получили большой общественный резонанс.

«Пушкинский идеал давно побледнел и увял»[261], — подвела итог в 1870-х годах М. Цебрикова. «Пушкинский идеал — это верность китайскому закону», который гласит: «если женщина имеет мужа по сердцу, она имеет его на всю жизнь; если она имеет его не по сердцу — она имеет его на всю жизнь»[262].

Новая общественная тенденция признавала за женщиной право рвать те брачные узы, которые приносили ей страдание и в целом ее не устраивали. Поначалу Цебрикова также с пониманием относилась к любви женщины вне брака, объясняя ее «естественной потребностью в счастье»[263], что подразумевало право на выбор сексуального партнера и права распоряжаться своим телом.

Вопрос о пределах женской свободы как социальной, так и сексуальной стал социально значимым. Зачастую требование женщинами прав социальных интерпретировалось как требование ими сексуальных прав, или «права на разврат», как говорили тогда. Это очень тревожило М. К. Цебрикову, которая считала первейшей необходимостью общественности сформировать положительный образ «новой женщины» в литературе[264]. В закрытом российском обществе литература была только что не единственной базой для идентификации личности, и ее воздействие на обыденное сознание читателей было очень значимым. Утверждение Н. Н. Соловьева[265], что семейные истории в России происходили по причинам литературным, по прочтению какой-нибудь книги или статьи, похоже, не было сильным преувеличением. В итоге Цебри-

кова довольно быстро изменила свои взгляды на проблему сексуальной свободы женщины и трактовала ее счастье как участие в «общем деле», с табуированием тела, сексуальности и проявлению их только в интересах рода[266]. Ее окрестили полицмейстером от нравственности[267].

Тема женской жизни была популярной в беллетристике 1850–1860-х годов. Писатели активно изучали жизнь женщин разных социальных слоев, социальных групп и классов. Купечество исследовал А. Н. Островский («Гроза» и др.). Крестьянство исследовал А. Ф. Писемский («Горькая судьбина», 1859 г.), Н. А. Некрасов («Саша», 1855 г.). Мещанскую, чиновничью среду изучал Н. Помяловский («Молотов», 1861 г.; «Мещанское счастье», 1861 г.); А. Ф. Писемский («Тысяча душ», 1858 г.; «Виновата ли она?», 1855 г.; «Богатый жених», 1851 г.; «Тюфяк», 1850 г.). Дворянскую среду воспел «Гомер дворянского сословия» И. С. Тургенев («Рудин», 1856 г.; «Накануне», 1860 г.; «Новь», 1878 г.; «Клара Милич», 1882 г.) и И. А. Гончаров («Обломов», 1857–1858 гг.; «Обрыв», 1860 г.).

Оказалось, что женщины всех сословий не удовлетворены своей жизнью. Они протестовали против тирании семьи, томились от бездеятельности, стремились к независимости, самостоятельности, служению «общему делу».

Писатели сочувствовали женщинам и чувствовали грядущие перемены: «Ему грезилась мать — создательница и участница нравственной и общественной жизни целого счастливого поколения»[268], но никакого конкретного выхода из ситуации не могли предложить женщинам. Только брак, в котором женщина нашла бы «полный простор своим силам, осмысленную деятельность»[269]. Это было продолжением известных идей Н. И. Пирогова.

В русской литературе появилась череда образов сильных духом женщин, жаждущих действия, но скованных общественными установками, отсутствием знаний и жизненного опыта, которые с надеждой смотрели на образованных мужчин как на своих учителей. Мужчины описывались с долей «ядовитого презрения», которое проявилось в русской литературе с начала XIX века. В парах Обломов и Ольга Ильинская (И. А. Гончаров, «Обломов»), Агарин и Саша (Н. А. Некрасов, «Саша») и др. мужчины «не дотягивали» по волевым и моральным качествам до женщин. Выходом из положения, как едко заметил А. В. Амфитеатров[270], оказался писательский прием соединения русских женщин узами брака и иностранцами. Елена Стахова (И. С. Тургенев, «Накануне») уезжает с болгарином Инсаровым служить его отчизне, Аглая (Ф. М. Достоевский, «Идиот») активно участвует в политических делах своего польского мужа. Ольга Ильинская (И. А. Гончаров, «Обломов») в браке с русским немцем Штольцем открывает в себе деятельную личность: «Ее (Ольги) замечание, совет, одобрение или неодобрение стали для него неизбежною поверкою: он увидел, что она понимает точно так же, как он, соображает, рассуждает не хуже его <...> Захар обижался такой способностью в своей жене, и многие обижаются, — а Штольц был счастлив!»[271] Русские мужчины были окончательно дискредитированы.

Писатели фиксировали новые явления, пытались объяснить новый социальный феномен — женское протестное поведение. Они противоречили сами себе, меняли взгляды. Тургенев высмеял нигилисток в образе Евдокии Кукшиной («Отцы и дети», 1862 г.) и Суханчиковой («Дым», 1868 г.), а затем с пафосом воспел преданную «делу» женщину («Пролог», 1871 г.) и сделал главной положительной героиней романа нигилистку Марианну («Новь», 1876 г.). Писемский во «Взбаломученном море» (1863 г.) осудил нигилизм Ю. Захаровской, и этот его роман положил начало серии антинигилистких романов. А в «Людях 40-х гг.» (1869 г.) главным положительным героем он сделал «жорж-зандиста» П. Вихрова и через него утверждал, что «Жорж Занд дала миру новое евангелие», что она представительница и проводница в художественных образах известного учения об эмансипации женщин, которое стоит рядом с учением об ассоциации, о коммунизме и по которому, уж конечно, миру предстоит преобразоваться»[272].

Таким образом, на страницах литературы шел поиск нового женского идеала и вырабатывались новые социально приемлемые нормы поведения женщин.

Защитники старого уклада предлагали в качестве женского идеала образ самоотверженной матери и жены. У Л. Н. Толстого, который много написал на тему женской эмансипации[273], это — Н. Ростова, княгиня М. Болконская («Война и мир», 1863 г.), Долли Облонская («Анна Каренина», 1877 г.). Толстой рассмотрел актуальную для 1860-х годов тему нигилисток и эмансипированных женщин и высмеял их в комедии «Зараженное семейство» (1863–1864 гг.). Его позиция в отношении женщин сводилась к тому, что «женщина тем лучше, чем больше она отбросила личных стремлений для положения себя в материнском призвании»[274]. Идеалом женщины для него была «Душечка» А. П. Чехова, как воплощение «того высшего и лучшего, что делали, делают и будут делать хорошие женщины»[275].

Ф. М. Достоевский пародировал эмансипированных женщин, фиктивный брак («Бесы») и как идеал создал образ Сонечки Мармеладовой («Преступление и наказание») сильной традиционными женскими качествами — долготерпением, состраданием и мученичеством.

Писатели видели изменения в женщине, выявляли причины этих изменений, но зачастую не могли их принять. Но поскольку мужчина как «деятельная единица» был давно дискредитирован в русской литературе и с ярлыком «лишнего» человека вычеркнут из общественной жизни, то их надежды устремлялись к женщинам. Мимо темы «русской женщины» не прошел ни один крупный писатель, но, как засвидетельствовал А. В. Амфитеатров, все «маститые русские писатели» были против «новых женщин».

Лагерь прогрессистов представил свой бестселлер — роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863 г.). В существующей читательской традиции он был воспринят как учебник жизни, как идеологическая установка к действию. То, что роман появился на страницах «Современника», также было частью знаковой системы подцензурной прессы, определяющим моментом

его восприятия. По утверждению Д. Н. Овсянико-Куликовского это был публицистический тракт, изложенный в беллетристической форме, который демонстрировал мировоззрение интеллигенции[276].

Вера Павловна «представляла женское движение 60-х годов — в ее стремлениях и предприятиях отразилась тогдашняя постановка вопроса эмансипации женщины»[277].

Лопухов и Кирсанов выражали «умственные и общественные интересы разночинной интеллигенции и ту форму протеста, которая в 60-х годах была наиболее распространена». А именно — «протест <...> бытовой и моральный <...> против устарелых форм быта, семейного и общественного, против традиционной морали, противопоставляя ей новые нравственные понятия»[278].

Роман Чернышевского «сорвал» бешеный успех, имел длительное влияние на современников. Вопросы положения женщины, образ «новой женщины», вопрос о фиктивном браке, как одном из путей выхода женщины из-под родительской опеки, о новой семье, о новых взаимоотношениях между супругами, о труде женщин и его значение в жизни женщины, о женских трудовых ассоциациях-артелях, основанных на новых без эксплуатационных началах — вот круг проблем, которые освещал роман. В критике встречается мнение, что именно с этого романа началась «эпидемия литературных побегов», когда «такая-то оставила или ушла из семьи, прочтя такую-то и такую-то книгу»[279].

Н. Г. Чернышевский развил традицию, идущую от Д. И. Писарева, описывая «женский вопрос» в интерпретативной схеме несправедливости и «страдательности» положения женщин, принятия мужчинами на себя ответственности и вины — «женщина играла до сих пор такую ничтожную роль в умственной жизни потому, что господство насилия отнимало у нее и средства к развитию, и мотивы стремиться к развитию»[280].

До появления романа «Что делать?» конкретного, «своего» дела женщинам не предлагалось. Статьи М. Н. Вернадской были слишком теоретичны и утопичны, они опередили свое время и не были оценены современниками. Но героиня Чернышевского знала выход — это было занятие «неотступным делом». Через то она стала самодостаточной личностью, главным действующим лицом в своей собственной жизни. Пример был предложен вдохновляющий. Что же это было за дело?

Чернышевский рекомендовал через свою героиню всем читающим женщинам заняться практическим образованием, создавать рабочие места для женщин — артели, трудиться в них на благо женщин с более низким социальным статусом, выполнять в их среде роль наставниц. Совершенно достоверно известно, что Н. Г. Чернышевский знал о существовании женских артелей[281] — он увидел новые формы социальной организации в реальной жизни и описал их, сильно идеализируя.

Вера Павловна стала идеалом для образованных женщин не одного поколения. По мнению современников, роман оказал серьезное влияние на развитие семейно-брачных отношений. Чернышевский предложил вариант

решения вопросов семьи, брака и любви. Моральное оправдание фиктивного брака, равноправность в отношениях супругов, право женщин на сексуальность, тело, женскую субъективность. В романе утверждались новые нравственные нормы, которые демонстрировали Лопуховы и Кирсановы, то есть русская интеллигенция, и за которые цензор О. А. Пржецлавский квалифицировал роман как «аморальный, отрицающий христианскую идею брака» и проповедующий вместо нее «чистый разврат»[282].

Сообщество женщин-писательниц также не остались в стороне от животрепещущих дискуссий на женскую тему. Произведения популярной Н. Хвощинской (псевдоним В. Крестовский), Ю. Жадовской и других разрабатывали образ бедной, некрасивой, но внутренне свободной женщины, которая хочет жить своим трудом. Часто это была старая дева, образ которой переосмыслялся усилиями женщин-писательниц. Не определяя как-либо политически себя, не поддерживая зачастую идеи женской эмансипации, писательницы в своем творчестве точно отображали русский провинциальный быт с его патриархатными установками в отношении женщин. «Каждая повесть, — писал П. А. Кропоткин о творчестве Н. Хвощинской, — заключает в себе драму девушки, лучшие стороны которой беспощадно душатся окружающими ее, или рассказывает еще более тяжелую драму старой девушки, принужденной жить под гнетом тирании, мелких преследований и булавочных уколов со стороны родных»[283].

В лице Марии Цебриковой и Анны Энгельгардт оформлялась русская женская критика. Эти авторши уделяли пристальное внимание «женскому элементу» — женским литературным образам и в целом женскому творчеству. Их заинтересованные и жесткие статьи (особенно Цебриковой) разрушали патриархатные клише, традиционный образ мышления, доминирующий в литературной критике в отношении женщин, что способствовало развитию русской женской прозы.

По мнению Р. Барта, неизбежною задачею реалистического романа становится воссоздание социального разноязычия[284]. Это справедливо и в отношении литературы русского реализма. Русская беллетристика также воспроизводила социальные языки, существовавшие в толще национального языка; производила социопрофессиональные термины, основные категории и понятия освободительного движения. В первую очередь, это были термины, обозначающие субъектов (акторов) политического процесса — «новые люди», «новая женщина», «нигилист», «нигилистка», «кисейная барышня».

Производство языка делалось одними, а отражение — другими. «Тургенев создал слово "нигилист" <...> Помяловский создал выражение "кисейная барышня", хотя и не пользующееся подобно слову "нигилист", всесветской известностью, но всероссийской несомненно. Получить в 60-х гг. прозвание "нигилист", "нигилистки" было почетно, "кисейная барышня" —

позорно», — писала Е. А. Штакеншнейдер[285]. Эти понятия практически сразу перешли в официальный дискурс, не вызвав отторжения своей инаковостью, стали частью политического языка, политического дискурса.

Слово «нигилист» существовало и до И. С. Тургенева, но стало термином, обозначающим новый тип человека, только после появления в романе «Отцы и дети» (1862 г.), в котором Тургенев на примере Базарова описал типические черты нигилиста.

Движение нигилистов вызвало к жизни особую «антинигилистическую» литературу. Это романы Н. С. Лескова «Некуда» (1864 г.), «На ножах» (1870–1871 гг.); В. П. Клюшникова «Марево» (1869 г.), «Кровавый пуф»; Вс. В. Крестовского «Панургово стадо» (1869 г.), которые обличали нигилизм, новую идеологию и ее носителей. Особенно в невыгодном свете решены образы женщин, ищущих свой путь в жизни. Осуждался ими выбранный путь участия в «общем деле». Положительные героини этих романов выглядели очень условными и схематичными на фоне с блеском описанных барышень и барынь, впадающих в грех самостоятельности и общественной деятельности.

Проблема положительного образа, идеала русской женщины приобрела в российском обществе с начала 1860-х годов политический характер.

Дискурс женской прессы: 1850–1860-е гг.

Самый первый женский журнал — точнее, журнал для женщин появился еще в конце XVIII века[286]. В начале XIX века таких журналов стало больше и своим появлением они обозначили значимые изменения в обществе — отход от практики конструирования дискурса периодических изданий по схеме «мужчина — мужчине» и развитие дискурса прессы по схеме «мужчина — женщине», а позднее и «женщина — женщине».

Первые журналы издавались мужчинами: «Журнал для милых» (1804 г.), «Московский Меркурий» (1805 г.), «Новый дамский журнал», «Кабинет Аспазии», «Аглая», «Дамский журнал» (1823–1833 гг.), «Ваза» (1832 г.), «Лучи» (1850–1860 гг.), «Ласточка» (1859 г.) и другие. Свои задачи издатели видели в формировании интересов и запросов женщин. Женские журналы были изданиями универсального характера, в них публиковалась все — от новинок литературы до советов по домоводству и парижских модных картинок. Печатались стихи, проза, рекомендации по воспитанию детей, созданию радушной атмосферы дома, этике отношений семейной жизни, эстетике быта. Все эти материалы четко обрисовывали сферу женского бытия — дом, семья, дети, рукоделие, мода. Эти издания воспроизводили официальную концепцию женщины, главным составляющим которой было удачное замужество как определяющая социального успеха женщины и основа ее социального статуса. Журналы формировали идеал беспроблемной женщины — жены, матери, хозяйки.

Число изданий, ориентирующихся на новую читательскую аудиторию, модную женскую тему, неуклонно росло, спрос был велик и некоторые из этих изданий были вполне успешным коммерческим предприятием.

Временные правила о печати 1865 года только оживили этот процесс. Появление во второй половине XIX века женщин-редакторов женских журналов никак не отразилось на их содержании: «Модный магазин» (1861 г., София Мей), «Новый русский базар» (1866 г., О. Благовещенская), «Детский сад» (1866 г., Бороздина), «Модный Свет» (1868 г., Ю. Померанцева), «Крошка» (1869 г., Л. Гвоздикова).

Первым среди изданий «идейного» характера был журнал наук, искусств, литературы для взрослых девиц «Рассвет», который осуществил артиллерийский офицер В. А. Кремпин в 1859–1862 годы. В редакционной статье первого номера декларировалось, что «женщина должна вникнуть в современные идеи, сочувствовать им и, по возможности, принимать участие в общем движении вперед». В журнале публиковались известные «печальники женского вопроса» Д. И. Писарев и М. Л. Михайлов. Цель и риторика журнала — образовательно-просветительская. Женщина выступала объектом просвещенного мужского влияния.

Дело продолжил «Женский вестник», издаваемый в Санкт-Петербурге в 1866–1868 годы (редактор Н. Мессарош, издательница А. Мессарош), которые объявили своей целью разработку женского вопроса[287]. Под этим подразумевалось обсуждение «с разных сторон положения русской женщины, изыскание средств к улучшению этого положения на всех путях ее разумной и полезной деятельности, по возможности расширение круга для этой деятельности, помощь в развитии умственных и нравственных сил женщины, <...> указание тех отраслей труда, где женщина, самостоятельно улучшая свой экономический быт, могла быть более полезна семье и обществу[288].

Эти вопросы объявлялись значимыми для всего общества ибо «в основе женского дела положены идеи, от которых человечество вправе ожидать самых плодотворных результатов, что задача этого дела, несмотря на свой специальный характер, клонится к пользе всех людей вообще, без различия пола, и имеет в виду установить между ними лучшие отношения»[289].

Среди авторов журнала также были известные писатели и публицисты — В. А. Слепцов, П. А. Ткачев, Г. И. Успенский, Н. Аров, А. Михайлов, П. Л. Миртов (Лавров). Журнал привлекал интеллектуальные женские силы. Е. И. Конради писала о женских инициативах в других стра-

нах. Появились статьи другой тональности не только назидательные, но и обличительные в отношении «векового эгоизма мужчин»[290].

Но дальше этого дело не пошло, программа осталась на бумаге, журнал представлял собой средней руки литературно-публицистическое издание. Ожидания публики оказались обманутыми. Судя по встречающимся в прессе упрекам в несоответствии журнала заявленной программе, можно предположить, что потребность в обсуждении проблем женщин существовала. Так, «Отечественные записки» рекомендовали «Женскому вестнику» хотя бы перепечатывать «судебные процессы и газетные известия, в которых затрагивается его специальность. Для этого ведь не требуется ровно никакого труда и таланта». А между тем «мы лучше бы узнали бы тогда общественное и семейное положение женщины, ее права и обязанности <...> узнали бы, как она в различных слоях общества воспитывается, выходит замуж, живет вдовой <...> что думает, чувствует, к чему стремится». Подобную информацию, считал обозреватель «Отечественных записок», «можно бы узнать обстоятельно» из «массы женских процессов <...>. Последуйте-ка моему совету! А покуда "Женский вестник" даже и процессов не перепечатывает, я укажу на некоторые из них <...> — Одна деревенская баба вышла от живого мужа за другого — Ого!»[291].

А. Н. Толиверова

Журналы «Женские работы» (1872–1874 гг., Е. Ф. Сафонов), «Женское образование» (1876–1891 гг., В. Сиповский), «Женский труд» (1881–1883 гг., Ф. Гетце), продолжали формирование женской прессы.

Появление женских журналов как журналов, «издаваемых женщиной для женщин», то есть инициируемых, редактируемых и написанных женщинами о женских проблемах с позиции «изнутри», произошло в конце XIX века. К первым таким изданиям следует отнести литературный и научный журнал «Друг женщин» (1882–1884 гг., Москва), редактор-издательница М. М. Богуславская, с конца 1882 года — А. И. Волкова; литературный журнал «Женское дело», редактор-издательница А. Н. Пешкова-Толиверова (1899–1900 гг., СПб) и Первый женский календарь (ежегодник) П. Н. Ариан (1899–1915 гг., СПб).

Особенность этих изданий — опыт озвучивания женских проблем в интерпретации самих женщин. На страницах этих изданий шел поиск и разработка новой концепции женского журнала, отличной от уже утвердившейся; формирование женской журналистики в смысле выхода из традиционной парадигмы письма о женщине, круга освещаемых и табуированных тем, постановки проблем.

Определение этих изданий как ранних феминистских правомерно — они формировали новую концепцию женщины, развивали язык, выводя его за рамки мужских определений, то есть создавали новый дискурс и тем самым другую культуру — «общую» и в то же время отстоящую от нее. Этим они

принципиально отличались от либерально-демократической и консервативной прессы, о которых наблюдательный критик заметил — «противники женского вопроса в существе дела согласны с его адептами, что они желают того же в образовании и характере женщины, чего ищут и эмансипаторы»[292].

Этот по сути дела прогноз будущего раскола российских равноправок с либеральной интеллигенцией блестяще со временем подтвердился.

Только дискурс «идейной» женской прессы оказался по сути своей протестным и противостоял встречным дискурсам — либеральному, радикальному и консервативному, когда речь заходила о проблемах, не лежащих на поверхности, а глобальных и глубинных.

Так, «Друг женщин» — это журнал, который «издает одна женщина, предоставляя в то же время свое издание всем женщинам»[293]. Главная задача журнала — создание возможности для женщин высказывать свое мнение «обо всем, что их касается, о своих нуждах и потребностях»[294]. Программа журнала акцентировала внимание на повышении самосознания женщины. Постоянными рубриками журнала были: «Жизнеописания знаменитых женщин»; «Сообщения о деятельности женщин на различных поприщах»; «Дневник женщины» (женская публицистика); «По учебному делу».

В рубрике знаменитых женщин соседствовали святая Анастасия Утешительница — воплощение христианского идеала женщины и ее антипод Жорж Санд.

Статьи в разделе «Дневник женщины» отличались полемичным задором и наступательным характером. В частности поднимались вопросы социального обеспечения работающих женщин. «Почему ей (женщине-телеграфистке) не полагается ни ученического жалованья, ни казенной квартиры, никакого повышения? На эти вопросы ответов нет. Надо вычеркнуть самою возможность их. А это и не трудно и необходимо»[295].

Раздел «По учебному делу» освещал борьбу за высшее женское образование, публикуя мнения значимых лиц в его поддержку. Как, например, письмо И. С. Тургенева слушательницам Женских врачебных курсов. «Поверьте, за вас в этом вопросе все честное на Руси»[296] или же комплиментарное письмо Дж. Ст. Милля к устроительницам Высших женских курсов.

Позднее в журнале появились рубрики «Библиография публикаций женщин-писательниц» и «Судебный отдел», посвященный обсуждению гражданских прав женщин и освещению судебных процессов над женщинами. Первый раздел был не менее важен, чем второй для формирования феминистского дискурса. Он презентовал женщин-писательниц как популяризаторов женского взгляда, женского мнения, женского опыта, которые уже давно получили трибуну, овладели языком и проблематикой и оказывали влияние на общество. Женщины-писательницы выступали субъектами социальной жизни.

Журнал активно вторгался в жизнь не только опосредованно, но самым прямым образом. Пожертвования для Высших женских врачебных курсов в Петербурге принимались прямо в редакции журнала[297].

Концепцию женщины-жены и матери потеснила концепция женщины-гражданки, стремящейся к индивидуальной свободе, к образованию, самореализации в профессиональном, интеллектуальном труде на пользу общества и много претерпевшей на этом пути.

Безыскусные вирши приверженцев «женского вопроса» иллюстрировали его основные темы.

Была невзгодная пора
Для русских женщин: слишком мало
Счастливиц избранных вкушало
Плоды духовного добра;
От всех рассадников науки
Стояли массы в стороне
И к свету знания оне
Вотще протягивали руки[298].

г-н Вейнберг,
инспектор Коломенского женского училища

1.2.3. Кризис патриархатной семьи

Происходила ломка всех домашних и семейных отношений, воспитания детей, даже формы прически и одежды.

О. К. Буланова-Трубникова

Выпьем мы за того,
Кто «Что делать?» писал,
За героев его,
За его идеал.

Из студенческой песни

В данной работе предметом рассмотрения является семья образованных классов, преимущественно дворянская, наиболее чувствительная к социальным изменениям.

Общепризнанно, что преобладающая в обществе форма семьи служит индикатором уровня модернизации того или иного общества. Одновременно с процессами урбанизации и индустриализации, развития индивидуализма и грамотности в обществах начинают преобладать нуклеарные семьи, состоящие из родителей и несовершеннолетних или неженатых детей.

Российское поместное дворянство традиционно проживало расширенной семьей. Расширенная семья включала в себя не только супружескую пару с детьми, но и родственников, не находящихся между собой в брачных отно-

шениях, и даже не родственников. Не родственники не имели, как правило, своей семьи, хозяйства, источников существования и проживали в чужих семьях в силу патриархальных семейных традиций дворянства.

Внутрисемейные отношения в дворянских семьях также строились на патриархатных принципах, как и семьи других сословий России. Это выражалось:

— во всевластии главы семьи;

— в иерархичности внутрисемейных отношений;

— в строгой дифференциации ролей, функций и статусов в семье по полу и возрасту;

— в приоритете социальной роли члена семьи над его личностью[299].

Автономия семьи от общества была слабой, что делало внутрисемейные проблемы публичными. Проступки и нарушения, такие как неуважение к родителям, адюльтер, аборт, превышение родительской власти и т. д. рассматривались «как уголовные преступления, т. е. как преступления против общества и общественного порядка, а не как частные дела»[300].

Семья стала той сферой жизнедеятельности общества, в которой противостояние новых и старых идеалов, идей, норм проявлялось особенно ярко и, что очень важно, это касалось каждого члена общества.

Поиски нового социального идеала семейных и супружеских отношений развивались в контексте идей отмены рабства и ценности человеческой личности. Иерархические, патриархатные отношения в семье как бы увековечивали ненавистную абсолютную власть. Старая модель семьи — «старозаветная», патриархальная и патриархатная одновременно угнетала и мужскую и женскую личность и вызвала к жизни мощный протест со стороны молодого поколения.

Особенно угнетенное положение в семье занимала женщина, зависимая экономически, социально и психологически. Подчиненное положение женщины отражало ситуацию с гражданскими правами и свободами самих мужчин. Изменение положения женщины в семье осмыслялось российской интеллигенцией как необходимый шаг на пути реформ.

Молодое поколение пересматривало морально-этические нормы, зафиксированные в «Домострое»[301] и перешедшие в официальную идеологию и частично в Свод законов Российской империи. И хотя на протяжении всего XVIII века и в начале XIX века, власть главы семьи постоянно и неуклонно ограничивалась частными законодательными актами, но сила обычая поддерживала ее вплоть до рассматриваемого времени — конца 1850-х годов.

В предреформенные и пореформенные годы шел процесс ломки традиционных внутрисемейных отношений, изживания архаических форм семейной организации, шел поиск нового социального идеала семьи — «почти в каждой из старых дворянских семей новая жизнь боролась за свои права среди развалин старой»[302]. В первые пореформенные годы это вылилось в критику семьи, разрыв молодого поколения со старым. Проблема «отцов и детей» стала характерной чертой 1860-х годов. Семья воспринималась молодежью

обоего пола как препятствие к личной свободе. «Мне то и дело приходилось быть свидетельницей, как молодежь обоего пола уходила из-под родительского крова», — вспоминала шестидесятница Е. Н. Водовозова[303].

Е. Н. Водовозова

Об этом писала С. В. Ковалевская: «Можно сказать, что в этот промежуток времени, от начала 60-х до начала 70-х гг., все интеллигентные слои русского общества были заняты только одним вопросом: семейным разладом между старыми и молодыми. О какой дворянской семье ни спросишь в то время, о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились с детьми. И не из-за каких-нибудь вещественных, материальных причин возникали ссоры, а единственно из-за вопросов чисто теоретических, абстрактного характера. «Не сошлись убеждениями!» — вот только и всего, но это «только» вполне достаточно, чтобы заставить детей побросать родителей, а родителей отречься от детей. Детьми, особенно девушками, овладела в то время словно эпидемия какая-то — убегать из родительского дома. В нашем непосредственном соседстве пока еще, бог миловал, все обстояло благополучно; но из других мест уже приходили слухи: то у того, то у другого помещика убежала дочь, которая за границу — учиться, которая в Петербург — к «нигилисткам»[304]. Следует напомнить, что то же самое сделала и сама С. В. Ковалевская, хотя и под прикрытием фиктивного брака, как и ее родная сестра А. В. Корвин-Круковская.

С. В. Ковалевская

Толкали девушек на уход из дома не только причины социально-экономического порядка, но и осознание ценности своей личности, «требование жизни для себя», ощущение деспотизма патриархатной семьи, протест против рутинной жизни в семье с регламентацией, неизбежным подчинением и принуждением как определяющими моментами женской жизни.

Кризис семьи вылился в пренебрежение к единственно признаваемому законом церковному браку. Широкое распространение среди молодежи получил фиктивный брак. Это тоже была форма протестного поведения.

То, что фиктивный брак стал только что не разновидностью обычного брака в среде русской интеллигенции, свидетельствовал А. М. Скабичевский: «Фиктивные браки с целью освобождения генеральских и купеческих дочек из-под ига семейного деспотизма <...> сделались обыденным явлением жизни»[305].

Примеров множество: князь А. С. Голицын — выпускник училища правоведения заключил фиктивный брак с А. Зайцевой, чтобы дать ей возможность получить заграничный паспорт и выехать из-под полицейского надзора. В. О. Ковалевский вступил в фиктивный брак с С. В. Корвин-Круковской, С. С. Синегуб с Л. В. Чемодановой, Д. Рогачев с В. Карповой и т. д. На политических процессах 1870-х годов выявились десятки фиктивных браков[306].

Появился даже соответствующий сленг: «доктор» — фиктивный жених, «брат» — фиктивный муж, «консервы» — фиктивная семья. В среде разночинцев, прогрессистов утвердились собственные, внутригрупповые нормы поведения и морали. Так, например, считалось, что «порядочный человек» не может отказать девушке в фиктивном браке.

«Фиктивный брак был, конечно, мерой отчаянной, — считал Н. В. Шелгунов. — Он являлся последним средством для выхода, когда не оставалось никаких других средств. Конечно, он был явлением ненормальным, но ведь и порядок, вызвавший его, был тоже ненормальным»[307].

Л. П. Шелгунова и Н. В. Шелгунов

Поиски нового идеала супружеских отношений, новых форм брака шли в среде образованных классов — дворянской и разночинной. Большинство соглашалось с мнением, что старая семья с ее писаными и неписаными законами, нормами поведения, духом подчинения себя изжила, что нужна новая, построенная на более разумных началах.

Традиционный, иерархический брак перестал соответствовать представлениям и ожиданиям части «новых женщин». Такие известные женщины, как М. В. Трубникова, Е. И. Конради, В. Н. Фигнер, княгиня-нигилистка З. С. Оболенская, писательница Е. В. Салиас де Турнемир (Евгения Тур), О. Р. Скарятина[308] были инициаторами разрыва с мужьями, зачастую по «несогласию во взглядах». Уход женщины от мужа в образованных имущих классах стал явлением возможным, только что не обыденным. В какой-то степени этому способствовало российское законодательство, по которому женщина сохраняла контроль над собственностью как полученной в наследство, так и приобретенной на ее имя во время замужества.

Отношение со стороны современников к этому явлению было сдержанно негативным. Но общественное мнение уже не было единодушно в своем мнении, его контроль и диктат ослаб.

«Новые женщины» или «женщины с претензиями», по терминологии XIX века, внедряли практику неоднократного замужества. Примерами могут служить Л. П. Шелгунова (1832–1901 гг.) — 3 или 4 замужества, дважды состояла в браке Е. И. Ценина-Жуковская и другие. Один брак был, как правило, официальным (церковным), все остальные — гражданскими. Сочетание эмоционально-чувственной стороны брака с общими взглядами и идейными убеждениями супругов виделось идеалом брака.

Деятельность женщины в публичной сфере, ее самоопределение и самоутверждение — один из компонентов этого идеала. Поддержка устремле-

ний женщины мужем — другой. Жизнь демонстрировала такие образцы. Та же Л. П. Шелгунова на протяжении всей своей жизни активно работала и в революционно-демократическом движении и на литературном поприще[309] и всегда находила поддержку у своих мужей. Она называла себя «рабочей единицей». Е. И. Ценина продолжала свою писательскую и общественную деятельность и после своего второго брака с Ю. Г. Жуковским. М. А. Бокова-Сеченова стала известным врачом и всегда получала поддержку своих мужей Петра Бокова и Ивана Сеченова.

Какая-то часть «новых женщин» отказалась от замужества. Примером могут служить известные общественные деятельницы Н. В. Стасова, М. К. Цебрикова, М. И. Покровская, А. Н. Шабанова.

В демократических рядах реорганизация семейно-брачных отношений рассматривалось как необходимое условие социальных изменений «снизу». Разработка проблемы была начата Чернышевским. По Чернышевскому, чтобы добиться свободы и равенства в будущем обществе, нужно бороться с проявлениями рабства, начиная с себя — со своей личной жизни, со своей семьи, с положения в ней женщины. В своем дневнике Н. Г. Чернышевский записал: «По моим понятиям, женщина занимает недостойное место в семействе. Меня возмущает, кроме того, неравенство. Женщина должна быть равна мужчине. Но когда палка была искривлена в одну сторону, чтобы выпрямить ее, должно много перегнуть в другую сторону. Так и теперь: женщины ниже мужчин. Каждый порядочный человек обязан, по моим понятиям, ставить свою жену выше себя — этот временный перевес необходим для будущего равенства»[310].

Другими словами, Чернышевский предлагает «позитивную дискриминацию» женщин, необходимую для их самоутверждения, психологической адаптации в новых социальных ролях.

Равноправность женщины в браке — один их основополагающих принципов нового социального идеала прогрессистов; право женщины распоряжаться своим телом — другой. Полная, безграничная свобода женщины в отношении себя самой или, по элегантному выражению Чернышевского, — «о праве сердца быть всегда свободным» рассматривалось как безусловная составляющая свободы женщины. Речь идет о свободе выбора в сексуальной сфере, в которой особенно сильно была табуирована жизнь женщины в традиционной культуре — моралью, традицией, обычаями и свободой мужчины.

Н. Г. Чернышевский развил этот принцип в своем «учебнике жизни» для прогрессистов — романе «Что делать?». Муж не только должен признавать право жены на другую любовь, но и с уважением относиться к объекту ее любви, добровольно отойти в сторону, чтобы не мешать счастью и оставаться с бывшей супругой и ее новым мужем в дружеских отношениях. Эта идея — не вымысел писателя, Чернышевский увидел это явление в реальной жизни.

Подобные отношения существовали между супружеской четой Шелгуновых и М. Л. Михайловым — с конца 1850-х годов Л. П. Шелгунова стала гражданской женой М. Л. Михайлова. Какое-то время они все жили в одной квартире. Дружеские отношения между участниками «треугольника» сохранялись. Практически та же ситуация имела место в отношениях семьи Боковых с И. М. Сеченовым. М. А. Бокова, жена петербургского врача П. И. Бокова, стала гражданской женой И. М. Сеченова. Все трое также одно время проживали общим домом, вместе принимали гостей, в частности «по случаю окончания экзамена Марии Александровны»[311]. В семье Панаевых — А. Я. Панаева с 1846 года на протяжении 15 лет была гражданской женой Н. А. Некрасова. Да и в жизни самого Н. Г. Чернышевского была подобная ситуация[312]. Поддерживать «интеллигентные» отношения друг с другом при фактическом разводе — новая нормативная установка в разночинной среде. Конечно, эти практики были вызовом существующим нормам морали, декларируемых российским законодательством и традицией. Брак в демократических рядах все более становился делом идейным с акцентом на общности интересов супругов и даже с некоторой долей отрицании чувственности[313].

Крайняя точка зрения в спектре революционно-демократических воззрений на семейно-брачные отношения — принципиальное их отрицание. Эта позиция нашла выражение во взглядах С. Г. Нечаева, в его «Катехизисе революционера» и у П. Г. Заичневского в прокламации «Молодая Россия» (1862 г.), в которой брак оценивался «как явление в высшей степени безнравственное и немыслимое при полном равенстве полов, а, следовательно, и уничтожение семьи, препятствующей развитию человека, и без которого не мыслимо уничтожение наследства»[314].

Злободневной темой стал вопрос о форме брака. Церковный брак, в котором зависимость женщины была зафиксирована юридически и идейно, отрицался именно по этой причине. Предлагаемые альтернативные варианты брака: гражданский брак, к которому «общество относилось <....> с неизбежною полною снисходительностью <...> И рядом с законным браком распространилось теперь сожительство гражданское»; идеи о браке троих (Г. Гервег), четверых взрослых людей (Н. В. Шелгунов, 1865 г.)[315] расширяли вариативность брака.

Распространено это явление было преимущественно в столицах. «Велико или не велико теперь число людей, признающих петербургский гражданский брак, но все-таки эти люди вредны и жертв их учения в наше время не мало...» — писал Лесков[316].

Кризис патриархатной семьи свидетельствовал о процессах эмансипации личности, развития индивидуализма, что самым непосредственным образом влиял на генезис общественных движений и служил мобилизационным контекстом женского движения в частности.

1.2.4. Политическая активность женщин: три русла протеста

Не то удивительно, что в России появились сильные женские характеры, а той головокружительной быстроте, с которой они развивались.

Н. Котляревский

Для женщин дворянского происхождения, составляющих в большинстве своем социальную базу женского движения, все перечисленные события национально-государственного масштаба служили причиной и фоном их относительной и даже абсолютной депривации.

Разрушение старого уклада для этих женщин означало невозможность выдержать жизненные стандарты женщин предшествующих поколений своего сословия, повторить их социальный опыт. Возможности осуществления традиционной жизненной женской стратегии, выполнение функций и ролей жены-матери-хозяйки сократились.

В то же время многие образованные девушки, по большей части дворянского происхождения (но не только), мыслили себя уже в категориях созидательной социальной личности и по идейным мотивам стремились к изменению собственной жизни. Между тем возможности реализации себя в светской, публичной сфере для женщин практически не существовало.

Снижение уровня жизни, разрушение старых ценностей, разрыв между социальным статусом предшествующих поколений и собственным, очевидность успехов и востребованность товарищей по сословию — мужчин (как референтной группы), отсутствие собственной жизненной стратегии — вот тот набор факторов, которые создавали ситуацию относительной депривации.

Итогом был поиск путей решения проблемы, зачастую реализовывающиеся через индивидуальное протестное поведение. Для части женщин-дворянок проблема стояла остро — разорение и потеря источников существования. Тому множество исторических примеров. Например, потомственная дворянка Анна Шабанова (г. рожд. 1848), в будущем одна из лидеров женского и феминистского движений, была вынуждена ввиду разорения семьи начать свою трудовую деятельность в 15 лет в качестве домашней учительницы.

Представляется, что субъективная оценка своего положения как неудовлетворительного, то есть относительная депривация, как и депривация абсолютная, то есть реальное обнищание и потеря источников существования, — значимые факторы генезиса женского движения России.

Нигилистки

Пришли люди, подобрали наши яркие и краткие формулы и пустили их в оборот.

Н. К. Михайловский

Желание ни в чем не походить на презренных филистеров простиралось на самую внешность <...> Палки и сучковатые дубинки, стриженые волосы и космы сзади до плеч, синие очки, фрадьявольские шляпы и конфедератки — Боже, в каком поэтическом ореоле рисовалось все это в те времена и как заставляло биться молодые сердца.

А. М. Скабичевский

Женские поиски своего нового самовыражения, «своего пути» были поддержаны радикально-демократической интеллигенцией, интеллектуальной элитой, преимущественно разночинного происхождения. «Женский вопрос» как вопрос социальной справедливости вошел в этос широких кругов интеллигенции.

Разночинцы — новая социальная группа, задававшая тон в интеллектуальной жизни российского пореформенного общества, обновляли и развивали идеи 1830–1840-х годов. Они отличались особым видением мира. Их мироощущение, умонастроения были критическими по отношению к российской действительности, к социальной несправедливости, политическому и духовному гнету. Они осознанно разрушали установки и нормы традиционной российской жизни. Также для них было характерно ожидание перемен. Концентрировались эти «новые люди» в обеих столицах, преимущественно в Петербурге.

По мнению многих разночинцев, изменение отношений между полами, свобода женщин — необходимое условие радикальных социальных реформ. Ярким подтверждением этих слов выступают идеи Д. И. Писарева, М. Л. Михайлова, Н. Г. Чернышевского. Процесс «переписывания гендерного договора» на условиях партнерства между полами рассматривался ими как процесс двусторонний и необходимый обеим сторонам.

Критические умонастроения какой-то части разночинцев оформились в интеллектуальное течение, а затем — в идеологию специфического протестного движения — нигилизм, стартовавшего в конце 1850 — начале 1860-х годов и «спевшего свою песню» к 1870 годам. Отцами нигилизма считали Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева. Главными его «притонами» — журналы «Современник» и «Русское слово»[317].

Нигилизм был, прежде всего, доктриной личной эмансипации. Высокой целью учения и движения нигилизма провозглашалось создание нового человека через выработку и утверждение новой нравственности. Поэтому категорическое отрицание «омертвелых ценностей отцов», т. е. господствующей идеологии, морали, норм поведения, было сутью движения. Движение воз-

водило отрицание в собственно цель и вербовало сторонников по принципу неприятия существующей действительности. Название «нигилизм» оно получило от латинского nihil — «ничто», что этимологически восходит к понятию nihilum и означает «ни единой малости», «ни волоска». А бурный эмоциональный протест, разоблачение лицемерия «отцов», несправедливости их общественного порядка было «расчисткой места» для новых ценностей нового человека.

Вовлечение женской молодежи в нигилизм, рассматривалось как важнейший момент в осуществлении поставленной задачи. Это было первое общественное движение, востребовавшее женщин в свои ряды.

Нигилисты отвергали идеалистическую философию, религию, деспотизм во всех его проявлениях, либеральное обличительство, выступали против традиционной семьи, за свободу личности, за равноправие женщин, проповедовали «разумный эгоизм», утилитаризм, придавали большое значение естественным наукам и опытному знанию.

Принцип «разумного эгоизма» признавался принципом жизни активной личности, рассматривался как средство отстаивания своих личностных границ, преодоления всякого рода ограничений.

Нигилисты поставили проблему соотношения личных и общественных интересов и решили ее в пользу личности. Эгоизм, по Д. И. Писареву, означал полную свободу личности. Новым человеком должны управлять только новые взгляды и новые расчеты[318].

По сути дела это был процесс высвобождения индивидуального сознания и становления индивидуализма.

Нигилистки. Рисунок Н. А. Ярошенко, 1891 г.

Проявление нигилизма заключались не только в определенных умонастроениях и определенном отношении к обществу. Он проявлялся в манере поведения, в манере одеваться, в образе жизни.

Нигилисты декларировали свои взгляды через свой внешний вид. По остроумному выражению Р. Стайтса, формировался «портняжный» этос[319]. Коллективные, протестные действия нигилистов обоего пола проявлялись в демонстрации альтернативного образа жизни. Например, совместное проживание женщин и мужчин в коммуне на Знаменской улице, созданной писателем и социальным экспериментатором В. А. Слепцовым (1836–1878 гг.) в 1863 году. Образ жизни участников коммуны, их личности[320], деятельность — все вызывало любопытство петербуржцев, пристальное внимание властей и полицейский надзор.

В. А. Слепцов

Не все, кого называли нигилистами, стояли на позиции тотального отрицания. Как и всякое значимое социальное явление, нигилизм не был однороден. Для одних он был высокой миссией высвобождения сознания от иллюзий, формированием трезвого взгляда на мир, утверждением новых идеалов, для других — отрицанием как таковым. Нигилисты делились на более либерально настроенных «аристократов» и более демократических «бурых».

Современники мучительно пытались определить суть и границы этого явления. «Нигилизм у всех на языке, все о нем толкуют, как о предмете, известном и определенном, хотя никому не приходит в голову объяснить смысл этого слова и характер тех явлений, которые хотят им обозначить», — писал публицист и литературный критик М. А. Антонович (1835–1918 гг.) на страницах «Современника» в 1863 году[321]. Неуловимость, многозначность и расплывчатость явления происходила из-за того, что это был прежде всего внутренний бунт, путь решения проблем собственной идентификации, личный выбор в вопросах нравственности, рост индивидуализма, отстаивание собственных прав на свою личность и свою жизнь. «Нигилизм был страстной и здоровой реакцией против деспотизма не политического, а нравственного, угнетающего личность в ее частной, интимной жизни», — вспоминал известный народник, публицист и беллетрист С. М. Степняк-Кравчинский (1851–1895 гг.)[322].

Нигилисты не создавали никаких организационных форм своего движения. Акцент делался на индивидуальные действия — чтение книг, дискуссии в кругу единомышленников, участие в домашних лекциях, проживание в коммунах. Но их «личное» оказалось «социальным». Так, нигилисты столкнулись с правительством в вопросе отношения к опытному, естественно-научному знанию. Отрицание религиозно-схоластических воззрений на мир и формирование материалистического мировоззрения, было стержнем нигилизма. Отсюда — изучение последних достижений естествознания как часть этоса нигилиста. Именно об ознакомлении широких кругов интеллигенции и учащейся молодежи с новинками естествознания хлопотал Д. И. Писарев и дру-

гие публицисты «Русского слова». Правительство в свою очередь боролось с распространением естественно-научных знаний и подготовило реформу образования, направленную на ограничение возможностей для «разных умствований». Деятельность министра народного просвещения графа Д. А. Толстого, идеологически поддержанного известными публицистами, редакторами-издателями М. И. Катковым («Русский вестник») и П. М. Леонтьевым («Московские ведомости»), нашла отражение в реформе среднего образования 1871 года с его упором на древние языки, математику, сокращение часов на русскую словесность и табу на естественные науки.

Нигилизм напрямую связывался современниками с аморализмом, атеизмом, антиправительственной деятельностью[323] и вызывал резкое неприятие и категорическое осуждение.

Если инновационное поведение мужчин вызывало раздражение, то в отношении женского нигилизма критика была еще более категоричной. Новые повседневные практики женщин, изменения норм поведения, расширение их социальных ролей — все это вызывало однозначный и категорический протест. Женский нигилизм воспринимался как нарушение женщинами принятых в обществе правил приличия, которые обсуждению и изменению не подлежали[324].

Основной характеристикой нигилисток, судя по литературе, считалась безнравственность, которая проявлялась:

— в ношении одежды с элементами мужского костюма и в подражании мужской манере поведения;

— в критике своих родителей и в разрыве с семьей (т. е. явное выражение сомнения в святости родительской власти, в пренебрежении традиционными женскими ролями);

— в посещении в силу неизвестных, но, несомненно, низменных причин и порочных побуждений, лекций по естественным наукам и чтение естественно-научной литературы;

— во внебрачной сексуальной жизни (гражданские браки).

Что приводило женщин в это движение? Без сомнения, его эгалитарный и освободительный запал, декларация идеи равенства всех людей без различия. Теоретической основы освобождения женщин нигилизм не выработал, но посеял идеи, которые взошли дружными всходами в русском феминизме и в радикальном освободительном движении.

Женский нигилизм, как и мужской, проявлялся, прежде всего, в эпатаже общества своим внешним видом и образом жизни. Но, возможно, нигилистки в большей степени акцентировали внимание на своей внешности, выражая через антиженственный, антиэстетический вид свой радикализм, свою версию жизни.

Женский нигилизм можно определить как эстетический. Своим внешним видом, своим поведением нигилистки атаковали принятые социальные конвенции, демонстрировали свою отчужденность от традиционной женской жизни,

выражали свой протест против отсутствия выбора в собственной судьбе, против заданной им обществом жизненной программы, против «науки нравиться», против обозначения себя как привлекательного сексуального объекта.

Идеал женской красоты: тонкая талия, субтильность, нежные руки, бледный цвет лица, отражавший предпочтительные социальные женские роли — девушки на выданье (невесты), светской дамы (жены, матери семейства), подверглись пересмотру. Такие составляющие женского костюма XIX века, которые препятствовали активной деятельности, как кринолин, корсет, легкие, светлые, шелковые ткани, а также длинные волосы, требующие соответствующего ухода — безжалостно искоренялись. Они стригли волосы, курили, носили, по одним источникам, круглые синие очки, по другим — «очки-консервы», бесформенную, небрежную и зачастую грязную одежду, предпочитая одежду мужского кроя и мужского гардероба (мужские шляпы, косоворотки, плисовые поддевки), что шокировало рядового российского обывателя. «Да и на что все эти манифестации мужественности? В мужских сапогах и в мужском тулупе...» — вопрошал известный своими антинигилистскими взглядами профессор П. Цитович[325]. Но новое самосознание, самоощущение женщины, претензия на новые социальные роли в общественной жизни кодировались через новый «мужественный» образ.

Помимо выражения своих убеждений и претензий через внешний вид, это была также и демонстрация пренебрежения общественным мнением. Дочери обедневших дворян, чиновников, мещан одевались подобным образом, и мысли о женской хрупкости, покорности, инфантилизме, несостоятельности отступали. В итоге была подорвана жесткая концепция «нормальности», «приличности» женского облика и поведения. Был подорван диктат нормы и установлены новые предпочтения. И тогда их пассивная демонстрация самое себя предстает как активное действие. Через изменение внешнего вида и шире — гендерного дисплея шло изменение представлений о женщине, изменение ее самой.

Выбранная ими жизненная стратегия личной автономии, культ собственного «я», требовали не только другого внешнего облика, но и другого поведения. Отсюда неприятие галантности как нормы мужского поведения, пренебрежение условностями в отношениях между полами. Эта манера поведения получила название «опрощения».

Если реконструировать ситуацию по текстам неутомимого П. Цитовича, то ожидания рядового россиянина при виде нигилистки были следующие: она «проводит вечер в коммуне за набором какой-нибудь прокламации; когда придумывают, как бы почудовищнее изувечить свою фигуру, чтобы лаяли собаки и пугались дети»[326].

Если нигилист предстает как человек, не склонный принимать на веру никакие авторитеты, утверждения и идеи, каким бы уважением они ни пользовались в обществе, то в этом пункте соответствия нигилистскому идеалу

у женщин были свои проблемы. Отсутствие систематического образования, традиции и привычки самостоятельно мыслить ставило перед ними проблему саморазвития, внутренней работы, взращивания своей новой индивидуальности, что позднее оформилось в прагматичную постановку проблемы женского образования. Речь нигилисток, по воспоминаниям современников, казалась неестественной, а фразы заученными. Это происходило по причине освоения новых для них тем общения, нового языка и манеры говорения. Может быть поэтому статьи М. Н. Вернадской «Женский труд», «Свобода женского труда», написанные в то время и направленные против однозначности женской жизненной стратегии, против экономической зависимости женщин, не были восприняты нигилистками. Они были сложны для восприятия.

Отсутствие образования заставляло нигилисток искать опору в товарищах по движению — мужчинах. По мысли Д. И. Писарева мужчины-нигилисты должны были взять на себя функции «развивателей». Деятельность «развивателей», иронично описанная в мемуарах и художественной литературе, позволила ряду публицистов сделать вывод об ученичестве женщин в движении нигилистов, их несамостоятельности и зависимости. Что было, безусловно, правдой.

Правила и нормы сексуальных отношений, как одной из сторон свободы полноценной личности, также были подвергнуты пересмотру в учении нигилизма. Идеологами-разработчиками новой теории любви, новой нравственности считались Н. Г. Чернышевский, Н. В. Шелгунов, Н. В. Соколов, В. Зайцев. Нормы новой сексуальной морали колебались от идеи свободной любви с ее нравственным обоснованием (Чернышевский), до отрицания брака как такового в силу его безнравственности, отсутствия чувств и свободы выбора (Зайцев). По мысли нигилистов женщина должна быть независимой в любви, прийти к полному самовыражению, самоосвобождению в сексуальной сфере, несмотря на традиции, общественное мнение, формальный закон. По свидетельству одной из участниц движения А. А. Комаровой, нигилисты давали друг другу клятву жить гражданским браком.

Защитники старых устоев считали, что русская семья, русская женщина осуждалась нигилистами на безусловную погибель[327], что принятие женщинами новых теорий любви разрушит семью, основанную на целомудренности, женственности, святости семейных уз, т. е. эмансипация женщины означает полный разврат и ее падение[328].

Женский нигилизм был попыткой достичь равенства с мужчиной, отказавшись от себя, женщины. Попытка отторгнуть свой пол, преодолеть его символику. Это была отчаянная попытка без шансов на успех, так как одновременное участие в двух разных жизненных стратегиях вело к дезинтеграции личности. Реакция общества на нигилисток была однозначно отрицательной. Судьбы трагическими. История сохранила имена некоторых из них: княжна Е. А. Макулова (1840–1896 гг.) — известная петербургская нигилистка, кня-

А. Г. Маркелова

гиня-нигилистка З. С. Оболенская, А. А. Комарова, А. Г. Маркелова (г. рожд. 1835), Е. И. Ценина (Жуковская).

Участие женщин в нигилистском движении напугала идеологов «женского вопроса» 1840-х годов, вчерашних попутчиков женщин в вопросе изменения женской судьбы (Ф. М. Достоевский, Н. И. Пирогов).

Осмысляя позднее этапы пути к освобождению женщины, активистки женского движения рассматривали явление женского нигилизма как крайность «эмансипационного движения, которая быстро прошла»[329]. Российские женщины, по их мнению, быстро преодолели положение учениц в общественной жизни, отбросили чужие идеи и мысли, определили собственные предпочтения.

Оценка женского нигилизма как крайности справедлива лишь отчасти. Нужно заметить, что нигилизм был предтечей, первым шагом к «новой женщине», формой пробуждения нового женского самосознания. Это тоже был способ реализации идеи женской эмансипации. По сути дела цель этих двух тенденций — либеральной и нигилистской была одна — формирование сознательной, деятельной и свободной женской личности. Но методы были разными. Если одни — «новые женщины», позднее — феминистки — создавали внешние условия для новой женской личности в России (через систему высшего образования, изменение законодательства в отношении женщин), то другие — нигилистки — создавали внутреннюю раскрепощенность, переводя свой внутренний бунт в бунт открытый (через подрыв устоев семьи, эпатаж своим внешним обликом и поведением). Одни предпочитали политический протест — другие личностный. Если феминистки, «новые женщины», работали на перспективу и принимали на себя ответственность за других, то нигилистки достигали изменений через изменение себя и отвечали только за себя. Но очевидно одно, что вместе они поставили «женский вопрос» в повестку дня российского общества.

Женский нигилизм проторил дорогу новой женской идентичности, новому типу женщины, претендующей на новые роли в обществе. Ими были «новые женщины», шестидесятницы.

Позднее, после заката нигилизма как движения, термин «нигилистка» употреблялся довольно широко и вольно, обозначая и курсисток с коротко стриженными волосами, и участниц радикального движения, и просто образованных женщин, демонстрирующих новую женскую идентичность.

«Новые женщины»

У солидного папаши
Либералка вышла дочь:
Говорят, журналы наши
Все читает день и ночь.

Н. А. Некрасов

Куда идти, к чему стремиться?
Где силы новые пытать?

Н. А. Некрасов

Действительно ли особенности физиологических функций женщины составляют нечто непреодолимое, роковое, во имя чего ей отводят противники женской эмансипации только район домашнего очага для проявления ее сил?

Е. Михайлова (1883)

«Новые женщины», они же «шестидесятницы», в отличие от нигилисток сместили акценты в своей деятельности и вместо демонстрации пренебрежения принятыми социальными конвенциями обратились к решению социальных проблем. Мыслящие реалистки, они сделали упор на самообразовании, на выработке привычки к самостоятельному мышлению, на осмыслении проблем своего пола, их формулировании и предъявлении обществу. Именно эти женщины составили социальную базу женского движения, либерального по своим идеологическим установкам и целям. В их лице правительство встретило убежденных и стойких общественных деятельниц, ставивших сугубо практические и конкретные задачи.

«Тут настоящий, сознательный протест, протест и перелом. Ce n'est pas une emeute, c'est une revolution[330], — писал Герцен в 1867 году. — Афродита со своим голым оруженосцем надулась и ушла; на ее место Паллада с копьем и совой»[331].

Многие исследователи женского движения России называют эту категорию женщин феминистками. Так, Ричард Стайтс считает, что использование этого термина правомерно[332]. Во-первых, потому, что этот термин наиболее точно и по сути характеризует данную категорию женщин. Ранний феминизм и современный отличаются друг от друга, пишет Стайтс в своей книге, но сходятся в главном — в том, что тот и другой означают деятельность женщин в интересах женщин. Отличия раннего и современного феминизма Стайтс видит в следующем — современные феминистки отрицают «присвоение» мужских доминирующих иерархий и рассматривают сексуальный аспект проблемы как центральный. Также Р. Стайтс использует термин «феминистка» на том основании, что другие термины еще в меньшей мере

соответствуют обозначаемому явлению. «Либералка» несет в себе политический подтекст (чего не было в женском движении до 1905 года), а термин «прогрессивная женщина» использовался очень широко и применялся ко всем без разбора.

Первые участницы женского движения действительно заложили основы феминистской практики взаимопомощи женщин и обосновали ее. Но более детальное рассмотрение их взглядов показывает, что по мере теоретического обоснования своей деятельности, по мере развития теории женского освобождения и идеологии своего движения, они разошлись между собой именно по указанным Р. Стайтсом вопросам — в отношении к доминирующим в обществе «мужским иерархиям» и в отношении вопроса о сексуальной свободе женщины. А также еще в вопросе главенства, «первостатейности» «полового неравенства» (т. е. гендерного) как основы глобального социального конфликта. И произошло это довольно быстро.

Представляется, что для удобства и с долей условности первых участниц женского движения можно называть «феминистками». Но в данной работе они названы «новыми женщинами» — термин, который они использовали сами. Хотя это очень общее и собирательное понятие. Под «новой женщиной», еще в идеализациях 1840-х годов понималась женщина, стоящая на уровне передовых идей своего времени, отбросившая обветшалые предрассудки, отстаивавшая свое человеческое достоинство и самостоятельно устраивавшая свою личную жизнь[333]. Из «новых женщин» ректутировались участницы радикального и либерального движений, в том числе и женского, а затем — феминистского движений. Сами основательницы движения называли себя «дамами-организаторшами» и «распорядительницами» разного рода женских инициатив[334].

Также в данной работе они выступают под более исторически корректным, на мой взгляд, названием «участниц женского движения». И только последующие поколенческие призывы в движения, разделяющие феминистские воззрения и развивающие феминистские идеи, определены как «феминистки».

Участницы женского движения с момента его возникновения, с момента создания организаций взаимопомощи женщин, осмысляли проблемы женщин, причины, порождающие эти проблемы, и тем самым вырабатывали идеологию своего движения. Но говорить о идеологии, т. е. о сложившейся системе взглядов в отношении проблем женщин и путях их решений, в середине XIX века и первого призыва в движение мы еще не можем. Это было только начало целенаправленного мыслительного процесса по осмыслению всего, связанного с женщиной. И по мере развития движения и его идеологии пути тех, кто инициировал его, расходились. Например, М. К. Цебрикова — «новая женщина», шестидесятница, одна из зачинательниц русского женского движения, определенно не была феминисткой, т. к. основой ее взглядов были народнические установки. Эмансипацию женщины она

считала необходимой для высвобождения сил и воли женщин с целью их работы по радикальной реконструкции общества, в интересах низших, задавленных нуждой слоев населения. Идея самоопределения и свободы женщины без относительно ее общественного долга, отказ от самопожертвования во имя «долга», идея сексуальной свободы напугали Цебрикову. Она пересмотрела свои взгляды и встала на позицию отказа женщины от «плотской» жизни в интересах «дела». Скорее, Цебрикова являлась одной из основательниц этики революционного женского аскетизма. Так же Мария Константиновна никогда не считала «женский вопрос» базовой проблемой социального неравенства и утверждала, что «дельный человек» никогда не посвятит себя ему целиком.

«Новые женщины» 1860-х годов, не впадая в крайность нигилисток, тоже пересмотрели нормы красоты и изменили свой внешний облик. Они отказались от кринолинов, дорогих тканей; платье стало проще, практичнее, дешевле. На какое-то время простота вошла в моду. На волне этой моды в Одессе появилось даже «Общество ситцевых платьев», участницы которого носили платья исключительно из «простых» тканей.

На несколько десятилетий образованные женщины с претензией на «другую» жизнь, или «женщины с тенденциями», как тогда говорили, оделись в своеобразную униформу: черное шерстяное платье (в противовес светлому шелку аристократок) без всяких украшений, иногда с белым воротничком и манжетами. Зачастую они так же как нигилистки стригли волосы. В качестве примера можно привести описание А. Н. Энгельгардт, данное ее сыном в момент ареста его матери: «Перед ним стояла молодая, изящная женщина в простом черном платье, лишь отороченном узкими ободками белоснежных воротничков, с единственной золотой цепочкой часиков на груди. Офицер отступил и низко поклонился Анне Николаевне»[335].

Таким внешним обликом кодировалось и материальное положение, и жизненные установки «новых женщин» — стыдно тратить деньги на «женские прихоти», «женские пустяки», не на «дело», не на нужды народа.

Впрочем, некоторые участницы движения 1860-х годов одевались изысканно, как, например, А. П. Философова. Возможно, кто-то из этих женщин исходил из вполне практических соображений, особенно те, кто принадлежал к высшим слоям общества. По предположению П. А. Кропоткина это могло звучать так: «Мы будем носить наши бархатные платья и шиньоны, потому что нам приходится иметь дело с глупцами, видящими в наряде признак политической благонадежности»[336]. Но для кого-то вопрос звучал иначе, кто-то озвучивал другую идеологическую позицию — позицию принципиальной инаковости женщин. И когда кавалер, спровоцированный шикарным нарядом, осмеливался патронировать даму, то получал серьезный идеологический урок. Привлекательная традиционная женская внешность также оказывалась общественным вызовом.

Радикалки

Мюнхенские мечтательницы и идеалистки в жгучей атмосфере родины в несколько месяцев превращаются в выдержанных, стойких, искусных заговорщиц.

П. Лавров

Но после яркого, насильственно задавленного движения начала 60-х гг., чувствовалась просто потребность в каком-нибудь проявлении движения.

В. Засулич

Она стремилась отдать свою жизнь в серьезном, значительном деле, с сознанием, что она не напрасно прожита. К повседневному тихому существованию она не чувствовала себя способной.

П. С. Ивановская

Еще одним руслом реализации женского протеста было радикальное, или революционно-освободительное движение. Увлечение идеями радикализма, отток женских сил в его ряды — знак 1870–1880-х годов и с тех пор постоянный фактор русской общественной жизни. «Солдатами великой армии прогресса» назвал этих женщин А. В. Амфитеатров. Они отражали политический энтузиазм эпохи и, по мнению того же Амфитеатрова, «русская прогрессивная сила 70–80-х гг. слишком изобиловала женщинами твердых убеждений и решительной идейной стойкости»[337].

Нигилистки и «новые женщины» так или иначе обозначили место женщины в публичной сфере, в духовной жизни российского общества. Появившиеся усилиями «новых женщин» легальные женские организации, учебные заведения, т. е. «женские анклавы» в русской жизни, практика взаимопомощи, дух корпоративности, создавали условия для женской самореализации, для появления новой женской идентичности.

Молодые женщины, по разным причинам не довольные перспективами своей жизни, получили возможность на иную, нетрадиционную женскую самореализацию. Их выбор лежал между собственным профессиональным ростом, работе на пользу своей социальной группы и участием в радикальном освободительном движении или, как выразилась А. В. Тыркова, выбор лежал между «компромиссным и непримиримым течениями». Первая стратегия подразумевала постепенное и легальное реформирование российского общества, вторая — коренную его ломку.

Молодые женщины в 1870-х годах уже имели другие стартовые возможности в начале своего жизненного пути. Представляется, что в силу общей нерешенности женских проблем, сложности организации самостоятельной жизни и заработка, переживаемая ими фрустрация и стремление обрести фактическое равноправие толкали их в революционную среду, которая

принимала их. Поддержание образа жизни своего класса в сочетании с общественной деятельностью для этих женщин по разным причинам было невозможным.

Идейной составляющей женского радикализма выступил «пискаревский нигилизм с его культом естественных наук и женского вопроса»[338], организационной — новые структуры: образовательные курсы, общества взаимопомощи, создаваемые в рамках женского движения для общения, выработки своего мировоззрения. Женщины имели возможность выбора — работать на грядущие социальные потрясения и коренную реорганизацию общества или работать по институализации женской составляющей в российской жизни. В качестве примера можно привести общеизвестный факт, что радикальный кружок Н. Чайковского возник от слияния группы петербургских студентов с группой женщин с Аларчинских курсов.

Наталья Армфельд

Женщин в радикальных кругах было много, по одним оценкам — не менее четверти всех участников[339]: «нечаевки», «долгушенки», «чайковки». Другие исследователи называют цифру примерно в шестьсот женщин, принимавших участие в тех или иных группах революционного движения в 1870-е годы, что сильно отличалось от ситуации в европейских странах[340]. По своему социальному происхождению это были преимущественно дворянки. Р. Стайтс считает, что 67% женщин-участниц революционного движения были дворянками[341]. Среди них были дочери высокопоставленных отцов: действительных статских советников, как, например, Наталья Армфельд, Варвара Батюшкова, Софья Перовская или дочь генерал-майора Софья Лешерн фон Герцфельд.

Софья Перовская

Что привлекало женщин в ряды революционеров? Идеи справедливости? Благородное желание помочь угнетенным? Но те же идеи вели и «новых» женщин в их работе в воскресных, земских школах, на фельдшерских участках в российской провинции, в работе с проститутками в больших городах. Внутреннее сходство радикалок и «новых женщин» не ускользнуло от вдумчивого наблюдателя уже в то время[342]. Почему представительницы одной страты — образованные женщины дворянского происхождения выбирали такие разные пути? По мнению Тырковой, людей образованных и умеющих работать в те годы было мало, а желание проявиться и действовать кипело в молодом, не устоявшемся обществе. Правительство, не давая исхода этому здоровому и законному стремлению, само обостряло ситуацию, провоцировало враждебное к себе отношение со стороны интеллигенции[343].

Софья Лешерн фон Герцфельд

Представляется, что женщин, выбравших радикальный путь служения обществу, привлекала идея не постепенного и умеренного реформирования, но быстрого и коренного; не рутинная, легальная и малозаметная работа, а опасная и героическая, т. е. «неженская».

Причины участия женщин-евреек в террористических организациях, выдвинутые американской исследовательницей Эми Найт и переосмысленные О. В. Будницким[344], в известной степени могут быть применимы ко всем женщинам-радикалкам. Жизнь женщин в семьях с жесткой регламентацией гендерных ролей, дискриминацией по признаку пола (что было типичным не только для еврейских семей) провоцировала этих женщин на полный разрыв с семейными, религиозными традициями, который происходил на более глубинном уровне, чем у мужчин. Поэтому, сойдя со стези традиционной женской жизни, они как бы отреклись от жизни и потому часто выбирали самые крайние формы этой жизни и более радикальные формы самореализации. Об этом писал и А. В. Амфитеатров — уходя в революцию, женщина твердо знала, что обрекает себя на смерть, что «революционная работа есть самый быстрый и верный способ украсть у себя жизнь»[345]. Революционная среда была единственной, которая встретила женщин как равных, предоставив им возможность самореализации в рамках поставленных задач.

Проблема личной независимости, личного равноправия решалась в революционных кругах также одномоментно — здесь все были равны. По крайней мере, это так декларировалось. Это было равенство сродни равенству нигилисток — достижение мужской планки как человеческой нормы. Может быть поэтому, что отмечают все без исключения современники и исследователи революционного движения, женщины в этих рядах демонстрировали стойкость и преданность делу сродни фанатизму, высокий уровень требований к себе и другим, как бы в подтверждение своего соответствия мужскому стандарту. В подтверждение этого тезиса можно привести рассказ того же Амфитеатрова о некой группе революционеров, которые в 1878 году ожидали обыска и постановили взорвать себя вместе с жандармами. Вопрос о том, кому производить самоубийственный взрыв, не стоял — Софье Перовской. Ее рука не дрогнет.

В практике народников отступление от принципов полного равенства не допускалось ни под каким видом, хотя женщины испытывали реальные и вполне объективные трудности. Так, по воспоминаниям участника «великого похода в народ» — «пропагандистская деятельность в народе женщины, особенно молодой, представляла такие затруднения, которых не знал мужчина <...> на сходках (молодежи) нередко поднимался этот вопрос, но <...> большинство же, — в том числе и сами женщины, склонялись к тому мнению, что в данном случае не следует *нарушать равноправия* (курсив мой. — *И. Ю.*), — пусть те из женщин, кто может, идут в народ, как и мужчины в крестьянской одежде и сами как знают избегают неприятностей...»[346].

Революционная этика способствовала признанию в этих кругах женского лидерства. Из докладной записки министра юстиции графа Палена следует, что

шесть из двадцати трех пунктов пропаганды возглавляли женщины (Лешерн, Субботина, Цветкова, Андреева, Колесникова, Брешковская, Охрименко)[347].

«Женский вопрос» не стоял в повестке радикального движения, гендерная система общества не была объектом ревизии и не ставилась под сомнение. «Женские» проблемы, кроме проблемы равенства в «деле», не озвучивались, хотя, бесспорно, существовали. Актуализированные активистками женского движения проблемы обретения и признания женской субъективности, насильственное подчинение женской личности роду в этой среде не только не анализировались, но даже отторгались.

Теоретического обоснования освобождения женщин радикалы так же как и нигилисты не выдвинули. Основополагающими идеями выступали нигилистские идеи о безусловной равности женщин. Отсюда был сделан вывод о равности женщин в деле освобождения народа. Вслед за «новыми женщинами» личная независимость и работа в общественной сфере объявлялись непременными шагами эмансипации. Наступление настоящей эмансипации и истинного равенства соотносилось с проведением социальной революции и изменением социального порядка. «Женский вопрос» был включен в общий перечень проблем, подлежащих решению в будущем. Так на свет появился постулат о несвоевременности и тактической близорукости тратить на него силы и время в данный момент и вплоть до свершения социальной революции.

Проблемы семьи, детей, личной жизни признавались в этой среде несущественными, несвоевременными и вытеснялись из круга обсуждаемых проблем. Известная американская исследовательница Барбара А. Энгл в этике первых революционерок увидела начало традиции и политики пренебрежения к частной, приватной жизни, что позднее стало характерной чертой большевиков и политики Советского государства[348].

Б. А. Энгл одна из немногих историков посмотрела на российское революционное движение с гендерных позиций. В рамках своего исследования она рассмотрела практику личной жизни российских революционерок. По ее мнению, первые радикалки — народницы наложили табу на свою женскую жизнь и таким образом радикально решили свои «женские» проблемы. Многие из них, если не большинство, отказывались от замужества и материнства. Интимные отношения, возможная беременность, дети — все это плохо сочеталось с жизнью в подполье. Женщины не хотели становиться матерями. В результате своих изысканий Б. А. Энгл выяснила, что из десяти революционерок, родивших детей в момент революционного подъема, т. е. в период их активной деятельности, большая часть отказались от своих детей, чтобы продолжить борьбу. Так, Екатерина Брешко-Брешковская, уходя «в народ», отдала своего ребенка сестре. Ольга Шлейсснер оставила двух своих детей родителям. Дети вскоре умерли. Подобные трагедии влияли на мировоззрение и политические действия женщин.

Е. Брешко-Брешковская

В. Н. Фигнер

Аскетические ценности радикалок 1870-х годов стали важным аспектом русской культуры и культуры всего революционного движения. Вера Фигнер и Софья Перовская стали идеалом для многих молодых женщин, которые подражали их поведению и образу жизни. Этос аскезы революционерок повлиял и на развитие моделей семьи, быта, модели женственности, идеальных образов женщин и после октября 1917 года.

Б. А. Энгл принадлежит другое тонкое наблюдение и неожиданный для отечественной историографии вывод о причинах неуспешности женской революционной пропаганды среди женщин. Причина провала, по мнению исследовательницы, крылась в революционной сублимации, в отрицании радикалками своего женского «я» и отказе от «женской» жизни. Может поэтому участницы женского движения, а позднее и феминистки, были более успешны в работе с женщинами низших социальных слоев. Они говорили с ними, веря в существование общего женского опыта, наличие которого народники не замечали по вышеуказанным причинам, а большевики яростно отрицали.

Это отречение от реальной, живой жизни, по идеи Энгл, явилось камнем преткновения в отношениях революционерок и работниц.

Радикалки плохо понимали реалии жизни трудящихся женщин. Между тем жизнь работниц была намного труднее жизни рабочих. Заработная плата женщин составляла примерно две трети от мужской, питание их было много хуже. После 14-часового рабочего дня работницы должны были выполнять еще и хозяйственные работы в услужении у мастеров. Радикалки практически никогда не поднимали насущные для работниц проблемы яслей, отпуска по родам, доступности противозачаточных средств и пр.

Так же плохо народницы понимали и крестьянок. Они не понимали, почему работницы и крестьянки так стремятся замуж. Между тем заработки мужчин облегчали ужасную бедность трудящихся женщин, а для крестьянки семья была просто условием выживания, в то время как свобода от семьи и общины была угрозой существованию. Крестьянка играла важнейшую роль в жизни крестьянской семьи и общины. Женский труд был необходим в не меньшей степени, чем мужской. Своим домоправлением и материнством крестьянки устанавливали свою фактическую, неформальную власть. И когда они оказывали сопротивление властям и выходили с вилами против солдат, они действовали именно в качестве жен и матерей и в защиту своих семей, а не своих убеждений.

Для радикалок отречение от семьи было ценой, которую они платили за свободу и право действовать в соответствии со своими представлениями и политическими интересами. Представительницы привилегированных слоев не придавали особого значения бытовым условиям, которые были крайне важны для женщин-тружениц. По мнению Энгл, по всем вышеназванным причинам радикалки оказались не готовы откликнуться на чаяния и нужды женской части того самого народа, ради которого они шли на жертвы. Они не

смогли преодолеть глубинного расхождения во взглядах, которое отличало их от женщин социальных низов, у них не было общего с ними женского опыта. Становясь революционерками, они отрекались от тех самых аспектов женственности, которые могли бы помочь им понять женщин из народа и солидаризироваться с ними[349].

Это взаимоисключающие взгляды, идеалы и ценности революционерок и женщин низших классов приводили к тому, что последние не обращали внимания на агитаторш. Отсутствие понимания между этими двумя группами женщин приводило к недоразумениям, провалу революционных акций. Народницы довольно быстро сделали вывод о недоступности женщин из рабочей среды для революционной пропаганды.

С. Бардина

Негативный опыт работы в этой среде был у Бетти Каминской, Софьи Бардиной. По выражению последней, пропаганда отскакивала от работниц как горох от стенки. Каминская и Бардина переключились на агитацию среди рабочих-мужчин и нашли в них благодарных слушателей.

Большевики ожидали от женщин-революционерок того же самоотречения, самопожертвования, которое проявили народницы. И их ожидания оправдались. Определение женской эмансипации как женского самоотречения и жертвования во имя светлой идеи социальной революции получило дальнейшее развитие. Конечно, были исключения, и Александра Коллонтай поднимала тему важности любви и сексуальных отношений в жизни женщины.

С приходом к власти в 1917 году, большевики реализовали политику приоритета общественной жизни над частной. Проведение эмансипации женщин планировалась через «обобществление» домашней работы, но это оказалось только декларацией.

Таким образом, народницы заложили основы советской политической культуры, в которой ярко проявлялось отрицательное отношение и презрение ко многим аспектам женской жизни. Они же положили начало другой традиции — традиции женского самоотречения во имя не семьи и рода, но «дела». Именно в этой среде — народнической и радикальной — сформировалась концепция женской жертвенности во имя социальных идеалов как результата процесса эмансипации, воспринятых общественным сознанием. Другими словами, социально одобренные установки самоотверженного женского поведения в частной сфере традиционного общества воспроизводились ими в сфере публичной. Проблема автономии, самоопределения женской личности, ее индивидуализма и ценности, вынашиваемые уже в среде первых феминисток, уступили здесь место идеи общинности и нивелированию личности, приоритету функции над человеком. Это хорошо поняли участницы женского движения, феминистки, осмыслявшие эти проблемы и иронично окрестившие своих революционных сестер «дромадерками», т. е. верблюдами, покорно несущими свою ношу.

Как это ни покажется странным, но женское движение объективно способствовало участию женщин в радикальном движении, развивая идею равенства полов, демонстрируя интеллектуальные, организационные возможности женщин, создавая тем самым благоприятный психологический фон для формирования новой женской идентичности — свободной в своем выборе женщины.

В ответ феминистски получили антифеминистский отклик, выразившийся в идее о первоочередности «общего дела», в не значимости «женского вопроса» и личности женщины в деле достижения целей революции.

Эти потоки женского протеста, общественной деятельности женщин — участие в радикальном движении и специфическом женском — шли параллельно без жесткого разделения между ними. По-моему, нельзя согласиться с мнением П. А. Кропоткина, активно цитируемого в отечественной историографии, что за женщинами — основательницами женского движения, либералками по убеждениям, шли их младшие сестры — революционерки.

Такой «смены караула» не было. Потоки взаимодействовали и пересекались. Участие в двух общественных движениях — в гендерно-ориентированном женском и классово-ориентированном радикальном, было явлением достаточно распространенным. Как позднее было обычным делом участие в феминистском движении и в партийной работе. Этому способствовало то, что все участницы женского движения в той или иной степени находились в оппозиции правительству, как и подавляющее большинство российской интеллигенции. В 1860-х годах будущие участницы общественных движений пережили эмоциональный подъем, моду на нигилизм и прогрессизм, посещали естественно-научные лекции на квартирах и, если не пели, то подпевали гимн молодежи того времени — «Вперед без страха и сомнений» (на слова А. Плещеева). В целом женское движение в отношении радикального движения, его партий и организаций придерживалось лозунга «Слева опасности нет!».

Либеральное женское движение имело свою молодежь, свой круг поддержки и успешно проводило рекрутирование своих сторонников различных возрастов и социальных групп, преимущественно, конечно, своей социальной группы — «современных женщин наших средних интеллигентных классов».

Сохранившаяся статистика Женских врачебных курсов за 1877 год позволяет с долей условности экстраполировать данные по медичкам — наиболее активной профессиональной группе участниц движения на все женское движение в целом. В 1877 году вокруг медицинских курсов — одного из узлов в сети женских организаций — группировались женщины в возрасте 20–21 года — 72%, 22–29 лет — 25%, старше 30 лет — 3%. Преимущественно это были представительницы привилегированных сословий — 83,5%, податных сословий соответственно, — 16,5%. Матримониальный статус этих женщин был следующий: незамужние — 89,4%, замужем — 9%, остальные — вдовы[350].

Таким образом, коллективный рекрутский портрет участницы женского движения конца 1870-х годов выглядит так — курсистка, дворянка, двадцати с небольшим лет, не замужем.

Либеральное женское движение вполне успешно реализовывало свои проекты. Наиболее значимыми из них в 1870–1880-х годы были:

1869 год — открытие в Москве Лубянских женских курсов с гимназической программой;

1870 год — открытие Владимирских курсов в Санкт-Петербурге для подготовки женщин к высшему университетскому образованию;

1871 год — открытие в Санкт-Петербурге при Медико-хирургической академии акушерских (врачебных) женских курсов;

1872 год — открытие двухгодичных Женских курсов В. И. Герье в Москве;

1878 год — открытие Высших женских курсов в Киеве и Санкт-Петербурге; первый выпуск женщин-врачей в Петербурге;

начало 1880-х годов — появление первых женских журналов, созданных женщинами и поднимающих проблемы женщин в интерпретации самих женщин.

В радикальных кругах в эти же годы проводились следующие акции:

1872–1874 годы — подготовка к походу в народ;

1874 год — «великий поход» в народ;

1875–1878 годы — хождение в народ. Среди участниц движения были: Екатерина Брешковская, Мария Коленкина, Вера Рогачева, Лидия и Вера Фигнер, Варвара Александрова, Софья Бардина, Софья Перовская, Ольга и Вера Любатович, Хоржевская.

В конце 1870 — начале 1880-х годов произошла трагическая развязка женского участия в радикальном движении: в 1877 году отравилась Б. Каминская, М. Субботина умерла в ссылке в 1878 году, в 1881 году была казнена С. Перовская, а в 1883 году в радикальных кругах прокатилась волна женских самоубийств. В Женеве в этот год застрелилась героиня процесса «50-ти» С. Бардина, в Берне отравилась Е. Завадская, в Красноярске — Колотилова, в Енисейске — Л. Клейн, Н. Осинская повесилась в Доме предварительного заключения, в том же году в Якутской области была задушена Е. Южакова.

Очевидно О. Шапир (пришла в женское движение в это время — в начале 1880-х гг.) имела в виду именно этот печальный результат, когда говорила о хищническом отношении, «расточении новой социальной силы — женщин».

Политические процессы 1877–1878-х годов, продемонстрировавшие массовое участие женщин в радикальном движении, вызвали общественное смущение. Самоотверженность, самопожертвование, граничащее с фанатизмом, суровость приговоров, подняли авторитет женщин в среде русской общественности. Тургенев целовал фотографии «святых», посвятил им стихи, ходившие в списках по стране, наряду со стихами Я. П. Полонского и Н. А. Некрасова.

Обложка книги В. Владимирова «Мария Спиридонова» (М., 1905)

На личностном уровне участницы женского движения и радикалки не всегда испытывали друг к другу дружеские чувства. Но вырабатываемая и поддерживаемая в женских либеральных кругах идея женской солидарности не позволяла либералкам отказываться от поддержки женщин радикального движения.

Об этом свидетельствует тот факт, что лидер феминистской организации «Союз равноправия женщин» М. Чехова (г. рожд. 1866), категорически не приемлющая террор, возглавила кампанию по преданию гласности дела М. Спиридоновой. Спиридонова совершила террористический акт, после чего была избита и изнасилована в полицейском участке.

«Союз равноправности» под руководством М. А. Чеховой поднял «волну» в прессе, провел собственное расследование и издал под шапкой своей организации книгу журналиста В. Владимирова[351], выдержанную в тоне героизации Спиридоновой. Стихи М. Волошина, посвященные М. Спиридоновой, открывают хорошо изданную и иллюстрированную книгу.

На чистом теле след нагайки,
И кровь на мраморном челе...
И крылья вольной белой чайки
Едва влачатся по земле...

М. Волошин[352]

О солидарности «новых женщин» в отношении радикалкок писал Кропоткин в своих мемуарах в 1898 году: «От этой молодежи (типичных нигилисток) вожаки движения держались немного в стороне; иногда даже их отношения обострялись; но они никогда не отрекались от своих младших сестер — великое дело, скажу я, — во время тогдашних безумных преследований»[353], «эти вожаки женского движения были олицетворением корректности <...> они не порывали с молодыми студентками, типичными нигилистками по внешности: стрижеными, без кринолинов, щеголявшими демократическими замашками»[354].

Солидарность создавалась самим корпоративным духом движения, его идеями о поддержании отношений товарищества, кооперации и взаимопомощи между женщинами, вместо доминирующих в обществе представлений о женском соперничестве и конкуренции. Таким образом, движение вырабатывало свою систему норм, отношений, правил интеграции, созда-

вались новые нормы (этос) нового коллективного субъекта, что, в свою очередь, способствовало стабильности движения и усиливало его мобилизационный потенциал.

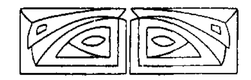
Следует добавить, что «студентками» эта женская молодежь стала только благодаря огромной работе, проводимой этими «вожаками», так как все высшее женское образование в России было исключительно общественной инициативой и содержалось на средства, собираемые активистками женского движения. Именно либеральное женское движение создавало образовательные структуры, способствующие развитию женской личности, женской корпоративности, женского самосознания и коллективной женской идентичности, осознанно ставя эту цель перед собой.

Практически все активистки освободительного движения и либерального и радикального направлений получили образование на женских курсах. Софья Перовская (г. рожд. 1853) училась на Аларчинских курсах, Ольга Шапир (г. рожд. 1850) на Владимирских, Ариадна Тыркова (г. рожд. 1869), Надежда Крупская (г. рожд. 1869) на Бестужевских и т. д.

Другой стороной рассматриваемой проблемы является то, что женщины этих кругов, участницы этих социальных движений — и нигилистки, и либералки, и радикалки — представляли собой зарождающуюся новую социальную группу — женскую интеллигенцию, которая, как уже говорилось, выполняла несвойственные интеллектуалам функции по реорганизации общества.

Именно участницы этих общественных движений расширили поле своей деятельности, зачастую принеся в жертву семью. Именно они приняли участие «в общественности», то есть в социальных движениях и в профессиональной деятельности в качестве врачей, учительниц, писательниц, редактрис, корректорш и т. д., а также лидеров, активисток, рядовых участниц движений, сочувствующих. В результате они сформировали профессиональную женскую элиту. Так, М. В. Трубникова без труда сделала шаг от блестящей хозяйки столичного либерально-интеллигентского салона к основательнице социального движения.

Эта женская интеллигенция — читающая, мыслящая, пишущая, вовлеченная в дискуссии по актуальным общественным проблемам, не вписывалась ни в какие структуры традиционного общества и не была востребована им. Эти женщины были вынуждены создавать свою социальную и политическую нишу, формировать свою среду.



§ 2. ВНУТРЕННИЕ РЕСУРСЫ ДВИЖЕНИЯ

2.1. Пионерки и лидеры движения. Мотивы, роли, функции

Они вышли рано, до звезды, когда еще кругом царила ночь рабства и политического, и крепостного, и семейного, когда самое слово «эмансипация» было страшилищем для одних и лозунгом для других.

А. Тыркова

Лидерство — один из основных внутренних ресурсов движения. Именно лидеры формулировали лозунги движения, агитировали и воодушевляли участников и сочувствующих, вырабатывали стратегию и тактику, разрабатывали идеологию.

Роль идеологии или генерализированных верований как ресурса движения, создающего общие рамки, культуру движения, как фактора вовлечения в движение трудно переоценить. Женское движение на первом этапе не имело собственной идеологии. Ее заменяли общие генерализированные верования своего времени и своей страты, которые определяли и объясняли ситуацию. Понятие генерализированных убеждений, представлений, верований близко подходит к понятию идеологии, но только в менее оформленном и разработанном виде. Это некий набор идей, суждений, представлений, широко распространенных в обществе и разделяемых в той или иной степени большинством определенного социального слоя.

Генерализированные убеждения об уважении к личности, о принципиальном равенстве людей, о долге образованных классов перед народом были широко распространены среди представителей образованных групп. То был знак передового мышления. Н. А. Серно-Соловьевич выразил это тезисом: «Помочь народу <...> в эти тяжелые минуты <...> обязанность общества»[355]. Эти убеждения, генерализированные представления определяли и соответствующие формы коллективных действий, такие как «устройство кружков для взаимной помощи <...> в складчинах для устройства библиотек, частных школ, курсов, чтений <...> в распространении образования и в низших классах... в устройстве всякого рода ремесленных заведений на общие средства <...> на началах ассоциации»[356].

Инновации российской жизни не обошли женщин. Образованные женщины привилегированных сословий также разделяли эти общие представления и считали своим долгом включиться в общественную работу по просвещению и освобождению, или, как тогда говорили, в «общее дело».

В теориях массового общества, коллективного поведения, относительной депривации выделяются следующие мотивы участия в протесте: поиск идентичности, приверженность ценностям-целям движения, относительная депривация. Все они в той или иной степени работают при рассмотрении этого вопроса. Пионерки движения принадлежали к успешным и состоятельным слоям дворянства и, казалось, не должны были испытывать влияния факторов относительной или абсолютной депривации, как и отчуждения и социальной изоляции, что могло бы быть причиной поиска новых форм коллективности. Но, судя по мемуарам, испытывали.

Приверженность ценностям-целям движения выступает, пожалуй, как основной мотив участия. Совпадение личностных ценностей с ценностями и целями возможных и потому инициируемых коллективных действий выступает основной причиной участия в общественном движении.

Другим мотивом участия в движении выступает мотив личностной самореализации в публичной сфере. Пионерки движения — личности с сильной мотивацией к самореализации, имеющие для этого максимальные возможности в российском обществе середины XIX века. Они обладали определенными «внутренними» личными ресурсами. Это: принадлежность к состоятельной части привилегированного сословия, проживание в столице и участие в деятельности либеральных кружков, обсуждавших актуальные проблемы времени; образование, позволяющее ориентироваться в сути обсуждаемых проблем; высокий уровень личных связей в правительственных структурах; свободное время и собственные деньги.

Базовая идея либерализма — утверждение прав и свобод личности, в том числе и предприимчивость и самодеятельность — была применена ими к себе, к своей жизни и перенесена на представительниц собственной социальной группы — образованных женщин. Идеи единства прав и обязанностей, самодеятельности как основы гражданственности привела их к общественной деятельности, участию в ассоциациях и обществах.

Вопросы возникновения движения и вопросы участия в нем в отношении лидеров движения совпадают в том пункте, что возникновение движения произошло благодаря, собственно, деятельности его лидеров. Другими словами, вступление пионерок движения в движение является одной из причин его возникновения, так как именно они осознали проблемы своей социальной группы, увидели и реализовали открывшиеся новые политические, организационные, экономические возможности в интересах «своей» группы. Как уже было сказано, идеи женского равноправия осмыслялись образованными женщинами еще в 1830–1840-х годах и тогда же предпринимались первые попытки личного освобождения. Но возможностей для оформления дви-

жения в то время не было. Политические факторы в первую очередь обуславливают динамику развития движения, определяют цену протеста, т. е. цену участия в нем. Поэтому в 1830–1840-х годы имели место только единичные индивидуальные выступления, которые готовили почву для будущих массовых всходов.

Причинами участия пионерок и лидеров в движении, таким образом, выступают:

1. Выработка личных ценностных установок, ориентаций и совпадение их с ценностями и целями движения.

2. Восприятие общих генерализированных верований своего времени и своей страты, которые играли роль идеологии, мобилизующей людей на действие. В мемуарной литературе можно найти много примеров, подтверждающих этот вывод: «В конце 50-х годов отовсюду неслись новые веяния, общественная и народная жизнь вступала в новую эру; был необычайный подъем духа во всех интеллигентных слоях и в нас, женщинах, громко заговорило сознание, что одной семейной стороной жизни удовлетвориться нельзя, что надо что-то делать для общества и для народного блага» (Поликсена Стасова)[357]. «Я начала сознавать, что если живешь, то надо действовать и бесчестно предаваться только мысли о своем разбитом счастье» (Надежда Стасова)[358].

Причины обращения к «женскому вопросу» предстают, по воспоминаниям участниц, как усвоение и реализация популярных генерализированных верований: «Это было в воздухе. Эмансипация женщин была на языке у всех передовых людей»[359]. «Жизнь учила, и носилось в воздухе», — ответили участницы первого призыва[360] женского движения на вопрос М. К. Цебриковой о «путях их прихода в женский вопрос»[361].

3. Поиск женской социальной идентичности в границах декларируемого идеала принципиального равенства людей (идеи Просвещения) и реального неравенства женщин в публичной и приватной сферах. Участие рассматривается как поиск личностью своей идентичности в ситуации отчуждения и социальной изоляции, происшедшей в результате процесса разрушения традиционных общностей и механизмов социализации. Одиночество, потеря идентичности — трудность в ответе на вопрос «кто я?» заставляла людей искать новые формы коллективности.

4. Сильная личностная мотивация к самореализации, к самоутверждению вне рамок обычной женской жизни. Их работа над собой, самообразование, поиски сферы приложения своих сил зачастую воспринималось современниками как девиантное или протестное женское поведение.

Подобная оценка, в свою очередь, вела к отчуждению в собственном социальном окружении, противопоставлению себя другим: «Пройдя в голове все, что я пережила, вижу хорошо, как в молодости не хватает деятельности, как всеми силами к ней стремишься и какие ужасные препятствия для самостоятельной деятельности — предрассудки общества и деспотизм

семьи в то время, как я начинала жить! Сколько насмешек, если скажешь, что читала ту или иную книгу! На нас указывали пальцем, но зато мы никому не говорили о прочитанном»[362]. «Я проводила все ночи за чтением, глотая все серьезные книги, и тут я увидела, что жить для себя одной нельзя» (Н. В. Стасова)[363].

Мотив самореализации переплетается с влиянием такого фактора относительной депривации, как неудовлетворенные ожидания личности. Особенно в ситуации, когда перед глазами реализовываются возможности представителей некой референтной группы. Относительная депривация подразумевает наличие определенного эталона в формировании ожиданий личности. Согласно этой модели, люди становятся участниками движения, когда разрыв между желаемым и действительным достигает порогового значения. Из воспоминаний об одной из основательниц женского движения России М. В. Трубниковой: «Сознание того, что менее способные, менее преданные идеям мужчины могут найти применение для своих сил, а она как женщина осуждена на общественное бездействие, не может принести всей пользы, о которой мечтает, — придавало особую страстность ее феминизму»[364].

Таким образом, самоутверждение шло через реализацию личных установок нравственного, идеологического и, может быть, даже политического характера, путем мобилизации собственных ресурсов и ресурсов своего окружения.

5. Наличие внутренних ресурсов и доступа к внешним. Помимо вышесказанных — принадлежности к привилегированным слоям общества, наличия денежных средств, свободного времени и т. д. — хотелось бы подчеркнуть значимость таких ресурсов, как образование и солидарность. Именно образование позволяло выработать свои убеждения, воспринять и интерпретировать генерализированные верования своего времени. В русском либерализме роль просвещения как способа реформирования общества оценивалась очень высоко. В этом смысле первые активистки женского движения, безусловно, развивались в рамках либеральной традиции, поставив себе целью добиться доступа для женщин ко всем видам образования. Из письма М. Трубниковой Ж. Батлер: «Мы желали бы, чтобы всякий человек имел право выбирать себе дорогу без всякой помехи или загородки»[365].

Вышесказанное хорошо иллюстрируют воспоминания князя В. А. Оболенского о своей матери: «В это время (1868 год) горячо обсуждался вопрос об эмансипации женщин. Образовался кружок интеллигентных женщин, предполагавших основать высшую женскую школу. В него входили А. П. Философова, М. А. Быкова, Е. О. Лихачева, Трубникова и др. Вошла в него и моя мать. В то время как в кружке разрабатывался вопрос о высших женских курсах, моя мать, ознакомившись с постановкой среднего женского образования в России, пришла к выводу, что оно недостаточно для подготовки к университетскому курсу, а так как была женщиной энергичной и ощущала потребность свои мысли завершать делом, то решила открыть частную жен-

скую гимназию. В родне моего отца это решение вызвала бурю негодования. Занятие педагогической деятельностью считалось в этих кругах делом низменным, как и вообще всякое дело, кроме сельского хозяйства и государственной службы, связанное с заработком. Княгиня Оболенская, и вдруг — начальница гимназии! Позор для всей семьи... Мать мне рассказывала, как к ней приезжал генерал Потапов (впоследствии шеф жандармов) <...> убеждать ее отказаться от ее затеи. "Почему бы вам, Alexandrine, не открыть прачечного заведения?" — язвительно говорил он ей. Гимназия была открыта в 1870 году. <...> За полгода до нее открылась в Петербурге еще одна частная женская гимназия г-жи Спешневой. Это были две первые в России женские гимназии с программами, соответствующими примерно программам мужских реальных училищ»[366].

Вероятно, собственный опыт социализации позволил этим женщинам так быстро сформировать в себе солидарность и корпоративное чувство долга в отношении друг друга, а также в отношении «новых маргиналок»[367], как и просто «обездоленных» групп населения. Одна из современниц (В. Ваховская, г. рожд. 1855) так передавала свои чувства: «Мне стало совестно, что у меня есть средства к жизни, что я не принуждена зарабатывать на свое пропитание. Мне хотелось бедности, труда, борьбы»[368].

В. И. Ваховская

Формирование солидарности понимается как процесс осознания общности интересов и ценностей своей группы и сплочение вокруг них. Та же М. К. Цебрикова писала, что в 1860-х годах происходило «сплочение сил» молодых женщин, что «девушки слышали друг о друге, вступали в переписку, разъясняли, что было темного в прочитанной книге или статье, поддерживали друг друга нравственно»[369].

Лидеры движения осмысляли женскую депривацию как общественную проблему. Мотив невозможности реализовать женский потенциал, применить женские силы в интересах общества, постоянно присутствовал в рассуждениях поколения пионерок и их последовательниц — «главная задача <...> выяснение того, каким тормозом служит их (женщин) неравноправность для их стремления бороться с окружающим злом»[370].

Лидерам движения были понятны причины индивидуального протеста нигилисток, но формы этого протеста по разным причинам были для них неприемлемы.

Пионерки, лидеры, они же основательницы женского движения, добровольно взяли на себя роль «патронесс», что было характерно для того времени[371]. Они сумели сплотить вокруг себя «рабочую» или «руководящую» группу (L. Killian, N. Smelser)[372], которая не сразу определила сферой своей деятельности проблемы женщин. Они действовали в соответствии с распространенными генерализированными представлениями о долге перед народом и поэтому первыми организациями, инициированными этими женщина-

ми, были организации по оказанию помощи представителям низших классов без различия пола. В Петербурге первой женской инициативой было создание Общества доставления средств для беднейших жителей Петербурга, в Москве — Общества распространения полезных книг. Эта была благотворительная деятельность.

К женской проблематике пионерки движения пришли в ходе своей практической деятельности, которая затем послужила эмпирической базой их убеждений. Одновременно эти женщины решали проблемы собственной социальной группы — проблему самореализации женщины в публичной сфере, проблему женского соответствия идеалу эпохи — гражданина, работающего на пользу общества, и появления в российской реальности женщины-гражданки. Перед ними стояли задачи нахождения «женской» ниши, идеологического и организационного оформления женского участия в созидательной работе «передовых» людей. В итоге они сыграли решающую роль в становлении женского движения.

Безусловным «внешним» ресурсом женского движения являлось российское законодательство. В России, за исключением Царства Польского и нескольких западных губерний, в отношении женщин не действовала правовая доктрина «femme couverte»[373]. В основе этой доктрины лежал «Гражданский кодекс Наполеона» 1804 года, который повлиял на законодательства всех европейских стран. По кодексу Наполеона замужняя женщина была экономически недееспособна. Россиянка имела экономические права. Она могла производить все операции с движимым и недвижимым имуществом за единственным исключением: женщины, не ведущие торгового дела от своего имени, не имели права выдавать векселей. По международным меркам XIX века российская женщина обладала также значительными гражданскими правами. Она могла наравне с мужчиной принимать на себя звание опекунши и попечительницы не только над своими собственными детьми, но и лицами ей посторонними; могла свидетельствовать в суде, допускалась в качестве эксперта и третейского судьи[374].

Все эти ресурсы патронессы-основательницы использовали для реализации своих проектов, результатом которых явилось создание сети обществ и организаций в помощь образованным женщинам, вышедшими из привилегированных и полупривилегированных сословий (духовенство, дворянство, мещанство, купечество) и ставшими «новыми маргиналками» в российском обществе. Патронессы использовали в своих целях возможности существующей социальной структуры общества, свое положение в ней — свои сословно-корпоративные связи с вертикальными узами родства и патроната. По этой схеме изначально строились и сами организации движения.

Патронессы стали лидерами движения, которые сформировали «руководящую группу», создавали солидарность, инициировали организации и действия, а затем не без успеха вписали их в институциональные структуры. Они олицетворяли женское движение России на протяжении всего XIX века.

В историю они вошли под названием «триумвирата». Это были: М. В. Трубникова (г. рожд. 1835), Н. В. Стасова (г. рожд. 1822), А. П. Философова (г. рожд. 1837).

Инициатором объединения, женщиной, вокруг которой оно произошло, была Мария Васильевна Трубникова.

Мария Васильевна Трубникова (Ивашева) (1835–1897)

Дочь декабриста В. Ивашева и француженки Камиллы Ледантю, родилась в Перовском заводе 6 января 1835 года и, рано осиротев, воспитывалась в доме тетки — княгини Е. П. Хованской на Волге, недалеко от Симбирска. М. Ивашева получила прекрасное «мужское» образование. Все многочисленные братья и сестры в этой семье[375] обучалась вместе. В отличие от традиционного женского образования, то есть языков, музыки и словесности, Марию Ивашеву обучали точным наукам, истории и философии. Она имела свободный доступ к богатой библиотеке Хованских и с детства приобрела привычку к систематичному чтению. На протяжении всей жизни Трубникова продолжала заниматься самообразованием, читая литературу на основных европейских языках. Социология и женский вопрос интересовали ее особенно.

М. В. Трубникова

После замужества и переезда в 1855 году в Петербург М. В. Трубникова создала собственный салон, в котором собирались известные общественные деятели либерального направления: Ф. С. Унковский, братья Н. А и А. А. Серно-Соловьевичи, А. А. Рихтер, И. И. Шамшин, П. И. Ламанский, Алейников, А. А. Сабуров, профессора Петербургского университета К. Д. Кавелин, Д. В. Стасов, А. Н. Пыпин. Муж Марии Васильевны — К. В. Трубников издавал «Журнал для акционеров», что также привлекало в их дом реформистски настроенных людей.

М. В. Трубникова занималась литературным трудом, печаталась в периодических изданиях, имела широкий круг европейских знакомств, разрабатывающих тему женской эмансипации. Она встречалась и поддерживала отношения Эжен Д'Эрикур, Жозефиной Батлер, Андре Лео, состояла в переписке с Дж. Ст. Миллем.

«При всей широте и разнообразии интересов и симпатий Марии Васильевны Трубниковой женский вопрос очень рано стал для нее центральным вопросом жизни»[376]. Дела она делала быстро, не откладывая. С людьми сходилась легко. Едва познакомившись с Н. В. Стасовой, Трубникова пригласила ее к себе «на завтра», где та застала А. П. Философову, Н. А. Белозерскую, В. В. Ивашеву и др. Так сложился женский кружок М. В. Трубниковой. По воспоминаниям дочери, она была его нервным центром, который приводил

всех в движение и сплачивал самые разнородные элементы. «Кружок Марии Васильевны, начав с единственно возможной тогда формы общественной деятельности — филантропии, в которую <...> с самого начала была влита некоторая новая струя — нечто от идеи равенства и братства, в самом процессе общения и совместной работы усваивал себе навыки общественности и эволюционировал, отражая влияние других, часто более радикальных кругов, например, кружка Чернышевского, с которым М. В. была непосредственно связана <...> и к которым ее влекли собственные демократические и антимонархические тенденции»[377].

В браке Мария Васильевна счастлива не была. Супруг, которому она доверила не только свои капиталы, но также капиталы брата и сестры, разорил семью в биржевых операциях. Трубникова оставила его, взяв на себя заботу по содержанию их четверых дочерей и зарабатывая на жизнь переводами, литературной работой. Напряжение сил подорвали и без того слабое здоровье, проявилось психическое заболевание, перешедшее к ней по наследству от отца. Поэтому Мария Васильевна рано отошла от общественной деятельности — в 1881 году. С этого времени она безвыездно жила в деревне, в имении одной из своих замужних дочерей и поддерживала своих единомышленниц в переписке. Умерла 28 апреля 1897 года.

Надежда Васильевна Стасова (1822–1895)

Самая старшая из этого содружества. Происходила из известной своими заслугами в области искусства и просвещения семьи Стасовых. Отец Надежды Васильевны, В. В. Стасов, был придворным архитектором, брат Владимир — известным музыкальным критиком, Дмитрий — профессором права и либеральным деятелем. Родилась Надежда Стасова в Царском Селе 12 июня 1822 года, ее крестным отцом был император Александр I. Надежда Васильевна получила традиционное женское образование. Обучение братьев и сестер в многочисленном семействе Стасовых было раздельным. По воспоминаниям брата Владимира Васильевича — сестры Стасовы «считали горькой обидой для себя и кровной несправедливостью, что братьев воспитывают и учат совсем иначе, чем их, и думали, что они тоже могли бы всему учиться, чему учатся братья, узнать все то, что они знают»[378].

Н. В. Стасова

Своей семьи Н. В. Стасова не имела. Пережив в юности любовную драму, она всю свою жизнь посвятила общественной работе, служению одной идеи — делу помощи женщинам различных классов и состояний.

Стасову волновали не только проблемы женщин образованных классов, в сферу деятельности попадали и женщины низших социальных слоев. Она была одной из организаторов воскресных школ для женщин и часто дежу-

рила в воскресных школах на Петербургских окраинах, работала в Калинкинской больнице, специализировавшейся на лечении проституток. Она была основательницей «Общества дешевых квартир», детских учреждений для детей работниц — «Детская помощь» и «Ясли». Но главное дело ее жизни — организация высшего женского образования. Стасова принимала активное участие в открытии общедоступных Владимирских курсов (1869 г.), Высших женских Бестужевских курсов (1878 г.). Она вошла в комитет «Общества для доставления средств высшим женским курсам». Ее усилиями в 1893 году было зарегистрировано «Общество вспоможения окончившим курс в С.-Петербургских высших женских курсах», а саму Стасову избрали председательницей. На протяжении многих лет она безвозмездно несла обязанности распорядительницы Бестужевских курсов. В 1889 году в связи с нажимом правительства на женские курсы и введением нового положения о курсах Стасова вынуждена была оставить свой пост. Несмотря на преклонный возраст, она продолжала активную общественную деятельность, работая в старых и новых женских организациях. В 1895 году при участии ее и А. П. Философовой была создана еще одна женская организация — «Русское женское взаимно-благотворительное общество», которая была задумана как женский клуб.

Стасова обладала несомненным организаторским талантом. Руководством к действию ей служила евангельская истина «кто не умеет делать малого, не сумеет и великого». Через эти малые, часто невидимые сторонним наблюдателям шаги, в России была создана структура высшего женского образования.

Умерла Надежда Васильевна 27 сентября 1895 года по определению современников, «на посту» — в подъезде дома Е. Я. Корсаковой, куда приехала по общественным делам в поиске помещения для Высших женских курсов. Ее деятельность была высоко оценена современниками. 4 октября 1895 года гласные Петербургской городской думы вставанием почтили память женщины — общественной деятельницы, «истинной поборницы высшего женского образования».

Анна Павловна Философова (Дягилева) (1837–1912)

Происходила из знаменитой семьи Дягилевых. Родилась 5 апреля 1837 года. Анна Павловна получила традиционное женское образование. Судя по обстоятельной работе А. В. Тырковой[379], Философова испытывала сложности в родительской семье из-за своего вольнолюбивого, жизнерадостного и непокорного характера. Она рано вышла замуж за В. Д. Философова, сына латифундиста, позднее крупного чиновника, активного участника правительственных реформ 1860–1870-х годов. Супруг поддерживал ее во всех начинаниях. Это была пара единомышленников, работавших на демократические изменения в стране. Со стороны матери Философовой такие супружеские отношения вызывали недовольство.

Философова была одной из первых красавиц Петербурга, принадлежала высшему петербургскому обществу. Но «жизнь бабочки», по ее собственным словам, ее не устроила. Встреча с М. В. Трубниковой решила дело. Она поддержала идеи Трубниковой и Стасовой. Так сложился «триумвират», в котором Мария Васильевна играла роль идеолога, Надежда Васильевна — организатора-исполнителя, а Анна Павловна — инновационного организатора.

А. П. Философова

Обширные знакомства и связи Философовой при дворе и в высших правительственных кругах, высокое положение мужа, личное обаяние, красота, молодость помогали преодолеть любые препятствия, которые всегда встают на пути нового дела. Организовать вечер, благотворительный базар, концерт, лотерею, средства от которых шли на «женское дело», получить на них разрешение, — все это никто лучше ее сделать не мог. Она активно пользовалась своими сословными связями. Если в молодости она использовала ресурс своей красоты и молодости, обращалась к министру народного просвещения графу Д. А. Толстому по вопросу утверждения устава Высших женских курсов на балу[380], в вихре вальса, то с годами она стала использовать ресурс своего возраста. Так, в 1905 году она писала градоначальнику Д. Ф. Трепову: «Сегодня <...> я должна была читать для членов нашего Р. ж. вз.-бл. общества маленький доклад, но дня три тому назад приходил к нам в Общество пристав и через нашу председательницу А. Н. Шабанову приказал мне сказать, что Вы запрещаете мне читать и запрещаете устраивать нашу вечеринку! Мне что-то не верится, Дмитрий Федорович, чтобы Вы сознательно могли нанести такое оскорбление 70-летней старухе, которую Ваш отец уважал. Вот почему я решилась написать Вам эти строки, прося Вас убедительно разъяснить нам всю эту историю. Мы с А. Н. Шабановой действовали всегда во всем легально, и потому нас очень поражает Ваше недоверие и неуважение к нам, которое мы, конечно, не заслужили»[381].

Увлекшись идеей помощи женщинам и практическим решением «женского вопроса», Анна Павловна на всех своих многочисленных общественных постах всегда демонстрировала «деловую хватку». Она — член комитета, заведующая 4 этажом, а затем председательница Общества дешевых квартир; член Общества грамотности, организованного в 1861 году при ее участии; председательница Оргкомитета в пользу высшего женского образования; распорядительница Владимирских курсов; член Комитета Высших женских курсов, член ревизионной комиссии курсов; первая председательница Общества доставления средств Высшим женским курсам, вице-председательница Международного женского совета, организатор Первого Всероссийского женского съезда и т. д.

Брак Анны Павловны был на редкость счастливым. Философова была многодетной матерью, имела девятерых детей. В. Д. Философов поддержи-

вал супругу в ее общественных начинаниях, хотя часто его служебные обязанности главного военного прокурора находилась в противоречии с ее деятельностью.

Александр II сначала весьма благосклонно относился к блестящей молодой женщине, но вскоре изменил свое мнение. Император был недоволен активностью Философовой (1870-е гг. были пиком ее активности) и терпел ее лишь благодаря заслугам мужа. Но в 1879 году Философова все-таки была вынуждена покинуть страну. Император сказал ее мужу: «Ради тебя она в Висбадене, а не в Вятке». В Россию она смогла вернуться только в 1881 году после покаянного письма императору.

С 1890 года Философова активно продвигала идею единения движения россиянок через создание всероссийской женской организации и присоединения к Международному женскому совету (МЖС), который был основан в 1888 году американскими феминистками. К концу XIX века совет уже объединял национальные женские организации более чем 30 стран мира. Раз в пять лет МЖС проводил конгресс по проблемам женщин. Страны, не имевшие национальных организаций, не могли присоединиться к этой международной женской организации, реализующей женское политическое участие на международном уровне. Они могли иметь только своего наблюдателя с совещательным голосом в статусе вице-председательницы. Первой вице-председательницей от России стала А. П. Философова.

Торжественное заседание памяти А. П. Философовой в Санкт-Петербургской городской думе. 17 марта 1913 г.

За годы своей работы Анна Павловна приобрела поистине всероссийскую известность. По свидетельству А. В. Тырковой, ее имя было известно в России так же, как имя Льва Толстого. Вместе с Н. В. Стасовой она передала женщинам 1890-х годов идеи и опыт, наработанные в 1860-х годах. В последние годы жизни вокруг А. П. Философовой уже не было участниц движения ее поколения. Она единственная из «триумвирата» перешла рубеж XX века, стала символом движения, до конца своих дней участвуя в его акциях.

Это подтверждает идею, что социальные изменения в основном продвигаются усилиями поколенческих общностей — групп сверстников, вместе дающим ответ на вызов времени, с юности монополизирующих несуществующие или несущественные для предшествующих поколений политические идеи, стиль жизни, эстетические направления (К. Маннгейм).

Скончалась Анна Павловна 17 марта 1912 года.

Организационно-волевые усилия лидеров позволили реализовать тот потенциал, который имели образованные женщины их страты, реализовать существующее напряжение. Конкретно лидерская роль и заслуга «триумвирата» на начальном этапе движения выразилась:

— в артикуляции проблемы участия образованных женщин «в общем деле», в общественных инициативах, то есть вхождении их в публичную сферу; формировании образа женщины-гражданки;

— в выводе этой проблемы на политический уровень;

— в нахождении единомышленниц и создании своего солидарного круга, группы поддержки своих инициатив.

Четкого распределения обязанностей внутри «триумвирата» не было. Роль интеллектуального лидера, интерпретирующего популярные идеи эпохи в отношении определенной социальной группы, преимущественно играла М. В. Трубникова. Но в той или иной степени все трое решали эту задачу. Стасова в большей степени работала над развитием и сохранением организационных структур. Она стала только что не «государственным деятелем» в сфере женского высшего образования, выполняя на протяжении многих лет функции распорядительницы ВЖК (К. Н. Бестужев-Рюмин как директор, прежде всего, нес юридическую ответственность), возглавляя «Общество вспоможения окончившим курс наук на СПб ВЖК». Она была лидером-организатором, стабилизирующим ситуацию.

А. П. Философова также продемонстрировала организационные таланты на всех своих многочисленных общественных постах. Философова была харизматическим лидером движения. Она олицетворяла собой российское женское движение начального этапа внутри страны и на международной арене. Она была первой представительницей России в Международном женском совете, осуществляла связь поколений российских «деятельниц по благотворению и просвещению» и российских равноправок. Именно она — символ непрерывающейся традиции женского движения России, «маститая пионерка», «старостиха» движения, по выражению прессы, была встречена бурей аплодисментов на открытии Первого Всероссийского съезда женщин в 1908 году.

Эти три женщины успешно выполнили функцию мобилизации, то есть использовали имеющиеся в их распоряжении ресурсы и приобрели новые. Они реализовали существующие возможности, что позволило им инициировать ряд женских организаций и тем самым сплотить неорганизованных одиночек, создать круг единомышленниц. И не менее успешно, благодаря своему высокому социальному статусу, постоянной работе с правительственными структурами, они способствовали институализации движения. Их деятельность по организации высшего женского образования, создания инфраструктуры жизни образованной женщины, была настолько успешной, что женское движение России первого этапа институализировалось как специфическая благотворительно-просветительская деятельность

женщин в интересах женщин. Собственно никак иначе оно и не могло институализироваться, так как историческая эпоха всегда накладывает свои ограничения. Может быть, поэтому в советской историографии встречается мнение, что женское движение России в отличие от западного феминизма было образовательным. Р. Стайтс косвенно согласился с этим выводом, утверждая, что «настоящего женского движения» в России не существовало до 1905 г.[382]

Движение часто олицетворяет один лидер. В данном случае их было трое. По мнению ряда социологов более точный анализ всегда выявляет группу лидеров[383], составляющих «руководящую» или «рабочую» группу формирующегося движения. Среди них мы можем назвать имена женщин одного поколенческого призыва, которые стояли у истоков женского движения России. Это Н. А. Белозерская, Е. Г. Бекетова, М. А. Быкова, Е. И. Гарднер, М. Г. Ермолова, В. В. Ивашева (Черкесова), Е. И. Конради, Е. О. Лихачева, М. А. Менжинская (Шакеева), кн. А. А. Оболенская, М. С. Ольхина, В. И. Печаткина (Глушановская), гр. В. Н. Ростовцева, М. К. Цебрикова, А. Н. Шульговская, А. Н. Энгельгардт.

М. А. Менжинская

В. И. Печаткина

Эти женщины происходили из «достаточных» и даже состоятельных семей. Но они не были удовлетворены своей жизнью. Они нарушали существующие установления женской жизни, разрушая ее замкнутый, «тесный» характер и делая ее более мобильной, более открытой внешнему воздействию, способствующей самореализации женской личности и обретения полноценной женской субъективности. Княгиня Оболенская, организовав женскую гимназию, разорвала круг «правильных» занятий женщин из общества. Сестры Ивашевы повели борьбу с представлениями, бытовавшими в дворянских кругах в отношении поведения женщин. Из воспоминаний Веры Ивашевой (Черкесовой): «Мы <...> стали ходить по улицам без лакея, ездить на извозчиках, и я еще барышней стала выезжать в общество одна, что в те времена было далеко не общепринятым явлением»[384]. Анна Энгельгардт потрясла весь Петербург, встав за конторку книжной лавки. Впервые женщина-дворянка «опустилась» до работы в общественном месте. Ее поступок стоил ее мужу — Александру Николаевичу Энгельгардту суда офицерской чести и требования покинуть армию. Такое инновационное женское поведение ломало традиционные семейные и общественные отношения. Современники сходились во мнении, что женский вопрос, как никакой другой, не разрушал так эстетику, философию и мораль[385], «разрушение эстетики нигде не происходит в таких размерах, как в “женском вопросе”»[386].

Информации об этих женщинах мало и составить портрет можно далеко не каждой. Некоторые из них оставили воспоминания, которые позволяют увидеть поиск новой женской идентичности и женского идеала новой эпохи.

Анна Николаевна Энгельгардт (Макарова) (1838–1903)

Анна Николаевна, как и все участницы женского движения первого призыва, происходила из дворянской среды. Она родилась в семье мелкопоместного дворянина, известного лексикографа Н. П. Макарова в селе Александровка Костромской губернии. Ее отец, рано овдовев, отдал дочь учиться в Московский Екатерининский институт (1845–1853 гг.), о чем Анна Николаевна написала биографическую повесть «Очерки институтской жизни былого времени» и издала ее под именем А. Бельской[387]. Несмотря на суровую обстановку своего институтского детства, Энгельгардт получила неплохое образование и особенно преуспела в языках.

А. Н. Энгельгардт

В 1859 году Анна Николаевна вышла замуж за артиллерийского офицера, инженера, Александра Николаевича Энгельгардта. Она работала в издании мужа «Химический журнал», сотрудничала с «Биржевыми ведомостями», «Голосом», «Русским миром», «Санкт-Петербургскими ведомостями», «Отечественными записками», «Неделей» и др., помещая в них фельетоны, политические обозрения, разборы произведений иностранной литературы.

Душевное состояние образованной женщины 1860-х годов, поиски своей идентичности ярко описаны Энгельгардт в письме дочери: «Я увидела, что одной семейной жизнью не удовлетворюсь <...>. При этом совершенное непонимание жизни и людей, никакого опыта, ничего за душой — никакой самостоятельной мысли. Читаешь противоречивые статьи, слушаешь толки, рассуждения, споры и никак во всем этом не разберешься: кто прав, кто ошибается? Где, в чем истина? На чем остановиться? <...> Прибавь к этому мучительную умственную работу человека, не разобравшегося в своих отношениях к миру и людям. Где кончается право других людей надо мной? Где начинается и кончается мое право при столкновении противоположных интересов и желаний? Как действовать, чтобы и других не обидеть и себя на съедение не дать?.. Так прошло много лет: я в одном только отношении не зевала — это старалась пополнить свое образование как умела, чтением серьезных, хороших книг, и по естествознанию, и по истории, литературе и пр. Да зубрила иностранные языки <...>. Я продолжала метаться (духом, конечно), хотя у меня уже было трое детей на руках. Наконец судьба, случай заставили меня работать из-за куска хлеба, и не только для себя, да и для тех же троих детей, и это уже без всяких превыспренностей и порываний на подвиг и пр.,

а прямо по необходимости. Тут только я несколько успокоилась <...> путем долгих мук и долгого кипения в котле выработала, наконец, свое собственное миросозерцание, свои собственные незаимствованные напрокат или веру убеждения. Они достались мне дорогой ценой, но зато они и прочны. <...> Убеждения мои, религия моя сводится к одному: я верую, исповедую и люблю только одно: труд и знание»[388].

Обретенная А. Н. Энгельгардт идентичность выразилась словами: «Я литературный чернорабочий, журналист — и это есть мое настоящее дело»[389]. Она была высокопрофессиональной переводчицей. В ее переводах мы читаем Э. Золя, Ч. Диккенса, Г. Мопассана, Р. Л. Стивенсона, Ф. Рабле, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Шиллера и др. классиков западной литературы. Кроме того, Анна Николаевна составила «Полный немецко-русский словарь» (1873–1876 гг.).

Однако ее интересовала не только литературная и переводческая деятельность. Она принимала участие в идейных предприятиях интеллигенции. Анна Энгельгардт стала одной из основательниц женского движения России. Особенно ее интересовала тема женского труда, положения женщин на рынке труда, женское образование. А. Н. Энгельгардт приняла активное участие в создании Женской издательской артели.

В 1862 году в открывшемся на Невском проспекте книжном магазине Н. А. Серно-Соловьевича она предстала в качестве продавщицы. «Помню, — писал Н. В. Шелгунов, — как Петербург был изумлен, когда в магазине Серно-Соловьевича явилась за прилавком молодая красивая женщина в синих очках. Этой первой продавщицей была А. Н. Энгельгардт <...>. Встать женщине за прилавок было тогда так же необыкновенно, как лицеисту, служащему в Государственном совете, сделаться купцом <...>. Но тогда и стояние за прилавком было идейным делом, было практической пропагандой нового поведения, демократическим отрешением от сословности и предрассудков, прав рождения. А чтобы выступить с таким протестом, требовался не только смелый, энергический ум, но и смелый и энергический характер»[390].

В 1870 году ее супруг, А. Н. Энгельгардт — декан Земледельческого института, организовал студенческий кружок, в котором помимо науки изучались социальные теории. Анна Николаевна была активной участницей этих студенческих собраний. В результате доноса 1 декабря 1870 года супруги Энгельгардт были арестованы. Полтора месяца Анна Николаевна провела в Петропавловской крепости, Александр Николаевич был навечно выслан из Петербурга.

Несмотря на все перипетии личной жизни, Анна Энгельгардт не оставила движенческой деятельности. В 1870–1890 годах она работала над созданием Бестужевских курсов, первого Женского медицинского института, была распорядительницей и библиотекарем Русского женского взаимно-благотворительного общества, вместе с О. Н. Поповой инициировала журнал «Женский вестник»[391].

Мария Константиновна Цебрикова (1835–1917)

Родилась в 1835 году. Ее отец был дворянином и морским офицером, мать — происходила из старинного аристократического рода. Цебрикова получила домашнее образование. Обладая большими способностями, она «с боем преодолевала сопротивление родных», не считавших нужным обучать ее наравне с братьями. «В кружок ровесниц, в котором я росла, первые семена "женского вопроса" забросили обиды товарищей мальчиков»[392]. В юности она бегала тайком на лекции и в кружки.

М. К. Цебрикова

Знакомство с участницей Крымской войны сестрой милосердия Назимовой показало ей путь выхода из семейного мира, дало силы для борьбы с домашними «блюстителями приличий и преданий». В возрасте 25 лет Мария Константиновна заявила о своей независимости, отказалась от замужества и от «паразитического образа жизни».

Цебрикова стала известным литературным критиком, была одним из ведущих авторов «Отечественных записок», где наряду с критикой публиковала и статьи о «женском вопросе». Ее критические разборы беллетристики на «женскую» тему — «Наши бабушки», «Гуманный защитник женских прав», «Из огня да в полымя» носили разгромный для авторов характер и пользовались популярностью у молодежи.

Вступление в «общее дело» началось для Цебриковой с женского движения. В 1870 году вместе с Е. И. Конради и др. она выступила инициатором и организатором Аларчинских и Владимирских публичных курсов для женщин, до 1889 года состояла членом Общества доставления средств Высшим женским курсам.

Мария Константиновна считала, что женская природа «всегда будет воплощением нравственного начала личности и фанатичной проповедницей честной и энергичной личности»[393]. Возможно, эти убеждения подвигли Цебрикову на правозащитную акцию, которую она осуществила в 1889 году.

М. К. Цебрикова из Парижа разослала во все ведущие европейские газеты и всем известным литераторам и политическим деятелям открытое письмо Александру III с протестом против нечеловеческих условий, в которых содержались ссыльные и политические заключенные в Сибири. Свою акцию она назвала «правом русской женщины» протестовать против попрания прав граждан. После возвращения в Россию Цебрикову отправили в ссылку. Но она была довольна, так как считала, что сделала главное дело своей жизни — заплатила свой долг народу.

С 1892 года Цебрикова постоянно жила в Смоленской губернии. В женском движении она больше не участвовала и, отойдя от феминистских идей,

рассматривала женский вопрос только как составную часть проблемы всеобщего освобождения. Вся основная общественная деятельность М. К. Цебриковой была связана с радикальным движением.

Надежда Александровна Белозерская (Ган) (1838–1912)

Надежда Александровна родилась в дворянской семье в усадьбе Сафиевке Новгородской губернии. Она получила серьезное домашнее образование. Вышла замуж за В. М. Белозерского и в 1856 году переехала в Петербург. На их «понедельники» собиралась известные петербургские либеральные деятели.

Н. А. Белозерская

Начало ее литературной и общественной деятельности относится к концу 1850-х годов. Литературную работу Белозерская начала в журнале «Основа», предпринятого ее мужем в 1861 году. В 1878 году она была редактором педагогического журнала «Воспитание и обучение», организованного вместе с М. К. Цебриковой. Н. А. Белозерская — одна из первых российских женщин-историков.

Проблемы «образованных женщин наших средних классов» ей были близки. Она была одной из них. В первую очередь ее волновали проблемы высшего образования и положения женщин на рынке интеллигентного труда. Ее уход от мужа с тремя детьми (что было не редкостью в то время), отказ от денег мужа: «с самонадеянностью молодости решила, что сама буду содержать их (детей), доставлю им <...> образование <...>. Я знала, что необходимо будет найти какой-нибудь заработок, но как и что буду делать — не представляла»[394], со всей очевидностью поставили перед ней проблему женской занятости и дискриминации женщин по признаку пола.

В 1868 году Н. А. Белозерская поступила в секретари к известному историку Н. И. Костомарову. Кроме того, она переводила исторические романы для «Исторического вестника», писала рецензии в «Древней и Новой России» под псевдонимом Б. Гнв (без гнева). Причина ее согласия на трудоемкую, невидимую и неизвестную работу одна — невозможность, будучи женщиной, зарабатывать себе на жизнь профессиональным и интеллектуальным трудом: «Д. Л. Мордовцев <...> предложил мне писать рецензии для “Древней и Новой России” <...> добавив, что работу мою будет выдавать за свою, потому что не примут иначе — я женщина, и это первый случай <...> Я согласилась, потому что другой работы не было»[395].

Получив опыт исследовательский работы, Наталья Александровна занялась самостоятельным исследованиями русской истории. Она начала разрабатывать в истории женскую тему. В русле исследовательской традиции того времени она создала портреты «исторических женщин» — М. Н. Волкон-

ской, княгини Ливен, Екатерины I и других, исследовала положение женщин в разные исторические эпохи.

В общественную деятельность Надежда Александровна пришла через кружок Трубниковой. Она — активная участница Женской издательской артели, одна из организаторов высшего женского образования в Петербурге. Н. А. Белозерская писала, что М. В. Трубникова и Н. В. Стасова «отвлекли меня от беспочвенного горячего увлечения широкими общественными задачами и идеалами и убедили меня приняться за общественную деятельность. Благодаря им я приняла участие в возникшем обществе <...> в учреждении ВЖК <...> при мне возникли женские медицинские курсы»[396].

Евгения Ивановна Конради (Бочечкарова) (1838–1898)

Родилась в Москве, в дворянской семье. После окончания Петровского института осталась в нем классной дамой, а затем стала преподавательницей. В конце 1850-х годов переехала в Петербург. Сферой ее профессиональных интересов была педагогика и журналистика. Свои педагогические взгляды она изложила в книге «Исповедь матери».

В Петербурге Евгения Ивановна сделала блестящую журналистскую карьеру. Она приняла деятельное участие в «Женском вестнике» (под ред. Мессарош) в 1866–1868 годах. В 1869 году вместе с П. А. Гайдебуровым и Ю. А. Росселем Евгения Ивановна стала собственницей газеты «Неделя» и ее фактическим редактором. Также она сотрудничала с М. К. Цебриковой, печаталась в ее журнале «Воспитание и обучение». Конради — талантливая, острая на язык и внешне привлекательная женщина — обращала на себя всеобщее внимание и в Петербурге была популярной личностью.

Е. И. Конради

В 1860-х годах наряду со Н. В. Стасовой, М. В. Трубниковой и А. П. Философовой Евгения Ивановна была безусловным лидером женского движения. Проблему высшего образования женщин она оценила как краеугольную, поэтому вынесла ее на публичное обсуждение общественности на съезде естествоиспытателей.

Первый съезд естествоиспытателей открылся в Петербурге 28 декабря 1867 года и привлек интерес публики, в том числе женщин. Конради передала записку о необходимости устройства для женщин курсов по физико-математическим и историко-филологическим наукам секретарю съезда и стороннику женского образования А. Н. Бекетову, который зачитал ее 2 января 1868 года. Петиция Конради, написанная горячо и убедительно, была воспринята с одобрением. Съезд выразил полное сочувствие идее, но обсуждать ее не стал «за неимением возможности». Это был первый шаг в публичном освещении проблемы. По семейным обстоятельствам Конради рано

отошла от движенческой активности — она уехала за границу лечить сына и после его смерти в Россию уже не вернулась. Она умерла в нищете в богадельне для бедных в Париже.

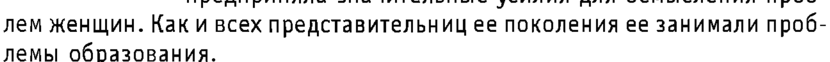
Елена Осиповна Лихачева (1836–1904)

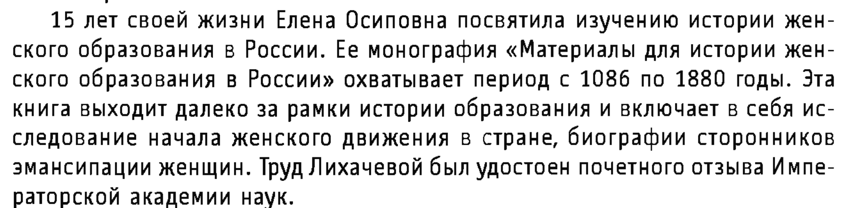
Неординарные способности и стремление к общественной деятельности проявились у Елены Осиповны очень рано. Она закончила с серебряной медалью Смольный институт. Будучи уже замужней дамой, выучила итальянский язык и стала работать в итальянском отделе «Санкт-Петербургских ведомостей» Корша.

Е. О. Лихачева

В течение долгих лет Е. О. Лихачева была постоянной сотрудницей «Отечественных записок» Н. А. Некрасова, где публиковала преимущественно статьи по женскому вопросу. С 1869 года она вела ежемесячную хронику женского дела.

Однако одной литературной деятельности ей было мало. Она работала сестрой милосердия и одновременно журналисткой на войне 1875–1877 годов.

Будучи типичной представительницей «новых женщин», она была крайне неравнодушна к «женскому вопросу» и предприняла значительные усилия для осмысления проб-лем женщин. Как и всех представительниц ее поколения ее занимали проблемы образования.



15 лет своей жизни Елена Осиповна посвятила изучению истории женского образования в России. Ее монография «Материалы для истории женского образования в России» охватывает период с 1086 по 1880 годы. Эта книга выходит далеко за рамки истории образования и включает в себя исследование начала женского движения в стране, биографии сторонников эмансипации женщин. Труд Лихачевой был удостоен почетного отзыва Императорской академии наук.

Как и многие «новые женщины», параллельно с литературной деятельностью она работала в женских организациях. В 1879 году она начала работать библиотекарем на Высших женских Бестужевских курсах, в 1887 году стала председательницей комитета Общества по доставлению средств при Высших женских курсах.

Мария Николаевна Анзимирова (Литке) (1831–1910)

Племянница президента Академии наук графа Ф. П. Литке, кузина А. П. Философовой. Окончила Институт благородных девиц (Смольный). Всю жизнь занималась самообразованием — научным и музыкальным. Вы-

ступала за женское освобождение и за «широкое» женское образование. В 1860-х годах уехала на Алтай вместе с мужем — полковником корпуса горных инженеров. В Сибири занималась культурной работой. В Барнауле создала художественно-музыкальный кружок, в Омске — Западно-Сибирское отделение Императорского музыкального общества. Не имея возможности участвовать в акциях женского движения, сосредоточенного в столицах, Анзимирова занималась «женским вопросом» теоретически. Ей принадлежит книга «Женщина и ее судьи»[397], которой она включилась в дискуссию о женском творчестве. Ее позиция — защита творчества женщин и рассмотрение «женского вопроса» как проблемы культуры.

М. Н. Анзимирова

В другой своей работе «Причины нравственной физиономии женщины. Исторический очерк»[398] Анзимирова писала «историю женской цивилизации». Обзор философских взглядов на женщину привел ее к выводу о ложном пути, по которому развивается «мужская цивилизация». Книга предназначалась для «русских женщин мало знакомых с прошлым своего пола». Высшим успехом своей работы она считала решение хотя бы «десятков молодых женщин променять погремушки модных магазинов на желание мыслить и выработать в себе человека». Книга была оценена ее соратницами по движению как вклад в развитие женского движения. Последняя ее книга — «Правда о мужчинах. По поводу брошюры графа Толстого «Правда о женщинах»[399] — дискуссия с Толстым по поводу его взглядов на женщину.

Варвара Павловна Тарновская (Зурова) (1844–1913)

Родилась в имении Зуровых в Тульской губернии. Окончила в 1861 году с шифром Екатерининский институт в Петербурге. Вышла замуж за профессора И. М. Тарновского. В бурные 1860-е годы В. П. Тарновская включилась в женское движение. Более 40 лет она отдала работе по созданию высшего женского образования. 25 лет Тарновская была бессменным казначеем Общества доставления средств ВЖК, а последние годы жизни его председательницей. Благодаря ее деятельности для ВЖК в Петербурге были построены собственные здания. В память ее деятельности правление курсов учредило стипендии и фонд ее имени.

В. П. Тарновская

2.2. Социальная база движения

Они <...> никогда не забывали, что сила движения в массе более молодых женщин.

П. А. Кропоткин

Социальную базу движения составляют те слои и группы населения, которые заинтересованы в его успехе и чья заинтересованность вызвана их объективным положением в структуре общества. Все эти люди — представители различных социальных групп были в разной степени вовлечены в движение, но все они представляли одну широкую группу его поддержки. Прежде всего, это были молодые женщины дворянского происхождения. Цебрикова писала о тяжелых психологических условиях жизни молодых девушек в патриархатных дворянских семьях[400]. Тотальный контроль, как над самыми бесправными членами семьи (дискриминация в семье шла по гендерному и возрастному признакам), полная экономическая зависимость, отсутствие возможностей для интеллектуального и духовного развития — обычные составляющие жизни молодой незамужней девушки. Как правило, они не знали своих прав. Нарастание внутреннего протеста в этой среде приводило к различным, подчас чудовищным формам протестного женского поведения. Одной из таких форм, по свидетельству Цебриковой, была довольно распространенная практика специфических женских самоубийств через преднамеренную простуду и доведения ее до стадии чахотки с неизбежной смертью в конце[401].

Протестное поведение в виде участия в различных общественных движениях в 1860-е годы было доступно только городскому населению. Первыми движениями, принявшими женщин в свои ряды, как уже говорилось, были радикальные: нигилистское и народническое.

Причинами участия в женском движении, поддержки его молодыми женщинами привилегированных сословий выступают личные причины — неудовлетворенность собственной жизнью. Это подтверждается историческими изысканиями той же Цебриковой, которая приводит ответ одной из своих респонденток на вопрос о причинах ее участия в «женском вопросе». «Вы воображаете, пожалуй, что все было одно геройство и жажда общего блага в этом движении. Было много эгоистичного: мы хотели счастья себе, мы сами хотели жить»[402].

Реформы 1860-х годов послужили катализатором вхождения женщин в женское движение, расширили круг его поддержки. Увеличилось число так называемых «сознательных» сторонников движения, то есть тех людей, которые не были прямо заинтересованы в успехах движения, но поддерживали его, исходя из своих убеждений. Реформы 1860-х годов «маргинализировали» женщин дворянского сословия. Такие лидеры второго призыва, как А. Н. Шабанова (г. рожд. 1848), О. А. Шапир (г. рожд. 1850), М. И. Пок-

ровская (г. рожд. 1852), М. А. Чехова (г. рожд. 1866) принадлежали к этой специфической группе «новых маргиналок». Они утратили свой социальный статус, свою прежнюю социальную идентичность и находились в поисках новой.

Таким образом, причины участия в движении можно определить как:

1. Обретение женщинами дворянского происхождения чувства незащищенности, «потерянности», вызванных разрушением привычных стереотипов сознания и поведения, целеполагания в обыденной деятельности[403] (в соответствии с теориями массового поведения).

2. Влияние факторов относительной депривации — разрушение ценностей, представлений, по которым жили предшествующие поколения женщин этой социальной группы; и информация об успехах другой (референтной) социальной группы. Влияние факторов абсолютной депривации — понижение или потеря своего социального статуса, потеря средств существования. Относительная депривация подразумевает наличие определенного эталона в ожиданиях личности и невозможности достичь его в действительности. В качестве точки отсчета может выступить референтная группа, образ жизни предшествующих поколений, идеалы личности и т. д. В данном случае в роли референтной социальной группы выступили представители мужской части дворянской молодежи, которым были открыты пути к экономически активному образу жизни. Пример общественной и экономической деятельности мужчин-сверстников своего сословия также способствовал выработке чувства неудовлетворенности и фрустрации. Другими словами, субъективная оценка своего положения как неудовлетворительного была весьма значима для вовлечения в движение.

Результатом реформ для женщин-дворянок стала проблема личной судьбы. Нужно было решать, как жить и что делать дальше, где искать понимания и поддержки.

3. Утрата прежней идентичности, что неизбежно вело к поиску и нахождению новой. Возможно, по образцу «патронесс» и при их организационной помощи.

Поиск идентичности как мотив участия в движении также разработан в теории коллективного поведения. Ситуация разрушения традиционных общностей и механизмов социализации по теории массового общества, приводит к социальной изоляции личности и поиску новых форм коллективности. Эта объяснительная модель участия, как и модель относительной депривации, объясняет широкое рекрутирование участниц и сторонников движения. Все эти женщины — пионерки, лидеры, активистки, участницы, сочувствующие — шли от констатации ситуации к ее осмыслению, затем, к реальной деятельности по поддержанию и развитию первых женских инициатив, которые предоставляли реальную возможность реализовать личностную стратегию на сохранение прежнего социального статуса, адаптироваться в пореформенное общество, обрести новую идентичность.

Таким образом, социальную базу движения составлял, по определению П. С. Стасовой, «умственный женский пролетариат», «деятельные работающие единицы», не имеющие институционального пути включения в жизнь общества и объединенные общими интересами в силу объективных причин — их социального статуса и субъективных — общей системы ценностей.

Социальной базой рабочего женского движения выступили, по утверждению А. М. Коллонтай, «безымянные женские массы».

Стратегия рекрутирования вырабатывалась лидерами движения. На начальном этапе она была индивидуальной, основанной на межличностных контактах. Возможностей для иной стратегии не было. Стимулами рекрутирования выступали доводы нравственного, идеологического характера. Пример такого вовлечения описывает О. К. Буланова-Трубникова[404]. Ее мать — М. В. Трубникова спросила однажды своего доктора, чем занимается его жена. «Выезжает, веселится», — ответил доктор Тарновский. «Пришлите ее ко мне», — попросила Трубникова. В результате встречи движение обрело одну из деятельных своих активисток Варвару Павловну Тарновскую.

Позднее, с появлением устойчивых женских сообществ — разного рода женских организаций, курсов, клубов стало возможным и групповое, блочное рекрутирование. Помимо нравственных и идеологических стимулов, в этой среде работали стимулы солидарности и стратегии экономического порядка.

Все участницы движения были по меркам XIX века женщинами не самыми молодыми. Шабанова писала о первых курсистах-медичках, которые в значительной степени составляли базу движения: «Контингентом первых слушательниц были большей частью не самой первой молодости женщины, много учившиеся»[405].

2.3. Организации движения

Событийная канва движения, то есть создание организаций, инициирование разного рода коллективных действий, происходили во взаимодействии и параллельно с крупномасштабными социальными изменениями в стране. В ситуации подготовки и проведения в стране реформ сформировались новые политические и организационные возможности, которые позволили появиться самодеятельным, легальным общественным организациям. Женские организации были в ряду первых.

Создание организаций — ключевой момент в становлении движений. Под организациями движения понимаются самодеятельные, самоорганизующиеся, формализованные структуры, ставящие перед собой определенные, соответствующие «своей» идеологии цели, и работающие по их достижению. В отличие от институциональных организаций, в этих организациях не было

стабильного членства, финансирования, постоянной поддержки. Цели организаций движения были двухуровневыми.

Во-первых, это артикуляция и защита интересов определенной социальной группы; во-вторых, достижение социальных изменений. Именно в этих анклавах гражданственности происходило рождение независимой автономной личности, то есть того, без чего в принципе невозможны социальные изменения. Достигая своих целей, организации оказывали давление на власть, но не стремились при этом стать властью.

Эти организации отличала демократическая система управления. Организационные структуры женских организаций составляли выборные правления и советы, разного рода комиссии и т. д., которые охватывали значительную часть членов организации. Общества регулярно публиковали отчеты о своей деятельности. Заседания советов и правлений, как правило, были открытыми. Это, впрочем, не уберегло лидеров организаций от обвинений в авторитаризме[406], но совершенно очевидно, что работа по развитию демократии и гласности в управлении, прозрачности бюджета, организациями движения велась. Организационные структуры формировались под влиянием целей движения. Женское движение, ориентированное на изменение личности, на формирование новых ценностей были преимущественно представлены децентрализованными организационными структурами. Именно демократические принципы внутренней организации, децентрализованная структура организаций наряду с добровольностью членства, определяли специфику внутреннего развития организаций — они легко «разваливались» и «раскалывались».

Только самые первые женские организации: «Общество дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям СПб», «Общество распространения полезных книг Московского дамского общества» (1861, пред. А. Н. Стрекалова) строились по принципу, принятому в обществе с сильными феодальными традициями — принципу вертикально организованных уз патронажа. В значительной степени это еще объясняется тем, что деятельность Обществ была направлена не на представителей собственной социальной группы, а на выходцев из низших социальных слоев.

Тем не менее стремление к установлению новых демократических отношений с подопечными, в отличие от обычной практики дворянской благотворительности, проявилось сразу. «Общество дешевых квартир» по этой причине раскололось на две организации. Часть членов организации придерживалась патерналистской позиции, т. е. полного контроля над «клиентами», другая — ограничивала свою деятельность только организацией помощи. Драматичным представляется тот факт, что идея деятельной ответственности за свою судьбу, то, за что ратовала более демократичная часть общества, не встретила поддержки у самих подопечных.

В соответствии с политическими возможностями, политическим контекстом того времени и с идеологическими воззрениями самих инициаторш, первые женские организации сформировались и оформились как благо-

творительные. В соответствии с представлениями времени был выбран и объект благотворения — обездоленные слои населения. Цели были сформулированы также в русле существующих генерализированных верований интеллигенции: «Помогать встать на ноги, а не делать из бедных паразитов общества <...> и помогать, не оскорбляя в них чувство собственного достоинства»[407].

Общество дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга

Это Общество — первая организация «триумвирата». В мае 1859 года М. В. Трубникова пригласила к себе в дом Н. В. Стасову, А. П. Философову, В. В. Ивашеву (сестра М. В. Трубниковой), Н. А. Белозерскую, баронессу Корф, баронессу Штакельберг и других. Основная идея собравшихся заключалась в оказании помощи бедным в виде предоставления им возможности вести достойный образ жизни — проживание в хорошей квартире на кооперативных началах. Предполагалось, что Общество будет помогать ее содержать. Психологическая готовность к деятельности была высокой — в тот же вечер группа написала устав и наметила план действий.

Председательницей была избрана М. В. Трубникова, казначеем ее сестра — В. В. Ивашева. Затем председательницами Общества были А. П. Философова (1861–1863 гг.), графиня В. Н. Ростовцева (1863–1867 гг.) и опять Философова (1867–1879 гг.).

Практически сразу же в среде благотворительниц произошел раскол. Часть участниц настаивала на полном контроле и «надзирании» за опекаемыми. Группа Трубниковой придерживалась более демократических воззрений и делала акцент на уважении чувства личного достоинства опекаемых. Цель организации трансформировалась в поддержание свободной личности, достойно существующей своим трудом. Члены организации стремились на практике реализовать либеральные идеи равенства, перенести их на низшие социальные слои населения.

Те кружковцы, которые придерживались традиционных воззрений на благотворительность, были преимущественно аристократического происхождения. Они открыли «свою» квартиру для «своих» бедных в доме барона Фридерикса, а кружок Трубниковой стал более однородным по своему социальному составу и по взглядам.

Общество было поставлено быстро и энергично. Оно начало действовать сразу, как только было получено разрешение. Устав его был утвержден только 3 февраля 1861 года. Путем самообложения дамы собрали сумму в 500 руб. и арендовали квартиру на Песках, затем еще одну на Васильевском острове и, наконец, собрали всех своих подопечных в одном месте — в доме Реймерса в Измайловском полку. Через три года дом Реймерса был выкуплен Обществом за 90 тыс. руб., а в 1867 году было получено разрешение на про-

ведение лотереи на 50 000 руб. На эти деньги архитектор Мижуев построил для Общества 4-этажный «образцовый дом». Так начал создаваться ресурс женского движения.

Лидеры и их группа поддержки — «руководящая группа» вырабатывали тактику организации, делали всю административную и организационную работу. В первую очередь помощь Общества была адресована женщинам и женщинам с детьми социальных низов — работницам, ремесленницам, мелким чиновницам. Поэтому помимо собственно общежития были созданы вспомогательные структуры по организации занятости женщин: швейная мастерская, магазин для продажи готовых вещей, общественная кухня, детский сад, школа для взрослых женщин. Три этажа занимали, собственно, дешевые квартиры.

Устроительниц беспокоила инертность, безучастность и иждивенческие настроения их подопечных. Н. В. Стасова настаивала на том, чтобы жительницы Дешевых квартир посещали воскресные школы, в которых она сама активно работала. Это требование не вызывало энтузиазма. Солидарного сотрудничества, описанного Чернышевским в 1863 году на примере мастерской Веры Павловны, не получалось. Участницы кружка Трубниковой не находили понимания, единения и солидаризации со своими подопечными в вопросе ответственности за свою судьбу, личной активности в устройстве собственной жизни. Работницы, мелкие чиновницы, ремесленницы почему-то считали вполне естественным постоянную заботу о себе дам-благотворительниц.

Производственная жизнь Общества тоже развивалась не просто. Отсутствие у работниц профессиональной подготовки и отсутствие по этой причине заказов казалось непреодолимым барьером. Члены Общества сами отдавали заказы в мастерскую и были вынуждены довольствоваться плохим исполнением. Дело грозило развалом. Но помощь сочувствующего окружения спасла положение: через отца М. А. Менжинской (Шакеевой) (участницы кружка Трубниковой), занимавшего должность инспектора в школе подпрапорщиков и юнкеров, удалось получить большой заказ военного ведомства на пошив обмундирования. Работа оказалась по силам. Мастерская начала обеспечивать работниц прочным заработком. На время это спасло положение. Но члены кружка не были удовлетворены. Задолженности по квартплате росли, в комнатах было грязно, дети были не ухожены[408].

К началу 1862 года у членов Общества сложилось мнение, что им не удалось достичь своей цели, то есть «создать такое общество, которое, давая заработок, делало всех участвующих равноправными»[409]. Сам принцип ассоциации не был подвергнут ревизии.

Это было время «артельной эйфории» (1860–1870-е гг.), когда идея производственной ассоциации была одним из верований русской интеллигенции, а «разумная» организация коллективного труда на основе ассоциаций рассматривалась как форма безэксплуатационного труда. Члены Общества

пришли к выводу, что неудача кроется в том, что они неверно выбрали для благотворения социальную группу, что причина кроется «в среде, не способной изменить свои взгляды»[410]. Женщины городских низов слишком задавлены обстоятельствами и не в состоянии действовать самостоятельно. Было решено сменить объект благотворения и помочь тем, для кого деятельность Общества служила бы поддержкой их собственных устремлений.

Проблем с определением такой группы не было. Последовавшие за реформами процессы социальной мобильности привели к наплыву в столицу провинциальной разночинной молодежи. Особенно тяжело приходилось молодым женщинам и девушкам. Часть из них порвала с семьей, общественное мнение было не на их стороне. Остро стояла проблема заработка, нахождения «интеллигентного» труда, которого вообще в России той поры было мало. Женской молодежи найти работу было не в пример труднее, чем мужской. Поэтому «руководящая группа» Общества приняла решение работать со «своей» средой и организовать рабочие места для образованных женщин, но не оставляя при этом и своих прежних клиентов.

Общество дешевых квартир продолжало существовать, развиваясь и модернизируясь усилиями «триумвирата» и группы поддержки. Их усилиями постоянно изыскивались и осваивались новые ресурсы для развития Общества. В 1871 году Н. В. Стасова, А. П. Философова и Ю. Ф. Гамбургер «взяли с бою» в военном министерстве огромный подряд на пошив обмундирования, что обеспечило работниц Общества работой до 1892 года. В 1870-х годах отдельно снимались комнаты на Выборгской стороне для медичек, так называемые комнаты А. П. Философовой. В 1878 году барон Г. Гинцбург пожертвовал крупную сумму на открытие бесплатных комнат в Дешевых квартирах для студенток-медичек в память своей покойной жены. В 1909 году Общество отметило свое пятидесятилетие. Социальный состав клиентов Общества менялся, но название организации, место нахождения оставались прежними. Многие, из проживающих в Дешевых квартирах, стали участницами женского движения, и все они без исключения составляли группу поддержки движения. Просуществовало Общество до 1917 года.

Таким образом, организации стали средством вовлечение женщин в движение. Организации создавали ресурс движения, инициировали мобилизационные процессы движения (людей, идей, ресурсов) в период политического подъема и, соответственно, подъема движения и институализировались при спаде протеста. Так, общежитие в Измайловском полку стало привычным атрибутом петербургской жизни, несмотря на то что в начале 1860-х годах общественное мнение неоднозначно восприняло факт его появления, а в отношении его учредительниц по Петербургу гуляло мнение, что «Трубникова и Стасова принесли много вреда России»[411].

Общество женского труда

В 1861 году «триумвират» предпринял попытку вместе с деятелями радикального направления создать «Общества женского труда». Устав общества[412], по воспоминаниям летописца шестидесятничества Е. А. Штакеншнейдер, написали мужчины — А. Н. Энгельгардт (супруг Анны Энгельгардт) и П. Л. Лавров. По другим сведениям, в подготовке устава принимал участие поручик в отставке А. К. Кривошеин. Также идею разрабатывали Г. В. Елисеев и М. А. Антонович. Цель организации — «улучшить социальное положение и устроить на более прочных основаниях экономический быт женщин в России»[413]. Предполагаемое общество должно было не только служить посредником между спросом и предложением в сфере труда, но и изыскивать новые отрасли приложения сил женщин в «интеллигентном» труде, ремеслах, службы, ходатайствовать перед властями о разрешении женского труда, организовывать соответствующее обучение[414]. «Планы были очень широкие, хотели устроить такое общество, которое имело бы право заводить различные мастерские: швейные, переплетные, конторы для переводов и изданий детских и научных книг»[415].

Проблема женской занятости как социально значимая проблема в условиях пореформенного времени в проекте устава аргументировалась следующим образом: «1. Одно из самых трудных положений в нашем обществе — положение женщины. 2. Большая часть занятий для нее закрыта, не по неспособности к ним, а по непривычке видеть женщину на месте мужчины. 3. Отсюда вытекают последствия, весьма вредно отзывающиеся на общественном благоустройстве. 4. Трудность женщин обеспечить себя собственными силам унижает ее в глазах мужчины при недостаточной образованности последнего. Он смотрит на женщину в семье как на существо вполне зависимое от него, существо низшее и т. д. Все эти неудобства — нравственные и экономические — побуждают учредить общество, которое имело бы в виду устроить женский труд на более прочных основаниях»[416].

Расчеты на «блестящую деятельность общества» не оправдались из-за конфликта между деятельницами умеренного направления и радикального, близких к «Современнику» и «Русскому слову»[417]. По описанию Е. А. Штакеншнейдер, ситуация противостояния двух групп женщин в момент конфликта выглядела так: с одной стороны «дамы в модных шелковых платьях и модных шляпах» во главе с аристократкой Ростовцевой, с другой — женщины «в черных шерстяных <платьях>, и совсем без шляп на стриженных головах»[418] вокруг Цениной.

Из всего проекта, была реализована лишь одна идея — издание детских и научных книг силами женщин. Современники расходились во мнении, кому принадлежит идея женской переводческо-издательской артели. Назывались имена Н. А. Белозерский, Анны Н. Энгельгардт, М. В. Трубниковой. На самом деле это не так уж важно. Идея носилась в воздухе, и в реализации ее участвовали все вышеназванные женщины.

Женская издательская артель

После неудачи с совместным проектом члены кружка Трубниковой уже ни с кем не объединялись и приступили к созданию нового Общества. Идея Трубниковой была проста и конкретна, — организовать собственное женское предприятие на принципах ассоциации, используя интеллектуальные и материальные возможности участниц. Так появилась Женская издательская артель (известная также как Артель переводчиц).

Юридическое оформление артели проходило с трудом. Устав «Женского общества издательниц» как товарищества на паях «с целью составления капитала»[419], подготовленного Трубниковой и Стасовой, не утвердили. Процедура утверждения устава, хотя и упрощенная в 1862 году, все же оставалась запутанной и носила разрешительный характер.

Изменившиеся в конце 1862 года политические условия — выход правительства из кризиса, ужесточение режима, волна арестов, повысили цену протеста. Круг поддержки сузился. За дело взялась А. П. Философова. Но даже ее высокие связи не помогли зарегистрировать артель. Конец многолетним хождениям положил отказ министра внутренних дел А. Е. Тимашева из-за того, что общество состояло из одних женщин и его деятельность предполагалась на очень широких основаниях.

Группа активисток начала действовать с 1863 года без утверждения устава, «чтобы не тратить времени на выжидание». В конце концов артель была зарегистрирована как частное предприятие Стасовой и Трубниковой, что по Российскому законодательству было возможно. Цель артели была двойной: улучшение положения женщин через предоставление им интеллектуального, престижного труда и заработка, и влияние на общество, его ценности через предоставление ему «здорового чтения». Последняя цель, естественно, в документах не декларировалась.

§ 1 Устава гласил: Женское издательское общество имеет целью улучшить и обеспечить материальное положение женщин, существующих литературным трудом, переводами, корректурой и пр. § 4 — В члены общества принимаются женщины всех сословий.

Распорядительницами артели были избраны Н. В. Стасова и М. В. Трубникова, секретарем — В. В. Черкесова.

Для образования артельного капитала каждая из участниц должна была внести вступительный взнос в 15 руб., также он мог быть внесен переводами или оригинальными статьями. «В Артель вносили по 15 руб. в год. Кроме того, составился фонд до 3000 руб. Из него уплачивались некоторые расходы неотложные — на бумагу и типографию. После продажи книг производилась расплата с переводчицами»[420]. Позднее членский взнос для неимущих был понижен до 5 руб. и взимался в рассрочку. Были и бесплатные члены. Из каких денег образовался капитал в 3000 руб. из текста В. В. Стасова не ясно.

Артельщицы издавали детские книжки (в которых ощущался недостаток)[421], популярную тогда естественно-научную литературу, беллетристику, а также книги, освещающие специфические проблемы женщин. Как, например, книга А. Дауля «Женский труд в применении к различным отраслям промышленной деятельности» с вступительной статьей П. Ткачева. Это явилось первым опытом влияния на читающую публику через доступные участницам движения каналы воздействия, организованные ими самими.

На идею женской издательской артели в 1863 году откликнулось 36 женщин, которые стали ее учредительницами. Среди них были и аристократки — М. Г. Ермолова, В. Н. Ростовцева, А. П. Философова и дворянки с более низким социальным статусом: Е. Г. Бекетова, О. Н. Бутакова, В. В. Ивашева, А. Г. Маркелова (Каррик), М. А. Менжинская (Шакеева), М. С. Ольхина, В. И. Печаткина (Глушановская), П. С. Стасова, В. П. Тарновская, А. Н. Энгельгардт, Н. А. Белозерская, Е. А. Штакеншнейдер. А. Н. Шульговская и др.

К 1865 году число членов артели увеличилось до 63 человек. Состав организации был социально однородным — образованные женщины, имеющие одинаковые интересы и разделяющие одни ценности.

Структура организации была демократичной и отличалась широким вовлечением участниц в органы принятия решений. Были созданы такие коллективные органы, как Совет выбора книги, Комитет ценителей, который оценивал качество перевода. Комитет действовал по принципу: преимущество отдавать лучшей работе, из двух равных предпочесть работу беднейшей[422]. Объективно структура организации способствовала развитию единения, солидарности, взаимопомощи среди ее участниц. Можно сказать, что этим жен-

Женщины-наборщицы женской типографии

щинам удалось воплотить в жизнь коллективную мечту российской интеллигенции об ассоциации свободного труда.

Коммерческая деятельность организации (а артель была рентабельным предприятием) сочеталась с деятельностью «идейной» — разработкой представлений, мнений, интерпретаций в отношении роли женщины, женского труда и т. д. То есть шло создание системы ценностей «новых женщин». Так, например, этим женщинам уже было очевидно, что «естественно» влиться в ряды интеллигенции женщинам не удастся. Прохождению в интеллигентские круги мешали патриархатные стереотипы самих русских интеллигентов, а также отсутствие систематических знаний и высшего образования. В этой среде начала формировалась идеология движения и новой тип солидарности, определенной гендерной принадлежностью.

Участницы кружка Трубниковой, издательской артели[423], стали «рабочей группой» (она же «руководящая группа») по развитию сети женских организаций. Здесь же зародилась идея самостоятельной организации высшего женского образования. Артель в своем производственном цикле была связана с другими женскими организациями: с женской переплетной артелью В. А. Иностранцевой[424] и с женской переплетной артелью на углу Торговой и Большой Мастерской улиц. Это была осознанная тактика. Добавим, что книжные иллюстрации заказывались «иллюстраторшам», а в типографиях нанимались женщины-наборщицы.

К осени 1863 года артель получила первую готовую продукцию. С 1864 года артельщицы начали продажу книг через книжную торговлю Н. А. Серно-Соловьевича, которая в это время находилась в руках его брата Владимира. Когда в 1867 году А. А. Черкесов открыл принадлежавший ранее Н. А. Серно-Соловьевичу книжный магазин на Невском проспекте, то вся продажа книг артели перешла к нему.

М. В. Трубникова вынашивала идею создания собственной женской типографии (идея, которая реализовалась в начале XX века), женской книжной лавки, где все делалось бы руками женщин. Другими словами, она хотела расширить сферу приложения женского труда в издательском и книгопечатном деле, определяя его как наиболее доступный и возможный труд для женщин.

В 1863–1864 годы, после выхода в свет книги Н. Г. Чернышевского «Что делать?», попыток создания женских производственных артелей по образцу и подобию мастерской Веры Павловны было продемонстрировано по стране великое множество. Выжили только коммерческие предприятия, «идейные» артели развалились из-за идеализированных представлений их устроительниц, а также из-за отсутствия организационного опыта, профессиональных навыков и средств, т. е. всего того, чем обладали и что сумели освоить участницы группы Трубниковой. Так, Е. Н. Водовозова описала случай провала швейной мастерской из-за выкупленных трех проституток, которые подлежали перевоспитанию в артели и которые успешно ее развалили. В другом

случае организаторы мастерской оказались экономически и юридически несостоятельными. Заметим, что успешности и рентабельности Женской издательской артели способствовала ее принадлежность «патронессам» А. П. Философовой и Н. В. Стасовой, не ставивших перед собой цель получения личной прибыли и безвозмездно работавших в организации.

В 1862 году обстановка в стране изменилась. Правительство вышло из кризиса и отказалось от практики контактов с общественностью. Выстрел Д. Каракозова 4 апреля 1866 года оборвал последние сомнения — правительство вступило на путь охранительной политики. Было признано необходимым усиление власти и контроля за умами, что на деле вылилось в аресты, действия против артелей, библиотек-читален, учебников для народа, переводной литературы, как проводящей социалистическое учение. Теперь уже навсегда были закрыты «Современник» и «Русское слово». По мнению многих современников, анализировавших ситуацию, русское общество слишком порывисто реагировало на любое движение в сторону реформ и тем пугало правительство.

Ответом 1870-х годов было усиление революционных настроений. Деятели радикального направления пришли к мнению, что либеральные реформы ни к чему не привели и что Россия осталась в том же безвыходном положении (Е. К. Брешко-Брешковская), другие увидели в этой ситуации возможности к дальнейшей радикализации общества (В. И. Ульянов-Ленин). Последний писал: «Эта реформа осталась реформой в силу слабости известных общественных элементов, создала, несмотря на все препятствия и препоны, условия для дальнейшего развития этих (радикальных) элементов»[425].

Закрытие «идейных» артелей не коснулось Женской издательской артели, так как по своему юридическому статусу она была частным предприятием. Артель просуществовала до 1879 года, обеспечивая группу образованных женщин постоянным заработком, служа «порождающей средой» женской активности. Определение «порождающей среды» как «устойчивой формы коллективных действий, способствующих формированию новых инициатив и организационных структур»[426], предложенное петербургскими социологами, хорошо определяет суть деятельности этой женской группы. В этом смысле организация представляет одну из устойчивых форм коллективных действий. Коллективные действия в свою очередь рассматриваются как действия, формирующие группы людей, объединенных общими принципами и целями, разрабатывающих стратегию и закладывающих основы будущих организаций, как формирующих навыки политического участия.

В результате деятельности «триумвирата» (патронесс, дам-распорядительниц) в 1859–1862 годах сложилась общность женщин, которая в терминологии социологии общественных движений являлась «рабочей» или «руководящей группой». С появления таких групп в принципе начинается любое общественное движение.

Эта группа вычленила проблемы женщин в общем контексте российских проблем, создала самодеятельные добровольные организации женщин, заложила начало нового вида женской общественной деятельности: деятельность женщин в интересах женщин.

Первые женские организации выполнили функцию мобилизации ресурсов в женские организации и в движение. Внутренние ресурсы составляли: время, усилия, денежные средства, сословные связи самой «рабочей группы» и сочувствующих им лиц. Использование личных связей, сословных каналов для поддержки движения стало испытанным тактическим приемом. Примеров масса: от заказа военного ведомства, обеспечившего финансовую стабильность женской организации, до получения разрешений на такие крупномасштабные акции, как женские съезды.

Внешние ресурсы движения (макроусловия) также использовались максимально. Прежде всего это было Российское законодательство, по которому женщины имели значительные гражданские и экономические права, достаточные для создания организаций и учреждения собственных предприятий. Успешная деятельность организаций помогала, в свою очередь, выполнить функцию рекрутирования, что расширяло возможности и стабильность движения.

Участницы движения определили проблемы своей социальной группы — образованных женщин, утративших свой социальный статус в результате проведения реформ и оценивающих свое социальное положение как неудовлетворительное. Они наметили пути решения проблем своей группы. Это были проекты по оказанию помощи женщинам в достижении высшего образования, которое рассматривалось как способ интеграции женщины в пореформенное общество и в частности на рынок высокооплачиваемого интеллектуального труда.

Женские организационные структуры появились на волне общедемократической мобилизации. То был шаг самоидентификации женской общественности. Но затем лидеры организаций определили для себя ту социальную группу, с которой они солидаризировались, которой были поддержаны и к которой они, собственно, принадлежали. Схема успешных коллективных действий, описанная Ч. Тилли (Ch. Tilly)[427] как развивающаяся от организации — к мобилизации, а затем к осознанию общих интересов и к конкретным коллективным действиям, хорошо воспроизводится российским историческим материалом. Стоит только добавить, что в российской практике женского движения вслед за коллективными действиями следовала новая волна создания организаций. Таким образом, создание организаций предшествовало коллективным действиям и одновременно следовало за ними.

Женские организации были широко распространены и охватывали различные сферы жизнедеятельности женщин. Сами участницы считали, что главная и «капитальная заслуга этих союзов в том, что они объединяют женщин и приучают их к совместной деятельности для достижения своих целей»[428], то есть способствуют выработке духа корпоративности, формируют солидарность.

Очевидным результатом деятельности женских организаций всех типов явилось раскрытие потенциала личности, формирование представлений и ценностей «новых женщин». Усвоение таких «неженских» ценностей и качеств, как прагматизм, частная инициатива, предприимчивость, целеустремленность, трудолюбие. Деятельность этих организаций формировала новую социальную реальность.

Таким образом, к концу 1870-х годов в крупных городах империи, преимущественно в столицах, сложилась сеть женских организаций, то есть организационная инфраструктура женского движения. Преимущественно это были организации благотворительного характера, как, например, Дамский тюремный комитет (основан в 1869 г.) или Общество для пособия бедным женщинам в Петербурге (1865 г.), или Московское общество для пособия нуждающимся женщинам. В провинции больше всего были распространены Дамские комитеты. Но в их ряду стояли и образовательные структуры для женщин — видимый результат коллективных действий женской общественности при солидарной поддержке мужской интеллигенции. Так, в 1869 году были открыты Аларчинские курсы (Петербург) и Лубянские в (Москва); в 1870 году Владимирские курсы (Петербург) и бесплатные курсы для женщин в Киеве; в 1872 г. Курсы ученых акушерок при Медико-хирургической академии (Женские врачебные курсы) (Петербург) и женские курсы Герье (Москва); в 1878 г. Высшие женские курсы открылись в Петербурге, Киеве, Казани. Вслед за этим появились организации в поддержку этих новых структур. Это: Общество вспомоществования слушательницам врачебных курсов (1873 г.), Общество для пособия слушательницам медицинских и педагогических курсов (1874 г.), Общество доставления средств ВЖК (1878 г.). Подобные процессы происходили и в других городах России.

Социальная инициатива в России всегда находилась в руках бюрократического аппарата, и традиции частной инициативы в решении социальных вопросов не было. Правительство с подозрением относилось к любой инновации в общественной жизни. Несмотря на это, деятельность женских организаций в крупных городах империи — постоянный фактор российской общественной жизни второй половины XIX века. Цели женских организаций позволяют выделить два типа организаций. Это благотворительные организации женщин по поддержанию женщин «недостаточных» групп по возрастному, профессиональному и др. позициям и солидарные образования женщин по поддержанию и развитию собственной социальной группы.

Стоит несколько подробнее остановиться на благотворительных организациях по той причине, что в России женское движение началось с создания женских благотворительных организаций, объектом благотворения которых были женщины. Тесная связь благотворительных организаций и женского движения, рассмотрение благотворительности как опыта женского лидерства и социальной ответственности — российская особенность, отмеченная исследователями[429].

М. И. Либоракина пишет о формировании нового типа женской благотворительности в России, обращает внимание на то, что по сравнению с западной женской благотворительностью, российская имела другие цели, источники, способы финансирования и, добавим, принципы. В основе «феминистской благотворительности» лежал принцип личной самостоятельности женщин и их ответственности за свою судьбу. Отсюда деятельность активисток движения по созданию структур высшего образования, профессионального обучения, оказанию помощи в поиске мест работы, созданию новых рабочих мест, поддержки женщин низших социальных слоев на их пути самоопределения своей судьбы (работа с проститутками, распространение идей взаимной поддержки). Источники — не только традиционные пожертвования, членские взносы участников организаций, проведение лотерей, но «феминистское предпринимательство», т. е. плата за предоставление услуг (например, образовательных, доходы от артелей, магазинов, мастерских). С позиций социологии общественных движений важно, что женская благотворительность явилась стратегией социальных изменений и то, что женские организации институализировались как благотворительные.

Отношение к благотворительности в рядах участниц движения было сложным. Она подвергалась осмеянию, критике и переосмыслению. В сторону традиционной благотворительности как «комильфотного» дамского поведения[430] с ее иерархичными отношениями и зависимостью получателей благ, участницы движения выпустили немало стрел. Движение шло по пути переосмысления благотворительных форм работы, отказа от традиционной филантропии в сторону создания женских солидарных объединений и новых форм деятельности. Это была осознанная политика участниц движения. Замечали это и сторонние наблюдатели. В. В. Стасов писал: «Филантропия являлась первым шагом и опытом к тому, что было и выше, и глубже, и важнее. Вторые и третьи шаги не замедлили вскоре состояться»[431]. Р. Стайтс считает[432], что благотворительность россиянок легко трансформировалась в феминизм.

Многие женские организации выступали как зонтичные, то есть имели подразделения и филиалы, вокруг которых, в свою очередь, формировались группы поддержки и которые функционировали зачастую как автономные организации. Например, Русское женское взаимно-благотворительное общество имело такие подразделения, как «детский очаг» и несколько общежитий для «интеллигентных женщин». Общежитие для одиноких женщин — идея «княжны-нигилистки» Макуловой, чья нищенская и бездомная смерть в 1895 году подвинула активисток движения к организации мест совместного проживания одиноких женщин.

Общество попечения о молодых девицах в Санкт-Петербурге (председательница — А. М. Арцимова) имело пять отделений, работавших практически самостоятельно: Василеостровское, Воскресенское, Выборгское, Литейно-Рож-

дественское и Обводное. Организаторы — исключительно женщины среднего класса работали с девушками и девочками-подростками из рабочего класса.

Все эти организации создавали инфраструктуру движения — сеть женских организаций, которые, реализуя свои инициативы, наращивали ресурсы движения. Появление на карте столицы значительного количества «женских анклавов», будь то помещения женских организаций или женских образовательных структур, которые в большинстве своем арендовали хорошие помещения в престижных районах, а частично были собственностью организаций[433], придавало движению стабильность.

Движение испытало проверку на прочность и выживаемость уже в следующее десятилетие. В конце 1870-х годах наступил очередной кризис власти. Политика выхода из кризиса министра внутренних дел и главы правительства М. Т. Лорис-Меликова строилась на послаблении режима в отношении либеральных инициатив и через них консолидацию населения. М. Т. Лорис-Меликов пытался вывести страну из кризиса путем проведения либеральных реформ, о чем свидетельствует предложенный им проект конституции, и в то же время жесткими мерами против террористов. Но убийство 1 марта 1881 года Александра II не позволило стране продвигаться по этому пути.

С воцарением Александра III деятели либерального направления — М. Т. Лорис-Меликов, военный министр Д. А. Милютин — сторонник высшего женского образования и покровитель женских медицинских курсов были отправлены в отставку. Выход на политическую арену обер-прокурора Священного Синода К. П. Победоносцева и его лозунг «Осади назад!» определили политику репрессий и разгула мракобесия на последующие десять-пятнадцать лет.

Между тем, по мысли такого тонкого наблюдателя, как А. В. Тыркова, реформы Александра II выдвинули новые потребности, воспитали новые характеры, которые требовали простора и личного почина. В обществе накопилась политическая энергия, социальная отзывчивость, потребность высказаться, проводить свои мысли в жизнь, приносить пользу, жить общими, а не только личными интересами. Правительство ставило препоны на пути любой инициативы, самой невинной и нужной, рассматривало как неблагонадежных всех, кто позволял себе откровенно думать и говорить. Правительство боялось людей с инициативой, не доверяло им, а они, в свою очередь, не доверяли правительству. Власть строила свой расчет на чиновниках. Но и здесь, в этой среде появился новый тип чиновника — чиновника, преданного делу.

В 1880-х годах в стране была предпринята попытка восстановить прежнюю сословность. В 1882 году пост министра внутренних дел и главы правительства занял всероссийски нелюбимый бывший министр народного просвещения граф Д. А. Толстой. В противовес реформам 1860-х годов правительство провело ряд соответствующих контрреформ. В 1882–1892 годах были проведены городская и земская контрреформы. Либеральный университетский

устав 1863 года был заменен новым в 1884 году, который сильно ограничивал автономию университетов. С этого же года правительство стало практиковать отдачу неблагонадежных студентов в солдаты. Благодаря изменению административного устройства крестьян (1886 г.), изменению положения о земских начальниках (1889 г.), власть сосредотачивалась в руках поместного дворянства, всесословность, самостоятельность земских учреждений снижалась. Сократилось применение суда присяжных, были изменены судебные уставы.

Но дворянство не отличалось единомыслием. Среди дворян не было единого сословного сознания. Именно в этой среде шло рекрутирование деятелей либерального и радикального движений. Сила оппозиции, по мнению А. В. Тырковой, заключалась в ее идейной пылкости, активности и запретности. Оппозиция сулила сделать народ счастливее и притягивала к себе все новые круги: земцев, помещиков, интеллигенцию.

2.4. Кризис движения

Общественный прогресс никогда не выходил, да и не может выйти ни из госпиталя, ни из богадельни.

А. Амфитеатров

Все эти политические изменения самым непосредственным образом сказались на движении. В первую очередь новые веяния коснулись женского образования. Известная фраза Александра III «Прекращай образование!» определила направление деятельности Министерства народного просвещения. Женское образование стало объектом рассмотрения особой Комиссии об изыскании главнейших оснований для лучшей постановки женского образования под председательством товарища министра народного просвещения князя М. С. Волконского, учрежденной в декабре 1884 года. Поводом создания комиссии послужила записка частного лица, поступившая на имя министра. Автор записки обращал внимание на пагубное влияние «на государство и семейство того полуобразования, которое из поколения в поколение передает фальшивые чувства и растлевающие принципы и порождает болезненные явления, как, например, тип нашего времени — «студентку»[434]. Значительное число студенток в Петербурге и Москве в этой записке рассматривалось как нравственное зло и политическая опасность. Опасность «семейству» несла практика оставления курсистками своих семейств (около 70% курсисток были иногородними), потери ими «всех оград своего пола» и практикующийся ими «мужской образ жизни» в меблированных комнатах в «крайней распущенности».

Принадлежала ли эта записка реальному лицу или это была провокация правительства, но под ее предлогом и в полном соответствии с новыми веяниями прием на ВЖК в 1886 году был прекращен. Только те курсистки, которые уже учились, получили разрешение закончить курсы. Через 4 года, то

есть после выпуска последнего курса, Высшие женские курсы в Москве, Киеве, Казани были закрыты. Осенью 1889 года открылись только Петербургские курсы благодаря высоким личным связям учредительниц (А. П. Философовой, баронессы В. И. Икскуль). На протяжении пятнадцати лет они были единственными в стране. Но разрешение на их открытие было получено только тогда, когда последняя курсистка покинула здание на Васильевском острове. Тем самым преемственность между курсистками была прервана. С прежней автономией было покончено. Вместо директора курсов, избираемого Советом профессоров, министерство назначало своего ставленника. Набор был сокращен, что привело к очень жесткому конкурсу при поступлении. Из программы был исключен весь естественно-научный цикл (как несоответствующих требованиям женственности). Для иногородних слушательниц был учрежден интернат, проживание на частных квартирах было категорически запрещено. Учредительницам ВЖК не просто далось решение продолжить работу в таких условиях. После длительных дебатов большинством голосов они все-таки решили сохранить свое детище.

Одновременно с тем комиссия М. С. Волконского рекомендовала изыскать возможности для создания женских училищ для представительниц низших слоев с одновременным сокращением числа женских гимназий и «очищением» гимназий от «нежелательных элементов». В отношении высшего образования женщин Комиссия рекомендовала затруднять «сколь возможно» доступ женщин к высшему образованию[435]. Правительство напрямую связывало общественную и политическую активность женщин с их образовательным цензом, в чем, безусловно, было право. Опросы курсисток показали, что их упорное стремление к высшему образованию имело своей целью обретение легитимной гражданской полноценности[436].

Новый военный министр П. С. Ванновский оценил Женские медицинские курсы, находившиеся в ведении его министерства, как нелепость и закрыл их. В 1882 году прием на курсы был прекращен, в 1886 году состоялся последний выпуск женщин-врачей. Группа активисток, инициировавших высшее женское медицинское образование, как и все участницы женского движения, вновь встали перед проблемой, которую, как казалось, они уже решили. Стало очевидно, что все успехи были временными. Поставленные цели — право на образование и труд, не были законодательно оформлены и потому, по сути дела, не достигнуты. Методы их достижения, такие как давление по сословным каналам, патронаж высокопоставленных дам, представлялись безнадежно устаревшими.

Но репрессивная тактика властей, направленная на ослабление женской общественной активности, на снижение образовательного уровня женской молодежи, напротив, радикализировала ее, укрепляла солидарность ее рядов. Молодые россиянки опять вернулись к практике получения образования за границей. По данным известного земского деятеля и организатора образования в России Н. В. Чехова, в 1889/1890 учебном году в Парижском университете из 123 студенток медицинского факультета 92 были русскими[437].

Наступление на женские права шло также и по другим направлениям.

В рамках земской контрреформы были урезаны и без того минимальные политические права женщин. Если до принятия 12 июня 1890 года Положения о губернских и уездных земских выборах женщины, обладающие достаточным имущественным цензом, могли передать свой голос на выборах любому мужчине, то теперь круг мужчин сужался до круга ближайших родственников — мужа, сына, отца, брата. То есть женщину принуждали вернуться к семейной солидарности, характерной для традиционного общества. Заметим, что, по сути дела, это было не женским политическим правом, а правом крупной собственности, т. к. было порождено желанием власти усилить крупных собственников в местных представительских органах. Женщины не имели прав в земских и городских самоуправлениях с момента их возникновения.

Как уже говорилось, все женские организации институциализировались как благотворительные. Часть из них благотворила в пользу женщин низших слоев населения, и это рассматривалось как дело общественной филантропии. Их «организаторшами», «доброволками» были женщины среднего класса, иногда представительницы аристократии, как, например, княгиня Щербатова — одна из учредительниц Общества попечения о молодых девицах в Санкт-Петербурге.

Другие организации объединяли женщин по профессиональному признаку с целью создания условий взаимопомощи в освоении женщинами новых сфер деятельности. Как, например, Общество взаимной помощи женщин-врачей или Первая Петербургская артель кассирш, бухгалтерш, продавщиц и конторщиц.

Но в 1880-х годах организаторши, активистки движения испытали глубокое разочарование. Они не видели какого-либо значимого результата своей деятельности. Казалось, они ходили по замкнутому кругу.

Нарастание кризиса движения ощущалось уже с середины 1880-х годов (что совпадает по времени с началом правительственной реакции). В конце 1880-х годов он стал очевидным. Движение нуждалось в идеологическом обосновании и обновлении. Отсутствие идеологии лишало движение динамики. Существовавшие идеологические заявки, объяснения и, главное, намеченные пути решения «женского вопроса» были уже исчерпаны, реализованы. Женские организации институционализировались.

Раздоры, взаимные обвинения все чаще имели место в среде женской «общественности». Например, журнал «Женское дело» обвинил Н. С. Лухманову — автора книги «Спутник женщины: настольная книга для женщин» в спекуляции женским вопросом, «что мы менее всего ожидали бы от женщины»[438]. По мнению журнала, книга Н. А. Лухмановой оказалась не на достаточной идеологической высоте. Руководство ВЖК не находило общего языка с курсистками в вопросе участия последних в общестуденческих политических акциях. Н. В. Стасова безуспешно вела беседы с курсистками, при-

зывая их отказаться от участия в студенческом движении, объясняя, что они ставят под угрозу существование курсов. Курсистки не желали ничего понимать и принимать своего маргинального положения в студенческом сообществе. Они стремились к своей гражданской полноценности.

Все это дало право Тырковой написать об этом времени: «Женский вопрос, организация женских сил для достижения равноправия, все, что связано с феминизмом, совсем не вызывало в русском передовом обществе 90-х годов того единодушного сочувствия и энтузиазма, которые в 60-х годах окружали женскую эмансипацию. К феминизму относились скорее с усмешкой. Начало женского движения не привлекло у нас женщин с демократическими общественными стремлениями. Первые годы его прошли в России вяло и серо, среди мелочей и столкновений личных самолюбий, которые всегда имеют власть в среде, не проникнутой подлинной идеологией. И тем женщинам, которые, как Анна Павловна или В. П. Тарновская, учились общественной работе во время эпохи реформ с ее широким взмахом и высоким взлетом, нелегко было приниматься за эту тесную, первую стадию русского феминизма»[439].

1893 год стал значимым для движения. В этот год началась подготовка к Первому международному женскому конгрессу и к выставке достижений женщин в рамках Всемирной выставки в Чикаго. Подготовка вылилась в подведение итогов, в переосмысление пройденного пути. Стало очевидно, что старые стратегии исчерпаны, что на повестку дня встала проблема получения женщинами политических прав. Россиянки приняли участие в выставке и конгрессе (княгиня Шаховская, Е. Гарднер и др.). Вести из Чикаго, сообщения о достижениях женщин разных стран послужили толчком к дальнейшей деятельности.

Попыткой выйти из замкнутого круга стала идея создания женского клуба по типу закрытого мужского клуба для обсуждения проблем движения и своих собственных. Это было характерной чертой русского женского движения — каждая идея развивалась через создание «под нее» организации.

Первая попытка получить разрешение на женский клуб, предпринятая в 1893 году, была отбита правительством. Правительство блокировало любую женскую активность, кроме институциализировавшейся благотворительности, и неуклонно возвращало женщин опять же к благотворительной деятельности. Устроительницы женского клуба пошли на компромисс и не без помощи «некоторых высокопоставленных лиц» после двух лет мытарств зарегистрировали в 1895 году организацию под неуклюжим, но политически корректным названием «Русское женское взаимно-благотворительное общество». Это был женский клуб, так они его воспринимали. Об инновационности проекта говорит тот факт, что устроительницы испытали неожиданные трудности при аренде помещения — домовладельцы отказывались сдавать квартиру под женский клуб.

Русское Женское Взаимно-Благотворительное общество (1895–1918)

Эта организация была инициирована деятельницами второго поколения движения, прежде всего А. Н. Шабановой и Е. И. Гарднер при поддержке «маститых пионерок» и патронесс движения — Н. В. Стасовой и А. П. Философовой. По времени своего возникновения, по своему составу, по своим идеям оно выступило промежуточным звеном между женским движением XIX века с его целями, философией и опытом и появившимися новыми деятельницами с их «поколенческими» идеями, их видением проблем и целями.

А. Н. Шабанова

А. П. Философова настаивала на том, чтобы создать не филантропическое общество, а настоящий женский клуб, главной целью которого была бы разработка и пропаганда идей равноправия. Н. В. Стасова активно поддержала эту идею и по воспоминаниям брата так ее обосновала: «Я думаю, что общение женщин в новом обществе будет полезной школой для женщин. Слишком много им еще не достает. Самообладания слишком мало, сдержанности, столько суеты, пустых мелких препирательств <...> И потом еще не отучились женщины быть рабами мужчин. Во всем держатся за них, пугаются, подчиняются <...> Нехорошо это, очень нехорошо! Много еще работы над самою собою предстоит женщине, прежде чем она добьется своего освобождения, и многих привычек им не хватает. Может быть, наше общество поможет им оглянуться на себя и приучить себя кое к чему необходимому в общественной деятельности»[440].

Судя по этой цитате, лидеры движения осмысляли внутренние, психологические проблемы женщин — участниц движения и определяли цель организации как рост сознания ее участниц. Здесь, в стенах организации, ее члены повышали свой культурный и образовательный уровень, решали проблемы собственной самоидентификации, обретали новую коллективную идентичность и становились субъектами социальных изменений. Это был переход от благотворительной деятельности к созданию солидарности. В подтверждение этого вывода можно привести слова М. В. Безобразовой — первой в России женщины доктора философии, которая в своем выступлении на открытии Вз.-Благ. общества призвала женщин заниматься не формально-безличной благотворительностью, а формировать союз единомышленниц, всемерно помогать друг другу в получении образования, продвижении в науке, преподавании в высших учебных заведениях.

В первый Совет организации вошли: Н. В. Стасова (председательница)[441], А. Н. Шабанова (1-я вице-председательница), А. Н. Чарноцкая (2-я вице-председательница), А. И. Глаголева и И. Д. Познанская (секретари), М. А. Ольхина (казначей), А. П. Философова, Е. И. Гарднер, О. А. Андреева,

П. Н. Тарновская, Н. И. Манасеина, Е. К. Мышлаевская и в качестве почетного члена фрейлина Ее Императорского Величества Е. С. Озерова за «неоценимые услуги»[442].

Устав общества, утвержденный с великим трудом 12 мая 1895 года, декларировал своей целью «оказание помощи нуждающимся лицам женского пола, проживающих в Петербурге»[443]. Понятие «помощь» обрело новую трактовку и означало не только материальную, но и духовную поддержку, «обмен духовными ценностями» по А. В. Тырковой[444]. Организация брала на себя ответственность предоставлять лицам женского пола помещение для «проведения времени», организацию читальни, библиотеки (что первоначально оспаривалось властями и потребовало дополнительных хлопот). А также создание Бюро по приисканию мест и занятий, разного рода образовательных кружков, организацию касс взаимопомощи, организацию в клубе дешевого питания и «подачи медицинской помощи»[445]. Организация ориентировалась на «свой круг» — образованных, профессионально активных женщин, которым было нужно место для встреч и общения, условия для повышения своего образовательного и профессионального уровня.

Е. А. Чебышева-Дмитриева

По свидетельству Е. Чебышевой-Дмитриевой, «за 2–3 года в общество вступило порядка 2000 человек, все выдающиеся женщины Петербурга: писательницы, врачи, художницы, журналистки...»[446]. Члены общества рассматривали его как клуб, как средство выхода из «узкого круга семейных и служебных связей»[447]. Мобилизация носила качественный, интенсивный характер (C. Jenkins)[448], то есть в движение рекрутировались убежденные сторонницы общественной активности женщин. «Невещественные ресурсы» (J. Freeman)[449] — люди (представительницы той же социальной группы) — были мобилизованы, судя по всему, максимально. Резерв движения лидеры организации видели в той массе молодых женщин, которые приезжали в столицу в поисках экономической независимости, нетрадиционной женской самореализации, то есть тех, кто шел по дороге, уже проторенной ими. Поэтому реализация идеи конструктивной (феминистской) благотворительности в отношении этой специфической группы женщин, создание солидарности широко практиковалась Вз.-Благ. обществом.

С этой целью в обществе были созданы Бюро по приисканию рабочих мест, общежития, детские очаги, кассы взаимопомощи, читальни с русской и иностранной литературой, просветительские кружки. При обществе действовали курсы иностранных языков, кружок по оказанию первой медицинской помощи, бухгалтерские курсы. Таким образом, внешняя, видимая его деятельность носила просветительский и организационный характер, в то время как невидимая, латентная состояла в создании духа корпоративности и солидарности женщин среднего класса.

Но, пожалуй, главным достижением Вз.-Благ. общества, его основной функцией было создание и поддержание на протяжении двадцати трех лет (1895–1918 гг.) «женского пространства», «порождающей среды» женской активности, анклава женской гражданственности. О. Шапир называла большую квартиру на Спасской улице, которую общество арендовало двадцать три года и которая была открыта ежедневно с 11 до 24 часов, не иначе как «женским домом» в Петербурге. В традиционной русской дворянской культуре таких «женских» мест не было. Задачу сохранения помещения активистки организации оценивали как одну из самых важных[450].

Именно в помещении Вз.-Благ. общества появилась возможность собираться «в своем кругу». Именно здесь происходило личное знакомство, устанавливались товарищеские отношения, формировался корпоративный дух, солидарность, самосознание, то есть шел процесс идентификации себя, членов организации как членов одной социальной группы, участниц общего дела. Этому способствовала, собственно, клубная жизнь организации с обязательными товарищескими вечеринками по 1-м и 15-м числам каждого месяца, с ежегодным торжественным званым обедом 25 октября в честь дня рождения Вз.-Благ. общества, еженедельными заседаниями Совета общества, открытого для посещения его членов; общими собраниями (3–4 раза в год), празднованием юбилеев. Критика деятельности Вз.-Благ. общества как чрезмерно досуговой с позиций сегодняшнего дня представляется несправедливой[451].

Здесь, в стенах Вз.-Благ. общества были громко отпразднованы с привлечением городской общественности 40-летние юбилеи общественной деятель-

Члены Русского Женского Взаимно-Благотворительного общества. 1911 г.

ности А. П. Философовой и общественной и литературной деятельности А. Н. Энгельгардт; 25-летние юбилеи врачебной и общественной деятельности А. Н. Шабановой, литературной и общественной деятельности О. А. Шапир, педагогической доктора математики Е. Ф. Литвиновой.

Другими словами, в организации происходили не только процессы мобилизация участия, то есть притока новых людей, рекрутирование их в движение, но и процессы мобилизации действия — развитие активности организации и движения в целом.

Не менее важным процессом для развития движения был процесс мобилизации консенсуса. Мобилизация консенсуса — это процесс выработки системы ценностей, значений, интерпретаций проблем и событий с позиций своей социальной группы, а стало быть, этот процесс напрямую вел к выработке идеологии движения. Мобилизация консенсуса проходила на литературных вечерах и лекциях, во время заседаний реферативного отдела, созданного специально «для большего обмена мыслей»[452].

Стоит ли говорить, что деятельность организации находилась под неусыпным контролем властей. В первую очередь, это относилось именно к деятельности реферативного отдела. «Обмен мыслями» больше всего интересовал власть. И хотя заведующая отделом, доктор юридических наук Ф. М. Кауфман сознательно выбирала нейтральные темы для обсуждений, тем не менее в 1901 году градоначальник запретил деятельность этого отдела.

Акции общественного звучания, инициируемые Вз.-Благ. обществом развивались в рамках благотворения. Другой возможной формы проявления женского «политического» не существовало. В 1898 году члены общества приняли участие в акции «На помощь пострадавшим от наводнения», в 1899 году — собрали деньги для пострадавших от голода (11 909 руб.) и организовали столовые в голодных губерниях, в 1904 году собирали средства в помощь жертвам войны на Дальнем Востоке. Но подобная деятельность не соответствовала потребностям и претензиям многих его членов.

Только в 1904 году в связи с новым «подъемом умственной жизни» в российском обществе открылись возможности расширения репертуара действий и реализации женского политического участия. Так, в 1904 году в Вз.-Благ. обществе была создана Комиссия по исследованию женского труда в России (председательница Е. В. Авилова). Комиссия изучала правовое положение женщин, условия их работы в государственных и частных учреждениях. Результаты этой исследовательской деятельности привели позднее к обоснованию новых коллективных действий, к расширению их репертуара.

В том же 1904 году по инициативе Е. А. Чебышевой-Дмитриевой было создано Справочное бюро по женскому вопросу. Помимо установления связей с центрами женского движения по миру, интеграции в мировое женское сообщество, цель Бюро была определена как сбор материалов о международном женском движении. Это были поиски новых идей, направлений и форм деятельности.

Потребность в клубных организациях, служащих «порождающей средой», то есть местом и одновременно формой женской активности обнаруживается с очевидностью. Такой же женский клуб возник в Саратове, но просуществовал он не долго. Министерство внутренних дел не утвердило его устав — власть старалась пресечь «неестественные» формы взаимодействия женщин. Активистки саратовского клуба также пошли по уже апробированному пути — продолжили свою клубную работу и обсуждение проблем женщин под видом благотворительной деятельности — под вывеской Женского комитета при Обществе пособия беднейшим. Председательницей Общества стала А. А. Кальманович — в будущем известная феминистка, одна из немногих российских радикалок от феминизма, член ЦК Союза равноправности женщин[453].

Во многих крупных городах Российской империи шел процесс обсуждения и осмысления проблем образованных женщин среднего класса в разного рода женских клубах, скрывающихся под вывесками дамской благотворительности. Так, в 1880-е годах в Харькове действовало Общество взаимопомощи трудящихся женщин, которое на деле добивалось доступа женщин в Харьковский университет и создания в городе высшего женского учебного заведения. Многие начинания профессионально активных женщин не смогли быть реализованными как по причинам ограничения сфер женской активности, так из-за отсутствия опыта. Сведения о таких попытках встречаются на страницах женской прессы. Так, в 1880-х годах в Петербурге была предпринята попытка женщинами-врачами открыть на паях амбулаторную лечебницу для женщин и детей[454], а в Москве имела место попытка устроить женскую типографию также на артельных началах, служащими и работниками которой должны были стать одни женщины[455]. Министерство внутренних дел не утвердило устав. В 1900 году в Тифлисе было создано Женское нефтяное общество по инициативе врача Е. Г. Сагада-Посербской, которое поддерживало техническое образование женщин. В пользу общества Е. Г. Сагада-Посербская передала принадлежащий ей нефтеносный участок[456]. Позднее Е. Г. Сагада стала председательницей Грузинского Союза равноправности женщин.

В 1880–1890-е годы правительство в очередной своей атаке на общественность сузило до предела репертуар действий женских организаций, жестко сведя его к благотворительности. Но идеи благотворительности, даже в «продвинутой» форме с элементами самопомощи, направленной на освоение нетрадиционных для женщин сфер деятельности, уже не устраивали активисток движения. Им было очевидно, что это тупиковый путь.

Встала проблема артикуляции менее очевидных проблем женщин, обнаружения невидимых барьеров на пути легализации женщин в публичной сфере. Лидерами ощущалась необходимость идеологического обеспечения деятельности существующих организаций, корректировки целей, поиска новых форм активности.

2.5. Коллективные действия движения

В начале 70-х русская женщина была уже настоящим общественным деятелем, иногда и более активным.

Н. Котляревский

Недавняя летопись событий тысячекратно подтвердит нам, что русская прогрессивная сила 70 и 80-х гг. слишком изобиловала женщинами твердых убеждений и решительной идейной стойкости.

А. Амфитеатров

Коллективные действия, понимаемые как совместные действия представителей какой-либо социальной группы, не имеющей институционального представительства, направленные на реализацию интересов своей группы или любой другой дискриминированной группы, начались с момента создания организаций.

Лидеры, члены «руководящих групп», участницы движения осознавали наличие интересов, определенных гендерным признаком и проводили мобилизацию ресурсов в интересах некоторых групп женщин. Таким образом, родился новый тип солидарности.

Первым опытом женского участия в коллективных действиях явилось участие в движении воскресных школ (1860–1862 гг.). В отличие от европейской традиции это был светский образовательный проект в интересах рабочих столицы и первый опыт коллективных действий российской интеллигенции. В других городах России это движение развивалось и позднее (уже после того, как Петербургские школы были закрыты), вовлекая в орбиту своей деятельности социально активных женщин.

Школу «воскресных женских школ» прошли многие общественные деятельницы. Как, например, А. М. Калмыкова, Х. Д. Алчевская, Н. В. Стасова, П. С. Стасова, А. И. Европеус, Н. А. Белозерская. Помимо организации «общих», без гендерной маркировки воскресных школ, которые посещали мужчины, были созданы воскресные школы специально для женщин[457]. Одну из проблем, с которой столкнулись устроители, — отсутствие доступной «народной» литературы для чтения. «Патронессы» попытались решить проблему силами образованных женщин. На исполнение этого своеобразного социального заказа была направлена деятельность Женской издательской артели, устроительницы которой одновременно с проблемой создания рабочих мест для интеллигентных

А. М. Калмыкова

Х. Д. Алчевская

П. С. Стасова

женщин решали проблему создания «правильной» массовой литературы для народа. А. М. Калмыкова (1849–1926 гг.), например, профессионально занялась этой проблемой. В 1889 г. она открыла склад народных изданий в столице, через который формировались школьные и народные библиотеки.

Сочетание представлений о специфических интересах своей социальной группы с общими генерализированными верованиями российской интеллигенции о долге перед народом, осознание гендерных проблем и рассмотрение их в применении к различным социальным слоям и сословиям — отличительная черта российского женского движения. С начала движения была поставлена цель мобилизации ресурсов не только в пользу женщин «образованных классов», но и «невладеющих общественных групп». Собственно, с этого движение и началось. Весь его путь — путь балансирования между интересами женщин различных классов, сословий, состояний. Это была попытка сочетать классовые и гендерные интересы. Идея единых женских интересов, которую обосновывали О. А. Шапир, А. А. Кальманович, М. И. Покровская и другие феминистки, часто обсуждалась на разного рода собраниях и митингах женщин. А. М. Коллонтай категорически отрицала ее.

Подтверждением данного утверждения может служить факт острой дискуссии в Вз.-Благ. обществе, обсуждавшей методы сбора средств на свою деятельность традиционным способом — через организацию благотворительных мероприятий. Вопрос был поставлен в нравственной плоскости — имеют ли моральное право образованные и более-менее достаточные женщины «оттягивать» на себя средства, которые могли бы пойти на нужды менее защищенных слоев населения, в том числе женщин низших социальных классов[458].

Коллективные действия в поддержку женского образования

Упорство, с которым дочери московской и петербургской знати, а впоследствии и «кухаркины дети» пробивали себе путь к высшему образованию, носило характер подлинного героизма.

Ф. Степун

В тех немногих заграничных университетах, которые допускали женщин на медицинский факультет, процент русских был преобладающим по сравнению с женщинами других национальностей.

А. Шабанова

Высшее образование как непременное условие интеграции женщин в пореформенное общество, сохранения прежнего статуса и идентичности — побудительный мотив коллективных действий по организации высшего женского образования самими женщинами.

Для широких кругов общественности эта проблема также стала коллективным интеллигентским верованием, что обеспечило ей самую широкую поддержку, в том числе и в среде «идейных» чиновников. По свидетельству современника, вопрос о женском просвещении стал «лозунгом свободы»[459]. Понятно почему. Университеты являлись сферой, местом, анклавом, порождающей средой новых парадигм мышления и поведения, источником всякого рода инноваций. Поэтому борьба женщин за высшее образование воспринималась так серьезно и ее противниками, и ее сторонниками. Эта проблема стала символом реформ.

В свое время, в конце 1850-х годов, на пике демократического подъема правительство пошло на уступки в вопросе женского образования. Министр просвещения А. С. Норов воспринял идеи профессора Главного педагогического института и инспектора Павловского института Н. А. Вышнеградского о необходимости внесословного женского среднего образования. Таким образом, в 1858 году в Санкт-Петербурге состоялось открытие первых казенных в составе Министерства народного просвещения женских училищ, которые очень скоро были преобразованы в женские гимназии. Через год Ведомство учреждений императрицы Марии открыло свои, «мариинские» женские гимназии. Уже при следующем министре просвещения — графе Д. А. Толстом женские гимназии подверглись контролю и притеснениям, а их идейный отец Н. А. Вышнеградский вынужден был уйти в отставку[460].

Санкт-Петербургский университет первым допустил в свои стены женщин на правах вольнослушательниц. Осенью 1859 года ректор П. А. Плетнев привел в аудиторию первую женщину — Н. И. Корсини. Вскоре к ней присоединились М. А. Богданова (Быкова), А. П. Блюммер, В. А. Кашеварова-Руднева, М. А. Коркунова (Манасеина), М. А. Обручева (Бокова, Сеченова), Н. П. Суслова.

Советы университетов в большинстве своем проголосовали за право женщин на университетское образование. Четыре Совета из шести (кроме Московского и Дерптского) поддержали женщин. Санкт-Петербургский и Киевский университеты признали право женщин на ученую степень. В записке Совета Киевского Св. Владимира университета (1861 г.) декларировалось:

Н. И. Корсини

М. А. Богданова (Быкова)

А. П. Блюммер

Н. П. Суслова

«Точно также, наравне с прочими слушателями и студентами, лица женского пола могут быть допускаемы к испытанию на все ученые степени и, по удовлетворительном выдержании испытания, должны пользоваться всеми правами полученной степени»[461].

Обучение женщин в университетах было правомочным, потому как закон о высшем образовании, по понятным причинам, был гендерно нейтральным.

Но мнение университетов не стало определяющим в политике Министерства. Арест в 1862 году Чернышевского, разгром польского восстания (1863 г.) обозначил конец оттепели. Новый университетский устав 1863 года закрепил юридическое неравенство полов в сфере высшего образования. Циркулярное письмо от 20 июля 1863 года прямо запрещало женщинам посещать занятия в качестве вольнослушательниц, то есть в той форме, в которой произошло их вхождение в высшую школу.

В проекте устава было предложение (приложение к § 100) допускать женщин, выдержавших испытания наравне с мужчинами в университеты[462], но комиссия, рассматривавшая устав, его не приняла. В 1864 году последние вольнослушательницы — «названные гостьи университетов», были изгнаны из их стен и Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге. Высшее образование стало юридически мужской привилегией.

Дальнейшая деятельность «триумвирата» и членов их символической «рабочей» или «руководящей группы» по высшему женскому образованию в лице Е. И. Конради, А. Н. Энгельгардт, Н. А. Белозерской и др. развивались в направлении создания образовательных общедоступных курсов для женщин. Цель курсов — получение женщинами знаний в объеме полного курса мужских классических гимназий, что вплотную подводило женщин к университету. Также они работали над идеей создания своего женского университета. Н. В. Стасова, по свидетельству ее брата, видела эту ситуацию так: «Наступили счастливые времена 60-гг., стало возможным женщинам, хотя с трудом, попадать на некоторые лекции в университете <...> Пошли волнения в университете, он на год закрылся <...> Затем были две публичные лекции Чернышевского, потом его ссылка. Затем проф. Костомаров, Утин, Стасюлевич, Кавелин, Пыпин вышли из Университета и пошло, и пошло... Вот тут-то мы додумались до мысли создать женский университет»[463].

Эти женщины активно работали с профессурой Университета и Медико-хирургической академии[464] и получили их солидарную поддержку[465]. Активистки собрали более 400 подписей под прошением о создании курсов для женщин и подали его министру народного просвещения графу Д. А. Толстому и ректору Санкт-Петербургского университета К. Ф. Кесслеру в мае 1868 года. В ноябре 1868 года А. П. Философова, Е. Н. Воронина, Н. В. Стасова ходатайствовали перед министром о разрешении курсов для женщин и организовали давление на министра по семейным и сословным каналам[466].

В июле 1869 года министр отказал им по причине «слишком серьезной» программы и потребовал смешенного состава слушателей. В результате мно-

гочисленных обсуждений «рабочей группы» и профессуры был найден компромисс. 29 ноября 1869 года разрешение на открытие популярных лекций для мужчин и женщин было, наконец, получено. В конце 1869 года в Петербурге открылись Аларчинские курсы. В Москве в том же году также женскими усилиями при поддержке московского генерал-губернатора и ректора Московского университета открылись Лубянские курсы. Владимирские общедоступные курсы в Петербурге начали действовать в 1870 году. Основным их контингентом также были женщины. Курсы просуществовали до зимы 1875/1876 года. По некоторым сведениям Аларчинские и Владимирские курсы суть есть одни и те же общедоступные публичные лекции, менявшие свое название в связи со сменой места их расположения — с переездом из здания 5-й мужской гимназии у Аларчина моста в здание Владимирского уездного училища[467]. Распорядительницей курсов была избрана Н. В. Стасова[468]. «Мужская» солидарная помощь была оказана педагогом и редактором журнала «Учитель» И. И. Паульсоном, взявшим на себя ответственность за курсы перед правительством; а также директором Аларчинской гимназии, предоставившим бесплатно помещение под курсы; профессурой — А. Н. Бекетовым, К. Н. Бестужевым-Рюминым, Н. П. Вагнером, Д. И. Менделеевым, О. Ф. Миллером, Ф. В. Овсянниковым, А. С. Усовым, А. С. Фамилицыным и др.

Стоят (слева направо): О. А. Мордвинова, А. Н. Бекетов, А. П. Философова, П. С. Стасова.
Сидят: Н. А. Белозерская, В. П. Тарновская, Н. В. Стасова, М. А. Менжинская

В. И. Герье

В том же 1870 году открылись бесплатные курсы для женщин в Киеве. В 1872 году в Москве были открыты Публичные высшие женские курсы профессора В. И. Герье, которые давали историко-филологическое образование.

Правительство в лице министра народного просвещения графа Д. А. Толстого вынужденно пошло на уступку. Причина заключалась в том, что с начала 1870-х годов русские женщины, не имея возможности получить высшее образование на родине, стали уезжать учиться за границу, где к неудовольствию властей общались с российской эмиграцией. Именно охранительная тактика подвигнула правительство на открытие публичных женских курсов в стране.

Управляла Аларчинскими-Владимирсками курсами та же «рабочая», или «руководящая группа» в составе все тех же лиц. Был создан Комитет, в который в 1870-е годы входили: М. В. Трубникова, Н. В. Стасова, А. П. Философова, Н. А. Белозерская, Е. Н. Воронина, А. В. Вебер, М. Г. Ермолова, Е. И. Конради, М. А. Менжинская, В. Н. Тарновская[469]. В. Н. Тарновская заведовала финансами Аларчинских-Владимирских, а затем и Бестужевских курсов.

Вокруг этих курсов складывалась свои «рабочие группы», свои круги поддержки, свои сообщества. «Курсы» были еще одной «порождающей средой» женской активности. Практически все социально активные петербурженки прошли «школу» каких-либо курсов. Особенно много деятельниц российского феминизма вышло из стен Женских врачебных курсов.

Все эти женские образовательные курсы не являлись, строго говоря, женскими организациями, но это были видимые результаты движения. Они являлись узловыми структурами в сети женских организаций и выполняли те же функции: рекрутировали участников, сочувствующих в коллективные действия; артикулировали проблем женщин, формировали коллективные верования.

Как прозорливо заметил обер-полицмейстер Ф. Ф. Трепов: «Главная же вредная сторона, которую представляют собою публичные женские курсы, заключается в развитии корпоративного духа между молодыми девушками»[470].

Одновременно курсы способствовали повышению личных шансов участниц движения на профессиональный успех, на вертикальную мобильность.

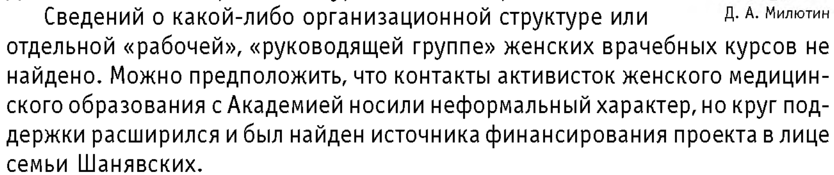
Женские врачебные курсы

Таким «узлом» женской сети явились Курсы ученых акушерок при Медико-хирургической академии (они же Женские акушерские курсы, затем — Женские врачебные курсы). «Рабочая группа» этого женского проекта сосредоточилась вокруг Медико-хирургической академии, в которой прецедент обучения в Академии женщин имел место даже в самые неблагоприятные времена. Если в 1863 году Н. П. Суслова и М. А. Бокова вынуждены были покинуть Академию и уехать учиться в Цюрих, то В. А. Кашеварова-Руднева в том же

году сумела получить стипендию и «прикомандироваться» к Академии на учебу от Оренбургских казачьих войск. Используя свои связи она сумела получить поддержку генерал-губернатора Оренбургского края генерала Крыжановского и начальника казачьих войск генерал-майора Безака.

Министр образования граф Д. А. Толстой никак не мог согласиться на открытие врачебных женских курсов в своем ведомстве. На встречу женщинам пошел военный министр Д. А. Милютин, который взял курсы под свое крыло.

Д. А. Милютин



Сведений о какой-либо организационной структуре или отдельной «рабочей», «руководящей группе» женских врачебных курсов не найдено. Можно предположить, что контакты активисток женского медицинского образования с Академией носили неформальный характер, но круг поддержки расширился и был найден источника финансирования проекта в лице семьи Шанявских.

Активность пионерок женского медицинского образования сопровождалась и поддерживалась позитивными дискурсивными тенденциями. В среде петербургской интеллигенции было распространено мнение («выстроенное» в том числе и на опыте участия сестер Крестовоздвиженской общины в Крымской войне) о предрасположенности женщин к медицинской деятельности в силу имманентно присущих женщине особенностей ее натуры — милосердии и сострадании.

Начальник Академии Н. И. Козлов, поначалу настроенный крайне негативно и заявивший, что женщины появятся в Академии «только через его труп», изменил свое мнение. Не только распространение демократических настроений сыграли в этом свою роль. На изменение его воззрений могло повлиять получение второй золотой медали В. А. Кашеваровой-Рудневой в выпуске 1867 года. Оказывало на него давление стремление собственной дочери к медицинскому образованию, как и дочерей других высокопоставленных представителей своей сословной и профессиональной страты. Дочь Н. И. Козлова — П. Н. Тарновская стала курсисткой первого набора, а затем врачом и известной общественной деятельницей, феминисткой. Дочь адмирала Казакевича — Е. П. Казакевич-Стефановская также стала не только врачом, но и активисткой феминистского движения.

Н. И. Козлов

2 декабря 1867 года Медико-хирургическая академия подтвердила диплом Н. П. Сусловой, получившей образование за границей — «предоставив ей диплом на звание женщины-врача», второй стала М. А. Бокова, также добившаяся права вторичной защиты своей диссертации и звания женщины-врача.

Так или иначе, но демократические верования российской интеллигенции, ее солидарные усилия по созданию высшего женского медицинского образования позволяют интерпретировать проект женских врачебных кур-

П. Н. Тарновская

В. М. Тарновский

В. А. Кашеварова-Руднева

сов как коллективные действия российской интеллигенции, как и все другие акции в поддержку высшего женского образования. Подтверждением может служить вывод историка Б. Б. Глинского, который считал, что «На судьбе «Врачебных курсов» рельефно отразились веяния и течения русской общественной жизни, и он один, сам по себе, служит характеристикой и яркой иллюстрацией к истории нашего самосознания за последнее время»[471].

Единственное упоминание о собрании «рабочей группы», продвигающей идею женского медицинского образования, встречается в рассказе о праздничном обеде в честь окончания Академии В. А. Кашеваровой-Рудневой в доме Тарновских в 1868 году. На этом обеде профессура Академии в лице Н. И. Козлова, В. М. Тарновского, М. М. Руднева, Сутугина, Флоринского и других, после пламенной речи П. Н. Тарновской обсудила идею женских врачебных курсов при Академии[472]. С Козлова было взято слово, что он будет содействовать созданию курсов. Сутугин и Флоринский взялись за разработку программы.

Связь этой группы с кружком М. В. Трубниковой прослеживается. В том же 1868 году М. В. Трубникова провела у себя на квартире совещание по вопросам преподавания на женских курсах, на котором присутствовало 50 женщин-подписанток петиции с требованием открытия женских курсов и 43 профессора из Университета и Медико-хирургической академии. Секретарем собрания был И. М. Сеченов.

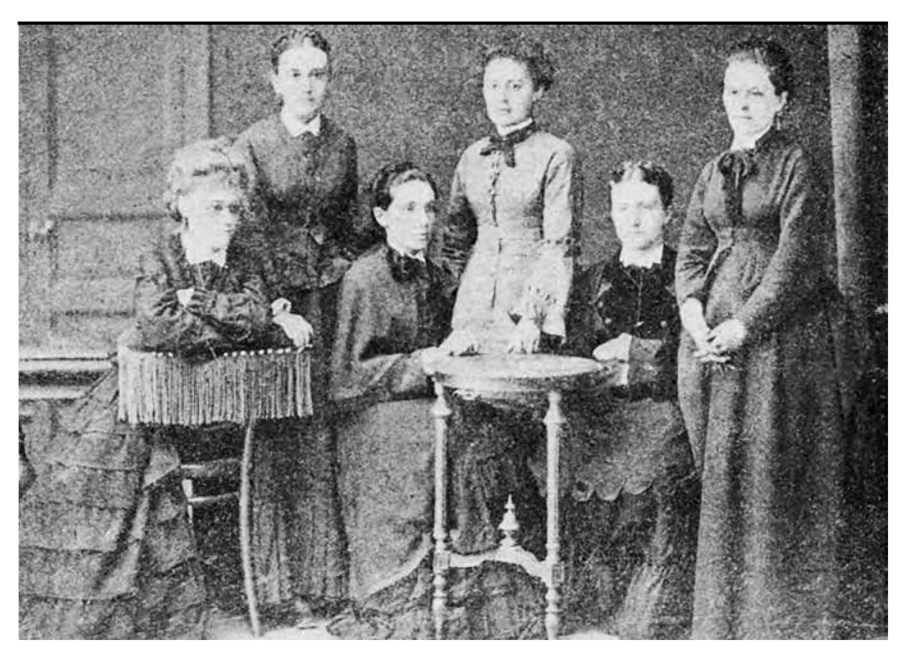
Таким образом, крупный чиновник от медицины (Н. И. Козлов) вошел в эту условную «рабочую группу» и в 1870 году вместе с членами Совета Академии Н. Ф. Здекауэром, А. Я. Красовским, ссылаясь на старинную инструкцию, обязывающую врачей просвещать повитух в «бабичьем деле» ходатайствовал перед военным министром Д. А. Милютиным об открытии при академии курсов акушерок. Д. А. Милютин — просвещенный деятель эпохи Александровских реформ полностью поддержал инициативу. Л. А. Родственная-Шанявская — богатая сибирячка, владелица золотых рудников, энтузиастка женского медицинского образования, пожертвовала на открытие курсов сумму в 50 тыс. рублей. Это решило дело. 6 мая 1872 года Высочайшим повелением пожертвование было разрешено принять и привести в исполнение предположение военного министра. В целом семья Шанявских пожертвовала на дело высшего женского медицинского образования около 1 млн руб., включая средства на организацию Женского медицинского института.

Профессура Медико-хирургической академии поддерживала устремления своих слушательниц. На акушерских курсах негласно читался полный

«мужской» курс медицины, несмотря на то что оплата за преподавание на «акушерских курсах» была существенно ниже. В 1872 году она составляла всего 700 руб. в год[473]. Тем не менее здесь преподавала профессура мирового уровня: А. П. Бородин (химия), А. П. Доброславин (гигиена), Н. П. Ивановский (общая патология и патологическая анатомия), А. Я. Красовский (акушерство), А. Я. Лавдовский (гистология), К. А. Раухфус (педиатрия), К. К. Рейер (оперативная хирургия, клиника), М. М. Руднев (патологическая анатомия), И. М. Сеченов (физиология), П. П. Сущинский (фармакология и рецептура), Н. В. Склифасовский (хирургия), В. М. Тарновский (венерология), О. А. Чечет (нервные болезни), Ю. М. Чудновский (терапия) и другие.

Отношение студентов к курсисткам было насмешливым, но в целом доброжелательным. Они называли их «зубрилками» и «парфетками».

Группе поддержки врачебных курсов и самим курсисткам пришлось пройти через серьезное испытание — ажиотаж, раздуваемый охранительной печатью (Катков), слухи о том, что курсистки азартно по ночам режут трупы, носят в карманах внутренности, пьют чай из черепов и вступают в гражданские браки со студентами и т. д. Но публика была успокоена простым ходом — привлечением к деятельности курсов известных и статусных женщин — «патронес» вроде М. Г. Ермоловой — вдовы генерал-майора, женщины светской, властной и авторитетной, с широкими связями, которая стала почетной инспектриссой курсов.



Первые женщины-врачи, окончившие курс в Медико-хирургической академии. Сидят (слева направо): В. С. Некрасова, А. М. Капустина, Л. И. Роговская-Кричевская. Стоят: М. Ф. Мокначева, А. Н. Шабанова, М. М. Мельникова

Л. А. Шанявская-Родственная

Средства курсов складывались из процентов с капитала, пожертвованного Л. А. Шанявской, годовой платы за обучение в 50 руб. и 50 тыс. руб., дополнительно пожертвованных все той же Шанявской «на текущие расходы». С 1877 года военное министерство начало финансировать курсы в размере 10,5 тыс. руб. ежегодно, плюс дополнительные единовременные субсидии. Бюджет курсов доходил до 44 тыс. руб. в год, что было достаточным при использовании материальной базы Академии.

Возникли организации, обслуживающие курсы — «Общество вспомоществования слушательницам врачебных курсов», «Общество для пособия слушательницам медицинских и педагогических курсов» (1874 г.), которые собирали денежные средства традиционно благотворительным путем — через организацию концертов, балов, устройства лотерей и т. д. Так, Общество пособия слушательницам медицинских и педагогических курсов истратило за десять лет не менее 50 тыс. руб., преимущественно на поддержание «недостаточных» курсисток[474].

«Рабочая группа» по сословным и семейно-родственным каналам постоянно лоббировала вопрос о преподавании медицинского курса в полном объеме. В 1876 году такое разрешение, наконец, было получено. Курсы стали пятилетними и были переименованы в Женские врачебные курсы.

Одним из аргументов сторонников высшего женского образования стало Постановление правительства от 21 мая 1873 года, обязывающее всех женщин-студенток, обучавшихся в Цюрихе, возвратиться на Родину не позднее 1 января 1874 года. В случае неподчинения власти грозили непризнанием дипломов, запретом на профессиональную деятельность. Правительство было напугано революционной активностью женщин, контактами студенток с русской эмиграцией в Цюрихе. Поэтому все россиянки, обучающиеся за границей, были огульно обвинены в том, что вместо науки они «увлекаются коммунистическими теориями свободной любви и под покровом фиктивного брака доводят забвение основных начал нравственности и женского целомудрия до крайних пределов...». Женщины-медички обвинялись в особой безнравственности — «некоторые из этих девушек пали до того, что специально изучают ту отрасль акушерского искусства, которая во всех странах подвергается и каре уголовных законов и презрению честных людей»[475].

Этот провокационный и нелояльный ход правительства к своим гражданкам был использован против него самого. «Рабочие», «руководящие группы», ходатайствующие об открытии Высших женских курсов и Высших врачебных женских курсов, получили дополнительные аргументы к своим

требованиям. В итоге в сентябре 1873 года Высочайшим повелением была учреждена Комиссия для составления проекта устава Высших женских курсов в Петербурге и Москве.

Медички — одна из наиболее активных профессиональных групп женского движения. Первый выпуск женщин-врачей состоялся в 1878 году и с момента выпуска начал инициировать действия по «продвижению» своей группы. Ими были выдвинуты требования предоставить женщинам-врачам право работать ординаторами, учредить нагрудный знак с аббревиатурой «ЖВ» — «Женщина-врач»[476] и отменить звание «ученая акушерка». В январе 1883 года правительство опять решило переименовать женщин-врачей в «ученых акушерок». Общее собрание женщин-врачей расценило эту акцию как умаляющую их профессиональные достижения. В результате протестных акций решение было отменено 18 февраля 1883 года и женщинам-врачам присвоили звание «врач женщин и детей». Шабанова оценила это с позиции коллективной женской идентичности и в терминах движения — «победа *женщин* над самым могущественным министерством (внутренних дел. — *И. Ю.*) России».

Женщины-врачи активно работали над проблемой возобновления женских врачебных курсов, которые были закрыты 5 августа 1882 года по распоряжению нового военного министра П. С. Ванновского. Они собирали подписи под петициями, пропагандировали идею высшего женского медицинского образования в прессе, проводили кампанию по сбору средств на женский медицинский институт. В кампании активно участвовали П. Н. Тарновская, А. П. Философова, баронесса В. И. Икскуль, воздействуя по своим каналам. Философова, например, в личной переписке доказывала старшему врачебно-

Химикоаналитическая лаборатория первой женской аптеки

Баронесса В. И. Икскуль и старшая сестра Общины сестер милосердия А. И. Филиппова

му инспектору Л. Д. Рогозину и врачу И. В. Бертенсону общественную пользу женского медицинского образования.

Средства собирали по всей стране. Опять последовало крупное вложение Л. А. Шанявской-Родственной (700 тыс. руб.). Государственный Совет дважды рассматривал вопрос и 26 апреля 1895 года утвердил устав института. Высочайшее повеление последовало 1 июня 1895 года. В результате женский медицинский институт был открыт 14 мая 1897 года.

Так же как и при возобновлении Бестужевских курсов, вместо традиционного самоуправления — выборов директора и деканов и как это было на женских медицинских курсах, Женский медицинский институт вынужден был принять практику назначения начальства от министерства. Также обязательным было требование к курсисткам жить в институтском общежитии, деньги на которое также собирались по подписке по всей России.

Все эти строгости не остановили медичек, которые по-прежнему оставались передовой группой высшего женского образования и профессиональной самореализации женщин. Еще в 1896 году они начали кампанию за уравнение профессиональных прав женщин и мужчин-врачей и поставили перед собой задачу добиваться прав на профессорское звание и преподавание в высшей школе.

Высшие женские курсы (ВЖК)

Тактика лоббирования «группы Трубниковой», или, по словам неизвестной современницы, «маленькой кучки издательской артели»[477], привела к подписанию 9 апреля 1877 года Высочайшего повеления, разрешающего открывать в университетских городах Высшие женские курсы при содействии местных профессоров на имя одного из них. В Санкт-Петербурге ответственность — звание учредителя принял и на себя профессор университета К. Н. Бестужев-Рюмин. 20 сентября 1878 года Высшие женские курсы были торжественно открыты. Практически одновременно с петербургскими ВЖК возникли в Киеве (в 1878 г.) и Казани (в 1879 г.), в Москве с 1872 года действовали Публичные высшие женские профессора В. И. Герье, которые в 1900 году стали Московскими женскими курсами. Был поднят вопрос о создании ВЖК в Одессе.

Высшие женские курсы стали университетами для женщин, но они не давали диплома и, соответственно, никаких прав. Одновременно с тем они были

К. Н. Бестужев-Рюмин

еще одним «узлом» женской сети, со своими лидерами, активом, участницами, группой поддержки.

Поскольку все высшее женское образование в России начиналось как частная инициатива и в этом статусе существовало при незначительной поддержке правительства, то вопрос поиска ресурсов стоял очень остро. Практически сразу возникла новая общественная инициатива — создание новых, «обслуживающих» общественных организаций — разного рода обществ по доставлению средств. В Петербурге это были: Общество для доставления средств ВЖК (председательница А. П. Философова, зарегистрировано 4.10.1878 г.), Общество для усиления средств женского медицинского института (председательница баронесса В. А. Икскуль), Общество вспоможения слушательницам врачебных и педагогических курсов (1884–1917), Общество вспомоществования слушательницам СПб ВЖК» (председательница В. П. Тарновская, февраль 1898 г.), Общество пособия учащимся женщинам (председательница В. А. Арцимович, члены Комитета: М. В. Трубникова, Н. В. Стасова, А. П. Философова и др.), Общество доставления средств ВЖК в Москве (1900 г.).

Общество доставления средств ВЖК

Петербургское Общество доставления средств ВЖК владело всем движимым и недвижимым имуществом курсов. Ежегодно общество собирало со своих членов порядка 22 тыс. руб. С 1879 года оно добилось ежегодной субсидии от правительства в размере 3 тыс. рублей[478], с 1882 года Петербургская городская дума также начала выделять по 3 тыс. рублей в год. В 1885 году закончилось строительство первого здания курсов, которое обошлось в 200 тыс. руб., собранных частных пожертвований, бессрочных займов и залога самого дома. В результате общество ежегодно тратило на погашение долга и содержание дома 8–9 тыс. руб., против 13 тыс. руб. — сумма, в которую обходился наем и содержание помещения для ВЖК[479]. Таким образом, начав с суммы в 222 руб., собранной в 1877 году, устроительницы Общества доставления довели активы курсов до 1, 5 млн рублей к началу XX века.

Подобные организации поддержки получили распространение по всей стране, в тех городах, где были созданы ВЖК. Они занимались поиском средств, лоббированием правительства и местных властей. Несмотря на то что в преставлении многих современников курсы агонизировали все время своего существования, нужно констатировать тот факт, что ВЖК существовали с 1878 по 1917 год. Преподавала на курсах профессура с мировыми именами. В Петербурге ВЖК имели собственные здания (на 10-й линии и на Среднем проспекте Васильевского острова) с кабинетами, лабораториями и общежитием. В 1914 году Общество вспомоществования слушательницам ВЖК, Общество окончивших курс наук на ВЖК и Общество вспоможения слу-

шательницам врачебных и педагогических курсов купили участок земли за 400 тыс. рублей и построили на нем «Дом курсистки» (общежитие), которое было национализировано после Октябрьской революции[480].

Идея и устав Общества доставления средств ВЖК — интеллектуальный продукт и инициатива кружка М. В. Трубниковой. Эта организация возглавлялась Комитетом из 12 лиц, избираемого общим собранием, который обеспечивал всю хозяйственную деятельность ВЖК. В его первый состав вошли: А. П. Философова (председательница), А. Н. Анненская, Г. В. Бардовский, Е. А. Боткина, А. Н. Герд, С. В. Ковалевская, О. А. Мордвинова, С. П. Рукавишникова, А. Н. Страннолюбский, В.П.Тарновская, М. К. Цебрикова.

Общество содействия женскому сельскохозяйственному образованию

Частная инициатива по организации женского сельскохозяйственного образования, нашедшая свое представительское лицо в виде профессора И. А. Стебута, образовала еще один инициативный «узел» женской сети. Деятельность Общества содействия женскому сельскохозяйственному образованию, инициаторами которого в 1891 году выступили деятельница женского движения Н. И. Долгова и женщина-врач Маляревская, объединила усилия женской и научной общественности. Помимо профессора Стебута от научной общественности в эту символическую группу вошли известные агрономы Д. Н. Прянишников, А. Н. Сабанин, А. Г. Дояренко и др. В актив Общества следует отнести открытые им женские сельскохозяйственные курсы под Москвой, в Саратове и Киеве[481], которые кооперировались с Зозулинской женской практической школой сельского хозяйства и домоводства в поместье вдовы генерал-майора А. Н. Червонной (с 1888 г.), Понемуньской женской школой домоводства и сельского хозяйства в имении баронессы А. И. Будберг (с 1889 г.), Преображенской женской сельскохозяйственной школой в имении г-на Н. Н. Неплюева (с 1891 г.). Эти школы также действовали под «прикрытием» патронесс: супруги генерал-майора М. Н. Мариуц-Гриневой, вдовы тайного советника А. Н. Неплюевой и др. В 1904 году Обществу содействия удалось открыть в Петербурге Высшие женские сельскохозяйственные курсы, которые получили название Стебутовских. По отработанной уже схеме ответственность за курсы легла на профессора Стебута, фактическим директором курсов стала Н. И. Долгова.

И. А. Стебут

Н. И. Долгова

Их деятельность подвигнула «посвященного деятеля» (Ф. А. Брокгауз и И. А. Эфрон), действительного статского советника, министра земледелия и государственного имущества А. С. Ермолова выступить с проектом органи-

зации женского сельскохозяйственного образования на государственном уровне[482] в целях решения проблем занятости женщин и из-за запущенности сельского хозяйства страны «за недостатком добросовестных мужчин-управляющих». «Тем более, — выдвигал дополнительную аргументацию Ермолов, — что женщины привыкли на разных отраслях деятельности довольствоваться сравнительно малым вознаграждением»[483].

Женское коммерческое, техническое и педагогическое образование

Свой круг деятелей сложился вокруг идеи женского коммерческого образования. В 1896 году были созданы: Профессиональная школа для образованных женщин (организатор и владелица А. Н. Прокопе), Женские коммерческие курсы П. О. Иванинцевой.

Техническое образование женщин продвигалось Обществом по изысканию средств для технического образования женщин, костяк которого составили Н. В. Стасова, А. П. Философова, Е. И. Конради, В. П. Тарновская.

Своя группа сложилась вокруг женского педагогического образования. Ее усилиями и по инициативе Н. А. Вышнеградского в Петербурге в 1863 году открылись первые педагогические курсы на базе Мариинской гимназии, в 1883 году открылись Высшие женские педагогические курсы, которые в 1903 году были преобразованы в Женский педагогический институт.

События 1905 года подорвали позицию правительства в деле охранения университетов от женского элемента. Университеты практически повсеместно начали принимать женщин на правах вольнослушательниц. В 1907–1908 учебном году их насчитывалось 1 690 человек в шести университетах (Петербургском, Московском, Харьковском, Киевском, Казанском и Дерптском (Юрьевском).

Спад протестной волны привел к новому откату с завоеванных позиций в области женского образования. 1 августа 1907 года министр народного просвещения П. М. фон Кауфман предписал объяснить вольнослушательницам, что они не могут быть допущены к выпускным экзаменам. 21 мая 1908 года правительство издало новые правила (министр А. Н. Шварц) о вольнослушателях в университетах, в соответствии с которыми женщины исключались из их числа и должны были покинуть университетские стены.

Новый виток борьбы, в котором были предприняты новые методы воздействия: анкетирование членов Государственной Думы, университетской профессуры, участников съезда печати и т. д. по вопросу целесообразности и законности деятельности правительства, обсуждение проблемы вольнослушательниц в прессе принес частичный успех. Правительство разрешило закончить курс только тем, кто уже учился. По сути дела тем, кто и инициировал эту борьбу.

Н. Л. Щукин

В. М. Бехтерев

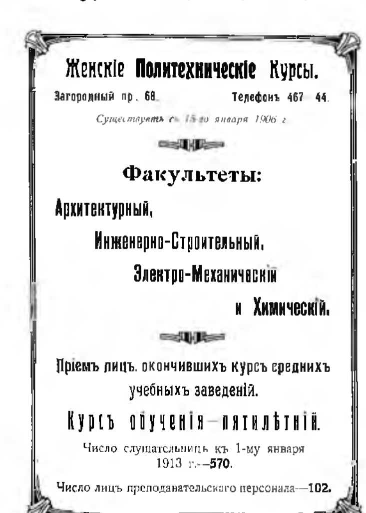
П. Ф. Лесгафт

Н. А. Белелюбский

Высшее женское образование по-прежнему оставалось инициативой и делом женского движения. Это был видимый результат деятельности движения по реализации принципа равноправия (в образовательной сфере).

В начале XX века произошло расширение образовательных возможностей для женщин. Открылся медицинский факультет на Московских ВЖК (быв. курсах Герье), юридический на Бестужевских курсах в Петербурге, открылись ВЖК в Харькове, Одессе, Тифлисе, Томске. В Москве открылись Юридические курсы В. А. Полторацкой, Женский медицинский институт, Женские педагогические курсы, Высшие женские богословские курсы и др. В Петербурге — Историко-литературные и юридические курсы Раева, Юридические курсы Песковской, Естественно-научные курсы Е. А. Лохвицкой, Высшие женские политехнические курсы и др.

За всеми ними стояла инициатива женских «рабочих» или «руководящих групп» прямо или косвенно поддерживаемых движением. Томские женские курсы, например, открылись благодаря инициативе Общества для доставления средств Сибирским ВЖК (председательница — М. Гонгатти). Харьковские ВЖК были созданы по инициативе Общества взаимного вспоможения трудящихся женщин. Высшие женские политехнические курсы в Петербурге — по инициативе Прасковьи Ариан (председательница учредительной комиссии). Директором курсов был профессор Н. Л. Щукин. Председателем Общества попечения о Высших женских политехнических курсах — профессор Н. А. Белелюбский.


Женскiе Политехническiе Курсы.

Загородный пр. 68. Телефонъ 467 44.

Существуетъ съ 15-го января 1906 г.

Факультеты:

Архитектурный,

Инженерно-Строительный,

Электро-Механическiй

и Химическiй.

Прiемъ лицъ, окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведенiй.

Курсъ обученiя — пятилѣтнiй.

Число слушательницъ къ 1-му января 1913 г. — **570**.

Число лицъ преподавательскаго персонала — **102**.

Открывались частные учебные заведения, куда принимались лица обоих полов, — Психоневрологический институт, созданный В. М. Бехтеревым, и Вольная высшая школа П. Ф. Лесгафта в Петербурге.

В женской прессе обсуждалась правительственная политика, направленная на поддержа-

ние неравенства полов в образовании. «Женский вестник» сопоставлял финансирование Женских политехнических курсов и Санкт-Петербургского Политехнического института, в котором обучались только мужчины. На женские политехнические курсы из казны отпускалось 12 тыс. руб. в год, на Политехнический институт 1 млн рублей государственных денег. При появлении нового органа законодательной власти — Государственной Думы проблема была переосмыслена под тем углом, что главная причина такого положения дел — политическое бесправие женщин[484].

Только в 1915 году произошло юридическое уравнение прав «женских курсов» с мужскими институтами. По данным того же «Женского вестника» в стране к этому времени насчитывалось 28 специальных высших учебных заведений для женщин[485]. В 1917 году из 59 высших учебных заведений, организованных общественностью и частными лицами, 30 предназначались только для женщин, 27 — для лиц обоего пола, и 2 для мужчин[486]. Это был видимый успех движения и реализация им поставленной цели — создание условий для экономической и гражданской полноценности женщин. До конца своего существования дореволюционное женское и феминистское движения осуществляло коллективные действия в поддержку высшего женского образования.

Женское движение XIX века руководствовалось идеей о ценности женской личности для общественного прогресса и ставило своей целью расширение гражданских прав и свобод женщин в экономической, культурной, общественной сферах. Для достижения этой цели был выбран путь получения женщинами качественного образования, необходимого для вхождения в но-

Слушатели Лесгафтских курсов. Справа профессор П. Ф. Лесгафт

вые сферы деятельности, усвоение ими новых социальных ролей и благодаря этому — повышение статуса женщин в обществе. Путь этот пролегал через создание средних и высших образовательных учреждений для женщин, создание инфраструктуры жизни образованной женщины, самостоятельно зарабатывающей себе на жизнь. Все легальные средства признавались годными.

В результате женское движение стало реальностью в общественной жизни страны. Оно институализировалось как особая разновидность благотворительной деятельности женщин в интересах женщин. Движение начального этапа, выступающее за женское образование равное мужскому, за право женщин на труд, на участие в общественной жизни (избирательные права еще не имелись в виду), за равенство в браке, было признано в обществе. Активисток движения этого периода называли «деятельницами по благотворению и просвещению». В результате их деятельности изменилось восприятие женских проблем, и многие из них стали решаемыми.

Появившиеся с начала 1860-х годов «новые женщины», шестидесятницы — писательницы, журналистки, издательницы, врачи, переводчицы, общественные деятельницы — в рамках общеинтеллигентских освободительных (генерализированных) верований развивали идеи женской эмансипации. Эти женщины появились в конторах, издательствах, начальных школах, мастерских, реализуя свое право на труд и ломая представления о «приличном» дамском поведении, ломая патриархатные устои традиционного российского общества.

К концу XIX века, когда общественность заговорила вслух о конституции, о всеобщем избирательном праве, стало очевидным, что понятие всеобщности на женщин не распространяется. Пути русской интеллигенции стали расходиться по признаку пола. Даже самые прогрессивные общественные деятели считали политические права женщин чем-то немыслимым. Равные права для женщин в представлениях «передовой интеллигенции», да и многих самих образованных женщин означали право на высшее образование, на самостоятельный заработок, высокий статус в семье. Например, как свидетельствовала Е. Н. Водовозова, известный педагог и прогрессист К. Д. Ушинский «лишь в достижении женщиной высшего образования видел альфу и омегу женского равноправия, его конечную цель и предел».

Выводы
ЦИКЛ РАЗВИТИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВОГО ЭТАПА ДВИЖЕНИЯ

Единой модели жизненного цикла общественного движения нет и не может быть, т. к. все модели развития общественных движений являются результатом исследования конкретных движений с главной определяющей в виде политических, социально-экономических и культурных контекстов. Это наглядно видно на примере женского движения России, два этапа которого имеют различные циклы своего развития.

Первую фазу первого этапа женского движения в России — середина 1850 — начало 1860-х годов — можно определить, воспользовавшись терминологией О. Рамштадта, как латентную. Она характеризуется становлением консенсуса среди недовольных категорий граждан и поляризацией граждан и власти. На этой фазе развития были сформулированы проблемы определенных социальных групп (проблема бедных, экономические проблемы женщин-дворянок). Протест адресовался и представителям власти, и социальной системе в целом. В российском женском движении эти процессы развивались в ситуации социально-экономического и политического кризиса и общедемократического подъема, и были в значительной степени ими инспирированы. Движение определило свою «целевую группу» — женщин — и выработало подходы к решению их проблем, обосновав свою деятельность доводами практического и идейного характера.

Вторая фаза — начало 1860 — конец 1880-х годов характеризуется формализацией движения, то есть созданием его организационных структур. Движение становится активным субъектом коллективных действий.

Третья фаза — конец 1880-х — 1905 год — время институализации движения, т. е. приспособления движения к существующим социальным институтам.

Женское движение России 1858–1905 годов институализировалось в общественном сознание как благотворительное и благотворительно-просветительское. Это верно не только для обеих столиц, памятуя, что женское движение в начале своего пути по определению было столичным и элитарным, но еще в большей степени это верно для провинции. Этот процесс — аккумуляция активности женщин в интересах женщин как специфической социальной группы, смешение феминистских идей о социальной справедливости в отношении женщин и христианских идей о милосердии, установление связи между социальными и культурными процессами, — характерен для порефор-

менной России. В провинции этот процесс протекал еще более выразительно. На место умилительной «дамской филантропии», осмеянной участницами женского движения, пришло понимание и рациональное объяснение причин «недостаточности» тех или иных социальных групп. Старые подходы «дамской филантропии» — практика оказания материальной помощи и личного покровительства — были замещены сознательной социальной и культурно-просветительной работой, которую можно определить как социальную работу, как деятельность, направленную на реабилитацию и поддержание женского населения на основе системы специальных учреждений. Женское движение само по сути дела стало социальным институтом социального призрения. Оно создавало образовательные учреждения для женщин различных слоев и групп, создало свою попечительскую систему. Тема провинциальной благотворительности активно исследуется в последние годы[487]. Это вселяет надежду, что в ближайшие годы появится возможность более широко и качественно рассмотреть феномен женской активности по преобразованию общества и формированию идентичности женщины-гражданки.

Движение, развивавшееся в закрытом обществе с сильным политическим режимом (с режимом, преодолевшим кризис), не имело другого пути развития, кроме институализации, что вело его к логическому завершению. На практике это вылилось в кризис движения на рубеже 1880–1890-х годов. Лидеры и активистки движения продолжали поддерживать созданную ими институциональную структуру движения — многочисленные образовательные курсы для женщин, общежития, дешевые столовые, «очаги» для детей работающих женщин, биржи труда, кассы взаимопомощи, стипендиальные фонды и т. д. Но участницы движения первого призыва стали к этому времени женщинами преклонного возраста, а участниц движения молодого поколения идеология благотворения как платформа деятельности не устраивала. А. В. Тыркова поставила диагноз — отсутствие «подлинной идеологии» не привлекало в женское движение «женщин с демократическими общественными стремлениями», лозунги 1860-х годов — право на труд, на знание, на свободу чувств и действий уже были исчерпаны[488]. Стал актуальным вопрос об участии женщин в государственной и политической деятельности.

Вопрос идеологии и стратегии движения стал решающим для дальнейшего существования движения. Со всей очевидностью оформилась потребность в обсуждении, формулировке, осмыслении проблем своей социальной группы. По сложившимся традициям в российском женском движении любые коллективные действия, действия по мобилизации консенсуса развивались через организацию формальных структур, то есть через создание и деятельность организаций движения. Поэтому группа участниц движения предприняла попытку организационного оформления нового женского пространства — «порождающей среды» в виде женского клуба. Эта инициатива встретила сопротивление со стороны правительства, которое пыталось удержать женскую активность в форме институализировавшейся благотворительности.

Проект женского клуба министерство внутренних дел запретило самым решительным образом. Эта «рубежная» организация, в уставе которой были зафиксированы цели саморазвития женщин по типу современных групп роста сознания, обсуждение проблем женщин, смогла зарегистрироваться благодаря высоким личным связям ее устроительниц и только под видом благотворительного общества. В угоду власть придержащим оно было названо Русским женским взаимно-благотворительным обществом. Благодарность и включение в почетные члены Вз.-Благ. общества фрейлины Ее Императорского Величества Е. С. Озеровой за «неоценимые услуги»[489] наводит на мысль об уровне использовавшихся связей для получения разрешения. Организация эта стала базовой для многих последующих инициатив и коллективных действий женского движения. В Москве создание подобной организации не удалась.

Женское движение России первого этапа относится к общим движениям. Каждому типу общественного движения соответствуют свои критерии успеха и свой тип результативности.

Общие движения, по Г. Блумеру, формируют новые культурные нормы и ценности в отличие от специфических движений, которые имеют конкретные цели. Поэтому говорить о результативности общих движений сложно. Показателем их результативности может служить факт усвоения обществом ценностей, постулируемых движением. Но конкретные его результаты все же можно выделить.

К ним, безусловно, относится создание институциональной структуры движения. Ее составили высшие и средние женские учебные заведения, общежития, женские издания, женские трудовые артели и другие организации самозанятости, организации поддержи и взаимопомощи, организации социального призрения женщин различных социальных групп. Структура движения в дальнейшем послужила организационной основой для его второго этапа — феминистского. Женские организации, выросшие по типу самодеятельных низовых организаций, замещали собой отсутствующие государственные структуры социальной поддержки и решали проблемы государственного уровня.

Сложилась ролевая структура движения, то есть сформировались лидеры, круг активисток, группы поддержки движения и самые широкие круги «клиентов» движения. К «клиентам» движения относятся лица, непосредственно не принимавшие участие в движении, но по своему положению в структуре общества кровно заинтересованные в его существовании. В первую очередь, это курсистки, женщины, проживавшие в общежитиях, и т. д.

Участницы движения приобрели организационный опыт, выработали солидарность. Р. Стайтс писал, что русские феминистски только ждали подходящего случая, чтобы продемонстрировать свой опыт ведения агитации и свою солидарность, который им представился в январе 1905 года[490].

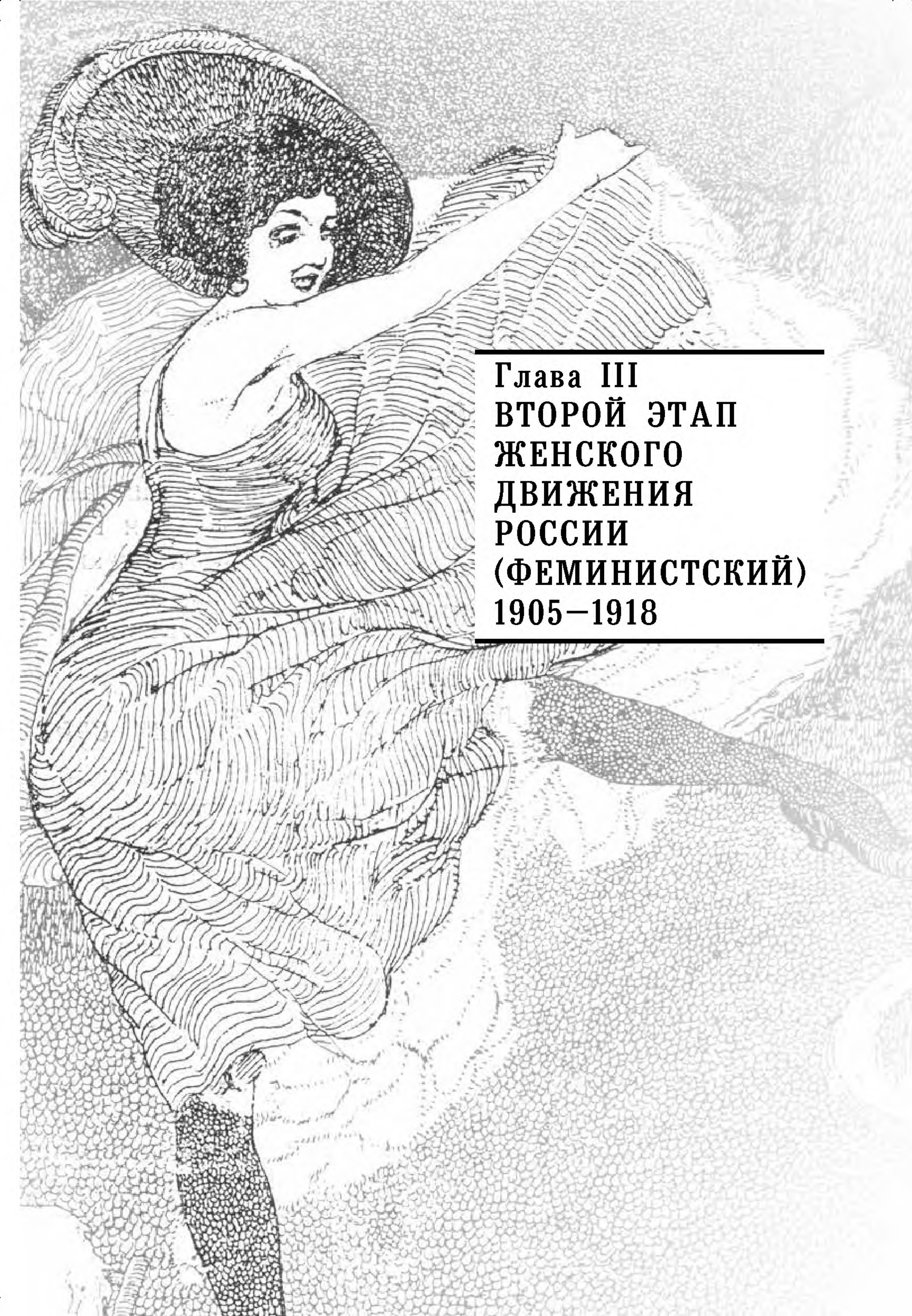
Политическая система страны стала откликаться на запрос женщин. «Женский вопрос» институализировался на уровне государственной проблемы, требующей определенных действий правительства. Правительство, под давлением движения, вынуждено было принимать решения, медленно меняя

законодательство и устоявшуюся практику в отношении этой социальной группы. В первую очередь это относится к вопросам труда, занятости и образования женщин. Примером может служить финансирование женского образования, которое хотя и в незначительной степени, но все же имело место.

Результативность общего движения в виде процессов культурно-социальных изменений (латентные результаты по Дж. Гусфилду) были значимыми и имели серьезные отдаленные культурные и социальные последствия. Движение способствовало ломке традиционных культурных стереотипов женского и мужского поведения, размыванию жестких гендерных ролей, изменению общественного мнения о женщинах. В российском обществе за почти полувековой период (1858–1905 гг.) существования движения изменились системы ценностей, норм, ожиданий в отношении женщин, особенно в сфере женского труда, женского образования, семейно-брачного поведения женщин. Интеллигенция приняла идеи женского равноправия.

Ярким примером тому может служить инцидент с журналом «Век». В 1861 году редактор журнала П. И. Вейнберг под псевдонимом Камень-Виногоров опубликовал статью «Русские диковинки», в которой иронизировал по поводу женской эмансипации. Поводом к фельетону послужило чтение статской советницей Е. Э. Толмачевой произведения А. С. Пушкина «Египетские ночи» на благотворительном вечере в Перми. После декламации Е. Э. Толмачева произнесла речь, в которой заявила, что ничто не развращает девиц как аскетически-растленное воспитание без знакомства с науками и жизнью[491]. Охранительные настроения дорого стоили Виногорову. М. Л. Михайлов отреагировал статьей «Безобразный поступок «Века». В. С. Курочкин откликнулся сатирическим стихотворением «Египетские ночи» и фельетоном-импровизацией[492]. Ф. М. Достоевский с высоты своего авторитета заявил, что «довольно (у нас) и г. Виногоровых, и поэтому женщине выходить перед ними с чтением «Египетских ночей» значит выходить на бой»[493]. В результате всеобщего порицания тираж журнала сократился за год с 50 тыс. до 192 экз.[494] и Вейнберг был вынужден его закрыть. Этот случай показывает, что эмансипационные практики женщин были поддержаны «передовой общественностью», что демократическая интеллигенция и пресса чутко реагировали на проявление охранительных тенденций и жестко репрессировали их.

Таким образом, женское движение первого этапа (1858–1905 гг.) предстает как движение, ориентированное на изменение ценностей и норм общества. Движение в рамках общего потока социальных изменений формулировало и развивало конкретные специфические цели женщинкак большой социальной группы, меняя культуру общества — язык, дискурс в отношении женщин и всего женского, модели женственности. Движение сформировало тот культурный дрейф, который позволил оформиться специфическому движению женщин — феминизму.



Глава III
ВТОРОЙ ЭТАП ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИИ (ФЕМИНИСТСКИЙ) 1905–1918

«Раньше я была модистка. А теперь я суфражистка. Скоро буду футуристка. И тогда всех футуристов объегорю ловко, чисто!»
Карикатура «Современная русская суфражистка» с обложки журнала «Женофоб» (1909)

§ 1. ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ. 1905–1914

1.1. Введение цензового избирательного права в России

Вступление женщин на арену политической деятельности и борьбы было встречено менее дружественно, чем вступление мужчины. Против нее были все консервативные силы общества и большинство прогрессивных групп, кроме самых радикальных.

Н. Котляревский

События 1905 года и как следствие появление Манифеста от 6 августа 1905 года о создании «законосовещательного установления», указа о создании Государственной Думы, положения о выборах депутатов[1], Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 года, даровавший «незыблемые основы гражданской свободы», изменили структуру политических возможностей в российском обществе и имели глобальные последствия для его гендерной стратификации.

Избирательный закон нарушил баланс гендерного политического равенства в российском обществе — равенства в бесправии. Теперь мужское население страны стало легитимным участником политического процесса.

Согласно Положению о выборах[2] избирательное право не было всеобщим. Ст. 6 Положения исключала из числа избирателей «лиц женского пола, лиц моложе 25 лет, обучающиеся в учебных заведениях, военнослужащих армии и флота, состоящих на действительной военной службе, бродячих инородцев и иностранных подданных»[3]. Таким образом, из электорального процесса исключались все женщины не зависимо от их социального статуса, а также студенчество и армия. И хотя введенные цензы — возрастной, оседлости — действовали в то время в «большинстве развитых стран мира»[4], российские равноправки тем не менее поставили проблему гражданских прав женщин как большой социальной группы перед новой законодательной властью.

В послании к Государственной Думе это звучало так: «Правительственными актами от 6 августа, 17 октября и 11 декабря половина населения России лишена права голоса в общем для всех граждан деле, признана неправоспособной и отнесена и категории несовершеннолетних и бесправных существ»[5].

В то же время введение избирательного права сформировало принципиально новые политические и организационные возможности для развития общественных движений. С введением избирательного права политическая система стала более открытой. Электоральная политика сделала возможным легитимное представительство оппозиции в органах власти и изменила масштаб политических отношений в стране.

После провозглашения Манифеста 17 октября наступил период бурного образования партий, союзов, группировок в самых различных кругах, средах, социальных группах. Организации создавались помещиками, крестьянами, буржуазией, интеллигенцией, земскими деятелями. Весь спектр политических интересов от крайне правых до крайне левых был представлен политическими организациями, шел процесс формирования партий. К 1905 году организационно оформились социал-демократы (1898 г.), социалистические революционеры (1902 г.), был создан Союз Освобождения (1904 г.), Союз Союзов (1905 г.).

В «политическую весну» русского либерализма, время сплочения либеральной оппозиции (зима 1904 — весна 1905 г.) женская тема в лагере либералов не звучала. Робкие попытки некоторых женщин поставить проблему гражданских и политических прав женщин в повестку дня оппозиции — на съезде земских деятелей (ноябрь 1904 г.)[6], в выступлениях на политических банкетах — ситуацию не изменили[7]. Проблема по определению не входила в сферу интересов либеральной интеллигенции.

Женские организации «первого призыва» еще не определились в новой ситуации. Например, они не поддержали тех провинциалок, которые приехали на съезд земцев в Петербург с идеей гражданского равноправия женщин и искали поддержки у петербургских женских обществ. Русское Вз.-Бл. общество в 1904 году по-прежнему поднимало вопросы о наследственных правах и снятии паспортных ограничений с женщин, отражая тем самым интериоризированные российским обществом представления о женских правах. Тактика, лидерский потенциал Вз.-Бл. общества, как и других женских организаций были созвучны ушедшему времени.

Новые веяния требовали новой постановки вопроса, новых идей, новых тактик и, главное, новых лидеров, способных сформулировать и реализовать задачи, использовать появившиеся ресурсы и возможности. Другими словами, движению требовался новый поколенческий призыв. Это и произошло.

В Петербурге в 1904 году по инициативе врача и феминистки М. И. Покровской стал выходить журнал «Женский вестник», было создано Женское гигиеническое общество, которое должно было сотрудничать с городской думой и земством по охране народного здравия и следить за соблюдением санитарного режима в городе (через возбуждение судебных исков и подачу жалоб в городское самоуправление по поводу нарушений). В него в основном вошли женщины-врачи: А. К. Величко, В. Н. Лагутина, С. В. Лозина-Лозинская, М. К. Лундберг, А. В. Сташенко[8].

К этому времени социальную базу женского движения составляли уже десятки тысяч образованных женщин — учительниц, врачей, фельдшериц, журналисток, писательниц, культурниц (устроительниц школ, библиотек, больниц), которые смогли выдвинуть из своих рядов новых лидеров.

Эти лидеры движения поставили как одну из актуальных проблем движения проблему пробуждения политического самосознания женщин, чего было невозможно достичь без формирования коллективной женской идентичности.

Изменения в движении в условиях политического подъема шло интенсивно. Нарастание протестной волны зимой-весной 1905 года не могло оставить образованных женщин среднего класса безучастными. Они откликнулись приходом в политику — «женщины встрепенулись повсеместно, во всех городах заговорили об одном и заволновались одной мыслью — отвоевать политическое равноправие, послать своих представительниц в Учредительное собрание и отстоять через представительство их равноправие во всех областях»[9].

Женщины требовали «участия в общественном переустройстве» на началах полного равноправия и справедливости — на выборах в будущие уездные и губернские земства и городские самоуправления, в Государственную Думу, допущения к участию в предстоящем Собрании уполномоченных, в работе комиссий по реформе средней школы. Вновь были подняты требования об уравнении прав женщин в сфере образования, в праве заниматься всеми видами научного и профессионального труда, в том числе служить в правительственных и общественных учреждениях (в контрольной палате, казначействах, отделениях государственного банка, в волостных учреждениях).

Не только в столицах, но и в других крупных городах империи была зафиксирована женская активность. Петиции из Минска, Одессы, Кишинева, Саратова, Варшавы, Гельсингфорса полетели в губернские собрания, городские управы, в Совет министров[10]. Женские собрания и митинги с требованием «полноправных избирательных прав» (активных и пассивных) прошли в Воронеже (11 января 1905 г.), в Саратове (12 марта 1905 г.), в Харькове (27 марта 1905 г.), в Минске (4 апреля 1905 г.), в Херсонской губернии (апрель 1905 г.), в Ялте (21 апреля)[11].

Женщины средних классов пришли в политические организации (например в Союз освобождения), вступали в политические партии (эсеров и социал-демократов) и мучительно решали проблему выбора между женскими организациями и партиями «левой» ориентации. Что правильнее — объединяться в женские организации для работы по достижению избирательных женских прав или предоставить решать этот вопрос радикальным партиям, признающим равноправие всех людей[12]? Достаточно ли только одних деклараций и программных заявлений партий? Как относиться к тому, что среди московских социалистов бытует мнение, что участие женщин на выборах в Учредительное собрание увеличит силы противников[13]?

Феминистски нового призыва критически осмысляли позицию радикальных партий в вопросе политического участия женщин. «Отношение к женскому вопросу (левых партий. — *И. Ю.*) с усмешкой», осмеяние его равноправки воспринимали как момент политический и требующий специальной работы непосредственно с женщинами, которые привыкли много работать, но «не привыкли говорить, заявлять, требовать»[14]. «Сегодня-завтра они прочтут или услышат, что женский вопрос что-то смешное <...> и еще более затемнится их понятие о правах», — обозначили они проблему[15]. Равноправки считали необходимым встроить «женский вопрос» в общероссийскую политическую повестку дня.

Поэтому среди партий, союзов, группировок, консолидирующихся на основе самых разных интересов — сословных, экономических, идеологических, региональных и др., появились и первые политические объединения на основе «полового», в терминологии того времени, принципа. Новые женские организации имели «политическую платформу», то есть определили свои политические требования. Главным политическим требованием было требование избирательных прав для женщин, необходимое женщинам для участия в законодательном процессе, во всех преобразованиях и реформах.

В начале 1905 года Петербургское общество вспоможения окончившим курс наук на ВЖК выдвинуло политические требования — требование реформы государственного строя на началах представительной власти, «свободно избранной путем всеобщей, равной, тайной подачи голосов». Активистками общества были А. К. Диксон, Л. И. Дитерикс, А. В. Лучинская, М. И. Недашенко, Е. П. Попова, А. Е. Середобина, Е. Н. Щепкина, М. М. Янчевская и др.[16]

В феврале 1905 года в Москве оформилась группа женщин интеллигентных профессий, передавших в *Комиссию по составлению проекта об улучшении государственного строя* при Московской городской думе петицию с требованием активного и пассивного избирательного права для женщин. Под петицией подписалось более 5 тыс. женщин. Ответа на петицию не последовало.

Одновременно с тем, москвички разрабатывали устав и платформу новой организации. Это было начало Союза равноправности женщин. Первыми инициативами еще не заявившей о себе организации были кружки по распространению образования среди работниц, ознакомление с теоретической постановкой женского вопроса на Западе, изучение положения крестьянки, деятельность по поддержанию Лиги мира и др. Первыми активистками были: А. Успенская, Л. Н. Рутцен, З. С. Мирович (Иванова), княгиня Голицина, О. Н. Якушкина, учительницы Н. А. Гольцева, М. А. Чехова, С. В. Берви, Е. А. Реформатская, А. Н. Шереметьевская, С. Ф. Червинская и др.

Московская группа также встала перед выбором женщин того времени: либо создавать «женскую организацию», либо «политическую организацию женщин», в которой широкие демократические требования и политическая активность по их достижению сочеталась бы с деятельностью в интересах женщин как социальной группы. Вторая позиция получила развитие.

В апреле 1905 года в Петербурге состоялся первый в России женский митинг, на котором в полный голос прозвучало требование политического равноправия.

В апреле того же года в Московскую городскую думу было подано очередное заявление с 955 подписями москвичек. В заявлении излагалась просьба к гласным Думы выступить защитниками женщин, когда их «призовут для обсуждения вопросов государственного устройства на основании Высочайшего рескрипта 18 февраля»[17], и признать всеобщее избирательное право без различия пола. Думцы ответили отказом.

Ситуация «выпадения» женского движения из обоймы легитимных участников электорального процесса, невозможность женщин влиять ни на исход выборов в органы власти, ни отстаивать интересы своей социальной группы, послужила толчком к пересмотру целей движения, тактик, коллективных действий. Таким образом, 1905 год стал рубежным для женского движения.

То, что идея равных избирательных прав женщин не поддерживалась даже в кругах передовой либеральной интеллигенции и оценивались как утопия, стало очевидным уже в 1890-х годах. «Женские права» интерпретировались как право на высшее образование, на труд, на равное с мужчиной наследное право, на расширение прав женщин в семье, т. е. рассматривалось в рамках пресловутого «женского вопроса». Именно в такой трактовке права женщин были интериоризированы русской интеллигенцией.

В первую очередь этому способствовало распространенное мнение, что стремление женщин к образованию и общественному труду — это получение возможности для «честного» выживания в условиях пореформенного времени и имплицитно приписываемой женщинам цели реализации материнства и поддержания детства. Интересы общества при такой постановке вопроса виделись в распространении «просвещенного материнства». То, что была создана система высшего и среднего женского образования, что некоторые женщины преуспели в профессиональной деятельности, появились на земской и думской службе, где восполнили потребность в кадрах врачей и учителей, — было воспринято общественным мнением как решение «женского вопроса». Причем он был решен малой кровью, усилиями, в первую очередь, самих женщин. Теперь женщины могли зарабатывать себе на жизнь, и их позиции на рынке труда не представляли угрозы «общественным устоям», т. е. принципам распределения власти.

Тот факт, что права женщин на образование и труд законодательно не были закреплены и что законодательство носило дискриминационный характер по отношению к женщинам, так и не стал предметом общественной дискуссии в либеральных кругах. В отношении труда женщин действовало постановление «о службе женщин», принятое еще при Александре II в 1871 году, которое призывало поощрять их на педагогическом и отчасти на врачебном поприще, на службе по телеграфному ведомству, счетоводной части и в Ведомстве императрицы Марии Федоровны. Прием женщин

на службу в прочие правительственные и общественные учреждения женщин был запрещен. Механизма исполнения этого постановления не было. Поэтому, несмотря на признание высшего женского образования, постоянного государственного обеспечения его не было, и в масштабе страны оно было доступно лишь единицам. Женщины-врачи получали вместо дипломов временные свидетельства без указания профессии, выпускные свидетельства ВЖК не приравнивались к университетским дипломам. Кроме того, женщины-врачи не были включены в списки врачей, имеющих право практики и право на обслуживание аптеками, что делало их неконкурентоспособными с мужчинами-врачами. При приеме женщин на службу от них требовали более высокого образовательного уровня, чем от мужчин, при этом соблюдалась установленная процентная норма приема женщин. И даже пробившись на службу, женщины получали жалованье меньше, обычно 1/3 или даже 1/4 от заработка мужчин, работавших на тех же позициях. От женщин-служащих требовали «прозрачности» личной жизни — их право на частную жизнь нарушалось. В провинции практиковался запрет на замужество для учительниц, в столице он был введен официально в 1897 году. К женщинам относились не как к специалистам, а как к представительницам пола.

Таким образом, реализация права на высшее образование не привела к «естественному» и равноправному включению женщин в ряды профессиональной интеллигенции, к равноправию на рынке труда. Для решения проблем трудоустройства женщин по-прежнему требовалась поддержка специальных организаций в виде разного рода обществ вспоможения и женских сетей. Задача поддержания малообеспеченной и бесправной женской тру-

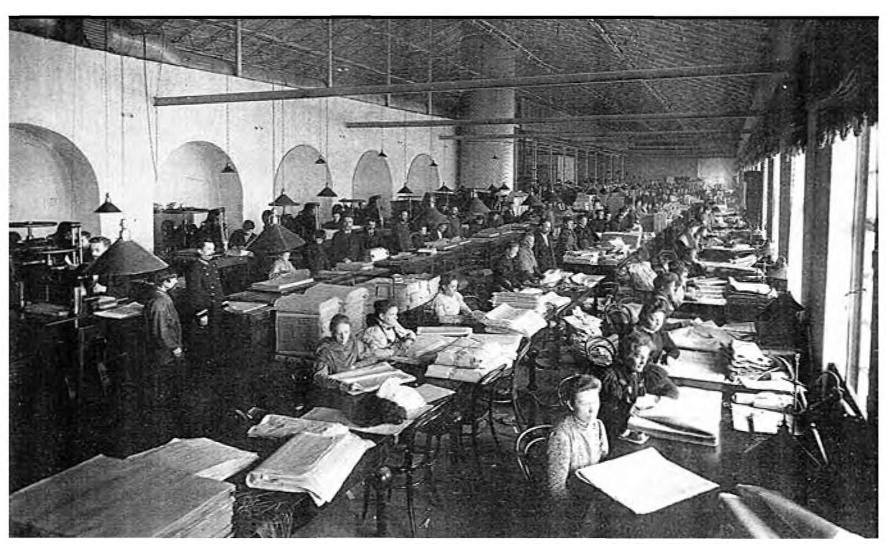
Женская аптека А. Б. Лесневской. 1908 г.

довой интеллигенции оставалась актуальной. Активистки уже поняли, что проблемы, поднимаемые движением, автоматически не решаются. Основной причиной «несправедливости» в отношении женщин, барьером на пути к равноправию они определили отсутствие женщин во властных структурах на уровне принятия решений. Только преодоление этого барьера, по мнению активисток движения, открывало реальные перспективы равноправия. «Не ждите великодушия ни от кого, защищайте сами свои права, ставьте людей в невозможность господствовать над Вами, оградите себя законами!»[18] — призывала одна из деятельниц движения А. А. Кальманович.

Мужская интеллигенция считала эти притязания чрезмерными. Равные избирательные права представлялось нарушением «основного человеческого разделения занятий», разрушением «основы цивилизации»[19]. Самое прогрессивное мнение о перспективах женщин в электоральном процессе заключалось в принципиальном признании принципа «всеобщности избирательных прав». Но при этом утверждалось, что «в данный момент» в виде «временной меры» и по «практическим соображениям» его следует распространить только на мужское население[20].

Перед активистками движения встала проблема собственного выхода на политическую арену, предъявления обществу проблем своей социальной группы, получения избирательных прав. Стержневой идеей была та, что «женщина до тех пор будет только рабою мужчины, а не самостоятельным человеком, пока законы, регулирующие ее деятельность, будут издаваться без ее содействия»[21].

Возникла необходимость в идеологии, не благотворительно-охранительного характера, а наступательного. Собственно только такого рода идеоло-



Цех печатного отдела. Экспедиция заготовления государственных бумаг. Фото 1914 г.

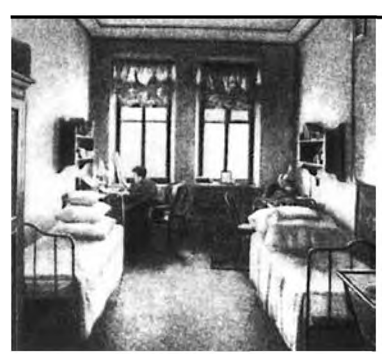
гия могла вывести движение на новый уровень, обосновать его властные притязания. Помимо разработки идеологии встала проблема внедрения ее в массовое сознание.

С этого момента движение приобретает конкретный или специфический характер (H. Blumer)[22]. Специфичность его выражалась в четко сформулированной цели — достижение избирательных прав для женщин.

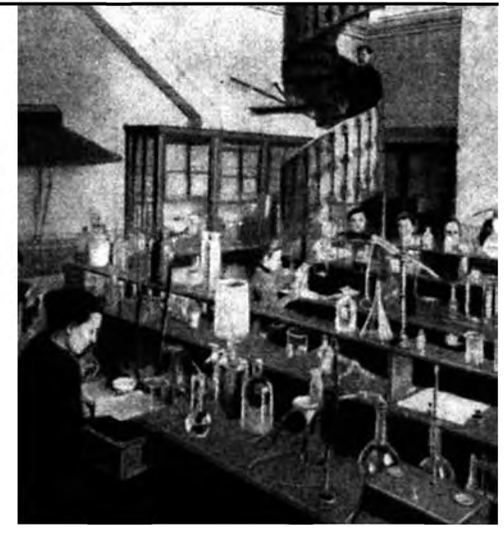
Создание женских организаций как «порождающих сред» под конкретные цели было апробированным путем в русском женском движении. Эта практика была продолжена. Но кроме того появилась потребность в расширении репертуара коллективных действий. Новая цель требовала новых решений, тем более что с развитием демократических институтов в стране появились новые возможности и ресурсы, которые нужно было осваивать.

Стабильность движения, институализация его некоторых структур, таких как высшие и средние женские учебные заведения, женские общества, женские журналы, составили организационную и материальную базу нового этапа движения.

К 1905 году движение уже обладало значительными вещественными и невещественными ресурсами. К вещественным ресурсам нужно отнести: собственные здания (например, учебные корпуса и общежития Высших женских Бестужевских курсов, Женского медицинского института, Общества доставления дешевых квартир), арендованные помещения женских организаций, которые десятилетиями занимали одни и те же помещения (как, например, квартира Вз.-Бл. общества на Спасской улице, его общежития), финансы, материальные ценности.



Комната в общежитии ВЖК



Химическая лаборатория ВЖК

Невещественные ресурсы составляли лидеры и участницы движения, которые работали в каждой женской организации и которые имели опыт, организационные навыки и связи; «клиенты» движения, которые были кровно заинтересованы в его стабильности и успешности; а также их солидарность, ценности, нормы и собственно сами организации движения.

Таким образом, в ситуации новых политических и организационных возможностей произошло переосмысление целей движения. Появились новые организации, манифестировавшие цели нового этапа — политические. «Старые» женские организации корректировали свои уставы, меняли структуру организаций. Вз.-Благ. общество, например, в 1906 году открыло Отдел избирательных прав женщин.

В то же время наряду с задачей-максимум, ставились и задачи-минимум. Так, требования феминисток в области образования и занятости в начале века включали в себя: выравнивание программ женских и мужских гимназий, право на поступление в государственные университеты, право при наличии юридического образования продвигаться по всем ступеням юридической карьеры, право избрания на должность присяжных поверенных наряду с мужчинами, право занимать должности инспектрис, попечительниц, преподавательниц по всем предметам в женских учебных заведениях, требование равных прав для женщин-врачей, уравнение зарплаты, льгот, наград и пенсий с мужскими, а также право занимать одинаковые должности с мужчинами во всех общественных учреждениях[23].

1.2. Мобилизационный контекст движения

Женщинам полагаться не на кого, они должны надеяться на свои собственные силы и в момент подъема общественного <...> бороться за свои права, собираться в общества, союзы, организации, выражать свой протест.

Первый женский календарь на 1906 год

Значимыми социальными институтами для генезиса женского движения второго этапа, для русского суфражизма и феминизма выступили такие институты, как институт политических партий, законодательной (Государственная Дума), исполнительной (правительство, земства) и судебной власти, прессы, литературы, а также идеология движения, структура «старого» и «нового» женского движения. Вышеописанные события национального масштаба послужили толчком к адаптации и развитию феминистской идеи на отечественной почве. Феминистская мысль обосновала требование избирательных прав для женщин всех социальных классов и статусов и стимулировала появление новых женских организаций.

Новыми женскими организациями феминистской ориентации были Союз равноправности женщин (1905 г.), Женская прогрессивная партия (1906 г.), Женский клуб при Женской прогрессивной партии (1906 г.), Женский политический клуб (1906 г.), Российская Лига равноправия женщин (1907 г.), Петербургский женский клуб (1908 г.), Общество охранения прав женщин (1910 г.), Всероссийский женский совет (1917 г.).

Достижение избирательных прав для женщин, равных мужским с 1905 года стало главной целью российского женского движения и русского феминизма. Только получение избирательных прав открывало, по мнению участниц движения, реальные перспективы равноправия. А полноценное женское представительство в политической системе страны рассматривалась ими как необходимая составляющая процесса демократизации общества.

Властные притязания женщин, деятельность женских организаций по достижению поставленной цели, дебаты о наличии общих интересов женщин внепартийного характера и вовлечение в движение женщин разной партийной принадлежности, работа с женщинами низших слоев, вызывали реакцию противодействия со стороны ряда партий и политизированных союзов, в том числе и тех, которые оценивались равноправками как потенциальные союзники.

1.2.1. Отношение партий к женскому движению

Все партии, включая самые левые, более чем равнодушны к женскому вопросу.

А. Тыркова[24]

Еще тогда я впервые поняла, как мало заботилась наша партия о судьбе русских работниц, как незначителен был ее интерес к женскому освободительному движению.

А. Коллонтай

Попытка женских организаций на волне протеста включить женские избирательные права во всероссийскую политическую повестку и получить их, не удалась. Предстояла долгая и кропотливая работа.

Ни одна из социально-политических доктрин и соответствующих им социальных движений, в том числе и феминистская, не была лишена социальной и идейной обусловленности и не была свободна от социальных утопий. Ни одна из российских партий теоретически не разрабатывала «женский вопрос», отношение к нему было «несколько потребительским»[25].

Партии социалистической ориентации включили эту проблему в свои программы, исходя из теоретических посылок, но решать этот вопрос предполагали в далеком будущем и собственными силами, отстранив женское движение, т. е. самих женщин. Первой партией, включившей пункт о жен-

ском политическом равноправии, была РСДРП, что было зафиксировано в программе 1903 года — «Всеобщее, равное и прямое избирательное право <...> для всех граждан и гражданок»[26].

Суть социал-демократического понимания «женского вопроса» заключалась в том, что положение женщины при капитализме вызвано разделением труда и частной собственностью, что женщина-работница испытывает двойной гнет капитала и буржуазной семьи и что ее освобождение произойдет вместе с пролетариатом в результате победы пролетарской революции, которая уничтожит и частную собственность, и буржуазную семью. Российские социал-демократы не разрабатывали теоретически женскую проблематику, считая, что труды Ф. Энгельса и А. Бебеля в достаточной степени осветили этот вопрос. Единственной отечественной работой марксистской направленности в то время была брошюра Н. К. Крупской «Женщина-работница» (1901 г.), которая адаптировала основные идеи социал-демократической мысли и свела все к утверждению, что через занятость в производстве и участие в классовой борьбе женщина обретет свою свободу.

Интереса к проблеме не было, актуальности ее никто не видел. В этом было некое странное противоречие, т. к. в год образования социал-демократической партии (1898 г.) около 15 % ее членов составляли женщины. Это был очень большой процент, к которому социалистические партии на Западе и близко не могли приблизиться[27]. Существенно то, что этот процент составляли женщины преимущественно «средних классов», имевшие за плечами как минимум гимназическое образование. Работа среди женщин-работниц практически не велась и РСДРП не стала партией работниц[28].

Поэтому напрашивается вывод, что включение в программу партии пункта о равном по признаку пола избирательном праве и защите прав работниц — дань собственно социалистической теории. Защита прав работниц предполагалась по следующим направлениям: охрана материнства, охрана труда женщин, установление 8 часового рабочего дня и назначение инспектрис в отрасли с преобладанием женского труда. При всей схематичности программы по «женскому вопросу» не считаться с ней другие партии не могли. Недаром феминистки оценивали декларации социалистов как «идеалистическую проповедь»[29], которая помогла им вписать свои требования в политическую риторику.

До 1905 года «женский вопрос» в практической плоскости у социалистов не вставал, а затем вылился в редкие спорадические попытки наладить работу среди пролетарок (при подготовке к съезду равноправок, например) и в жесткую конфронтацию с феминистками. Инициатором и того и другого была А. Коллонтай.

Разница между большевиками и меньшевиками в решении «женского вопроса» выражалась в том, что первые рассматривали проблемы женщин жестко с классовых позиций и отказывались от каких-либо союзнических соглашений с женским движением. Меньшевики демонстрировали большую гибкость и шли на совместную работу с женскими организациями. Вслед за

А. Бебелем они считали, что феминистки и социалистки могут сражаться отдельно, но маршировать вместе. Поэтому многие меньшевички открыто принимали участие в деятельности феминистских организаций.

Эсеры также выступали за уравнение гражданских прав мужчин и женщин. Они разделяли общий для социалистов взгляд на женщин как на партнеров в политической борьбе, но конкретной программы по «женскому вопросу» не имели.

Трудовая народно-социалистическая партия признавала политическое равноправие женщин и последовательно отстаивала этот пункт своей программы, сотрудничая с феминистскими организациями. Крестьянину-трудовику Рыжкову принадлежит известная фраза, сказанная им при обсуждении ответа на речь Николая II при открытии Государственной Думы: «Мы забываем в русском парламенте о русской женщине, которая наряду с другими боролась за свободу. Мы забываем, что сын рабыни не может быть гражданином»[30]. Трудовики также включили в свою программу положение о необходимости законодательной охраны материнства и выступали в Думе «ходаками» от феминисток, т. е. были уполномочены последними представлять их интересы. 21 февраля 1911 года трудовики внесли на рассмотрение Думы законопроект «О всеобщем избирательном праве», который предполагал выборы без различия пола на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Законопроект был передан в комиссию законодательных предположений, но до конца полномочий III Думы не рассматривался.

Конституционные демократы на своем первом съезде в октябре 1905 г. при первом голосовании (42 против 5) постановили признать женское политическое равноправие, но после вмешательства П. Н. Милюкова, заявившего, что он выйдет из партии, если этот пункт будет обязательным условием членства, произошло переголосование. 24 голосами против 23 пункт о признании равных избирательных правах женщин стал необязательным для члена партии народной свободы. На II съезде в январе 1906 года эта позиция была пересмотрена. В целом позиция кадетов в «женском вопросе» выдавала непроработанность проблемы. Позднее партия кадетов активно сотрудничала с равноправками, некоторые члены партии — мужчины даже стали членами женских организаций. С. Г. Ведерников, например, был членом правления Санкт-Петербургского женского клуба.

Женщины (графиня В. Н. Бобринская, М. Бларамберг-Чернова, В. А. Морозова, А. С. Милюкова), в свою очередь, активно участвовали в создании к.-д. партии, разрабатывая «женский вопрос» применительно к либеральной доктрине. Из кадетских рядов вышло немало известных феминисток, которые адаптировали феминистскую идею к партийной работе и добились реальных успехов. Так, например, кадеты поставили в повестку первой сессии IV Государственной Думы законопроект о предоставлении женщинам без всяких ограничительных цензов всей полноты электоральных прав на выборах в Государственную Думу.

Кадетки вошли в состав Временного правительства (С. В. Панина, А. В. Тыркова). С. В. Панина стала первой в российской истории женщиной, занявшей государственный пост в ранге товарища министра (сначала призрения, а затем просвещения).

С. В. Панина

А. В. Тыркова

Правый фланг российского либерализма — октябристы, как и монархические организации, не поддерживали идеи женского политического равноправия. Но октябристы были более осторожны в «женском вопросе». Они видели цель женского движения в решении семейных проблем женщин и поддержали в Думе некоторые законопроекты, продвигаемые женскими организациями. Например, о раздельном жительстве супругов, о снятии паспортных ограничений с женщин, о расширении поводов к разводу, об уравнении женщин в правах наследования (3.06.1912). Другими словами, они мыслили «женский вопрос» в традиции и представлениях XIX века. Позднее они признали избирательные права женщин в местном самоуправлении. Лидер партии А. И. Гучков заявил по этому поводу: «Я принадлежу к такой партийной группе, которая не провозгласила абсолютного женского равноправия во всех отраслях нашей государственной и общественной жизни. Но мы считаем, что <...> в местном самоуправлении вполне созрел вопрос о предоставлении женщинам права участия рядом с нами»[31].

Накануне выборов в III Государственную Думу «Союз 17 октября» обратился с воззванием к женщинам Москвы, предлагая обладательницам ценза передавать право голоса сторонникам «умеренно прогрессивных элементов», понимая под ними себя. На страницах женской прессы прозвучал «ответ москвички»: «Союз решил, наконец, снизойти до игнорируемого им до сих пор женского населения, пожаловал их даже в звание гражданок»[32]. И если женщины действительно заслуживают этого звания, «то они дадут должную оценку этим внезапным комплиментам и поймут цели партии, которая упорно отказывается включить в свою программу требование избирательного права без различия пола»[33]. Московское отделение Союза равноправия женщин рекомендовало женщинам, имеющим ценз, «в собственных интересах» голосовать только за партии, которые признали равноправие женщин[34].

Практически все участники политического процесса были в той или иной мере предубеждены в отношении целей феминисток — женского легитимного участия в электоральном процессе. Что касается правительства, то даже на волне массового политического процесса в 1905 году политическая система не достигла той степени открытости, при которой могли быть услышаны требования женщин.

Необходимость политической борьбы не вызывала сомнения у активисток женского движения. Поэтому расширение базы движения, взращивание

женского коллективного самосознания представлялось стратегической задачей. Тактической задачей было изменение существующего отношения к женскому движению и его задачам, получение солидарной поддержки со стороны различных социальных слоев и групп населения, а также партий и общественных организаций, их представляющих. Это была тактика дифференцированного рекрутирования сторонников движения, то есть нахождение доступных и доходчивых для каждой категории населения или профессиональной группы аргументов и стимулов воздействия.

Стимулы воздействия и давления были разные. «Крайним партиям» равноправки оказывали солидарную материальную поддержку во время первой русской революции. Только осенью-зимой 1905–1906 годов Союз равноправия потратил около 100 тыс. рублей[35] на различные мероприятия в поддержку бастующих рабочих. На земцев-конституалистов оказывалось моральное давление. Критика в их адрес, поднятая феминистками в прессе, реально угрожала их репутации. В результате такой тактики противники движения переходили на более нейтральные позиции, равнодушные становились сочувствующими, сочувствующие поддерживали движение.

В деятельности одной из самых политически ангажированных женских организаций — Союза равноправности женщин в период 1905–1907 годов тактика рекрутирования претворялась через вхождение организации в признанные общественным мнением, институализировавшиеся политические и общественные организации. В такие как, например, Союз союзов или Московский стачечный комитет. Пропаганда феминистских взглядов и притязаний, презентация женского движения проходила через совместную работу и личные контакты.

В Союзе союзов равноправки работали со всеми профессиональными союзами, предлагая им дополнить четырехчленную формулировку избирательного права «всеобщего, равного, прямого и тайного» фразой «обоего пола». На II съезде Союза союзов в июле 1905 года предложение равноправок прошло при одном голосе против (П. Н. Милюкова). Эта победа предопределила победу равноправок на Съезде городских деятелей в Москве в августе 1905 года. В ноябре 1905 года земцы-конституциалисты, долго бойкотировавшие «женскую» тему, приняли «Положение об учредительном собрании народных представителей Российской империи», в котором право участия в выборах делегировалось российским гражданам обоего пола»[36].

Демократизация общества, повышение степени открытости политических институтов, политической системы в целом на волне подъема общероссийского политического протеста шла быстрыми темпами. В мае 1905 года Союз союзов не был готов к обсуждению проблемы политических прав женщин, а в июле того же года он уже включил это требование в свою платформу. В феврале 1905 года Московская городская дума встретила «полным смущением»[37] петицию женщин с требованием равного избирательного права, а в августе того же года проголосовала «за».

1.2.2. Дискурс официальной прессы: мизогинистские тенденции

Пелагея Митрофановна подпрыгнула на своем месте:
— Женщина! — Девица! — Доктор? <...> Почему начальство дозволяет такое бесстыдство?

О. Шапир. «Одна из многих»

В начале XX века в существующем официальном дискурсе, умеренно консервативном, привычном в своем языке, доводах, постулатах и предлагаемых решениях, начали проявляться мизогинистские тенденции. Появление этих тенденций было спровоцировано изданием на русском языке книг А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, О. Вейнингера, развивающих, с одной стороны, позицию классической немецкой философии о нетождественности мужчин и женщин в направлении «естественного превосходства» мужчины, а с другой стороны — демонстрировавших резко отрицательные определения женщин и всего женского. Та тенденция, которая существовала и раньше, когда сильное неординарное произведение помогало оформляться новому дискурсу, проявилась и в этот раз.

Нельзя сказать, что в России начала XX века оформился мизогинистский дискурс. Все исследователи сходятся во мнении, что в России никогда не были популярны женоненавистнические идеи[38]. Но нельзя и пройти мимо того факта, что в официальном российском дискурсе развивались мизогинистские тенденции. Их представляли прежде всего переводные работы и российские отклики в развитии основных идей. Одна из активисток феминистского движения М. М. Янчевская зафиксировала эту ситуацию и прокомментировала ее так: «В умственных течениях последнего времени заметно проявляется тенденция к радикальной переоценке общечеловеческой ценности женщин и к ее духовному принижению. Тенденция эта появилась у нас одновременно с половым вопросом <...> Коротко говоря, у нас появились ростки новой идеологии по женскому вопросу. Судя по началу, нашим доморощенным идеологам вряд ли бы удалось самостоятельно свести концы с концами и создать какое-нибудь законченное идейное здание. Но у нас так уж исстари заведено, что дома мы только подготавливаем материал, а научное и принципиальное обоснование выписываем из-за границы. На этот раз в ответ на наш запрос, мы получили оттуда "Пол и характер" О. Вейнингера»[39].

Немецкие философы и их российские последователи не только теоретизировали, но предлагали практические действия в отношении женщин. Поэтому их идеи воспринимались как политические, направленные против реальных женщин и движения, их представляющего.

Труды А. Шопенгауэра, написанные им в середине XIX века, были переведены на русский язык в начале XX века — «Мир как воля и представление» (1900 г.), «Афоризмы житейской мудрости» (1901 г.). В том же 1901 году начали издавать полное собрание сочинений Шопенгауэра.

Основной идеей о взаимоотношении полов у Шопергауэра выступала идея их взаимодополнительности. По всем позициям он ставил женщину в более низкое положение и соответственно с тем определял ее «качества» и «природные свойства». Выводы Шопенгауэра категоричны и выдают его личное предвзятое отношение к женщине. Женщина, по его представлениям, «не создана для высших страданий, радостей и могущественного проявления сил», ее рассудок «вполне скудно отмеренный <...> она скорее отличается духовной близорукостью: ее интуитивный ум остро видит вблизи, но имеет тесный кругозор, в который не входит отдаленное». Поэтому женщина не способна заниматься творчеством, а ее восприятие и познание мира идет только через мужчину — только «посредством мужа» она воспринимает окружающую реальность. «Ее интерес к чему-либо другому есть всегда <...> подвох, то есть клонится к кокетству и обезьянству». Единственное назначение и роль женщины — это продолжение рода.

Все эти абстрактные рассуждения переводились в плоскость конкретных предложений. Поскольку женщина по Шопенгауэру обречена на повиновение, то ее статус в европейском обществе не соответствовал ее «природным данным» — «во всех отношения ниже стоящий второй пол <...> воздавать которому почтение, благоговение смешно выше всякой меры и роняет нас в собственных глазах»[40]. Тем, что женщины «высоко держат голову», т. е. имеют некоторые гражданские права, чем напоминают Шопенгауэру «священных обезьян Бенареса, которые в сознании своей святости и неприкосновенности позволяют себе все и вся»[41]. Поэтому «было бы весьма желательно, чтобы и в Европе опять было отведено этому № 2 человеческого рода его естественное место и был положен предел дамскому бесчинству»[42]. В заключение Шопенгауэр предлагает лишить женщин прав на всякую собственность, видя в самом факте владения ими собственностью подрыв экономического господства мужчин: «Женщины никогда не должны свободно располагать и распоряжаться собственным имуществом, то есть капиталами, домами, поместьями»[43].

Казалось, что Шопенгауэром двигало ощущение угрозы мужскому доминированию, которое еще только обозначили претензии женщин в Европе в его время. Но он отказывал женщине и в ее традиционных ролях и «достоинствах». В частности, он отказывал женщине в красоте, которая в его трактовке не существует, а создается мужчиной в его воображении: «Низкорослый, узкоплечий, широкобедрый пол мог назвать прекрасным только отуманенный половым возбуждением рассудок мужчины: вся его красота и кроется в этом побуждении»[44].

Но более других на формирование мизогинистских настроений повлияла книга О. Вейнингера «Пол и характер», которая вышла в Германии в 1903 году и сделалась популярной не только среди интеллектуалов Германии, но и России. В 1908 году книгу издали на русском языке и она начала свое сенсационное шествие по России. К. Чуковский уже в начале 1909 года заметил, что Вейнингер стал в Петербурге «течением».

В своей работе О. Вейнингер сделал попытку развить теорию взаимоотношения полов, выйдя за рамки теории «естественного права», определенных его предшественниками. Эта попытка в виде ярко написанной книги, а также самоубийство автора, привлекли к себе внимание публики, спровоцировали широкую, не столько научную, сколько политическую дискуссию и подтвердили острейшую актуальность «женского» и «полового» вопросов для российского общества. В обсуждении книги участвовали философы, писатели, публицисты и общественные деятели. Из философского текста ясно «вычитывались» политические смыслы.

Труд Вейнингера во многом был новаторским. Он разработал теорию «бисексуальности», согласно которой в каждом человеке в различных пропорциях присутствует «мужское» и «женское» начала и потому существуют бесчисленные переходные ступени между мужчиной и женщиной. «Дифференциация полов, разделение их никогда не бывает совершенно законченным. Все особенности мужского пола можно найти, хотя бы и в самом слабом развитии, и у женского пола. Все половые признаки женщины имеются и у мужчины, хотя бы только в зачаточном, рудиментарном виде»[45].

По мнению Вейнингера все люди бисексуальны и обладают различным содержанием мужских и женских качеств. И потому женственные мужчины могут оказаться гомосексуалистами, а мужественные женщины либо лесбиянками, либо «новыми» эмансипированными женщинами. Американская исследовательница Т. Осипович обращает внимание на то, что понимание термина «бисексуальность» отличалось в начале XX века от современного. Оно означало не сексуальную ориентацию индивида, направленную на оба пола, а сочетание «мужских» и «женских» характеристик в психологии и поведении человека, то, что сейчас обозначается как bi-gendered[46].

Основываясь на своей теории бисексуальности, Вейнингер обозначил мужчин гомоэротической ориентации и женщин, успешно реализующихся в «мужских» сферах жизни, «промежуточным» полом. Согласно его теории женщина нового типа — это женщина с «мужским» интеллектуальным и духовным потенциалом[47]. Но поскольку «мужское» (М) и «женское» (Ж) у Вейнингера было «неравноценной бинарной оппозицией»[48], приоритет мужского начала над женским был для него очевиден и главными качествами идеального человека выступали мужские, то он реабилитировал гомосексуальность и отторгал женский политический активизм.

Все «женское» и «чистых» по типу женщин Вейнингер оценивал крайне низко, развивая мизогинистскую традицию в понимании женского и женственного. Он отказывал женщине в человеческой полноценности, в наличии своего «я» и определял в полном смысле человеком только мужчину — «Вопрос только в одном: может ли женщина постичь проблему своего существования, понять свою вину? <...> Вопрос только в том, может ли в женщине жить категорический императив? Признает ли женщина над собой идею нравственности, идею человечества? Только в этом одном и была бы эманси-

пация женщины»[49]. Главным недостатком типичной женщины Вейнингер, как и Шопенгауэр, определял ее неспособность к творчеству. Поэтому женщинам он определил две сферы самореализации — материнство и сексуальность, отказывая им попутно в нравственности и понимании морали. Свой тезис «женщина — аморальна» он аргументировал отсутствием у женщин логики, способности постигать истину и воспринимать действительность. По двум сферам самореализации были определены и два типа женщин — «мать» и «проститутка». Материнский тип женщин реализует свою потребность в продолжении рода, «проститутка» реализует сексуальные потребности женщины. Последняя в большей мере наделена «мужскими» чертами и в интеллектуальном отношении стоит выше «матери». На основании этого Вейнингер делал еще один вывод, который вызвал протест у участниц движения и способствовал их рефлексии на тему проституции: проституция — это норма, так как она свойственна женской природе. Таким образом, определяя отношения мужчин и женщин как субъектно-объектные, в котором субъектом действия выступает мужчина, в вопросе проституции Вейнингер отошел от этого постулата и субъектом действий определил женщину.

Его трактовка женской эмансипации заключалась в желании женщин, имеющих мужские психологические качества «внутренне сравняться с мужчиной, достичь его духовной и нравственной свободы, разделить его интересы и овладеть силой творчества»[50], т. е. попытаться стать мужчиной.

Подобная эмансипация вызывала у него сочувствие при всей очевидной невозможности ее осуществления, и таким женщинам Вейнингер предлагал сделать исключение: «Практический вывод может быть лишь один: женщинам с мужскими чертами должно предоставлять свободный доступ ко всему и устранить препятствия с их пути, так как истинные душевные потребности, <...> серьезно толкают их к мужским занятиям». Более того, помочь женщине на этом пути может только мужчина, «созидающий» ее, и потому «мужчина должен побороть в себе отвращение к мужественной женщине, ибо оно — низкий эгоизм». Отсюда пошла трактовка «новой» эмансипированной женщины как некого «двуполого» существа, «женственность» которой находит реализацию в мужской сфере деятельности, в образе мысли и жизни.

По Вейнингеру это единственное решение женского вопроса. Он писал: «Такое решение назовут невозможным, притязания его — преувеличенными, требования — нетерпимыми. Да, конечно, здесь нет того женского вопроса, о котором говорят женщины»[51].

В отношении каких-либо других, более реалистичных притязаний женщин на равноправие Вейнингер был категоричен: «отвергнута должна быть нелепая фраза о "полном равенстве"». В отношении движения также «беспощадно отвергнуты должны быть партийные течения такого рода <...>, все женское движение, которое порождает в столь многих противоестественное, искусственное и в самой основе своей лживое стремление»[52].

На волне интереса к Вейнингеру были переведены и другие его работы: «Об Ибсене и его произведениях», «Культура и ее отношение к вере, страху и знанию», «Последние слова».

Практически сразу за книгой «Пол и характер» был издан труд доктора Мебиуса «Пол и неучтивость. Критический разбор книги «Пол и Характер» Отто Вейнингера», которая ввела российского читателя в дискуссию, разгоревшуюся в Германии. Д-р Мебиус обвинял Вейнингера в плагиате его книги «Физиологическое слабоумие женщины» и утверждал, что «все те выводы и рассуждения, которые являются в книге Вейнингера более или менее ценными, к сожалению, уже были ранее высказаны мною, а все же остальное, то есть именно то, что является его собственным достоянием, — <...> представляет из себя сплошной вздор»[53]. «Физиологическое слабоумие женщины» также перевели на русский язык.

В дополнение к книге Мебиуса была издана книга его последовательницы и соотечественницы Катинки фон Розен «Моральное слабоумие женщины». Здесь перепевы Вейнингера максимально достигли своего упрощения. Книга, написанная под лозунгом любви «к нашей немецкой женщине», носила пасквильный характер и была направлена против женщин, и особенно против феминисток. Мебиус писал о физиологическом слабоумии женщин, и основное содержание его книги можно свести к трем фразам: «Женщина есть воплощенная сексуальность и больше ничего», «Женщина в полном смысле является половым существом» и «Продуктивность мозга женщины ниже мужского во всех областях». Розен пишет о моральном слабоумии женщин, подразумевая под этим отход женщин от традиционных норм поведения и внимание к феминизму. Первая и большая часть книги фон Розен построена на описании черт и свойств женщин и мужчин. Принцип распределения человеческих качеств прост — они делятся на плохие женские и хорошие мужские: «женщина никогда не забудет обиды» — «мужчина всегда простит»[54].

Вторая часть — обвинение феминисток во всех смертных грехах. Идея ограничения рождаемости рассматривалась как посягательство на законы природы, стремление к равноправию — опять посягательство на эти законы, женское движение — «болезненность всего рода человеческого» и т. д. Вывод — «пусть женщина удовлетворится тем признанием, которое предназначило ей Мудрое Провидение»[55].

Российские последователи О. Вейненгера делали упор на то, что его выводы основаны на «последних достижениях естествознания» и уходят в «самую глубину клеточной жизни» (И. А. Ашкинази).

И. А. Ашкинази в книге «Женщина и человек. Отто Вейнингер и его книга "Пол и характер"» пенял социологам, что они придавали слишком большое значение социальным условиям в объяснении взаимоотношений между полами. Он однозначно принял позицию Вейненгера и все его положения: теорию бисексуальности, определение сознательного мышления половым признаком мужчины и его половой функцией, а «бессознательную душевную жизнь

женщины» — женским половым признаком. В развитии идеи Вейнингера он утверждал, что женщины, которых можно признать интеллектуальными, — есть «наименее женственные женщины». В их число Ашкинази записал Жорж Санд, Софью Ковалевскую, Елену Блаватскую и Сафо. Руководительниц западного феминизма — Эллен Кэй и Аниту Аугсбургер Ашкинази определил как женщин, у которых «даже на первый взгляд нельзя не обнаружить типически мужских черт». По Ашкинази женщины «промежуточных форм» не обязательно гомосексуальны и потому нет нужды выискивать ее у известных женщин. Жорж Санд, например, трудно заподозрить в гомосексуальности, хотя она — типичный пример мужественной женщины.

Всех остальных участниц движения он определял как «большинство», «Панургово стадо», «бессознательные подражательницы», которые имеют «самое отдаленное отношение к идейным ферментам общественных движений». Таким образом, существование феминистского движения объясняется очень просто — «очевидно, что женщина как таковая не участвует и не может участвовать в движении феминизма» и только женщины, удаленные от идеального типа женщины могут стремиться к интеллектуальной равности с мужчиной к признанию своей интеллектуальности с ними, участвуют в движении феминизма[56]. Фразу Вейнингера, что «единственным врагом эмансипации женщин является женщина как таковая» И. А. Ашкинази трактует применительно к движению — движение феминизма возникает только из стремления мужественных женщин реализовать свое мужское «я». «Женский вопрос», женское движение, феминизм — проблема не общего характера, а только промежуточных половых типов. Раз так, то его и не существует, а существует только проблема индивидуального самоопределения личности. Поэтому «женский вопрос» — не «проблема чрезвычайной важности», а результат «эпохи промежуточных» форм, эпохи гомосексуальности и смешения мужского и женского начал. И. А. Ашкинази утверждал, не обременяя себя доказательствами, что женское движение и рост гомосексуальности в обществе — процессы параллельные.

Единственно, в чем И. А. Ашкинази не был согласен с О. Вейнингером, так это в том, что все характерные черты абсолютной женщины — отсутствие «непрерывной памяти», «логических функций», «умопостигаемого Я», тот напрямую перенес на реальных женщин. Но это — ошибка не его логики, а его психологии и ненависти к женщинам[57].

В символистской среде идеи О. Вейнингера вызвали горячее обсуждение и нашли отклик в развитии магистральной для русского символизма теме «трагедии пола», производя побочно политические смыслы. Наибольший энтузиазм основные постулаты книги вызвали у З. Гиппиус и Н. Бердяева[58]. З. Гиппиус в своей статье «Зверебог» заявила, что «будучи женщиной, я не только не восстаю и не жалуюсь <...> но всячески утверждаю: женщины должны примириться, что их крупицы часто пропадают. Малые величины пусть стираются»[59]. Русские феминистски в лице той же М. М. Янчевской так отреагировали на это: «Когда женщина, достигшая <...> «крайних вершин культуры» рекомендует

другим смиренно пресмыкаться во прах, то ей хочется указать лишь на то, что неудобно проповедовать смирение, карабкаясь на вершины и вкушать самой от плодов культуры, громогласно объявляя ее не по зубам женщине»[60].

Русские символисты отрицательно относились к женской политической и социальной активности, находя ее «жалкой» и «комичной» (Владимир Соловьев). По мнению Т. Осипович «новая женщина» в русском символизме воспринималась как служительница нового христианства и антипод политически активной женщины социальных движений[61].

Ценность работы другого последователя О. Вейнингера — Б. О. Михельсона не в том, что он своей книгой «Пол и красота», по его утверждению, «дополнил Вейнингера», а в том, что в ней много места уделено описанию мизогинистких идей, бытовавших в российском обществе.

Так, Михельсон подробно описал беседу И. И. Мечникова с женщинами-врачами о феминизме. Рассказ, больше нигде не встречающийся.

Рассуждения И. И. Мечникова сводились все к той же идее об отсутствии у женщин способностей к умственной и общественной жизни, их не расположенности к достижениям в сфере свободных интеллектуальных профессий. Мечников доказывал свой вывод примерами из истории. По его мнению, то, что женщины-врачи не могут «идти плечо с плечом с врачами-мужчинами», еще можно объяснить тем, что они до последнего времени не имели доступа к врачебному делу. Но в музыке, живописи, скульптуре женщины не блистали талантами и достижениями на протяжении всей истории, хотя никто не препятствовал им заниматься искусством. В описании Б. Михельсона это звучало так: «Есть ли между женщинами художники? Где среди них Рафаэли, Леонарды, Брюлловы и Репины? Я прошу вас, mesdames, назовите имена, припомните!..» Опять неловкая пауза. Все жмутся и краснеют. А Мечников продолжает: «То же и в скульптуре. И здесь никто и никогда женщинам не запрещал лепить и создавать. И что же? Где Фидии, где Антокольские среди них? Где, наконец, не таланты, не творцы, а где обычные умелые работники в этой области? Ах, их нет»[62]. Вывод Михельсона вслед за Мечниковым был тот, что довод женщин об их многовековом угнетении и порабощении — лишь уловка, чтобы прикрыть неспособность женщин к профессиональной творческой деятельности.

Б. О. Михельсон дает красочное и недоброжелательное описание женской реакции на слова И. И. Мечникова: «Эффект этих слов был необычайный. Краснеющие и жмущиеся друг к другу слушательницы беспомощно озирались кругом и не находили слов. "Я не делаю выводов, — продолжал Мечников, — и даже не углубляюсь в анатомию, не взвешиваю вашего мозга и не считаю его извилин, чтобы не впасть в соблазн гипотезы о недоизвилившихся мозгах женщины, я просто привожу наблюдения"...»[63].

Русские философы с сочувствием отнеслись к идеям О. Вейнингера, их взгляды во многом совпадали с его взглядами на природу женщины, но оценочные суждения Вейнингера вызвали серьезную критику[64].

По сути своей идея женского мессианства в русской философской мысли была направлена против феминизма как теории и движенческой практики. В. В. Розанов считал, что тенденция 1860-х годов «сравняться с мужчиною» есть «только пена, взбившаяся из общественного недомыслия»[65]. Н. А. Бердяев, признавая эмансипационное движение женщин в принципе справедливым, видел в нем две тенденции, одна из которых была ложной. Плохая эмансипация вела к искажению вечной женственности, подражанию мужчине и унижению женщины. Социально-экономическую сторону женского вопроса он считал производной[66].

По мнению Л. Полякова, «теология пола» русских религиозных мыслителей выступила радикальной альтернативой социально-политической доктрине женской эмансипации[67]. Для таких ее представителей, как В. В. Розанов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, женская эмансипация являлась поверхностным политическим лозунгом, не только не отражавшим, но грубо искажавшим истинные отношения между полами. Их философские доктрины — «форма метафизического ответа на, казалось бы, вполне практический женский вопрос»[68]. Вывод И. Л. Савкиной о том, что духовные отцы нации не могли поступиться женственностью как главным патриархатным тотемом, подтвердился и в этом случае.

Эта двойственность русской философской мысли в отношении женщины, женственности, женского, зафиксирована О. В. Рябовым. Он отмечает, что «негативные нотки в оценке природы женщины встречаются в текстах русских авторов» и это проявлялось у В. Соловьева, П. Флоренского, Н. Бердяева, С. Булгакова, В. Розанова, В. Эрна. Но основной пафос суждений о женщине был направлен против мизогинизма[69]. Представляется, что объективно невозможно удержаться от критики женщин, если разделять содержательную сторону представлений О. Вейнингера. И совершенно очевидно, что русские философы, символисты отрицательно относились к женскому движению и феминизму.

Зинаида Гиппиус, наблюдая из окна своего дома на Таврической улице женскую демонстрацию 19 марта 1917 года с требованием избирательных прав, неприязненно записала в своем дневнике: «"Женский" вопрос <...> весьма противен. <...> Женщины, специализировавшиеся на этом вопросе, плохо доказывают свое "человечество" <...> Точно можно у кого-то попросив — *получить* равенство. <...> Нет, женщинам, чтобы равными быть — нужно равными становиться. <...> Если бы заботу и силы, отданные "женской" свободе, женщины приложили бы к общечеловеческой, — они свою имели бы попутно, и не получили бы от мужчин, а завоевали бы *рядом* с ними»[70].

Но идеи Н. А. Бердяева[71], В. И. Иванова[72], Д. С. Мережковского[73] и других о самобытности «женского», о том, что ошибочно видеть в мужчине ту планку, которую нужно достичь, чтобы стать полноценным человеком, способствовали переосмыслению постулата раннего феминизма о равности как одинаковости и развивали русскую феминистскую мысль. Перефразируя О. Рябова,

можно сказать, что философская мысль Серебряного века, не только противостояла идеологиям женоненавистничества и феминизма, но и питала их.

Российская научная мысль пыталась критически переосмыслить идеи О. Вейнингера. Но наука ничего не могла добавить нового в отношении биологических и психических свойств пола. Исследование Вейнингера включило в себя последние ее достижения. В. В. Розанов сам, независимо от австрийского философа, на основе знакомства с сексологическими сочинениями Р. Краффт-Эбинга, А. Фореля, М. Гиршфельда, пришел к идее о текучести пола в человеке, но сделал другие выводы[74]. Его критический отклик на книгу Вейнингера был как ушат холодной воды: «Из каждой страницы Вейнингера слышится крик: "Я люблю мужчин!" — "Ну что же: ты — содомит". На этом можно закрыть книгу»[75].

Критики Вейнингера, пытавшиеся дать практический ответ на поставленные вопросы, переводили разговор в политическую плоскость. Приват-доцент Московского университета В. М. Фриче в своей книге «Торжество пола и гибель цивилизации. По поводу книги О. Вейнингера "Пол и характер"» утверждал, что «рассуждения Вейнингера являются не только идеологическим выражением субъективных психико-физических переживаний, а также определенной политической программой»[76]. Поскольку процессы демократизации из-за смешения классов и полов угрожают человеческой цивилизации в ее современном виде, которую Фриче определяет как «продукт мужского арийского гения», то Вейнингер, по его мнению, ищет и находит ее врагов, против которых и выступает. Это — женщины, евреи и социалисты. Именно поэтому книга направлена против экономического и политического равенства полов. Фриче развивал критику Вейнингера в двух направлениях — уличая его в нелогичности и чрезмерно обобщенных выводах и анализируя его психо-эмоциональное состояние, обращая внимание на явные личностные проблемы О. Вейнингера. Одной из причин женоненавистнических настроений современности Фриче видит в обостряющейся конкурентной борьбе, «которую женщина сделала мужчине на рынке труда <...> неуклонно и незаметно вытесняет мужчину из большинства буржуазно-интеллигентских профессий, составляющих когда-то его неотъемлемую привилегию»[77]. А если к этой экономической конкуренции «прибавить еще более страстное и победоносное стремление женщин отвоевать себе семейное и в особенности политическое равноправие, то нетрудно понять, что в прежние то снисходительно-презрительные, то рыцарски-галантные отношения мужчины к женщине должны были вкрасться нотки раздражения и озлобления»[78]. Торжество пола над духом, так определяет болезнь целого поколения мужской интеллигенции приват-доцент Фриче. И это — угроза гибели цивилизации. Ее проявления он обнаруживает во всей новейшей западноевропейской науке, и особенно в искусстве. Так что О. Вейнингер отнюдь не мессия. «Очевидно, какое-то иррациональное подпольное чувство затуманило логику исследователя и невидимая рука каких-то неосознанных инстинктов водила его пером».

И вглядываясь в личность Вейнингера, «не трудно заметить, что он страдал той самой истерией, которую так превосходно описал в своей книге»[79].

Другим примером политической критики Вейнингера являются стихи В. Князева: «Ему и ему подобным: после прочтения книги Отто Вейнингера "Пол и характер"».

Рожденный женщиной на женщину клевещет!
Бичует мать свою на площади бичом,
И пьяная толпа, ликуя, рукоплещет!
И восторгается уродом-палачом.
Нет в женщине души? Нет в женщине морали?
Кто ж воспитал в ней похоти рабу?
Не сами ль вы ее от века приковали
Ко брачному, позорному столбу <...>
Да будет стыдно вам! Пусть ныне горд и громок
Крик святотатственно-преступной клеветы! —
Я верю — близок день — забудет вас потомок,
Бесславного труда, бесславные листы!

В политической плоскости труд О. Вейнингера рассматривался в женской прессе: «Эта книга <...> является криком мужчины, которому невыносимо видеть, что его пол быстро сходит с того пьедестала, на котором он прежде стоял в глазах женщин. Желая восстановить прежний мужской престиж, автор под видом философского трактата делает чрезвычайное усилие, чтобы возвеличить мужчин и унизить женщин»[80].

1.2.3. Дискурс феминистского движения

В России идеи феминизма уже давно приобрели общественные симпатии.

«Нива», 1909

Феминистские исследования

Развитие мизогинистских идей и настроений в российском «умственном обиходе» дало толчок к появлению первых исследований о женщинах. Поскольку «женский вопрос в его многообразных разветвлениях» был только поверхностно затронут наукой[81], то феминистки рубежа веков обратились к научным изысканиям. Они переосмыслили тему равенства как одинаковости, тему женщин в искусстве, тему проституции и ее социальных основ, включились в научный философский дискурс.

Исследования истории искусств сквозь призму феминистского подхода — достижение науки 1970-х годов. Но тема женского творчества, обнаружение барьеров и преград на пути женщин в искусство была поставлена еще на рубеже XX века.

Е. Колтановская

Такие проблемы женского творчества, как ограниченный жизненный опыт, представление о неприличии для женщины выражать свое «Я» в искусстве, отношение к женскому творчеству (в литературе и живописи) как к демонстрации предосудительного женского опыта, отсутствие «питательной» творческой среды, невозможность участвовать в научных дискуссиях, в выставках и выйти из жестко сегрегированного «женского мира», и как результат — отсутствие женщин в «большом» творчестве — все это стало предметом рефлексии женщин.

На тему женщины в живописи писала О. Г. Базанкур[82], в литературе — многие русские писательницы, критикессы и общественные деятельницы. Среди них: М. Н. Анзимирова, Е. Колтановская, М. Крестовская, М. Моравская, О. Шапир и другие[83].

О. Шапир

Мария Башкирцева (1858 год рождения) в своем дневнике, вызвавшем негативную реакцию Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и других столпов российской культуры, но нашедшим отклик у женщин, описала противоречия и конфликты, переживаемые женщиной, которая решила посвятить себя творчеству. Это проблемы отсутствия должной профессиональной подготовки (недопущение на занятия по анатомии, истории искусств, в натурные классы, к участию в выставках), а также давление тех традиционных установок, что женщины, занимающиеся творчеством — «неприличные» женщины, т. к. они затрагивают сюжеты, непозволительные для «прекрасного пола». Общество накладывало табу на проявления женского творчества, ограничивало возможности женщин и «выталкивало» их в признанные приличными «домашние» жанры пейзажа и прикладного искусства. Если к тому добавить невозможность жить профессиональным трудом из-за отсутствия заказов, всеобщее порицание и осуждение, то ответ И. Мечникову вырисовывался сам собой.

М. Башкирцева

Вывод М. Башкирцевой заключался в том, что мир творчества принадлежит мужчинам, а женщины допускаются в него, если только играют ожидаемые роли музы или бледных подражателей мастеров[84]. Если женщина испытывает желание творчества, требует своего права на одиночество перед полотном, хочет добиться известности, как в ее случае, то мир обрушивается с самых неожиданных сторон: «Мне говорят, что мне следует <...> выйти замуж за богатого человека <...> наслаждаться жизнью, вместо того чтобы портить молодость и мазать полотна» (24.06.1880); «Есть гнусные, подлые люди, которые относят всякое женское честолюбие к физическим причинам <...> и они твердят родителям: “Выдайте ее замуж, и она бросит тогда свою живо-

пись" <...> Но я ведь знаю замужних женщин, которые сохранили свой талант и свой гений» (28.08.1882); «Все, кто смеется над женскими талантами, никогда не узнают, сколько серьезных дарований, из ряда вон выходящих темпераментов было обескуражено и искалечено»[85]. Следует добавить, что после смерти Башкирцевой ее дневник был вымаран ее матерью и цензурой из «соображений приличий» и до сих пор полностью не опубликован.

Можно констатировать тот факт, что исследования женских проблем были инициированы женщинами — участницами женского и феминистского движения первой волны. При всем многообразии поднимаемых тем, центральной темой для русского феминизма стала тема женского участия в культуре. Ревизия истории культуры, осмысление тенденций ее развития с позиций феминистской критики, поиск женских имен в живописи, литературе, истории — все это проявилось в России на рубеже XIX–XX веков.

Статья М. М. Янчевской «Женщина у Вейнингера» — это ответ на вызов общественного мнения, которое утверждало, что труд О. Вейнингера: «Страшная книга! Неотразимая логика! Немудрено, что женщины молчат, — нечего возразить»[86], в то же время, это образец женской исследовательской работы о женщинах и в их защиту.

Так ли безупречна «беспощадная логика» Вейнингера? — задается вопросом М. М. Янчевская. Она анализирует труд Вейнингера по трем параметрам — критериям научности, политической идее и влиянию на популярную литературу.

Самой уязвимым местом работы О. Вейнингера, по мнению Янчевской, являлось отсутствие научного обоснования типических свойств «М» и «Ж», научных критериев женственности и мужественности. Не найдя ответы на эти вопросы в биологии, О. Вейнингер обратился к психологии, писала М. М. Янчевская. При описании женской психологии он использует метод самонаблюдения, личный опыт и случайные наблюдения, типа ссылок «на одну знакомую мне даму» или «на всех известных дам». Это не может убедить серьезного исследователя. Для того чтобы описать «внутренний строй» женщины, Вейнингер конструировал женский опыт, анализируя женское в себе. Но как он отличил в себе женское от мужского? На этот вопрос в книге нет ответа. Поэтому, считала Янчевская, сделанные им выводы о психологии женщины не могут быть признаны обоснованными данными. «Таким образом, — делает она вывод, — теория бисексуальности послужила для ее творца перекидным мостом к замкнутому для него внутреннему миру женщины. И <...> в основу психологии не легла. Биология осталась сама по себе, а психология сама по себе. Первая конструируется по принципу бисексуальности, вторая — по принципу унисексуальности»[87]. Интересно замечание М. М. Янчевской, что психология как наука создана мужчинами, в ней еще нет женского вклада — «женщины писали о себе очень мало» — и потому выводы о женской психологии, ее сильном отличии от мужской научно не обоснованы.

М. М. Янчевская обращает внимание на то, что эмпирическая база исследования не выдерживает критики. Ссылки «на одну знакомую мне даму» требуют доказательств, что личный опыт этой дамы дает исчерпывающее представление о женском природе. Таким образом, Вейнингер «вместо силлогизма использует афоризм» и одно недоказанное положение у него опирается на другое. Этот способ доказательств она оценивает как «чистый анахронизм».

В середине книги у Вейнингера, продолжала Янчевская, происходит обвал. Не доискавшись сущности «М» и «Ж», он во второй части работы под ними уже понимает живых мужчин и женщин. Это грубейшая логическая ошибка, «женская», если следовать его собственной логике, язвительно замечает М. М. Янчевская. Ее вывод, что труд Вейнингера не выдерживает критики с позиций современной научной методологии, что позиция автора — это «позиция не психолога, хотя бы и рационалиста, а докантовского метафизика, оперирующего с "субстанцией", с которой у него, по его взглядам, нет никаких точек соприкосновения. Поэтому все, что он высказывает о ней, зиждется не на данных внутреннего опыта, как он хочет уверить, а на общих соображениях, установленных спекулятивным порядком»[88]. Во второй части книга Вейнингера из научного исследования превращается в моральное дознание, в котором слышны отзвуки крайних средневековых воззрений. Перенос абстрактных «М» и «Ж» на всех женщин и всех мужчин привело к тому, что «наметились даже практические выводы из смутно обрисовывавшихся общих положений». Реальным женщинам было отказано в сознании, личности, непрерывной памяти, одинаковых с мужчиной ощущениях и в душе.

Коротко Янчевская анализирует отголоски на Вейнингера в российской науке. На примере работы И. А. Ашкинази она разбивает своих идейных противников тем же оружием — отсутствием эмпирической базы, недоказанностью выводов.

Рассматривая влияние Вейнингера на литературу, она противопоставляет русскую литературу XIX века и молодую литературу начала XX века. Литература прошлого являлась лучшим адвокатом женщин, писала она. В ней женщина выступала эталоном нравственности и мужества, особенно в кризисных ситуациях. Современная беллетристика, по мнению Янчевской, отдает дань моде на «половой вопрос» и идее порабощения сексуальностью. В отношении типических образов женщины и мужчины в молодой литературе Янчевская выразилась так: «Я не нахожу, что сказать, кроме того, что "оба хуже"»[89].

Также исследования о женщинах велись в исторической науке и были весьма популярны. Женщин — профессиональных историков в конце XIX — начале XX веков еще было мало. Но их работы исследовали проблему неравенства, делали видимыми мир «исторической женщины».

Историк, профессор Высших женских Бестужевских курсов А. Я. Ефименко разрабатывала тему крестьянской женщины. Н. А. Белозерская исследовала положение женщин в разные исторические эпохи, написала биографии известных россиянок. Е. О. Лихачева — автор монографии по истории женского

А. Я. Ефименко

Е. О. Лихачева

А. Н. Шабанова

Н. Мирович

образования в России. Е. Н. Щепкина посвятила свои исследования истории женской личности в России, много работала над темой истории женского движения. Следует заметить, что все эти женщины были участницами движения. Историю женского движения писали также и другие его участницы — А. Н. Шабанова, Н. Мирович, А. В. Тыркова. От первых любительских изысканий в истории, публицистических и популярных работ до появления в начале XX века работ монографического характера, опиравшихся на специальные исследования и отражавших мировоззренческие (феминистские) установки их авторов — таков путь развития женской истории усилиями женщин[90].

Учитывая моду на «женские истории», публикации в популярных толстых журналах и тот факт, что влияние истории как науки на общество определяется «в большей мере не непосредственно исследовательскими или учебными трудами историков (рассчитанными, как правило, на узкий круг читателей — преимущественно специалистов), а их публицистическими по форме сочинениями или же их концепциями, выводами и наблюдениями, выраженными в сочинениях других публицистов и мастеров художественной литературы»[91], можно утверждать, что влияние первых женских исторических исследований на широкую читательскую аудиторию имело место. Кроме того, в исторических изысканиях женское движение легитимировало свои истоки.

Феминистская периодика

У нас в России постоянно приходится слышать, что женский журнал совершенно лишний <...> При этом совершенно забывают, какое значение для дела имеет постоянное и систематическое обсуждение вопроса <...> Последний касается целой половины рода человеческого, поэтому обсуждать его мимоходом в общих журналах слишком недостаточно.

Х-ва. 1904 г.

В начале XX века даже те женские журналы, которые развивали традиционные женские темы — дом, мода, дети и т. д., поднимали вопросы женских прав и публиковали материалы об акциях женского движения. Среди них можно назвать «Женщина: гражданка, жена, мать, хозяйка. Литературно-художе-

ственный, семейный и популярно-научный еженедельный иллюстрированный журнал» (1907–1916 гг., СПб), «Женское богатство» (1908–1909 гг., СПб), «Дамский мир» (1909–1918 гг., СПб), «Дамский листок. Художественно-литературный, посвященный вопросам моды, богато иллюстрированный, первый в России еженедельный, встающий в защиту женских прав журнал» (1910 г., СПб), «Женское дело» (1910–1917 гг., Москва), «Мир женщины» (1912–1916 гг., Москва), «Женщина. Еженедельный литературно-художественный журнал» (1913–1914 гг., Варшава), «Современная женщина» (1913–1914 гг., Варшава), «Женская жизнь» (1914–1916 гг., Москва), «Женщина и война» (1915 г., Москва), «Пчелка. Новый женский журнал» (1916–1918 гг., Москва), «Женщина и хозяйка» (1917 г., Москва) и др. Появились женские газеты: «Женская мысль. Еженедельная газета, посвященная главным образом женскому движению и выяснению его ближайших задач» (1909 г., СПб), «Женская газета. Еженедельная общественно-литературная и политическая газета» (1912 г., Одесса), «Женские новости» (1915–1916 гг., Петроград).

Изданий, которые можно было бы рассмотреть как идейные феминистские, как органы движения, было немного. Помимо уже названного ежегодника «Первого женского календаря» (1899–1915 гг., СПб) в XX веке появились журналы — «Женский вестник» М. И. Покровской (1904–1917 гг., СПб), «Союз женщин» М. А. Чеховой (1907–1909 гг., СПб), «Женская мысль» (1909–1910 гг., Киев) М. П. Свободиной и газета «Женская мысль» (1909 г., СПб).

Феминистские издания презентовали иное мировосприятие, в котором пересматривалось сложное переплетение классовых и гендерных установок, проблематик, как основ общественного конфликта. Гендерное неравенство признавалось основой всех социальных конфликтов. Журналы определили собственные специфические темы, не поднимаемые «основной» прессой, предложили иное направление анализа, опровергали гендерные стереотипы, аргументировали сомнения в верности существующего порядка, основанного на гендерной иерархии и гендерной асимметрии. То есть создавали свой феминистский дискурс, в котором шло иное конструирование реальности, основанное на артикуляции иных смысловых категорий.

Производство феминистского дискурса шло в узком кругу образованных женщин — интеллигенток. По своему социальному происхождению это была неоднородная группа — выходцы из разночинной среды, городские дворянки «средней руки», представительницы старой элиты — аристократки. Эта новая социальная группа женщин, выпадающая из сословной иерархии общества, отчужденная от государственных и партийных структур, не укорененная в традиции, была вынуждена писать себя, создавая свою реальность, наделяя ее смыслами. Именно критический феминистский дискурс объединил этих женщин в особую общность. Несомненно, что субъектом дискурса были женские интеллектуальные силы рубежа веков.

Концепция женщины была основой критического феминистского дискурса. В этом своем основном сюжете он вступал в противоречие как с официальным дискурсом, так и с либеральным, раскачивал общепризнанные дискурсивные формы. Дискурсивная практика российских равноправок развивалась как в создании и тиражировании текстов феминистской периодики, феминистских исследований, женской литературы, так и становлении речевой, вербальной коммуникации.

Идеи о мужском языке, приспособленном для выражения мужской позиции еще не были сформулированы в то время, но понимание того, что язык консервирует предрассудки, воздействует на общественное создание, препятствует изменению менталитета, существовало. Проблема эмпирически была определена и озвучена как невозможность использовать имеющийся языковой инструментарий для описания новых форм женской деятельности.

Саморефлексия женщины по поводу своей профессиональной идентичности хорошо описана в рассказе М. Сковронской «Записки корректорши». «Я корректорша. Так называли и называют меня во многих типографиях, в которых я читала корректуру. Очевидно, что слово "корректорша" неправильно и должно означать жену корректора, а не женщину, занимающуюся корректурой. <...> Понимая неверность окончания в слове "корректорша", некоторые авторы, сочинения которых я корректировала, пытались называть меня корректрисой, славянофилы называли меня корректоркой, но ни то ни другое окончание не утвердилось, и меня продолжают называть корректоршей, так по примеру других называю и я себя»[92].

На страницах феминистских изданий был запущен процесс языковой дифференциации по гендерному признаку — производство и употребление терминов, обозначающих профессиональную и общественно-политическую деятельность женщин. То есть была предпринята попытка изменить существующие в языке стереотипы половой дифференциации, приспособить язык для описания собственной практики.

Это обособление языковыми средствами своего направления в широком потоке общественных движений, отмежевание от внешнего мира демонстрирует также процесс формирования коллективной идентичности внутри движения — обращение «сестры»[93], употребление понятий «равноправки», «феминистки», «мы», «наши» в отношении своих коллег.

Конструирование коллективной идентичности происходит как языковыми средствами, так и формированием общих коллективных самоопределений, разделяемых участниками движения — представления о социальном окружении, определенная трактовка социальной реальности, взгляды на цели и возможности коллективных действий.

Несмотря на унифицирующее давление языка официальной прессы, культурной традиции, многие понятия из словаря равноправок вошли в официальный дискурс. Так, на рубеже веков словарь равноправок пополнился такими основными понятиями, которые «*заставляли* говорить те явления, которые им определялись»[94]: «авиаторша»[95], «ассистентка»[96], «ветеринарша»[97], «делегатка»[98], «депутатка»[99], «диспутантка»[100], «доверительница»[101], «докторша»[102], «журналистка»[103], «защитница женских политических прав»[104], «инициаторша», «кастелянша»[105], «конгрессистка»[106], «контролерша»[107], «корректорша»[108], «лектриса»[109], «лекторша»[110], «магистрантка»[111], «маслоделка»[112], «операторша»[113], «ораторша»[114], «организаторша», «истица» — «ответчица»[115], «присяжная переводчица»[116], «политико-экономистка»[117], «председательница»[118], «фельдшерица»[119], «филантропка»[120], «юристка». Это был не жаргон, это был другой язык — язык другой «профессиональной и социальной зоны»[121]. Создавался ассоциативный, символический ряд профессиональной и общественной деятельности женщин.

Русский язык обогатился понятиями «гимназистка», «епархиалка», «курсистка», «вольнослушательница» со своими табелями о рангах. Расширилось смысловое поле, изменились коннотации и частота употребления таких понятий, как «прогрессистки»[122] — не только деятельницы общественных, преимущественно радикальных движений, но и члены Женской прогрессивной партии; «феминистки»[123] — не только «западные» женщины, но и россиянки; понятие «артельщица» в трактовке равноправной с мужчинами-артельщиками женщины-члена артели[124], «воспитательница» как род профессиональной деятельности.

Появилась слово «дьякониса»[125] в связи с попыткой ввести в 1911 г. институт дьяконис в России и созданием их первой общины в Москве. Наряду с понятиями, идентифицирующими свой круг, свою языковую диаспору, по-

явились устойчивые выражения типа «мужское правосудие»[126], «мужское чванство»[127] и др., маркирующие посредством языка разделение общества по гендерному признаку на «мы» и «они», демонстрирующее собственную отстраненность.

Женская и феминистская пресса являлась субкультурным ресурсом движения, создателем нового акратического дискурса.[128] На ее страницах шло формирование оппозиционной идеологии. Наличие такой прессы является характеристикой протестного движения и демонстрирует наличие оппозиционного сознания.

Годъ IV. 1908 г. №. 9.

Женскiй Вѣстникъ.

Ежемѣсячный общественно-научно-литературный журналъ, посвященный равноправности и улучшенiю положенiя женщинъ.

СЕНТЯБРЬ.

Содержанiе:

[illegible]

Въ журналѣ изъявили согласiе сотрудничать слѣдующiя лица:

[illegible]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
[illegible]
1908.

Женский вестник.
Ежемесячный общественный научно-литературный журнал, посвященный равноправию и улучшению положения женщин

Журнал издавался в Санкт-Петербурге в 1904–1917 годы. Редактор-издательница — М. И. Покровская.

Цель журнала была заявлена как обсуждение «женского вопроса», агитация за полную равноправность женщин и мужчин, борьба с господством мужчин и за освобождение от рабства мужчин. Редакция обращала внимание женщин-интеллигенток на их долг перед женщинами простого звания. Названия разделов были давно привычны российскому читателю по многочисленным женским журналам XIX века: хроника женского дела, новости женских организаций, международная женская хроника, библиография, статистика о женщинах и т. д.

Но журнал принципиально отличался от изданий XIX века. Он не только констатировал факты несправедливости в отношении женщин, а интерпретировал их в терминах дискриминации и тем самым конструировал критический феминистский дискурс.

М. И. Покровская считала, что «женщина должна иметь трибуну». И журнал был такой трибуной. Сама Мария Ивановна мыслила исключительно критически и это стало стилем ее журнала. Например, высокая оценка женского высшего образования Министром народного просвещения А. Н. Шварцем интерпретировалась одной из авторш журнала в том смысле, что государство отказалось решать эту проблему и переложило ее на плечи женщин[129].

Отличительной чертой журнала М. И. Покровской было проведение анкетных опросов (опрос членов Государственной Думы[130], газетный опрос в провинции[131], опрос женщин-юристок[132], анкета о самозащите женщин[133],

опрос провинциальных женских организаций[134]) и на их основании развитие аргументированной критики. Критике подвергались представители власти, думского корпуса, прессы и политические деятели всех партий.

Наряду с такими привычными темами, как права женщин, женское образование, женская занятость, борьба с проституцией и эротизмом, женские образы в литературе, новости женских организаций (например, о тактике женских групп[135], решения общих собраний женских организаций[136]), поддержка женских инициатив (например, кампании за право женщин быть адвокатами[137]) и т. д., на страницах журнала появлялись совершенно новые темы. Дифференцировалась ранее не дифференцируемая реальность. Это рождало новое видение проблем женщин и отношений между полами.

Одной из таких тем было обоснование возможности внеклассового объединения женщин в рамках движения. Сама М. И. Покровская считала, что основой объединения женщин выступает «бесправие», которое «объединяет всех женщин вне классовой принадлежности»[138].

М. И. Покровская была автором многих оригинальных идей. Она подняла такую новую для женской движенческой среды тему и неожиданную для «передовой общественности», как права женщин-налогоплательщиц. Она утверждала, что женщины как социальная группа имеют право на контроль за расходованием государственных средств и первая выступила с критикой от лица женщин «государственных нужд», за финансирование которых проголосовала Государственная Дума[139].

Она писала о таких привычных женских привилегиях, как подача руки даме, право на место в трамвае и т. д. как о подачках, от которых следует отказаться[140]. Писала о необходимости реформы женского костюма — выступала против французских каблуков и корсетов, за простую, удобную и гигиеничную одежду[141]. Ею была поставлена проблема «женского молчания», т. е. неумения и страха женщин высказывать свое мнение на публике. Статья заканчивалась призывом бороться с традиционным «женским безмолвием»[142].

Она подняла тему оценки работодателем внешности женщин при устройстве на работу, как дискриминирующую и унижающую женщин практику.

Наивная проза феминисткой пропаганды освещала в журнале психологические проблемы женщин при их вхождения в политику («Трагедия души современной женщины»[143], «Кадетка. Дневник провинциалки»[144], «Дневник суфражистки»[145]). Внимание читателя фокусировалось на циничном использовании женского энтузиазма и самих женщин партийными деятелями.

Первая мировая война расширила круг обсуждаемых тем. Были поставлены вопросы о женской трудовой самозащите — «женщины должны создать для себя прочное положение на рынке труда, а не служить только для временной замены мужского (труда. — *И. Ю.*)»[146], о создании женских кооперативных союзов, о новых направлениях деятельности женских организаций (призрении беженцев, организации лазаретов для раненых и т. д.).

Журнал, по выражению М. И. Покровской, «неустанно будил в разных уголках России сознание женщин»[147], звал их к «преобразованию себя и всего, касающегося женского бытия»[148]. Здесь была опубликована программа требований современной женщины, которая включала в себя: а) достижение полного равноправия, б) право на материнство, в) право на всеобщее, бесплатное, непременно совместное с мужчинами обучение в низшей и высшей школе, г) уничтожение пьянства, д) уничтожение войны[149].

В целом «Женский вестник» призывал женщин к активному участию в общественных акциях; убеждал, что только массовое выражение протеста способно изменить ситуацию с бесправием женщин к лучшему: «Женщины-матери! Думайте если не о себе, то о дочерях своих! Научите их бороться за свою свободу, <...> право свое, и оно даст им счастье и удовлетворение жизнью»[150].

На страницах вестника пропагандировалась идея создания национальной женской организации — Всероссийского женского совета, был опубликован проект устава Совета и обращение А. П. Философовой к женской «общественности» с призывом объединяться в национальную женскую организацию[151].

СОЮЗЪ ЖЕНЩИНЪ

№ 3. Мартъ, 1908.

1 р. 50 к. въ годъ

Редакція:

Соціальная проблема и женскій вопросъ.

Союз женщин.
Журнал посвящен вопросам, связанным с борьбой за равноправие женщины и, главным образом, за ее избирательные права, как первый необходимый шаг на пути ее освобождения.

Издавался в Санкт-Петербурге в 1907–1909 годы, редактор-издательница М. А. Чехова. Журнал был создан по решению последнего (3-го) делегатского съезда Союз равноправности женщин, но издавался не на средства этой организации, а на средства 20 пайщиц — участниц движения[152]. Их взносы и бесплатный труд позволили просуществовать этому изданию три года.

Целью журнала объявлялось повышение сознания общества «для правильного решения женского вопроса в будущем». Журнал обращался, прежде всего, к женской аудитории, но мужчины рассматривались как «товарищи по культурной работе».

В первую очередь журнал поднимал проблемы движения, которое рассматривалось как фактор мирового прогресса. Журнал пропагандировал его главные идеи и был его организатором.

«Впереди всех намеченных задач» стояла задача популяризации идеи участия женщины «в избирательном праве», а главной тактической линией

было уважение партийных пристрастий участниц женского движения и объединение их на платформе всеобщего равного избирательного права без различия пола, национальности и вероисповедания.

Исходя из поставленных задач, редколлегия под руководством М. А. Чеховой, предоставляла слово всем деятельницам женского движения, вне зависимости от их политических пристрастий и понимания феминизма. В журнале публиковалась социалистка З. Шадурская, кадетки Н. Мирович (З. С. Иванова), Л. Н. Рутцен, С. А. Тюрберт, Е. Н. Щепкина, беспартийные А. А. Кальманович, О. А. Шапир, А. Н. Шабанова и другие.

Борьба за избирательное право рассматривалась как нравственная обязанность женщины, потому что, как утверждалось в редакционной статье первого номера, без решения женского вопроса невозможны ни демократизация общества, ни коренные социальные реформы. Только народное представительство, при котором женщина-законодательница встанет рядом с мужчиной-законодателем приведет к освобождению от социального рабства[153]. Кроме того, редколлегия определила как долг интеллигентки решение еще трех проблем — отстаивание интересов крестьянки, работницы и решение проблемы проституции.

Единые женские интересы и единое женское движение вне классовых, сословных и партийных перегородок — принципиальная позиция журнала. В опубликованной речи А. А. Кальманович на Амстердамском конгрессе этот вопрос рассматривался как центральный для всего российского женского движения[154].

Журнал освещал вопросы связи женского движения с другими социальными движениями (либеральным и рабочим), тактику женских организаций за границей, инициативы отечественных организаций. Здесь обсуждались темы отношения к женскому избирательному праву разных политических сил — профсоюзов, земств, городских самоуправлений, политических партий. Общими усилиями формировалась проблемное поле женского, феминистского движения страны. А. А. Кальманович писала о необходимости деятельности женских организаций[155] и дала определение понятию феминизм[156], Н. Мирович и Л. Н. Рутцен пропагандировали деятельность английских суфражисток, одобряя их воинственный дух[157], С. А. Тюрберт критиковала установки «ортодоксального марксизма» и доказывала необходимость широкого социально-экономического реформаторства, развития гражданственности, демократизации культуры и власти[158]. На страницах журнала публиковались материалы собраний и конференций, отчеты о деятельности женских организаций. Значительное место заняли материалы Первого Всероссийского женского съезда.

Особое внимание обращалось на деятельность Государственной Думы — в журнале была освещена деятельность всех Государственных Дум по отношению к женщинам. Здесь были опубликованы законопроекты по равноправию женщин I Государственной Думы, законопроект 1908 года об изменении земского избирательного закона «Правила об избрании уездных и губерн-

ских земских гласных», законодательные предположения III Государственной Думы; петиции женских организаций в Думу, комментарии к ним; описания деятельности равноправок в Государственной Думе и т. д.

Журнал широко освещал международное женское движение — печатались материалы о Международном женском союзе (МЖС), материалы международных женских конгрессов, информация о положении с избирательным женским правом в других странах, происходило представление женских организаций разных стран. Таким образом, шел процесс включения российского женского движения в международное. А. П. Философова призывала россиянок организовать свой национальный женский совет и присоединиться к МЖС, а президент Международного женского суфражистского альянса Керри К. Чэпмен-Кэт обращалась со страниц журнала к российским читательницам с призывом объединяться.

К. Чэпмен-Кэт

На страницах журнала утверждалось, что решение «бесконечно разнообразных сторон женского вопроса» невозможно без научной разработки вопроса, без учета исторического и культурного развития страны, без приведения теории в тесное соотношение с действительной жизнью России. Поэтому в программу журнала вошла тема теоретического осмысления «женского вопроса».

Журнал не носил такой резкой критической направленности, как «Женский вестник», но критика всех партий присутствовала и на его страницах. Особенно сильной она была в отношении социал-демократов. С. А. Тюрберт подвергла критическому разбору выступление на женском съезде Е. Д. Кусковой[159], Е. Н. Щепкина — книгу А. М. Коллонтай «Социальные основы женского вопроса»[160], Москвичка — Штутрардский конгресс[161]. Но Е. Н. Щепкина рекомендовала читательницам книгу А. М. Коллонтай, которая «так увлекается полемикой, что критике их (равноправок. — *И. Ю.*) деятельности в борьбе за политические права отводит только что не втрое больше места, чем борьбе за экономическую независимость женщин <...> материалы «Союза равноправия женщин» использованы с такою полнотой, что мы от души рекомендуем книгу г-жи Коллонтай всем желающим познакомиться с деятельностью союза в прошлом, на какой бы точке зрения они не стояли»[162]. У А. А. Кальманович критика социал-демократов всегда была остроумной и злой: «Социал-демократы предпочитают сделаться при содействии женщин господами положения и тогда только помиловать нас»[163].

Образцом отношения феминисток к деятельности женщин — членов социалистических партий может служить перепечатка статьи «Дромадерки» из польского женского журнала «Ster». Здесь социалистки сравниваются с «дромадерами» — вьючными верблюдами, так как они чужды всякого честолюбия, не имеют своей цели и жизнь их «проходит в автоматичном служении, за которое единственной наградой — название «товарищ» или дешевая похвала тех, которым они служат с полным самоотвержением»[164].

В конце 1909 года «Союз женщин» прекратил свое существование. Издавать журнал силами лиц, сочувствующих женскому движению, но разных политических взглядов и разной партийной принадлежности, оказалось делом невероятно сложным. Члены редколлегии пришли к убеждению, что женский печатный орган может издаваться только при нравственной и материальной поддержке женской организации, т. к. на широкую общественную поддержку (т. е. на большой тираж) подобный журнал рассчитывать не может. В редакционной статье последнего номера М. А. Чехова предложила взять «Союз женщин» московскому отделению Российской Лиги равноправия женщин, как организации, которая встала на ноги и начала работать практически и теоретически. Закончила она свою статью словами: «Мы не прощаемся, мы говорим — до встречи».

Женская мысль.
Двухнедельный художественно-литературный журнал, посвященный равноправию и улучшению экономического положения женщин.

Издавался в Киеве в 1909–1910 годы, редактор — М. П. Свободина.

Цель журнала объявлялась в духе времени — единение женщин и создание женской солидарности: «Женщины сплотитесь же все и придите на помощь нашему общему делу»[165]. Но журнал больше походил на женские журналы XIX века, в которых женщины только констатировали наличие своих специфических женских проблем — женское образование, женский труд, проституция. Также в журнале публиковались стихи и рассказы женщин. Критическое противостояние, новая аргументация нашла свое отражение в публикациях материалов Первого Всероссийского женского съезда 1908 года, статьях столичных активисток О. А. Шапир и А. А. Кальманович. Но этого оказалось недостаточно, ожидания целевой группы журнала были обмануты. Киевские курсистки прямо обвинили М. П. Свободину в низком уровне журнальных публикаций[166].

Равноправки демонстрировали активное вербальное поведение. Феминистские журналы регулярно сообщали о чтении лекций известными феминистками. В сезон 1906–1907 года Н. Мирович выступила с лекциями «Женский вопрос в Европе и Америке», «Женское движение в России», «Женское движение в современной Америке», «Победа женского движения в Финляндии» в Москве, Витебске, Петербурге, Костроме, Серпухове. Лекции чи-

тались в самой широкой аудитории — на хлебной бирже, в обществе купеческих приказчиков, в обществе взаимопомощи ремесленников, в латышском обществе. О. А. Волкенштейн с лекцией «Женское движение на Западе и в России» побывала в Киеве и Кишиневе. Е. Н. Щепкина более 15 раз прочла свою лекцию «Женское политическое движение» только в Петербурге, а также в Саратове, Костроме, Твери, Коломне, Казани, Смоленске. От приглашений из Самары, Порхова и Ельца ей пришлось отказаться. М. А. Чехова с лекциями о деятельности Союза равноправия женщин неоднократно выступала в обеих столицах.

После Первого Всероссийского женского съезда (декабрь 1908 г.) мода на лекции по «женскому вопросу» усилилась. Равноправки разъезжали по провинции, рассказывая о «политическом, экономическом и моральном бесправии <...>, тяготеющим над всем бабьим царством»[167].

Это было не только словесное оформление своей общественной деятельности, но, собственно, сама политическая деятельность. «Большинство из того, что происходит в социальной сфере <...> опосредуется языком, <...> побуждается и стимулируется языком, задается и программируется языком <...>. Нужные слова, подходящие по времени фразы и более сложные формы речи — настоящий ритуальный вербализм, — являются мощными факторами действенных перемен в социальных действиях и взаимодействиях»[168]. Кроме того, это был вид заработка.

По воспоминаниям сына А. В. Тырковой, известно, что у Ариадны Владимировны был разработан цикл лекций по «женскому вопросу», с которыми она выезжала в провинцию на заработки. Зимой 1909 года Тыркова объехала весь западный край — Минск, Вильно, Ковно, Белосток, Гродно, Керчь. Суть ее лекций, судя по запискам И. С. Книжника-Ветрова[169], законспектировавшего одну из них, — рассмотрение «женского вопроса» как глобального явления. На обширном материале А. В. Тыркова доказывала, что «женский вопрос» — «общечеловеческий» вопрос. На языке русских равноправок начала XX века это означало, что «женский вопрос нельзя оторвать от решения всех социальных, экономических и политических вопросов современной жизни»[170], т. е. его решение необходимо для развития демократии в интересах всех групп населения. А. В. Тыркова призывала женщин к борьбе за свободу от внутреннего рабства, против традиций, сковывающих женскую инициативу и к влиянию на политику и культуру через «политическое и духовное творчество коллектива».

М. И. Покровская неизменно выступала на тему проституции, будь то съезд ремесленников или студенческая аудитория, интерпретируя тему в соответствии с уровнем и запросами аудитории. На съезде ремесленников она говорила о нуждах ремесленниц и «выталкивании» их в проституцию[171]; на лекции перед студентами в Юрьеве-Дерпте в 1910 году о «Врачебно-полицейском контроле за проституцией с этической и санитарной точек зрения». Пафос ее выступлений: защита «падших сестер» — жертв «социальной организации общества», ответственность мужчин — потребителей проституции за су-

ществование этого социального зла. Заканчивались ее речи, как правило, призывом мужчин к нравственной и физической чистоте, к отказу от пользования проституцией.

В Петербурге постоянным местом публичных лекций и дискуссий по «женскому вопросу» был зал Сельскохозяйственного музея в Соляном городке.

Именно на таких публичных мероприятиях лидеры достигали согласия по поводу постановки проблем, приходили к единому пониманию общих понятий, категорий, основных терминов, при помощи которых описывали социальную реальность. «Познание <...> категорий, которые делают социальный мир возможным, суть, главная задачи политической борьбы, борьбы столь теоретической, сколь и практической, за возможность сохранить или трансформировать социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира»[172].

Представительницы различных женских организаций и партий сменяли друг друга на трибуне и результатом являлось формирование тех интеллектуальных подходов, в которых описывался, познавался и изменялся окружающий мир. Дуэли с идеологическими противниками, обмен идеями и аргументацией приводили к достижению политической цели — воздействию на мировоззрение аудитории, иногда к сближению позиций.

Даже отрывочные сведения о выступлениях и встречах в Соляном городке дают нам представление о спектре обсуждаемых проблем и политических лидерах, их презентующих.

8 мая 1905 года — открытое собрание Вз.-Бл. общества, на котором прозвучало требование на право участия женщин в предстоящем собрании уполномоченных.

5 мая 1906 года — общегородской женский митинг с целью выработки единой политической платформы женских организаций Петербурга.

5 мая 1907 года — митинг женских организаций города с требованием женских политических прав при участии финской и польской делегаций, организованный Женским политическим клубом (М. Н. Маргулиес).

Январь 1908 года — выступление А. М. Коллонтай с темой «Семейный вопрос при свете социализма».

26 апреля 1910 года — выступление известного юриста А. П. Елистратова на тему «Роль права и нравственности в борьбе с проституцией».

8 ноября 1911 года — публичное собрание, организованное Лигой равноправия женщин, по вопросу избирательных прав женщин.

26 декабря 1911 года — открытие женской выставки в рамках Первого Всероссийского съезда по образованию женщин, первое объединенное заседание съезда.

8 февраля 1914 года — диспут по женскому вопросу, организованный Лигой равноправия. Председательница Лиги П. Н. Шишкина-Явейн сделала доклад. В прениях выступили профессор Сперанский и депутат Государственной Думы А. И. Шингарев.

10 февраля 1914 год — публичное собрание Вз.-Благ. общества с темой «Ответ на женский вопрос», на котором выступили соединенные феминистские силы — А. Н. Шабанова, А. В. Тыркова, М. М. Янчевская, О. А. Добиаш-Рождественная, М. Н. Маргулиес-Антонова, З. А. Венгерова, Н. И. Манасеина, И. А. Гриневская, А. И. Бахтерова и др.

20 февраля 1914 года — Клуб Женской прогрессивной партии провел публичное собрание об избирательных правах женщин и об «активном участии в суде». Покровская зачитала доклад «Закон и жизнь», в прениях выступили депутаты Государственной Думы П. П. Гронский и А. М. Александров.

21 февраля 1914 год — Лига равноправия провела диспут на тему участия женщин в местном самоуправлении. Прозвучали доклады А. М. Колюбакина и А. С. Милюковой.

22 февраля 1914 года — лекция А. В. Тыркова «Новая женщина в борьбе за счастье».

26 апреля 1914 года — доклад А. Н. Брянчикова «Значение женского движения и желательное его направление».

21 октября 1914 года — митинг Женской прогрессивной партии с требованием охраны материнства и в защиту незаконнорожденных детей.

Все эти речи, диспуты, лекции рождали новые мысли, аргументацию, новую духовность и новую реальность. Вливались в общий поток оппозиционных настроений, определяющих социальную реальность — «Обострение женского сознания, желание бороться за право, за свободу, за всю полноту человеческой личности, были ценным вкладом в историю развития русской общественности»[173].

Результатом являлась иная концептуальная картина мира, которая расширила горизонты самих участниц движения, сочувствующих и стала мощным мобилизационным ресурсом движения.

Женская литература

Другим значимым феноменом, формирующим феминистский дискурс, была женская литература. Литература, как и все произведения искусства, — «важный источник для понимания менталитета времени их создания и дальнейшего бытования»[174].

В начале XX века писательницы не столько описывали тяготы женской жизни, сколько прямо апеллировали к женской аудитории с посланием пересмотреть традиционные установки общества в отношении женщин. Они исследовали распространенные представления о женском назначении и их последствия на судьбах своих героинь, поднимая темы женской вторичности, невостребованности, протестуя против подобной социальной практики. Такая женская литература выполняла ту же функцию, что и публицистические

трактаты феминистской прессы. Неудивительно, что многие писательницы были либо участницами движения, либо сочувствовали ему.

В традиции феминистской литературной критики воспроизводство женщинами-писательницами устоявшихся представлений и подражание общепринятым (т. е. мужским) образцам письма, рассматривается как первый шаг в развитии женской литературы. Эта фаза названа фазой «репрезентации феминного» (feminine phase)[175]. В России она была актуальна с начала XIX века до 1870-х годов. Вторая стадия утверждения женской литературы — «репрезентация феминистского» (feminist phase). Это фаза протеста против господствующей патриархатной культуры, презентация и утверждение женских ценностей, женского взгляда на жизнь. Эта традиция в женской литературе начала формироваться в России в 1880-х годах и была результатом национальной дискуссии по женскому вопросу.

О. А. Шапир

Темы бытования женщин в косной среде, их стремление вырваться из атмосферы женской вторичности, фальшивой морали поднимали такие популярные в свое время писательницы, как О. А. Шапир, А. А. Вербицкая, Л. Лашева, А. Марр, В. Микулич, Т. Л. Щепкина-Куперник, Н. Лухманова, М. А. Лохвицкая (в поэзии) и многие другие, окрещенные позднее бытоописательницами и вычеркнутые из официального литературного (мужского) канона. Особенно сурово с ними обошлась советская критика.

Т. Л. Щепкина-Куперник

Одной из первых по этому пути пошла известная писательница и деятельница движения Ольга Андреевна Шапир. Она сразу отказалась презентовать в своем творчестве женское, «феминное» через доминирующую литературную традицию, т. е. через восприятие, интериоризацию традиционных (мужских) представлений о женщинах и их социальных ролях. Она пошла по пути обнаружения, описания и трансляции женских представлений о самих себе и своих социальных ролях, что с трудом воспринималось общественным мнением. В русской образованной среде 1880-х годов бытовало представление, что женщины вообще не способны вырабатывать собственные убеждения, что они могут только транслировать идеи мужчин[176]. Может быть, именно поэтому критика так не любила О. А. Шапир.

О. А. Шапир подвергла пересмотру все составляющие положительного женского образа в «основной» литературе и забраковала его с позиций женщины. Положительную героиню в ее произведениях можно рассматривать как антипод героини в доминантной русской литературе. Ее женщина образованна, умна, активна, самодостаточна, обеспокоена делами общественными и личными. Она осознанно строит свой мир, в котором ей комфортно, строго блюдя свои интересы. Со страниц книг Ольги Шапир шли открытые послания

современницам — демонстрация иных образцов поведения и чувствования. Рефреном в них шла мысль о ценности самое себя, о присвоении своей собственной жизни и проживании ее по своему собственному усмотрению и представлению. В ее произведениях женщины, исповедующие «старопокройные взгляды» (Шапир) и следующие традиционным женским жизненным стратегиям всегда в проигрыше, всегда неуспешны и несчастны. Напротив, новые женские жизненные стратегии позволяли ее героиням достигнуть гармонии в своей жизни, реализовать себя, несмотря на многочисленные сложности и трудности.

Творчество О. А.Шапир подрывало архетип русской женщины, на котором строилась вся «основная» русская литература, да и культура традиционного русского социума с его «поглощенностью лица миром» (Н. А. Бердяев), особенно женского лица. Это было утверждение идеала ценности и независимости женской личности, развитие женского индивидуализма, путь к автономному индивиду женского пола. Этот процесс уже шел в отношении мужской личности, но в женском варианте он вошел в противоречие с устоявшимися гендерными представлениями, традицией восприятия женщин (как «героинь своих обязанностей», по выражению В. Г. Белинского), женских социальных ролей и воспринимался современниками — участниками процесса крайне болезненно.

Творчество О. А. Шапир выражало суть процесса женской эмансипация в самом широком смысле слова и развивало его.

Писательница и ее героини всегда находились под огнем критики. Основные обвинения заключались в том, что героини Ольги Шапир «испорчены наносными идеями», «оторваны от родной почвы» и «не совсем русские душою»[177].

Другое направление конфликта с критикой заключалось в манифестированном О. А. Шапир заявлении, что она пишет «как женщина» и от лица женщин. В своей автобиографии, подготовленной по просьбе Ф. Ф. Фидлера, она писала, что «никогда не подделывалась под мужское перо», и считала ценным в своем творчестве то, что всегда говорила от лица женщины как женщина. О. А. Шапир осознанно стояла на позиции, что женский взгляд, женское определение жизни не в мужской передаче иные. «Ведь очевидно же, — писала она, — что перспективы рисуются совершенно различно с разных позиций созерцающего»[178].

Критики с трудом усваивали подобное самоопределение и самоидентификацию, что по сути дела было легитимацией женского писательского труда, женского творчества, женской литературы.

Большинство из них упрекали О. А. Шапир в манифестации своей «женской» позиции, т. е. женского опыта и женского восприятия жизни. По сути дела они упрекали ее в том, что она была женщиной и не скрывала этого. «В ее таланте слишком много женских особенностей и нет ни единой мужской черты», — сетовал критик В. Чуйко[179]. При этом В. Чуйко отказывал писательнице в заявленном ею праве на описание женского мира от лица женщины. «Женщины по своей натуре слишком мало объективны, чтобы судить

женщину», — утверждал он. Очевидно, он не один утверждал это, потому что Шапир ответила в своей автобиографии на все подобные обвинения — «мужской ум не сомневается в своем исчерпывающем проникновении в женскую психологию и не любопытен к женским наблюдениям, к суду ее над ними»[180].

Другие критики за неимением аргументов прибегали к ругани. «Повесть — образец абсурда из-за желания писателя проводить в своих произведениях несогласную с жизнью тенденцию», — утверждал обозреватель «Русского вестника»[181].

Третьи просто разводили руками, не зная, как подступиться к анализу подобного текста. Хочется подчеркнуть ту мысль, что критика не была готова к восприятию такого рода женской прозы и не имела инструментария для ее анализа. «Узость кругозора <...> искалечила и несомненный талант г-жи Шапир»[182], «пусть автор не касается ни философской подкладки жизни, ни общественных идеалов»[183], — написала популярная и прогрессивная М. К. Цебрикова. С. Надсон одну из своих рецензий закончил словами: «Вообще странная писательница г-жа Шапир...»[184]. Надо полагать, подавляющее большинство критиков с готовностью подписались бы под его словами.

В войне с критикой О. А. Шапир сделала шаг, не мыслимый для писателя-мужчины и оказавшейся возможным для нее, «маргиналки» от литературы, — она ответила критику. Этот шаг характеризует не только ее как личность, но знаменует собой новый этап в становлении русской женской литературы.

По схеме феминистской критики, описанной выше, отход О. Шапир с «извиняющихся» позиций новичка, вторгшегося на чужую территорию»[185], отстаивание своих стандартов и ценностей было знаком легитимации женской литературы. С другой стороны, это презентация себя как автора, как публичного актора в российском социуме.

Ее статья «Вопреки обычаю» — нарушение традиций литературного сообщества того времени, подрыв позиции критика как некого авторитетного судьи, чье мнение обжалованию не подлежит. То, что это сделала женщина-писательница тоже симптоматично. Женщина — профессиональный литератор уже по определению была нарушительницей. Вся жизнь Ольги Шапир складывалась так, что она во всех сферах своей деятельности — профессиональной, общественной, личной была нарушительницей, всю жизнь она расширяла свое (женское) социальное пространство.

«Вопреки обычаю» — ответ О. Шапир на статью М. Протопопова «Женское творчество»[186], в которой анализировалось ее творчество и творчество С. Смирновой. Шапир возмутила не столько привычная бесцеремонность критика в ее адрес, сколько то, что статья была названа «Женское творчество», т. е. подводила итоги деятельности всего женского писательского сословия, выносила вердикт женскому литературному творчеству.

Статья О. А. Шапир — это критика критики, обнаружение в ней антиженских, мизогинистских тенденций и аргументированная защита прав женщин в литературе.

Шапир начинала с определения «физиономии» того, кто выносит приговор женщинам-авторам. Это не художник, не философ, не ученый, не публицист — писала она, так как для всех этих видов деятельности существует определенный образовательный ценз. И только для критика его нет, зато «здесь имеются все преимущества наступательной роли, весь готовый апломб патентованного судьи, весь беспредельный произвол прокурорских речей, которым вовсе не угрожает возражение защиты»[187]. В России нет школы критики, утверждала она, это порождение несвободы печати, результатом которой явилась «печатная болтовня», состоящая из «литературного мародерства готовых мыслей и образов», использование литературного материала в качестве аргумента к идеям и положениям критика.

Писательница убедительно, последовательно и доказательно продемонстрировала публике предвзятость критиков-мужчин к женскому творчеству. Она выявила обязательные составляющие схемы критического рассмотрения ими женских текстов:

— пренебрежительный тон в отношении «женских писаний»;

— чтение женских произведений «через специальные очки»;

— мерка женского творчества на «мужской аршин» и оценка его по одному-единственному критерию — приближение к мужскому творчеству.

В своей статье О. Шапир обосновывала свое принципиальное несогласие с этой методикой оценки женского творчества — через его соответствие «мужскому перу». Женщинам не нужно гнаться «за почти как мужчина», утверждала писательница. Они — явление жизни, они отражают мировоззрение целой половины человечества. Ценность женского творчества и заключается в его самобытности, в описании того, что знает женщина-автор и чего не знает мужчина-автор. Женская мораль, женская психология, женский опыт не есть явления смешные и нелепые, как это часто читается в контексте критических статей. Они не менее важны оттого, что отличаются от мужских. Но мужчины-критики, упрямо ищут в женских книгах только отражение своих мужских суждений. Критики толкают писательниц на подражательство, а затем нещадно обрушиваются на них, упрекая их в бездарности. Именно поэтому интересны книги только «тех женщин, которые не боятся быть самими собой, не ставят пределом своего честолюбия писать «мужским пером».

Надо признать, статья М. Протопопова грешит множеством противоречий, которых известный критик никогда бы не допустил, если бы хоть на миг мог представить, какому тщательному и к тому же публичному анализу будет подвергнута его работа. Его ирония в отношении женского творчества, женской морали, женского мышления представлены Шапир как расхожие, обывательские и недостойные профессионала суждения. Писательница уличает критика в нелогичности, в безосновательности широких выводов, в отсутствии интереса к избранной теме, в нарушении профессиональной этики. «По скромным семейным и любовным историям он мог бы изучить какие-то новые стороны жизни. Мог бы... Но что его обязывает сделать это?» Напро-

тив, г-н Протопопов взирает на все проявления «женскости» с «верхов мужского самодовольства», все то, что не понятно ему, он относит к «женскому недомыслию».

Ольга Шапир прямо обвинила Протопопова в его «неприкрытой пристрастности» к женщинам как таковым — «не удовлетворившись критикой женского творчества, он позволил себе сыпать сарказмами и приговорами в адрес всех женщин», изрекая истины типа: «женщины — пустые сосуды, содержимое которых зависит от обстоятельств, но чаще — от милого человека». Это уже было обвинение политического характера.

Закончила статью писательница на языке критики того времени. Демонстрируя блестящее владение пером, она выразила «истинное изумление» тем, что маститый критик позволяет себе тон «неприличного политического глумления», встречающегося разве что у мелких газетных рецензентов, и не в столь почтенных журналах. Статья получила большой общественный резонанс. Протопопов был вынужден реагировать и в различных своих статьях объяснял, что его не верно поняли.

Если рассматривать процесс эмансипации женщин как процесс перераспределения власти между двумя большими социальными группами — мужчинами и женщинами, то этот процесс как раз нашел свое отражение в поступке О. А. Шапир. Это был акт перераспределения власти — она открыто и осознанно брала себе, женщине, власть говорящего.

Статья «Вопреки обычаю» — первая в ряду нескольких блестящих полемических статей писательницы, посвященных особенностям всего «женского», которые подвели ее к осознанию своей феминистской позиции, позволившей ей позднее сформулировать идеи одного из направлений российского феминизма.

На рубеже веков репрезентация «феминистского» шла и в женской прозе, и в женской литературной критике.

Писательницы, не имевшие отношения к движению, также не могли пройти мимо тем женского равноправия в своем творчестве. Зачастую освещали его с позиций своих идеологических установок. Так, В. И. Дмитриева — писательница народнического направления и радикальных устремлений изображает сцены требования крестьянок равности с мужчинами в крестьянской среде: «Бабы домой? Почему такое — домой? — закаркала она. — Чем вам бабы помешали? Небось такие же люди, не хуже мужиков понятие имеем! Домой! Ишь ты! Как работать, баба горб подставляй, а судить-рядить — баба на печь полезай! Будя! Насиделись! Не пойду я домой, чего мне там делать?»[188]. А критик Е. Колтоновская привычно констатировала: «Женщины у Дмитриевой интереснее мужчин <...> Все это деятельные женщины, не страдающие отсутствие инициативы и не склонные играть второстепенную роль в жизни. По поводу их как-то совсем не возникает трагического для женщин вопроса о равноправии. Фактически в своей жизни они давно его осуществляют. Особенно ярки и определены крестьянские женщины <...>»[189].

Критик З. А. Венгерова в статье «Феминизм и женская свобода»[190] выявляла черты «новой женщины», которые выражались в подчеркнутом индивидуализме, отрицании устоявшихся норм благочестия и стремлении создать новые духовные ценности (красота и свобода личности — против отжившей морали).

Поэтесса М. Моравская в своей лекции «Женщина о себе», читанной в столицах и провинции в 1915–1916 годах, обозначила новое направление женской критики. Она утверждала, что в то время как женщины молчали, за них ложно и односторонне говорили мужчины. В качестве примеров она рассматривала творчество таких метров литературы, как В. Брюсов, Ф. Соллогуб, Б. Лазаревский, М. Криницкий. М. Моравская считала, что писательницы часто были неискренни в своих книгах. Например, З. Гиппиус, П. Соловьева, К. Павлова. Некоторые из них просто откровенно клеветали на себя в поисках одобрения критики и получали его вместе с местом в толстых журналах. Но в XX веке женщины заговорили о себе, и сразу выяснилось, что они совсем не те, какими их представляли мужчины. Новые писательницы, раскрывая психологический мир женщины, развивают «новое женское творчество» и вносят вклад в литературу и в общее миропонимание.

Как и в случае с О. А. Шапир, мужской критике по существу нечего было возразить. Она пошла по опробованному пути шельмования писательницы. Б. Садовский поместил в «Журнале журналов» фельетон под заголовком «Золушка совсем не думает»[191]. Г. Иванов в «Аполлоне» все списал на «дамскую болтовню»: «Можно было бы сказать о нескольких докладах Моравской, но чтения эти уже нашли себе достойную оценку в нашей невзыскательной насчет вопросов поэзии общей прессе. "Вредное чириканье" определил их один критик. С этим определением нельзя не согласиться. И досадно за молодежь, посещавшую все эти доклады и принимающую на слово безыскусную и неуместную дамскую болтовню»[192].

Художественные тексты, «репрезентирующие феминистское» были инструментом культурной регуляции, необходимыми движенческому сообществу в ситуации «сменяющихся мировоззрений». Поэтому все женские журналы печатали женские стихи и прозу, создавая художественными методами женский мир. Авторами выступали не только профессиональные писательницы, поэтессы и критики, но и широкие круги любителей поэзии, активистки движения и сочувствующие.

Появлялись издания, которые являли обществу мир женского профессионального творчества. Ярким образцом такого издания был «Сборник на помощь учащимся женщинам»[193], который представлял публике творчество писательниц, поэтесс, художниц, публикуя их портреты, биографические данные и иллюстрации их работ.

Любительские институтские, курсовые альманахи, журналы женских литературных кружков демонстрировали саморефлексию «новых женщин», хотя и на невысоком художественном уровне.

За право женщины я вышла на борьбу,
Забыв, покинув все, зовущее к покою.
Ты, сердце, замолчи, мне сердцем жить нельзя,
Пусть воцарится разум над тобою.
Грядущее темно, нелегок дальний путь,
Мы — первые, должны искать себе дорогу,
Бороться, многое снести и победить.
Но пусть мы завоюем право понемногу.

Л. Я.[194]

Теплый привет вам, всегда одинокие,
Вечно чужие другим,
Сытой толпе непонятно далекие
Странным страданьем своим.

Л. Г.[195]

В нашем городке так мертвенно все было,
Точно он дремал средь заповедных мест,
Из определенных рамок жизнь не выходила,
Мне так скучно было быть в толпе невест.

Молодо и смело размахнулись крылья,
Я простилась с домом без тоски и слез.
Я ушла от сосен родины холодной,
Где влачила цепи монотонных дней,
Чтобы жить на воле и душой свободной
Все понять, изведать, полюбить людей.

Екатерина Смоликова[196]

Другим литературным поводом для феминистской рефлексии служило творчество скандинавских писателей — Генриха Ибсена и Бьернстерне Бьернсона. Обличение существующей морали, протест против психологического угнетения женщин в семье, рассмотрение отказа женщины от собственного счастья в угоду действующим общественным установлениям как насилия над собой сделало этих писателей символическими фигурами русского феминизма. Изучение их творчества составило только что не направление в женской литературной критике начала XX века. Бьернсон рассматривался как борец против двойной сексуальной морали и сторонник феминизма. Его утверждение, что только женщина может уничтожить «ложные идеи общества», находило горячий отклик у российских равноправок. Из творчества Г. Ибсена были вычитаны такие проблемы женщины, как отсутствие привычки считаться с собой, со своими чувствами, нести за себя ответственность. Эти идеи перекликались с творчеством русских писательниц рубежа веков, той же О. А. Шапир, которая писала о долге женщины перед собой. Женщин при-

зывали не принимать на веру установления традиционного быта, вслушиваться в себя, пестовать свое индивидуальное «я», не подчинять свои интересы отвлеченному идеалу.

И хотя Ибсен не давал ответа на вопрос, может ли женская жизнь измениться кардинально, его творчество оценивалось в женской образованной среде очень высоко. Одна из авторш сборника «На помощь учащимся женщинам» так написала о влиянии его творчества: «Воплощая в художественных образах своих идеалистический порыв как протест против мелкобуржуазного строя жизни, Ибсен проявляет такую силу живого чувства, такую могучую индивидуальность, что заставляет нас верить в осуществимость мечты <...> И мы заражаемся его чувством, мы невольно верим в эту мечту, как ни противоречит ей сознание действительности и весь опыт жизни»[197].

Г. Ибсен и Б. Бьернсон были весьма популярны в студенческой среде, о чем свидетельствуют социологические опросы. Курсистки неизменно отмечали их как значимых для себя авторов[198]. В целом студенческая среда по данным ряда исследователей более позитивно относилась к женскому равноправию, чем другие социальные группы. За женское равноправие «без всяких ограничений» высказалось в 1909 году 66,2 % студентов[199], по другому исследованию в 1912 году — 81,4 %[200].

Объективно женская литература и критика способствовали сложному динамическому единству разнопорядковых элементов движения — активисток первого этапа женского движения и молодых адептов нового «политического» российского феминизма, благотворительных и политических женских организаций, столичных феминистских организаций и провинциальных женских организаций — вырабатывала объединяющие общие ценностные нормы, общие представления, общие оппозиции внешнему миру, развивала свой метаязык, обеспечивала саморефлексию.

Участницы женского, феминистского движения — русские интеллигентки, обретя свою социально-политическую нишу, вынуждены были создавать свой микрокосм, описывать свою реальность, собственную идентичность, объясняя свои намерения и свою деятельность по реорганизации общества, формируя женское сознание. Из-под их пера выходили не только публицистические статьи, критические обзоры, в которых социальные проблемы рассматривались с «женских» позиций и в приложении к жизни женщин, но и художественные произведения. В определенном смысле художественная литература была посредником между «новыми женщинами», «женщинами с претензиями» и обществом. В ситуации отсутствия свободы печати, с одной стороны, а с другой — в силу «мучительной расплывчатости» женского вопроса (О. А. Шапир) литература оказалась значимым средством самовыражения женского сообщества, средством поиска моральной поддержки и санкции общества, а литературный язык, образы — языком их идейного и философского поиска.

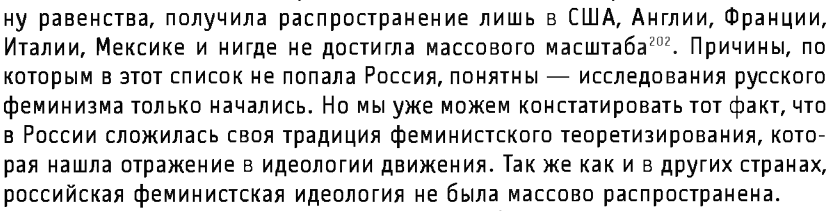
Именно литература позволяла осмыслить и через художественные образы презентовать обществу саму проблему и пути ее решения. Способ широко распространенный в русском обществе и в русской литературе. Или, как писал известный публицист и критик Д. Н. Овсянико-Куликовский о романе Н. Г. Чернышевского: «В произведениях этого рода мы имеем дело <...> с литературным сочинительством, в котором выразилось известное течение общественной мысли или известное настроение общества»[201].

1.2.5. Идеологии русского феминизма

Мы имеем только культуру силы <...> Это культура, опирающаяся на рабство пола и рабство труда.

О. А. Шапир

Идеология объясняет и интерпретирует реальность, утверждает или отрицает справедливость социальных изменений, описывает будущее, мобилизует людей. Другими словами, она выполняет две функции: объяснительную и объединительную. Первая мобилизует идеи, вторая — людей. Поэтому идеология крайне важна для развития движения. Она не только создает общую культуру движения, в рамках которой развивается, но и вырабатывает мобилизационные стратегии, создает ресурсы движения. Она сама — ресурс движения.



Отсутствие идеологии означает отсутствие движения. По мнению западных исследователей, феминистская идеология, ставящая под вопрос роли полов в обществе и направленная на изменение гендерной системы общества в сторону равенства, получила распространение лишь в США, Англии, Франции, Италии, Мексике и нигде не достигла массового масштаба[202]. Причины, по которым в этот список не попала Россия, понятны — исследования русского феминизма только начались. Но мы уже можем констатировать тот факт, что в России сложилась своя традиция феминистского теоретизирования, которая нашла отражение в идеологии движения. Так же как и в других странах, российская феминистская идеология не была массово распространена.

Русский феминизм развивался в рамках либеральной теории, основываясь на ее базовых понятиях «общественного договора», «естественного права», приверженности ценностям рационализма, равенства, свободы, индивидуализма, частной собственности, представительной демократии, законодательных реформ и т. д. Он фокусировался на проблеме включения женщин в общество на равных с мужчиной основаниях посредством предоставления женщинам равных гражданских прав, миминизировал различия между полами и легально действовал на политической арене с целью изменения законов общества. Ему присуща вера в то, что правовые реформы способны разрешить «половой» конфликт.

Влияние марксизма в русском феминизме также имело место. Марксистский анализ капиталистического строя привлекал некоторых участниц движения новизной подхода и теоретической стройностью. Но несмотря на некую ориентированность на марксизм части феминисток, говорить о марксистском направлении в русском феминизме нет оснований, по крайней мере, до 1917 года. Конечно, теоретические работы А. М. Коллонтай по факту — соединение феминистской теории женского подавления и марксистской теории классов — могут быть рассмотрены как разработка марксистского направления в русском феминизме. Но сложность заключается в том, что А. М. Коллонтай, используя феминистские идеи, не только отмежевалась от русских феминисток — носительниц этих идей, но и жестко, не стесняясь в методах, боролась с ними. Ее теоретические и политические усилия (создание Общества взаимопомощи работниц, например) не были поддержаны в социал-демократической рабочей партии, не привлекали они и работниц. Причин тому было много. Только в 1917 году началось формирование женского пролетарского движения, которое позднее, после прихода большевиков к власти, было ими институционализированно. В постреволюционное время партия власти массово, «сверху» мобилизовала женщин на участие в женском движении (делегатском движении, в движении общественниц). Идеи «старого» феминизма, феминистский дискурс стал культурной средой этого нового призыва в женское движение.

Развитие марксистского феминизма усилиями А. М. Коллонтай, как и развитие на его основе пролетарского феминистского движения, осуществлялось после Октябрьской революции и продолжалось недолго. К концу 1920-х годов выяснилось, что правящей партии и советскому правительству, как в свое время и царскому правительству, не нужна была свободная, самодостаточная женская личность, которую так или иначе формировало движение.

Феминистская идеология выявляла причины неравенства полов и дискриминации женщин и определяла пути решения этих проблем. В работах феминисток гендерная система общества была открыто и осознанно подвергнута критике.

Важнейшим вопросом для русского феминизма в начале XX века был вопрос о том, что есть основа социальной иерархии в обществе. «Половое» (гендерное) или классовое неравенство? Что первично? Каково соотношение и детерминированность этих неравенств? Но ни теория либерализма, ни социал-демократическая не определяли основой социальных противоречий гендерное неравенство. Среди феминисток — участниц движения по этому вопросу тоже не было единства. Как уже говорилось, увлечение леворадикальными идеями было характерно для многих из них. Часть феминисток ориентировалась на классовую теорию, но серьезных работ, объединяющих классовые и гендерные объяснительные теории не обнаружено. В главной же стратегической линии феминистского движения, объединяющего феми-

нисток всех направлений, — в требовании бесцензового женского избирательного права, отражались не столько классовые предпочтения, сколько идеи единых женских интересов, справедливости и «долга перед народом».

Второй актуальной проблемой движения и идеологии была дилемма «сходство-различие». Что определить нормой равенства — полную «равность полов» и как это возможно? Или актуализировать различие полов при их социальном равенстве?

Третьей проблемой была проблема, выражаясь современным языком, женской идентичности. Существует ли некая женская сущность, которая позволяет женщинам всех классов объединиться в едином движении? Что является ее основой? Эта проблема составляла суть конфликта между феминистками и социалистками. Все участницы либерального феминистского движения сходились во мнении, что женщины в своей сути едины и основой этого единства является их общее неравенство и их женский жизненный опыт.

Ответ на эти вопросы определил развитие идеологии российского феминизма, повлиял на тактику и стратегию движения, выбор союзников. Феминистская мысль в кризисную эпоху начала века под воздействием постоянного критического давления со стороны либеральных и радикальных теорий и идеологий быстро развивалась, порождая многообразие теорий и практик.

Феминизм «мужских прав» Марии Покровской

Одно из направлений российского феминизма можно определить словами его лидера Марии Ивановны Покровской как «феминизм мужских прав». Феминизм понимался Покровской, как и большинством участниц движения, так, как он идейно оформился еще в 1860–1870-е годы в рамках либерализма — как раскрепощение женской личности в интересах самой женщины и общества, восходя к идеям М. Уоллстонкрафт, Ф. Райт, Г. Тейлор, Дж. Ст. Милля. Впрочем, как и многие ее современницы, М. И. Покровская разделяла ту мысль, что «полное» освобождение женщины возможно лишь при ином социальном строе, отдавая тем самым должное социалистическим идеям и настроениям. Что есть «полное» освобождение она не объясняла, но призывала женщин действовать, не дожидаясь времени, «когда водворится социализм и освободит их от рабства»[203].

Первопричиной «несправедливости» социальной иерархии в обществе М. И. Покровская считала мужское доминирование, то есть гендерное неравенство. «Опыт тысячелетий показывает, что мужское превосходство не в силах дать человечеству то, что оно жаждет: света, счастья, справедливости, равенства, братства, свободы, материального обеспечения»[204].

Мужская власть, мужские права, мужская свобода рассматривались ею как основы женского подавления: «В настоящее время мужчина, пользуясь своим господством, стремится устроить все по-своему, руководствуясь своими представлениями об общем благе, представлением часто эгоистичном

и одностороннем <...> Они (женщины. — *И. Ю.*), желая облегчить свою участь, ведут борьбу с господством мужчин <...> Это постоянная борьба между обоими полами создает нездоровую атмосферу в семье и обществе <...> эта борьба исчезнет только тогда, когда исчезнет подчиненность женщин, когда руководство в семье и обществе будет предоставлено лучшим и наиболее одаренным лицам обоего пола»[205]. Всю ответственность за несправедливость и несовершенство мира М. И. Покровская возлагала на мужчин.

Особенностью ее мировосприятия было видение основного социального противоречия в конфликте двух противодействующих сообществ: мужского и женского. Покровская развивала идею существования особого женского сообщества, объединенного «признаком пола», едиными ценностями, целями.

Ответственность за необразованных женщин неимущих классов она возлагала на образованных женщин среднего класса[206]. Отношения внутри женского сообщества описывала в терминах «сестринства», «помощи сестрам».

Она заимствовала у К. Маркса понятие «класс» и применила его для описания гендерной стратификации. Женщин, составляющих базу движения, она в духе марксистской традиции обозначила как «интеллигентный пролетариат» и не находила принципиальной разницы между «интеллигентным» и «неинтеллигентным женским пролетариатом». Основой эксплуатации всех женщин она определяла «половой» признак, а лишь затем классовый. Поэтому, утверждала М. И. Покровская, женское движение внеклассово, внепартийно, оно борется за интересы «класса женщин».

Развивая идею особой ответственности женщин «за усовершенствование социального строя», она напрямую связывала разрешение проблемы прав женщин с прогрессом человечества. Интересы женского сообщества и «общественный интерес» у нее зачастую выступают как синонимы.

Цели движения, с одной стороны, она формулировала в риторике и понятиях либерализма — «усовершенствование общества», а с другой стороны — в терминах войны полов. «Главной целью их (женщин) стремлений в настоящее время должна быть борьба за свое освобождение из рабства мужчин»[207].

М. И. Покровская активно употребляла понятие «феминизм», пытаясь «очисть» его от негативных коннотаций: «Феминизм стремится не увеличить существующую обособленность мужчин от женщин, но уничтожить ее. Феминистки хотят иметь одинаковые с мужчинами права по закону»[208]. Она ввела понятие «стыдливый феминизм» при описании ситуации, когда женщины в своей деятельности и притязаниях пользуются идеями феминизма, но не называют себя феминистками и на словах «открещиваются от феминизма», забыв ту «огромную услугу, которую он оказал освобождению женщин»[209].

Магистральный путь движения она видела, как и многие феминистки, в политической активности женщин в интересах женщин через специальные женские организации вне партийной принадлежности. Покровская утверждала, что политические партии не заинтересованы в решении «женского вопроса», что лишь участие женщин может изменить ситуацию — ликвидировать

неравенство (гендерное). «Сами женщины должны стремиться освободить себя от подчиненности мужчинам и добиваться равноправности с ними...»[210] При этом она имела в виду участие в борьбе женщин всех классов и состояний. Единение женского «интеллигентного пролетариата» с «неинтеллигентным» женским пролетариатом и крестьянками — единственно верный тактический ход по достижению гражданских прав женщин.

В определении тактических задач движения она сделала открытия, которые определили специфику ее феминизма. Она уже понимала, что законодательное равноправие еще не есть реальное равноправие, что стандарты для женщин и мужчин разные во всех сферах жизнедеятельности, что женщины более чем мужчины связаны запретами не столько закона, сколько обычая и традиции. То, что не запрещено законом, утверждала она, не есть разрешено для женщины в практике жизни. Поэтому, «чтобы женщины могли свободно развивать свои индивидуальные силы, недостаточно только освободить их от всяких законодательных ограничений, но необходимо вместе с тем и дать им все мужские права»[211]. Другими словами, она отождествляла истинно «человеческие» права с мужскими. Это было отражением реально существующей разницы в возможностях и формах самореализации для мужчин и женщин. Поэтому тактикой движения М. И. Покровская определила ликвидацию барьеров, стоящих на пути женщины к человеческо-мужскому идеалу. Эти барьеры — формальное и неформальное право. Их преодоление должно идти через утверждение одинаковых норм, ожиданий, предписаний в отношении обоих полов.

Осознав противодействие условностей, мифов, стереотипов, корпоративного сопротивления мужчин в профессиональной среде, использующих эти мифы, значимость «условностей» для женской жизни и самореализации, она определила задачи феминистского движения:

а) выявлять, разрушать и переинтерпретировать эти мифы, придать им новые смыслы;

б) крепить единство женского сообщества, создавать его солидарность и корпоративность.

При решении этих проблем она встала на путь гиноцентризма, доказывая абсолютную универсальность и самодостаточность женщин. Так, например, она оспаривала даже такую традиционную сферу мужской деятельности, как военную, утверждая, что и «у женщин нашлось бы достаточно мужества, храбрости и любви к своему отечеству, чтобы с оружием в руках защитить его независимость и честь»[212].

М. И. Покровская серьезно разрабатывала проблему двойного стандарта, обнаруживала и демонстрировала скрытую дискриминацию в отношении женщин во всех сферах жизни, в самой культуре.

Другой проблемой, которую она активно разрабатывала как феминистка и как санитарный врач, была проблема проституции. Феномен проституции для нее — квинтэссенция мужского господства над женщинами. Она его рас-

сматривала с позиций властных отношений между мужчиной и женщиной и описывала в терминах «мужской» эксплуатации женщин. Проститутки — жертвы «полового» (гендерного) и классового антагонизмов общества. Ее взгляды в этой области радикализировались по мере политизации женского, феминистского движения. В 1902 году она считала, что ответственность за поддержание института проституции несут в основном мужчины имущих классов, так как «простой народ» отличается меньшей распущенностью и щадит «молодость и невинность девушек»[213]. В 1905 году Мария Ивановна уже комментирует требование рабочих по поводу сокращения женских рабочих мест следующим образом: «мужчины готовы делиться с женщинами своим заработком, но только не как с товарищем-работником, а как с проститутками. Проституция представляется единственной женской профессией, относительно которой мужчины проявляют редкое единодушие. Они все согласны, что эта профессия подходящая для женщин и полезная для мужчин, поэтому всячески содействуют и поощряют ее»[214]. Идеи о классовых различиях в мужской среде были оставлены, отныне мужчины представали как солидарное антиженское сообщество.

Решение проблемы проституции М. И. Покровская видела в установлении одинаковой половой морали для женщин и мужчин. Эта идея, по ее мысли, могла воплотиться в жизнь через требование от мужчин целомудрия до брака, медицинского освидетельствования посетителей публичных домов в противовес обязательному еженедельному освидетельствованию проституток по требованию Врачебно-полицейского комитета. Подобные инновации Покровская оценивала как реальную реализацию идей равноправия. С позиций сегодняшнего дня мы понимаем, что она пыталась если не ликвидировать контроль за женской сексуальностью, то установить такой же контроль над мужской.

Деятельность М. И. Покровской способствовала формированию дискурса равенства женских и мужских прав в сексуальной сфере. Она ратовала за нравственное обуздание плоти, за подчинение сексуальности исключительно интересам рода. Но при этом отстаивала право женщин на «осознанное материнство», т. е. право на аборт. Судьба публичной женщины стала в России темой общественной дискуссии в 1880–1890-е годы. Тезис, что общество решает свои сексуальные проблемы за счет бесправной социальной группы — женщин, был воспринят общественным сознанием.

Она активно оппонировала идее о несвоевременности, незначительности и «вторичности» женских проблем. «Рабочий вопрос у нас в России касается нескольких миллионов, кажется миллионов 5–6, а женский — 60. Что важнее: улучшить положение 5 млн или 60? Ответ понятен. Но мы видим, как много внимания русская интеллигенция посвящает решению рабочего вопроса и как мало решению женского. Рабочий вопрос по ее (интеллигенции. — *И. Ю.*) мнению должен теперь же решиться, а женский пусть ждет улучшения общего положения»[215].

Ожидания ее феминизма заключались в появлении на политической арене такой общественной силы, которая в силу своих особенных качеств — миролюбия, сострадания, ненасильственного поведения и т. д. сможет гуманизировать общество, повести его по пути не насилия и подавления, а сотрудничества и взаимодействия, реформировать его мягкими легальными методами. Женское политическое участие, считала Покровская, ограничит проявление силы и агрессии в политике.

Феминизм М. И. Покровской предстает как альтернативная теория ненасильственного развития человечества, в основу которой положено изменение гендерной стратификации путем уничтожения различий в нормах, установлений, предъявляемых к обоим полам.

Идеология феминизма «мужских прав» — это идеология либерального феминизма в своих основополагающих моментах: суфражистская платформа, цели и ожидания, решение проблемы «сходство-различие» через одинаковость. Но при этом феминизм Покровской нес в себе зачатки радикального феминизма. Это проявилось в рассмотрении общества как двух биологических классов, находящихся в состоянии борьбы; в идеализации женщин как более моральных, миролюбивых представительниц рода человеческого; в обособлении женского сообщества; рассмотрения проституции, материнства как институтов, через которые осуществляется мужская доминация; в требовании уничтожения контроля мужчин над женской сексуальностью через установление женского контроля над мужской сексуальностью.

Феминизм «равенства при различии» Ольги Шапир

Идеологом российского феминизма, решающей проблему «сходство-различие» в развитии идеи «отличия», была Ольга Андреевна Шапир. Ее работы опровергают представление о либеральном феминизме первой волны как о феминизме, маркирующим знаком которого является приверженность только идее «равности» как одинаковости. Шапир отрицала саму постановку вопроса как отожествление «истинно человеческого» с «мужским». Хотя в глазах большинства ее соратниц по движению «истинно человеческое» (социальное) реально было «мужским», так как принадлежало мужчинам. Она подвергла сомнению истинность мужских способов самореализации и мужских ценностей — «женщины должны уже теперь сознавать, что слепое следование по следам мужчины потребует от них и одинаковых свойств. Для всего ли найдутся в нас эти свойства? Можем ли мы развить их в себе — захотим ли мы этого?»[216]

Идейные истоки феминизма О. Шапир те же, что и у всех других российских равноправок (М. Уоллстонкрафт и др.). Также их объединяла общая суфражистская платформа. О. А. Шапир, как и все ее коллеги по движению, рассматривала феминизм как идею, теорию, движение раскрепощения женской

личности в интересах общественных и личных. Но сильной стороной ее феминизма является проработанность темы механизмов закрепощения женщины и путей ее освобождения.

Как и многие российские феминистки О. А. Шапир напрямую связывала проблему женского раскрепощения с прогрессом человечества. Гендерная система общества, положение женщины в ней рассмотрены ею как отклонение от некой нормы. «Мужское» для нее не есть «истинно человеческое». Доминирование «мужского» — это сбой в системе, который привел к глобальным последствиям, таким как искажение в «развитии женских сил от естественного роста»[217] и «если женская духовная сила не могла развиваться нормально <…> то ведь и свободная мужская сила пошла по пути одностороннему: в этом состоит второй результат нарушенного равновесия»[218].

Гендерное неравенство, наступившее в результате этого сбоя, выступает в ее построениях как основа социальной иерархии общества и всякого социального неравенства: «Рабство социальное выросло из рабства полового»[219], «Бесправие женщины есть первоисточник всякого неравенства»[220].

О. А. Шапир не рассматривает путь развития человечества в риторике войны полов, но констатирует факт порабощения женщин мужчинами в «ходе исторической жизни». «Распоряжаясь единолично судьбами мира, мужчина, естественно, установил всюду свои законы, понятия, обычаи и вкусы, обеспечивающее это господство»[221]. «Он (мужчина) систематически сковывал запретами закона, давлением обычая и общественного мнения естественный духовный рост женщины, чтобы культивировать в ней вторичные свойства и особенности, связанные с полом»[222] и в результате «мы имеем только культуру силы <…> Это культура, опирающаяся на рабство пола и рабство труда»[223].

В отличие от других современных ей теоретиков феминизма она более углубленно рассматривала причины женского подавления. Центральной причиной подавления женщины она определяет «особенности пола», то есть биологию — «равенство в точном значении этого понятия не может быть в функциях организмов, созданных различно»[224]. Подавление женщины, по ее мнению, происходит по каналам и через структуры традиционной культуры — «культуры силы» (через обычаи, общественное мнение, закон), которая обеспечивает господство мужчины и диктует женщине мужские требования «специфической женской чести, не совпадающей с честью человеческой и составляющей собственность ее господина! Существо, предназначенное жить для одной только любви да для низменного труда… Чья любовь, свободная всюду и во все времена, ей вменялась в преступление. Мать, не имеющая права свободного материнства и обязанная материнством принудительным в нерасторжимом браке…»[225]. Она выделила такие механизмы женского подавления, как любовь, материнство (мысль, получившая развитие в феминистской теории много позже), контроль над женской сексуальностью, экономическую и психологическую зависимость женщины от мужчины.

Эти механизмы подавления настолько прочно усвоены самими женщинами, считала Шапир, что освобождение женщин не может произойти только через реализацию суфражистских требований. Эти требования — первая ступень на пути к освобождению женщины. По этому поводу она писала: «Я давно непоколебимо убеждена, что раскрепощение женщины не может совершиться одной политической победой. Но в этой победе и я вижу главный шаг, потому что это — победа принципиальная»[226].

В противовес М. И. Покровской она отстаивала право женщины на самореализацию в сексуальной сфере, право на любовь, не сдерживаемую предписаниями «мужской» нормы и право на «свободное материнство» — на право выбора. Сексуальность только в интересах продолжения рода ею не признавалась.

Женское движение было для нее нормальным и цивилизованным механизмом артикуляции проблем своей группы, инструментом их решения. Цель движения она определяла как освобождение женщины и не сомневалась в его успехе: «Нет сомнения, что женщина разделит с мужчиной все социальные обязанности и вытекающие из них права — но для этого далеко недостаточно добиться права на одинаковое образование»[227].

Основными коллективными действиями по решению задач движения она определяла не только политическую деятельность. Пожалуй, больше значения она придавала работе по подъему сознания женщин — «перед современной женщиной в ее великой борьбе намечается двойственная цель. Нужно все напряжение воли, ума и труда, для того чтобы двигаться по пути частичных реальных завоеваний, но еще *больше сознательных усилий* (курсив мой. — *И. Ю.*) требует работа над духовным раскрепощением»[228]. «Нужны интимные победы над препонами внутренними, для того чтобы совершалось высвобождение душевных сил женщины из той связанности специальными целями физической природы, которая восторжествовала некогда»[229].

В основе деятельности по поднятию сознания женщин, по мнению Ольги Шапир, должна выступать не идея «одинаковости» с мужчиной, а как раз наоборот — идея «отличности» женщины. Таким способом Шапир решала дилемму «сходство-различие»: «Пора нам перестать стыдиться самое себя. Это было понятно, пока борьба велась за случайные частичные уступки от не поколебленных еще мужских монополий <...> Пора перестать доказывать, что она может быть совершенно такой же, как он: нет! Прежде всего, она должна быть сама собой и должна приложить все силы к тому, чтобы развивать собственные индивидуальные возможности»[230].

Тактикой движения О. А. Шапир определила и «внешнюю» деятельность — политическую и «внутреннюю» — ликвидацию барьеров на пути женщины к себе, женщине. Равноправие должно реализовываться через различие полов — «Равенство при различии»[231].

Очевидно поэтому, в отличие от большинства своих современниц, О. Шапир считала, что женское движение не исчерпает себя по достижении юриди-

ческого равноправия. Так как это только первый шаг движения — «современное мировое женское движение не есть явление преходящего характера <...> ручательством служит то, что мы имеем перед собой совпадение двух могущественных факторов: идея человеческого равенства поднимает, объединяет, сближает женщин всех культурных стран с быстротой, присущей только идейным подъемам. Фактор же экономической необходимости парализует сопротивление господствующего пола со всей неумолимостью экономики»[232].

Другой ее тактической установкой была установка на сепаратизм женского движения. Актуальный в начале века вопрос о работе женщин в партийных структурах с целью достижения равноправия О. Шапир решала однозначно: «Раскрепощение женщины должно и может совершиться только ее собственными силами — ее натиском»[233]. «Мы давно чувствуем себя товарищами (с мужчинами. — *И. Ю.*). Этого было почти достаточно еще не так давно, — но этого совершенно недостаточно сегодня. Надо взять собственное дело в свои руки, вот что всячески несомненно»[234]. Партийные структуры для Шапир по факту — мужские структуры, поэтому: «Ребячество требовать, чтобы другой с таким же жаром стремился к уменьшению собственных монополий, с каким нам естественно стремиться к получению наших прав»[235].

Ее ожидания в отношении феминистского движения заключались в явлении миру духовно свободной женщины, которая изменит направление эволюции человечества в сторону его гуманизации: «Будущее покажет, что дает человечеству просвещенная, равноправная и духовно свободная женщина»[236]. Феминистское движение, с одной стороны, реализует женское стремление к освобождению, с другой — отражает общую тенденцию эволюции человечества — «все яснее намечается назревание глубочайшей по своему значению эволюции уравнения полов»[237], потому что невозможно «удержать женскую душу в ребяческих свивальниках, сотканных для нее мировой историей»[238].

По всем основным параметрам (требование признание женщины рациональным субъектом, требование равных гражданских прав) — это либеральный феминизм. Но, кроме того, в построениях О. А. Шапир, как и у М. И. Покровской, обнаруживаются элементы радикального феминизма — актуализация различия полов и признание онтологических различий между мужчиной и женщиной; утверждение, что женщины были первой угнетенной группой, а их угнетение — основная и самая сильная форма угнетения, которое имеет глубокие корни и широко распространено в культуре; внимание к сексуальности, телу, проблемам сознательного материнства (т. е. права выбора женщины). Преодоление Шапир планки идеи «равности как одинаковости», которая в то время была широко распространена, было теоретическим прорывом.

Феминизм О. А. Шапир предстает как альтернативная теория развития культуры, в основу которой положено изменение гендерной стратификации через актуализацию и развитие различий между полами при их полном юридическом и фактическом равенстве.

Обе эти тенденции в русском феминизме строились на признании того, что человеческая цивилизация строится на угнетении всего женского. Первая стратегия основывалась на установлении равенства через равенство прав при отрицании каких-либо специфических различий между двумя полами, а вторая строилась на установлении равенства через актуализацию различий между двумя полами и утверждение их специфичности.

Сложная интеллектуальность этих идей требовала хорошего образования, навыков теоретического мышления и делала российский феминизм элитарным движением. В условиях сильной поляризации российского общества эта проблема осмыслялась российскими феминистками, и в практике движения шел поиск путей сближения с женщинами низших социальных слоев. Обустройство разного рода курсов, читален, бюро по приисканию труда, детских очагов — дневных детских центров, проведение литературных вечеров, развитие благотворительности — акции солидарности, которые хотя медленно, фрагментарно, но вели к единению женщин разных социальных групп; демонстрировали нормальность женского, феминистского движения, утверждали легитимность всего женского.

На пути к марксистскому феминизму. Деятельность Александры Коллонтай

Марксистский феминизм строится на критике капитализма, на соединении гендерного и классового неравенств с институтами частной собственности. Он утверждает классовое неравенство основной и первичной формой социальных иерархий в обществе, в отличие от социалистического феминизма, который рассматривает класс и пол как относительно автономные структуры, имеющие собственные иерархии[239]. Но эти идеи — уже более поздние теоретические изыскания.

Марксистский феминизм восходит к работам социалистов-утопистов Ш. Фурье, Р. Оуэна, работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.), А. Бебеля «Женщина и социализм» (1883 г.).

Его основным постулатом является тот, что капитализм порождает классовое неравенство, экономическую зависимость женщины от мужчины и что «половое» неравенство исчезнет только с исчезновением капитализма и классов.

Соединения феминистских и марксистских установок в России начала XX века на теоретическом уровне произойти не могло. Социал-демократы отрицательно относились к феминистским идеям и к движению, что делало невозможным теоретическую разработку «женской» темы с марксистских позиций. Феминистки, несмотря на распространенные в их среде просоциалистические настроения, критиковали марксистов более, чем другие партии. По словам Анны Кальманович — одной из самых последовательных критиков социал-демократов, это происходило потому, что она лично ждала от «соцдеков» больше, чем от других партий в деле решения женского вопроса.

В итоге развитие марксистской теории в отношении «женского вопроса» в России шло на волне отрицания феминизма, как явления «буржуазного» и потому неприемлемого.

К. Маркс не видел женской специфики в рабочем вопросе — гендерной составляющей в его схеме классового противостояния нет. Но его последователи встали перед лицом реальных женских проблем. Труд и эксплуатация женщин, конкуренция женщин и мужчин на рынке труда, уровень оплаты женского труда, страхование, охрана труда женщин, проблемы материнства и т. д. — вот те основные темы, ставшие актуальными во второй половине XIX века.

Основным тезисом марксизма в решении «женского вопроса» было то, что освобождение женщин, решение женского вопроса может произойти лишь с установлением нового социалистического строя, так как при социализме будет устранена основная причина зависимого положения женщин — классы и частная собственность. Эти же причины служили обоснованием и освобождения пролетариата. А так как причины эксплуатации пролетариата и зависимости женщин совпадали, то и способ освобождения определялся единым — классовая борьба в составе рабочих организаций и под руководством рабочей партии. Участие женщин в классовой борьбе объявлялось дорогой к их освобождению.

А. Бебель, в развитие идей К. Маркса, считал все буржуазные реформы неэффективными, и освобождение женщин видел в освобождении от буржуазной собственности, рабства в семье и присоединении к борьбе пролетариата. Но он видел и специфику эксплуатации женщины. Женщина эксплуатируется и как женщина, и как работница, — утверждал А. Бебель. Поэтому он признавал наличие неких общих проблем и интересов у женщин разных классов и находил разумными доводы феминисток. Например, о двойном стандарте сексуальной морали, как внеэкономической формы угнетения. Он придерживался мнения, что феминистки и работницы могут сотрудничать в решении некоторых женских проблем.

Для большевиков, стоящих на антифеминистских позициях, эти идеи Бебеля были слишком радикальны. Меньшевики более лояльно относились к феминисткам, уже только по той причине, что объективно феминистки стояли в оппозиции существующему строю и работали против него. Поэтому меньшевички участвовали в работе феминистских организаций.

В среде российской социал-демократии теоретического осмысления проблем женщин как отличной от «пролетариата» социальной группы не было. Жесткие догматические установки были очень сильны в российской марксистской мысли в ее попытках осмыслить женскую проблематику. Российские социалисты обозначили эту проблематику как «женский вопрос», т. е. один из множества вопросов, нуждающихся в решении наряду с другими. Но ни в коем случае не глобальный — ни базовый, ни социетальный.

«Женский вопрос» в российской социал-демократии разрабатывали Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай. Коллонтай первой обратила

внимание на работниц и их проблемы. Опасения, что активность феминисток уведет работниц в женское движение и они будут потеряны для пролетарского движения, была не раз озвучена в ее статьях. Она предприняла попытки организовать работниц и приспособить марксистскую идею к практическим нуждам создаваемого ею женского пролетарского движения. Ее активность, как и сам факт теоретизирования на женскую тему, вызвал непонимание и противодействие со стороны ее товарищей по партии. Так или иначе, но деятельность феминисток, развитие феминистской мысли вынудило социал-демократов искать ответы на поставленные ими вопросы.

Н. К. Крупская

Вопрос о том, что есть основа социальной иерархии в обществе — классовое или гендерное неравенство — в этой среде не стоял. Главной угнетающей силой определялся капитализм и институт частной собственности, а изменение положения женщины напрямую связывалось с изменением положения рабочего класса и изменением социального строя. Именно в таком ключе написана брошюра Н. К. Крупской «Женщина-работница» (1901 г.). Мысль о том, что социалистическое социальное устройство, т. е. социалистический строй может нести в себе структурное неравенство и подавление интересов какой-либо группы трудящихся не возникал.

И. Ф. Арманд

Ответ на второй актуальный вопрос для российских феминисток, — по какой схеме решать проблему «сходство—различие» определялся марксистами однозначно: через достижение «сходства». Это косвенно подтверждается тем фактом, что при разработке экономического обоснования «женского вопроса» путем экстраполяции положения пролетария в структуре общества на положение женщины привело к забвению марксизмом таких «немужских» функций женщины, как воспроизводство человека и поддержание домашней сферы. Нужно заметить, что российские феминистки увидели этот пробел и поставили его в повестку дня. Тему женского домашнего труда начал разрабатывать теоретический отдел Лиги равноправия женщин (Московское отд.).

А. М. Коллонтай

Третьей установкой социал-демократов в отношении «женского вопроса» было отрицание коллективной женской идентичности и практики создания женских организаций. Сепаратизм женских организаций был признан явлением буржуазным и вредным. Пролетаркам предлагалось вести борьбу за женское освобождение в рабочих организациях под руководством пролетариата. Самодеятельный и самостоятельный характер женского движения отрицался.

На этих трех китах строилась идеология «женского рабочего движения», но отнюдь не марксистского феминизма. Движение работниц должно было базироваться именно на этих позициях — на признании женских проблем вторичными, на подчинении интересов работниц как социальной группы интересам пролетариата, на отрицании самодеятельности и сепаратизма женских организаций, на признании над собой партийного руководства и на отрицании феминизма. Идеология, выстроенная на таких установках, не носила наступательного характера и могла быть ресурсом самостоятельного социального движения.

Дискуссии социалисток и равноправок об идейных и теоретических основаниях «женского вопроса» были редкими. Инициатива обычно исходила от феминисток. Например, собрание в зале «Кружков по самообразованию» 10 декабря 1907 года, где М. Л. Вахтина выступила с докладом «Мотивы, вызвавшие женское освободительное движение: ответ феминистки социал-демократкам». Вахтина и ее сторонницы говорили о роли «буржуазных женщин» в общем освободительном и женском движениях, социалистки — о классовых интересах.

Намного чаще каждая из сторон организовывала собственные обсуждения. Феминистски это делали в своих организациях. Социал-демократки выносили эти темы на митинги. Как, например, митинг по поводу дня солидарности работниц 23 февраля (8 марта) 1913 года под названием «Научное утро по женскому вопросу».

Тактикой социал-демократов в отношении феминистского движения стала его дискредитация. Инициатива принадлежала А. М. Коллонтай. Главное ее оружие — тезис о буржуазности движения. Термин «буржуазный феминизм» оказался политически очень успешным в борьбе с российскими равноправками. При всей кажущейся самоочевидности термина, он ничего не объяснял и стал политическим ярлыком, который социал-демократы «навесили» на своих конкурентов в борьбе за «женские массы» (А. Коллонтай).

Американская исследовательница российского женского движения Рошель Ратчилд сделала блестящий анализ интерпретации понятия «буржуазный» применительно к женскому движению. По ее мнению, исходя из экономической перспективы, понятие «буржуазный» в России начала XX века имело два значения. Во-первых, классовую принадлежность человека или его положение в обществе — мещане, горожане, торговцы, ремесленный люд, т. е. городской средний класс. Во-вторых, в марксистской перспективе — владельцев средств производства, получающих прибыль от чужого труда. С политической точки зрения в дореволюционной России быть буржуазным означало быть либералом, сторонником превращения России в конституционную демократию с всеобщим избирательным правом (обычно подразумевалось мужским). «Вопрос о классовой принадлежности женщин усложнялся проблемой пересечения классовых характеристик с гендерными. Можно ли отнести женщину к тому же классу, что и ее мужа,

брата или отца? Отличительной чертой угнетения женщин является то, что оно преступает границы класса. В отличие от представителей других угнетаемых групп женщины представлены во всех классах общества: семья есть практически в каждом доме»[240].

Даже не отвлекаясь на рефлексию о пересечении гендерного и классового неравенств, российских равноправок трудно было определить как женщин буржуазного класса. В большинстве своем это были трудящиеся женщины среднего класса — женская интеллигенция, очень среднего достатка, демократическая по своим устремлениям. В отличие от самой А. М. Коллонтай — владелицы поместья в Черниговской губернии, оставленного ей в наследство любящим папенькой, доходы от которого позволяли ей не тревожиться о хлебе насущном. Но эти очевидные несоответствия в определении феминисток и собственной самоидентификации не смущали Александру Коллонтай. Ее цель была определена логикой партийной борьбы. «Мы — грешные буржуазки», — иронично откликнулась на эти обвинения острая на язык Анна Кальманович.

Жесткая классовая позиция в отношении феминизма и шире — в отношении женского движения позволила Коллонтай игнорировать очевидные несоответствия марксистской теории и реальности. Это было торжество догматического подхода. В своем докладе на Первом Всероссийском женском съезде А. М. Коллонтай предложила российским феминисткам действовать в рамках «буржуазного феминизма», то есть отстаивать интересы женщин своего класса и отойти от борьбы за всеобщее избирательное право[241]. «Женский мир, как и мир мужской, разделен на два лагеря: один <...> примыкает к классам буржуазным, другой тесно связан с пролетариатом <...> Цель феминисток — возможно лучше устроить женщин <...> определенной социальной категории в современном эксплуататорском мире <...> Цель пролетарок — заменить старое антагонистическое классовое общество новым светлым храмом труда и братской солидарности», — утверждала она[242].

Драма заключалась в том, что избирательное право для женщин по формуле «всеобщее, равное, тайное, прямое, без различия пола, национальности, вероисповедания», которого добивались феминистские организации России с 1905 года, было безусловно поддержано лишь немецкими социал-демократками и оказалась слишком радикальным для австрийских, шведских и части английских социалисток. «Грешные русские буржуазки» легко взяли эту планку. Реальные стратегии феминистских организаций России не укладывались в прокрустово ложе марксистской теории, жизнь опрокидывала теоретические схемы идеологов социал-демократии. Широкие демократические установки русских равноправок, соотнесение своей деятельности с социалистической идеей, признание необходимости изменения социального строя и государственного устройства для решения базовых проблем российского общества и женщин как специфической социальной

группы привел русских феминисток к тактике поддержания женщин низших социальных слоев — работниц и крестьянок. Они мостили единство и солидарность, в то время как социал-демократки его разбивали. Демократизм русского женского движения, феминизма, политика солидарности с женщинами низших слоев общества, дебаты о единых общеженских интересах, подрывали идеологию социал-демократов в «женском вопросе», которая строилась на насаждении антагонизма между пролетарками и крестьянками с одной стороны и женщинами остальных сословий и социальных классов — с другой.

Этот демократизм русских феминисток, их установки на отстаивание интересов женщин различных социальных слоев, исходил не из какой-то особой революционности россиянок среднего класса. Ситуация определялась тем, что, во-первых, в отличие от участниц радикальных движений равноправки давно шли по пути последовательного выявления «женского» аспекта социальных проблем и видели многие вещи в другом, «неклассовом» свете. Во-вторых, в силу политики правительства, непоследовательные действия которого в решении проблем женщин радикализировало движение, способствовало развитию и формированию солидарности его участниц. Лозунг «Слева опасности нет!» равноправки донесли вплоть до первых преобразований советского правительства.

Это объясняет причину, по которой равноправки поддержали все требования работниц на женском съезде в 1908 году и причину того, что главная резолюция съезда требовала всеобщего (для всех категорий женщин) избирательного права по формуле «без различия пола, вероисповедания, национальности». Работницы, ориентированные на разрыв с «барынями», долго не могли найти повода для демонстративного ухода со съезда. Это были досадные, выбивающиеся из схемы марксистского анализа факты, как и многие другие «нестыковки» марксистской интерпретации феминизма и реального русского феминизма.

В 1908 году навстречу Первому Всероссийскому женскому съезду Коллонтай срочно написала книгу «Социальные основы женского вопроса». Это была ее первая теоретическая работа по «женскому вопросу». Исследователи российского женского движения оценивают ее не высоко.

По мнению Р. Ратчилд книга представляет собой не столько исследовательский труд, сколько политический и антифеминистский памфлет[243]. Р. Стайтс считает, что название книги не оправдывает ее содержание, поскольку основной акцент делался на анализе русского феминистского движения, его состояния на момент 1908 года[244]. По мнению Р. Стайтса исторический и экономический анализ «женского вопроса» в книге был дан крайне абстрактно, в русле Ф. Энгельса, А. Бебеля, К. Цеткин. Добавим, что «женский вопрос» сводился к только экономическому обоснованию и его сутью объявлялся пресловутый «кусок хлеба». А. Коллонтай также преувеличивала значение участия работниц в фабричных забастовках и нападала на

феминисток[245]. Первое ей было нужно для того, чтобы продемонстрировать несуществующее женское рабочее движение. Второе, чтобы опорочить реально существующее движение женщин среднего класса. При этом она не осуждала тех женщин, которые требовали права голоса «в рамках существующей структуры социальных классов» за их «невольные грезы», что «неизбежно вытекало из их классовой позиции»[246]. В ярость ее приводили феминистки, которые выходили за рамки своего класса и требовали всеобщего избирательного права для женщин всех социальных классов и групп[247]. Она утверждала, что это делается с целью заманить бедных «младших сестер» в свои феминистские сети и оттолкнуть их от выполнения своей «классовой» миссии. Вслед за Готской программой А. Коллонтай утверждала, что эмансипация пролетарки не может быть делом женщин всех классов, что цель эта может быть достигнута только общими усилиями пролетариата без различия пола.

А. М. Коллонтай демонстрировала презрение к благотворительной деятельности женских организаций, высмеивала их мечту о едином женском движении, выискивала скрытые цели в деятельности Женской прогрессивной партии и Союза равноправия и ничего не сказала о проблемах в собственной партии и рабочем движении. Между тем эти проблемы существовали. Стайтс называет такие из них, как враждебное отношение рабочих к работницам и партийкам, выступавших за освобождение женщин; проблемы самих социал-демократических партий в их деятельности по установлению контактов с работницами[248].

Книга «Общество и материнство» (1916 г.) — второй труд А. М. Коллонтай предсоветского периода поднял тему, уже развиваемую феминистками, — тему материнства. Коллонтай критиковала социальные условия материнства работниц, выдвигала идеи социальной защиты материнства через государственное страхование, оплачиваемые декретные отпуска и создание дошкольных учреждений. На деле она воспроизводила сюжеты, разрабатываемые феминистками. Избежать влияния феминизма, его установок, интериоризированных ее средой и ею самой, она не могла, хотя и всячески открещивалась от него.

А. М. Коллонтай попыталась создать в противовес феминистскому движению женское рабочее движение. Она организовывала митинги работниц в доме Нобеля (1907 г.), инициировала создание в Петербурге межфракционного клуба работниц, закамуфлированного под «Общество взаимопомощи работниц» (1907 г.), готовилась к Всероссийскому женскому съезду — проводила занятия с работницами и создала специальную группу работниц для участия в нем (1908 г.). Это была попытка инициировать женское пролетарское движение «сверху» для достижения тактических и стратегических целей социал-демократической партии и рабочего движения.

Женские рабочие организации создавались и феминистками (например, Московский клуб работниц при Обществе попечения о молодых девицах), но не самими работницами. Эту ситуацию формировали объективные причины.

Главной причиной, не позволившей оформиться самостоятельному пролетарскому женскому движению явилось отсутствие его собственной идеологии. Другими словами, отсутствовала концептуально организованная система ценностей, представлений, идей, описание будущего, описание механизмов влияния на социальные процессы по достижению этого будущего с позиции определенной социальной группы — в данном случае работниц. Как уже говорилось, марксизм, предложенный в качестве идеологии женского рабочего движения, утверждал вторичность и вспомогательную роль работниц в процессе социальных изменений, постулировал руководящую роль пролетариата, в состав которого, конечно, входили женщины, но где они были представлены относительно недавно и находились в меньшинстве. Подобная идеология не могла служить ресурсом движения, не могла мобилизовать женщин на участие в движении. Именно идеология вырабатывает нормативные требования, определяет цель, тактику и действия движения, влияет на формирование его организационной структуры.

Согласно теории мобилизации ресурсов говорить о движении всерьез можно только тогда, когда оно имеет организационную основу и, развивая эту идею, можно утверждать, когда эту основу составляют самодеятельные организации. В данном случае отсутствовали и самостоятельные организации, и инициированные «снизу» коллективные действия. Возможно, в то время казалось, что внешних усилий достаточно для того, что бы создать движе-

Курсы для работниц в Доме трудолюбия для образованных женщин. 1910 г.

ние. Так, Е. Д. Кускова считала, что в России существует «реалистическое» и «метафизическое» женские движения. Первое было то, что устанавливало зависимость положения женщины от существующего социального строя — капитализма, то есть пролетарское женское движение. Второе — то, что строило свои выводы и коллективные действия на «половой дифференциации», то есть феминистское[249]. Но, прослеживая дальнейшее развитие событий, можно утверждать, что реального женского пролетарского движения до 1917 года в стране не было.

Создаваемые «сверху» женские рабочие организации с заданными вспомогательными и обслуживающими целями имели соответствующие структуры, соответствующий репертуар коллективных действий. Так, задача межфракционного клуба работниц (Общества взаимопомощи работниц), инициированного А. Коллонтай, была сформулирована ею как подготовка «женской силы» «для работы в партии и в классовых профессиональных союзах»[250]. Коллонтай прямо заявляла, что женское рабочее движение находится в тени великой борьбы пролетариата. Это не была осознанная борьба за собственные права.

Женское рабочее движение представлялось руководству РСДРП(б) как подсобный инструмент в деле достижения своих целей. Коллонтай в ситуации очередной размолвки с большевиками жаловалась на гонения со стороны большевиков как «по поводу попыток вызвать к жизни женское рабочее движение в России», так и о попытках большевиков забрать движение в свои руки, когда оно им понадобилось в изменившихся условиях Первой мировой войны[251]. Перемена тактики большевиков была вызвана распространением среди европейских социалисток пацифистских настроений, которые не совпадали с ленинской установкой о превращении войны империалистической в войну гражданскую. Для продвижения ленинской идеи большевики создали в 1914 году журнал «Работница», который как орган российского женского рабочего движения должен был противостоять Международному женскому секретариату, стоящему на пацифистской позиции. Это было создание фантома российского женского рабочего движения и тактика манипулирования международным женским социалистическим движением.

Вывод Дж. Чафитц и А. Дворкин (J. Chafetz и A. Dworkin), что борьба женщин в рядах рабочего, социалистического, коммунистического движения являлась борьбой за права мужчин[252] более чем справедлив для России начала века.

Женское пролетарское движение начало оформляться зимой-весной 1917 года, когда работницы предприняли первые самостоятельные акции. Идеология женского рабочего движения не получила в России развития до Октябрьской революции, после которой сложилась принципиально иная структура политических возможностей. После октября 1917 года реализация равноправия женщин была декларирована как государственная политика, и в этой новой политической ситуации пригодились многие наработки

российских феминисток. Начиная с этого времени можно говорить о соединении феминистских и марксистских теоретических установок и практик и о появлении в России марксистского феминизма.

Две политические силы — феминизм и социал-демократия создали условия для появления женского пролетарского движения и марксистского феминизма. Этими условиями были: разработанная феминистская теория и идеология и практика создания женских рабочих организаций.

Появлением реального женского пролетарского движения можно считать 1917 год. Работницы крупных промышленных городов к тому времени уже не были аморфной, безвольной и ведомой массой. Они проявили сплоченность и политическую волю в событиях февраля 1917 года. Часть работниц безоговорочно стояла на большевистских позициях, отторгая идеи феминисток как «буржуазные», часть разделяла эти идеи. Но в любом случае предтечей женского движения работниц был русский либеральный феминизм, актуализировавший проблемы женщин. Существование женского рабочего движения оказалось ярким и кратковременным — оно в принципе не могло вписаться в новый социальный порядок.

А. М. Коллонтай в работе «К истории движения работниц в России»[253], в своих мемуарах[254] писала историю не существовавшего женского рабочего движения. Более всего она пыталась отделить феминистские идеи от женского рабочего движения. Начало женского движения работниц она начинает с 1870-х годов — с первых забастовок женщин на текстильных фабриках. По ее словам, работницы в то время не видели необходимости объединяться в организации, а «классовый инстинкт» удержал их от «братания с феминист-

Демонстрация работниц. Апрель 1917 г.
На транспаранте: «Товарищи рабочие и солдаты! Поддержите наши требования!»

ками». Описание деятельности феминистских организаций дано в духе нарождающегося стиля сталинского новояза: «тлетворное влияние феминизма заражало в 1905 и 1906 годах не только меньшевичек и социалисток-революционерок, но и отдельных видных и деятельных в то время большевичек»[255]. О Первом Всероссийском женском съезде 1908 года она писала так: «С пеной у рта накидывались на работниц и на представительниц партии завзятые феминистки вроде Мирович, Кальманович, кадетки Тырковой и др.»[256], «резолюции эти (работниц. — *И. Ю.*) систематически отклонялись буржуазным большинством съезда»[257]. Все это создавало «серьезную опасность для единства рабочего движения». «В те дни приходилось еще отстаивать ясное и сейчас уже неоспоримое для каждой сознательной работницы положение, что в обществе, основанном на классовых противоположностях, нет места единому женскому движению»[258].

Создание движения работниц она относит к заслугам «группы социал-демократок». Связь женского рабочего движения с международным социалистическим она прописала через собственное участие в социалистических женских конгрессах. На фоне этой идеалистической картинки диссонансом звучат ее слова о равнодушии большевиков к женским проблемам. Во всех своих работах на женскую тему Коллонтай проводила партийную позицию — партия большевиков не признает «отдельного женского движения, самостоятельных союзов и обществ работниц». Воспитывать из «многочисленного женского населения» строителей коммунизма будет сама партия.

§ 2. ВНУТРЕННИЕ РЕСУРСЫ ДВИЖЕНИЯ

2.1. Нарушительницы конвенций. Лидеры движения: мотивы, функции, роли

Когда есть общий идеал, появляются личности, его реализующие.

Е. А. Чебышева-Дмитриева

Для реконструкции любого движения важно знать, кто были его лидеры. Каковы были мотивы их прихода в движение? Каковы были их воззрения? Как их деятельность и личные качества формировали лицо движения? Какие лидерские функции они выполняли? Другими словами, лидеры — это мощный ресурс движения.

Следует отметить, что традиция жизнеописания женщин — общественных деятельниц в начале XX века претерпела сильные изменения по сравнению с веком XIX. В кругах женской «общественности» сформировалась новая тенденция — описания представляли исключительно общественную сторону жизни их героинь, биографические данные, особенно сведения о личной жизни, отсутствовали. Это не позволило проследить жизненный путь некоторых значимых для движения фигур.

Анна Николаевна Шабанова (1848–1932)

Анна Николаевна Шабанова родилась в родовом поместье в Смоленской губернии. Она получила хорошее домашнее образование, окончила пансион и, возможно, прожила бы жизнь женщины своего круга, но реформы 1860-х годов не дали этому случиться. Крестьянская реформа привела ее семью на грань краха. Поэтому с 15 лет потомственная дворянка Анна Шабанова вынуждена была зарабатывать себе на жизнь: давала частные уроки, брала переводы. Очевидно, в это время созрело решение получить серьезное образование и через него престижную профессию и работу.

В данном случае причинами участия в движении выступают, прежде всего, факторы относительной депривации и попытки сохранить свой соци-

альный статус и свою прежнюю идентичность. В своем профессиональном становлении, Шабанова как и все ее современницы, прошла тяжелый путь пионерки, с той только разницей, что в своих честолюбивых устремлениях она получала полную поддержку со стороны своей семьи.

В возрасте неполных семнадцати лет она отправилась в Московский университет для сдачи экзаменов по математике и латинскому языку — обязательное требование для поступления в Медико-хирургическую академию. Но в Москве познакомилась с сестрами Засулич, включилась в деятельность женской швейной мастерской сестер Ивановых, которая служила прикрытием радикальному кружку Ишутина, попала в поле зрения полиции. Последствия — арест и шестимесячное заключение. Ее выпустили на поруки родных и выслали домой, в Смоленскую губернию.

А. Н. Шабанова

Здесь Анна Шабанова выступила на литературном поприще, получила стипендию от Литературного фонда, которая была для нее значимым материальным подспорьем, сдала в Московском университете требуемые экзамены (1866 г.), включилась в кампанию смоленских женщин по сбору подписей под петицией с требованием допустить женщин к обучению в Санкт-Петербургском университете (1868 г.).

Прием в Петербургскую Медико-хирургическую академию для женщин в это время был закрыт, и А. Шабанова в сопровождении тетушки отправилась в Александровский университет в Гельсингфорсе (Хельсинки), открывшим прием для женщин. Здесь она оказалась единственной женщиной, подавшей прошение о приеме, к тому же русской. Ее зачислили на естественный факультет, несмотря на серьезное препятствие — незнание шведского языка, на котором велось преподавание.

Одиночество (тетушка уехала в Россию), адаптация к новой социальной и языковой среде, смерть матери, нервная горячка, поиски заработка на летних каникулах и вновь одиночество и труд — слагаемые пути пионерки и этапы ее личного пути. Когда она узнала, что на курсах «ученых акушерок» при Медико-хирургической академии врачебное образование дается в полном объеме, она вернулась в Петербург (1873 г.), где ее приняли сразу на второй курс. Врачебные курсы А. Шабанова закончила в первом выпуске в 1878 году и осталась на них ассистенткой. После закрытия курсов в 1887 году ее единственную как исключение оставили ординатором в детской клинике Николаевского госпиталя, где в последние годы находились курсы. Вопрос решался на уровне военного министра, который предложил А. Н. Шабановой принять должность надзирательницы и выполнять при этом функции врача. Шабанова категорически отказалась от такого предложения. С одной стороны, для нее были важны статусные позиции, с другой — она уже ясно осознавала дискриминацию женщин на рынке труда и в профессии. Ее твердая позиция вынудила военного министра П. С. Ванновского утвердить ее ординатором.

Одновременно она работала врачом-экстерном детской больницы принца Ольденбургского, в 1895 году вошла в штат больницы. С 1890 года работала как врач и преподаватель курса гигиены и первой врачебной помощи в Смольном институте и в женских гимназиях, занималась наукой. Через пять лет после окончания курсов была первой среди однокурсниц по числу научных работ и переводов научной литературы. Каждый свой отпуск проводила в клиниках Европы, стажируясь у известных педиатров Бокая, Геноха, Черни.

Своей семьи она не имела, но наряду с работой в женском движении всю жизнь работала в общественных организациях по охране детства.

Анна Николаевна Шабанова, как и многие женщины ее класса, под давлением новой социальной реальности и при полном равнодушии общества прошла сложный путь адаптации в пореформенное общество. Класс, к которому она принадлежала, продолжал оставаться привилегированным, но финансовые потрясения, связанные с крестьянской реформой, обеднение и потеря социального статуса сильнее всего сказались именно на положении женщин этого класса, принужденных законом, традицией, обычаем вести зависимый, «пассивный» образ жизни. Борьба за выживание для женщин этого круга шла через личностный рост, получение образования, профессиональный рост. В итоге потеря источников дохода, поместий не обернулась трагедией для тех, кто сохранил ценности, культурный капитал и социальные связи своей семьи и своей страты. Этими женщинами была выбрана личностная стратегия на сохранение своей прежней идентичности, своего социального статуса. Произошел переход их из «праздного» класса в класс экономически активный — в круг профессиональной интеллигенции и закрепление в «среднем классе».

Личности вроде Шабановой оказались способны на проведение в жизнь осознанной коллективной стратегии — организацию взаимопомощи, взаимоподдержки женщин через специфические женские организации. Ее жизненная установка: «Чтобы жить, недостаточно бороться за свое существование, нужно бороться и за жизнь других»[259].

Сразу по окончанию курсов А. Н. Шабанова заявила о себе как лидер своей профессиональной группы. Она выступила с инициативой предоставления женщинам-врачам права работать ординаторами при госпиталях; в 1880 году организовала кампанию за учреждение нагрудного знака с аббревиатурой «ЖВ» — «Женщина-врач»[260]; в 1883 году — за отмену звания «ученая акушерка», введенного взамен звания «женщина-врач»[261]; активно работала над проблемой возобновления женских врачебных курсов, проводила кампанию по сбору средств для них; в 1896 году — организатор кампании за уравнение профессиональных прав женщин и мужчин-врачей, в ходе которой поставила перед женской медицинской общественностью задачу добиваться права на профессорское звание и преподавание в высшей школе. Параллельно с постановкой проблем женщин-врачей, она

осмысляла проблемы женщин «средних интеллигентных классов» как особой социальной группы и инициировала в 1895 году создание женского клуба, получившего название Русское женское взаимно-благотворительное общество.

Общественная активность открыла ей путь к интеграции в пореформенное российское общество. Это был канал вертикальной мобильности, благодаря которому она стала известна в профессиональных кругах, сумела сформировать свою частную практику (одна из немногих среди женщин-врачей).

Ее статьи выдают в ней не идеолога движения, а практика. Основными причинами возникновения российского женского движения она считала экономический кризис, вызванный освобождением крестьян; западные идеи равноправия, поднявшие проблему гражданских прав женщин, и изменение общественных идеалов в отношении женщин.

Целями российского женского движения А. Н. Шабанова называла достижение права на высшее образование, расширение гражданских прав женщин до уровня мужских, улучшение материального положения; семейную, гражданскую и имущественную эмансипацию[262]. Лозунгом женского движения России она определила — «Знания и права!».

Основными достижениями женского движения считала деятельность разного рода курсов, обществ содействия, поощрения, распространения, охранения, взаимопомощи, т. е. создание силами общественных организаций и частных женских инициатив инфраструктуры жизни работающей интеллигентной женщины. Значимой победой женского движения Анна Николаевна считала общественное и официальное признание женского медицинского образования, появление женщин-врачей. Называла эту победу истинной, т. к. женщина-врач («докторица», «докторша», «лекарка») вошла в культурную традицию России

Ей была близка идея женской солидарности, она считала возможным сотрудничество женщин разных социальных слоев в едином женском движении и в сферах, выходящих на «проблемы пола». «Женское движение не может быть ни буржуазным, ни пролетарским, — оно как свобода — необходимо для всех порабощенных, и вокруг этой идеи должны были бы сгруппироваться все жаждущие освобождения»[263]. Теоретическая непроработанность проблемы «единения» заставляла ее обращаться к опыту других стран. Она рассматривала женские движения США, Швейцарии и Финляндии как пример солидарных действий женщин[264]. Идеи, высказанные участницами женского конгресса в Берлине о необходимости существования отдельного женского рабочего движения, о том, что со стороны женщин среднего класса «никакой вражды к движению пролетарок быть не может», что женское движение объединяют идеи любви, мира, справедливости, были ею полностью поддержаны[265]. Она только сожалела, что такой важный вопрос не был обсужден на конгрессе более детально, так как он был очень актуальным для России[266]. Но стратегически она видела движение единым.

А. Н. Шабанова на практике формировала солидарность через деятельность своей организации (мобилизация действия) и развитие идеологии движения (мобилизация консенсуса). Первое ей удавалось куда лучше. Солидаризируясь с женщинами непривилегированных классов, она поднимала в своих статьях и речах проблему условий труда фабричных женщин (отдельно ставила вопрос о беременных работницах), проблемы незаконнорожденных детей. Возможно, здесь также сыграла усвоенная с детства роль, установка представительницы правящего класса на ответственность и руководство другими. Ей хорошо удавалась организация коллективных женских акций. Как, например, грандиозная женская манифестация Женской Лиги мира с лозунгом «Долой оружие!» в Петербурге в день открытия Гаагской конференции 18 мая 1899 года. Женскую Лигу мира учредила тоже она.

В развитие мобилизации консенсуса, т. е. разработки системы ценностей, значений, интерпретаций проблем и событий, она пропагандировала идеи единого женского движения. Путь «единения» видела в преодолении эгоизма личных интересов и умении «подчинять свои личные стремления общему делу, претворить свое «я» в общечеловеческое служение»[267].

Поэтому первостепенной целью движения Шабанова определила создание центра, сплачивающего воедино женские силы «для развития солидарности и совместной деятельности»[268], поддержки женщинами друг друга, духовного и интеллектуального развития женщин. Этому способствовала деятельность Вз.-Благ. общества, позднее — Всероссийского женского совета, который был создан усилиями, в первую очередь, А. Н. Шабановой. «Я сделала все возможное, чтобы сдержать обещание и мечту — создать Национальный Совет»[269].

Участие женщин в партийной работе она считала бесперспективным. Опыт «деятельного участия» женщин в освободительном движении всех направлений оценивала как разочаровывающий. Все осталось по-прежнему, констатировала она[270]. И как результат, «в сознание русской женщины проникло настоятельное стремление добиваться своих прав, добиваться самостоятельно»[271].

Главное препятствие на пути установления равноправия видела в самих женщинах, которые либо благополучны и равнодушны к проблемам своего пола, либо довольствуются тем, что есть, либо безропотно несут свой крест.

Единственное средство, делающее женщину реальной силой в общественной и государственной жизни, было организованное женское движение[272]. Никакое другое движение, кроме женского, писала она, не решит проблемы женщин. Это доказали позитивные изменения в странах с развитым женским движением — в Англии и Америке[273].

Она выступала за очищение феминизма от обывательского представления как о движении против мужчин. Феминизм для нее был движением против недостатков мира, за истину и справедливость, за достижение идеала человека-женщины. Этот идеал она рисовала в своих речах — когда «рус-

ская женщина достигнет участия в законодательстве страны, получит избирательные права, будет признана человеком, <...> она получит возможность всецело развернуть свои творческие силы»[274], «будет иметь право на выражение своей воли в интересах культуры и цивилизации»[275].

Она верила, что по достижении юридического равноправия, надобность в женском движении, феминизме отпадет, т. к. наступит истинное разделение труда и решающим моментом будет не пол, а способности. «Обособленность женщин — есть явление вынужденное, временное, вызванное условиями того особого положения, в которое поставлены женщины их бесправием...»[276].

А. Н. Шабанова была лидером-администратором, который способствует институализации движения, через установление контактов и соглашений с существующими социальными институтами. Как лидер организации Шабанова всегда действовала исключительно в рамках закона и, базируясь на нем, расширяла «женское» пространство в политической сфере. Основными формами деятельности Вз.-Благ. Общества, которым она руководила, были сбор подписей и подача петиций в государственные структуры, внесение на рассмотрение Государственной Думы разного рода законопроектов в отношении женщин, проведение митингов и общественных дебатов, поддержание инфраструктуры жизни образованной труженицы в Петербурге через создание разного рода курсов, общежитий, детских очагов, дешевых столовых и т. д.

Ее деятельность на посту председательницы Вз.-Благ. общества часто вызывала критику со стороны соратниц по движению. Ее обвиняли, особенно деятельницы молодого поколения (А. В. Тыркова), в консерватизме, в позднем переходе к политической активности.

Как уже говорилось, А. В. Тыркова считала, что женское движение 1880-х годов не привлекало женщин с демократическими общественными устремлениями потому, что не было проникнуто «подлинной идеологией»[277]. Основания для такого заявления у Тырковой были. А. Н. Шабанова, реализуя идеи взаимопомощи и солидарности, постоянно сбивалась на благотворительную деятельность. Идеология движения, развиваемая усилиями других лидеров (О. А. Шапир, М. И. Покровская), была достаточно сложна для понимания и требовала высокого образовательного уровня. А. Н. Шабановой как организатору и администратору формировать идейное единение (консенсус) на такой базе было сложно.

Значимы международные связи А. Н. Шабановой. Она была вице-президентом Всеобщего женского союза во имя мира в Париже (Aliance universelle par la paix), почетным членом Международного конгресса мира в Стокгольме (1909 г.) и в Аргентине, почетным членом Международного общества женщин-врачей в Америке (1912 г.), почетной вице-председательницей от России в Международном женском совете (International Council of Women) с 1913 года.

М. Ватсон

Ее организация положила начало практике международных контактов русского женского движения на уровне организаций. Личные контакты с западными коллегами были у многих россиянок. В сентябре 1896 года Анна Николаевна возглавила делегацию от России на Международном женском конгрессе в Берлине, в которую вошли В. П. Тарновская (Общество доставления средств ВЖК), доктор Познанская (Вз.-Благ. общество), писательницы и общественные деятельницы М. Ватсон и Е. А. Чебышева-Дмитриева, начальница женского пансиона г-жа Шаффе и д-р Лурье из Киева. В 1911 году она вместе в А. П. Философовой и М. Л. Вахтиной приняла участие в Международном женском конгрессе в Стокгольме. В мае 1914 года присутствовала на очередном конгрессе Международного Женского Совета в Риме (совместно с М. Л. Вахтиной, Е. М. Десятовой, З. Я. Ельциной, графиней А. Д. Капнист, А. С. Милюковой, А. Поповой, Е. Р. Пфейлицер-Франк, Е. И. Тихеевой, Е. А. Чебышевой-Дмитриевой). Также Шабанова приняла участие в последовавшем за ним конгрессе Итальянского женского совета.

На этих итальянских конгрессах Анна Николаевна имела ряд конфиденциальных бесед с председательницей Совета леди Эбердин по поводу создания в России Национального совета и полноправного вхождения России в Международный женский совет. Анна Николаевна вслед за Анной Павловной Философовой была только почетной вице-председательницей, т. к. без создания общенациональной организации Россия не могла быть полноправным членом Совета. В этом вопросе Россия входила в число аутсайдеров наряду с Китаем и Турцией и Шабанова воспринимала это болезненно. Однако, все ее многочисленные попытки получить разрешение на создание национальной организации терпели неудачу. Осуществить она смогла это только в 1917 году.

Следует признать, что работа Шабановой на протяжении 23 лет над развитием структуры организации, сохранением помещения «женского дома», рекрутированием новых членов и т. д. способствовали стабильности, преемственности и институализации движения.

Личная известность доктора Шабановой также способствовала институционализации движения. В феврале 1903 года в помещении Женского общества был торжественно отмечен 25-летний юбилей ее врачебной деятельности, на котором ее приветствовали сенаторы, депутаты Государственной Думы, известные общественные деятели, представители врачебного сословия и многочисленных женских организаций.

Вся профессиональная жизнь доктора А. Н. Шабановой прошла в стенах больницы принца Ольденбургского, в советское время — больницы им. К. А. Раухфуса: от экстерна, сверхштатного врача до старшего врача. В свои 80 лет она еще была консультантом больницы. Старейший педиатр страны, она пользовалась авторитетом во врачебной среде. Репутация принципиально-

го и «высокого» специалиста позволила ей стать в 1923 году судьей чести Ленинградского союза врачей, в 1925 — почетным членом Ленинградского общества детских врачей. В 1927 году по инициативе врачей больницы им. К. А. Раухфуса библиотеке больницы было присвоено имя А. Н. Шабановой.

В ноябре 1928 года она отметила 50-летие своей врачебной деятельности. Ей было присвоено звание Героя Труда, нарком Н. А. Семашко поздравил ее телеграммой. О феминистском прошлом доктора Шабановой старались не вспоминать, хотя в публикациях, посвященных ее юбилею, все же был высказан упрек, что она недооценивала роль революционного пролетариата в решении проблем женщин[278].

Она видела новые возможности, открывающиеся женщинам в Советской России и, возможно, относила их к реальным результатам деятельности российских феминисток, в том числе и к своим: «На закате жизни <...> храню в душе глубокую веру в ту великую роль, которая предстоит женщине в залечивании ран общественного организма, выздоровлении человечества как в области моральной, так и социальной наравне с мужчиной»[279].

Умерла Анна Николаевна 25 мая 1932 года. На гражданской панихиде прозвучали слова: «Несомненно, сила и дарование Анны Николаевны могли развернуться только после Октябрьской революции. Только Октябрь дал женщине полноправие, и все заветные мечты Анны Николаевны были исполнены»[280].

Ольга Андреевна Шапир (1850–1916)

О. А. Шапир

Мотивы участия в движении одной из лидеров российского феминизма О. Шапир хорошо укладываются в схему участия, предложенную Б. Файерманом (B. Fireman) и У. Гэмсоном (W. Gamson)[281], основные стимулы которого определены как совпадение интересов личности и целей движения, корпоративное чувство долга, нравственная приверженность целям движения и нормам солидарности. В том или ином варианте они присутствуют у всех участниц движения, с той только разницей, в каком сочетании и в переплетении с какими базовыми установками их мировосприятия они проявляли себя.

Родилась Ольга Андреевна 10 (22) сентября 1850 году в г. Ораниенбауме в семье военного чиновника А. П. Кислякова. Мать ее была дворянкой со шведскими и немецкими корнями. Отец — выходец из крестьян, затем дворянин и помещик, сумевший подняться по служебной лестнице благодаря природному уму и воле. Отец был человеком страстей, тираном семьи и славился на весь Ораниенбаум своими причудами, граничащими с самодурством. Он умер, когда Ольга Кислякова была еще ребенком, а мать поддерживала устремления своих детей.

В 1865 году Ольга Андреевна закончила с золотой медалью Александровскую гимназию. И как многие ее сверстницы через посещение курсов, кружков вошла в специфический круг разночинной молодежи и с головой окунулась во все модные и острые дискуссии и молодежные практики 1870-х годов. Она училась на Владимирских курсах, заведовала Василеостровским отделением библиотеки А. А. Черкесова[282], участвовала в работе Корниловского кружка. Кружок объединял женщин, стремившихся к научной деятельности. В него входили пионерки науки: Ф. М. Берлин-Кауфман — доктор юридических наук, Н. Ф. Литвинова — доктор математики, Н. К. Скворцова-Михайловская — доктор медицины и др.

В этой разночинной среде она познакомилась со своим будущим мужем Лазарем Марковичем Шапиром, студентом Медико-хирургической академии, высланным в Новгород за причастность к Нечаевскому делу. В 1872 году вышла за него замуж, добилась разрешения на его возвращение в Петербург для завершения образования и до того момента содержала семью. Это были нетипичные поступки для женщины, характеризующие ее как нарушительницу традиционных гендерных ролей и гендерных контрактов. Тогда же Ольга Шапир сформулировала идею, которой придерживалась всю жизнь, что «безудержное самоопределение много полезнее в жизни качество», чем традиционные женские добродетели.

После получения ее супругом места земского врача в Царицынском уезде Саратовской губернии, Ольга Андреевна уехала с мужем в провинцию.

В 1879 году она дебютировала на страницах «Журнала романов и повестей» с повестью «На пороге жизни» и практически сразу стала популярным автором. Читатели услышали боевую ноту в произведениях Шапир и поддержали ее вызов — журналы, в которых она печаталась, раскупались моментально и «читались нарасхват». Она публиковалась в лучших литературных журналах — «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Отечественных записках», «Северном вестнике», «Русском богатстве» и др.

Творчество Шапир было полностью обращено к «женским» проблемам, волновавших российское общество в 1870–1880-х годы — женский мир, взаимосвязь мужского и женского, проблемы подчинения и духовной несвободы женщин, стремление людей социальных низов к изменениям, опять-таки на материале женского сообщества. Ее творчество строилось на описании женского опыта и демонстрировало женский взгляд на мир. Ее писательские позиции были во многом инновационны. Шапир открыто декларировала, что она пишет о женщинах, для женщин и как женщина. И по всем этим позициям она вступила в противостояние с великой русской литературой. В 1880-е годы Ольга Шапир была популярной и модной писательницей и, что важно, она была профессиональной писательницей, т. е. постоянно печаталась и тем самым зарабатывала себе на жизнь. Это означает только одно — ее произведения соответствовали эстетическим и социальным запросам читающей публики.

В русской литературной традиции доминантами идеала русской женщины всегда выступали жертвенность, смирение, самоотречение. Ф. М. Достоевский говорил о «высоте самоотречения» и «покорности» как национальных чертах русского женского характера, только что не имманентно ему присущих. Женщина была вознесена на небывалую высоту, но при этом ей отказывалось в праве на личное самоопределение и на «свое собственное» счастье. Н. Г. Чернышевский один из первых подверг пересмотру эту установку, выведя на страницы своего романа в качестве положительной героини «новую женщину» Веру Павловну, стремящуюся к сочетанию общественных интересов и личного счастья.

В русской литературе наметилось противостояние двух противоположных идеалов женщины, двух декларируемых стратегией женской жизни и двух тенденций в литературе. За новых женщин в литературе 1860–1870-х годов были «все первоклассные публицисты», — писал известный публицист А. Амфитеатров. Против них — «все крупные беллетристы»[283].

В движение Ольга Шапир пришла где-то в начале 1880-х годов после возвращения в Петербург. В 1895 году она вступила в только что созданное Русское женское взаимно-благотворительное общество. В марте 1896 года О. А. Шапир была избрана заведующей Комиссии по изысканию средств, затем в Реферативный отдел, в Совет общества. Ее работа в структурах Общества во многом определила лицо и политику организации на этапе ее становления. Шапир была хорошим оратором, обладала деловой хваткой, ее авторитет в среде российских равноправок был высок. Соратницы ценили ее и считали «приобретением для Общества»[284].

О. А. Шапир была «инициаторшей» многих крупных женских акций — торжественного вручения от лица русских женщин письма-адреса писательнице Жюльете Ламбер для французских женщин в поддержку политики русско-французского сближения, многочисленных актов передач петиций в Государственную Думу и т. д. — все эти инновационные действия женщин привлекали внимание публики и прессы, демонстрировали женское присутствие в политической сфере, расширяли репертуар коллективных действий движения.

Идеи женской солидарности были ей близки и во многом определяли ее жизнь. В 1905 году Шапир вступила еще в одну женскую организацию — в Союз равноправности женщин.

Ольга Андреевна выступала против благотворительности в деятельности Вз.-Благ. общества, настаивала на более активной политической позиции. Она рассматривала общество как женский клуб, называя квартиру на Спасской улице не иначе как «женский дом», и считала, что в нем следует собираться единомышленницам для обсуждения проблем женщин, определять тактику и стратегию организации и движения.

Отношения О. А. Шапир с председательницей Вз.-Благ. общества А. Н. Шабановой складывались сложно. Налицо был лидерский конфликт. А. Н. Ша-

банова была лидером-администратором, О. А. Шапир — лидером интеллектуальным и даже харизматическим, учитывая ее авторитет, личную популярность и огромный агитаторский резонанс ее произведений. В знак протеста против благотворительных тенденций в политике организации Ольга Андреевна демонстративно вышла из состава Совета Вз.-Благ. общества, но приверженность целям движения заставила ее вернуться в организацию, когда та начала политизироваться и когда был создан Отдел равноправия женщин.

В своих статьях и речах Ольга Андреевна демонстрировала дальнейшее развитие теории либерального феминизма. Она предлагала скорректировать цели движения: не только воздействовать на политические институты и институты социального контроля, но менять гендерное сознание общества, его культурные традиции. Для этого она предлагала проводить не только привычные социально-видимые акции, но и мероприятия, способствующие росту самосознания женщин.

Стратегические цели движения были сформулированы Ольгой Шапир в речи «Идеалы будущего» на Первом Всероссийском женском съезде. Идеи ее выступления были настолько инновационными и неожиданными, что не многие современницы смогли оценить их созидательный потенциал. Здесь Шапир вышла из общепризнанной в то время парадигмы «равности полов», постулирующей их «полную равность», считая это по определению невозможным и видя в этом «подтягивание» женщины до мужского образца. Напротив, она предлагала пропагандировать и распространять в обществе женские ценности, женский опыт, женские представления. Она осмысляла понятия «женский опыт», «мировоззрение женщин» как универсальные и объединяющие женщин реалии.

Если теоретические работы Ольги Шапир были известны и доступны для понимания только узкому кругу российских феминисток, то беллетристика была для нее каналом популяризации и трансляции феминистских идей на широкие слои населения. Своим творчеством она способствовала изменению культурных стереотипов в отношении женщин.

Шапир отстаивала безусловное право женщин на участие в общественной жизни. Она рассматривала женскую активность и с позиций «общественной пользы», и с позиций «индивидуальной выгоды» — как путь самореализации и самоутверждения.

Перед Первой мировой войной Ольга Андреевна по состоянию здоровья отошла от общественных дел. Война, тревога за единственного сына, ушедшего на фронт, подорвали ее здоровье. Умерла она 13 июля 1916 года. В многочисленных некрологах на ее смерть ее идеи интерпретировались так: «Свобода женщины — ее долг, а не приятное удовлетворение субъективного влечения»[285].

Мария Ивановна Покровская (1852 г. — дата смерти неизвестна)

М. И. Покровская

Мария Ивановна Покровская — одна из ярчайших фигур российского феминизма. Биографические сведения о ней крайне скудны. Родилась Покровская предположительно в дворянской семье в 1852 году в г. Нижний Ломов Пензенской губ. Получила домашнее образование. В 1870 году выдержала экзамен на звание домашней учительницы и какое-то время работала в начальной школе в г. Темникове Тамбовской губернии (1873–1876 гг.).

В 1876 году Мария Ивановна поступила на Женские врачебные курсы в Петербурге и в 1881 году закончила их. Ее путь в медицину был тяжелым. Судя по всему, она не имела ни моральной, ни материальной поддержки семьи и была вынуждена полагаться только на свои силы.

По окончании курсов Покровская получила место земского врача в Опочском уезде Псковской губернии. Это была удача. Но в провинции ей пришлось испытать на себе все предубеждения в отношении женщины-врача властей и горожан, корпоративное сопротивление местного медицинского сообщества. Поддерживал ее только председатель городской думы г. Опочки, который благосклонно относился к идее общественного служения женщин и рассчитывал организовать подачу медицинской помощи бедному населению за счет женщин-врачей. Он не без основания полагал, что женщины в качестве новичков скорее согласятся на низкую земскую зарплату, нежели мужчины, и будут добросовестно за нее трудиться.

Несмотря на самоотверженную работу (городской голова не ошибся в своих прогнозах), профессиональный рост, твердой почвы у Покровской под ногами не было. Ей приходилось в каждодневной борьбе доказывать свое соответствие врачебному званию. Она ощущала на своих плечах груз ответственности за всех женщин-врачей и перед всеми женщинами-врачами. «Я не только была врачом, но и пионером женщин на этой дороге...» — вспоминала она[286].

Члены городской управы не разделяли мнения своего председателя о женщинах-врачах и относились к ней с плохо скрытой враждебностью. Коллеги-мужчины перекладывали на нее всю низкооплачиваемую работу, против чего Покровская регулярно восставала. Все, что она делала, рассматривалось местным врачебным сообществом с подозрением и оценивалось заведомо негативно. То, что она не брала с бедноты деньги за визиты, считая, что за это ей платит земство, расценивалось как попытка доказать выгоды и преимущества женского труда.

Ее неопытность оборачивалась приговором, что «фельдшер может лечить лучше, нежели самая ученая женщина-врач», ее тщательность в постановке диагноза — «бабским страхом» и т. д.

Но М. И. Покровская не хотела «помириться с мыслью, что женщины в умственном отношении стоят ниже мужчин»[287] и упорно доказывала, что «женщины могут быть <...> недурными практическими врачами»[288].

Врачебная практика привела ее к разочарованию в медицине, скептицизму в отношении ее возможностей. Разочаровывал цинизм коллег, соблюдавших свои корпоративные интересы. Врачи играют с заразой в жмурки — считала она — лечат вслепую, берут гонорары, понимая тщету своих усилий, по сути дела обманывают пациентов.

Бедность и культурную отсталость населения она определила основными причинами болезней. Покровская придавала серьезное значение профилактике заболеваний, гигиене, роли социальных условий и реформ, позволяющих их изменять. Она пришла к выводу, что гигиена — спасение и первый друг бедного населения. «Гигиена способна уменьшить заболеваемость и смертность населения. Вот куда русским врачам следует обратить внимание. Тогда они действительно станут полезными для общества»[289]. Она пришла к выводу, что «главная задача врача заключается именно в устранении причин, создающих болезни»[290].

Покровская стала специализироваться как санитарный врач. Первые ее научные статьи написаны на материалах практикующего земского врача: «Влияние курных изб на заболеваемость глаз и дыхательных органов», «Исследование нескольких деревень Глубоководской волости», «Опыт статистического исследования заболеваемости и смертности населения в связи с качеством воды» и др.

Позднее, уже в Петербурге, ее исследовательская[291] и популяризаторская работа[292] сделали ее имя известным. Она часто выступала с докладами в Русском обществе охранения народного здравия, что привело к созданию при Обществе комиссии по улучшению жилищ рабочих.

Проблемы провинциальной жизни М. И. Покровской разрешились сами собой. Новый председатель городской управы «смешивал городскую службу по найму с почтением и уважением к самому себе», а последнее с низкопоклонством. «Низкопоклонство меня возмущало, когда я его видела в других, а относительно себя я не могла допустить даже мысли о нем», — вспоминала Покровская. «Мне было слишком дорого мое самоуважение»[293]. Она подала в отставку и в 1888 году вернулась в Петербург уже опытным практическим врачом, ориентированным не только на профессиональную деятельность, но и общественную работу. Работать она устроилась в гигиеническую лабораторию профессора Доброславина в Военно-медицинской академии.

Разрушение в российском обществе традиционных форм женской социализации (появление нового женского типа «достигающей личности»), сложности профессиональной социализации отложили отпечаток на личность Марии Ивановны. В отличие от своих соратниц по движению она не смогла создать приемлемый для окружающих образ «новой женщины», что привело ее к некой маргинальности, отчуждению и даже к социальной изоляции. За-

мужем она не была. По кратким отзывам коллег и соратниц по движению она предстает человеком прямым и довольно жестким. Ее критическое отношение ко всему «мужскому» стало стержнем ее воззрений и житейских практик. Мир для нее делился на черный и белый — мужской и женский. «Мужчины-господа, а женщины — их рабыни, поэтому первым все позволено и прощено, а вторым запрещено и не прощается», — писала она[294]. Оппозиционность стала ее визитной карточкой. Тексты ее статей выдают в ней человека широко мыслящего, саркастического и острого на язык. Очевидно, что она искала новые формы коллективной идентичности и потому активно включилась в женское движение.

Мотивы ее участия в движении те же, что и у других его участниц: совпадение личностных установок, личных целей с установками и целями движения, влияние факторов относительной депривации, обобщенным показателем которой выступает личностная неудовлетворенность и недовольство; солидарность с «товарками» по полу и чувство долга, стратегия личного выживания и профессиональной самореализации. С той только особенностью, что присущая личности Покровской маргинальность, сделала одной из основных причин ее участия в движении поиск новой идентичности, новой коллективности.

Придя в движение, Покровская остро почувствовала его кризис. Это был период смены поколений и, соответственно, идей движения. Движение уже в значительной степени исчерпало потенциал своих первоначальных идей — требования высшего образования, права на профессиональную работу и практики достижения их явочным путем. Работу активисток движения по поддержанию уже созданной инфраструктуры жизни трудящихся женщин (ВЖК, разного рода профессиональные обществ взаимоподдержки женщин и т. д.) Мария Ивановна жестко оценила как «вчерашний день», а благотворительность окрестила «заплатой на старом платье». Считала, что движению нужны новые идеи, организации, акции.

Такой идей для нее стал аболиционизм, в котором сочетались ее воззрения, профессиональные и общественные интересы. Новыми организационными возможностями стала совместная работа аболиционистских, благотворительных женских и феминистских организаций.

Она идентифицировала себя как феминистку и отстаивала феминизм от негативных коннотаций и забвения. Это она ввела термин «стыдливый феминизм», определяя им тактику женщин отказываться от самого понятия, но использовать освободительный потенциал феминисткой идеологии в своей жизни.

Она не чуждалась идей марксизма и пыталась соединить его положение о классах с феминистской идеей. Дискриминационная практика государства в отношении проституток[295] хорошо укладывалось в понятие «эксплуатации женщин» и позволила определить положение проституток в структуре общества как лиц, эксплуатируемых и дискриминируемых по гендерному и классовому признакам одновременно. А тот факт, что законодательные, властные,

контролирующие и карательные органы (Врачебно-полицейский комитет) состояли исключительно из мужчин, позволил ей сформулировать мысль о корпоративных мужских интересах, о мужском эротизме, эгоизме и шовинизме, которые делают мужчин «беспощадны(ми) к ним (проституткам. — *И. Ю.*). Они (мужчины. — *И. Ю.*) не только не стремятся уничтожить эксплуатацию женского тела, но даже дают разрешение на открытие и содержание притонов, где под надзором полиции и докторов мужчины могут убивать тело и душу женской молодежи»[296].

В отказе правительства упразднить регламентацию проституции М. И. Покровская видела также проявление мужских властных полномочий и соблюдение корпоративных интересов мужского сообщества.

Она остро чувствовала социальное неравенство и неравенство по признаку пола (гендерное), и считала их главными причинами проституции, что было по ее представлениям результатом «половой сегрегации» (гендерной стратификации).

Другую причину проституции Покровская видела в низком уровне благосостояния мужского населения России, невозможность молодых мужчин жениться и содержать семью.

Изначально Покровская придерживалась той точки зрения, что основными потребителями проституции являются представители имущих классов, именно они несут основную ответственность за существование этого института и что простой народ отличается меньшей распущенностью, нежели интеллигенция. По мнению авторов книги «Проституция в Петербурге» Н. Б. Лебиной и М. В. Шкаровского, эта точка зрения была весьма распространенной в среде российской интеллигенции. Позднее Мария Ивановна изменила свое мнение.

М. И. Покровская исследовала проблему проституции. Она использовала письма, дневники проституток, провела опрос и медико-психологическое обследование клиенток Калинкинской больницы (1899 г.)[297], создала социально-психологические портреты проституток, написала на эту тему ряд работ: «О жертвах общественного темперамента» (1902 г.), «Врачебно-полицейский надзор за проституцией способствует вырождению народа» (1902 г.), «Борьба с проституцией» (1900 г., 1902 г.) и др. Поставила вопрос о потребителе проституции — мужчине, об ответственности, грехопадении и вине мужчины-христианина, рассматривала потребителей проституции как падших существ. На съезде по борьбе с торгом женщинами (1910 г.) она призвала общественность выступить за введение обязательного осмотра посетителей публичных домов, именовать их «проститутами» и применять к ним санкции вплоть до уголовного характера[298].

В качестве мер борьбы с проституцией предлагала половое воздержание как мужчин, так и женщин и создание организаций, типа английского общества «Белый крест», члены которого давали обет целомудрия до 25, 30, 40 и более лет[299]. Идеи эти, конечно, были утопичны и, надо полагать, Мария Ивановна понимала, что таким образом проблему не решить.

Изучая проституцию она вышла на проблему одинаковых требований к нравственности мужчин и женщин, в том числе к требованию целомудрия до брака. Она писала: «Правы женщины, требуя одинаково целомудренной жизни для мужчин и женщин, и не правы мужчины, считая простительным себе то, что они не могут простить женщинам. Если они действительно не могут быть целомудренными, то с их стороны было бы более справедливым не требовать целомудрия от женщин»[300].

Ее исследовательская и практическая деятельность привела к выводу, что только «единая половая мораль» при условии «полного равноправия» женщин и мужчин «в остальном» — единственное средство уничтожения проституции[301].

Свято веря в «могущественное значение прессы в разработке практических вопросов», она 13 лет (1904–1917 гг.) издавала журнал «Женский вестник», являясь его редактором и издательницей одновременно. Средства на журнал собирались по подписке, но предположительно в значительной степени финансировала его она сама.

Как сложившаяся гражданская личность М. И. Покровская осмысляла проблемы становления гражданского общества в России. Она хорошо видела общую картину расстановки политических сил в стране, тенденции развития политической системы. Особых надежд на деятельность Государственной Думы она не возлагала. Дружбы ни с какими политическими деятелями и партиями не водила, подвергая практически всех резкой и нелицеприятной критике. Она взяла на себя функции общественного критика с «позиций женщин» на страницах своего «Женского вестника».

М. И. Покровская высказывала идеи о необходимости поддержки властями гражданских, самодеятельных инициатив «снизу» в интересах самих властных структур и российского общества в целом. «Если правительство желает содействовать прогрессу страны и предупреждению насильственных политических и социальных переворотов, оно должно прислушиваться к голосу народа, который звучит через общественные организации, поэтому правительству выгоднее предоставить населению возможность организовываться в широких размерах, так как оно будет знать более определенно, чего желает народ, и будет иметь возможность предупредить внезапные катастрофы»[302]. Сетовала, что российское правительство встречает всякую общественную организацию как противника, видит в ней оппозицию. «Это понятно, — писала Мария Ивановна, — правительство так мало считается с общественным мнением, что постоянно вызывает протест со стороны населения. Этот протест ярче всего выражают организации. И это явление в высшей степени полезно для страны».

В своей публичной лекции «Русская интеллигенция и равноправие женщин в Государственной Думе» (1908 г.) она утверждала, что русская интеллигенция, имея в виду прежде всего кадетов как партию думского большинства, не может дать России то, в чем нуждается страна — свободу, равенство

и право[303]. Писала о лицемерии в «женском вопросе» представителей правого крыла российской политики — октябристов[304]. Некие надежды она возлагала на социалистов и социализм, но не считала при этом, как социал-демократы, что решать «женский вопрос» нужно в социалистическом будущем и призывала женщин всех классов и состояний действовать сейчас, в данный момент, в данной политической ситуации. Призвала женщин создавать свои организации для борьбы за женские права.

М. И. Покровская без сомнения была интеллектуальным лидером, то есть тем лидером, который формировал протестное мировоззрение, вырабатывал лозунги, риторику, идеологию движения и достижения которого в дальнейшем использовали его соратники.

Кроме того, она была административным лидером — создала Женскую прогрессивную партию, Женский клуб при партии, основала журнал, разрабатывала стратегию и тактику движения; распространяла идеологию движения (одного из его направлений) через свои многочисленные публикации, лекции, выступления на митингах; вырабатывала солидарность движения и тем самым способствовала институализации феминистского движения.

Последняя статья Марии Ивановны Покровской посвящена анализу первых демократических российских выборов в районные думы Петрограда. Что произошло с Марией Ивановной в вихре революции и гражданской войны, как она пережила эти годы, когда умерла и где похоронена — не известно.

Мария Александровна Чехова (1866–1937)

М. А. Чехова

Мария Александровна Чехова родилась 18 января 1866 года в Санкт-Петербурге в семье воспитателя Первой Санкт-Петербургской военной гимназии А. П. Аргамакова. Семья была дворянского происхождения, но имела более чем скромный достаток. Мать девочки рано умерла (в 1872 г.) и она воспитывалась бабушкой М. В. Мерцаловой и тетушками Н. И. и В. И. Мерцаловыми — трудящимися петербургскими интеллигентками.

Ее воспитывали в традициях «прогрессивных» интеллигентских семей того времени — поощряли стремление к знаниям, интерес к общественной жизни, самостоятельность, ответственность за себя. Лето Мария Аргамакова проводила в поместье бабушки в Паньковой горке Олонецкой губернии.

С запрещенной литературой, тайно ходившей среди гимназисток, Аргамакова познакомилась рано, и та показалась ей примитивной и фальшивой. Лозунг «цель оправдывает средства» Мария Аргамакова не приняла, как и «ложь подпольной работы». Проблему террора, активно обсуждаемую в то время, решила для себя однозначно — полное и категорическое отрицание. Всякая жертва в ее понимании — напрасная жертва. Убийство 1 марта 1881 года Алек-

сандра II — акт, лишенный всякого смысла. Террористы вызывали у нее не уважение, а жалость. Она оставила в своем дневнике жесткое описание героини теракта Софьи Перовской — «некрасивое и неумное лицо с широким выпуклым, упрямым лбом»[305].

После окончания Петровской гимназии в 1883 году М. Аргамакова поступила на математическое отделение Педагогических женских курсов Ведомства императрицы Марии. Приема на популярные и престижные Высшие женские Бестужевские курсы в то время не было.

Как и многие курсистки, М. Аргамакова принимала активное участие в легальных студенческих акциях 1880-х годов, какие только были возможны в то «угрюмое время Александра III» (А. В. Тыркова). Она — участница кружка А. Ф. Бардовского и А. М. Калмыковой, толстовского и т. д. В круг ее общения входили люди, которые оказали впоследствии значительное влияние на культурную жизнь страны: литератор и издатель В. П. Гайдебуров; издательница, народница, «культурница» А. М. Калмыкова; социалист и критик М. П. Миклашевский (Неведомский), историк-этнограф С. Ф. Ольденбург.

М. Аргамакову увлекали идеи Льва Толстого, близки были народнические идеи. В этом на нее повлиял С. Ф. Ольденбург — толстовец, уехавший «на дело» в провинцию, в Тверь.

В 1887 году Мария Аргамакова окончила педагогические курсы. Ее материальное положение, как и многих женщин ее класса, было трудным. Она содержала не только себя, но и свою сестру Софью. М. Аргамакова постоянно подрабатывала — бралась за частные уроки, работала в «низшей школе». Но ее мечтой была собственная школа на новых основаниях — демократизме, гуманизме и всесословности. В 1889 году она открыла подготовительную школу для девочек в квартире своих теток на Петроградской стороне. Школа просуществовала почти 30 лет. После отъезда Марии Александровны она перешла к сестре Софье, затем к тетушке В. И. Мерцаловой.

Н. В. Чехов

В апреле 1890 года Мария Аргамакова вышла замуж за Николая Васильевича Чехова — радикального интеллигента, который после разгрома «Народной воли», как и многие, ушел в культурную работу, в «малые дела». Идеалом Н. В. Чехова была жизнь среди народа и работа для народа. Жена разделяла его взгляды, и с ее одобрения Николай Васильевич стал заведующим хозяйственной частью народного училища в уездном земстве г. Богородицка Тульской губернии. Со временем Чехов стал известным деятелем по народному образованию. По свидетельству В. А. Оболенского, Николай Чехов имел социалистический образ мысли, но был готов к компромиссу[306].

В Богородицке Мария Александровна родила семерых детей: Екатерину (1891 г.), Людмилу (1892 г.), Анну (1894 г.), Александра (1895 г.), Владимира (1896 г.), Льва (1897 г.), Софью (1901 г.). Из них выжило пятеро. Здесь,

в Богородицке, Чехова начала заниматься общественной деятельностью — устроила приют для крестьянских детей во время голода 1891 года, преподавала в воскресной школе для крестьянских девочек. Супруги Чеховы развивали принципы новой школы, базирующейся на уважении к личности ребенка, отказе от наказаний. Николай Васильевич в подтверждение их общих взглядов цитировал Жорж Санд: «Если вы хотите, чтобы дети были добрыми, сделайте их счастливыми».

В 1897 году семья переехала в Екатеринославль. Здесь Мария Александровна также преподавала в воскресной школе, в Екатерининской женской гимназии (директор гимназии — А. А. Рындовская, мать Калмыковой). В 1900 году М. А. Чехова совместно со своей однокурсницей С. И. Степановой открыли свою женскую гимназию на новых началах. В гимназию принимались дети разных сословий и различного вероисповедания. По воспоминаниям дочери Марии Александровны это была школа радости и счастья, в ней не было ни страха, ни наказаний, ни отметок[307]. Дело было поставлено прочно — гимназия продолжила свое существование и после отъезда Чеховой. Одновременно Чехова работала на вечерних курсах для рабочих; обучала собственную прислугу — бонну, повара, кучера, дворника. Это было типичное поведение передовых интеллигентных женщин, сформированное под влиянием народнических идей.

В 1902 году Н. В. Чехов принял предложение от Тверского земства возглавить народное образование и семья переехала в Тверь. Тверское земство было одним из самых либеральных в России. В Твери Чехова открыла женскую воскресную школу, ученицами которой были работницы, поденщицы, прислуга. Такой формы обучения город еще не знал.

У Марии Александровны был несомненный дар находить и привлекать к своим инициативам ярких и неординарных людей. Все ее дела продолжали жить и без ее участия. Так произошло и с тверской школой. Уже в 1904 году Чеховы переехали в Москву.

В Москве Мария Александровна начала работать на Пречистинских курсах. Здесь, в среде преподавательниц курсов произошло ее обращение к «женскому вопросу». Такие женские проблемы, как ограничительная политика правительства в вопросе женского труда (право женщин преподавать только в женских гимназиях и низшей школе), дискриминация женщин в оплате труда, контроль за личной жизнью учительниц (запрет на брак) обратили внимание Чеховой на проблемы образованных женщин как особой социальной группы. Неуклонный рост женщин на рынке труда убедил ее в актуальности проблемы. Решение виделось в установлении «равности мужчин и женщин».

Для решения проблемы равноправия М. А. Чехова совместно с Л. Н. Рутцен и З. С. Ивановой (Н. Мирович) создали организацию — Союз равноправности женщин (СРЖ). Это была первая политическая женская организация в стране. Мария Александровна стала ее бессменным ответственным секретарем.

Причины вхождения М. А. Чеховой в движение представляются несколько иными. Поколенчески она принадлежала к тем деятельницам движения, которые не пережили резкого понижения уровня жизни в результате реформ из-за чего возникал разрыв между ожиданиями, сформированными прежним опытом, и объективными условиями, которые не давали возможности реализовать эти ожидания. Идея самостоятельного выбора и формирования своей жизненной стратегии уже присутствовала в социализации этих женщин. Никакие воспоминания о благополучном прошлом не довлели над ними. В то же время мужчины своей страты по-прежнему оставались референтной группой, по которой дворянки сверяли шаг на пути к профессиональной и общественной деятельности. Законодательные ограничения по признаку пола объективно ставили в повестку дня этого поколения «женский вопрос». Поэтому в основе участия в движении лежало не столько совпадение личных ценностных установок с ценностями движения, столько совпадение личных интересов и целей движения. Ценностные установки Чеховой в значительной степени были народническими и просоциалистическими. Но цель движения — получение женщинами избирательных прав, становление их «людьми живой общественной деятельности», т. е. полноправными участницами (акторами) социальных процессов, было очень значимым для нее моментом и привело в ряды феминисток.

В ее приходе в движение не было поиска новой идентичности и новой коллективности. Скорее здесь было создание идентичности и коллективности женщин-акторов социальных процессов. Отсюда оставался только один шаг до большой политики.

Тексты ее статей и выступлений свидетельствует, что она не разделяла ту центральную идею русского феминизма, что «неравенство по признаку пола» является базовым типом неравенства, что оно первично по отношению к классовому. Она избегала употреблять термин «феминизм», понимая под ним политическое движение, обслуживающее женщин имущего класса. Именно поэтому она писала, что «Русская женщина не была ею (феминисткой. — *И. Ю.*) и никогда не будет»[308]. Она пыталась соединить освободительный потенциал феминизма, который привел ее в движение, с классовой проблематикой.

Ей не нравился сепаратизм женских организаций. Она считала это явление временным и всегда настаивала на праве мужчин состоять членами женских организаций. Ее супруг принимал самое активное участие в деятельности ее организации.

Мужчин она рассматривала как товарищей по борьбе и считала, что по русской традиции мужчины должны оставаться товарищами женщин и на их пути к гражданским правам. Это в их интересах, так как без женского равноправия невозможна демократизация общества и коренные социальные реформы. Только народное представительство, утверждала она, при котором женщина-законодательница встанет рядом с мужчиной-законодателем

позволит сбросить общее для обоих полов ярмо социального рабства. Только при участии политически равноправной женщины «может осуществиться идеал социализма»[309].

Поэтому решение «женского вопроса» Чехова рассматривала как общедемократическую задачу. В «женский вопрос» она включала проблемы работниц и крестьянок, которые находились под двойным гнетом — капитала и антиженских социальных условий жизни. Но считала, что вопрос не может решиться сам собою и женщины как заинтересованный элемент обязаны взять инициативу в свои руки.

Анализируя опыт западных стан, Мария Александровна выделяла два течения в женском движении — социалистическое и буржуазное. Она признавала за пролетаркой право бороться за свое освобождение в союзе с пролетариатом, но не снимала при этом ответственности с интеллигенток, которые получили образование «за счет крови и пота пролетарки». Считала, что в российском женском движении начала XX века «едва начинают обозначаться различные течения»[310], что это состояние того первобытного хаоса, из которого созидаются миры.

Также на примере Европы она выделяла только две формы женских объединений — Национальные советы, которые занимаются культурной работой среди женщин, благотворительностью, взаимопомощью, и Союзы избирательных прав — политические (суфражистские) организации, деятельность которых выражается в борьбе за избирательные права.

Союз равноправия она формировала как организацию политическую, с более широкими целями и потому более прогрессивную, по ее мнению. Ее «товарки» по организации разделяли эту позицию. Ольга Волькенштейн писала, что «новое женское движение» — политическое и передовое в «1905–1907 годах шло только под флагом СРЖ»[311]. Так считали многие. Но когда волна протеста спала, Анна Шабанова констатировала тот факт, что, несмотря на всю политическую активность Союза равноправия, до решения проблем женщин было все так же далеко. Причину она увидела именно в увлечении широкими политическими целями, в отходе от женской проблематики[312].

Главной тактической задачей СРЖ Чехова считала внедрение «женского вопроса» в сознание демократической интеллигенции. Здесь она видела две проблемы. Первое — распространенное мнение, что равноправие женщин возможно только с воцарением социализма и что добиваться равенства при несовершенном общественном строе — измена социализму. Но Чехова считала, что пропагандировать и политически продвигать идею о равноправности нужно постоянно и что этим заниматься должны сами женщины. Вторую проблему она видела в популярном мнении, что участие женщин в законодательных органах (в первую очередь в Учредительном собрании) усилит силы противников социального прогресса из-за женского консерватизма. Против этого она резко протестовала, не понаслышке зная русскую деревню, и отстаивая права женщин всех социальных слоев.

Чехова была лидером-администратором, профессиональным организатором «дела». Как и все лидеры, она выполняла две лидерские функции — мобилизацию и артикуляцию.

Первая заключалась в том, чтобы стимулировать и вдохновлять участниц движения на действия. Вторая в том, чтобы вписать движение в институциональные структуры общества.

Во время подъема протеста (1905–1906 гг.) она «вписывала» СРЖ и вместе с тем женское движение, феминизм в институализировавшиеся протестные структуры рабочего движения (Московский стачечный комитет, Красный крест и др.) На спаде протеста, она начала политику включения движения в появившиеся новые демократические институты и легитимные структуры власти. В первую очередь, в деятельность Государственной Думы. Используя определение Дж. Уилсона (J. Wilson), ее можно назвать прагматичным лидером или даже прагматичным менеджером.

1906 год — время наивысшей активности Чеховой. Хотя женщины по Избирательному закону 1905 года не получили избирательных прав, но еще была надежда на то, что Государственная Дума примет новый избирательный закон.

Летом 1906 года Мария Александровна переехала в Петербург, оставив семью в Москве. Ее цель была — контакты с Государственной Думой и восстановление Петербургского отделения Союза равноправия женщин. В столице она развила активную деятельность — вступила в Вз.-Благ. общество, в Общество защиты женщин, организовала Петербургское общество содействия дошкольному образованию (1907–1910 гг.), помещение которого использовалось петербургским отделением СРЖ. Она много выступала на съездах (учителей, деятелей по народному образованию), на женских митингах. Была редактором-издательницей журнала «Союз женщин».

СРЖ распался довольно быстро, уже в 1908 году. Одной из причин была двойная цель организации и практика одновременной реализации общедемократических задач и специфических женских. Спад протестной волны увлек за собой политическую женскую организацию. Внутренние конфликты, вызванные разной партийной принадлежностью ее участниц, не дали возможности организации консолидироваться и устоять. Другие женские организации, менее вовлеченные в политическую деятельность, продолжали свою работу в мрачное время реакции и достигли немалых успехов.

3 декабря 1908 года Чехову избрали председательницей новой организации — Лиги равноправия женщин. Одновременно она работала в организационной комиссии Первого Всероссийского женского съезда, а затем на самом съезде. В начале 1910 года Мария Александровна вернулась в Москву по причине «ослабления темпа политической деятельности». Председательницей петербургского отделения, вплоть до октября 1917 года, стала врач Поликсена Несторовна Шишкина-Явейн.

В Москве Чехова с головой ушла в профессиональную работу — учительствовала в женских гимназиях Кирпичниковой, Даль, Потоцкой (1910–1912 гг.),

читала лекции на Педагогических курсах Тихомировой, на Московских педагогических курсах, организовала «очаг» для детей работающих интеллигентных женщин (1911 г.). В 1912 году стала директором гимназии. От феминистской деятельности она не отошла — работала над идеей созыва Второго Всероссийского женского съезда, участвовала в двух других Всероссийских феминистских съездах — по образованию женщин и по борьбе с торгом женщинами в ранге члена оргкомитета Второго Всероссийского женского съезда.

После Октябрьской революции 1917 года Мария Александровна занимаясь исключительно педагогической деятельностью и по воспоминаниям мужа больше в политику не возвращалась. В 1923 году она вышла на пенсию и посвятила свободное время написанию мемуаров, биографий женщин-врачей (Некрасовой, Кашеваровой-Рудневой, Мерцаловой-Роговской, Сусловой-Голубевой), которые до сих пор не опубликованы. 8 апреля 1937 года в возрасте 71 года Мария Александровна Чехова скончалась.

А. В. Тыркова

Ариадна Владимировна Тыркова (1869–1962)

Ариадна Владимировна Тыркова родилась в Петербурге в старинной дворянской семье 13(26) ноября 1869 года. После окончания гимназии она поступила на математическое отделение ВЖК, но курса не закончила. Вышла замуж за морского офицера, инженера-кораблестроителя из обрусевших немцев А. Н. Бормана. В 1897 году она ушла от мужа с двумя детьми и начала работать как журналистка. Печататься Тыркова начала под мужским псевдонимом А. Вергежский. Тыркова осталась глуха к учениям народников, толстовцев, марксистов, но увлеклась идеями либерализма. Прививку от марксизма она получила еще в юности. «Три основоположника русского марксизма М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве и В. И. Ульянов были женаты на моих школьных подругах, — писала она. — Благодаря им я рано познакомилась с русским марксизмом, вернее, <...> с марксистами»[313]. Критическое и отрицательное отношение к марксистам у А. Тырковой сложилось в юности и она пронесла его через всю жизнь, будучи уверенной, что «меньше всего их (марксистов. — *И. Ю.*) <...> интересовали те, ради кого все эти теории сочинялись — живые люди»[314].

Ариадна Владимировна приняла идеи «Союза освобождения», участвовала в его акциях, была арестована и осуждена за транспортировку в Россию журнала «Освобождение». Но, воспользовавшись пребыванием на свободе по причине болезни, Тыркова бежала из страны. После амнистии в честь Манифеста 17 октября 1905 года, она вернулась в Россию и всерьез включилась в политику. Политика впервые в русской истории перестала быть прерогативой власти. З. Гиппиус так описывала настроения тех лет: «Призрак конституции, Дума послужили созданию партий “умеренных”, либеральных,

стремящихся к государственной работе в легальных рамках. <...> Не всякий интеллигент, конечно, принадлежал <...> к той или другой партии; но <...> почти каждый сочувствовал какой-нибудь одной более чем остальным. Межпартийная борьба <...> принимала довольно отвлеченные формы, т. к. все партии сходились в ненависти к самодержавию»[315]. Ариадна Владимировна приняла участие в строительстве кадетской партии.

В «медовый месяц» русского парламентаризма (май 1906 г.) А. В. Тыркова стала думской журналисткой. Все четыре созыва Государственной Думы она провела в ложе прессы и участвовала в работе парламентской фракции партии кадетов — училась парламентской работе, изучала процедурные моменты. В итоге Тыркова стала одним из лучших политических обозревателей. По ее воспоминаниям в этот период своей жизни она горела оппозиционным огнем. В том же 1906 году Ариадна Владимировна вышла замуж за Гарольда Вильсона — английского журналиста, корреспондента «Манчестер гардиан». Их квартира стала клубом, в котором собирался цвет столичной либеральной интеллигенции: товарищи по партии, либеральная профессура, писатели и журналисты, члены Государственной Думы — П. Н. Милюков, Ф. И. Родичев, А. И. Шингарев, В. А. Маклаков, Н. В. Некрасов, П. Н. Гронский и другие.

В профессиональной деятельности от фельетонов и рецензий перешла к аналитическим статьям, писала для «Руси», «Русских ведомостей», «Речи», «Биржевых ведомостей», «Слова». Журналистский, писательский труд и политика стали делом жизни.

«Женским вопросом» Тыркова не интересовалась вплоть до первого съезда кадетской партии (октябрь 1905 г.), на котором обсуждалась программа партии и пункт об избирательных правах для женщин (§ 14). К 1905 году женские избирательные права были уже усвоенной общедемократической идеей, и партийное большинство бодро проголосовало «за». Но по настоянию П. Н. Милюкова, который пригрозил выйти из партии, если § 14 будет принят, прошло переголосование и была принята поправка, которая делала это требование необязательным для членов партии[316].

В январе 1906 года на втором съезде к.-д. партии был поставлен вопрос об отмене поправки. Против отмены были П. Н. Милюков и П. Б. Струве, но они не смогли опровергнуть доводы А. С. Милюковой (супруга П. Н. Милюкова), Л. И. Петражицкого и А. В. Тырковой. Тыркова в частности заявила, что идеологическая ценность партии состоит в том, что она отстаивает равноценность и равноправность человека. И если партия не определит позицию по «женскому вопросу», то она так и останется партией на случай, в чем ее резонно обвиняют. И если кадеты действительно выступают за всеобщее избирательное право, то эта поправка — детская игра, т. к. женщины боролись за свободу наравне с мужчиной и логика, что в тюрьму им можно, а в представительство нельзя, не под стать партии, выступающей за права человека. Эти доводы показались резонными делегатам съезда. Агитационная работа на съезде представительниц Союза равноправия женщин довершила

дело — поправка была отменена. Петр Струве сильно сокрушался в печати по этому поводу, считая, что «из этого скромного замечания <...> некоторые члены съезда сделали вопрос принципа». Это дало повод М. И. Покровской для язвительного комментария на страницах своего журнала: «по мнению Струве принцип равноправности женщин <...> является настолько ничтожным, что об этом даже не стоит разговаривать»[317].

В своих воспоминаниях Тыркова пишет о том потрясении, которое она испытала от выступления Милюкова: «Я слушала его с недоумением, которое быстро перешло в негодование. Раньше я не задумывалась над женским вопросом... Но мне и в голову не приходило, что образованный человек, видный либерал может отрицать мою с ним равность. Я совершенно твердо, без всяких колебаний чувствовала себя не лучше, но и не хуже мужчин»[318].

Но проблема для нее обозначилась: «В новых условиях жизни мне пришлось потом крепче задуматься над женским вопросом. На съезде я только была удивлена, что он вызвал такое столкновение мнений»[319].

Ее путь в феминистское движение лежал через партийную работу, и потому определение ее как партийной феминистки или кадетской феминистки вполне уместно. Она осознанно представляла «класс женщин» в своей партии. В апреле 1906 года Тыркова была избрана в состав ЦК партии и до весны 1917 года была единственной женщиной в руководстве партией.

Она была реальным политиком, имела свои убеждения, которые всегда отстаивала. Ее называли «присяжным антагонистом Милюкова» и «единственным мужчиной в кадетской партии». Попытки поставить ее на место никогда не удавались. Как, например, в случае с приглашением ее на пост редактора газеты «Русская молва» осенью 1912 года. Приглашение поступило от члена I Государственной Думы Д. Д. Протопопова и владельцев газеты — московских промышленников. Тыркова приняла его. В партии этот шаг был воспринят негативно. Пикантность ситуации состояла в том, что «Русская молва» была оппозиционна «Речи», независимым редактором которой (совместно с И. В. Гессеном) был П. Н. Милюков. Против Тырковой развернули целую кампанию и даже хотели вывести из ЦК, но Ариадна Владимировна отстояла свое право на труд и на свой образ мысли.

Позиция кадетов в «женском вопросе» сложилась следующим образом — они не активизировали, не поддерживали женскую борьбу, но считались с взглядами женской части своей партии, с существованием женских организаций либерального толка, стремились использовать женский активизм в своей

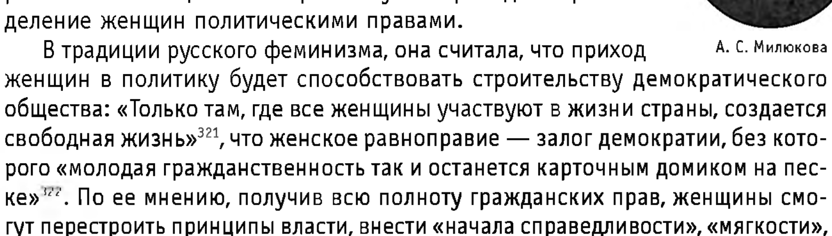
деятельности, а требования женских организаций в своей политической игре. А. В. Тыркова, А. С. Милюкова, Л. Н. фон Рутцен, О. Н. Клирикова, М. Н. Южина-Сумбатова, С. К. Исполатова и др. феминистки — члены кадетской партии работали в женских организациях, не встречая противодействия со стороны товарищей по партии. Они создавали свои организации (например, Санкт-Петербургский женский клуб), решая задачу повышения политической активности женщин.

П. Н. Милюков

О взглядах Тырковой на «женский вопрос» и феминизм можно судить по ее статьям, речам и лекциям, одна из которых — «Новая женщина в борьбе за счастье» (февраль 1914 г.) была законспектирована И. С. Книжником-Ветровым[320].

А. С. Милюкова

Тыркова осмысляла гендерную асимметрию общества как глобальную проблему, «задевавшую все устои общественной организации». Корень проблемы она видела в исторически сложившимся неравенстве между полами и, главное, в его юридическом закреплении. Все проблемы общества она связывала с отсутствием у женщин равных прав, и путь решения всех социальных проблем у нее проходил через наделение женщин политическими правами.



В традиции русского феминизма, она считала, что приход женщин в политику будет способствовать строительству демократического общества: «Только там, где все женщины участвуют в жизни страны, создается свободная жизнь»[321], что женское равноправие — залог демократии, без которого «молодая гражданственность так и останется карточным домиком на песке»[322]. По ее мнению, получив всю полноту гражданских прав, женщины смогут перестроить принципы власти, внести «начала справедливости», «мягкости», т. е. легализировать «женские ценности», благотворно повлиять на культуру общества. В этом, по ее мнению, состояла великая миссия женской борьбы.

Она приветствовала действия английских суфражисток и не сомневалась, что они добьются требуемых прав и в Англии «женщину перестанут считать существом домашним»[323].

Деятельность российского женского движения вызывала у нее много нареканий. Русские женщины, по ее мнению, были более эмансипированы, чем европейские, но отстали в современной постановке вопроса — в требовании избирательных прав. Вся культурная работа женских организаций не рассматривалась ею как политическая. В ней она видела «тесный и пресный филантропический феминизм». Отсюда ее определение деятельниц Вз.-Благ. общества как «непривыкших к политической деятельности посетительниц уютной квартиры на Спасской» и укоры в том, что к политической постановке вопроса они пришли только в 1905 году. Именно поэтому она называла Вз.-Благ. общество первой женской организацией, т. е. вела отсчет женского движения с момента ее обращения к суфражистской идее.

Ее интерпретация феминистских идей выдает в ней политика-практика. Представления А. В. Тырковой о феминизме во многом сформировались под влиянием А. П. Философовой. Ариадна Владимировна часто цитировала ее определение феминизма: «Речь идет о достоинстве человеческой личности, о праве ее на самоопределение, на проявление вложенных в нее способностей и талантов»[324].

Под феминизмом Тыркова понимала любые идеи и действия в поддержку женщин. Всю женскую деятельность неполитического характера она оценивала как «узкий феминизм», ратовала за прочтение феминизма как позитивной политической деятельности женщин. Она старалась очистить феминизм от благотворительности и каких-то специфических женских проблем, стремилась развивать политическую активность женских организаций, видя в них орудие в борьбе за свободную женскую личность и один из путей прихода женщин в политику. Когда она говорила, что «в приобщении женщин к общественной деятельности специальные женские организации могут сыграть большую роль, принести большую пользу»[325], она имела в виду их содействие приходу женщин в политику, а не культурную или благотворительную работу.

Феминизм в такой постановке вопроса представал как политическое течение, цель которого — признание обществом и государством всей полноты гражданских прав женщин, «такой же, как мужчин оценки труда женщин». Когда это произойдет, а оно произойдет после принятия необходимых законов, в этом Тыркова не сомневалась, женское, суфражистское, феминистское движение прекратит свое существование и «женский вопрос» исчезнет.

Она разделяла важную для русского феминизма мысль, что женщины могут объединиться вне классовых перегородок. Ценила в движении дух солидарности и сплоченности, считала, что на знамени феминизма написаны слова единения и любви.

Пыталась разобраться в болевом вопросе русского феминизма — классовое ли существо женщина по экономическим признакам или классовое по биологическим признакам, о чем на Первом Всероссийском женском съезде (1908 г.) говорили некоторые феминистски (А. Кальманович, например). Путь решения «женского вопроса» она прокладывала через участие женщин в работе партий «своего класса» и в политическом женском (феминистском) движении. Женщины-партийки должны отстаивать в своих партиях интересы всех женщин без классовых перегородок. Это трудно, но возможно, утверждала она, исходя из личного опыта[326].

Таким образом, партийная работа женщин в интересах женщин была для нее стратегией решения «женского вопроса». Она считала, что если россиянки упустят начальный этап партийного строительства в стране, то придется, как в Западной Европе отстаивать права женщин исключительно через женские организации и это будет откатом назад. Поэтому рассматривала женскую политическую активность только в рамках женских организаций недостаточной. Она писала: «Запереться в тереме однобокого феминизма <...> было бы прежде всего гибельно для самих женщин и всего женского движения»[327].

Все вышесказанное позволило Тырковой определить себя и своих единомышленниц в кадетской партии как представительниц политического феминизма. Главная цель которого заключалась в политической активизации женщин, женского движения, взращивании женщин-политиков.

Суть политического феминизма — продвижение женщин в политических партиях и их консолидация и солидарность по признаку пола вне партийных перегородок. Политические взгляды и выбор партии она рассматривала как личный выбор женщины. Работу по получению избирательных прав женщин — как обязанность женщин, как проявление женской солидарности и решение «женского вопроса» в интересах женщин всех классов.

Женские организации в такой схеме у нее были необходимым, но временным этапом в развитии женской политической активности. Она считала, что, внедрив женщину в политическое пространство, они исчезнут за ненадобностью. И это дело не столь отдаленного будущего. Поэтому на Первом Всероссийском женском съезде А. В. Тыркова противостояла социал-демократкам, утверждавшим, что единая женская организация, объединяющая женщин разных классов невозможна и вредна. Она видела в такой постановке вопроса догматизм и нарушение политических прав женщин. Считала, что создание общенациональной организации федеративного типа, куда войдут «женщины, связанные только общностью сознания своего бесправия, прежде всего политического»[328], будет большим практическим шагом. Мечтала о том, чтобы женское движение смогло «подняться выше плотных и колючих перегородок партийности».

А. В. Тыркова активно работала в феминистском движении. Она вступила в Вз.-Благ. общество, участвовала в создании Санкт-Петербургского женского клуба, в подготовке и работе женских съездов, выступала на митингах, ездила с лекциями по провинции, печаталась в феминистской периодике. Постоянно настаивала на повышении темпа работы, находя ее недостаточной: «У нас нет достаточно крепких и влиятельных женских организаций»[329], «собирательную работу женских сил мы ведь до сих пор по-настоящему не начали»[330].

С другой стороны, в своей партийной работе Ариадна Владимировна отстаивала линию на женское политическое равноправие. Включение женщин в состав Временного правительства, которое преимущественно сформировали кадеты, является историческим фактом. Кадетка графиня С. В. Панина стала первой в истории России женщиной — товарищем министра.

Опыт работы в женском движении привел А. В. Тыркову, как и многих других его участниц, к обнаружению специфических женских проблем, о которых она раньше не подозревала. Прежде всего, она увидела психологические проблемы женщин, идущих в политику. Развивая эту тему, она писала о «недоверии <...> к себе, о привычке к своему бессилию, к тому, что эта привычка есть что-то космическое»[331]. Поэтому первоочередная задача женщин — «победить в себе рабыню». Таким образом, она пришла к тем же проблемам, которые решали осуждаемые ею за бездействие женские организации в их культурной работе.

С другой стороны, Ариадна Владимировна усмотрела в появившемся новом типе интеллектуальной свободной женщины тяготение к мужской морали, отказе от женских ценностей и принятие ценностей мужских и мужского стиля поведения в политике. В этом она видела угрозу культуре, будущему, цивилизации.

В своих поздних выступлениях она определяла цель женского движения и феминизма не только как пестование женской общественности и защиту своих потребностей и прав (в том числе политических), но противостояние женщин мужской культуре, создание женской культуры. «Новая женщина» должна сама для себя найти и этические и эстетические основы, должна выбраться из лабиринтов предрассудков и привычек «той исключительно мужской культуры, в которой жило человечество, найти дорогу к созданию нового женского характера»[332]. Поэтому цель движения — борьба за полноту человеческого существования женщины, борьба с несовершенством мужского строя жизни и с наваждением внешней свободы, не опирающимися ни на какие внутренние ценности, отстаивание и культивирование женских ценностей, развитие специфической женской культуры. Как вариант культурного противостояния мужскому миру предлагала создавать новый образ активных женщин в художественной литературе.

В ходе первых демократических выборов летом 1917 года А. В. Тыркова была избрана гласным Петроградской городской думы и по факту возглавила в ней кадетскую фракцию, председателем которой был член Государственной Думы А. И. Шингарев. Она участвовала в работе Московского Государственного совещания (август 1917 г.), вошла во Временный совет Российской республики (Предпарламент), дала согласие на выдвижение в Учредительное собрание и т. д. Но, как позднее записала она в своих мемуарах, довольно скоро ей стало ясно, что кадеты не могут из оппозиции превратиться в правительство.

Октябрьскую революцию 1917 года восприняла как насильственный переворот и узурпацию власти. Продолжая работу в Петроградской городской думе, которая осталась единственным легитимным выборным органом власти и стала оплотом оппозиции, Тыркова уже не видела смысла в дальнейшей легальной работе.

В 1917–1918 годы ее деятельность приобрела подпольный характер. Квартира Вильямсов превратилась в перевалочный пункт по сбору гражданской одежды и отправке добровольцев на юг к А. И. Деникину. Тыркова совместно с А. С. Изгоевым организовала издание подпольной газеты «Борьба». Над ней реально нависла угроза ареста.

В 1919 году она присоединилась к Добровольческой армии А. И. Деникина, работала в пропагандистских органах армии, написала книгу о русской революции «От свободы к Брест-Литовску». Это был обвинительный приговор большевизму. Главный порок и главную опасность большевизма она видела в «пренебрежении к человеческой личности, которым напитана воля красных вождей».

В феврале 1920 года Ариадна Владимировна навсегда покинула Россию. Поражение белых она восприняла как величайшую трагедию России и поставила целью своей жизни борьбу с большевизмом — пером, словом, делом.

Вся семья Тырковой собралась в Лондоне. Сын сумел перейти финскую границу после выполнения задания белой разведки в Москве. Дочь, сестру милосердия армии П. Н. Врангеля, Ариадна Владимировна нашла в тифу в Сербии. И даже свою престарелую мать Тыркова умудрилась вывезти из Петрограда. Их дом на Тайт-стрит в Челси стал англо-русским клубом, в котором собирались люди, неравнодушные к России и русской культуре.

В Лондоне А. В. Тыркова издавала журнал «Русская жизнь», основала Общество помощи русским беженцам, Русское колонизационное общество, публиковалась, оказывала помощь «людям оттуда», проводила Дни русской культуры, написала главный труд своей жизни — биографию Пушкина в двух томах, одну из лучших, по признанию специалистов.

Смерть мужа в 1928 году стала для нее сильным ударом. По ее личному признанию, ее спасла работа. Ариадна Владимировна написала о нем книгу «The cheerful giver, the life of Harold Williams, by his wife».

Вторую мировую войну А. В. Тыркова пережила во Франции, где написала свои воспоминания. Почти так же как в 1918 году в Петрограде, она прятала у себя в доме советских военнопленных, доставала для них гражданскую одежду. После войны через Толстовский фонд организовывала их отъезд за океан, создала Комитет помощи, который противодействовал выдаче советских граждан СССР. Она ясно представляла, что их ожидало на родине. Ей было 77 лет.

В 1951 году Тыркова переехала в США. Ей не нравилось послевоенное «покраснение» Европы. На пристани ее встречала соратница по партийной работе графиня С. В. Панина. Умерла Ариадна Владимировна 12 января 1962 года Вашингтоне в возрасте 93 лет. Известный эмигрантский критик и писатель Борис Филиппов написал о ней в некрологе: «умная, очень умная старая русская *барыня* <…> вот такими строилась наша жизнь и наша культура. Вот такие хранили ее традиции, ее устойчивость, ее цветение».

Поликсена Несторовна Шишкина-Явейн (1875–1947)

П. Н. Шишкина-Явейн

Поликсена Несторовна Шишкина родилась в Николаеве в семье дирижера военного оркестра и была единственной девочкой среди шести братьев. Она получила хорошее домашнее «женское» образование: владела тремя языками, хорошо играла на рояле, рисовала.

В 1897 году П. Шишкина поступила в Женский медицинский институт в Петербурге и окончила его в первом выпуске. Сферой ее профессиональной деятельности стала гинеколо-

гия. Семейное предание гласит, что Поликсену Несторовну при поступлении в институт упрекнули в том, что она отбирает место и кусок хлеба у женщин более скромной наружности, так как при ее броской и яркой красоте она обязательно выйдет замуж и вряд ли будет работать врачом. Именно поэтому Поликсена Несторовна выбрала гинекологию, в которой женщины еще не специализировались. В 1901 году Поликсена Несторовна вышла замуж за врача, позднее профессора Императорского клинического института великой княгини Елены Павловны — Георгия Юльевича Явейн. У них было двое детей.

Когда и как она пришла в движение неизвестно. Очевидно, что как представительница более молодого поколения, она социализировалась в изменившихся условиях российской действительности, в том числе и усилиями первых активисток женского движения. Это уже было время, когда высшее женское образование, женская профессиональная и общественная деятельность стали нормой. Она воспринимала как данность ситуацию, позволявшую женщине претендовать на высшее образование, профессиональную занятость, общественную деятельность. Стартовые возможности поколения, к которому принадлежала Шишкина-Явейн, условно говоря, «поколения феминисток», его жизненные стратегии, а также индивидуальные социально-психологические установки на участие в движении были иными. Среди этого поколения россиянок, рожденных в конце 1860 — начале 1870-х годов, мы найдем первых женщин-политиков России, таких как Ариадна Тыркова (1869 год рождения), София Панина (1871 год рождения), Анна Милюкова (1866 год рождения), Елена Стасова (1873 год рождения), Александра Коллонтай (1872 год рождения), Надежда Крупская (1869 год рождения), Инесса Арманд (1874 год рождения), Эмма Голдман (1869 год рождения).

Доминирующим мотивом их участия в общественных движениях представляется стремление к самореализации, причем в сфере большой политики. Проблема равноправия полов представлялась многим из них проблемой решенной, не представляющей препятствия для их честолюбивых устремлений.

Именно по этой причине часть женщин этого сословия отошла от женского движения и феминизма. Они считали «женский вопрос» курьезной стариной (П. Шишкина-Явейн). Крупская, Коллонтай, Елена Стасова — представительницы той же социальной группы — образованные женщины дворянского происхождения. Но чувства долга перед своим женским сообществом и желания работать на него они не испытывали, феминистского движения сторонились. По свидетельству А. Тырковой, они считали женское движение уделом слабых женщин, и ориентировались на карьеру в более передовом, молодом и модном социал-демократическом движении.

Для других представительниц этого поколения ценности женского, феминистского движения и приверженность его целям были вынужденной необходимостью. Молодые женщины либерального образа мыслей, вышли на политическую арену и с удивлением обнаружили, что давно устаревший «женский вопрос» по-прежнему актуален. Отсутствие полноты гражданских прав жен-

щин, гендерное политическое неравенство, зафиксированное избирательным законом 1905 года, стало препятствием на их пути к политической и профессиональной карьере. Именно это препятствие выступало фактором мобилизации (участия) в движение. Деятельницы женского движения поколения феминисток, включившиеся в движение после 1905 года, считали задачу отмены всех юридических ограничений для женщин главной целью движения.

Лидерские качества, феминистское мировоззрение, позволили Шишкиной-Явейн занять пост председательницы Российской Лиги равноправия женщин в 1910 году. Это было сложное время, характеризующееся репрессивной политикой правительства и разочарованием участниц движения.

Под ее руководством Российская Лига равноправия женщин из небольшой и слабой организации превратилась в лидера российского феминизма, возглавила борьбу за женское избирательное право и достигла своей цели к лету 1917 года.

П. Н. Шишкина-Явейн, ставя перед своей организацией конкретную цель достижения избирательных прав, была, в определенном смысле, типичной представительницей своего поколения.

Ее поколение выдвинуло другую тактику достижения избирательных прав женщин — требование их в рамках существующей выборной системы. Другими словами, они соглашались на такое же неравное цензовое избирательное право в отношении женщин, какое существовало в отношении мужчин. Активистки движения этого поколенческого призыва не ставили своей целью достижение всеобщих избирательных прав, но они считали, что получение женщинами даже цензового избирательного права приведет к значительным изменениям в обществе и были уверены, что, получив права, «цензовые женщины» (О. Шапир) сумеют сделать многое в интересах всего общества.

Казалось, что в своей деятельности и по своим взглядам Поликсена Несторовна отошла от традиций русского феминизма. Но она сама так не считала. Напротив, она ощущала себя преемницей и продолжательницей дела первых деятельниц российского движения: «Наше русское женское движение совершенно своеобразно, бесшумно, спокойно, плавно, но неукоснительно оно идет вперед и до сих пор не знало отступлений. И этот факт непрестанного и неотступного движения — это хороший показатель и верный залог несокрушимости победы»[333]. Представляется, что это поколение в меньшей степени питало социальные иллюзии и, меняя тактику движения, четко оценивало изменившуюся политическую ситуацию.

Поликсена Несторовна была лидером-агитатором и администратором. Она безусловно была вовлечена в феминистский дебат, но сама писала мало. Ее стихией, женщины светской и респектабельной, были публичные выступления и митинги. Поликсена Несторовна обладала несомненным ораторским даром. «Рижский вестник» писал о ее лекции «Женское движение и его настроение в России и за границей», прочитанной 3 марта 1914 года в рижском женском клубе: «Бесспорно, это одна из лучших лекций, читанных

в Риге в последние годы. Интересная, животрепещущая тема, глубокая содержательность, богатство правильных наблюдений, ясность и простота изложения <...> вот те данные, которые не могли не произвести на слушателей сильного впечатления <...> Внутренний огонь, убедительность речи, дышащей глубокой убежденностью, покоряющей слушателей своей строгой логичностью и аргументацией, обличают в лектрисе — я бы сказал — чисто мужской ум, рискуя навлечь на себя упрек в не сочувствии той миссии, которую приняла на себя П. Н.»[334].

Главной идеей ее деятельности была идея справедливости, не важно, в отношении ли избирательных прав женщин или в отношении проституток (другая интересующая ее тема).

В одном из своих выступлений[335] она рассматривала законопроект Государственной Думы о расширении круга избирателей в городское самоуправление с позиций социальной справедливости. Возможность женщин, обладающих необходимым имущественным цензом, голосовать только через родственников мужского пола, при том что они платили городские налоги и подати, оценивалось ею как несправедливость. Невозможность женщин стать гласными городской думы, при том что все думские дела касаются женщин и женщины по факту вовлечены в них (медицина, народное образование, социальное призрение и благотворительность) оценивала как образец мужской логики в мужских законах. По подсчетам Лиги только в Петрограде проживало более 7 тыс. «цензовых женщин» (имеющих право голоса на основании имущественного ценза). Такие аргументы противников избирательных прав женщин в городское самоуправление, как опасения за целостность семьи и святость домашнего очага, она оценивала как фальшивые, как повод для лишения женщин человеческих прав. Страстно выступая против мужских законов, по которым женщина признана недееспособной наряду с «детьми, преступниками и идиотами», она утверждала, что женщины в целом характеризуются ответственностью и творческим подходом в решении социальных проблем и потому необходимо привлечь их к строительству демократического общества.

Но работа в движении принесла ей понимание, что «женский вопрос» не так однозначен. П. Н. Шишкина-Явейн расширила свое понимание целей движения и писала, что они заключаются в борьбе с традициями, привычкой ума, боязнью новшеств и в приучении общества видеть женщину на всех поприщах общественной жизни, ценить ее присутствие во всех сферах жизни. Это нужно не только в интересах справедливости, утверждала она, а в интересах самого же населения, т. к. «вопросы женского равноправия гораздо более глубокие вопросы»[336].

Через призму своих феминистских воззрений она рассматривала Первую мировую войну как крах мужской культуры. Считала, что только благодаря включению женщин в общественную работу появилась возможность выхода из этого мирового катаклизма: «Мы являемся свидетелями небы-

валой в истории женской активности, привлечения женщин ко всем профессиям. Значительная часть тыловой работы вынесена на плечах женщин как отдельной рабочей единицы, так и объединенных в женские организации <...> В годы войны женщина доказала свою политическую зрелость, но несмотря на это нет уверенности, что с прекращением войны ей не будет указано на дверь»[337].

Как организатор она отличалась инновационность мышления и поведения и в силу этого высокой результативностью. К ее несомненным достижениям относится тесное сотрудничество с международным феминистским движением. Она развивала контакты своей организации с Великобританией и Скандинавскими странами. Активно участвовала в деятельности международных женских конгрессов, презентуя свою организацию и российское женское и феминистское движение[338], принимала ответные визиты «зарубежных сестер», публиковалась в английском суфражистском журнале «Jus Suffragii».

Другим ее достижением является выстраивание партнерских отношений с правительственными структурами и получением финансирования на различные проекты своей организации. Лига едва ли не первая женская организация, которая обнаружила этот источник финансирования. От Департамента земледелия и землеустройства Лига равноправия получила финансирование на организацию курсов инструкторов по кооперации, от Министерства просвещения на организацию выставки при Съезде по образованию женщин.

Как личность Поликсену Несторовну отличал прямой, независимый и неудобный характер. Писатель Лев Успенский, мать которого была участницей женского движения, в «Записках старого петербуржца» так написал о ней «Этакая русская полусуфражистка, Поликсена, да еще Несторовна Шишкина-Явейн». Упреки в превышении своих полномочий не раз звучали в ее адрес со стороны членов организации. Судя по всему, она действительно решала некоторые вопросы быстро и ни с кем не советуясь. Но многие известные общественные деятели высоко оценивали результативность ее работы. Городской голова граф И. И. Толстой — председатель оргкомитета съезда по образованию женщин выступил в ее поддержку в газете «День»: «Прочтя в газете письмо учредительниц Российской Лиги равноправия женщин к ее председательнице П. Н. Шишкиной-Явейн, обвиняющие ее в нарушении устава <...> эти обвинения мы считаем необоснованными. <...> мы должны удостоверить, что устройство выставки при съезде было решено организационным комитетом съезда так же как и ходатайство о субсидиях. К сказанному считаем долгом добавить, что только благодаря исключительной энергии и самоотверженной работе председательницы П. Н. Шишкиной-Явейн удалось организовать и с замечательным успехом довести до конца I-й всероссийский съезд по образованию женщин и выставку при нем. За это уважаемая председательница Лиги, казалось бы, достойна самой искренней признательности всех, кому дорога будущность русской женщины»[339].

Р.Л.Р.Ж.

Глубокоуважаемая

Поликсена Несторовна!

Адрес от слушателей кооперативных курсов П. Н. Шишкиной-Явейн

Но главное ее личное достижение, как и достижение организации, руководимой ею, — получение избирательного права для женщин России. В момент кризиса легитимности власти, Шишкина-Явейн верно оценила ситуацию и сумела мобилизовать свою организацию на проведение широкомасштабной агитационной кампании, реализовать психологическую готовность к действиям, направив существующую напряженность на «восстановление справедливости в отношении русской женщины».

После Октябрьской революции Поликсена Несторовна оказалась с семьей в Эстонии, где ее супруг Г. Ю. Явейн скончался и она осталась без средств к существованию с двумя детьми на руках. Международное женское движение собирало по подписке для нее деньги. Но так как власти Эстонии не дали ей разрешения на работу, она была вынуждена вернуться в Советскую Россию. В Ленинграде Поликсена Несторовна работала санитарным врачом, пережила блокаду. Умерла в 1947 году.

Анна Андреевна Кальманович

Есть патриоты Отечества, я патриотка женщины.

А. Кальманович

О жизни Анны Андреевны Кальманович известно очень мало. Известно, что она начала свою общественную деятельность в Саратове, в Женском комитете при благотворительной организации — Общество пособия бедным. Она была замужем, имела детей. Переехав в Санкт-Петербург, Кальманович вступила во Вз.-Благ. общество и в Лигу равноправия женщин. Какое-то время она жила в Москве.

Анна Андреевна Кальманович была яркой фигурой феминистского движения. Взгляды ее были радикальными. Одним из ее основных тезисов был тот, что мир делится на два класса — класс женщин и класс мужчин, а «классовая борьбы — это борьба класса женщин против класса мужчин»[340]. За такие взгляды Анну Кальманович не раз обвиняли в мужененавистничестве и разжигании войны полов. Сама Анна Андреевна называла себя патриоткой женщины. Многие соратницы по движению считала ее взгляды вредными для женского дела (А. В. Тыркова). Но выступления А. А. Кальманович всегда привлекали внимание. Манера говорить у нее была наступательная, речь образная, язык острый.

Она оставила после себя немало работ, частью опубликованных в английском суфражистском журнале «Jus Suffragii». Ее наследие еще ждет своего исследователя. С позиций сегодняшнего знания Кальманович представляется скорее практиком движения, нежели его теоретиком. Она четко видела цель движения и шла к ее достижению, не отвлекаясь на критику ни справа, ни слева. Ее «мужененавистничество» определялось тем, что она не включалась в социалистический и либеральный дискурсы. Как лидер-агитатор (Г. Блумер) она формировала феминистский дискурс, своими речами заставляя слушателей усомниться с нормальности существующего порядка, гиперболизируя его некоторые характеристики. Она рассматривала социалистов как попутчиков женщин, а не наоборот, и тем противостояла тенденции, имевшей место в женском движении и в широком освободительном движении (как либеральном, так и радикальном).

В своем докладе на Первом Всероссийском женском съезде «Женское движение и отношение партий к нему» Анна Андреевна подвергла критике все политические силы страны, а также международную социал-демократию. Либералов она упрекнула в том, что вопрос о политических правах женщин стоит в их программе эстетики ради и «женский вопрос» у них несвоевременен всегда. Консервативные силы (октябристы и все правее их), по ее мнению, предлагают женщине только «домашний очаг, детей и штопанье носков». Для социал-демократов, утверждала Кальманович, равноправие женщин служит украшением программы, хотя она заявила, что ждет от них больше, чем от других партий. «Я надеюсь убедить женщин, что им не следует ждать свободы от мужчины, как бы он ни не назывался: либерал, консерватор или социал-демократ. Пока мужчина будет иметь возможность угнетать и унижать женщину — он будет это делать», «не ждите великодушия ни от кого, защищайте сами свои права, ставьте людей в невозможность господствовать над вами, оградите себя законами»[341].

Она соглашалась, что союзники у женщин есть во всех партиях, но рассчитывать на всю партию нечего[342]. Кальманович утверждала, что женское движение внепартийно и обосновывала необходимость создания женских организаций, которые являются единственной гарантией существования женского движения, т. к. партии (например кадеты) «выбросят чуть что за борт наш женский вопрос как ненужный балласт»[343].

А. А. Кальманович одна из первых поняла, что в ситуации спада политического протеста, цепляться за требование всеобщего избирательного права тактически нецелесообразно. Она предложила изменить цель движения, и выступить за получение цензового избирательного права, хотя это вызывало нарекания среди участниц движения и давало карты в руки его противникам. В своей речи на Амстердамском конгрессе она сказала по этому поводу: «Мы не должны поддаваться ничьему запугиванию и должны продолжать организацию женщин как буржуазных, так и пролетарок. И в особенности первых <...> Они должны идти к пролеткам, знакомить их с идеями жен-

ского движения, показать им исход, победить их равнодушие. Поэтому неблагоразумно гнаться слепо за всеобщим избирательным правом, пренебрегая возможностью получить в данное время в данной стране то или другое частичное право для женщин. Конечно, всеобщее избирательное право — прекрасный принцип, но и социал-демократы не всегда были ему верны и прекрасно мирились с тем, что половина рода человеческого совершенно забывалась»[344].

Настрой ее был оптимистичным, она верила в победу и утверждала, что «женское движение вообще принадлежит к самым оптимистичным движениям»[345].

2.2. Социальная база движения. Мотивы участия

На наших глазах создается тип новой женщины — свободной и независимой, и многие тысячи русских студенток сознательно и бессознательно участвуют в этом творчестве.

С. Сватиков

Социальную базу движения феминистского этапа составляли «интеллигентные женщины средних классов», то есть трудящиеся образованные женщины, которые были заинтересованы в успехе движения в силу своего положения в структуре общества.

Именно этими словами — «интеллигентные женщины» было подписано обращение «К обществу!», появившееся в феврале 1902 года во время студенческих волнений: «Мы, женщины, находимся в не менее стесненных условиях, чем рабочий класс, но до сих пор не имели достаточно сил действовать коллективно против репрессивных мер правительства. Теперь же политическая зрелость настолько достаточна и в нашей среде, что большинство из нас отвечает тем же сочувствием прогрессирующему общественному движению»[346].

Осознание своей идентичности — идентичности «интеллигентной женщины» — вело к поиску новых форм коллективности. Часть этих женщин находила новую коллективность в радикальном движении, считая, что только при социализме возможно равноправие женщин. Те интеллигентки, что предполагали реализовать свою коллективную идентичность в деле «отстаивания женского равноправия во всех областях»[347], приходили в феминистское движение.

Мотивами участия в феминистском этапе движения выступают такие факторы относительной депривации, как наличие определенных ожиданий личности, не реализовавшихся в результате получения высшего образования (цель движения первого этапа).

С. Г. Дьяченко, инструктор пчеловодства Главного управления землеустройства и земледелия (Царицын)

Е. Н. Янжул, педагог, общественная деятельница (Санкт-Петербург)

В. Н. Белоконская, общественная деятельница, организатор «Общества трудящихся женщин», делегатка I Всероссийского женского съезда (Орел, Курск)

А. П. Поляк, журналистка, делегатка I Всероссийского женского съезда (Саратов)

Л. А. Бреслина, корректор, участница женского движения (Москва)

Запрет на профессии, ограничение занятости вызвали к жизни новое обращение к «женскому вопросу» и новые подходы в его осмыслении. Не случайно женское политическое движение начало оформляться в женских «академических» организациях. Так, в Петербурге ядро Союза равноправия женщин — первой женской политической организации — сложилось в среде бывших бестужевок — в Обществе вспоможения окончившим курс наук на СПб ВЖК[348], в Москве — в среде преподавателей Пречистинских курсов.

В качестве референтной группы для этих женщин выступали мужчины их круга, имевшие доступ к различным формам занятости, другие возможности самореализации, и соответственно другие доходы и обладавшие большей личной свободой. Получение мужчинами политических прав в 1905 году только усугубило ситуацию.

Общим для всех мотивом участия было совпадение ценностей личности и целей движения. Образованные женщины среднего класса «взволнованные могучим потоком 9 января, ощутили неотразимую потребность принять участие в новом движении, носящем уже не культурный, но политический характер»[349] и предполагали «отвоевать политическое равноправие, послать своих представительниц в Учредительное собрание»[350]. Другими словами, идеи о политической деятельности женщины — полноправной гражданки, о расширении сферы женского пространства в публичной сфере могли реально реализоваться на волне массового политического протеста, чем и пытались воспользоваться активистки движения.

Но организационных структур, которые могли бы поставить вопрос о необходимости женского политического участия, вырабатывать у женщин навык участия в политике, «застолбить» женское присутствие в политической

сфере не было до подъема общероссийской протестной волны. По свидетельству современницы в ноябре 1904 года приехавшие в Петербург на съезд земских деятелей провинциалки безуспешно искали контакты и поддержку своим политическим устремлениям в женских организациях столицы[351].

Женские политические организации появились вслед за волной массовой мобилизации, то есть после событий 9 января 1905 года.

Е. Д. Кускова

Екатерина Дмитриевна Кускова (1869–1958)

Екатерина Дмитриевна Кускова представляется типичной русской интеллигенткой по образованию, убеждениям, мотивам прихода в феминистское движение и даже по своим предубеждениям против феминизма. В данной работе она рассмотрена как типичная представительница своей страты — женщин среднего класса, объективно заинтересованных в успехе движения.

Екатерина Кускова окончила гимназию, вышла замуж за своего учителя И. П. Ювеналиева. В 1890-х годах за участие в народнической деятельности была сослана. В ссылке познакомилась со своим вторым мужем — экономистом С. Н. Прокоповичем. В 1896 году Кускова эмигрировала и вступила за границей в «Союз русских социал-демократов за границей». Взгляды ее эволюционировали от радикальных (народница и марксистка) к либеральным. Она критиковала «нетерпимый и примитивный марксизм» и выступала за «демократический марксизм». Ее позиция, изложенная в записке и известная как «Кредо», подверглись резкой критике В. Ульянова-Ленина и О. Мартова. После этого инцидента Е. Д. Кускова порвала с социал-демократами и начала работать с «Союзом освобождения», но от членства в кадетской партии отказалась, хотя заочно была избрана в ЦК партии.

В годы первой русской революции Екатерина Дмитриевна действовала как самостоятельный политик, издавала журнал «Без заглавия» (вместе с С. Н. Прокоповичем), в котором объявила себя сторонницей западноевропейского критического социализма. Анализируя результаты революции, Кускова пришла к выводу, что в России нельзя больше допускать насильственных решений классовых противоречий и нужно использовать все возможности для мирного и эволюционного развития страны. Она выступила за реформы и парламентскую деятельность. К этому времени относится ее приход в женское движение — она участвовала в его акциях, печаталась в феминистской прессе.

С ее стороны это была разработка нового политического ресурса, важной для нее идеи единения демократических сил. С другой стороны, Кускову волновала проблема женского политического участия и политического равноправия женщин.

В своих статьях Е. Д. Кускова демонстрировала бытовавшие в радикальной среде представления о феминизме как идеологии, делящей общество на два враждебных класса — мужчин и женщин. Она считала, что в России только единицы стоят на позициях «классового феминизма».

Все женское движение в мировом масштабе она подразделяла на два направления: реалистическое, связывающее положение женщины с социальным строем (рабочее женское движение) и метафизическое, строящее выводы на половой дифференциации (феминистское)[352]. Выступала против теоретизирования «женского вопроса» в духе «метафизики пола» и поддерживала политическую активность женщин.

На деле она соединяла марксистскую теорию и феминистские идеи. Поэтому ее работы можно рассматривать как развитие идей марксистского феминизма. Она писала о специфическом *способе эксплуатации* женщин (курсив Кусковой), который «затворил ее в детской и кухне и лишил широкого участия в иных поприщах общественного труда». Она находила, что марксистский принцип деления на классы недостаточен для женщин и предложила другую стратификационную схему, в которой исходила из воззрений самих женщин и занимаемых ими позиций в системе разделения труда. В результате у нее получилось три класса женщин: «богатая женщина», рассуждающая на тему женщин-зверебогов; «женщина-человек», стоящая рядом с мужчиной на постах общественного служения (интеллигентка); и «женщина-человек», эксплуатируемая капиталистическим обществом (работница).

Цель всякого женского движения состояла, по ее мнению, в том, чтобы добиться от общества признания полноценного труда женщин, а от государства полноценных гражданских и политических прав. И здесь она не видела никаких других путей, кроме работы в женском движении. Требование одинакового доступа женщин ко всем общественным должностям, отличиям и профессиям было классическим феминистским требованием. Необходимость привлечения женщин к общественному служению — обычным для русского феминизма обоснованием этих требований.

Кускова поддерживала популярный в русском феминизме тезис о мужской норме равенства, к которому следует стремиться женщине. И тогда женщина «как равный мужчине творец материальных и духовных ценностей» прекратит борьбу полов и «совьет себе и всему человечеству венок равенства»[353]. Но эту популярную в русском феминизме идею она не воспринимала как феминистскую. Это была уже интериоризованная русской интеллигенцией мысль, как и многие другие феминистские идеи.

Критикуя русский феминизм, она поставила важные для него вопросы. Кускова считала жизненно необходимым разработку феминистской теории. Она невысоко оценила доклад Коллонтай на Первом Всероссийском женском съезде, который «по возвышенности стиля и по отсутствию исторической перспективы скорее походил на манифест, чем на научный анализ»[354]. Но марксистская позиция, по ее мнению, давала хоть какое-то объяснение

участию женщин в политике, в то время как феминистская мысль на съезде была обращена в далекое будущее и не рассматривала настоящее. На съезде не было даже «попыток сколь-нибудь обобщить фазы женского движения в какую-либо теорию развития»[355]. Замечание С. А. Тюрберт о том, что «целостность теории» уступает место «вопросам мелочной и обыденной практики» не вызвало у нее понимания. Хотя она соглашалась, что возможно прежние гносеологические предпосылки для анализа «женского вопроса» недостаточны. Главный вопрос, который волновал ее и на который она так и не получила на съезде ответа — что есть внеклассовое женское движение? Это была теоретическая проблема русского феминизма, к решению которой равноправки еще только подступали.

По мнению Кусковой, из-за отсутствия теории «чисто-женского» (т. е. феминистской теории) участницы женского движения теряли под ногами почву, хотя большинство намеревалось решать неотложные нужды современности.

На Первом Всероссийском женском съезде Кускова присоединилась к «группе работниц», подготовленной А. Коллонтай для борьбы с феминистками, позиционирующих себя как социал-демократок. Поведение Екатерины Дмитриевны вызывало у Коллонтай раздражение, судя по воспоминаниям последней. Кускова постоянно отклонялась от «прямо начерченной классовой линии». Тактика работниц, направленная на срыв съезда, вызвала у Кусковой протест. То, что работницы восприняли создание общенациональной женской организации как «вред для себя», она сочла результатом извращенного понимания классовой позиции: «русский человек до сих пор носит набекрень не только шапку, но и свои теории».

После февраля 1917 года Кускова издавала ежедневную газету «Власть народа», в которой развивала идеи кооперации. На Демократическом совещании (сентябрь 1917 г.) она была избрана от кооператоров во Всероссийский Совет республики (Предпарламент), где стала лидером кооперативной группы. В Октябрьской революции 1917 года увидела худший вариант решения российских проблем. После Октября она не примкнула ни к одной из сторон, но ее газета «Власть народа», так же как и газета «Право народа», в которой она была членом редакции, находилась в оппозиции большевикам. После закрытия большевиками всех оппозиционных изданий весной 1918 года она лишилась возможности влиять на ситуацию. В годы Гражданской войны она — «нинистка» — «ни Ленин, ни Колчак». Но после войны она одна из первых пошла на сотрудничество с новой властью в гуманитарных вопросах. В 1921 году она деятельно работала в «Помголе» (Всероссийский комитет помощи голодающим), в «Лиге спасения детей», в «Политическом Красном кресте». Летом 1922 года ее и С. Н. Прокоповича выслали из страны. Умерла Екатерина Дмитриевна Кускова в 1958 году в Женеве.

2.3. Организации движения

Идеал стремлений женщин — достижение равноправия, путь к которому лежит в солидарности и объединении женщин.

А. Н. Шабанова

Русские феминистки сформировали идеал свободной, всесторонне развитой женской личности, облеченной правами и свободами полноценного человека и гражданина. Для них феминизм — путь к свободной личности через личностное развитие, индивидуализм, социальную, духовную и экономическую свободу. Поэтому целью феминисток было создание условий для самораскрытия женской личности и обеспечения ее правовых гарантий.

Русское Женское Взаимно-Благотворительное общество

Нарастание протеста, сплочение оппозиции в 1900–1904 годах внесли оживление в женское движение. Старые организации не отвечали больше потребностям женской общественности. Общества благотворительного характера под руководством дам-патронесс виделись вчерашним днем, отголосками ушедшего XIX века. Как уже говорилось, благотворительность как форма деятельности воспринималась в женских движенческих кругах неоднозначно уже в XIX веке, а в новом XX веке, с его наметившимися новыми политическими отношениями и вовсе вызывала протест. На страницах женской прессы слышалась критика в адрес существующих организаций и призыв к созданию новых: «В высшей степени желательно, чтобы в Петербурге <...> и в других русских городах, создавались новые женские общества, <...> которые своей деятельностью вносили бы живую струю в русскую жизнь, содействовали развитию общественности в нашей стране»[356]. Цели движения, его тактика, стратегия, репертуар коллективных действий пересматривались.

Даже популярное Вз.-Благ. общество — клубная организация не просто переживала ситуацию изменения целей движения. Ряды ее членов сократились: с 1 600 человек в 1899 году до 716 к 1905 году[357]. Многие ее члены перешли в более радикальные женские организации или ушли в политические партии. Одна из лидеров организации О. Шапир сложила с себя полномочия члена Совета в знак протеста против увлечения благотворительностью, отхода от идейных принципов и вступила в образовавшийся Союз равноправности женщин.

Изменение целей движения повлекло за собой структурные изменения в организациях. В 1904 году в Вз.-Благ. обществе была создана Комиссия по исследованию женского труда в России (председательница Е. В. Авилова) для изучения правового положения женщин и условий их работы[358]. Весной 1905 года на одном из общих собраний А. Н. Шабанова впервые сформулиро-

вала новую цель Общества: «Несомненна, конечно, та истина, что женщина может ожидать своей полной независимости только в преобразованном обществе, но делать для этого попытки в настоящее время составляет обязанность всякой женской организации»[359].

В 1906 году был создан Отдел избирательных прав женщин (председательница А. Н. Шабанова). Задача отдела была определена как достижение «дорогой и близкой для всех женщин цели — уравнению женских прав с мужскими»[360]. В состав отдела вошло, по сути, все руководство Общества: А. П. Философова и Е. В. Авилова (вице-председательницы), М. Н. Бубнова, Е. И. Гарднер, А. И. Зачинская, А. Н. Пешкова-Толиверова, Е. А. Чебышева-Дмитриева, О. А. Шапир, Л. Н. Николаенко, П. П. Радушина, Е. Н. Щепкина[361]. Начиная с этого времени, проблема достижения равных политических прав для женщин стала приоритетной в деятельности общества.

Нужно заметить, что власти сопротивлялись изменению структур женских организаций, расширению сфер их деятельности. Начиная с 1909 года Совет Вз.-Благ. общества добивался разрешения на изменения своего устава, принятого еще в 1896 году и бесконечно устаревшего в новых условиях в свете тех политических задач, которые организация ставила перед собой. Разрешение это так и не было получено[362].

Но организация расширила свой репертуар коллективных действий. В новый репертуар вошли такие формы коллективных действий как работа с депутатами в Государственных Дум, работа с партиями и партийными фракциями в Думе, передача петиций и ходатайств на рассмотрение Думы, создание думских подкомиссий, работа по подготовке законопроектов, проведение общегородских митингов, шествий.

Вз.-Благ. общество чутко реагировало на изменение политической ситуации, не упуская ни одной возможности заявить об интересах женщин своей социальной группы. В отношении рескрипта от 18 февраля 1905 года, декларировавшего созыв Собрания уполномоченных, которые будут избраны от населения и привлечены к законодательной работе в земском соборе, Шабанова так поставила вопрос: «Если в составе уполномоченных <...> будут только мужчины, то оправдаются ли надежды женщин, явятся ли мужчины достаточно страстными борцами за независимость женщины?»[363] Общество несколько раз передавало в Петербургскую городскую думу обращения с предложением привлекать женщин к участию в «собрании народных уполномоченных».

Вз.-Благ. общество всеми доступными способами будировало женскую общественность и делало тему гражданского равноправия женщин видимым политическим требованием. 8 мая 1905 года в Соляном городке состоялось открытое собрание Вз.-Бл. общества под председательством А. П. Философовой. Доклад А. Н. Шабановой назывался «К жизни». В нем в очередной раз прозвучало требование допущения женщин к участию в предстоящем собрании уполномоченных и призыв активизироваться. Шабанова доказывала, что

если женщины не попадут в состав уполномоченных, то надежды на получение избирательных прав нет. Необходимо сейчас, в момент до созыва народного представительства требовать избирательных прав, чтобы женщины могли быть в числе достойных, доверием народа облеченных и избранных от населения людей. Для этого это требование должны «возбудить» все существующие женские организации России.

Собрание уполномочило Совет общества ходатайствовать перед Советом министров о допущении женщин к участию в первом собрании народных представителей. Ответа на ходатайство не последовало.

Также по докладу Е. В. Авиловой собрание поддержало ходатайства Совета Вз.-Благ. общества перед Министерством внутренних дел о предоставлении женщинам права занимать должности волостных писарей, перед Министерством финансов занимать должности в учреждениях министерства (банках, казенных и контрольных палатах), а также ходатайство перед Петербургской городской думой о разрешении на брак учительницам городских школ[364].

В период подготовки Высочайшего манифеста о даровании избирательных прав Вз.-Благ. общество сделало запрос графу С. Ю. Витте на предмет относит ли правительство женщин к избирательным классам. Витте ответил, что вопрос в такой плоскости не рассматривался. После чего в Совет Министров было отправлено ходатайство с предложением распространить избирательные права на женщин. Послание осталось без ответа.

После опубликования Манифеста 17 октября 1905 года вся деятельность организации шла под лозунгом требования избирательных прав для женщин. Председателю Совета Министров было направлено обращение с предложением включить женщин в число правоспособных лиц. Но избирательный закон 6 августа 1905 года, по которому женщины были отнесены к неправоспособным членам общества, остался в силе.

С I Государственной Думой общество работало через фракции трудовиков, кадетов и октябристов. В мае 1906 года Шабанова вручила депутатам Государственной Думы Л. И. Петражицкому и Е. И. Кедрину петицию с требованием равноправия женщин с 5 тыс. подписей под ней[365]. В ней говорилось: «Русская женщина во всех областях труда и забот в деле развития роста Родины участвует наравне с мужчиной: в труде крестьянском, земледельческом, в работе фабричной, промышленной, на поприще науки, литературы и искусства, на службе в правительственных, общественных и частных учреждениях <...> Она платит налоги и подати наравне с мужчиной и одинаково ответствует перед <...> законом <...> по справедливости она должна иметь право на защиту своих интересов путем участия в законодательном собрании». По этому поводу 6 июня 1906 года Л. И. Петражицкий произнес в Думе блестящую речь в защиту женского равноправия[366] и стал признанным представителем феминистского лобби. В тот же день было принято решение сформировать Комиссию по разработке законопроекта о полном уравнении граждан

перед законом без различия пола, сословия, вероисповедания, национальности (Комиссия по вопросам равноправия). При Комиссии для подготовки вопроса о равноправии женщин была создана подкомиссия по вопросам равноправия женщин под руководством Л. И. Петражицкого. Законопроект, выработанный подкомиссией, рассмотрен не был — I Государственная Дума была распущена.

Помимо работы с Думой общество проводило политику на единение женской общественности и в условиях политического подъема осваивало новые формы коллективных действий.

Весной 1906 года Вз.-Благ. общество выступило инициатором общегородского митинга всех женских организаций Петербурга с целью выработки единой политической платформы женской общественности. Накануне митинга общество провело заседание представительниц женских организаций в своем помещении, вырабатывая тактику собрания. Также было решено на митинге вынести благодарность тем депутатам Государственной Думы, которые поддерживали требование избирательного права женщин. Вз.-Благ. общество брало на себя функции координатора женских организаций на основе единой феминистской платформы.

Создание широкого женского фронта на многотысячном митинге 5 мая 1906 года в Соляном городке не получилось. Организаторши, не имея опыта в проведении массовых мероприятий, упустили инициативу из своих рук. Но форма митингов прочно вошла в репертуар и практику организации.

Весной 1907 года для II Государственной Думы общество подготовило коллективное заявление от женских организаций с требованием избирательных прав, к которому присоединилась 21 женская организация, и под которым стояло 7 тыс. подписей. Петицию в основном подписывали «женщины интеллигентного среднего класса», но были подписи и крестьянок, фабричных работниц, заграничных студенток, мужчин различных профессий[367]. 17 мая 1907 года заявление поступило председателю Думы Ф. А. Головину.

В то же самое время А. Н. Шабанова вела переговоры с депутатом В. П. Гессеном о включении требования избирательных прав женщин в законопроект об избирательном праве. 17 апреля 1907 года В. П. Гессен, поддержанный 35 депутатами, внес этот законопроект на рассмотрение Думы. Практически одновременно — 18 мая 1907 года Совет общества сделал письменное заявление на имя председателя Государственной Думы в связи с плановым рассмотрением Думой вопроса о местном самоуправлении. В заявлении звучало требование предоставления женщинам права участия в земском и городском самоуправлении[368].

Таким образом, подготовка к слушанию Думой вопроса об избирательном праве велась всесторонняя, но и на этот раз до слушания вопроса дело не дошло. 3 июня 1907 года II Государственная Дума была распущена.

Деятельность Общества не ограничивалась требованием избирательных прав. Свои задачи активистки ставили более широко. Они стремились к до-

стижению прав свободного индивида для женщины во всех областях и сферах жизни. Например, активистки общества поддержали вольнослушательниц Санкт-Петербургского университета и возбудили ходатайство съезду ректоров университетов с требованием допуска женщин в университеты на равных основаниях с мужчинами[369].

Современный анализ власти предполагает рассмотрение ее на макро- и микроуровнях. Действия активисток Вз.-Благ. общества по поддержанию новых практик женской жизни, стремление к их законодательному оформлению предстает сегодня как попытка подрыва власти на микроуровне. Все чаще в женских движенческих кругах говорили о силе традиции и обычая в жизни женщин. Один из путей виделся в озвучивании проблем женщин как специфической и бесправной группы и предъявлении своих требований законодателям. Шишкина-Явейн в своей речи на публичном собрании говорила: «Молчать преступно, потому что молча мы как бы сами санкционируем к себе такое отношение, которое потом <...> рикошетом передается по всем направлениям в законах и в жизни, отражаясь на разной оплате труда и на общественном положении <...> всюду создавая из нас как бы людей 2-го сорта»[370]. Казалось, они понимали, что пока вопрос о власти не стоит публично, власть будет непоколебима (М. Фуко).

Работа с III Государственной Думой велась по решению других проблем. Вз.-Благ. Общество держало под контролем прохождение закона о раздельном жительстве супругов, внося в него через депутатов свои предложения (закон находился в разработке более двадцати лет). В итоге, последний вариант законопроекта включал в себя возможность раздельного жительства супругов по требованию одного из них; право замужней женщины без согласия мужа получить отдельный вид на жительство, поступить на службу и учебу, выдать вексель и принять на себя ответственность по векселям. В паспорт мужа ее могли вписать только с ее согласия[371]. Вз.-Благ. общество обратилось с просьбой о поддержке проекта во все думские фракции и к председателю Думы А. И. Гучкову. В результате законопроект был постановлен на обсуждение октябристами в порядке думской инициативы. Его поддержали 73 депутата. Законопроект «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах женщин и об отношениях супругов между собой и к детям» был одобрен III Государственной Думой и после утверждения Государственным Советом принят IV Государственной Думой в феврале 1914 года.

Вз.-Благ. общество поставило вопрос об уравнении женщин в наследственных правах. Законопроект также был внесен октябристами в июне 1912 года. Он получил поддержку Думы, но был изменен Государственным Советом. Кроме того, Общество ходатайствовало об установлении пенсий учительницам средней школы наравне с учителями-мужчинами, о праве женщин на адвокатуру, в 1912 году лоббировало законопроект об участии женщин в выборах в местное самоуправление.

Е. А. Флейшиц

Кампания за предоставление права женщинам-юристкам быть адвокатами развернулась в конце 1910 года. Прецедент с Е. А. Флейшиц, которая выступила защитницей в суде, спровоцировал постановление Сената о запрещении женщинам адвокатской практики. Кадетская фракция III Государственной Думы поддержала позицию женщин-юристок, которые до создания своей организации нашли приют в стенах Вз.-Благ. общества. Первые дипломированные женщины-юристки — Е. А. Флейшиц, А. К. Бахтерова, С. Е. Ринкевич стали членами Отдела избирательных прав Вз.-Благ. общества[372]. В марте 1913 года Устав Санкт-Петербургского общества женщин-юристок был утвержден и они отпочковались от материнской организации. Законопроект о женской адвокатуре был отклонен. Юристки в рамках своей организации продолжили борьбу за право женщин на адвокатский труд, поддержанную Вз.-Благ. обществом и другими феминистскими организациями — Женской прогрессивной партии, Лигой равноправия женщин.

Совет Вз.-Благ. общества поднимал вопрос об отмене законодательных ограничений в отношении женского труда. Равноправки требовали отмены 156–157 ст. III т. Свода Законов Российской империи и уравнения жалования и пенсий женщинам с мужчинами при «однородных должностях и образовании» (1912 г.) Разрабатывались меры по охране женского труда и материнства.

Весной 1910 года Общество поддержало законопроект Положения о крестьянах. Известный историк, член организации Александра Яковлевна Ефименко сделала по этому поводу доклад. По ее мнению законопроект шел на пользу крестьянке, т. к. упразднял понятие семейной собственности, в котором было зафиксировано ее зависимое положение. Теперь каждый домохозяин становился собственником и, поскольку законопроект не рассматривал вопрос наследования по признаку пола, то крестьянка могла получить домохозяйство по завещанию и в этом статусе выступать на сельском сходе. А. Я. Ефименко пришла к выводу, что нужно пользоваться неясностями проекта и внести в Думский комитет свои предложения, развивая их в направлении, удобном женщинам и что при всех умолчаниях законопроект не противен правам женщин.

Первые женщины, окончившие юридический факультет С.-Петербургского университета. Сидят слева направо: О. М. Шамановская, Т. М. Савинская, А. В. Лучинская; стоят: Е. И. Ридник, А. М. Горовиц

В предвоенный период, зимой-весной 1914 года на очередной волне общероссийского протеста и послабления ограничений на общественную деятельность, Вз.-Благ. общество активно использовало митинговые формы работы.

10 февраля 1914 года в Тенишевском училище было проведено общегородское собрание под названием «Ответ на женский вопрос». Десять женщин-лекторов от разных политических партий и беспартийных, обрисовали разные стороны «женского вопроса» и достижения в его решении. Другое публичное собрание состоялось во время слушаний в Государственной Думе законопроекта о фабричной инспекции (31 марта 1914 г.). На нем выступили известные депутаты — А. Ф. Керенский, А. Я. Гуревич, врачи — М. Я. Маргулиес, Б. Ф. Горовец. Это была прямая форма давления на законодательную власть.

Параллельно с тактикой лоббирования, активистки Общества продолжили попытки оформления женской оппозиции на платформе единых избирательных прав для всех категорий населения страны.

А. Н. Шабанова выступила с инициативой проведения Всероссийского женского съезда с целью смотра сил и сплочения женских организаций, создания новой организационной структуры, объединяющей женские силы в масштабе страны. Вз.-Благ. общество поддержало идею А. П. Философовой о необходимости создания национальной женской организации — Всероссийского женского совета и присоединения к Международному женскому совету (International Council of Women)[373]. Общество провело Первый Всероссийский женский съезд (10–16 декабря 1908 г.) и разработало программу действий по выполнению его решений, в том числе и по учреждению Всероссийского женского совета. Но до 1917 года все попытки блокировались правительством, которое не намерено было терпеть всероссийскую феминистскую организацию, к тому же инкорпорированную в международное движение.

Международный женский Конгресс в Женеве. 1908 г.

Связь с международным женским движением через Международный женский совет поддерживало прежде всего Вз.-Благ. общество. Его представительницы присутствовали на конгрессах МЖС в Лондоне в 1899 году (Бубнова, Л. Давыдова[374], Е. П. Казакевич-Стефановская, И. Познанская), в Берлине в 1904 году, в Риме в 1914 году (М. Л. Вахтина, Е. М. Десятова, гр. А. Д. Капнист, А. С. Милюкова, Е. Р. Пфейлицер-Франк, Е. И. Тихеева, А. Н. Шабанова) и на конференции в Женеве в 1908 году (А. П. Философова).

А. Н. Шабанова добилась исполнения решения Первого Всероссийского съезда только в марте 1917 года, когда Всероссийский женский совет был зарегистрирован. Вз.-Благ. общество постоянно работало над поддержанием связи между женскими организациями. «Наше общество есть первая попытка объединить разрозненные силы и направить их на коллективную работу», — считала О. А. Шапир[375].

Представляется, что главной заслугой этой организации в развитии движения явилась ее стабильность, создание и поддержание «замкнутого женского дома» (О. А. Шапир)[376], женской порождающей среды, противостоящей патриархатной культуре русского общества. Здесь проходил обмен идеями и мнениями, развивалась идеология феминизма, инициировались действия по улучшению положения женщин, шло привитие женщинам «вкуса к общественной деятельности»[377].

Союз равноправности женщин (Союз равноправия женщин)

Эта новая женская организация появилась в условиях подъема в стране политического протеста и массовой мобилизации. Инициаторами ее выступила группа интеллигентных женщин, близких к Пречистинским курсам в Москве, которые подали в феврале 1905 года в Московскую городскую думу и Московское Земское собрание петицию с требованием признания политических прав женщин. Как писала одна из участниц этой группы: «В конце февраля 1905 года небольшая группа общественных деятельниц в Москве, человек около тридцати, решила организовать всероссийский союз для борьбы за гражданские и политические права. Данный момент для проведения реформы казался особенно благоприятным: старый порядок падал и разрушался, на смену ему явились новые принципы — всеобщего избирательного права и равенства всех перед законом»[378].

В поисках единомышленников группа проводила политику экстенсивного рекрутирования и использовала для этого такие способы, как рассылку писем известным общественным деятелям, объявления в газетах, личные связи.

Именно из газет о новой женской инициативе узнали петербурженки, в результате чего в мае 1905 года появилось Петербургское отделение СРЖ[379]. Но первыми откликнулись на призыв московского кружка саратовские женщины[380].

Союз равноправности можно было бы определить по примеру западных стран как суфражистскую организацию, понимая под этим конкретное направление феминизма с требованием избирательных прав для женщин. Но особенностью русского феминизма, как наглядно показали исследования С. Г. Айвазовой, заключались в том, что нерешенность проблем буржуазно-демократического переустройства страны, отсутствие демократических свобод, подавление гражданских свобод личности, препятствия в развитии самостоятельных и независимых граждан, привели русских феминисток, суфражисток, равноправок (в данном случае эти понятия выступают как синонимы) к отстаиванию прав не только собственной социальной группы, но и всех других категорий населения страны. Деятельность государства как моносубъекта политики способствовала тому, что отечественный феминизм сильно фокусировался на теме равноправия всех граждан России перед законом, на теме освобождения личности из-под репрессивной власти государства, рода, автономизации, отделения индивида от родового начала[381]. И в непосредственной связи с этим развивалась тема перехода от авторитаризма (от абсолютной монархии) к современному правовому государству, к демократии[382]. Этот момент выступает особенностью русского феминизма и придает специфичность деятельности женских организаций в России. В каком-то смысле их деятельность предстает как более общеполитическая.

Все вышесказанное напрямую относится к деятельности новой организации. «Мы далеки от наивного и близорукого феминизма, который мечтает решить женский вопрос вне связи с общественными, политическими и социальными вопросами <...> Тактика нашей борьбы за равноправие <...> должна меняться <...> от условий общенародной борьбы», — заявили создательницы СРЖ[383]. Идея полноценного женского представительства в политической системе страны мотивировалась учредительницами тем, что политическая правоспособность одних мужчин «задержит как экономическое развитие, так и рост политического сознания народа», что будет тормозить процесс демократизации общества. При этом речь шла о женщинах всех социальных групп и категорий, а не только о женщинах образованных средних классов.

В силу вышесказанных причин идея цензового избирательного права была абсолютно не популярна в русском феминизме. Собственно в то время и в тех политических условиях это даже не обсуждалось. Задача ставилась как отстаивание интересов женщин всех социальных групп во всех правовых реформах.

Учредительный съезд организации состоялся 7–10 мая 1905 года в Москве. На него приехало более 70 делегаток из 19 городов России[384].

Главным вопросом, который встал перед учредительницами новой женской организации, был вопрос, считать ли Союз политической организацией и если да, то какой будет его политическая платформа, то есть политическая

программа. Главный вопрос съезд решил положительно. Таким образом, в стране впервые появилась женская политическая организация. По воспоминаниям современницы вопрос звучал так: будет ли союз ставить перед собой только феминистические цели и сосредоточится на борьбе за женские права или примкнет к общему освободительному движению[385]. Большинством голосов было решено избрать второй путь и соединить освобождение женщины с освобождением всего народа[386]. Лозунгом организации стал тезис — «ради народного блага будить самосознание и самодеятельность масс; ради раскрепощения женщины — будить самосознание и самодеятельность женщины»[387].

На съезде был принят устав, § 1 которого определял главную цель СРЖ — «содействовать общему политическому освобождению и добиваться уравнения прав женщин с мужчинами»[388].

§ 2 определял самостоятельность отделений — «способы содействия общему политическому освобождению устанавливаются отдельными кружками, взаимодействие их — собрание делегатов»[389].

§ 3 устанавливал средства для достижения целей союза:

а. теоретическая разработка вопросов, связанных с расширением прав женщин и уравнением их с правами мужчин;

б. распространение идей Союза через издание печатной продукции, устройство лекций, диспутов и т. д.;

в. содействие в получении женщинами равного с мужчинами образования;

г. содействие улучшению положения трудящийся женщины и охране женского труда;

д. возбуждение вопроса о предоставлении женщинам общественно-политических прав, равных с мужчинами, в земских, городских и других общественных и правительственных учреждениях;

е. объединение деятельности женских и других организаций для достижения целей союза;

ж. содействие возникновению новых женских организаций.

Далее Устав определял структуру организации:

1. Союз состоит из кружков и организаций, которые пожелают примкнуть к нему. Для присоединения нового кружка или организации необходимо согласие одного из местных комитетов или собрания делегатов по представлению Центрального бюро Союза.

2. Все кружки и организации Союза совершенно самостоятельны в своей внутренней деятельности. Для сношений с Центральным бюро и участия в собрании делегатов действуют нормы представительства — 1 делегат от 25 человек, для малых городов и населенных пунктов 1 делегат от 10.

3. Органами управления Союза является общее собрание, Центральное бюро Союза, местные комитеты, местные бюро.

4. Центральное бюро избирается на год общим собранием.

5. Право выступать от имени Союза принадлежит только собранию делегатов. Собрания делегатов созываются не реже двух раз в год. Центральное бюро собирается по мере надобности.

6. Центральное и местные бюро приводят в исполнение постановления общих собраний и служат связующим звеном между организациями союза.

Требования Программы (платформы) включали в себя:

1. Немедленный созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, тайного избирательного права без различия пола, национальности и вероисповедания с предварительным установлением неприкосновенности личности, жилища, свободы совести, слова, печати, союзов, восстановление в правах, пострадавших за политические и религиозные убеждения.

Плакат 1905 года

2. Признание прав народностей России на политическую автономию и национально-культурное самоопределение.

3. Уравнение женщин в политических и гражданских правах с мужчинами во всех слоях общества без ограничения прав замужних женщин:

а) уравнение крестьянок с мужчинами в аграрных реформах; б) охрана труда женщин и обязательное страхование наравне с мужчинами; в) допуск женщин во все области общественной и служебной деятельности; г) совместное обучение лиц обоих полов в учебных заведениях всех уровней; д) отмена всех законов, касающихся вопросов проституции и унижающих человеческое достоинство женщин.

б) И, прежде всего, — отмена смертной казни навсегда[390].

Программа выражала взгляды женщин интеллигентных средних классов на необходимые социальные преобразования в стране. Эти представления оказались весьма радикальными и в части общедемократических требований и в части, касающейся женщин. Ни она партия не рассматривала вопрос в отношении прав женщин так широко и в то же время не дифференцировала требования женщин в зависимости от их принадлежности к различным социальным классам и группам.

По своему месту на политической арене Союз максимально приблизился к радикальным социалистическим партиям.

Помимо принятия устава и программы съезд избрал Центральное бюро и утвердил местные отделения. В состав Центрального бюро вошли: М. А. Чехова (ответственный секретарь), Е. И. Гончарова, А. А. Кальманович, А. В. Лучин-

ская, А. Я. Малкина, З. С. Мирович, А. М. Ордынская, Л. Н. Рутцен, М. П. Сахарова, М. В. Сабинина, Л. Н. Топоркова, А. В. Успенская, С. Ф. Червинская, Е. Н. Щепкина, Н. Ф. Яковенко[391].

Организация активно включилась в политический процесс бурного 1905 года и своей деятельностью начала оформлять место женщин в политическом пространстве страны, «несмотря на противодействие некоторой части общества»[392].

По своей структуре СРЖ представлял собой децентрализованную организацию, федеративную, без жестких дисциплинарных установок, с развитыми межличностными контактами, с мягкими нормами членства. Участники организаций, пожелавшие примкнуть к Союзу становились действительными членами. Не члены организации, но сочувствующие целям Союза становились членами-соревнователями[393]. Членами Союза равноправности могли быть лица обоего пола, что лишний раз подтверждает вывод о практике экстенсивного ректутирования в СРЖ и указанной особенности русского феминизма расширить «женский вопрос» до масштабов «общечеловеческого» и в стремлении влиться в общую политическую борьбу. К II съезду Союза равноправности (октябрь 1905 г.) организация насчитывала уже 48 отделений против учрежденных на первом съезде 28 отделений[394]. Были созданы крестьянские группы в Московской, Воронежской, Полтавской, Владимирской губерниях, группы работниц в Москве и Екатеринославле.

Отделения Союза были полностью автономны, слабо связаны между собой и с Центральным бюро — «Союз есть свободная ассоциация членов и групп, свободно действующих»[395].

Центральное бюро определяло только общую стратегию коллективных действий. Отделения на местах сами определяли «те формы политического движения, которое в данный момент и в данной местности находили своевременным и важным»[396]. Например, II съезд СРЖ (октябрь 1905 г.) принял решение бойкотировать Булыгинскую Думу (названную по имени ее инициатора министра внутренних дел А. Г. Булыгина), которую предполагалось созвать на основе проекта избирательного закона от 6 августа 1905 года, т. е. посредством не прямых, не равных и не всеобщих выборов. Но часть провинциальных отделений организовала предвыборные кампании в Думу с целью пропаганды «женского вопроса» и подъема общего политического сознания населения. Они сделали это в соответствии с уставом Союза равноправности.

Поста председательницы СРЖ не имел, ее выбирали на каждое собрание. Ответственным секретарем на протяжении всего существования Союза была М. А. Чехова. Структура СРЖ сформировалась, с одной стороны, под влиянием целей феминистского движения, с другой — под воздействием и в зависимости от политического процесса, в рамках которого развивалось движение женщин.

Тактика организации строилась на политике интенсивного рекрутирования на основе идеи равноправия по признаку пола и презентации женского участия (голоса, позиции) в политике.

Претензии женщин на участие в политике вызывало отрицательное отношение практически всех участников политического процесса. Уже проект закона об учреждении законосовещательной Думы (Булыгинской) в августе 1905 года исключал женщин из легитимных участников политического процесса. Поэтому политика равноправок по продвижению своих целей строилась на лавировании между политическими партиями, включившим по тем или иным соображениям «женский вопрос» в свою повестку дня.

СРЖ стремился установить рабочие отношения с трудовиками, кадетами, всеми левыми партиями. Переписка участниц событий демонстрирует отсутствие у них иллюзий и завидный прагматизм. Л. Н. Рутцен написала М. А. Чеховой в мае 1906 года: «Во время прений выяснилось, что трудовая группа стоит за нас, <...> ее речи и послужили поводом для торжественного заявления кадетов в Думе, что они будут за нас стоять и внесут нас в избирательный закон <...> Нам не надо ссориться теперь с кадетами, они очень сильны. Надо делать вид, что мы им верим <...> Левые же партии, как я убедилась здесь на митингах, нашими правами нисколько не интересуются и не будут нас защищать»[397].

Из политических партий только партии левого толка имели в своих программах обязательства в отношении избирательных прав женщин. Но это не означало их поддержки женского политического союза. Как на III съезде СРЖ заметила Е. Н. Щепкина, «идеалистическая проповедь социалистических партий сделала много для движения»[398], т. е. помогла вписать требования равноправия в политическую риторику. Но при этом, добавила она, социалистические партии разделяют вопрос об отношении к женскому равноправию и к Союзу равноправности, в то время как последний стремился «приблизить социальные идеалы к реальности»[399]. Это был знак будущего конфликта между феминистками и социал-демократами.

Пропаганду идеи равноправного участия женщин в электоральной политике СРЖ вел печатным словом[400], через лекторскую деятельность[401] и личную агитацию в партиях и общественных организациях. Издательская комиссия Союза издавала как брошюры членов Союза, так и работы, посвященные политическому равноправию женщин, деятелей разной политической ориентации. Ими были опубликованы работы К. Цеткин «О женском избирательном праве», К. Каутского «Избирательное право женщин», указатель литературы по женскому вопросу.

В своем стремлении институционализироваться, инкорпорироваться в политическую борьбу Союз равноправности вошел в ряд признанных общественным мнением политических объединений: Московский стачечный комитет, Комитет самообороны, Комиссию помощи амнистированным и безработным, Красный крест, Общесоюзную организацию помощи голодающим, Союз союзов.

Московское отделение СРЖ совместно с Советом рабочих депутатов и заводскими депутатами и по решению Московского стачечного комитета организовало работу питательных пунктов для рабочих, собрав по подписке 3 тыс. руб. В то же время это было проявлением солидарности и выражением личных убеждений многих равноправок.

В Союзе союзов СРЖ «ревизировал» программы всех профессиональных союзов, предлагая им внести фразу «обоего пола» в четырехчленную формулировку избирательного права в Учредительное собрание. Стойкое сопротивление оказали только академический (или профессорский) и земский союзы.

Тем не менее в мае 1905 года равноправки не рискнули внести предложение женского политического равноправия в платформу Союза союзов на его организационном съезде, сознавая слабость своих позиций. Они продолжили агитацию по отдельным профессиональным союзам и на II съезде в июле 1905 года добились победы. Предложение женского политического равноправия было выдвинуто рядом профессиональных союзов и при поименном голосовании при одном голосе против (П. Н. Милюкова) прошло.

Эта победа предопределила победу равноправок на Съезде городских деятелей в Москве в августе 1905 года, который также признал политические права женщин.

Труднее всего шла работа с земской общественностью. Союз земцев-конституциалистов дольше всех игнорировал вопрос о женском политическом равноправии. Земцы бойкотировали эту тему на своих съездах. Даже в ситуации августа 1905 года, когда в адрес земского съезда поступило 37 заявлений от различных отделений СРЖ с предложением обозначить свою позицию по данному вопросу и на съезд земцев прибыли две делегации от Московского и Варшавского отделений СРЖ, Бюро съезда не поставило вопрос в повестку дня, не допустило делегаток на заседание. Активистки СРЖ были устно заверены, что земцы признают права женщин, но в данный момент оно несвоевременно, так как это затрудняет консолидацию оппозиционных сил[402].

СРЖ начал работать с земцами через свои отделения на местах, рассылая личные анкеты с вопросами об отношении к женским правам и об их своевременности. Одновременно СРЖ усилил давление на земцев, формируя в общественном мнении их имидж как организации недостаточно демократической. Тема отношения земцев к избирательным правам женщин стала освещаться в прессе, подниматься в митинговых дискуссиях. В результате 65 земцев предложили своему бюро включить в программу союза расширенную формулу выборов в Учредительное собрание по «4-х членной формуле с тремя безразличиями» — без различия пола, вероисповедания, национальности.

14 ноября 1905 года съездом земских деятелей было принято «Положение об учредительном собрании народных представителей Российской империи», § 3 которого декларировал «Право участия в выборах народных представителей принадлежит российским гражданам обоего пола»[403].

СРЖ, который образовался раньше к.-д. партии, прислал на первый съезд кадетов (12–18 октября 1905 г.) трех своих представительниц, которые «возбудили» на съезде вопрос о женском политическом равноправии. Как уже говорилось, съезд пошел на поводу у П. Н. Милюкова и переголосовал свое первоначальное решение, обязывающее членов партии бороться за политические права женщин. С перевесом в один голос (24 против 23) пункт о женском политическом равноправии стал необязательным для членов кадетской партии[404].

Работа с партией была продолжена привычными методами: через личные контакты и агитацию, давление через прессу, поддержку женщин-кадеток.

На втором съезде кадетов в январе 1906 года активистки СРЖ развернули активную пропагандистскую кампанию среди делегатов съезда. Основную оппозицию руководству партии по вопросу женских избирательных прав составили члены партии Л. И. Петражицкий, А. В. Тыркова и А. С. Милюкова. П. Б. Струве считал, что по техническим соображениям невозможно отменить поправку к § 14 о свободном самоопределении членов партии по «женскому вопросу». На что получил отповедь Тырковой, что эта поправка — детская игра, если партия действительно встала на путь демократизации страны. П. Н. Милюков пытался занять нейтральную позицию, утверждая, что отменять поправку нет смысла, так как это произойдет само собой. В результате бурных дебатов поправка была отменена. Струве публично осудил в Русских ведомостях[405] внутрипартийные дебаты на эту тему. М. И. Покровская откликнулась на страницах своего журнала язвительным комментарием: «Очевидно, он (Струве. — *И. Ю.*) не может усвоить себе мысль, что раз целая половина рода человеческого остается в рабстве, о свободе не может быть и речи»[406].

Нужно заметить, что отмена поправки усилила ресурс кадетов. Они приняли на себя звание партии — защитницы интересов женщин и вскоре обратились к женщинам с воззванием: «Гражданки-матери, жены и дочери! Вы лишены избирательного права. Такие партии, как Союз 17 Октября, Торгово-промышленная (партия) и другие не признают в вас граждан России. Лишь партия Народной свободы решила бороться за ваше равноправие. Убедите ваших сыновей, мужей и отцов голосовать за друзей свободы. <...> Пусть настанет то время, когда и вы будете сидеть в русском парламенте и диктовать справедливые законы...»[407]. Многие известные женщины, такие как А. П. Философова, вступили в кадетскую партию.

Вышеописанную деятельность членов СРЖ можно рассматривать как проведение тактики дифференцированного рекрутирования (Дж. Мак-Карти, М. Залд). Суть которого заключается в изменении структуры существующего отношения к движению с целью обеспечения его поддержки. В результате такой работы противники движения становятся нейтральными, нейтральные (равнодушные) — сочувствующими, сочувствующие превращаются в участников движения. Для представителей различных партий, профессиональных, социальных групп оказались эффективны разные методы воздействия

и давления. Это были стимулы солидарного свойства (для Совета рабочих депутатов), давление через угрозу подрыва репутации (для Союза земцев-конституциалистов) и другие.

СРЖ также активно использовал для реализации своих целей обычный для того времени репертуар коллективных действий: петиции, митинги, просветительская работа в кружках, клубах, профессиональных союзах, благотворительная деятельность — устройство бюро по приисканию занятий и обществ взаимопомощи женщин.

Особенностью деятельности московской группы было изучение «женского вопроса»[408]. Равноправки изучали экономическое положение женщин, исследовали вопрос о проституции. Это было началом теоретического осмысления социальных проблем женщин и женского движения, как выразителя интересов женщин.

Но подъем политического протеста, во время которого организация собственно существовала, воздействовал на этот репертуар, радикализируя его. Все петиции СРЖ несли в себе дух требования и вызова. Так, одно из общих собраний Петербургского отделения превратилось в политический митинг, который принял резолюцию протеста с выражением готовности добиваться созыва Учредительного собрания методами, «которыми добиваются этого крайние партии <...> вплоть до вооруженного восстания включительно»[409]. А выборы в I Государственную Думу московское отделение ознаменовало сбором подписей под требованием политических прав женщин.

Протесты как составляющая репертуара были хорошо освоены членами Союза равноправности. Союз инициировал протесты: против смертного приговора П. П. Шмидту, против казни за политические преступления, против разгрома флота у Цусимы. С протестом против деятельности правительства по подавлению Декабрьского вооруженного восстания и с призывом отказать ему в предоставлении иностранных займов Центральное бюро Союза равноправия обратилось к известным общественным деятелям разных стран мира, к Международной Гаагской конференции, к Лиге мира, ко всем парламентам и партиям Европы.

М. Спиридонова

Использовались также сценарии влияния на определенные социальные группы с позиций традиционных норм гендерных отношений. Именно так можно оценить письмо-обращение женщин к русским офицерам по поводу истязаний при аресте М. Спиридоновой. Поддержка М. Спиридоновой позволила разработать новые формы коллективных действий: заказное журналистское расследование, издание книги по его результатам (журналист Владимиров).

Репертуар коллективных действий организации пополнился бойкотом. Бойкот правительства выражался в неуплате податей, неявке в суд, отказе от содействия полиции и жандармерии. Кроме того, бойкотировались реакционные газеты, казаки, офицеры полиции и т. д.

В момент наивысшего подъема протеста (осень 1905 г. — весна 1906 г.) репертуар коллективных действий СРЖ расширился до форм открытого неповиновения властям. На солидарную поддержку рабочих объединений, в том числе почтово-телеграфного, железнодорожного союзов, союза домашней прислуги и др. москвички израсходовали 32 тыс. рублей. Союз помог организационно оформиться Союзу прислуги.

Через совместные акции с Советом рабочих депутатов СРЖ поддержал московских рабочих материально и организационно. Равноправки признали необходимость вооруженной борьбы (решения 2-го съезда), создали 17 санитарных пунктов, работали в санитарных отрядах, принимали участие в неудавшейся попытке организации побега политических заключенных из Бутырской тюрьмы, содержали столовые для рабочих, которые находились в местах последнего сопротивления во время Декабрьского вооруженного восстания. Учительницы, работавшие в столовых на Пресне, были вынуждены перейти на нелегальное положение. В день похорон Н. Э. Баумана колонна СРЖ влилась в рабочую демонстрацию с лозунгом «Всеобщее избирательное право без различия пола»[410].

Женские митинги в поддержку женского равноправия, по воспоминаниям современника, были весьма популярны осенью 1905 года. В Москве они собирали до 2,5 тыс. женщин[411].

Поддержание «крайних партий» практиковалась в той или иной степени всеми отделениями СРЖ, это была стратегическая линия организации. За зиму 1905–1906 года отделения СРЖ в общей сложности израсходовали около 100 тыс. рублей[412]. Деятельность по достижению равноправия той зимой отступила на второй план. Такие мероприятия, как сбор подписей меркли перед акциями открытого гражданского неповиновения.

Московское отделение Союза было наиболее активным. В его составе работали М. Е. Бландова, Э. О. Вахтерова, С. К. Исполатова, Е. Люлева, З. С. Иванова (Н. Мирович), супруги Чеховы.

Активистками Петербургского отделения были А. Я. Гуревич, Л. Я. Гуревич. О. А. Волькенштейн, А. В. Лучинская, М. Н. Маргулиес, А. С. Милюкова, М. Л. Нобель-Олейникова, Е. П. Скорчалетти, Т. М. Форафонтова, З. Л. Шадурская, Е. Н. Щепкина, М. М. Янчевская. Его деятельность сосредотачивалась вокруг так называемых кружков — кружок по рассылке книг ссыльным и заключенным, кружок организации лекций и издания работ «по вопросам политического освобождения страны и женскому вопросу», кружок помощи молодым матерям из работниц в вопросах гигиены и ухода за детьми; кружок по созданию организации прислуги, изучения программ революционных партий, юридический кружок — изучение правового положения женщин.

Для поддержания левых партий петербурженки устроили на основе самообложения кассу. Социал-демократам и эсерам отчислялось из нее по 40 %, Красному Кресту — 15 % и 5 % семье Каляева. В сентябре 1905 года открыли столовую для бастовавших рабочих Путиловского завода и т. д.

Провинциальные отделения были очень разнородны и объединяли многих женщин — от «интеллигентных средних классов» вплоть до крестьянок. Репертуар действий варьировался от образовательных лекций по вопросам равноправия до поддержки революционных выступлений рабочих. Отношения с местными представительствами партий складывались по-разному.

II съезд СРЖ состоялся 8–10 октября 1905 года в Москве. Помимо 48 собственных отделений на нем присутствовали представители других общественно-политических союзов, представительницы от литовских, финских, украинских женских организаций, пресса и трое крестьян (одна женщина и двое мужчин) от сел, сходы которых поддержали идею женского равноправия[413].

Помимо вопроса о бойкоте Булыгинской Думы, решенного в пользу бойкота, на съезде были приняты решения организовать выборы свободного собрания представителей (в соответствии с рескриптами 18 и 29 февраля 1905 г.), о гражданском неповиновении (неуплате податей, неявке в суд, отказ от содействия полиции и т. д.). Съезд определил тактику на поддержание партий, сочувствовавших женскому равноправию, призвал сторонников равноправия женщин брать инициативу в свои руки для решения насущных жизненных вопросов, принял ряд резолюций в отношении союзнических организаций (Союза учителей, Союза союзов, Комитета общественной помощи голодающим и т. д.).

В начале 1906 года в стране развернулась избирательная кампания в I Государственную Думу. В феврале 1906 года Центральное бюро пришло к решению, что в сложившейся ситуации единственной возможной тактикой будет тактика отклика на все события, имеющие отношение к женщинам, — не дать забыть «женский вопрос».

Как ни работали равноправки на признание политической полноценности женщин, они остались за рамками легитимного политического процесса. Организация к этому времени (к весне 1906 г.) достигла 8 тыс. членов в 78 отделениях. Центральное бюро вело переписку с 113 населенными пунктами. По данным бюро в крупных городах группы составляли от 100 до 300, в уездных по 10–20[414].

Обозначившийся спад политического протеста с 1906 года сопровождался не только усложнением внешних условий работы, но и нарастанием внутренних проблем в организации. Напряжение в отношениях между представительницами различных партий (кадеток, социал-демократок и эсерок) внутри Союза нарастало.

Л. Я. Гуревич

На этапе спада политического протеста некоторые отделения стали распадаться, другие легализоваться в соответствии с временными правилами о союзах и обществах (т. е. институализироваться). Так, на общем собрании Петербургского отделения 12 марта 1906 года часть членов бюро сложили с себя полномочия из-за разногласий в отделении, было избрано новое бюро, в состав которого вошли: О. А. Волькенштейн (эсерка), Л. Я. Гуревич, М. Н. Маргу-

лиес (социал-демократка), Е. Т. Руднева, З. Л. Шадурская (социал-демократка), Е. Н. Щепкина и образованы новые комиссии. Частые конфликты, обусловленные политическим размежеванием деятельниц Союза, свидетельствовали о кризисе Петербургского отделения.

Все эти тенденции явно проявились на последнем III съезде Союза равноправия, который состоялся 21–24 мая 1906 года. Петербурженки доложили съезду, что отделения в столице больше не существует. Но появился Женский политический клуб, в который перешли многие участницы Петербургского отделения, и который развивал идею избирательного права по четырехчленной формуле с тремя безразличиями (председательница М. Н. Маргулиес).

М. Н. Маргулиес

Основной вопрос съезда — вопрос о реорганизации Союза в связи с разной партийной принадлежностью его членов. Вопрос стоял как в теоретической, так и практической плоскости. Как соединить реализацию феминистской доктрины и социалистической одновременно? Как женщинам — представительницам разных партий объединиться в решении женских проблем, которые совершенно очевидно были связаны с общеполитической борьбой, и не потерять при этом женскую составляющую своей политической деятельности? Как проявлять и реализовать женское политическое участие? Это было время, когда термин «феминизм» уже вызывал не столько кривую усмешку, сколько стал предметом политического шельмования со стороны социал-демократов, увидевших в деятельности женских групп угрозу своему влиянию на работниц. На съезде прозвучала мысль, что политическая деятельность нужна женщинам и принципиально должна быть составляющей женской жизни, но многих женщин сдерживает страх прослыть феминистками. Отсюда и призыв М. А. Чеховой не бояться «презрительной клички феминистки», потому что «Русская женщина не была ею и никогда не будет. В русском языке даже нет соответствующего слова. Но не будьте же и рабами, потому что одни рабы стыдятся отстаивать свои человеческие права»[415]. Очевидно, что под феминистками М. А. Чехова понимала женщин средних классов, которые, как это было в странах Запада, стремились получить избирательные права согласно цензовой системе.

Отчеты съезду практически всех отделений зафиксировали недовольство членов организации тем, что «специально по женскому вопросу ничего не предпринято». Юрьевское отделение, также как и Петербургское, распалось из-за разногласий в определении приоритетов деятельности организации — политических или специфически женских[416].

Часть делегаток съезда настаивали на деполитизации Союза, чтобы он при минимальных политических требованиях сконцентрировал свою работу по достижению женских права. Были высказаны мнения:

— сделать в работе Союза акцент на женском равноправии, проявить оригинальность женского союза (Г. А. Фальборк);

— не тратить силы на столовые, помощь безработным и заключенным, а сосредоточить их на борьбе за женские права (О. А. Волькенштейн);

— оставить приоритет целей освободительного движения, т. к. это тоже ведет к достижению женских целей (М. А. Чехова);

— сконцентрировать силы на женском вопросе, хотя связь женского вопроса и революционного движения несомненна (Л. Я Гуревич).

Делегатки разных политических убеждений призвали съезд сделать феминистские цели приоритетными в деятельности Союза, что в ситуации политического подъема означало деполитизацию организации. На этом настаивали деятельницы, близкие к кадетской партии (О. Н. Клирикова, Н. А. Шахматова) и близкая к социал-демократам Л. Гуревич. Но это предложение не прошло. Победила точка зрения М. А. Чеховой, поддержанная Е. Н. Щепкиной, Л. Н. Ленской и провинциальными делегатками о сохранении общеполитического, а не феминистского лица организации. Была избрана тактика многопартийного компромисса, чему способствовал организационный принцип автономности СРЖ. Кроме того, Устав позволял разбивать отделения на группы в случае межпартийных трений с правом самостоятельной работы этих групп и наличия представителя в местном Бюро. В обязанности Бюро местных отделений была введена новая функция — поиск компромисса между группами и выработка приемлемой для всех общей резолюции.

Но спад протеста, стабилизация ситуации в стране изменили репертуар коллективных действий СРЖ. Он становился легитимным и на первый план выходила работа с Государственной Думой по проблеме женских избирательных прав, пропаганда этой идеи в массах.

Съезд отменил бойкот Думы и постановил установить контакты с Государственной Думой для лоббирования законопроектов в интересах женщин. Было решено сотрудничать с фракцией трудовиков. Также съезд принял решение добиваться права присутствия трех своих представительниц на всех заседаниях Государственной Думы с тем, чтобы быть в курсе событий. Также было решено выйти с прямым обращением к Думе с требованием принять новый избирательный закон, предусматривающий всеобщее избирательное право. Петербурженкам было поручено восстановить отделение Союза, т. к. при изменении тактики отсутствие организации в столице тормозило работу.

6 июня 1906 года в исполнение решений съезда, Союз равноправности передал председателю Государственной Думы петицию с «категорическим требованием» при разработке законов «принимать в расчет обе половины населения страны и предоставить женщинам равные с мужчинами политические права», не поступаясь «ничем и никем в проведении принципа равноправия»[417]. Под петицией стояли 5 тыс. подписей женщин из Москвы, Херсона, Костромы, Симферополя, Воронежа и др. городов. Специальное воззвание с текстом петиции распространялось среди депутатов Думы. Это была вторая петиция к Думе по этому вопросу. Русское женское взаимно-благотворительное общество еще в мае доставило свою петицию.

Результатом стало создание в Думе Комиссии по гражданскому равенству, основанному на равенстве полов, отмене привилегий и ограничений, связанных с сословием и национальностью (Комиссия по вопросам равноправия). При комиссии была создана подкомиссия по равноправию женщин, которую возглавил Л. И. Петражицкий — депутат к.-д. фракции, профессор права СПб университета и Бестужевских курсов. С подкомиссией работали Л. Я. Гуревич и О. Н. Клирикова. Союзу равноправности было предложено разработать свой законопроект, со своим видением проблемы гражданских прав женщины. Для этой цели в СРЖ была создана своя юридическая комиссия (июнь 1906 г.), в которую вошли Е. Н. Щепкина, Л. Я. Гуревич, О. Н. Клирикова, Громницкая и видные петербургские юристы В. В. Исаченко, Л. И. Петражицкий, И. Ф. Ставрович, Я. Г. Фрумкин. Юридическая комиссия сделала гендерную экспертизу всех 16 томов Гражданского уложения. Все статьи Уложения были проанализированы на предмет выявления ограничений правоспособности женщин, по каждой статье были предложены изменения или дополнения, выработаны дополнительные статьи. Результатом этой большой и интенсивной работы (она была сделана за месяц) стал законопроект из 12 статей и сравнительная таблица необходимых дополнений, изменений и отмен в действующем законодательстве.

Законопроект СРЖ предусматривал а) избирательное право женщин в выборах на всех уровнях; б) право занимать все должности по государственной, общественной службе и по выборным делам; получать все звания, кроме званий действительной военной службы; в) право на все виды образования в системе совместного образования; г) равные наследственные права; д) право на раздельное имущество супругов; е) право на раздельное жительство супругов.

Законопроект был передан в Думу 8 июля 1906 года, а 9 июля Дума была распущена, поэтому никаких организационных последствий он не имел. По мнению практически всех современников Государственная Дума непременно приняла бы этот законопроект. До равноправия оставался один шаг.

Союз равноправности издал отдельной книжкой законопроект со всеми дополнениями и изменениями к Гражданскому уложению. Получилось «40 страниц большого формата»[418]. Работа юристов была оплачена членом СРЖ О. Н. Клириковой из личных средств, за что ей была выражена благодарность.

Другой яркой акцией СРЖ были так называемые письма крестьянок. Экстенсивное рекрутирование среди женщин всех социальных классов соответствовало целям организации. Деятельность равноправок целенаправленно политизировала женщин низших социальных слоев. Об этом прямо говорилось в инструктивном письме Центрального бюро: вести пропаганду «путем содействия женщинам-крестьянкам и работницам при составлении заявлений, петиций, требований и др. обращений в Государственную Думу, а равно и другие общественные учреждения»[419]. Московское отделение Союза приняло участие в создании Первого женского клуба работниц в Москве.

Письма крестьянок были инициированы Комиссией помощи голодающим СРЖ, созданной еще на первом съезде. Из письма крестьянок Ярославской губернии депутаты услышали следующие слова: «Мы, крестьянки села Зубарева и окрестных деревень, заявляем нашу глубокую благодарность тем членам Государственной Думы, которые самоотверженно отстаивают равноправие женщин. Помоги вам Боже честно справиться в этой трудной задачей. Членам же Государственной Думы, которые не желают признать женщин свободными, равноправными гражданками и наделить их землей, выражаем свое недовольство и заявляем, что мы желаем принимать участие в будущих выборах в Государственную Думу, а также во всех житейских делах, где обсуждаются наши мирские нужды. <…> Если у мужчин было мало земли, то у женщин и совсем ее не было <…> наши мужья не все честно исполняют свой долг. Сочтите, сколько денег выручает винная монополия, а ведь все эти деньги взяты у семьи; сочтите, сколько босяков шляется в городах, а ведь почти у каждого их них есть жена и дети. Вот и подумайте, можете ли вы лишать прав честных тружениц»[420].

Депутат от Воронежской губернии Ф. А. Кругликов, неосмотрительно заявивший на заседании Думы, что крестьянкам избирательные права ни к чему, что им нужно «смотреть за детьми и за печкой» получил в ответ письмо от крестьянок: «Мы узнали <…> что воронежский выборный Кругликов заявил в Думе, что <…> крестьянские женщины не желают никаких прав. В Думе нет выборной женщины, которая могла бы за всех баб говорить, а почем он знает? Он не правильно говорит, что крестьянка не желает прав — спрашивался он у нас? Мы, бабы из Воронежской губернии <…> понимаем хорошо, что права и земля нам нужны так же как и мужикам <…> а если на женскую душу будет дана земля, то сколько убавится бабьих слез и попреков бабе <…> Много баб не знают ни о Думе, ни о каких правах, ни о том, что с правами лучше будет бабья доля. <…> Надо, чтобы всем бабам рассказали про права. Мы тужим, что в Думе нет выборных женщин <…> Нас не много баб собралось написать это письмо, но мы уповаем, что не в силе бог, а в правде»[421].

В другом письме крестьянки трех деревень Тверской губернии заявляли о своем несогласии с принятым избирательным законом, ибо «закон этот неправильный и от него идет рознь между бабами и мужиками и даже вражда. И нам, бабам, то горько: вместе мы горе мыкали, а как дошло до того, чтобы всем по закону жить, тогда мы не нужны <…> А мы все обсудим не хуже мужиков. Дела наши общие, пускай и нас, баб, спросят, как их решать. Мужики, небось, не одним своим умом живут, а и бабьим. Господа члены Государственной Думы от Тверской губернии, <…> явите божескую милость заявите Думе, что надо все дела решать по-божески и всех равно допускать в Государственную Думу — и богатых, и бедных, и мужчин и женщин, а то не будет правды на земле и в семье не будет ладу»[422].

В Думу письма передавались через трудовиков, а также отпечатанные тиражом в 15 тыс. экз., рассылалась по стране по цене 3 коп., и служили

прекрасным агитационным материалом. Они были зачитаны на Конгрессе Международного женского суфражистского альянса (International Women's Suffrage Alliance) в Копенгагене в 1906 году.

К выборам во II Государственную Думу активистки СРЖ подготовили резолюцию о принципах пропагандистской кампании своей организации. Теперь, поддержка Союза гарантировалась только тем партиям, которые не теоретически, а на деле вели работу по признанию прав женщин. В частности, в своих предвыборных кампаниях.

Центральное бюро разослало во все свои отделения письмо, уполномочивая отделения СРЖ обратиться в местные партийные ячейки, а также в Учительский и Крестьянский союзы с предложением разъяснять на своих предвыборных собраниях необходимость политических прав женщин.

В столице была создана группа из 6 членов и 6 кандидатов для агитационной работы в думских фракциях. С кадетами работали Л. Н. Ленская, Л. С. Макарьева и М. А. Чехова. С трудовой группой — Л. С. Макарьева и М. А. Чехова. С социал-демократами Л. Н. Ленская и Л. Я. Гуревич.

Во фракции соцдеков состоялась дискуссия о расхождениях взглядов А. Бебеля и русских социалистов. Союз равноправности был назван ими «бесполезной» организацией и в поддержке ему было отказано.

В эсеровской фракции после агитационных речей В. М. Невежиной и М. А. Чеховой был сделан коллективный вывод, что женское равноправие — это шаг к социализму.

Магометанская фракция также в результате дискуссий с С. А. Тюрберт, Е. Н. Щепкиной и М. А. Вейсбейн пришли к единому пониманию проблемы[423].

Теперь в репертуаре Союза особое место заняла работа с прессой. Активистки СРЖ сами писали статьи на тему женских политических прав и активно публиковались. На III съезде Союза было принято решение о создании собственного журнала «Союз женщин».

На конференции в апреле 1908 года, посвященной подготовке к Первому Всероссийскому съезду женщин, Чехова доложила, что численность организации упала до 1,5 тыс. чел. Помимо Москвы и Петербурга отделения сохранились в 24 местностях. Конференция обсудила проблему существования организации в новых условиях. Легализацию организации в соответствии с новыми правилами отвергла, но отделения на местах вправе были это сделать. Местным отделениям рекомендовалось в различной форме пропагандировать идею равноправия, организовывать клубы работниц под крышами легальных женских обществ. Для связи было определены два центра — Москва (М. А. Чехова) и Петербург (Л. Н. Ленская).

В конце 1908 года под воздействием внешних и внутренних обстоятельств СРЖ распался.

Внешними обстоятельствами выступила конкуренция межу партиями за женский элемент. Кадеты, оценив женские организованные силы как значи-

мый ресурс для своей партии, взяли на себя роль защитников женских интересов и оказывали нажим на женские организации и женщин-членов своей партии. Это ярко проявилось на Первом Всероссийском женском съезде в выступлениях представителей к.-д. партии.

Обращенность русских феминисток к проблемам работниц и крестьянок, работа с ними, рост их влияния навели социал-демократов в лице Коллонтай на мысль об опасности, которую представляли считавшиеся безобидными полуфилантропические, полуполитические женские сообщества. В 1907 году Александра Коллонтай инициировала в Петербурге первую женскую рабочую организацию и начала работать над книгой «Социальные основы женского вопроса», в которой излагала позицию социал-демократов в «женском вопросе». Она готовила книгу к женскому съезду.

В то же время Международный социалистический конгресс в Штутгарде обязал социалистов уделять больше внимания «женскому вопросу», развернуть в партиях кампанию за политическое равноправие и призвал работниц вести борьбу за избирательные права только в союзе с классовыми партиями пролетариата.

Все эти партийные демарши усилили дифференциацию женщин по партиям, лишили социал-демократок основы для сотрудничества с феминистками.

Часть петербургских членов Союза равноправия (М. А. Чехова, Е. Н. Щепкина, З. А. Вахарловская) вошли в легальную организацию — Российскую Лигу равноправия женщин. На общем собрании 3 декабря 1908 года Чехова была избрана вместо Е. И. Гарднер председательницей Совета Лиги равноправия.

СРЖ поддерживал международные контакты. В мае 1906 года он вступил в Международный женский суфражистский альянс (МЖСА) (International Women's Suffrage Alliance), возглавляемый Кэтрин Чемпен Кэт. Эта международная женская организация была создана на II Берлинском конгрессе в 1904 году[424]. Тогда в нее вошли суфражистские организации США, Канады, Великобритании, Германии, Нидерландов, Норвегии и Швеции[425]. Устав МЖСА не требовал создания общенациональной организации и позволял членство отдельных организаций из разных стран[426]. Это была более радикальная феминистская организация, чем Международный Женский Совет (International Council of Women). Союз равноправности принял участие в III Копенгагенском конгрессе в августе 1906 года (О. Волькенштейн, А. Кальманович, О. Клирикова, Н. Мирович и представительницы Грузинского отделения Союза равноправия)[427], IV Амстердамском в июне 1908 года и уже после распада СРЖ его бывшие члены Н. Мирович и Е. Гончарова приняли участие в V Лондонском конгрессе в апреле 1909 года.

Роль СРЖ по институционализации политического участия женщин, русского феминистского движения, или, как современники его называли, «нового женского движения» велика. И хотя поставить «женский вопрос» в политическую повестку дня в той мере, чтобы получить избирательные права

в 1906 году, не удалась, Союз равноправности создал прецедент деятельности политической женской организации. Он, по сути дела, презентовал российский феминизм на политической сцене страны. Его деятельность изменила общественное мнение, отношение партий к женскому политическому участию и к проблеме политических прав женщин. Эти изменения констатировал II съезд СРЖ в 1906 году[428].

Союз равноправности смог использовать свою (феминистскую) идеологию в качестве конструктивной силы социальных изменений, что казалось под силу только партийным структурам с жесткой внутренней иерархией. Деятельность СРЖ показывает, что децентрализованная организация с «мягкой» структурой, но обладающая идеологией и политической программой, также в состоянии выполнить эту миссию. Решающую роль в достижении целей движения играет не столько структура, сколько контекст движения, логика действий, заданная целями и идеологией. Судя по всему, структура организации — вторичный момент, который формируется под влиянием целей организации и контекста движения.

Деятельность Союза равноправности женщин многие современники рассматривали как идеал женской организации, отстаивающей интересы всех категорий населения и не замыкающейся в узко феминистской политической повестке. Распространенным было мнение, что «все передовое женское движение», «новое женское движение» (то есть политическое по репертуару коллективных действий и феминистское и общедемократическое по идеологии) началось с 1905 года и развивалось под флагом СРЖ[429]. Хотя известная общественная деятельница А. В. Тыркова считала, что СРЖ «разделял крайности, составляющие отличительную и неизбежную черту всякой революционной эпохи, был очень близоруким в политическом отношении»[430].

Другим значением деятельности Союза равноправности стало осознание равноправками необходимости дальнейшей разработки теории, философии и идеологии женского движения.

Женская прогрессивная партия

Первые упоминания о создании женской партии относятся ко времени наивысшего подъема политического протеста в стране — декабрь 1905 года. Учредительное собрание партии состоялось позже — 16 февраля 1906 года. Таким образом, на волне протеста возникла еще одна женская политическая организация.

У истоков партии стояли деятельницы Женского гигиенического общества, Санкт-Петербургского отделения Союза равноправия женщин (разногласия в котором к этому времени достигли предельной остроты), Русского женского взаимно-благотворительного общества. Идея женской партии как выразительницы интересов женщин, принадлежала М. И. Покровской. Она считала продуктивным использование партии как апробированной, легитимной,

«мужской структуры» в строительстве женского движения. Покровская говорила, что поскольку существующие политические партии не обнаруживают интереса к женскому вопросу[431] в силу доминирования в них мужчин, то только собственная женская партии может продвигать идеи женского равноправия на политическом уровне.

Участницы учредительного собрания разделились во мнении о тактике будущей партии, хотя разногласий по поводу ее цели — достижение политических прав женщин — не было.

Те, кто настаивал на первоочередности общеполитической платформы (с включением требования всеобщего избирательного права), работы по развитию общедемократических ценностей и через то решение женских проблем — основали Лигу равноправия женщин.

Те, кто акцентировал внимание на работе непосредственно с женщинами, видел необходимость вовлечения женщин в широкую политическую деятельность с целью достижения юридического и фактического равноправия, подготовки женщин к политической деятельности образовали Женскую прогрессивную партию.

Покровская добилась регистрации партии с тем, чтобы, как она говорила, создать «прецедент санкционирования администрацией женской политической организации»[432]. Легитимность партии была для нее важным моментом, т. к. означала институализацию женской политической структуры, и была знаком приближения к мужскому стандарту в политической сфере. Одновременно на регистрацию был подан устав Клуба женской прогрессивной партии.

Председательницей партии и клуба стала М. И. Покровская.

Программа партии представляет собой образец феминисткой риторики начала века. В преамбуле, в частности, говорилось: «Женщины самая бесправная и обездоленная часть населения. Они находятся в подчинении мужчинам и полной зависимости от их усмотрения. Они обезличиваются и порабощаются существующими законами и своей экономической зависимостью от господствующего пола. Благодаря своей подчиненности, экономической зависимости и бесправию, женщины не могут проявлять во всей полноте свои духовные способности и оказывать активное содействие усовершенствованию человечества в духовном и физическом отношении и усовершенствованию социального строя. Так как политическое бесправие является одной из главных причин порабощения женщин, то женская прогрессивная партия своей ближайшей задачей ставит достижение полной политической равноправности женщин с мужчинами»[433].

Партия признавала необходимым бороться со всеми несовершенствами современной жизни и за осуществление общечеловеческих идеалов: свободы, равенства, правды, справедливости и гуманности. Главным условием решения всех социальных проблем объявлялось равноправие всех граждан перед законом (без различия пола, вероисповедания и национальности).

Вторым пунктом шло требование демократических свобод — свобода совести, слова, собраний, союзов, передвижения, неприкосновенности личности и жилища. Конституционно-демократическая монархия объявлялась наиболее подходящей формой правления на данный момент для России. В выборах в народное представительство, которое примет конституцию и которое будет выступать с законодательными инициативами и контролировать исполнительную власть, должны участвовать все граждане, достигшие 21 года без различия пола, национальности и вероисповедания на основе равной, прямой и тайной подаче голосов.

Отстаивание прав женщин всех социальных групп декларировалось главной партийной задачей. Для крестьянок программа предусматривала равное с мужчинами права на землю (получение собственного, равного с мужчиной надела). Для работниц введение 8-часового рабочего дня, страхования, фабричной инспекции, предоставление оплачиваемого дородового и послеродового отпуска, создание яслей и кормильных комнат на предприятиях, предоставления времени на кормление, равное вознаграждение обоих полов за равный труд, уравнение в служебном отношении, т. е. право работниц быть мастерицами на фабриках с преимущественно женским трудом.

Интересы женщин среднего класса отражались в требовании права занимать судебные должности и выступать судьями, адвокатами, присяжными заседателями, а также в требовании пересмотра всех законов Российской империи при участии женщин.

Одновременно с тем прописывались предполагаемые решения общеженских проблем: право на одинаковое совместное образование обоих полов, отмена врачебно-полицейского надзора за проституцией, реформа семейного права — введение гражданского брака, равенство в семье, упрощение процедуры развода, защита детства и внебрачных детей.

Вместе с тем декларировалось развитие местного самоуправления, широкие программы по охране народного здравия, уничтожение милитаризма и отказа от политики захватов, мирное развитие страны.

Членами партии могли быть только женщины. Таким образом, акторами социальных изменений определялись женщины всех социальных групп. Разработка и распространение феминистской идеологии, повышение самосознания и развитие женской личности, изменение общественного мнения, норм и установок в отношении женщин — все это должно было привести к изменениям в обществе. В программе специально оговаривалось, что реализация партийных задач будет осуществляться мирным, эволюционным путем.

Поставленные задачи формировали структуру организации. По сути дела, партия, клуб и журнал «Женский вестник» составляли одну организацию. Одни и те же люди работали во всех трех структурах. Все они были легальными, т. е. зарегистрированными в соответствии с действующими правилами, что на спаде протеста дало партии ощутимые преимущества по сравнению с другими женскими общественными организациями.

В партии, как и во всех женских организациях того времени, в обязательном порядке существовали коллегиальные органы принятия решений — Совет партии, Совет старейшин Клуба. Но, судя по всему, вопросы решались без соблюдения формальностей. Косвенно это подтверждается отсутствием опубликованных годовых отчетов и протоколов заседаний, что было распространенной практикой женских организаций того времени. Партию часто называли профессиональной, определяя характер ее феминизма — делового, связанного с профессиональной деятельностью женщин интеллигентных профессий, преимущественно врачей. Но, выражая интересы самих «профессиональных женщин», она обозначала и ставила в политическую повестку дня интересы женщин других социальных слоев. Структура организации была децентрализованной, а членство неформализованным.

С момента создания партии ее участницы энергично включились в митинговую стихию весны 1906 года. В дебатах на общегородских митингах Покровская и группа ее единомышленниц отстаивали идеи феминизма и опирались на него как на теоретическую базу своих действий.

Так, на общегородском митинге женских организаций Петербурга 5 мая 1906 году М. И. Покровская вступила в полемику с меньшевиком М. П. Неведомским (Миклашевским) по поводу сепаратизма женских организаций. М. Неведомский призывал женщин не замыкаться в рамках феминизма, а работать в партиях, в которых мужчины относятся к ним «по-товарищески». Мария Ивановна доказывала вторичность положения женщин и их проблем в партиях и утверждала, что работа женщин в партиях любой ориентации — это работа во имя свободы мужчин, что именно в такой ситуации оказались кадетки, партия которых, признавая на словах принцип равноправия женщин, а на деле постоянно откладывает работу по этому вопросу. В результате полемики разгоревшейся затем между меньшевиками и кадетами, митинг был сорван, а резолюция с требованием политических прав женщин не принята[434].

Участницы митинга в большинстве своем поддержали М. Неведомского. Попытка феминисток создать блок с социал-демократами провалилась. По словам М. Покровской, на этом митинге многие «начали открещиваться от феминизма и нападать на него», забыв ту «огромную услугу, которую он оказал освобождению женщин»[435]. Она призывала участниц митинга уже теперь, не ожидая времени, «когда водворится социализм и освободит их от рабства», добиваться равноправия, чтобы иметь возможность работать для усовершенствования социального строя[436]. Этот инцидент лишний раз убедил М. И. Покровскую в необходимости пропаганды идей феминизма, как основы консолидации женщин.

Покровская рассматривала феминизм как политическую доктрину, доказывала его право на самостоятельное существование. Основой идеологии Женской партии стала идея внеклассовости женских интересов и представляющих их женских организаций — «бесправие объединяет всех женщин вне классовой принадлежности. Женские организации необходимы для осво-

бождения женщин»[437]. Тактически это выразилось в отходе от благотворительности и в отказе от работы в «мужских партиях», создание блока женских и феминистских организаций, установление контактов с международным феминистским движением. Женская прогрессивная партия стала второй российской женской организацией, вступившей в Международный женский суфражистский альянс (International Women's Suffrage Alliance). Это произошло в 1909 году на Лондонском конгрессе.

Партия вела работу по пропаганде идеи равноправия среди представителей различных партий, депутатов Государственной Думы; работу с женщинами всех социальных групп по пропаганде идеи ценности женской личности, женского опыта и на практике поддерживала начинания женщин[438].

Это была работа по мобилизации консенсуса, т. е. формирование идей движения, разработка системы ценностей, определение значений, интерпретации проблем и событий. Эта деятельность формировала политическую и эмоциональную основу женской солидарности, вовлекала в женское движение женщин разных классов, сплачивала их ряды.

Представляется, что это главное достижение партии, учитывая, что она не являлась полноправной участницей политического процесса в силу «половой принадлежности» ее членов и законодательных ограничений по этому поводу.

Мобилизация консенсуса проходила и на заседаниях клуба, и в дебатах на митингах. Женская партия пыталась решить главную проблему русского феминизма — обнаружение и формирование (конструирование) единого женского опыта и на его основе проведение мобилизации консенсуса. Другими словами, и в терминах начала XX века это был вопрос о принципиальной возможности единения женщин всех классов на платформе одних идей и требований, и деятельности в одних организациях.

Тема «единения» разрабатывалась теоретически и реализовывалась в акциях партии практически. Она активно обсуждалась на заседаниях Реферативного отдела особенно в первые годы существования партии. В 1907 году на эту тему активно выступала М. Л. Вахтина. Темы ее докладлв: «Взгляд беспартийной на женское освободительное движение» (апрель 1907 г.), «Женский вопрос в Финляндии» (май 1907 г.), «Мотивы, вызвавшие женское освободительное движение», «Женские Национальные союзы».

В декабре 1907 года М. И. Покровская прочла в клубе реферат «Единение женщин и классовая борьба», в котором проводила ту мысль, что интеллигентные женщины — тоже пролетариат, т. к. они так же как и работницы эксплуатируются. Чертами, объединяющими «интеллигентный» и «неинтеллигентный» женский пролетариат является их общая внеклассовая, внесословная униженность как женщин и потому все женщины составляют одно сообщество, один класс. В подтверждение своих выводов Покровская приводила статьи Свода Законов Российской Империи: 107 ст. обязывает женщину повиноваться мужу, 11 ст. запрещает ей иметь отдельный вид на жи-

тельство, 103 ст. обязывает следовать за мужем, согласно ст. 202 женщина не имела права наниматься на работу без согласия мужа. Наследное право ограничивало получение женщиной наследства в размере 1/14 недвижимого и 1/8 движимого имущества и т. д. Вывод Покровской заключался в том, что женщины закрепощены мужчинами, а такие проявления мужского общества как война, алкоголизм и проституция давят и унижают женщину. Изменить ситуацию, по мысли М. И. Покровской, могут только женщины, массово, вне классовых перегородок выступая за свои права. Союз интеллигенток, работниц и крестьянок возможен, провозгласила Покровская. И это единственный путь добиться гражданских прав. Роль интеллигенток она видела в привнесении в движение знаний, организационного опыта, идей. Она считала, что именно такая модель сработала в Финляндии в 1906 году при получении женщинами избирательных прав.

При обсуждении ее доклада участницы заседания пришли к мнению, что интеллигентная женщина может объединиться с пролетаркой, если только участвует в борьбе пролетариата, что в принципе возможно[439]. Но самую главную задачу представляет крестьянка и работа с ней.

Другим примером мобилизации консенсуса может служить статья М. Л. Вахтиной «В защиту феминизма», в которой она критиковала расхожие представления об узости феминизма и феминистской программы. Феминизм, напротив, очень широк, — утверждала Вахтина. Он во всем. Такие мировые проблемы, как насилие, в том числе и по отношению к женщинам, равенство перед законом, уничтожение двойной морали, невозможно решить без феминистской идеи и работы.

Политика мобилизации консенсуса, конструирование единого женского опыта, создание общей женской идентичности — проблема «единения», как говорили в то время, упиралась в проблему низкого образовательного уровня женщин низших социальных классов. Тем более что образовательный уровень партиек, их интеллектуальные запросы были высокими, а некоторые темы, развиваемые ими, предстают просто высокоинтеллектуальной игрой ума. Разрыв был очевиден.

Для преодоления этого разрыва в клубе по воскресеньям проводились занятия для работниц. Темы были разными. Тут были и лекции, посвященные положению женщин разных стран, и беседы по русской истории. В качестве солидарной помощи проводились акции благотворительного характера.

Исходя из этих задач — формирование единого женского пространства, женской солидарности, женской идентичности, партия поднимала проблемы прислуги и проституток. Это было проявлением солидарности женщин среднего класса с женщинами низших социальных групп.

Тема положения женщин низших классов развивалась в докладах, дискуссиях и акциях. Как, например, доклад П. И. Масловой о положении прислуги, который прозвучал в Клубе Женской прогрессивной партии 23 февраля 1909 года. Покровская предлагала, но не была поддержана соратницами,

провести анкету среди прислуги об условиях труда и быта, с целью выработки законопроекта об улучшении условий жизни и о государственном страховании прислуги.

Феномен проституции М. И. Покровская считала лакмусовой бумажкой отношения общества к женщинам. Работа шла как на теоретическом уровне — осмысление проблемы с феминистских позиций, так и на практическом — работа с проститутками, с разного рода государственными структурами, занимающихся проституцией, разработка законодательных предположений.

Это направление стало визитной карточкой Женской прогрессивной партии и ее лидера. Главное требование партии заключалось в отмене врачебно-полицейского надзора за проституцией.

В апреле 1908 года партийки собирали подписи среди жителей Петербурга и общественных организаций под ходатайством Министру внутренних дел об отмене регламентации проституции. Акция сопровождалась статьями в «Женском вестнике». Врачебно-полицейский надзор за проституцией был определен как позор страны, как мера, не достигающая цели — охраны здоровья населения, но дискриминирующая и унижающая женщин (не только проституток), порождающая насилие и злоупотребления в отношении женщин.

16 октября 1909 года на заседании клуба был обсужден проект уголовного уложения против сутенеров и сводников, согласно которому регламентация проституции и дома терпимости уничтожались. Проект был подготовлен М. И. Покровской для Государственной Думы.

В 1913 году Клуб женской прогрессивной партии совместно с Лигой равноправия женщин внесли в IV Государственную Думу через сочувствующих депутатов законопроект об отмене регламентации проституции. В декабре того же года в клубе было проведено публичное собрание, посвященное этому вопросу, с участием депутата Думы А. И. Шингарева, юриста, профессора А. И. Елистратова, попечительниц при петербургском суде для малолетних М. М. Карминой-Читау, В. А. Плансон, А. Н. Дементьевой. В очередной раз были собраны подписи под требованием отмены врачебно-полицейского надзора[440].

Репертуар коллективных действий партии был тот же, что и у других женских организаций — петиции, ходатайства, митинги, публичные собрания. Особенностью партии выступает то, что в основном ее работа велась через клуб. Это была «порождающая среда» женского активизма. В клубе заслушивались теоретические доклады, отчеты об участии в международных конференциях, рассматривались законопроекты, обсуждались обращения, собирались подписи под ходатайствами и петициями, принимались коллективные решения и послания.

Здесь были обсуждены темы паспортных ограничений женщин, инициатива партии октябристов по поводу изменений законодательства о наследовании в пользу женщин, проблемы внебрачных детей, принято решение при-

соединиться к Всероссийскому женскому совету (если он будет создан), заслушаны отчеты об участии членов партии в Амстердамском (1908 г.), Лондонском (1909 г.) и Стокгольмском (1911 г.) конгрессах Международного женского суфражистского альянса (International Women's Suffrage Alliance). Партия поддерживала международные контакты, отслеживала изменение статуса и способы решения проблем женщин разных стран,

Но у партии были и особые методы работы — проведение анкетирования с публикацией результатов на страницах своего журнала.

Так, наряду с активным участием в предвыборной компании в I Государственную Думу, в которой Женская прогрессивная партия агитировала женщин содействовать избранию в депутаты сторонников политического равноправия женщин[441], был проведен анкетный опрос представителей интеллигенции — профессоров, писателей, юристов по поводу их отношения к женскому равноправию.

В октябре 1909 года партийки распространили анкету среди членов III Государственной Думы. Анкета состояла из трех вопросов: «1. Признаете ли желательным немедленное получение женщинами равных избирательных прав с мужчинами? 2. Если да, то каковы ваши действия в Государственной Думе? 3. Если нет, назовите причины». Анализ результатов опроса был опубликован на страницах «Женского вестника».

В 1909 году был проведен анкетный опрос населения через провинциальные газеты о предоставлении женщинам избирательных прав и также сделан анализ результатов на страницах журнала.

Но все же по большей части клуб был местом общения в среде единомышленниц, местом повышения образования и местом проведения досуга. На заседаниях клуба обсуждались популярные книги, как, например, книги Л. Браун «Женский труд и домашнее хозяйство» и «Профессия и материнство», слушались доклады на актуальные темы, устраивались лекции известных специалистов, как, например, лекция К. Р. Абковича по семейному праву. В 1909 году клуб провел конкурс работ на тему «Избирательные права женщин применительно к России». Конкурс прошел вяло и первую премию решили не присуждать никому. Эта обычная клубная работа развивала феминистскую теорию, вырабатывала идеологию, консолидировала участниц организации и движения в целом.

Партия проводила и политические мероприятия в привычном смысле слова — публичные слушания и митинги. 26 января 1909 года состоялось открытое собрание на тему предоставления женщинам избирательных прав в органы местного самоуправления. Принято обращение к Петербургскому обществу обывателей и избирателей с просьбой поддержать идею предоставления избирательных прав женщинам в местное самоуправление, отправлены обращения к известным политическим деятелям и подписчикам газет[442]. 8 ноября 1912 года партия провела в Соляном городке женский митинг, посвященный избирательным правам женщин с привлечением феминистского

актива города. В митинге приняли участие А. В. Тыркова (председательница), А. Н. Шабанова, А. А. Кальманович, А. И. Бахтерева, М. Л. Вахтина, М. И. Покровская, Р. Р. Бодуэн де Куртене, А. И. Шингарев.

Клуб и партия крепили солидарность движения и участвовали практически во всех акциях других женских организаций. В предвоенные годы партия поддержала акции женщин-юристок в защиту своих прав: права на адвокатскую практику и права быть присяжными заседательницами. В преддверии рассмотрения законопроекта о женской адвокатуре в Государственной Думе в клубе были прочитаны доклады М. Е. Бландовой о женщинах-адвокатах во Франции и М. Л. Лучинской об адвокатуре женщин в России. А 20 февраля 1914 года здесь были проведены публичные слушания этого вопроса, на которых выступили депутаты IV Думы П. П. Гронский и М. М. Александров, профессор М. П. Чубинский, представительницы женских организаций, юристки А. И. Бахтерева и С. М. Хлытчиева. «Женский вестник» на протяжении 1914–1916 годов постоянно публиковал материалы на эту тему.

Изменение политической ситуации — начало Первой мировой войны — безусловно повлияло на репертуар коллективных действий партии. Но в отличие от других женских организаций, вернувшихся к традиционно благотворительной деятельности — организации лазаретов, призрения беженцев, помощь семьям военнослужащих т. д., активистки женской партии главной своей задачей считали деятельность по «единению» женщин, созданию женской идентичности и женского пространства.

«Женский вестник» в 1914–1915 годах призывал женщин не подчиняться печальным обстоятельствам жизни и, ни на кого не надеясь, совместно друг с другом создавать более благоприятные условия жизни, переходя к коллективному ведению хозяйства, устройства кооперативных столовых[443]. Это было развитие кооперативных идей, популярных в эти годы в среде русской интеллигенции и получивших название кооперативного идеализма.

В феврале 1916 года при поддержке партии был создан Женский экономический союз с целью «улучшения материального и морального положения женщин». В правление вошли В. В. Ларина, М. И. Покровская, С. Л. Бахтиарова, Е. Ф. Березова[444]. Согласно уставу, его члены могли создавать разного рода учреждения и право обращать прибыль на дела, способствующие достижению уставной цели. По мысли Покровской, кооперативы и потребительские общества должны были содействовать духовному единению их членов. С этой целью было принято решение об устройстве столовой-чайной, встречи в которой будут способствовать сближению членов кооператива. Прибыль от учреждений Женского экономического союза планировалось тратить, в том числе на пропаганду идей равноправия женщин.

Как и всякая общественная организация, Женская прогрессивная партия стремилась к массовости, но связи ее с провинцией были слабыми. Своих отделений в других городах она создать не сумела. Представляется, что одной из причин этого была сложная риторика и идеология партии, которые

были трудны для понимания и казались утопическими на фоне классовых битв начала века. Спад политического протеста, наступивший в 1907 году, также не способствовал мобилизации участия.

Для женской партии была характерна интенсивная мобилизация, то есть рекрутирование велось преимущественно среди убежденных сторонниц движения — «интеллигентных женщин среднего класса».

Роль Женской прогрессивной партии и Клуба в достижении целей движения весьма существенны.

Во-первых, партия и клуб, как институциональные и легитимные структуры, демонстрировали стабильность движения. Их активность, репертуар коллективных действий, безусловно, напрямую зависели от общеполитического контекста, от существующей структуры политических возможностей, но продолжалась в различных формах вплоть до запрета деятельности общественных организаций после Октябрьской революции 1917 г. Партия и Клуб шли по пути мобилизации внешних и внутренних, вещественных и невещественных ресурсов на протяжении длительного времени. Они вербовали себе сторонников среди политических деятелей[445], добивались поддержки со стороны государственных и партийных структур, вписывались в формальные и неформальные коммуникативные сети, то есть мобилизовывали внешние ресурсы. В то же время тренировались навыки политической активности членов партии, воспитывались новые активистки, вырабатывалась солидарность, то есть шел процесс мобилизации внутренних ресурсов.

Во-вторых, журнал «Женский вестник», издаваемый усилиями М. И. Покровской и ее соратниц по партии и клубу, также демонстрировал стабильность движения (1904–1917 гг.). «Женский вестник» был заявлен как журнал, посвященный равноправию и улучшению положения женщин, издавался 13 лет и популяризировал идеологию феминизма. Некоторое время журнал был единственным периодическим феминистским изданием в стране. Журнал критически переосмысливал происходящие в стране изменения с феминистских позиций, служил рупором феминистской мысли. В то же время он создавал образ движения у его участниц, у населения и властей; формировал идеологию и символику движения.

Все три структуры мобилизовывали существующие ресурсы и создавали возможности для мобилизации новых.

Российская Лига равноправия женщин (после Февральской революции — Всероссийская Лига равноправия женщин)

Организация была создана в марте 1907 года, на спаде протеста, что обусловило ее легальный статус. Таким же вполне легитимным был репертуар коллективных действий организации и ее мобилизационные стратегии. У истоков Лиги стояли активистки из Русского женского взаимно-благотво-

рительного общества и Петербургского отделения Союза равноправия женщин. Формально Лига была преемницей Союза равноправия, распавшегося в том же году.

Первой председательницей Лиги была избрана Е. И. Гарднер — деятельница российского и международного женского движения[446]. В декабре 1908 года ее сменила М. А. Чехова, а в 1910 году, после отъезда Чеховой в Москву, председательницей Лиги стала П. Н. Шишкина-Явейн — деятельница уже другого поколения. Бессменной заместительницей Шишкиной-Явейн была Ольга Михайловна Яновская.

Активистки Лиги равноправия на даче. В центре — П. Н. Шишкина-Явейн

Члены Лиги сознательно отказались от широкой политической программы и сфокусировали свое внимание только на суфражистских требованиях, т. е. на ценовом избирательном праве. Некоторые современники оценили этот шаг как реакцию на репрессии правительства и отход женщин с демократических позиций. Следует заметить, что в это время в выступлениях русских равноправок все чаще звучала поддержка тактики тех западных феминисток, которые ставили своей целью достижение цензового избирательного права. Тактика западных феминисток стали оцениваться более позитивно. Этому способствовала ужесточающаяся электоральная политика российского правительства и бесплодность усилий по достижению всеобщего избирательного права. Движение специфицировалось, т. е. его цель конкретизировалась, тактика изменилась, мобилизация сил и средств шла в интересах конкретной группы — женщин среднего класса. Новые цели требовали новой организационной структуры.

В деятельности Лиги эти новые требования выразились в целенаправленной работе по созданию легальных отделений в провинции, легальных коллективных действий и в теоретической деятельности.

Это был грамотный ход в ситуации политических репрессий, в которой развивалась организация. Лига как бы переводила энергию участниц женского движения в рамки институциональной политики, накапливая ресурсы и закладывая базу для будущих коллективных действий в более выигрышных условиях.

Члены Лиги практиковали агитационные поездки по провинции (Орел, Саратов, Ростов-на-Дону, Кременец, Томск, Киев, Симферополь, Нарва). В результате отделения Лиги возникли во многих городах, в том числе в Москве (1910 г.), в Харькове (1912 г.), в Томске (1914 г.), Екатеринбурге (1914 г.).

Наряду с пропагандистской деятельностью — традиционно значимым направлением в работе феминистских организаций — была работа по «едине-

нию» женщин. В 1909 году заработал лекционный отдел, организовывая лекционные туры известных феминисток по провинции (А. А. Кальманович, Л. Н. Рутцен, Е. Н. Щепкиной, М. М. Янчевской). Е. И. Гарднер разработала план мероприятий по охране материнства и детства. Обсуждение его с привлечением всех женских организаций Петербурга было намечено в Соляном городке на май 1910 года, но не состоялось по «независимым от Лиги обстоятельствам»[447].

В развитии своего репертуара коллективных действий Лига уделяла пристальное внимание законотворческому процессу и лоббированию законов, касающихся женщин. Как и другие женские организации, Лига имела контакты со «своими» думцами и обсуждала с ними законопроекты еще до начала их слушания в Государственной Думе.

В 1909 году Совет Лиги обратился в женщинам-квартиронанимательницам с призывом использовать свои права и уполномочить мужчин-родственников участвовать от их имени в выборах в городское самоуправление. В марте 1910 года Совет Лиги подал докладную записку в Государственный Совет по поводу дополнений к закону о земельной собственности от 9.11.1906. В ней равноправки выражали обеспокоенность нарушением интересов крестьянки в ходе предстоящего уничтожения института семейной собственности и предлагали в качестве мер, защищающих интересы крестьянки:

— введение в законопроект нормы, обязывающей домохозяина обеспечивать жену в случае заклада или продажи своего надельного участка;

— распространение на женщин права личной собственности на общинную землю, которая переходила в собственность крестьянского хозяйства;

Бесплатные курсы грамотности для взрослых женщин. Октябрь 1917 г.

— распространение на женщин всех прав домохозяина, в случае если крестьянка оказывается в ситуации «домохозяина и вынуждена исполнять обязанности, сопряженные с этим положением»[448].

Лига не раз демонстрировала гибкость и адаптивность к меняющимся политическим условиям, экспериментировала со своим репертуаром коллективных действий. Так, в 1910 году в связи с реформами Военного министерства, Лига предприняла и вовсе неожиданную акцию. Совет Лиги направил письмо главе интендантского ведомства Д. С. Шуваеву с предложением принять на работу женщин либо по вольному найму, либо в качестве чиновников ведомства с целью приобретения «свежего, не тронутого тлетворным влиянием элемента» и сохранения для строя офицеров[449]. При аргументации этой позиции широко использовалась риторика официальных дискуссий о природных качествах женщин в качестве «хранительниц и поддержательниц» хозяйства. Ходатайство было отклонено.

В феврале 1911 года в преддверии рассмотрения Думой законопроекта о реформе волостного земства, Лига разослала тремстам депутатам листовку с доводами в пользу предоставления женщинам избирательных прав и права занимать должности в волостном управлении[450]. В продолжение лоббирования изменения законопроекта в пользу женщин, делегатки встретились с сочувствующими им депутатскими фракциями. Предложения равноправок не были приняты, но речь депутата-трудовика В. И. Дзюбинского в поддержку альтернативного законопроекта была распечатана Лигой и разослана по стране.

В 1912 году Лига предложила свой проект Закона об избирательных правах женщин, который предполагал предоставление женщинам избиратель-

Первый выпуск Кооперативных курсов Российской Лиги равноправия женщин. 1916 г.

ных прав в Государственную Думу на тех же основаниях, что и мужчинам (цензовое избирательное право)[451]. На сей раз аргументация была следующая: отсутствие женского участия в разработке законов неизбежно ведет к односторонности и неполноте последних; участие женщин в законодательной работе внесло бы много творчества и вдохновения в решение таких вопросов, как борьба с пьянством, с нищетой, обеспечение и охрана детства, решение национальных, сословных проблем и «быть может указали бы новые пути к разрешению таких серьезных проблем, как международные отношения и милитаризм»[452]. 13 февраля 1912 года трудовик А. А. Булат внес этот законопроект на рассмотрение III Государственной Думы, собрав в его поддержку подписи 18 кадетов, 11 трудовиков, 4 прогрессистов, 4 беспартийных и 1 социал-демократа.

Это был открытый переход на позиции «чистого суфражизма» с требованием цензового избирательного права. Новая инициатива Лиги была воспринята неоднозначно женской общественностью, различными политическими силами. Но, следует отметить, что ряды Лиги росли. За тот же 1912 год численность членов Лиги увеличилась с 460 человек до 850[453].

В 1912 году Лига обратилась в Петербургскую городскую думу с предложением гласным думы выступить с законодательной инициативой по поводу привлечении женщин к работе в городском самоуправлении. В основе предложения лежали все те же идеи — женщины являются налогоплательщицами и вправе распоряжаться городскими средствами, женский взгляд на все городские проблемы другой. Для работы в комиссиях предлагалось привлекать и женщин-работниц. Гласные ответили отказом.

Открытка, изданная Российской Лигой равноправия женщин

В том же 1912 году Лига подготовила и провела 26 декабря 1912 — 4 января 1913 года Первый Всероссийский съезд по образованию женщин, третий по счету общероссийский феминистский съезд.

Лига равноправия претендовала на роль общенациональной организации. В апреле 1916 года члены организации утвердили проект создания Центрального бюро для координации работы за равноправие по стране.

В начале 1917 года, перед рассмотрением вопроса в Государственной Думе о расширении круга выборщиков в городское самоуправление, Лига разослала депутатам Государственной Думы письмо, в котором аргументировала необходимость включения женщин в число выборщиков (пассивное избирательное прав). Акция была поддержана провинциальными женскими организациями и отделениями Лиги в Москве, Екатеринбурге и Томске. Это же письмо было разослано в городские управы крупных городов России. Екатеринбургская, Воронежская, Московская, Астраханская, Владикавказская и Томская городские управы поддержали идею и приняли постановления ходатайствовать перед правительством о предоставлении женщинам активного и пассивного избирательного права по городскому самоуправлению. По выражению Шишкиной-Явейн «гул зашевелившегося феминизма» доносился из самых далеких уголков страны[454].

Деятельницы Лиги крепили сотрудничество женских организаций и практиковали совместные выступления. Их деятельность — постоянный стук в дверь, в надежде, что ее откроют. В результате III Дума регулярно занималась рассмотрением «женских» законопроектов — о разводе, о раздельном жительстве супругов, о правах женщин на адвокатскую практику, об отмене регламентации проституции.

18 октября 1913 года в IV Думу был внесен законопроект об отмене регламентации проституции, разработанный юридическим отделом Лиги при участии П. Н. Шишкиной-Явейн и депутата А. М. Шингарева. Юридический отдел состоял из выпускниц юридических факультетов российских и зарубежных высших учебных заведений, которые затем вошли во вновь созданную организацию — Санкт-Петербургское общество женщин-юристок. Отдел лоббировал законопроект о праве женщин заниматься адвокатской практикой. Законопроект о женской адвокатуре был передан в Комиссию судебных реформ Думы 1 мая 1911 года (одновременно с тем он был разослан 300 членам Государственной Думы), 24 января 1912 года он был одобрен Думой и передан на утверждение в Государственный Совет, где был отклонен в ходе слушаний 23–24 января 1913 года[455].

Деятельницы нового поколения осваивали новые идеи. Одной из них, развиваемой Лигой накануне войны, была идея женских банков. Первый женский банк открылся в Одессе «в форме кредитного учреждения, обслуживающего исключительно женские экономические интересы»[456], и деятельницы Лиги активно разрабатывали эту идею, увязывая ее с целями женского движения. Так, председательница московского отделения Лиги равноправия

А. Н. Лепковская заявила: «Нет свободы вне экономической независимости! Все, что только способно поднять экономическое положение женщины, является прямым условием ее освобождения. Горячо приветствую поэтому начинание женщин г. Одессы, создавших первое в России женское кредитное учреждение, и искренно желаю насаждения подобных же учреждений в других наших городах. В женском движении <...> весьма существенную, может быть даже превалирующую роль играет именно экономическая независимость женщины. Экономическая самостоятельность и независимость являются основной базой нашей свободы и права распоряжаться своей личностью по своему усмотрению!»[457]. Опрошенные по этому вопросу эксперты (в частности профессор, член Государственного Совета И. Х. Озеров), при полной поддержке идеи, видели такие проблемы в деле организации женских банков в России, как отсутствие «сознательного фактора в деле творения у нас новых крупных форм экономической жизни» и недостаточную «сорганизованность» женщин. Практический совет начать с более простых форм участия в экономической жизни — потребительных обществ, сберегательных товариществ и обществ взаимного кредита был принят и рассматривался не только в Лиге, но и в других женских организациях. И если война не дала осуществить этот проект в чистом виде, то она послужила стимулом создания простых форм женской кооперации, помогавших женщинам выжить в годы войны.

Другая идея, активно разрабатываемая в эти годы, — женская фабричная инспекция. Доклад Е. В. Виленец-Горовиц «Женская фабричная инспекция и необходимость ее введения в России» продемонстрировал хорошую проработку вопроса: знание тенденций развития промышленности в России и тенденции вовлечения женщин в промышленный труд, знание опыта европейского женского движения в борьбе за введение женской фабричной инспекции. В частности докладчица заметила, что борьба женских ферейнов в Германии за женскую фабричную инспекцию была поддержана организованными работницами и социал-демократами. Вывод — «Лига равноправия женщин должна, пользуясь опытом Запада, уделить особое внимание вопросу о введении у нас женской фабричной инспекции и сделать все возможное для его разрешения в положительном смысле»[458]. Докладчица предположила, что россиянкам придется преодолеть те же препятствия и противодействия, что и западным активисткам, что «наши противники встретят нас старыми возражениями об отсутствии у женщин технической подготовки и сведений о положении в промышленности, торговле и т. д.». Мы должны устранить этот единственный аргумент и подготовить женщин на специальных курсах по программе министерства финансов для фабричных инспекторов[459], предложила Виленец-Горовиц. В результате прений по докладу было принято решение учредить при Лиге курсы для подготовки фабричных инспектрис и взять инициативу «возбуждения вопроса о введении женской фабричной инспекции в Государственной Думе». Для этого была создана

специальная комиссия[460]. В течение месяца вопрос о женской фабричной инспекции был «возбужден» в Думе партией народной свободы. Большинством — 77 голосов против 64 этот законопроект прошел. Представитель правительства высказался против проекта не «по принципиальным, но практическим соображениям». Как и предполагала Е. В. Виленец-Горовиц, возражение строилось на отсутствии у женщин специальной технической подготовки. Но в вопросе «малой и ремесленной промышленности», в которой женский и детский труд практически не был регламентирован, правительство согласилось пойти навстречу желанию Думы. Таков был результат первой постановки вопроса. В женской прессе появились отклики, в которых внимание общественности обращалось на то, что первые фабричные инспектора России И. И. Янжул, Н. Я. Пясковкий, А. В. Погожев и другие не имели технического образования. Проблема женского промышленного труда рассматривалась в женской прессе как глобальная, требующая серьезного подхода и вмешательства правительства. Вопрос ставился так: «Кто, прежде всего, женщина при современном капиталистическом хозяйстве — мать или работница?»[461] Темпы вовлечения женщин в крупное промышленное производство с 1901–1910 — 35 % против 7 % прироста мужской рабочей силы делали этот вопрос риторическим[462].

Помимо откликов на все значимые события в жизни страны, Лига мостила событийный ряд в «женском мире» — празднование 50-летия высшего женского образования, 50-летней деятельности А. П. Философовой и В. Л. Штейн, присуждения Нобелевской премии М. Склодовской-Кюри, 35-летие общественной деятельности председательницы Польского общества равноправия женщин Кугельской-Рейншмидт; поддерживала выступления женских организаций против распространения порнографической литературы и т. д. Эта организация издавала открытки с портретами женщин-ученых, писательниц, художниц и общественных деятельниц. В их ряду портреты Жорж Санд, А. П. Философовой, М. В. Трубниковой, Н. В. Стасовой, М. Склодовской-Кюри, Э. Ожешко, авиатора княгини Е. Шаховской и многих других.

Лига равноправия женщин поддерживала связи с международным феминистским движением, принимая участие в международных суфражистских съездах, откликаясь на значимые события в международном женском движении. Лига послала приветствие женским организациям США по поводу предоставления политических прав женщинам некоторых американских штатов; норвежкам в связи с предоставлением им права на государственную службу; англичанкам, организовавшим поход из Эдинбурга в Лондон с целью сбора подписей под петицией об избирательных правах женщин. Был также послан протест властям Великобритании против обращения с арестованными суфражистками, как с уголовными преступницами и т. д.[463] В июне 1911 года делегация Лиги в составе П. Н. Шишкиной-Явейн, М. Б. Райх, А. В. Белобородовой, А. И. Зачинской, В. В. Васильевой-Фофановой, В. П. Добкевич приняла участие в VI конгрессе Международного жен-

ского суфражистского альянса (International Women's Suffrage Alliance) в Стокгольме. Шишкина-Явейн выступила с докладом «Женский вопрос в русском парламенте».

На начальном этапе деятельности для Лиги была характерна интенсивная мобилизация, и членство было ограничено признаком пола, а требование цензового избирательного права определяла ориентацию на определенные социальные группы женщин. Но с новым подъемом политического протеста организация пересмотрела свою мобилизационную политику и в 1914 году отменила все ограничения приема, стала максимально открытой для участия. На 1 января 1910 года Лига насчитывала 219 членов[464], на конец 1912 года — 850 человек, а на начавшейся волне политического подъема и с новыми правилами приема численность организации составила к 1915 году уже 1 235 человек (991 — петербургских членов и 244 — иногородних)[465].

В начале 1914 года активность Лиги еще более возросла. Митинги, диспуты, публичные собрания Лиги, посвященные различным аспектам политических и гражданских прав женщин, собирали большие аудитории и пользовались значительным успехом. Планы Лиги накануне войны были многообразны — создание своего клуба[466], издание собственного журнала, изменение устава и введение параграфа, дававшего организации право созывать периодические съезды женских организаций[467]. Но начавшаяся война заставила деятельниц Лиги изменить репертуар своих действий и в значительной степени вернула их к формам благотворительной деятельности, которая теперь уже осмыслялась как гражданская женская позиция и выливалась в поддержание семей солдат, беженцев, содержание лазаретов, подготовку сестер милосердия и т. д. В 1916 году при Лиге торжественно открылась кооперативная лавка нового Женского общества потребителей. Председательницей кооператива стала О. И. Королько.

Но Лига никогда не оставляла тему избирательных прав. В условиях войны тема равноправия рассматривалась в новом ракурсе — осмыслялись проблемы дороговизны, городские проблемы и возможности женщин в их решении. 12 февраля 1916 года на публичном собрании «Наш город, Дума и предстоящие выборы» прозвучали следующие доклады: «Город и женщина» (А. В. Тырковой), «Общественная работа в городских попечительствах» (С. В. Паниной), «Борьба с дороговизной и роль городского самоуправления» (Ф. И. Родичева).

Но главным достижением Лиги было получение избирательных прав для российских женщин в марте 1917 года. В критический момент ломки старой государственной машины Лига оказалась готовой инициировать и координировать коллективные действия всего движения по достижению политических прав женщин. Тактика Лиги по строительству организационной структуры, изменение мобилизационной политики, теоретическая и пропагандистская деятельность сформировали ее организационные возможности для выполнения этой миссии.

Московское отделение Лиги равноправия было создано в 1910 году и существовало как автономная структура. В ней было много активисток Союза равноправия женщин — М. Е. Бландова, Э. О. Вахтерова, С. К. Исполатова, О. Н. Клирикова, Л. К. Ленская, З. С. Мирович, М. Н. Сумбатова, С. Ф. Червинская, Н. А. Шахматова.

В Совет преимущественно вошли активистки нового поколения — В. В. Бибикова, В. Н. Бочкарева, А. М. Крокос, Р. Л. Марголиес, М. М. Самамбок, М. В. Райх. «Старые кадры» были представлены С. И. Исполатовой, М. Е. Бландовой и З. С. Мирович. Возглавила организацию Л. Н. Лепковская. Уже в первый год существования, отделение насчитывало 443 членов[468].

Особенностью Московского отделения была его теоретическая деятельность. Весной 1911 года был создан теоретический отдел под руководством С. И. Исполатовой, который поставил себе целью обосновать основные задачи организации и всего движения, пути их решения, создать внутреннюю связь между отделами, разработать «небольшой курс по женскому вопросу», «изучить психику женщины». Отдел разрабатывал тему домашнего труда. В частности, было обращено внимание на отсутствие учета, нормирования и оценки «тяжелого и изнуряющего труда женщин в семье»[469]. В 1912 году был объявлен конкурс на лучшую брошюру по этой проблеме.

Логичным продолжением работы отдела стало решение издавать журнал «Начало» — «демократический орган женской мысли», который будет «будить общественное мнение в смысле более справедливого распределения прав и обязанностей обоих полов, направлять общественную совесть на новые пути и укрепить в женщине убеждение в громадной важности нашей задачи».

Отдел пропаганды, созданный с целью «привлечения возможно большего числа женщин на путь организованного наступления под одним общим знаменем», распространял «продукт» теоретического отдела. Лицам интеллигентных профессий (учителям и учительницам, юристам, врачам и т. д.) были разосланы брошюра Н. А. Шахматовой «Что такое феминизм?», воззвания «К слушательницам женских курсов» и «К обществу», в которых излагались цели Лиги.

В сотрудничестве с теоретическим отделом отдел пропаганды организовывал чтение рефератов, призванных способствовать пробуждению самосознания и самодеятельности женщин. Обсуждения проводились в своем кругу — в обстановке, «где они (женщины. — *И. Ю.*) не рискуют быть ложно понятыми или дурно истолкованными»[470]. К участию в таких собраниях привлекались женщины, не состоявшие членами Лиги.

Экономический отдел Лиги собирал информацию об условиях труда женщин в разных сферах, в частности, в сфере фабрично-заводского труда. Проводилось обследование материальных условий жизни вольнослушательниц высших учебных заведений Москвы.

Библиотечно-биографический отдел комплектовал небольшие типовые библиотеки по женскому вопросу и рассылал их по провинциальным городам.

Юридический подотдел (председательница М. И. Гиршман-Айзенштадт[471]) проводил бесплатные консультации для женщин и регулярно посылал своих делегаток (Л. С. Тернавскую, Л. А. Бубнову, М. А. Игловскую, А. А. Додонову, Н. А. Зак) в Петербург во время рассмотрения в Государственной Думе законопроекта о допуске женщин к адвокатской практике[472]. В ответ на запрещение Государственным Советом женской адвокатуры, юридический отдел московского отделения принял постановление о продолжении работы с IV Государственной Думой вплоть до получения положительного решения[473].

Московское отделение участвовало в различных легальных политических акциях, демонстрируя гражданскую позицию «женского элемента». Активистки Лиги приняли участие в похоронах председателя I Государственной Думы С. А. Муромцева (1910 г.), послали приветствие профессорам, покинувшим Московский университет из-за репрессий (1911 г.)[474] и т. д.

Московское отделение Лиги равноправия женщин вело работу по подготовке Второго Всероссийского женского съезда, который планировали созвать в Москве в декабре 1913 года. Руководство подготовкой осуществляла организационная комиссия в составе С. П. Даль, К. И. Лебедевой и М. А. Чеховой[475].

Претензии Российской Лиги равноправия женщин на роль национальной феминистской организации оказались реализованными. В условиях смены власти Лига равноправия смогла объединить женские организации и добиться от правительства признания женских политических прав. Именно ей мы обязаны введением женского избирательного права в России.

Женские клубы

Идея женского клуба привлекала активисток движения с конца XIX века, но условий к их появлению не было, так как правительство всеми силами противилось новым формам организации женщин. Первыми пробили брешь в обороне правительства женские клубы по профессиям[476]. Затем пришло время легальных женских политических клубов. Одним из первых был внефракционный Женский политический клуб, который возник в Петербурге в апреле 1906 года на развалинах петербургского отделения СРЖ (председательница М. Н. Маргулиес).

Учредительниц клуба — активисток Союза равноправия женщин (эсерок, кадеток, социал-демократок, беспартийных) объединила феминистская идея. Поэтому единой политической платформы у клуба не было. Для его создательниц клуб был местом для пропаганды «в широких женских массах идеи равноправия в связи с всеобщим избирательным правом»[477]. Это была практическая реализация идеи внепартийности «женского вопроса» и создание «единения» женского движения. Именно с этой точки зрения эта организация интересна.

Деятельность клуба вылилась в создание 4-х клубов для работниц в разных районах города, где помимо курсов грамотности еженедельно устраивались мероприятия на тему женского равноправия, обсуждались политические события в стране. Здесь проводились лекции-беседы, в том числе о законопроекте об избирательных правах женщин, об избирательном праве женщин в Финляндии, о гражданских свободах, о Белостокском погроме и др.[478] Клуб посещали депутаты Государственной Думы, преимущественно трудовики (Ф. И. Седельников, А. Рожков, И. К. Заболотный, С. В. Аникин), рассказывали о своей деятельности. А. М. Коллонтай отказалась участвовать в его работе, мотивируя тем, что «в вопросе об освобождении женщин должна быть начертана четкая и ясная классовая линия»[479].

Клуб насчитывал более 600 членов. Принцип внепартийности находил свое воплощение в структуре организации — каждая группа в 25 человек, «организованная партийно или профессионально» делегировала своего представителя в Правление, тем самым всем обеспечивались равные возможности в принятии решений.

Одним из публичных мероприятий клуба было массовое участие его членов в общегородском женском митинге в Соляном городке 5 мая 1906 года, инициированного Вз.-Благ. обществом. Официально клуб перестал существовать в 1907 году после запрета властей на политическую деятельность, но по имеющимся сведениям, Василеостровское отделение продолжало работать нелегально. На спаде массового протеста клубы, не провозгласившие открыто свои политические цели, стали самой распространенной формой женских объединений.

В 1907 году, как уже говорилось выше, А. М. Коллонтай организовала межфракционный клуб работниц. Основной причиной создания женского клуба социал-демократами была активная деятельность феминисток в среде работниц. Позднее Коллонтай вспоминала, что «в годы первой российской революции пропаганда «единого женского дела» со стороны буржуазных равноправок еще представляла серьезную опасность для целостности рабочего движения. Особенно много вреда могли принести «левые равноправки», любившие щеголять революционными фразами»[480].

Клуб маскировался под институционализированную в российском обществе женскую самопомощь и благотворительность и официально назывался Обществом взаимопомощи работниц. Цель клуба была «прекратить распыление женской силы», пробудить революционное сознание работниц, подготовить их к работе в партии и профсоюзах[481], т. е. «взрыхлить почву для социалистического посева» (Коллонтай)[482]. Коллонтай создавала клуб при поддержке профсоюзов и при сопротивлении большевистского Петербургского комитета РСДРП. Поэтому влияние профсоюзов на работу Общества взаимопомощи было значимым.

В клуб записалось более 300 работниц. Его членами могли быть и мужчины, но в правление по уставу входили только женщины. Работа велась традиционно клубная — вечеринки, лекции членов РСДРП, собрания по про-

фессиональным союзам и т. д. Коллонтай информировала работниц о первой социалистической конференции женщин в Штутгарте, по ее инициативе и при поддержке профсоюзов клуб провел несколько массовых мероприятий — собрания на женские темы в рабочем доме Нобеля на Выборгской стороне. Обсуждались темы охраны труда женщин, поддержки материнства, политического равноправия, отношения партии большевиков к движению феминисток. Эти мероприятия носили ярко выраженный антифеминистский характер, как и участие работниц в городских женских митингах, на которые те ходили «ругаться с барынями»[483]. Особенно активизировалась антифеминистская деятельность Общества взаимопомощи работниц в связи с подготовкой Первого Всероссийского женского съезда. При поддержке профсоюзов наиболее активные работницы вошли в так называемую группу работниц и начали готовиться к съезду. У руководства профсоюзов даже были планы послать кого-нибудь из них в Лондон на Международную конференцию женских рабочих организаций, созываемую для выражения протеста против цензового избирательного права, признаваемого суфражистками[484]. Но эта идея не осуществилась.

А. М. Коллонтай. 1910 г.

Так же как и клубы для работниц, создаваемые феминистками, Общество взаимопомощи работниц не являлось самостоятельной и самодеятельной организацией. Это была проявленная попытка партийных и профсоюзных лидеров создать организационную основу женского рабочего движения. С другой стороны, деятельность феминисток способствовала идеологическому обоснованию женского рабочего движения. Она подталкивала женщин-работниц к осмыслению проблем своего пола и класса и объективно формировала их коллективную идентичность. Таким образом, и социал-демократки, и феминистки совместно формировали условия для появления женского пролетарского движения. Но до его появления еще было далеко.

Интересно, что классовый принцип, послуживший основой организации и консолидации женщин в Обществе взаимопомощи работниц, был доведен самими работницами до логического конца. В 1908 году они потребовали исключения из клуба интеллигенток как «чуждых элементов». Коллонтай была вынуждена уйти из организации[485].

В 1908 году в женской прессе промелькнуло сообщение о попытке организовать еще один женский рабочий клуб «для самопомощи, самообразования и развлечений»[486]. Судьба его неизвестна.

С весны 1906 года (устав утвержден 19.12.1906 г.) действовал Женский клуб при Женской прогрессивной партии. Клуб был проводником феминистской идеи. Его цели были зафиксированы в уставе как пропаганда прав женщин и просвещение женщин. В период спада протеста и преследования властями любой общественной деятельности Женская партия полностью сосредоточилась на клубной работе.

Основной целью клуба наряду с пропагандой женского равноправия было создание женской солидарности, «единение» с женщинами различных социальных слоев. Поэтому прогрессистки много работали в клубе с пролетарками и ставили вопрос об основной «женской массе» страны — о крестьянках[487]. Но на работу с крестьянками ресурсов клуба явно не хватало. Члены клуба активно занимались проблемой проституции, работали с проститутками и представляли собой аболиционистское сообщество, требовавшее отмены регламентации проституции.

Прогрессистки поддержали идею созыва женского съезда и создания общенациональной женской организации — Всероссийского женского совета.

Для интеллигенток клуб был важен как место общения, как место, где они могли повысить свое образование и самосознание. В клубе вырабатывалась тактика организации, обсуждались теоретические вопросы движения и решались практические задачи. Так, на занятиях реферативного кружка его участницы учились не только составлять рефераты по «женскому вопросу», но и публично выступать, отстаивать и аргументировать свое мнение. Таким образом решалась проблема «женской безъязыкости», обсуждаемая на страницах «Женского вестника».

В феврале 1908 года открылся Санкт-Петербургский женский клуб. Учредителями его были Софья Ипполитовна фон Рутцен (председательница правления), М. В. Полякова, Н. П. Коновалова. Главным органом было Общее собрание, на котором избиралось правление. Клуб был призван изучать проблему равноправия женщин и содействовать «умственному, политическому и моральному развитию»[488] его членов. Членами клуба могли быть лица обоего пола, получившие пять рекомендаций его действительных членов. Клуб носил элитарный характер, в нем бывал весь цвет петербургской интеллигенции. Политическая ориентация клуба была прокадетская, так как его основательницы преимущественно были членами кадетский партии (Л. Н. фон Рутцен, А. С. Милюкова, А. В. Тыркова). В тематических мероприятиях клуба преобладала тема равноправия женщин, развития гражданского общества. Здесь, в стенах клуба, возможно впервые Л. Н. фон Рутцен публично поддержала тактику английских суфражисток — не связывать билль о равноправии женщин, имеющий шанс пройти в парламенте, с биллем о всеобщем избирательном праве[489].

В Москве также действовало несколько клубов для интеллигентных женщин и с теми же целями — «способствовать общению членов на почве совместного изучения вопроса о равноправии женщин».

В феврале 1907 года в собственном помещении открылся 1-й Московский женский клуб при Обществе взаимопомощи женщин. Учредительницами выступили активистки Союза равноправия женщин Н. Мирович (З. С. Иванова) и М. Н. Сумбатова[490]. Председательницей его была избрана В. А. Морозова. Целью клуба было соединение всех, стремящихся к женскому равноправию, самообразование участниц, а также «умственное политическое и нравственное развитие» общества и масс[491]. Членство в клубе было открыто для мужчин.

Обсуждая насущные проблемы движения, член правления клуба Н. Мирович также поддержала идею борьбы за цензовое избирательное право для женщин, отразившуюся в решениях V (Лондонского) конгресса Международного женского суфражистского альянса (International Women's Suffrage Alliance), состоявшегося в апреле 1909 года.

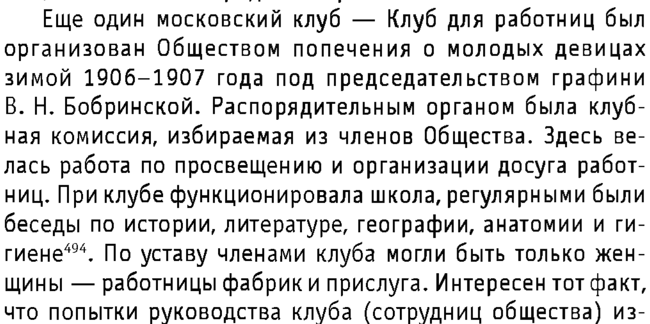
Изменение ситуации диктовало изменение тактики, и русские равноправки все чаще обращались к осмыслению опыта западного женского движения. Но идея цензового избирательного права для женщин воспринималась в движенческой среде как отступление от идеалов русского феминизма и изменение тактики проходило болезненно.

Осенью 1907 года в Лефортово открылся 2-й Московский женский клуб. Задачами его, как и 1-го Московского женского клуба было распространение идей женского равноправия и культурная работа среди местного населения, а также самообразование его участниц. Членами 1-го и 2-го клубов могли быть лица обоего пола, что говорит о проведении массовой мобилизации в ряды участников движения и группы его поддержки.

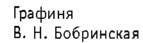
Клубы работали с различными категориями населения: для интеллигенции организовывались лекции известных ученых и литераторов, для рабочих — образовательные курсы, праздники для детей и для «трудового люда вообще».

В 1908 году число членов 1-го клуба составило 500 человек[492], 2-го клуба — 400. В большинстве своем это были люди с «малым и средним достат-

ком, с низшим или средним образованием»[493].



Еще один московский клуб — Клуб для работниц был организован Обществом попечения о молодых девицах зимой 1906–1907 года под председательством графини В. Н. Бобринской. Распорядительным органом была клубная комиссия, избираемая из членов Общества. Здесь велась работа по просвещению и организации досуга работниц. При клубе функционировала школа, регулярными были беседы по истории, литературе, географии, анатомии и гигиене[494]. По уставу членами клуба могли быть только женщины — работницы фабрик и прислуга. Интересен тот факт, что попытки руководства клуба (сотрудниц общества) изменить устав и привлечь в клуб мужчин-рабочих, встретило противодействие со стороны самих работниц. Экстенсивное рекрутирование, максимально открывающее доступ в организацию всем желающим, по каким-то причинам


Графиня
В. Н. Бобринская

не было ими поддержано. Можно предположить, что в среде работниц — участниц клуба шел процесс формирования солидарности женщин данной социальной группы. Б. Кландерманс (B. Klandermans)[495] объясняет механизм формирование солидарности через мобилизацию действия и мобилизацию консенсуса. Мобилизация действия (участия) работниц произошла благодаря деятельности интеллигенток по созданию клуба, и клуб выступил для группы работниц как внешний ресурс. В этой закрытой среде начался процесс мобилизации консенсуса, то есть процесс формирования системы ценностей, интерпретация проблем и ситуаций, имеющих отношение к данной социальной группе. Клуб выступил порождающей средой, в которой работницы получили возможность осмыслить общность своих интересов и сплотиться вокруг них. В 1909 году более 100 работниц в возрасте от 15 до 35 лет были его членами. Они включились в процесс создания внутренних ресурсов своей группы — солидарности, участия. Эта гипотеза в какой-то степени объясняет причины требования работницами сохранения членства в клубе по признаку пола. Она объясняет также поддержку работницами феминистских лозунгов и их участие в общеженских митингах за равные избирательные права женщин.

3-й Московский женский клуб организовался в начале 1909 года. С его деятельностью связаны имена большевичек З. П. Кржижановской, С. П. Шестерниной, О. Н. Мицкевич, А. А. Додоновой, А. В. Померанцевой.

Женские клубы в ситуации спада массового политического протеста и наступления реакции оказались самой эффективной формой женской организации. Они создали сеть, объединяющую женщин различных социальных классов и групп и тем самым способствовали достижению основных целей движения, формируя и накапливая такие ресурсы движения, как солидарность, единение, взаимопонимание. Форма женских клубов институализировалась. В период 1907–1914 годов они были широко распространены по всей стране. В глазах властей клубы выглядели вполне благонадежным направлением женской общественной деятельности по сравнению с женскими политическими организациями. Эту ситуацию использовали радикальные партии. Поэтому 3-й Московский женский клуб в 1912–1913 годах служил прикрытием для деятельности социал-демократов[496].

Первые женские клубы в провинции открылись в Астрахани (1907 г.), Каменец-Подольске (1907 г.), Ростове-на-Дону, Таганроге (1907 г.), Кишиневе (1908 г.). С 1909 года они стали массовым явлением и появились в Риге, Порхове, Екатеринодаре, Новороссийске и в других городах империи. Направления их деятельности было разным. Ростовский клуб, например, был заявлен как внепартийный женский клуб. В его планах была работа с пролетариатом, оппозиционно и враждебно настроенного против женского равноправия. Другое направление его деятельности концентрировалось вокруг проблемы женского труда — вредное производство, страхование, жен-

ская инспекция, охрана труда женщин и т. д. В клуб принимались женщины всех сословий, вероисповеданий и национальности не моложе 20 лет. Каменец-Подольский клуб также вел культурную работу для женщин всех слоев. Приоритетным направлением Астраханского клуба была работа с проститутками. Таганрогский клуб, созданный местным отделением Союза равноправия женщин, проводил политические акции, за что и был закрыт. И все без исключения клубы феминистской ориентации «изучали вопрос о равноправии» и работали по сплочению женщин, т. е. объективно формировали их коллективную идентичность.

Союз русских женщин

Как и всякое влиятельное движение, женское движение имело своих оппонентов. Выступления женщин против политической активности женщин не было чем-то из ряда вон выходящим. В ходе развития эмансипационного процесса всегда были слышны протестующие женские голоса. К концу XIX века эта критика приобрела политическую направленность. Так г-жа Е. Т. в газете «Родина» в 1899 году писала не только о вреде эмансипации, но обвиняла либералов в том, что они поддерживали «несуществующие права женщин». Она призывала женщин отбросить ложное самолюбие и перевоспитать себя для счастливой жизни жены, матери и хозяйки.

Женские организации антифеминистского характера организационно оформились только на спаде протеста в 1907 году. Сведений о них немного. Обычно упоминаются Женский русско-славянский союз, Союз русских женщин и женская группа Союза русского народа.

Достоверно известен факт регистрации в 1907 году в Петербурге Союза русских женщин[497]. Существование Женского русско-славянского союза вызывает сомнение. О нем сообщает только один документ, который носил проектный характер — брошюра А. А. Боголюбова «Женский русско-славянский союз»[498]. В ней автор развивает идею создания Женского русско-славянского союза на базе некоего еще не существующего «дамского кружка» с целью «попечения о русско-славянском деле в семье» и подъема русского национального самосознания. Но информации о какой-либо практической деятельности Союза не найдено. Судя по всему, проект не удался.

Больше всего информации имеется о Союзе русских женщин, состоявшим под августейшим покровительством Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, потому что, как и феминистские организации, Союз регулярно публиковал отчеты о своей деятельности. Появление этого союза последовало за мобилизацией охранительных сил общества в 1907 году, в том числе организаций, выступающих за консервацию существующего порядка и противодействующих социальным изменениям.

Учредительницами Союза выступили М. Б. Аничкова, А. И. Тур, А. П. Чебышева, Е. В. Огородникова, А. А. Мейен[499], близкие к крайне правым орга-

низациям — Русскому собранию и Союзу русского народа. Председательницей Союза русских женщин стала М. Н. Дитрих. Какой характер носила связь антифеминистских женских организаций с черносотенными — вопрос еще не исследованный. Но очевидно, что женщины были мобилизованы национально-патриотическим движением, как дополнительная социальная группа охранительного толка.

Антифеминистские женские организации позаимствовали у черносотенных организаций национал-патриотическую идеологию, аккумулирующую в себя ценности патриархального русского быта. В основе их взглядов лежала идея о заданной Богом разделенности полов и, соответственно, ролей.

Цель Союза русских женщин была определена как «объединение всех русских женщин всех сословий и состояний на почве общественной и экономической жизни». То, что деятельность Союза строилась на основании программы Русского собрания и Союза русского народа, прямо прописано в его уставе.

Члены Союза русских женщин были призваны отстаивать официальную концепцию положения женщины в обществе, содействовать подъему русского народного самосознания в первую очередь через утверждение роли женщины в семье, где она призвана «поддерживать русский дух подрастающих поколений, прежде всего среди собственных детей»[500], делать семью опорой православия и престола. Деятельность женщин вне сферы семьи и служения престолу признавалась противоестественной. Идеи женского равноправия — вредными.

Управление организацией осуществлялось Советом и Общим собранием. Структура Союза была жесткой. Все отделения подчинялись Главному совету и не могли предпринимать никакой деятельности его без разрешения. Совет находился в Петербурге. Общее собрание по уставу собиралось только раз в год.

Социальную базу Союза русских женщин составляли преимущественно дворянки чиновничьего и военного происхождения среднего и ниже среднего достатка — статские советницы, коллежские асессорши, полковницы, подполковницы, капитанши и есаульши. В организацию также входили женщины полупривилегированных городских сословий: купчихи и мещанки, было и несколько аристократок. Членский годовой взнос в 50 коп. говорит сам за себя. Все члены организации имели «особый знак в виде брелка»[501].

Мотивация включения в антифеминистское движение представляется самой общей. Феминизм рассматривался участницами организации как угроза их образу жизни, а их собственные организационные усилия — как защита своего жизненного стиля и культурного статуса[502]. Возможно, те категории женщин, которые составили социальную базу этого направления в женском движении, были уязвимы к изменениям, происходившим в обществе, и пытались найти себе защиту в традиционной семье[503].

Рекрутирование в Союз проходило по экстенсивному типу, в организацию принимались представители обоих полов всех сословий и состояний. Мужчины могли занимать позицию членов-сотрудников с совещательным голосом. Особо в Уставе был оговорен запрет на членство для женщин «иудей-

ского вероисповедания» и «иудейского происхождения». Таким образом, в идеологии и практиках переплетались и реализовывались антифеминистские и националистические идеи.

Деятельность организации реализовывалась через благотворительность, как уже институционализировавшуюся форму женской активности в публичной сфере. Так, Союз содержал лазарет для раненных, который позднее стал Убежищем для увечных воинов. Все направления культурной, образовательной деятельности строились на идее достижения «истинной русскости», поддержания чистоты русской нации, утверждения ценностей русского образа жизни, русских традиций, обычаев и т. д. Например, проводились художественные конкурсы русской женской одежды, устраивались «Боярские посиделки», обсуждались идеи развития кустарных ремесел среди русских крестьянок[504].

Абсолютизация и даже фетишизация традиционных социальных ролей женщин, обычаев русской семьи с традиционным распределением в ней ролей и власти, формировало идеологию вторичности женщины и как следствие, привело к вторичности женщин в собственной организации. Все руководящие посты в организации в статусе членов-сотрудников занимали мужчины. Они же вели все финансовые дела.

О женской группе Союза русского народа известно меньше. Известно, что помимо столиц, «женские кружки Союза русского народа» существовали в Харькове, Киеве[505]. По косвенным данным известно, что существовали отделения и в малых провинциальных городах. Возможно, деятельность помещиков — членов монархических организаций способствовала появлению отделений Союза в провинции[506]. Женская прогрессивная партия обсуждала на своем общем собрании в 1908 году меры борьбы с деятельностью групп Союза русского народа в провинции, агитирующих против женского равноправия. Было принято решение создавать отделения Женской прогрессивной партии в провинциальных городах[507].

Е. А. Полубояринова, член Союза русского народа, издательница газеты «Русское знамя», 1909–1912 гг.

Идеология сопротивления социальным инновациям в отношении женщин привела участниц этих охранительных организаций к проведению протестных акций по поводу деятельности женских организаций наступательного характера. Например, женская группа Союза русского народа обратилась с прошением к градоначальнику Петербурга не давать разрешение на проведение Первого Всероссийского женского съезда, собирала подписи под петицией с требованием не предоставлять женщинам равные права с мужчинами[508], протестовала против названия женского съезда 1908 года Всероссийским, т. к. считала, что он не представляет женщин страны, что «настоящих, нормальных женщин на этом съезде нет», т. к. «женщина России должна хлопотать только о расширении лишь одного пра-

ва — права сделаться женою, матерью, хозяйкой[509]. В 1909 году в женской прессе промелькнуло сообщение о деятельности в Симферополе некоторых женских организаций, противодействующих пропаганде идей женского равноправия[510]. Клевета в адрес политически активных женщин, запугивание населения тем, что женские права ведут к разрушению христианского мира, были апробированными методами работы.

Деятельность антифеминистских женских организаций может быть описана в терминах контрдвижения, т. е. движения противоположного по ценностям и тождественного по предмету или направленности.

Контрдвижение определяется как «совокупность мнений или представлений, имеющих противоположную движению направленность»[511] или как повторяющееся взаимодействие между властями и личностями, действующими в рамках организационной структуры от имени определенной социальной группы, с целью консервации существующего порядка и сопротивления социальным преобразованиям. Контрдвижение, являясь реакцией на общественное движение, носит вторичный характер и в определенной степени служит подтверждением значимости и результативности собственно самого «основного» движения.

Деятельность антифеминистских женских организаций носила противоречивый характер — они декларировали свое неучастие в политике, как несовместимое с высоким идеалом русской женщины, но на деле так же как и феминистские организации способствовали втягиванию женщин в политику. Это заметили и феминистки: «Черносотенные организации хотя и вопят против расширения женских прав, однако устраивают <...> "союз русских женщин", выбирают в свои президиумы женщин, втягивают их в агитацию, словом, считаются с ними, как с гражданками»[512].

Роль этих организаций в противодействии женскому движению в достижении его целей представляется незначительной. В определенной степени охранительные женские организации даже стимулировали деятельность женских организаций наступательного характера.

Деятельность тех и других развивалась в рамках одного сектора общественных движений.

2.4. Коллективные действия

Женские организации, имеющие общую цель, составили отрасль движения. Они были принципиальными союзниками и конкурентами одновременно. Балансируя между интересами собственных организаций и интересами движения в целом, они достигали возможности действовать коллективно. К разряду коллективных действий общедвиженческого масштаба относятся три Всероссийских женских съезда, манифестация женщин 19 марта 1917 года, создание общенациональной организации — Всероссийского женского совета.

Первый Всероссийский женский съезд. 10–16 декабря 1908 года

Наш съезд — это перекличка сил.
А. Тыркова

Инициатором и организатором съезда выступило Русское женское взаимно-благотворительное общество. Интересен тот факт, что все общероссийские женские съезды прошли в период спада политического протеста, когда правительство жестко контролировало любую общественную инициативу, хотя первая попытка проведения Всероссийского женского съезда относится к лету 1905 года[513], т. е. на гребне волны массовой мобилизации. Но в 1905 году устроительницы сами отказались от проведения съезда после того, как петербургский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов потребовал в дополнение к разрешению Министерства внутренних дел предварительной цензуры всех докладов. Равноправки расценили эти требования как неприемлемые.

Отсутствие иностранных делегаток на съезде было непременным требованием властей во всех выданных разрешениях. Меньше всего правительство хотело иметь в стране женское движение, интегрированное в международное. Поэтому его политика в отношении российского женского движения строилась на блокировании его международной деятельности.

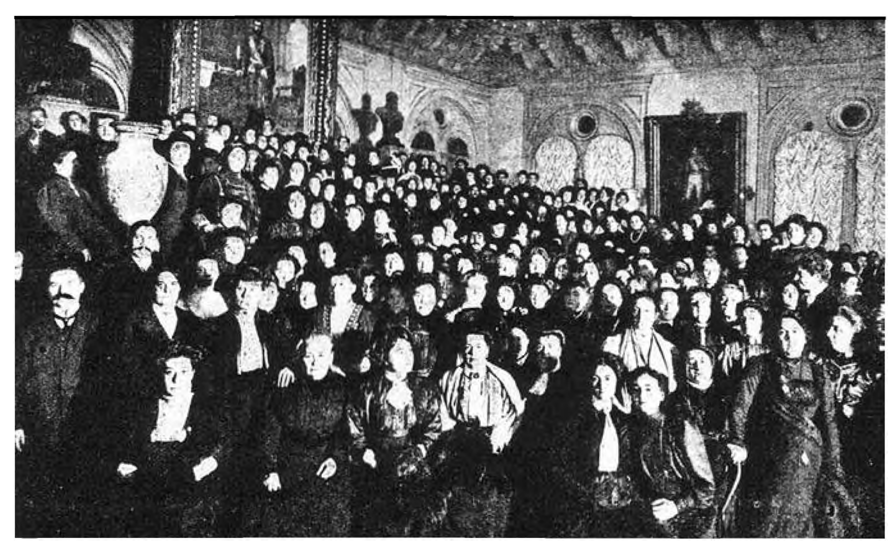
Факт проведения знаковых, общероссийского масштаба мероприятий женского движения на спаде волны массового протеста, когда общественность пребывала в разочаровании, можно объяснить тем, что после революционных потрясений власть не видела в женской активности особой опасности, тем более что ходатайство о разрешении женского съезда кочевало по правительственным кабинетам с 1902 года — первой даты подачи прошения.

С другой стороны, этот факт объясняется осознанными и целенаправленными действиями русских равноправок, которые воспринимали процесс модернизации и демократизации российской жизни как процесс длительный, эволюционный, в который постоянно и неуклонно, на каждом этапе, нужно вписывать женскую составляющую или, как бы мы сказали сегодня, формировать гендерный аспект гражданского статуса. Агентами этих преобразующих действий должны были быть сами женщины. В такой постановке проблемы равноправкам помогал солидный теоретический багаж и опыт постепенных шагов и конкретных действий, которыми они овладели и которые объективно и постепенно меняли содержание общественной жизни. Так, одна из деятельниц Лиги равноправия С. А. Тюрберт считала, что женское движение развивает современную демократию, а условия российской действительности ставят перед женским движением особые задачи — «служение общей для всего общества цели»[514]. Она прямо писала, что неразвитость форм демократической жизни требует от женского движения не только усилий по реализа-

ции целей самого женского движения, но и реализации общедемократических целей и задач, т. е. по развитию демократических институтов, активизации населения. Отсюда и такие мероприятия, которые развивали, по выражению Тюрберт, «демократию участия», которая в свою очередь появляется только тогда, когда появляется «свободная и разносторонне развитая индивидуальность», «политически сознательная личность», «человек социальный» вне его половой принадлежности.

А. В. Тыркова развивала идею необходимости формирования гражданского статуса женщин — «только там, где все женщины участвуют в жизни страны, создается свободная жизнь»; идею демократизирующей роли женского движения — «русская женщина, двигая дело своего освобождения, в то же время помогает и всему освобождению России», «нам необходимо преодолеть трудности гражданского бесправия», «необходимо сознательное, свободное содружество свободных женщин, без которых современная демократия, может быть, не была бы защищена»[515].

По мнению С. Г. Айвазовой, вопрос на съезде ставился не только о правах женщин как составляющей части прав человека, но более широко — об участии женщин-гражданок в процессе демократизации страны и их гражданской (социальной) ответственности за судьбу своей страны[516]. Или, другими словами, в ситуации модернизации страны женщины призывались к деятельности в роли активных агентов преобразования не только в сфере гендерных отношений (формирование гражданского статуса женщин), но и общества в целом. Съезд в лице участниц женского и феминистского движений призвал их к этой деятельности через работу в женских организациях.



Первый Всероссийский женский съезд

Все три общероссийских женских съезда решали эту задачу. Тем самым женское движение поддерживало и развивало традиции молодой российской демократии в период спада политического протеста и оказалось, по выражению С. Г. Айвазовой, оплотом демократии, потому как женское движение — и признак, и составная часть процесса демократизации[517].

Уже в период отката волны политического протеста и мобилизации охранительных сил — в марте 1908 года А. Н. Шабанова добилась разрешения на проведение съезда. На сей раз устроительницам запрещалось обсуждать тему политических прав женщин и вопрос о создании единой национальной организации. По личному ходатайству А. П. Философовой обсуждение последнего вопроса было разрешено. Именно Философова была инициатором идеи присоединения российского женского движения к Международному женскому совету (International Council of Women), что могло произойти только после создания общероссийской женской организации.

Цель съезда была и очень конкретной — организационное сплочение женского движения, определение его дальнейших задач, тактики и стратегии, и в то же время глобальной — единение женщин вне рамок социальных классов, т. е. формирование коллективной женской идентичности, определение связующих женщин уз — «для нас, женщин, имеется общая платформа, на которой мы можем объединиться все, без различия направлений и партий» (А. С. Милюкова)[518], «для женщин нет классов, они все в одном классе, все бесправные» (Е. Б. Бердичевская, М. А. Чехова, А. А. Кальманович)[519].

Вся подготовка к съезду была осуществлена организационной комиссией, в которую входили преимущественно члены Вз.-Бл. общества, но были пригла-

Открытка, изданная Российской Лигой равноправия женщин в память I Всероссийского женского съезда. 1908 г.

шены и активистки других женских организаций — Е. В. Авилова, М. Н. Бубнова, М. Е. Бландова, Е. И. Давыдова, Н. П. Долгова, О. Г. Базанкур, А. И. Зачинская, А. А. Кальманович, О. Н. Клирикова, А. С. Милюкова, Л. Н. Николаенко, М. И. Покровская, П. П. Радушина, Л. Н. фон Рутцен, С. А. Тюрберт, М. И. Хортик, Е. А. Чебышева-Дмитриева, М. А. Чехова, Е. Н. Щепкина, А. Н. Пешкова-Толиверова. Председательницей комиссии была А. Н. Шабанова, вице-председательницами А. Н. Философова и О. А. Шапир, секретарями А. Е. Познанская, В. А. Добрякова, В. А. Волькенштейн и В. К. Воронец, казначеями Е. И. Мышлаевская и Е. Р. Пфейлицер-Франк. Позднее, по мере необходимости были созданы распорядительная комиссия (председательница А. П. Философова), редакционная (председательница О. А. Шапир), юридическая (председательница А. В. Тыркова), а также справочное бюро и бюро печати.

Пропагандистская кампания проводилась тотально: приглашения были разосланы всем женским организациям, женским учебным заведениям, во все фракции Государственной Думы, общественные организации, партии, национальные объединения, в редакции газет и журналов. Заблаговременно печатались и распространялись программа, тезисы докладов и правила проведения съезда. Были арендованы городские представительские учреждения.

Устроительницы добились своей цели — съезд стал событием в общественной жизни страны. В партиях обсуждали отношение к женскому движению и феминизму, активизировались внутрипартийные женские силы. Съезд собрал весь цвет женской политической элиты. Эсеров представляла легендарная М. Спиридонова и О. А. Волькенштейн. Кадетки (О. Н. Клирикова, А. С. Милюкова, Н. Мирович (З. С. Иванова), А. В. Тыркова, С. И. и Л. Н. фон Рутцен) деятельно участвовали в подготовке съезда, предоставив Вз.-Бл. обществу ресурсы своей организации — помещение Санкт-Петербургского женского клуба. А. В. Тыркова — член ЦК партии кадетов возглавляла юридическую комиссию. Петербургский комитет РСДРП санкционировал участие на съезде группы работниц, которые были подготовлены А. М. Коллонтай без его согласия и решения. От себя Петербургский комитет послал В. Слуцкую, которая по «принципиальным причинам» на съезд не явилась.

10 декабря 1908 года состоялось торжественное открытие съезда в Александровском зале Петербургской городской думы. На съезде присутствовало 1053 делегатки. Членский взнос составлял 5 руб. Все делегатки получили членские билеты и за небольшую плату могли приобрести значок «Равные права — равные обязанности».

Основная тема съезда была заявлена на церемонии открытия. В своем выступлении А. П. Философова заявила: — «может быть от нас не далеко то время, когда мы войдем равноправными членами не только в эту Думу <...> но и в Думу Государственную»[520]. Эту же тему продолжили в своей речи другие выступающие. А. Н. Шабанова предложила съезду решить две задачи: содействовать объединению женщин в одном стремлении — в завоевании прав и представить картину их деятельности в экономической, общественной, про-

светительской и научной сферах. Хотя, добавила она, избирательное право не конечная цель, а средство для участия женщин на равных правах в работе на пользу страны и человечества. Также она прочертила путь к равноправию женщин — «единственным средством для того, что бы женщина сделалась реальной силой в общественной и государственной жизни, должно служить организованное женское движение <...> Средством для ее достижения должно служить объединение сил в форме организаций женских обществ, клубов, союзов, специальных отделов, имеющих сношение между собой <...> Цементом для объединения <...> должны служить женские съезды»[521]. Как на величайшую опасность Шабанова указала на партийные разногласия. Она утверждала, что равноправие — общая цель для всех женщин, каких бы убеждений они ни придерживались, какую веру бы ни исповедовали, к каким бы классам ни принадлежали. «Женское движение не должно быть ни буржуазным, ни пролетарским, — оно одноидейно для всех женщин»[522], — провозгласила она. Профессор Л. И. Петражицкий развил тему равноправия в докладе «Законы развития права и правовое положение женщин».

Выступающие, затрагивая тему женского юридического равноправия, балансировали на грани дозволенного и, можно сказать, рисковали сорвать торжественную часть, так как на съезде присутствовали представители полиции, следившие за выполнением предписаний Министерства внутренних дел.

В соблюдении принципа демократизма слово на открытии съезда было предоставлено представительнице партии кадетов А. В. Тырковой и представительнице от группы работниц — работнице В. И. Волковой. Таким образом, на съезде сразу же отчетливо определились три политические силы: феминистки, кадеты и социал-демократы. Каждая из этих структурно организованных сил имела свои цели и виды на съезд и между ними развернулась борьба. Кадеты стремились усилить свое влияние на женское движение и использовать его ресурсы. Социал-демократы имели цель опорочить российский феминизм как буржуазное движение и воспрепятствовать его дальнейшему развитию, с тем чтобы не допустить влияния на «женский резерв пролетариата». Сами феминистки планировали решать организационные, политические и идеологические проблемы своего движения.

Работа съезда велась в четырех секциях:

1 секция: Деятельность женщин России на различных поприщах.

2 секция: Экономическое положение женщин и вопросы этики в семье и обществе.

3 секция: Политическое и гражданское положение женщины.

4 секция: Женское образование в России и за границей.

На съезде звучали и отчеты с мест, и теоретические доклады, и пропагандистские речи.

Кадетки избрали тактику пропагандистской кампании. Представитель кадетской партии А. Н. фон Рутцен в докладе «Законодательные предположения партии народной свободы в области равноправия» утверждал, что

все законодательные инициативы партии кадетов пронизывает принцип равноправия по признаку пола, и все законодательные инициативы в отношении женщин в трех Государственных Думах — результат деятельности к.-д. партии. Доклад вызвал бурные прения и трезвую оценку феминисток в лице А. А. Кальманович: «Кадеткам кажется, что можно наш съезд использовать в интересах партии, и вот мы их видим на съезде, мы имеем целый кадетский день. Это их дипломатия...»[523]. Прокадетский Санкт-Петербургский женский клуб в развитии «своей дипломатии», дал прием для провинциальных депутаток, на котором П. Н. Милюков принес свои извинения за недооценку им в недавнем прошлом проблемы женского равноправия, но был встречен «весьма неприветливо»[524].

Так называемая группа работниц, или рабочая группа, возглавляемая А. Коллонтай избрала агрессивно-наступательную тактику, направленную на размежевание с буржуазками, а по сути дела на срыв съезда. Группа насчитывала около 45 человек. Изначально в ее состав вошли: А. М. Коллонтай, Е. А. Кувшинская, М. В. Сабинина, З. Л. Шадурская, З. П. Кржижановская, А. Я. Гуревич, работницы-делегатки от заводов и профсоюзов — К. Николаева, М. Бурко, В. Волкова, А. Семенова, Савельева и другие. Уже на съезде к группе присоединилась Е. Д. Кускова со своими соратницами. Группа работниц не была группой единомышленниц в полном смысле слова. Их объединяла общемарксистская платформа, в трактовке «женского вопроса» они расходились. Поэтому группу постоянно сотрясали внутренние разногласия. Часть группы допускала возможность блока с феминистками по «общим вопросам», к которым они относили и вопрос женских избирательных прав. А. М. Коллонтай, в свою очередь, категорически отметала возможность какой-либо коалиции. У нее была другая цель и не женские проблемы составляли суть ее интересов.

Для начала Коллонтай потребовала избрания в качестве вторых вице-председательниц членов своей группы. Сказывался опыт партийной борьбы. Съезд пошел на уступку, хотя правила этого не предусматривали. В «политической» 3-й секции второй вице-председательницей стала А. Я. Гуревич.

По каждому вопросу группа выдвигала собственную резолюцию, что подавалось как особая позиция пролетарок. Это была попытка провести демаркационную линию между буржуазками и пролетарками. Но противостояния не получалась. С одной стороны, демократически настроенное съездовское большинство поддерживало инициативы рабочей группы, как в случае в резолюцией по докладу С. Г. Бередникова «Об участии женщин в местном самоуправлении». Докладчик призвал внести в резолюцию съезда требование наделения женщин, владеющих необходимым имущественным цензом, избирательными правами в земских органах самоуправления наряду с мужчинами. Е. А. Кувшинская от имени группы работниц призвала к изменению принципа выборов в земские органы на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для всех лиц, достигших совершеннолетия. Секция приняла поправку.

С другой стороны, группа выдвигала требования, которые сама не могла реализовать. При обсуждении вопроса о положении крестьянки представительница группы работниц А. А. Дроздова предложила отложить принятие резолюции до обсуждения аграрного вопроса. Возражения, что аграрный вопрос не входит в компетенцию съезда и рассматриваться не будет, воздействия не возымели. Коллонтай заявила, что их группа видит прямую связь между аграрным вопросом и положением крестьянки. Секция общим голосованием отложила принятие резолюции до следующего заседания, поручив социал-демократкам представить свое видение аграрного вопроса и свою резолюцию по нему. Петербургский комитет РСДРП торжествовал победу. Но обнаружилось, что группа не в состоянии выполнить взятые на себя обязательства — ни единых представлений, ни резолюции по аграрному вопросу у группы не было и представить они ее не смогли.

Марксистское понимание «женского вопроса» и женского движения прозвучало в докладах А. М. Коллонтай и Е. А. Кувшинской.

Коллонтай — идеолог социал-демократов в «женском вопросе», провела в своем докладе жесткую классовую позицию: «Женский мир, как и мир мужской разделен на два лагеря: один по своим целям, стремлениям и интересам примыкает к классам буржуазным, другой тесно связан с пролетариатом, освободительные стремления которого охватывают также и решение женского вопроса во всей его полноте. И цели, и интересы, и средства борьбы различны у той и другой категории борющихся за свое освобождение женщин. Цель феминисток — возможно лучше устроить женщин <...> определенной социальной категории в современном эксплуататорском мире. <...> Цель пролетарок — заменить старое антагонистическое классовое общество новым светлым храмом труда и братской солидарности»[525].

Доклад Коллонтай, так же как и доклад кадета А. Н. Рутцена, носил агитационный характер в пользу своей партии. Ярко описанные ужасы капиталистической эксплуатации она отнесла к сфере ответственности феминисток: «Фабричный ад с его грохотом и лязгом машин, с его носящимися в воздухе облаками пыли, с его атмосферой, пропитанной тяжелыми, невыносимыми запахами, с грубыми окриками мастеров и оскорбительными для женщины предложениями фабричной администрации, с обысками и штрафами <...> И в этом заключается хваленая свобода труда для женщины, о которой столько хлопочут феминистки? <...> Что сделали они, чтобы избавить женщину рабочего класса от непосильного бремени труда?»[526] Хотя с большим основанием эти слова она могла адресовать Ф. Энгельсу, утверждавшему в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», что «первой предпосылкой освобождения женщин является возвращение всего женского пола к общественному производству» и вслед за ним всем марксистам, которые прокладывали путь освобождения женщины через ее участие в общественном производстве. Феминистки в докладе Коллонтай представлялись небольшой группой женщин, к которым почему-то предъявлялись требова-

ния по экономическому и законодательному переустройству страны. Многие обвинения Коллонтай были не только голословны, но и несправедливы и провокационны. В частности то, что феминистки не стремятся изменить законодательство (в том числе фабричное); в том, что проблемы работниц «мало встречают сочувствие в феминистских сферах» и т. д.

Представления Коллонтай о феминизме были политически ангажированы и базировались, похоже, на знании риторики, идеологии и практики западного феминизма, который она, сильно упрощая, вписывала в свою схему и идентифицировала с русским феминизмом. Хотя далеко не все феминистские группы Европы выступали за цензовое избирательное право. Были и такие, которые боролись за всеобщее избирательное право[527]. Но идея множественности социальных конфликтов была чужда Коллонтай. Как правоверная марксистка она абсолютизировала классовый конфликт. Ясность и логичность марксисткой картины мира увлекала ее и диктовала ей свою логику. Своим нежеланием видеть общедемократический характер русского феминизма она демонстрировала идейную верность своей партии.

Ее цель — не дать распространиться феминистскому влиянию в среде работниц, привела ее к политике запугивания работниц «эксплуатацией» их в движении «буржуазных феминисток»: «Пусть же не зовут в свои ряды буржуазные равноправки женщин рабочего класса, пусть не рассчитывают их руками завоевать себе те социальные блага, что сейчас являются достоянием одних лишь мужчин буржуазного класса»[528]. Она ориентировала работниц только на работу в социал-демократической партии: «Только оставаясь в рядах своего класса, только сражаясь за общерабочие идеалы и интересы, сможет женщина-работница защитить свои женские права и интересы»[529]. По мнению Коллонтай только организованный пролетариат способен вести борьбу за всеобщее избирательное право через свои пролетарские организации, и освобождение женщины придет только в результате его борьбы и с изменением социального строя. То, что требования всеобщего избирательного права выдвигали русские феминистки, т. е. женщины среднего класса, было для Коллонтай нарушением социальных законов, подкопом под марксистскую теорию.

В конце доклада Коллонтай предложила ровно то, за что ратовали и над чем работали русские феминистки — отменить все «подчинительные» для женщин законы, ввести всеобщее избирательное право, обеспечить охрану труда (в том числе прозвучала и излюбленная феминистками тема женской фабричной инспекции), охрану материнства и борьбу с проституцией. Если какие пункты в ее предложении и отсутствовали у феминисток, то это были требования второстепенного характера. Как, например, требование, чтобы управление фабричными детскими яслями находилось в руках самих матерей.

На вопрос, прозвучавший в конце ее доклада — «Под многими ли из этих требований подпишутся наши равноправки?», съезд своими резолюциями ответил, что под всеми. Но Коллонтай этого уже не слышала. Ее доклад был

зачитан на съезде работницей Волковой, т. к. ее саму разыскивала полиция, и она через Финляндию покинула Россию. В страну она вернулась уже только в 1917 году. Прений по ее докладу не было. Во-первых, читала его не автор. Во-вторых, участницам съездовских прений суть и цель идей Коллонтай была ясна. Ее шаблонные и политизированные представления о феминизме, отказ видеть сложность и многогранность женских проблем, специфику русского феминизма, попытки вбить его в прокрустово ложе марксистских представлений о феминизме, нашли отклик в докладах других участниц съезда. А. А. Кальманович остроумно ответила в своем докладе как самой Коллонтай, так и всем социал-демократам в ее лице: «Тактика женского движения не подходит под их шаблон. С.-д. нужно, как тому щедринскому городовому, чтобы их обыватели ходили в одну сторону — так начальству спокойнее, — но обыватель ходит по своему усмотрению, куда сам находит нужным»[530]. Так и русский феминизм — выдвигал требования, которые по классовой теории ему выдвигать не полагалось.

Доклад другой представительницы рабочей группы Е. А. Кувшинской также начинался с шельмования феминизма как явления буржуазного. В качестве примера отношения буржуазок к всеобщему избирательному праву Е. А. Кувшинская привела «поведение феминисток в Норвегии в 1907 году, ставших всецело на сторону цензового представительства». В то время как Клара Цеткин и другие совершенно справедливо показывают, «что в избирательном праве, ограниченным тем или другим цензом, имущие классы приобретают новую привилегию, с помощью которой усиливается их господство над бесправной частью населения»[531].

Кувшинская утверждала, что женское движение не может быть внеклассовым. Женские организации должны работать внутри своих классов и партий и не нужно пытаться охватить всю «разнородную толпу женщин».

Но затем она признала, что еще памятны моменты, когда в России «были заодно силы всех демократических партий» и сочла, что в вопросе о всеобщем избирательном праве с феминистками можно «отдельно идти, но быть вместе», и допустила возможность создания отдельных женских организаций в рабочем движении, продемонстрировав тем самым разногласия внутри группы работниц.

Феминистки отстаивали свою позицию — внесословность, внепартийность женского движения, единственный путь реализации которого проходил через деятельность женских организаций. «Необходимо помнить, что кроме профессиональных и классовых интересов у женщин есть еще и общеженские задачи», — высказала общее мнение А. С. Милюкова[532].

Критика партий постоянно звучала на съезде, особенно острой она была в докладе А. А. Кальманович «Женское движение и отношение партий к нему». Кальманович анализировала ситуацию в другой парадигме — парадигме феминисткой критики. Критике подверглись либералы, в программу которых «женское равноправие вставлено эстетики ради», и консерваторы,

но особенно пристрастно была проанализирована деятельность социал-демократов. «Мне скажут: а Штутгардская резолюция? <...> И Штутгардская резолюция подтверждает мои слова. Иначе непонятно ее появление. Ведь социал-демократическая партия существует не со Штутгардского конгресса, и в программе ее всегда значилось равноправие женщин. Зачем же понадобилась эта резолюция: «Социал-демократические партии всех стран обязаны энергично бороться за введение всеобщего женского избирательного права»? Значит до этого они не считали себя обязанными? <...> Можно смело сказать, что эта резолюция принята под влиянием так называемого буржуазного женского движения, с одной стороны, и из боязни чтобы какая-нибудь другая партия их не опередила и тем не отвлекла бы значительное число членов, хотя бы и женщин, — с другой»[533]. «Я надеюсь убедить женщин, что им не следует ждать свободы от мужчины, как бы он ни назывался: либерал, консерватор или социал-демократ. <...> Что мне в имени твоем? Не в названии дело, а в той власти, которую мужчины присвоили себе и которую они так ревностно охраняют»[534].

А. А. Кальманович была отнюдь не голословна. Ее доклад базировался на анкетном опросе видных деятельниц европейской социал-демократии — К. Цеткин (Германия), М. Пельтье (Франция), Д. Монтефиор (Англия); и анализе немецкой, венгерской, итальянской социалистической прессы в отношении женского равноправия. В итоге она пришла к неутешительным выводам — «хорошие законы не доказывают, что и нравы хороши <...> главная причина враждебности партий (социал-демократических. — *И. Ю.*) к феминизму та, что партия состоит из рабочих. Только среди интеллигенции женщина может надеяться на некоторую справедливость, для рабочего она только самка и служанка». Другими словами, она обнаружила и подняла проблему патриархатных взглядов членов социал-демократических партий, которые мешали им реализовывать собственные постановления в отношении женщин и вели к неприятию женской политической активности. «Я не объявляю похода ни против мужчин вообще, ни против социал-демократов в частности. Еще меньше против теории последних. Я только против того, чтобы мы, женщины, ждали свободы от них. Все прошлое человечества не оправдывает таких ожиданий ни по отношению к женщине, ни по отношению к угнетенным вообще»[535], — завершила она свое выступление. Ее вывод и одновременно призыв заключался в том, что «женское движение внепартийно. <...> женщинам не следует надеяться ни на одну партию. Им нужно организовываться самим: всем женщинам всех классов <...> Только тогда станут считаться с их волей»[536].

В итоге третья секция приняла резолюцию о существовании двух взглядов на тактику женского движения и о правомерности обеих тактик — деятельность в рамках общедемократических организаций и специфических женских. Важно одно — подчеркивалось в резолюции — вести работу неустанно, постоянно и настойчиво.

По замыслу А. М. Коллонтай, группа работниц должна была демонстративно покинуть съезд. Но проблема заключалась в нахождении повода к этому демаршу. По распоряжению ЦК профсоюзов группа могла покинуть съезд только в случае, если будет нарушена свобода агитации; по распоряжению ПК РСДРП — в случае, если съезд не поддержит резолюций работниц. Ни того ни другого не происходило. Е. А. Кувшинская предложила уйти, если съезд санкционирует создание Всероссийской женской организации. Но большинство группы склонялось, что этот повод недостаточен.

16 декабря, в последний день работы съезда, на общесекционном заседании А. П. Философова выступила с докладом «Значение Международного женского совета и национальных женских советов». Она напомнила съезду, что первая попытка включиться в международное феминистское движение относится к 1899 году, когда русские женщины получили приглашение участвовать в Международном женском конгрессе в Лондоне. С тех пор, несмотря на все усилия, так и не удалось создать общенациональную женскую организацию. Правительство всеми силами противилось этому. А. П. Философова обосновала необходимость создания единой всероссийской женской организации тем, что она будет координирующим органом, и позволит присоединиться к Международному женскому совету (International Council of Women), т. е. структурно интегрироваться в международное женское феминистское движение. Она предложила принять устав Всероссийского женского совета, который теперь, в новой ситуации, правительство, возможно, утвердит. Прения по ее докладу были бурные. Активно участвовали М. В. Сабинина, А. С. Милюкова, Е. Д. Кускова, Е. А. Кувшинская. Одни утверждали невозможность объединения, другие стояли за проект Философовой. Работницы внесли заявление: «Единая общественно-политическая организация, охватывающая женщин, враждебных друг другу экономических слоев невозможна и вредна для развития женского пролетарского движения. Всестороннее освобождение женщины требует уничтожения основ современного капиталистического строя, что возможно лишь в связи с классовой пролетарской борьбой»[537]. Большинство признавало необходимость создания центрального информационного органа.

У А. П. Философовой не хватило политического опыта противостоять леворадикальным силам, стремившихся затормозить развитие феминистского движения. Она не смогла удержать ситуацию в своих руках — Съезд пошел на компромисс. Устав заслушали, но не обсудили и не приняли. Проголосовали только за «желательность образования Всероссийского женского совета». И хотя А. П. Философова уходила с трибуны под аплодисменты зала, свою задачу она не выполнила. Русский феминизм в ближайшие годы не мог присоединиться к международному движению. Парадоксальным образом цели правительства и социал-демократов совпали.

Главным результатом съезда было принятие резолюции об избирательных правах женщин. На 3-й секции было заслушано два проекта этой резолюции. Одна резолюция требовала немедленной реформы российских за-

конов с точки зрения равенства полов и предоставления всем женщинам равных избирательных прав во все органы власти вплоть до Государственной Думы (предложена Н. Мирович (З. С. Ивановой). Другая резолюция, выдвинутая группой работниц, требовала того же — добиваться закона о всеобщем, равном, прямом, тайном избирательном праве без различия пола, вероисповедания, национальности. Но в этом проекте резолюции утверждалось, что женщины должны бороться за данный закон лишь в союзе с «сознательными группами», то есть в составе рабочих организаций. Присутствующий на съезде пристав запретил прения по предложенным проектам.

Н. Мирович (З. С. Иванова)

Выработка единой версии главной резолюции происходила в редакционном бюро, в которое от работниц вошли Е. Д Кускова и А. Я. Гуревич. Так как полиция запретила обсуждение проектов, то редакционное бюро, сохраняя суть и дух резолюций, объединило их по своему усмотрению. В итоге, в общесъездовскую резолюцию вошло требование «всеобщего избирательного права без различия пола, вероисповедания и национальности», с предложением работать во имя осуществления этой цели в существующих женских организациях и создавать новые. Е. Д Кускова и А. Я. Гуревич признали резолюцию незаконной, выразили протест и покинули Бюро.

По оглашению резолюции на общем заседании в последний день съезда начались бурные дебаты. Группа работниц не признала эту не обсужденную резолюцию и потребовала поставить на голосование свою. Е. Д. Кускова предложила более жесткий вариант: раз нельзя обсудить проекты резолюции, то не принимать никакой резолюции. Но председательствующая на заключительном заседании А. В. Тыркова, обладающая немалым опытом партийной борьбы, проявила политическую волю и жестко повела заседание. Пользуясь правом председательницы, она предложила либо голосовать за резолюцию Бюро, либо не голосовать вовсе в силу «формальных обстоятельств», при этом высказалась в том смысле, что отсутствие резолюции перечеркнет всю работу съезда и снизит его значимость. Съезд, подчиняясь воле Тырковой, проголосовал. Большинство высказалось «за», 6 человек были «против», 30 «воздержалось».

Резолюция гласила, что работа Первого Всероссийского женского съезда, посильно осветившая как политические и гражданские запросы, так и экономические нужды современной русской женщины, привела съезд к глу-

бокому убеждению, что удовлетворение этих запросов возможно лишь при равноправном с остальными гражданами участии женщин не только в культурной работе, но и в политическом строительстве страны, доступ к которому откроется только при установлении демократического строя, на основе всеобщего избирательного права без различия пола, вероисповедания и национальности. Резолюция призывала соотечественниц отдать свою энергию, активность уже существующим женским организациям и создавать новые женские союзы, которые вовлекут широкие круги женщин в сознательную политическую и общественную жизнь.

Работницы наконец получили повод покинуть съезд. В их отсутствие были приняты все остальные резолюции, в том числе и предложенные ими. Были приняты резолюции: о желательности создания Всероссийского женского совета, о реформе земского и городского самоуправления и женского представительства в них, о праве женщин на высшее образование, о правах женщин-юристок, о правах женщин-врачей, об изменении законодательства по поводу служебных ограничений по признаку пола, о брачной реформе и увеличения поводов к расторжению брака, о предоставлении женщинам всех гражданских прав (права на отдельный вид на жительство, на выдачу векселей, право заключать договор личного найма и т. д.), о правах внебрачных детей, о пересмотре наследного права, об изменении положения русской крестьянки, об улучшении положения еврейской женщины, о введении женской фабричной инспекции, об охране труда работниц (8 часовой рабочий день, запрет на ночные, подземные и сверхурочные работы), об охране материнства (предоставление дородового и послеродового отпусков, перерывов на кормление, устройство детских яслей), об охране детства, о введении обязательного страхования, о борьбе с алкоголизмом, о борьбе с проституцией, об организации государственного дошкольного воспитания, о всеобщем бесплатном образовании детей до 14 лет, о совместном образовании девочек и мальчиков, о профессиональном образовании для взрослых женщин.

Помимо чисто практических проблем на съезде были подняты и теоретические проблемы. Далеко не все в пылу политических и партийных баталий услышали их.

Основным требованием, которое поддерживало подавляющее большинство участниц съезда, было требование признать женщину в той же степени полноценным и полноправным субъектом, каким в то время являлся мужчина. Женщины добивались своего гражданского статуса, и эта установка звучала повсеместно. А. Н. Шабанова озвучила ее следующим образом: «Права не могут составлять привилегии только одной половины населения, в то время как другая половина признается неправоспособной <...> основной принцип общего учения о социальной справедливости состоит в том, что нормы права должны быть одинаковы для всех <...> поэтому съезд должен стать первой попыткой самостоятельной организации женщин, выступающих не для борьбы с мужчиной, а для защиты своих прав». Эта была позиция феминизма равенства.

Для сторонниц этого направления интересы женского движения, феминизма и общие задачи демократического развития страны полностью совпадали. Развитие движения им виделось в распространении на женщин ценностей и норм демократии и этого, по их мнению, было достаточно. Поэтому многие сторонницы данного направления считали женское движение преходящим феноменом, который исчезнет за ненадобностью сразу после получения женщинами равных с мужчинами прав. Так считала и Шабанова.

Но была еще и другая позиция, которая обозначило еще одно направление в российском феминизме — феминизм отличия. Сторонницы этого направления сомневались в достаточности одного института права для реализации поставленной цели. Достижение гражданского равноправия было для них, по выражению О. А. Шапир, только первым и принципиальным шагом, но отнюдь не решением проблемы. Сторонницы этого направления подчеркивали особенности женской субъективности. Эти идеи была изложены в докладах С. К. Исполатовой «Самосознание женщины как фактор обновления общественного строя», О. Н. Клириковой «Женская культура», А. Н. Чеботаревской «Женщина настоящего и будущего», О. А. Шапир «Идеалы будущего», М. М. Янчевской «Женщина у Вейнингера». Так, О. Н. Клирикова утверждала, что смысл женского движения заключается в развитии специфического женского, в освобождении творческого женского элемента. О. А. Шапир провозгласила идею «равенства при различии», которое только и сможет действительно обеспечить независимость женщин: «Равенство при различии не только может вполне удовлетворить чувство справедливости, но именно оно-то и должно дать впервые полноту и гармонию в проявлениях двуликой человеческой души»[538]. Она обратилась к теме развития личности женщин и определила цель женского движения как поддержание женщин в их стремлении быть «самими собою» и развивать «собственные индивидуальные возможности». И вот только тогда, в слиянии «двух различающихся психик в дружном строительстве жизни, впервые создается *то общее, что должно стать нашим идеалом*» (курсив Шапир)[539]. В такой постановке проблемы женское движение представало как явление непреходящее, практически постоянное.

А. Н. Чеботаревская

Эти идеи выдвинули русский феминизм на передние рубежи теоретической феминистской мысли своего времени и продемонстрировали его высокоинтеллектуальный и в силу этого элитарный характер. Перевод этих идей в политическую плоскость начался практически сразу. Уже в публикациях — откликах на съезд шло осмысление этих сложных идей. Тыркова, развивая идею построения общества, в котором женщины и мужчины были бы разными и равноценными его членами, писала о необходимости «выработки нового женского характера», т. е. о новой женской идентичности. «Чтобы это стало возможным, — писала она, — нужно готовить общественные условия

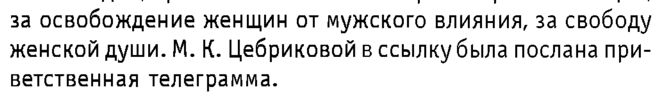
и психологию (мужчин и женщин. — *И. Ю.*)»[540]. Милюкова считала, что для этого нужно шире распространять идею, что у женщин кроме профессиональных и классовых интересов есть еще и общеженские задачи. Предлагала работать над их пониманием в женских клубах, союзах и обществах[541].

Судя по оценкам прессы[542], подавляющее большинство на съезде составляли женщины среднего класса. Отсутствовали представительницы высшего круга, очень мало было делегаток из низших сословий. Были представлены все регионы страны, хотя съездовское большинство составляли петербурженки.

На съезде был проведен анкетный опрос, но поскольку он был предпринят перед самым закрытием съезда, то возвратились лишь 243 анкеты. Тем не менее они дают представление об участницах съезда. Средний возраст — свыше 30 лет (3/4). Замужние и вдовы — 2/3. Среднее и высшее образование имели 84 % женщин. Из них высшее — 29 % (71 человек), гимназическое — 51 % (123 человек), домашнее — 7 % (18 человек), звание домашней учительницы имели — 4 % (9 человек), другое профессиональное образование — 3 % (6 человек), ниже среднего — 6 % (15 человек). 53 % (128) женщин имели профессию. Из них: 49 человек были педагогами, 33 — врачами и сестрами милосердия, 14 — служащими, 18 — занимались литературной работой, 6 — трудились в науке и на художественном поприще, 4 — в сельском хозяйстве, 4 были работницами. Были представлены данные о мужьях: среди них было 29 медиков, 21 чиновник, 20 инженеров, 14 педагогов, 13 адвокатов, 8 служащих.

Таким образом, коллективный портрет российской равноправки представляет нам образованную женщину среднего возраста (по меркам того времени), имеющую семью, высшее или среднее образование, и работающую в общественной сфере.

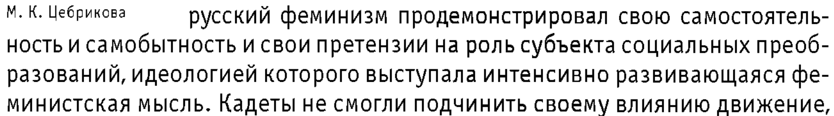
Съезд закрылся в торжественной обстановке в здании Петербургской городской думы. На банкете в ресторане Контана его участницы, поднимая бокалы с минеральной водой, провозглашали тосты за равноправие женщин,



за освобождение женщин от мужского влияния, за свободу женской души. М. К. Цебриковой в ссылку была послана приветственная телеграмма.

М. К. Цебрикова

Съезд презентовал на политической арене новую жизнеспособную, демократическую силу, сплачивающуюся под идеями феминизма. Может быть не достаточно еще идейно консолидированную, в большей степени разделяющую общедемократические идеалы и идеологию и только осваивающую феминистскую. Но, несмотря на все партийные интриги, русский феминизм продемонстрировал свою самостоятельность и самобытность и свои претензии на роль субъекта социальных преоб-



разований, идеологией которого выступала интенсивно развивающаяся феминистская мысль. Кадеты не смогли подчинить своему влиянию движение,

явно тяготеющему к социалистическим идеалам, а социал-демократы, в свою очередь, оттолкнули многих из своих идейных союзниц в рядах равноправок. Лозунгами движения стали: «Женщины вне демократии обречены на неполноценное существование» и «Женщина должна сама проложить себе путь к свободе, не надеясь ни на какие партии». Реализация решений съезда возлагалась на учредителей — Русское женское взаимно-благотворительное общество.

Резонанс съезда был огромный. Через свою прессу на него откликнулись все политические силы — официальные «СПб ведомости», правые «Русское знамя» и «Новое время», октябристский «Голос Москвы», кадетские «Речь» и «Русские ведомости», социал-демократический «Социал-демократ».

Реакция политиков, прессы, общественности была самая разная — от восторженных откликов до уничижительных. Лидер черносотенцев, депутат Государственной Думы от Бессарабской губернии В. М. Пуришкевич послал письма оскорбительного содержания А. П. Философовой, А. Н. Шабановой и М. И. Покровской как главным устроительницам съезда. Философова сочла оскорбление делом не личным, но политическим, а поведение «народного избранника» недостойным его статуса. Она подала в суд и выиграла дело. Судья Ю. М. Антоновский приговорил Пуришкевича к месяцу лишения свободы без права замены штрафом. И хотя бессарабский депутат, выхлопотав высочайшее помилование, наказания не отбывал, решение суда подтвердило вывод равноправок, что «общественное воззрение на женщину изменилось». Кроме того, это был знак высокой степени институционализации движения как проявленной социальной активности женщин.

Первый Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщинами. 21–25 апреля 1910 года

Организатором съезда выступило Российское общество защиты женщин — благотворительная организация, аболиционистской направленности, созданная в 1900 году в ходе подготовки к Всемирному конгрессу по вопросу торга женщинами. Эта организация была создана под высочайшим покровительством, и его почетными председательницами были принцессы Евгения Ольденбургская и Елена Саксен-Ольденбургская. По своим уставным целям Общество должно было «предохранять девушек и женщин от опасности быть вовлеченными в разврат и возвращение уже падших женщин к честной жизни». Благотворительные женские и феминистские организации рассматривались Обществом защиты как союзнические организации, и с которыми оно вступило «в соглашение для достижения общих целей».

В подтверждение этого соглашения в Распорядительный комитет съезда в качестве вице-председательниц были избраны известные лидеры феминистского движения — А. П. Философова, А. Н. Шабанова, В. П. Тарновская; секретарем съезда стала М. И. Покровская. Многие известные активистки

женского и феминистского движения приняли участие в работе съезда — Е. В. Авилова (Вз.-Благ. общество), М. Е. Бландова, Е. И. Гарднер (Лига равноправия), О. Г. Закута (Лига равноправия), А. А. Кальманович (Вз.-Благ. общество, Лига равноправия), П. Н. Шишкина-Явейн, Е. А. Кладищева (Моск. отд. Лиги равноправия), А. С. Милюкова (СПб женский клуб), С. И. фон Рутцен (СПб женский клуб), А. В. Тыркова (СПб женский клуб), Н. Мирович (1-й Московский женский клуб), А. С. Забелло (Союз польских женщин), С. Н. Вособойникова, О. В. фон Кубе, С. В. Панина (Общество охранения прав женщин), М. Л. Вахтина (Клуб женской прогрессивной партии), Р. Л. Депп, 3. С. Самойлова (Женская прогрессивная партия) и другие. Впервые в движенческой акции участвовали представители власти. На съезде присутствовали ответственные лица Министерства внутренних дел, иностранных дел, юстиции, торговли и промышленности.

Целью съезда являлось рассмотрение проституции как «явления экономического, социального и этического», определение ее причин и мер по ее ликвидации.

В отношении к проституции в российском обществе существовало две взаимоисключающие позиции и две политики — политика государственной регламентации и аболиционизм. Известный петербургский социолог И. А. Голосенко очень четко определил суть каждого направления. Аболиционисты были сторонниками социологического объяснения проституции, а регламентисты генетико-антропологического[543]. Феминистское крыло аболиционистов, кроме того, переводило проблему проституции в плоскость прав человека, рассматривая регламентацию как правовую дискриминацию. Покровская прямо называла регламентацию разновидностью гражданской смерти.

Российский аболиционизм собрал в свои ряды немало крупных исследователей — врачей, юристов, философов, писателей — Д. Д. Ахшарумова, Б. И. Бентовина, А. И. Елистратова, Е. С. Дрентельн, Д. Жбанкова, И. И. Канкарович, П. Н. Обозненко, М. И. Покровскую и других. Они считали, что регламентация проституции, деятельность Врачебно-полицейского комитета усиливает общий социальный гнет, дискриминирует женщин из «невладеющих общественных групп», и не только не препятствует росту проституции, но даже способствует ее развитию. Выход из положения они видели в нравственном возрождении народа, расширении образования и гражданских прав женщины, воспитании подрастающего поколения в духе уважения к женщине, организации «справедливого рынка труда».

Позиция феминисток актуализировала тему неравенства женщин в применении к проституции, развивала идею сексуальной эксплуатации женщин. Феминистки рассматривали феномен проституции как увеличительное стекло, сквозь которое хорошо видна ситуация с положением прав женщин. «Проституция — самое яркое отражение современного положения женщин», — утверждала Покровская[544]. Они требовали установления «равности прав и ответственности» проституток и их клиентов, в частности в вопросе медицин-

ского освидетельствования. Медицинское освидетельствование посетителей публичных домов рассматривалась как уравнивающая проституток и потребителей проституции мера, которая по мысли феминисток, будет препятствовать развитию проституции. Та мысль, что мужчина-потребитель проституции является разносчиком венерических заболеваний не в меньшей степени, чем проститутка, была воспринята на съезде. В качестве дополнительных мер воздействия на потребителей проституции, равноправки предлагали называть посетителей публичных домов «проститутами» и ввести административные меры наказания. Другая идея, выдвигаемая феминистками, та, что единая «половая мораль», единые нормы поведения для мужчин и женщин в сексуальной сфере подорвут корни проституции. А реальное искоренение проституции возможно только в том случае, если к единым «половым нормам» добавится и «полное равенство женщин и мужчин во всем остальном».

Съезд стал яркой феминистской акцией. Накануне съезда феминистские организации провели в Соляном городке открытые публичные чтения по проблеме проституции. Сказался приобретенный опыт политической борьбы по продвижению своей позиции. С докладами выступили М. Е. Бландова, М. Л. Вахтина, М. Н. Непорожная, М. И. Покровская, П. Н. Шишкина-Явейн, д-р Фриче, О. Ю. Каминская.

По свидетельству Покровской 2/3 участников съезда составили женщины, на основании чего она сделала выводы самого саркастического свойства о причинах столь низкой популярности съезда у мужчин.

Представительницы женских организаций на съезде сплотились под флагом аболиционизма и феминистской трактовки проблемы проституции и составили организованную оппозицию так называемым регламентистам. В своих выступлениях феминистки требовали закрытия домов терпимости, безоговорочной отмены регламентации проституции, указывали на влияние экономического фактора, способствующего развитию проституции. Они поставили вопрос об ответственности мужчины — потребителя проституции и о грехе мужчины-христианина. Таким образом, ответственность за грех проституции был снят с женских плеч и перенесен на мужские.

Шабанова от имени всех женщин, «серьезно относящихся к борьбе с проституцией, к борьбе с социальным и экономическим злом», так объяснила общую позицию феминисток на съезде — «пока условия труда, заработная плата женщин будут низкими, проституция не исчезнет, предлагая заманчивое избавление от тяжелой жизни», средством решения проблемы является «только достижение равного голоса в выработке законов, права говорить о своих нуждах и возможность отстаивать справедливость своих требований»[545].

Эта феминистско-аболиционистская позиция задала на съезде тон, риторику и трактовку проблемы проституции, повлияла на собравшуюся публику и способствовала интериоризации этой позиции широкой российской общественностью. О покаянном отношении русской интеллигенции к проституткам много написано историками и литературоведами.

Регламентистов на съезде представлял Врачебно-полицейский комитет, который отстаивал противоположную точку зрения и требовал сохранения публичных домов и даже расширения их числа, мотивируя это возможностью держать под контролем инфекционные заболевания. Врачи, которые работали в Комитете, видели в проституции только проблему гигиены и считали, что отмена регламентации повлечет за собой распространение венерических заболеваний.

Съезд работал по 3 секциям:

1 секция. Причины проституции.

2 секция. Меры борьбы с проституцией.

3 секция. Законодательные предположения по борьбе с проституцией.

Причинами проституции 1 секция съезда определила бедность женщин, их невежество, юридическое бесправие, двойную мораль общества в отношении женщин. Корень проблемы проституции, по мнению участников секции, находился в «ужасном, бесправном положении женщины, которое неизмеримо хуже положения мужчины».

В качестве мер борьбы с проституцией выдвигались и общие требования — повышение экономического и культурного уровня трудящихся классов; и специфические, предлагаемые феминистским сообществом, — охрана женского и детского труда, государственное страхование, организация больничных и материнских касс для работниц, учреждение женской фабричной инспекции (распространение ее на все виды промышленного производства, сельское хозяйство и домашнее услужение), общедоступное бесплатное начальное образование, привлечение работниц к участию в профессиональных и культурных общественных организациях (и отмена ограничений на их деятельность).

На практике судьбой проституток занимались исключительно общественные организации. Работа эта была трудна, сложна, кропотлива, требовала знаний, опыта и в целом требовала другого отношения к личности проститутки.

По предложению А. В. Тырковой в резолюции 1 секции вошло еще одно феминистское требование — предоставить возможность женщинам участвовать в работе органов самоуправления и центральных законодательных учреждений как непременного условия изменения положения и труда женщин.

2 секция признала систему регламентации проституции архаичной, ставящей женщину в униженное и бесправное положение и не достигающей своей цели — защиту населения от венерических заболеваний.

В обстоятельных докладах А. С. Милюковой, С. В. Паниной, А. В. Арцимович перед собравшимися предстала деятельность женских организаций по работе с приезжающими в город деревенскими девушками и работницами как группами риска и с проститутками. Ситуация вовлечения в проституцию описывалась выступающими в терминах насилия над женщиной, ее дискриминации; а существование домов терпимости и регламентация — как защита государством корпоративного интереса мужчин и подрыва тем самым авторитета государственной власти. О корпоративности и круговой поруке муж-

чин в отношении сексуальной эксплуатации женщин особенно ярко говорила М. И. Покровская, утверждая, что мужчины во власти не заинтересованы в уничтожении эксплуатации женского тела, а напротив, они дают разрешения на открытие притонов, где под надзором полиции и докторов «мужчины могут убивать тело и душу женской молодежи».

А. С. Милюкова предложила создать Комиссию для организации культурно-просветительской работы по «половому и санитарно-гигиеническому воспитанию» среди различных групп населения, включая учащихся старших классов средних учебных заведений. Предложение вошло в резолюции секции.

Возражение со стороны московской работницы З. М. Ивановой, что работницы не будут участвовать в буржуазных женских организациях, вновь поставило на повестку дня вопрос о женской солидарности и шире — о женской идентичности, обнаружив в очередной раз теоретическую непроработанность проблемы. Доводы равноправок в защиту возможности «единения» женщин разных социальных классов представлялись неубедительными по сравнению с доводами классового подхода. Равноправки сами видели сильную классовую поляризацию российского общества и с трудом находили доказательства в подтверждение существования общих женских интересов и общей женской идентичности.

Корень проблемы лежал в разительной разнице образовательных уровней обеих сторон. Феминистские идеи звучали сложно, порой идеалистично на фоне простой и ясной классовой теории. Тактика феминисток на создание солидарности с работницами, формирование коллективной женской идентичности всегда выливалась в благотворительную деятельность. Диалога на равных не было. И в этот раз Кальманович в ответе Ивановой в очередной раз пыталась развить идею женской солидарности. Суть ее выступления сводилась к тому, что женщины средних классов объективно имеют больше возможностей для изменения социальной жизни. У работниц таких возможностей нет и потому им следует объединяться с женщинами средних классов для борьбы за свои права. Эта ситуация не вечна, утверждала Кальманович. Она будет развиваться так же как в западных странах, где «буржуазные женщины также организовывали работниц пока те не окрепли. Не нужно отказываться от протянутой руки и отвергать то, что предлагают за неимением другого — просветительных пролетарских организаций для женщин. До определенного этапа, сказала она, мы можем идти вместе, и кто знает, может быть и потом у нас найдутся общие задачи, тем более что арена нашей деятельности будет шире и понимание друг друга станет лучше. В заключение она прямо предложила Ивановой поискать обходных путей Штутгартской резолюции, которая запрещала социал-демократкам совместную деятельность с феминистками и сдерживала активность беспартийных работниц.

2 секция приняла резолюции о введении института фабричных инспектрис, организации разного рода обществ, поддерживающих молодых девушек, бирж женского труда, убежищ, общежитий и проведения осознанной

работы по изменению общественного мнения в отношении работающей женщины при помощи издания специального журнала. Все они были утверждены общим собранием.

3 секция, разрабатывающая административные и законодательные предложения и обращения к правительству, была самая многолюдная.

Здесь много говорилось об обуздании половой распущенности мужчин путем воспитания, общественного порицания и государственного контроля, требовали установить контроль за «половым поведением» мужчин, за всеми видами искусства, возбуждающими сексуальные инстинкты, предлагали ввести цензуру на кинопродукцию[546].

Эта секция единогласно приняла резолюции о закрытие домов терпимости и всякого рода притонов, создание системы учреждений и обществ поддержания падших женщин, о законодательной охране женщин от посягательств работодателя и нанимателя, о борьбе с порнографией, об административной ответственности должностных лиц, виновных в бездействии при осуществлении актов купли-продажи женщин; о введении административных мер к потребителю проституции, об уголовной ответственности лиц, вступающих в сексуальные отношения с девушками, не достигших 16-летнего возраста. На общем заключительном заседании этот возрастной ценз был поднят до 17 лет.

Здесь приняли резолюцию, призывающую Российское общество защиты женщин ходатайствовать перед правительством о развитии закона «О мерах по пресечению торга женщинами» от 25 декабря 1909 года. В закон предлагали ввести уголовное наказание за посредничество (сводничество) и притоносодержание.

Но резолюция, предложенная Клубом женской прогрессивной партии, Вз.-Благ. обществом и Лигой равноправия женщин с требованием ходатайствовать перед правительством и законодательными учреждениями о немедленной отмене регламентации проституции и ликвидации врачебно-полицейского надзора по причинам его «санитарно-профилактической неэффективности, деятельности, способствующей закрепощению женщин в проституции и ее росту, деморализации населения, унижению и оскорблению человеческого достоинства женщин», вызвало противодействие со стороны приверженцев регламентации проституции. Регламентисты настаивали на реформировании деятельности Врачебно-полицейского комитета и не более. Поддержка резолюции Московским отделением Лиги равноправия, Московским женским клубом, Обществом охранения прав женщин, Союзом польских женщин в Санкт-Петербурге, Обществом взаимопомощи женщин-врачей, Тифлисским религиозно-философским обществом решила дело. Резолюция об отмене регламентации проституции вошла в решения съезда.

Покровская высоко оценила этот шаг женских организаций. Она расценила его как акт женской солидарности. «Русские женщины еще не умеют солидарно отстаивать свои требования, — писала она. — Между нами еще

существует большая рознь. На этот раз солидарность победила»[547]. Женщины выступили в защиту «своих обездоленных сестер». Они вписали «светлую страницу в историю женского движения»[548].

Решения съезда послужили основой для дальнейших коллективных действий женских организаций по борьбе с проституцией и нарушениями прав женщин. В 1913 году женская общественность подняла вопрос о необходимости нового закона по борьбе с торгом женщинами. Разработкой закона, в основу которого были положены наработки съезда о введении уголовной ответственности за притоносодержание и сводничество, занимался известный юрист А. И. Елистратов. К решению проблем проституции был привлечен товарищ председателя партии кадетов, член Государственной Думы, земский деятель и врач А. И. Шингарев[549], который затем активно сотрудничал с феминистскими и аболиционистскими организациями по проблеме проституции, представлял инициативы этих организаций в Государственной Думе.

Но «триумф аболиционистов на русской культурной арене оказался не окончательным, традиция регламентации отчасти реформировалась, подверглась ревизии, и в итоге окреп, возникший несколько ранее неорегламентаризм <...> последний, учитывая убедительность критики аболиционистов, стремился сочетать усилия государственных структур и инициативы гражданского общества по борьбе с проституцией»[550]. На деле неорегламентаризм оставил в силе все недостатки старой системы, которая была демонтирована уже после Февральской революции. В советское время аболиционизм стал частью официальной идеологии.

Первый Всероссийский съезд по образованию женщин. 26 декабря 1912 года — 4 января 1913 года

Инициатором и организатором этого съезда выступила Российская Лига равноправия женщин. В рабочую группу или в группу «сочувствующих лиц», как и в случае со съездом по торгу женщинами, вошли представители мужской интеллигенции. По свидетельству городского головы графа И. И. Толстого известно, что в комитет по устройству съезда вошел он как председатель, а также «из мужчин были В. И. Ковалевский, Левитин, академик Шахматов и другие»[551]. В работе съезда приняло участие немало мужчин — деятелей науки и образования — «Небольсин, проф. Покровский (Москва), Кареев, Новорусский, Бартошевич[552] и другие»[553]. Тот же И. И. Толстой был не только городским головой, но и известным археологом, почетным членом двух академий.

Несмотря на сомнения И. И. Толстого, что Министерство внутренних дел разрешит съезд, суфражистки (выражение Толстого) в лице П. Н. Шишкиной-Явейн, З. А. Вахарловской, О. М. Яновской получили разрешение, хотя и после года хлопот.

Цель съезда была заявлена глобально и обнаруживала феминистскую составляющую — выявление ситуации с образованием женщин как показа-

теля их равноправия. С одной стороны, образование рассматривалось учредительницами съезда как основа равноправия женщин, с другой — как показатель уровня развития общества. Съезд был призван выяснить проблемы в образовании женщин и определить пути их решения.

Организационно съезд повторил опыт Первого Всероссийского женского съезда. Его открытие также прошло в Александровском зале Петербургской городской думы, все мероприятия съезда проходили в престижных представительских учреждениях столицы (в Императорском техническом обществе, в зале Сельскохозяйственного музея в Соляном городке). Во время съезда работала Учебно-воспитательная и промышленная выставка, проводились экскурсии, делегатки обеспечивались бесплатным проживанием и дешевым питанием, были выпущены значки и делегатские членские билеты, издавался «Дневник съезда», доклады и стенограммы прений были изданы в виде 2-томных Трудов Первого Всероссийского съезда по образованию женщин.

На съезде присутствовало около 1000 делегатов, среди которых были представительницы женских учебных заведений, женских организаций, представители профессорско-преподавательского состава высших и средних учебных заведений, учительская общественность, известные политические деятели. В работе съезда приняли участие практически все известные феминистки: М. Л. Вахтина, Е. И. Гарднер, О. Г. Закута, А. А. Кальманович, А. В. Лучинская, Н. Мирович (З. С. Иванова), А. С. Милюкова, А. В. Тыркова, Е. А. Чебышева-Дмитриева, М. А. Чехова, А. Н. Шабанова, Е. Н. Щепкина и другие, а также деятельницы социал-демократической ориентации, вовлеченные в движение, — П. Ф. Куделли, Е. Д. Кускова, Е. А. Кувшинская.

Заседание Комитета по устройству съезда по образованию женщин. В центре сидят: председательница Лиги равноправия женщин П. Н. Шишкина-Явейн и городской голова граф И. И. Толстой

В повестке дня съезда переплелись проблемы профессиональной деятельности женщин в сфере образования (в образовании женщин, в народном образовании) и проблемы движения.

Работа велась в 8 секциях:

1. Высшее образование
2. Среднее образование
3. Начальное образование
4. Совместное образование
5. Внешкольное образование
6. Художественное образование
7. Сельскохозяйственное образование
8. Профессиональное образование.

Наиболее уязвимым местом женского образования была определена существующая практика раздельного образования. Делегатки съезда констатировали проблему маргинализации женского образования, особенно на уровне высшего образования. Съезд пришел к выводу, что пока «женский университет» отделен от «мужского» и развитие науки идет только в мужском университете, то женщины реально отделены от научной деятельности и поэтому проблема равноправия женщин в образовании не решена. Съезд рекомендовал развивать научную деятельность в высшей женской школе.

То, что съезд был акцией феминистского движения, подтверждает вплетение проблем движения даже в узкопрофессиональные темы. Наряду с обсуждением образовательных программ, обеспечивающих выравнивание курсов

Прием в доме Явейнов. Четвертый слева в первом ряду Г. Ю. Явейн, вторая справа — П. Н. Шишкина-Явейн

и женских и мужских учебных заведений, делегатки обсудили такие проблемы, как введение в образование женщин вне зависимости от их специализации юридического всеобуча с целью повышения правосознания женщин, обсуждались проблемы дискриминация женщин в профессиональной деятельности. Так, на примере 35-летней деятельности женщин-врачей были рассмотрены формы их дискриминации: запрет на занятие женщинами высших должностей в больничных и педагогических медицинских учреждениях, запрет на деятельность в области судебной экспертизы, запрет на профессуру.

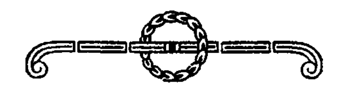
Съезд оценил отсутствие равного государственного обеспечения женских и мужских средних и низших учебных заведений как препятствие к реальному равноправию полов; рассмотрел проблемы преемственности программ школ разных ступеней и типов; проблему подготовки квалифицированных преподавательских кадров; прав выпускников школ всех уровней и многие другие. По работе каждой секции были приняты резолюции.

4 января 1913 года состоялось заключительное заседание съезда. Несмотря на присутствие полиции и заявление пристава, что он не допустит продолжения заседания после 24.00 часов, съезд принял все свои резолюции, несмотря на их «рискованность в политическом и социальном смысле»[554] и завершился овацией устроительницам.

Эстафета проведения Второго съезда по образованию женщин передавалась Московскому отделению Лиги и планировалась на зиму 1914–1915 года.

Общественное мнение отреагировало на съезд положительно. «Все газеты заняты женским съездом, причем из больших газет, кажется одно "Новое время" относится к нему враждебно и злобно. Для меня это показатель в пользу съезда», — записал в своем дневнике городской голова[555]. Женская активность, инновационное поведение женщин в социальной сфере стали признанной частью общественной жизни.

За поддержку инициативы Лиги равноправия и работу на съезде граф И. И. Толстой был награжден равноправками памятным знаком: «Около 9 час. ко мне пришли представительницы Лиги равноправия женщин в лице самой Шишкиной-Явейн, Ярошенко и еще члена Совета, которые любезно поднесли мне золотой жетон в память I Съезда по образованию женщин. Жалели о том, что на меня свалилась нелегкая должность городского головы»[556].



§ 3. ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ. 1914–1918

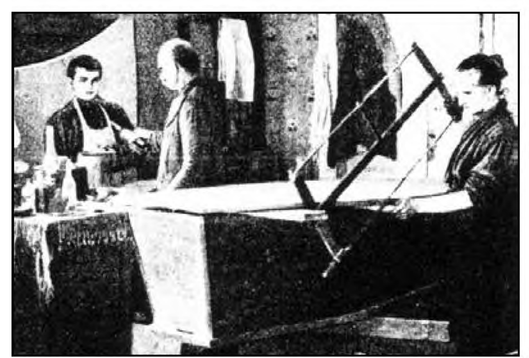
3.1. Макроуровень. Первая мировая война. Февральская революция

Английская исследовательница Л. Эдмондсон отметила, что начало 1914 года принесло в столицы бурные митинги на феминистские темы. Но это феминистское возрождение, по ее мнению, пришло слишком поздно. Первая мировая война отвлекла феминисток от кампании за избирательные права и сделала актуальными другие направления работы[557]. Р. Стайтс писал, что война вызвала новую волну интереса к феминизму и женские общества росли как грибы[558].

Действительно, оживление деятельности феминисток было налицо. Только Лига равноправия в 1915 году насчитывала около 50 отделений по стране, с общей численностью порядка 10 тыс. членов; Министерство внутренних дел разрешило проведение Всероссийского женского съезда в Москве 27–29 декабря 1915 года, который равноправки сами отложили; в 1916 году были образованы новые женские организации: Женский экономический союз,

Толпа на Дворцовой площади в ожидании манифеста о вступлении России в Первую мировую войну. Фото 20 июля 1914 г.

Пильщицы дров


Женщина-гробовщик за выделкой английского гроба

Женщина — трамвайный сигнальщик

Женщина-извозчик

Женщина-стрелочник

Заготовка бинтов

Женщины вместо мужчин.
Новые завоевания в области женского труда.
Из журналов «Огонек» и «Женщина и война»

Женский военно-патриотический союз добровольцев, в разных городах страны появились женские батальоны смерти. В мае 1917 года Лига равноправия создала Всероссийский республиканский союз демократических женских организаций. В эти военные годы было предпринято несколько энергичных попыток основать национальную женскую организацию — Всероссийский женский совет. В апреле 1916 года на московском совещании женских организаций было достигнуто соглашение делегаток Москвы, Петрограда, Киева, Харькова, Симферополя о создании всероссийской женской организации. 15 марта 1917 года после долгих бюрократических проволочек Министерство внутренних дел утвердило устав Всероссийского женского совета, который сразу начал действовать, а в октябре 1917 года присоединился к Международному женскому совету (International Council of Women).

Российские равноправки, как и феминистки других стран, поддержали свои правительства в войне, несмотря на то что считали миролюбие женской чертой и реализовывали эту идею в специальных миротворческих женских организациях. Например, в Женской Лиге мира (председательница А. Н. Шабанова). С одной стороны, их, как и большинство населения страны, в первые дни войны захлестнула волна патриотизма. С другой — служение Родине и работа на ее нужды было для них символическим вхождением в категорию граждан и рассматривалась как гражданская ответственность.

Деятельность женских организаций развернулась в сторону оказания помощи фронту. Настроения многих женщин было созвучно тому, что испытала командир женского батальона М. Бочкарева. «Моя страна позвала меня», — сказала она в интервью американскому журналисту Исааку Левину.

Е. П. Самсонова — женщина-авиатор и военный шофер

Рядовые женского батальона смерти у парикмахера

Вз.-Благ. общество, Лига равноправия женщин, Женская прогрессивная партия под руководством своих энергичных лидеров активно включились в работу. Подобный отклик война вызвала в женских организациях по всей стране. Киевское отделение Российского общества защиты женщин сообщало через «Женский вестник» о расширении своей деятельности в интересах малоимущих женщин, организаций убежищ для беженок и приютов для детей. Смета организации на 1916 год составила 49 650 руб.[559] Симферопольский женский клуб сообщал о таких формах работы, как создание «очага» для детей работающих женщин, о работе в госпиталях, о призрении семей фронтовиков, о пошиве белья для армии и т. д.[560]

В результате войны положение женщин в структуре общества сильно изменилось. Изменилась доля женщин в общественном производстве — женщины занимали мужские места в тяжелой промышленности, транспорте, телеграфном ведомстве. Был востребован труд женщин с высшим образованием — инженеров, врачей, агрономов, преподавателей. Женщины получили доступ к высшему университетскому образованию (1915 г.), который, впрочем, оказался временным. В деревне выросла роль крестьянки, т. к. вся ответственность за хозяйство легла на ее плечи.

В дискуссии о самозащите женщин, развернутой на страницах «Женского вестника», зазвучала мысль о важности сохранения этих позиций после войны. Но истинной самозащитой женщин, по мнению столичных феминисток, озвученного М. Л. Вахтиной и А. А. Кальманович, было получение равных избирательных прав. А. Антонова озвучила общие настроения той поры в «Женском вестнике»: «Старый мир, мир исключительно мужского господ-

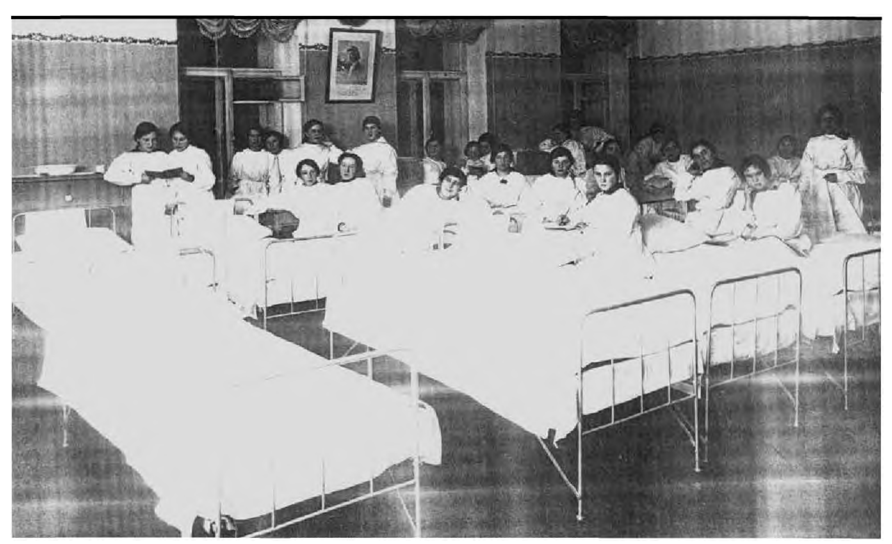
Чаепитие в лазарете Российской Лиги равноправия женщин

ства во всех областях жизни постепенно остается позади и человечество стоит уже на пороге нового мира, мира совместной деятельности мужчин и женщин на благо общего будущего»[561].

Несмотря на войну, проблема избирательных прав все так же стояла в повестке дня женских организаций. «Я решилась просить вас, как единомышленниц, — сказала Шабанова на заседании Вз.-Благ. общества 7 ноября 1914 года, собраться сегодня и поговорить о возможности слить наш женский вопрос, наши справедливые притязания с современной действительностью <...> Да, верно, русская женщина <...> проявляет себя как истинная гражданка, ее всюду приглашают, с ней всюду считаются потому, что теперь она нужна, — но ее держат все-таки в узде, под началом мужчин и, где можно принизить, не стесняются»[562].

В 1915–1916 годах требования политических прав женщин были актуализированы равноправками в отношении выборов в городские и земские самоуправления. Равноправки отслеживали законотворческую работу Государственной Думы. В частности обсуждение возобновленного в Думе законопроекта о волостном земстве. Теперь они требовали не только избирательных прав, что уже присутствовало в первом законопроекте, проваленном Государственным Советом, но права занимать в волостных земствах выборные должности. На очереди была реформа положения о городском самоуправлении и женские организации были начеку.

В 1915 году Вз.-Благ. общество разослало в столичные и губернские городские думы заявление с требованием предоставить женщинам право голоса в грядущих в феврале 1916 года выборах в городские думы, сопроводив его



Лазарет Российской Лиги равноправия женщин

внушительным отчетом о работе женских организаций в военное время. Другим решающим доводом был тот, что женщины платят подати наравне с мужчинами и соответствуют другим требованиям ценза[563].

В начале 1916 года Клуб Женской прогрессивной партии послал ходатайство в Государственную Думу и Министерство внутренних дел, в котором утверждалась необходимость предоставления женщинам избирательных прав в волостные земства и городские думы. Известно, что Симферопольский женский клуб выступил с заявлением, требуя участия в местных выборах. Надо полагать и другие провинциальные женские организации поддерживали это требование.

Вопрос об изменении городового положения обсуждался весной 1916 года в Совете министров и встретил полное понимание в вопросе предоставления прав женщинам. Но выборы в городские думы в феврале 1916 года прошли без женщин.

В дни выборов в Петрограде активистки женских организаций обходили в районах женщин, наделенных правом передачи голоса по имущественному цензу, и агитировали их участвовать в выборах. Этой цели был посвящен ряд митингов и собраний. Например, митинг 12 января 1916 года под председательством А. Н. Шабановой, или митинг 12 февраля 1916 года в Калашниковской бирже, на котором выступили А. В. Тыркова и С. В. Панина.

Петроградский женский клуб, Клуб Женской прогрессивной партии, Вз.-Благ. общество, Лига равноправия и Петроградское общество женщин-юристок обратились с общим воззванием к женщинам, имеющим избирательный ценз: «В силу устаревшего избирательного закона вы не можете голосовать лично, хотя вы и платите одинаковые с мужчинами налоги и подати. Но вам дано право передать свой голос ближайшим родственникам. Воспользуйтесь же этим правом в уверенности, что в недалеком будущем женщины будут участвовать на равных правах в городском самоуправлении. Выдавайте доверенности <...> и уполномочивайте их голосовать за кандидатов прогрессивных избирателей»[564].

Женские избирательные права опять стали постоянной темой политического дискурса и акций женских организаций. Так, 18 ноября 1916 года состоялось открытое для публики собрание Лиги равноправия женщин под названием «Чего ждет русская женщина?», в котором помимо ораторов-феминисток (М. Н. Маргулиес-Аитова, П. Н. Шишкина-Явейн), выступили известные политические деятели депутаты А. М. Александров, Ф. И. Родичев, А. И. Шингарев.

Женское избирательное право уже перестало восприниматься общественностью как радикальное новшество. Еще совсем недавно,

историк С. М. Соловьев назвал ее разрушительной инновацией, которая подорвет «основу цивилизации»[565], а профессор права А. Эсмен считал, что требование женских прав «противно инстинктивному чувству всего цивилизованного мира»[566]. К описываемому времени ситуация изменилась. Требования равноправок предоставить женщинам избирательные права в местное самоуправление и тем самым «влить свежую кровь в жилы политического организма»[567] разделялись городской думской общественностью и были услышаны законодателем. 21 февраля 1917 года комиссия Государственной Думы приняла решение об изменении «Положения о выборах гласных городских дум» и включении женщин в число избирателей[568].

Общественно-политический и экономический кризис, разразившийся в России во второй половине 1916 года, получил логическое завершение в начале 1917 года. Население страны, доведенное до отчаяния войной, не хотело больше мириться с развалом экономики, ростом цен, гибелью близких, неспособностью правительства навести порядок в стране. Повсеместно ширилось забастовочное движение, вспыхивали волнения крестьян и солдат. Власти лихорадочно искали выход из создавшегося положения. 23 февраля (8 марта) 1917 года в столице начались волнения, которые переросли в революцию. Волнения по общему признанию историков были вызваны продовольственными трудностями, равнодушием и произволом властей, «большую активность проявили женщины-работницы, с особой остротой переживающие невзгоды и жертвы войны»[569]. В этот день по Невскому проспекту к Петроградской городской думе прошла демонстрация с требованием хлеба и равноправия женщин, инициированная работницами Выборгской стороны. К колонне по мере ее продвижения присоединялись «уставшие от очередей женщины»[570]. Стоит заметить, что текстильщицы Выборгской стороны отметили день женской солидарности митингом и демонстрацией, нарушив тем самым рекомендацию Петроградского ЦК партии большевиков «воздержаться от самостоятельных действий»[571]. Уровень самосознания работниц к 1917 году реально вырос. В 1917 году женщины-работницы уже осознавали наличие своих специфических проблем как единой социальной группы. Для достижения своих целей они предпринимали самостоятельные действия и вышли из «тени великой борьбы пролетариата», где, по мнению Александры Коллонтай, должно было находиться женское рабочее движение.

26 февраля 1917 года император распустил Государственную думу. Депутаты образовали Временный исполнительный комитет Государственной думы во главе с М. В. Родзянко. 27 февраля радикальная оппозиция сформировала свой орган — Совет рабочих и солдатских депутатов. 2 марта было создано Временное правительство. Император Николай II отрекся от престола.

Перед Временным правительством встала задача чрезвычайной важности — переустройство России на демократических началах.

3.2. Мезоуровень. Введение всеобщего избирательного права. Манифестация женщин.

> **Первый день революции — женский день, день женского рабочего Интернационала. Слава женщине! Слава Интернационалу! <...> День женского Интернационала привел к революции, и революция останется верна этому дню...**
>
> *Правда. 2 марта 1917 г.*

На события февраля откликнулись все женские издания: «Гражданки, требуйте участия женщин в Учредительном собрании. Требуйте предоставления женщинам гражданских и политических прав. Требуйте равной оплаты женского труда с мужским. Требуйте охраны материнства и детства»[572].

Мария Покровская, приветствуя Февральскую революцию, поздравила всех со свободой и выразила свою обеспокоенность: «Неужели теперь, в этот торжественный <...> час, когда Россия стоит на пороге нового государственного строительства <...> русским женщинам придется тратить свои силы на борьбу за свои права, те силы, которые столь нужны теперь для созидательной работы? <...> Мы отказываемся верить, что в столь великую минуту старина опять возьмет верх <...> Русская женщина должна принять участие в Учредительном собрании, должна иметь равное с мужчиной право голоса в народном представительстве. В этом залог лучшего будущего России»[573].

3 марта учительницы и курсистки Петрограда обратились к Совету рабочих и солдатских депутатов с требованием признать политическое равноправие женщин, редакция «Женского вестника» послала заявление министру юстиции А. Ф. Керенскому. Московские курсистки также обратились к Керенскому, и он ответил им «полным согласием» с их требованиями на заседании Комитета общественных организаций. 4 марта женские организации столицы послали Временному правительству заявление с требованием политического равноправия женщин

Уже в первые дни после Февральской революции делегатки от Лиги равноправия женщин — самой крупной и разветвленной организации в 1917 году, неоднократно встречались с лидерами Совета рабочих и солдатских депутатов по вопросу избирательных прав женщин. Почему-то они игнорировали другую ветвь власти — Временное правительство. Возможно, это был результат усвоения марксистской идеи об особой революционности пролетариата. Но, как оказалось, Совет рабочих и солдатских депутатов был не готов на практике выполнить программные установки своей партии.

Отказ в немедленном (требование Лиги) предоставлении женщинам политических прав опять мотивировался пресловутым консерватизмом русской крестьянки или предлагался к решению на Учредительном собрании.

Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 года объявила задачи правительства и его главную цель — «немедленную подготовку к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны, выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений, устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам»[574]. Об отмене ограничений в пользовании гражданскими правами для женщин не было сказано ни слова.

«Когда речь заходит о правах, то под словом "всеобщее" мужчины подразумевают только самих себя», — прокомментировала ситуацию Мария Покровская[575].

Таким образом, первый акт Временного правительства, закладывающий основу избирательной системы России и содержание избирательных прав ее граждан, игнорировал женщин.

Подтверждались худшие прогнозы лидеров движения, предсказывавших, исходя из анализа опыта Западной Европы, что автоматического распространения политических прав на женщин не последует даже в момент кризиса государственности и формирования новых властных структур. Декларация Временного правительства послужила мобилизующим фактором для женских организаций, утвердила в понимании того, что «именно теперь, при создавшимся положении, Лига должна добиваться прав для русской женщины с еще большим напряжением энергии»[576].

Бесплатные курсы грамотности для взрослых женщин Всероссийской Лиги равноправия женщин. Октябрь 1917 г.

Организацией, которая в момент кризиса государственности сумела возглавить коллективные действия всего движения по достижению политических прав женщин, стала Лига равноправия женщин. Мобилизационная политика Лиги, ее пропагандистская деятельность создали те организационные возможности, которые сделали эту миссию успешной.

4 марта 1917 года, на следующий день после опубликования Декларации, Лига инициировала совместную, от нескольких женских организаций, резолюцию Временному правительству с требованием объявить «всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право без различия пола, вероисповедания и национальности».

В резолюции говорилось: «В торжественные дни великого народного освобождения, горячо переживая общую радость, Российская Лиза Равноправия Женщин, к глубокому своему изумлению не нашла в программе деятельности Временного Правительства упоминания об устранении несправедливостей старого строя, угнетавших целую половину населения России — русских женщин. Опасаясь, что всякие недомолвки могут повести к нежелательные толкованиям, Российская Лиза равноправия женщин требует:

1) Чтобы к словам: предложена немедленная подготовка Учредительного Собрания на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования (пункт 4 программы) было добавлено: и без различия пола, а к словам: отмена всех ограничений — сословных, вероисповедных и национальных (пункт 3) — и всех ограничений касательно женщин, ибо без этого не может быть полного обновления России»[577].

В ситуации изменившейся структуры политических возможностей произошел возврат к прежней демократической формулировке — требование бесцензового избирательного права для женщин, отступление от которой было вопросом тактики.

Резолюция была вручена лично министру-председателю князю Г. Е. Львову, а также всем министрам правительства, председателю IV Государственной Думы М. В. Родзянко, послана Исполкому Совета рабочих и солдатских депутатов.

На встрече делегации равноправок с князем Г. Е. Львовым, последовавшей за подачей резолюции, министр-председатель категорически отказался что-либо менять в программе, упирая на то, что Декларация уже стала достоянием гласности. Только после долгих и трудных переговоров он согласился поставить ее на повторное обсуждение правительства.

Другая ветвь российской власти — Совет рабочих депутатов и вовсе негативно отнесся к поставленной проблеме. 9 марта клуб Женской партии и общество женщин-юристок направили Совету в связи с этим протест.

Не теряя времени и темпа, Лига равноправия развила активную деятельность по мобилизации «женских масс». Тиражом в 35 тыс. было напечатано воззвание к женщинам с предложением объединиться «по районам и профессиям» «во имя борьбы за политическое освобождение женщины». Воз-

звание распространялось максимально широко. Мобилизация проводилась тотальная: в высших женских учебных заведениях, женских организациях, мастерских, на фабриках и заводах, среди прислуги и просто на улице. Особенно успешной формой работы в Петербурге были митинги, как собственные, так и проводимые в районных обывательских собраниях. В газетах печаталось расписание женских митингов:

«Женщины, настало время заявить о своих правах, идите на митинги: Среда 8 марта 7 час. вечера — Невский, 110, столовая Русского Женского Взаимно-Благотворительного Общества. Четверг 9 марта 6 час. вечера — В. О., 10 линия, Бестужевские курсы...»[578]

По воспоминаниям члена Лиги Ольги Закуты «успех митингов был очень велик, в некоторых местах приходилось в один и тот же вечер 3 раза освобождать зал от публики, чтобы дать возможность ожидавшим на улице послушать ораторов»[579].

В итоге вокруг Лиги объединилось около 90 женских организаций и групп, часть из которых были пролетарскими — «толпы женщин осаждали помещение Лиги от утра до поздней ночи. Беспрерывно происходили совещания разных групп женщин... Из провинции стали поступать телеграммы с выражением солидарности... В провинции отправлялся соответствующий материал с указанием плана деятельности, имеющаяся литература и т. д.»[580]. Таким образом, провинция поддержала инициативу Лиги через ее отделения.

В воскресенье 19 марта 1917 года в здании Петроградской городской думы состоялся городской женский митинг, а затем грандиозная манифестация женщин, около 40 тыс. по подсчетам прессы, проследовала к Государственной

Женская манифестация, организованная Всероссийской Лигой равноправия женщин. Петроград. 19 марта 1917 г.

Думе за получением ответа на поданную 4 марта резолюцию. Извещение о готовящейся женской акции было вручено всем министрам Временного правительства, председателю Государственной Думы, послано в Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов.

Колона шла под звуки «Марсельезы». Феминистские лозунги соседствовали с красными флагами — «Место женщины в Учредительном собрании!», «Избирательные права женщинам!», «Работницы требуют избирательных прав!», «Женщины-работницы требуют голоса в Учредительном собрании!», «Без участия женщин избирательное право не всеобщее!», «Свободная женщина в свободной России!», «Женщины, объединяйтесь!»[581].

Зинаида Гиппиус

«Весенний день, не оттепель — а радужное таяние снегов. Часа два сидели на открытом окне и смотрели на тысячные процессии. Сначала шли «женщины». Несметное количество; шествие невиданное (никогда в истории, думаю). Три, очень красиво ехали на конях. Вера Фигнер — в открытом автомобиле. Женская цепь вокруг», — из дневников Зинаиды Гиппиус[582].

Участница событий О. Закута так описывает шествие: «Впереди — женщины амазонки на лошадях для поддержания порядка и большое знамя «Российская Лига Равноправия Женщин» и 2 оркестра музыки. По средине шествия окруженный слушательницами Бестужевских курсов автомобиль, в котором была одна из крупнейших борцов за свободу России — Вера Николаевна Фигнер в сопровождении председательницы Совета Российской Лиги Равноправия Женщин П. Н. Шишкиной-Явейн. По пути шествия от Городск. Думы к Государств. Думе огромные толпы народа приветствовали манифестанток и В. Н. Фигнер, забрасывая ее цветами и выражая сочувствие женскому движению возгласами «да здравствует равноправие женщин». Наблюдение за порядком шествия, охрану спокойствия в городе в это время взяли на себя некоторые женские организации, создав отряды милиционерок»[583].

Состав участниц был представлен всеми городскими классами и группами женского населения — «фабричные работницы, женщины-врачи, больничные сиделки и писательницы, горничные и курсистки, телеграфистки и сестры милосердия»[584].

Стратегия рекрутирования среди женщин различных социальных классов, сословий и групп, «положений и состояний», которую российские равноправки проводили на протяжении всей свой деятельности, дала отдачу 19 марта 1917 года. На улицы Петрограда вышло более 40 тысяч женщин с требованием политических прав. Работницы поддержали эту феминистскую акцию.

Равноправки всегда уделяли особое внимание привлечению в движение работниц. Эта стратегия рекрутирования была определена собственно идеологией феминизма. Ее начали проводить еще на первом этапе движения в форме благотворительности. В той или иной степени, в силу своих организационных, технических и материальных возможностей, все без исключения женские организации создавали общее поле взаимодействия с «женщинами неимущих групп». Женская прогрессивная партия концентрировала свои усилия на защите прав проституток, Союз равноправия и Лига равноправия женщин взаимодействовали с работницами, которые откликались на идею женского равноправия. Третий делегатский съезд СРЖ (1906 г.) констатировал, что группы Союза возникают среди работниц «легко и быстро»[585]. Правда, последствия были не совсем те, какие виделись равноправкам. Как только группы работниц «сорганизовывались и объединялись на идее равноправия», как только пробуждалось их политическое сознание, так они уходили в партийную работу. Сказывалась деятельность социал-демократов, которые вслед за феминистками обратили свое внимание на пролетарок. Но тот же III делегатский съезд пришел к выводу, что «и в том и в другом случае деятельность Союза имела большое значение в смысле пробуждения к политической жизни инертных масс»[586].

В описываемый период Лига равноправия продолжала работу, основываясь на идее, что «движение «феминистское» и движение женщин-работниц если не совпадают, то, во всяком случае, у нас не противоположны», что «если не совместная, то параллельная борьба <...> возможна и необходима»[587], что вопросы, которые ставит феминистское движение, находятся в полном соответствии с интересами работниц, так как уже «непоколебимо признано, что женщина-работница имеет свои особые, чисто женские интересы»[588]. Деятельность либералок в рабочей среде, их тактика на повышение самосознания женщин-работниц, выражавшая в распространении грамоты и начальных знаний, в вовлечении их в политические мероприятия на близкие им темы[589], привели к выработке у работниц чувства ответственности за свою судьбу, усвоению ими практик доверия своему мнению, практик самостоятельного принятия решений. События 23 февраля 1917 года, когда работницы Петрограда в разрез с решением ЦК партии большевиков начали забастовку, празднуя *свой* женский день, может служить примером роста женского самосознания и политической воли в женской рабочей среде. Выработанная и усвоенная работницами солидарность послужила ресурсом как для рабочего движения, так и для феминистского. Именно работницы Петрограда придали массовость крупнейшей феминистской акции — манифестации с требованием политических прав для женщин 19 марта 1917 года.

Инициатор и координатор манифестации — Лига равноправия женщин, сумела провести массовую мобилизацию и объединить разрозненные группы, направив энергию протеста в конкретной политической ситуации в нуж-

В. Фигнер

П. Шишкина-Явейн

ном русле, используя популярные идеи и символы. Одним из символов революции для женщин-пролетарок была Вера Фигнер, принявшая приглашение председательницы Лиги П. Н. Шишкиной-Явейн возглавить шествие. Путь самой В. Н. Фигнер в социалистическом движении начинался с деятельности в женских организациях, поэтому ее участие в женской манифестации не было случайным. Кроме того, по свидетельству внучки П. Н. Шишкиной-Явейн — Н. И. Рощиной-Явейн, Фигнер и ее бабушка были давнишними приятельницами.

От имени манифестанток в здание Государственной Думы вошли В. Н. Фигнер и П. Н. Шишкина-Явейн. Они обратились к председателю Совета рабочих и солдатских депутатов Н. С. Чхеидзе и товарищу председателя М. И. Скобелеву с вопросом, как они относятся к избирательным правам женщин, объяснив, что этим вопросом интересуются те несколько тысяч женщин, которые ждут на улице. Чхеидзе и Скобелев заявили, что они должны посоветоваться в Исполнительном комитете. После продолжительного отсутствия к манифестанткам вышел М. И. Скобелев и от имени Совета заверил присутствующих в поддержке их устремлений.

Речь М. И. Скобелева не удовлетворила присутствующих. Они потребовали выхода к ним полномочных представителей власти — председателя Совета рабочих и солдатских депутатов Н. С. Чхеидзе и председателя Государственной Думы М. В. Родзянко. Чхеидзе отказался выйти.

После этого отношения власти и манифестанток перешли в стадию конфронтации. Демонстрантки заявили, что не уйдут до тех пор, пока не получат четкого ответа на вопрос, который так остро интересует миллионы русских женщин.

Н. С. Чхеидзе вышел. Шишкина-Явейн обратилась к нему с речью, в которой она в частности сказала: «Мы убеждены в своем неотъемлемом праве быть разными в новой свободной России, на создание которой мы отдали все, что могли. А между тем, в принципах, положенных а основу будущего правления, провозглашена отмена всех ограничений сословных, вероисповедных и национальных, но забыта отмена всех ограничений, касающихся женщин. Предложен созыв Учредительного Собрания на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, но забыли упомянуть одинаковое право для мужчин и женщин... И вот, помня заветы наших заграничных сестер, мы пришли сказать вам, что русская женщина требует к себе человеческих прав, ей, неотъемлемо как человеку принадлежащих, что Учредительное Собрание, на котором будет представлена только одна половина населения, никоим образом не может считаться выразителем воли всего народа, а только половины его»[590].

В ответной речи Чхеидзе заявил, что пролетариат не может допустить, чтобы женщины свободной России оставались бесправными рабами и будет бороться за женское равноправие. Речь его была встречена выкриками: «С кем? С кем еще надо бороться?». Затем появился М. В. Родзянко и все началось сначала: речь Шишкиной-Явейн — ответ Родзянко. На этот раз Шишкина-Явейн ультимативно сформулировала требования присутствующих: «Нам не надо благожелательных обещаний, довольно их! Нам нужен официальный и ясный ответ <...> Мы не уйдем отсюда, пока не получим ответа»[591]. М. В. Родзянко выразил свою поддержку и посоветовал обратиться к главе исполнительной власти министру-председателю князю Г. Е. Львову. Очередная депутация отправилась к Львову и получила ответ, что Временное правительство под всеобщим правом понимает и избирательные права женщин в том числе. Часть манифестанток в это время дебатировала внутри Таврического дворца с его посетителями и охраной. Взаимопонимания с матросами и солдатами не получалось.

А. С. Милюкова

На следующий день общее собрание Лиги равноправия женщин приняло резолюцию считать отныне русскую женщину полноправной и свободной гражданкой.

«Свободу еще придется создавать...» — пророчески отреагировала М. И. Покровская в своем журнале[592]. Создание свободы проходило через новые коллективные действия.

О. К. Нечаева

21 марта 1917 года делегация равноправок, в которую вошли А. М. Калмыкова, А. С. Милюкова, О. К. Нечаева, С. В. Панина, М. И. Покровская, А. Н. Рынкевич, А. В. Тыркова, В. Н. Фигнер, А. Н. Шабанова, П. Н. Шишкина-Явейн и представительницы московских организаций М. Н. Никольская и Е. В. Горовиц, вновь встретилась с министром-председателем. Князю Львову было передано заявление, в котором выражалась уверенность, что правительство признает права женщин на участие в выборах всех уровней, в том числе и в Учредительное собрание. Министр-председатель от имени правительства поблагодарил делегаток и подтвердил их требования.

26 марта 1917 года газеты вышли с сообщением, что Учредительное собрание будет созвано на началах всеобщего, без различия пола, прямого, равного и тайного голосования.

С. В. Панина

Весна 1917 года стала временем практической работы по проведению в жизнь идей о демократическом переустройстве общества. Одно из главных требований времени была ликвидация старой цензовой системы выбо-

ров в земские учреждения и городские думы и допуск к ним той части населения, которая была отстранена от них. Так, в органах местного самоуправления (земское и городское самоуправление) начались процессы демократизации — в них стали создаваться фракции по партийной, сословной, профессиональной принадлежности. Женщины искали свое место в этих процессах.

Московское отделение Лиги равноправия провело 5 апреля 1917 года экстренное собрание, на котором были обсуждены проект реорганизации Лиги, доклад для Комитета общественных организаций и для Совета рабочих депутатов и выбраны делегатки на делегатский съезд Лиги равноправия.

Московские курсистки 8 апреля 1917 года через «Русские ведомости» потребовали равных политических прав. 12 апреля петербургские медички последовали их примеру.

15 апреля 1917 года правительство приняло Постановление «О производстве выборов гласных городских дум, об участковых городских управлениях»[593], в котором объявляло об избирательных правах в городские думы всех граждан обоего пола, достигшим 20 лет, без различия национальности и вероисповедания. Гласные должны были быть избранными по пропорциональной системе до 1 января 1919 года. Первые в России женщины-гласные появились в апреле 1917 года в Вологодской думе. Это были две представительницы женского комитета[594].

27 апреля 1917 года Временное правительство через «Русские ведомости» сообщило, что выработаны и в самом ближайшем времени будут приняты и опубликованы «Постановление о волостном земстве» и «Положение о выборах в Учредительное собрание» на основе всеобщего, без различия пола, прямого, равного, тайного голосования[595]. 21 мая 1917 года правительство приняло «Положение о волостном земстве», которое вводило волостное земство во всех земских губерниях. На них перешли обязанности, исполняемые волостными правлениями.

Таким образом, весной 1917 года реализовывались возможности демократического развития России, полученные страной после падения монархии. Перед всем населением России открывались возможности участия в политической жизни.

Всероссийский делегатский женский съезд. 7–8 апреля 1917 года

Для выработки новой тактики в условиях признания за женщинами избирательного права, в Москве собрался делегатский съезд, созванный Лигой равноправия женщин, на который было делегировано 70 представительниц женских организаций. Среди организаторов — Е. Н. Щепкина, П. Н. Шишкина-Явейн, М. А. Чехова, М. К. Бурдакова, З. А Домашнева.

На съезде были подняты многие проблемы женского движения. С. А. Тюрберт говорила о предвыборной кампании. Шабад о целях Всероссийского республиканско-демократического женского союза. Е. В. Горовиц и Е. В. Выставкина — о поднятии самосознания широких женских масс. Меньшевичка А. Аксельрод о платформе, на которой была бы возможна совместная работа союза женских организаций и партии меньшевиков. Е. В. Выставкина ратовала за создание профессиональных женских союзов. М. А. Чехова призывала женские организации объединиться в республиканский союз демократических женских организаций и предлагала выработать новую тактику и определиться со стратегическими задачами. Е. Д. Кускова выразила беспокойство по поводу отсутствия декрета о предоставлении женщинам избирательных прав в Учредительное собрание.

Основные проблемы, стоящие перед движением, были сформулированы следующим образом:

Как получить юридические гарантии под декларированные избирательные права женщин?

Как организовать систему продвижения женщин во властные структуры?

Какие предпринять акции (т. е. коллективные действия) для решения названных проблем?

По первому вопросу докладывала М. А. Чехова — в прошлом бессменный ответственный секретарь Союза равноправия женщин, организатор Лиги равноправия женщин, редактор журнала «Союз женщин». Чехова предложила съезду принять резолюцию, по которой каждая женщина была *обязана* (курсив мой. — *И. Ю.*) принять «горячее участие» в выборах в местное самоуправление и Учредительное собрание[596]. Чехова предлагала женщинам два пути политической самореализации: в партийных структурах и в женских организациях.

Партийный путь в предлагаемой резолюции был прописан следующим образом: женщинам надлежало выяснить «свою политическую физиономию», вступить в соответствующую партию и создать в ней женскую группу. Внутрипартийные женские группы, таким образом, должны были появиться «во всех партиях и во всех городах» и объединиться «из политических соображений» в блоки с непартийными женскими организациями. Таким образом, по мысли М. А. Чеховой, будет создано взаимодействие партийных и беспартийных женщин, будет создана внепартийная коммуникативная сеть женщин, при помощи которой можно будет строить единую политику по продвижению женщин во вновь создаваемые властные структуры.

Всем женщинам — членам партий в резолюции предлагалось добиваться партийных решений по обязательному включению женщин в выборные партийные списки. Через женскую сеть Чехова предлагала согласовывать кандидатуры женщин-кандидатов в депутаты, стоящих в партийных списках, для обеспечения им поддержки со стороны широкой женской общественности. Резолюция Чеховой была «принята к сведению».

Съезд принял обращение к Временному правительству: «Ввиду отсутствия особого декрета о предоставлении женщинам избирательного права в Учредительное Собрание, что вызывает у многих в связи с этим нежелательные сомнения и тревоги, как это явствует из сообщений с мест, Всероссийский делегатский женский съезд постановляет обратиться к Временному правительству с заявлением о необходимости опубликования такового»[597].

Кроме того, на съезде были приняты резолюции о единении женских сил, о выработке к началу мая политической платформы, о созыве в мае 1917 года второго делегатского съезда[598], о вхождении представительниц женского движения в «Комиссию по выработке наказа представителей общественных организаций»[599].

В отношении Комиссии еще ничего не было точно известно, но вхождение в нее, как предполагали делегатки съезда, позволило бы участвовать в разработке избирательного закона в Учредительное собрание. Резолюция съезда оформила эти претензии — «в комиссию представителей общественных организаций <...> должны быть приглашены женщины»[600].

Как оказалось, эти меры предосторожности были не напрасными. «Особое совещание для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное Собрание» было созвано с целью обсуждения нового избирательного закона. Помимо юристов в него вошли «политические и общественные деятели главных политических течений страны»[601], среди которых, после обращения делегатского женского съезда, появились две представительницы от женского движения.

Результатом деятельности Особого совещания явилось «Официальное положение о выборах в Учредительное Собрание», утвержденное Временным правительством 20 июля 1917 года и вступившего в силу закона 11 сентября 1917 года.

В первом разделе первой главы «Общие положения» устанавливалось, что «Учредительное Собрание образуется из членов, избранных населением на основе всеобщего, без различия пола, и равного избирательного права, посредством прямых выборов и тайного голосования, с применением начала пропорционального представительства»[602]. Во второй главе «Об избирательных правах», в п. 3 было зафиксировано, что «Правом участия в выборах в Учредительное Собрание пользуются российские граждане обоего пола, коим ко дню выборов исполнится 20 лет»[603].

Инновационность российского избирательного закона заключалась в сведении к минимуму ограничений, принятых в других «конституционных» государствах. Так, избирательные права женщин к 1917 году были введены только в Австралии, в некоторых штатах Америки, в Дании, в Новой Зеландии, в Норвегии и Финляндии. На страницах либеральной прессы введение женского избирательного права в России оценивались как инновация, которую «можно только приветствовать», как достижение, которое является «достоянием очень немногих государств-пионеров в области культурных достижений»[604].

Первые всеобщие безцензовые выборы

Летом 1917 года общественно-политическая борьба обострилась — в июне-августе в России впервые прошли выборы в городские думы на основе всеобщего голосования (согласно Постановлению «О производстве выборов гласных городских дум, об участковых городских управлениях» от 15.04.1917 г.).

Предвыборную ситуацию использовали политические партии, общественные организации, стремившиеся повлиять на положение дел на местах и в целом в государстве. Партии развернули агитационно-пропагандистскую работу. Издавалось множество плакатов, листовок, воззваний. Выборы в Петрограде и Москве проводились в мае-июне 1917 года. Ажиотаж был высок, все понимали, что ход столичных выборов окажет существенное влияние на прохождение выборов в регионах. Поэтому власти обеих столиц делали все для того, чтобы выборы прошли организованно и образцово.

27–29 мая 1917 года состоялись выборы в районные думы Петрограда, в которых впервые приняли участие женщины. Приведенные ниже данные неполные, но дают представление о постановке в партиях вопроса о женском участии в выборах. Эти данные были собраны М. И. Покровской по десяти районам города. В кадетском списке было 80 женщин, что составило 12 % от общего числа кандидатов от партии; блок социалистов (кроме большевиков) поддержал 81 женщину (что составило 7 %); большевики и интернационалисты выдвинули 55 женщин (10 %); радикальные демократические партии — 12 (5,5 %). Лига равноправия, единственная из женских организаций, сформировала свой собственный избирательный список. Он состоял из 50 кандидатов, 35 из которых были женщинами (70 %)[605].

Предвыборный плакат Лиги равноправия женщин

Покровская проанализировала положение женщин в структуре партийных списков и пришла к выводу, что партии не особо заботились о проведении женщин в гласные. Больше всего женщин в первой половине списка было у кадетов, за ними шли большевики. Но были женщины, которые стояли на первом месте в партийных списках. Это была С. В. Панина у кадетов, А. М. Коллонтай и Лилина-Радомысльская у большевиков, А. К. Чернова у эсеров.

По мнению Покровской женщин-гласных было избрано очень мало и рассчитывать на их влияние на городскую политику не приходилось. Например, в районную думу Литейной части Петрограда было избрано 63 гласных, из

них 5 женщин: А. С. Милюкова, А. Н. Шабанова и О. К. Нечаева прошли по кадетскому списку, Э. М. Зиновьева-Дейч от социалистического блока и Д. З. Шишкова от большевиков. М. И. Покровская видела единственный выход — по примеру Лиги равноправия формировать собственные списки и проводить своих кандидатов самостоятельно.

20 августа 1917 года состоялись выборы в Петроградскую городскую думу. Но к этому времени наступило разочарование в деятельности районных дум. Это привело к тому, что только 30 % горожан приняли участие в выборах. Женщины баллотировались практически от всех партий, объединений и блоков. Из общего числа кандидатов в гласные (1122 человек), 91 были женщинами, что составило 8,1 %. 16 женщин баллотировались от кадетов, 17 — от большевиков, 12 — от меньшевиков, 12 — от эсеров, 10 — от трудовиков и народной социалистической партии и других объединений. Стояли они преимущественно во второй части списков.

В результате выборов гласными Петроградской городской думы стало 10 женщин (из 200 человек), что составило 5 %. Из них: 4 были кадетками (из 42 депутатов от партии народной свободы), 4 большевичками (из 67 депутатов — членов партии большевиков) и 2 эсерки[606].

О ситуации в провинции можно судить по Тверской губернии — единственной, по которой имеются опубликованные данные, благодаря исследованиям В. Н. Кулик[607]. Здесь женщины в партийных выборных списках также составили 5 %. И также они стояли во второй части списка. По неполным данным во время летних выборов 1917 года в Тверской губернии 19 женщин стали гласными и 22 кандидатами городских дум[608].

Выборы в Москве и Петрограде высветили важную тенденцию в российском обществе — недовольство политикой Временного правительства, органами местного самоуправления, что привело к «полевению» обновленного состава многих городских дум. Новые городские думы начали работать в чрезвычайно тяжелых условиях развала хозяйства и финансового кризиса. Многие думцы требовали немедленного прекращения войны, срочного решения острых социально-экономических вопросов, подготовки к выборам в Учредительное собрание, но их попытки по наведению порядка наталкивались на отсутствие финансовых возможностей и реальной власти. Так, Петроградская городская дума только в конце сентября 1917 года смогла рассмотреть бюджет на 1917 год. Расходы ее составляли 185 млн руб., а доходы — чуть более 94 млн руб.[609]

Определяющим фактором общественно-политической жизни России осенью 1917 года стал усугубляющийся общенациональный кризис. Россия стояла на грани финансовой катастрофы, угроза нависла над существованием самого государства. В обществе нарастала оппозиционность, укреплялись Советы рабочих депутатов, которые все больше претендовали на власть. Крестьяне устали ждать выборов в Учредительное собрание, которое должно было решить земельный вопрос.

Дата выборов в Учредительное собрание была перенесена. Они были назначены на 12 ноября, а созыв самого собрания назначен на 27 ноября 1917 года. Отсрочка работы Учредительного собрания отодвигало решение жизненно важных для государства вопросов и вело к дальнейшей конфронтации в обществе, что способствовало дальнейшему развитию общеполитического кризиса и привело к вооруженному восстанию в октябре 1917 года.

Создание Всероссийского женского совета

Решение Первого Всероссийского женского съезда о «желательности создания национальной женской организации» было возложено на устроительниц съезда — Вз.-Благ. общество. Попытки создать Совет неоднократно предпринимались А. П. Философовой и А. Н. Шабановой, но обстоятельства не благоприятствовали этому. Правительство отбивало все атаки равноправок — иметь организацию, напрямую связанную с международным женским движением, не отвечало его интересам. В уставе Всероссийского женского совета на это прямо указывалось: организация имеет своей целью объединение женских обществ для взаимной поддержки и образует составную часть Международного женского совета (International Council of Women), обладающего полной внутренней самостоятельностью[610]. В 1913 году Совет пытались зарегистрировать под названием Всероссийского женского общества.

В новой ситуации нажим на правительство усилился. В 1915 году Московское отделение Лиги равноправия (председательница М. К. Бурдакова, вице-пред. Н. И. Лебедева, члены Совета: М. А. Чехова, Е. А. Прудникова, Е. В. Виленц-Горовиц, С. М. Гордон, С. К. Исполатова, Л. А. Кускова, Т. В. Шогина; кандидаты в члены Совета: С. Н. Асс, Н. М. Богословская, Н. А. Иорданская[611]) получило разрешение на проведение женского съезда, центральным вопросом которого был вопрос объединения женских организаций страны.

23–25 апреля 1916 года в Москве вместо съезда состоялось совещание делегаток женских организаций, на которое прибыли представительницы обеих столиц, Киева, Харькова и Симферополя. На совещании обсуждались очередные задачи движения и формы его организационного объединения с целью согласования общей работы по вопросам равноправия. Совещание приняло обращение к женщинам России, призвав их объединяться во имя достижения избирательных прав и «полноправного участия женщин в прогрессе человечества»[612]. Ввиду реформы земского и городского самоуправлений женские организации призывались к широкой пропагандистской кампании в пользу избирательных прав женщин. Резолюция обязывала их отстаивать интересы крестьянок — ходатайствовать о наделении последних избирательными правами в выборах в волостное земство. Для объединительной работы было избрано бюро из 9 человек.

Реализуя постановление апрельского совещания 1916 года, группа женских организаций (Вз.-Благ. общество, Женская прогрессивная партия, 1-е Женское общество потребителей, Общество вспомоществования сельскохозяйственных курсов, Харьковское общество трудящихся женщин и др.) подали[613] на утверждение устав Всероссийского женского совета, открытого для всех легально существующих женских организаций и учреждений. В мае 1916 года Петроградское особое городское присутствие по делам об обществах и союзах в регистрации отказало.

Собственно никто не был против. Но Присутствие считало, что правила регистрации от 4 марта 1906 года не подходят для регистрации организации союзного типа и всероссийского уровня и рекомендовало обратиться в Министерство внутренних дел. В министерстве считали, что пока в организацию не вступили другие организации, она не является союзом и может быть зарегистрирована по упрощенной схеме в Присутствии. 29 октября 1916 года организации-учредители отправили письмо министру с просьбой решить вопрос.

15 марта 1917 года Министерство внутренних дел утвердило устав Всероссийского женского совета[614]. 21 марта 1917 года в Петрограде в помещении Вз.-Благ. общества состоялось учредительное собрание новой организации. Председательницей оргкомитета была избрана А. Н. Шабанова. Главной целью Совета определялась агитация населения по вопросу женского участия в выборах в Учредительное собрание. На эти нужды было собрано более 2 тыс. руб.[615]

Исторически этой организации было отпущено мало времени. Весной-летом 1917 года активистки движения в качестве делегаток от Всероссийского женского совета вошли в избирательные комитеты на местных выборах. М. И. Покровская была одной из них. Осенью Совет состоял уже из 30 организаций и в октябре 1917 года официально присоединился к Международному женскому совету (International Council of Women)[616]. Оргкомитет планировал провести в Петрограде в 20-х числах декабря 1917 года съезд делегаток для выработки общей тактики женских организаций после революции, но этому уже не дано было случиться.

Борьба за женский электорат

Представительницы образованных классов с энтузиазмом восприняли новую роль избирательниц. 15 апреля 1917 года женщины получили активное и пассивное право на выборах в органы местного самоуправления, а 11 сентября 1917 года, также как и мужчины, они стали политически правоспособными при производстве выборов в высший орган власти страны — Учредительное собрание. Открылся доступ ко всем профессиям, к должностям в системе местного самоуправления, к высшим государственным постам. Впервые женщина стала членом правительства. Графиня С. В. Панина, член ЦК кадетской

партии, член Петербургского женского клуба и др. общественных организаций в мае 1917 года стала товарищем министра социального призрения, а с августа 1917 года — товарищем министра просвещения.

Женские организации перешли от оппозиции правительству к сотрудничеству с ним. Они формулировали свою задачу как содействие установлению демократической республики, выборам в Учредительное собрание и создание в нем значимого женского представительства. Интеллигентки после первых выборов начали с энтузиазмом работать в городских и районных думах, возобновили неосуществленные женские проекты «эпохи бесправия». В Харькове, наконец, открыли высшие женские сельскохозяйственные курсы, в Твери педагогический институт.

Но появилась другая проблема — электоральная политика имела свои правила игры, которые еще только предстояло освоить женщинам.

Первые выборы показали, что реакция «женских масс» на избирательное право не была единодушно восторженной. Женщины не всегда понимали, что им дает избирательное право и что может измениться. Безграмотные крестьянки шли на выборы со слезами, сокрушаясь, что настали последние времена, т. к. их заставляют ставить «антихристовы кресты». Подавляющее большинство российских женщин не имели не только политического опыта, но плохо представляли спектр политических партий, их идеологическую направленность и, конечно, не имели политических убеждений.

Стало ясно, что впереди предстоит огромная, ни с чем не сравнимая работа.

Каким будет политическое лицо женщины-избирательницы, как оно будет сочетаться с женскими интересами и с женской жизненной стратегией? Было очевидно, что политические симпатии работниц, крестьянок, солдаток, интеллигенток расходились.

После получения женщинами права голоса между партиями началась буквально драка за женский электорат. Это был значимый ресурс для продвижения собственной партии. Структура и сети женского движения были удобны для организованного влияния на определенные группы женщин. Женское движение, женские интересы были разменной монетой в этой игре по-крупному старых политических противников. Главными игроками в борьбе за женский электорат оказались большевики и кадеты.

Несмотря на пренебрежительное отношение к работе с «женскими массами» большевики поняли, что на выборах голос каждой работницы, каждой кухарки, прачки, посудомойки будет равен голосу капиталиста, профессора, чиновника. Возможно, известная фраза Ленина, что каждая кухарка будет управлять государством, был откликом на злобу дня — на профеминистские настроения работниц Петрограда и других крупных промышленных городов.

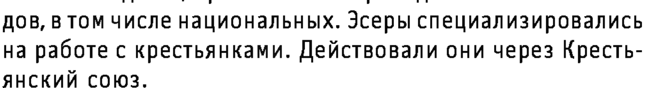
Весной 1917 года большевики начали работать с пролетарками через фабрично-заводские комитеты и профсоюзы. 13 марта 1917 года на заседании Петроградского комитета большевиков В. Слуцкая, ранее избегавшая

работы с женщинами и отказавшаяся принять участие в женском съезде 1908 года по «идейным» соображениям, предложила создать бюро работниц при Петроградском комитете и возобновить издание журнала «Работница». Предложение было принято и в дальнейшем Бюро работниц при Петроградском комитете РСДРП(б) создавало женские комиссии при райкомах в Петрограде и Москве и пресекало любые попытки создания самостоятельных женских организаций. Бюро создало свою агитаторскую группу и регулярно инструктировало ее.

Воссозданная в мае 1917 года «Работница» собирала в своей редакции представительниц предприятий и профсоюзов на политбеседы. Члены редколлегии выезжали на фабрики и заводы для выступления на собраниях, проводили специальные женские митинги и создали свою школу для подготовки кадров в «женском вопросе».

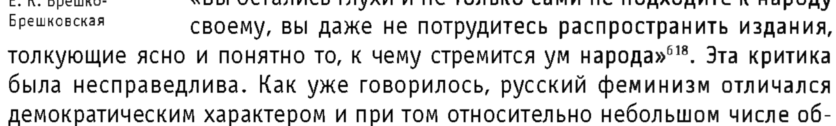
Пропагандистская работа среди женщин велась также через «Правду», московский журнал «Жизнь работницы». Коллонтай издала брошюру «Работница-избирательница». Весной 1917 года большевики провели женскую конференцию в Выборгском районе Петрограда. «Я помню мой разговор с Лениным в апреле 1917 года, вспоминала Коллонтай, когда он советовал нам, маленькой активной группе большевичек, заняться вплотную работой с широкими массами солдаток и другими группами женского населения Петрограда. Ленин говорил, что от их настроения многое зависит»[617]. В апреле 1917 года был создан Комитет солдаток при солдатской секции Петросовета, в июне образовался Союз солдаток. Подобные организации затем появились и в других крупных городах.

Меньшевики создали Центральное бюро по работе среди женщин. В 1917 году они издали 12 книг по женской проблематике, издавали журнал «Голос работницы». Работали меньшевики через профсоюзы, больничные кассы, фабзавкомы, союзы солдаток, практиковали проведение женских съездов, в том числе национальных. Эсеры специализировались на работе с крестьянками. Действовали они через Крестьянский союз.



Е. К. Брешко-Брешковская

Апробированным оружием в борьбе социалистических партий с феминистским движением служила классовая рознь между женщинами и обвинение равноправок в преследовании своих классовых интересов. В прошлом народоволка, одна из основательниц партии эсеров Е. К. Брешко-Брешковская утверждала, что женщины средних классов добились равных прав ради удовлетворения своего самолюбия — «вы остались глухи и не только сами не подходите к народу своему, вы даже не потрудитесь распространить издания, толкующие ясно и понятно то, к чему стремится ум народа»[618]. Эта критика была несправедлива. Как уже говорилось, русский феминизм отличался демократическим характером и при том относительно небольшом числе об-



разованных женщин, составляющих основу феминистского движения, российские равноправки сделали много для единения женщин разных социальных групп. Но в политической борьбе при бешеной конкуренции партий за женский электорат все средства признавались годными.

Кадетская партия продолжала поддерживать деятельность «своих» феминисток. Р. Стайтс, безусловно, прав — антифеминизм был мертв в этой среде[619]. Феминистки-кадетки, в свою очередь, активно продвигали идеи партии среди горожанок. С. В. Панина работала с солдатками Петрограда, А. С. Милюкова возглавляла агитационно-просветительскую комиссию, которая занималась обучением грамоте взрослых женщин (совместно с районными пунктами) и организацией выступлений перед ними на политические темы. А. В. Тыркова написала брошюру «Освобождение женщины», изданную под шапкой партии народной свободы.

Помимо этого, партия кадетов уделяла внимание проблемам женщин на своих общепартийных мероприятиях. Женская тема поднималась на собраниях в рабочих районах Петрограда, обсуждалась на обывательских митингах в центральных районах города.

Партия народной свободы записала в свой актив достижение избирательных прав женщин. Ее лидеры поднимали авторитет своей партии среди женщин, утверждая, что Россия идет впереди других стран в деле освобождения женщин именно благодаря усилиям кадетов и так будет всегда при условии их присутствия во власти.

Справедливости ради нужно сказать, что именно при поддержке партии народной свободы женщины начали занимать реальные посты в органах власти на разных уровнях. Кадеты, особенно те, кто имел опыт работы в земствах, как никто другой знали возможности и достижения женской интеллигенции в решении социальных проблем.

Для равноправок, как и для всех участников политической борьбы, весна-лето 1917 года было горячей порой. Нужно было научить женщин воспользоваться открывшимися преимуществами, привить вкус к выборам, определить свое политическое лицо, включить женские имена в избирательные списки, продвинуть своих кандидаток. Кроме того, они пытались отстаивать интересы своей группы в торге с партиями, которые стремились увеличить свой электорат за счет женщин.

Так, во время подготовки к выборам в органы местного самоуправления равноправки объезжали фабрики и заводы Петрограда с лекциями и беседами. Они организовывали женские митинги и собрания, участвовали в собраниях и конференциях политических партий, реализуя решение делегатского женского съезда апреля 1917 года об обязательном женском политическом участии в работе партий или во внепартийных организациях. 26 марта 1917 года в Москве был организован большой феминистский ми-

тинг. В июле 1917 года А. В. Тыркова выступила на областной конференции эсеров в Петрограде. Летом 1917 года делегации от женских организаций выступили наблюдателями на выборах.

Пропаганда темы вхождения женщин в категорию граждан принесла свои плоды. Горожанки столиц и провинциальных городов посещали политзанятия, которые организовывали разные партии и общества, обращались в инстанции с просьбой открыть школы для изучения «нового строя» и подготовки к выборам в Учредительное собрание. Политическая ориентация при этом, как правило, не играла решающей роли.

В новых условиях женское движение переживало подъем. Активизировались и политизировались женские организации, ранее не имевшие ничего общего с политикой, появились новые политические организации женщин: Женский союз помощи Родине, Союз женщин России, Союз женщин-республиканок. Женские организации оперативно откликались на события. Наряду с популярными политическими лозунгами, вроде «Земля и воля! Дезертирам земли нет!», они продвигали и свои. Тверские женские организации выдвинули лозунг «Ружья и пулеметы — женщинам, ложки и кочерги — большевикам»[620]. Смысл лозунга не ясен. Очевидно, он связан с каким-то местным событием.

Происходило наполнение содержанием понятия «женское гражданство». Женщин-врачей и медсестер начали мобилизовывать наравне с мужчинами. Равноправки предложили ввести женскую трудовую повинность[621]. Их предложение поддержали кадеты, эсеры и меньшевики, считавшие, что эта мера послужит серьезным подспорьем в решении проблем тыла и фронта.

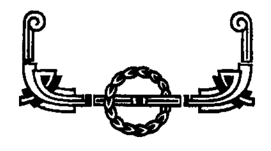
Пропагандистские акции женского движения, обращение к женскому электорату всех политических убеждений способствовали развитию коллективной женской идентичности. Женщина вошла в формирующуюся политическую культуру как символ обновления страны. Категория гражданства была актуализирована и как женская категория в том числе. В политическом дискурсе того времени слова «женское», «женский» не были ни редкими, ни странными. Понятия женское движение, женские инициативы, женские банки, женские батальоны, женская кооперация, женская милиция, женские газеты, съезды и проч. насыщались вполне реальным политическим смыслом, содержанием и имели политический вес.

Участие женщин в выборах в Учредительное собрание превзошло все ожидания. В городах Московской губернии явка женщин составила 56 %[622].

Русское феминистское движение достигло поставленной цели. Феминистское движение страны стало конструктивной силой социальных изменений, что казалось под силу только партийным структурам с жесткой внутренней иерархией. Особо значимой оказалась роль Лиги равноправия женщин, которая сумела в критический момент провести массовую мобилизацию, объединить разрозненные женские группы (порядка 90) и направить энергию протеста по нужному руслу, используя популярные идеи и символы (В. Н. Фигнер, красные знамена).

Таким образом, можно сделать вывод, что превратить движение в конструктивную политическую силу оказалось под силу организации, обладающей идеологией, разработанной на ее основе программе, разветвленной структурой, отработанным репертуаром коллективных действий и лидерам, отслеживающим изменение политических возможностей и действующих адекватно ситуации на волне массового протеста.

Между тем очереди за хлебом становились длинней, жизнь тяжелее, положение на фронте трагичнее. Современник свидетельствовал, что весна русской свободы с ее экзальтацией и театральностью политических манифестаций ушла в прошлое. Революция не показала того, что в ней пытались разглядеть — чудодейственный дар. Она быстро обнажила изнанку свободы — ограниченность и произвол. Изменение политических симпатий в обществе стало заметно к осени 1917 года. Мало что делалось в политике и экономике. Керенскому уже не верили. Неприязнь к коалиционному правительству была почти единодушной[623]. Россия входила в ситуацию, из которой выход демократическим путем, демократическими реформами был уже невозможен.



Выводы
ЦИКЛ РАЗВИТИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ВТОРОГО ЭТАПА ДВИЖЕНИЯ

Женское — феминистское движение России прошло в своем развитии ряд этапов, траектория которых определялась внешними факторами в силу того, что любое общественное движение является открытой системой, взаимодействующей с социальным и политическим окружением.

Начальной фазой второго феминистского этапа движения (1905 г.) стала фаза постановки и артикуляции проблемы избирательного права женщин. Протест был направлен против существующей политической системы в целом, против бывших соратников по либеральному движению, против деятелей социалистических партий, как не оправдавших надежд. Мир разделился на «мы» и «они». Определяющим моментом этого разделения явился признак пола и гражданская правоспособность, основанная на нем.

2 фаза — разработка идеологии, в которой определились пути решения проблемы через изменение норм права и воздействия на те властные структуры, в компетенции которых эта проблема находилась. В первую очередь на Государственную Думу и Государственный Совет.

Отделить по времени процесс разработки идеологии и процесс переструктурирования старых организаций и создания новых, отвечающих задачам данного этапа движения, невозможно. По сложившейся в российском женском движении тактике, каждая вновь возникающая проблема, задача движения получали свое структурное оформление. Эти процессы шли практически одновременно.

3 фаза — рост движения. Инициирование коллективных действий против институтов существующей политической системы, против различных политических сил, поиск союзников и развитие тактики дифференцированного рекрутирования сторонников во всех социальных группах, слоях, классах. Участие в коллективных действиях союзников, поддержание их акций и попытка институализироваться через эти признанные общественностью организации. Радикализация движения на волне массового политического протеста.

4 фаза — достижение конкретных целей движения (1917 г.), влияние на социальные изменения через изменение правовых норм электоральной политики, социальных институтов. Высокая степень институализации движения русского феминизма и начало формирования самостоятельного пролетарского женского движения (появление лидеров, организационных структур, самостоятельных коллективных действий).

Женское движение второго этапа носило специфический характер. Такие движения по Г. Блумеру имеют конкретные цели, и их результативность оценивается просто — через достижение заявленных целей. У. Гэмсон[624] разработал критерии результативности и факторы эффективности социальных движений. В частности, он выделил два критерия успеха:

1. Достижение заявленных движением целей;

2. Формальное признание организации движения как законного представителя данной социальной группы.

На основании этих критериев он выделил 4 возможных результата движения:

1. Полный успех, т. е. цель достигнута, движение признано властями и оппонентами;

2. Частичный успех по типу «кооптации», т. е. движение признано, но цель не достигнута;

3. Еще один вариант частичного успеха, по типу «упреждения», т. е. когда цель достигнута, но движение оппонентами не признано;

4. Поражение движения — цель не достигнута.

Исходя из этих критериев, можно сделать вывод о полном успехе российского женского и феминистского движений. Цели его в виде требования избирательных прав женщин были удовлетворены максимально — россиянки получили бесцензовое избирательное право в органы власти всех уровней — от органов местного самоуправления до Учредительного собрания. Движение равноправок было легитимным в глазах власти и оппонентов.

Условиями, способствующими успеху, следует назвать такие факторы как:

1. Цель движения была поставлена узко и конкретно.

2. Организация, возглавившая движение, обладала разветвленной структурой, включая провинциальные отделения, которые сумели организовать поддержку заявленной цели движения среди широких слоев населения; смогли создать группы поддержки в различных социальных институтах и властных структурах. Например, среди депутатов Государственной Думы, которые стали проводниками идеи избирательных прав женщин в высшем законодательном органе страны.

3. Успешно проводилась тактика дифференцированного рекрутирования и стимулирования участия женщин из разных социальных классов, слоев, групп в движении.

4. Для проведения массовых коллективных действий в достижении цели движения было очень точно выбрано время — кризис легитимности власти.

Именно этот последний фактор — период социально-политических кризисов — особо выделяется У. Гэмсоном, и в данном конкретном случае он явился решающим.

В ситуации слома старой политической системы и формирования новой, в ситуации двоевластия, российское общество в целом и новые структуры власти в частности оказались более открыты к требованиям различных со-

циальных групп. Одно крыло власти откликнулась на запрос части своего населения, движимое собственным политическим интересом в развивающемся противостоянии со своими политическими оппонентами.

Такие слагаемые успеха по У. Гэмсону, как использование неинституциональных, насильственных действий, а также наличие жесткой иерархической структуры в руководящей организации движения в данном случае не находят подтверждения. Мирные митинги и демонстрации женских организаций, политические дебаты с властью в ситуации баланса двух политических сил оказались более результативными, чем неинституциональные акты.

Представляется, что женское и феминистское движения сумели достигнуть столь впечатляющих результатов — Россия стала одной их первых стран мира, предоставивших женщинам всю полноту избирательных прав, развиваясь в двух стратегических направлениях.

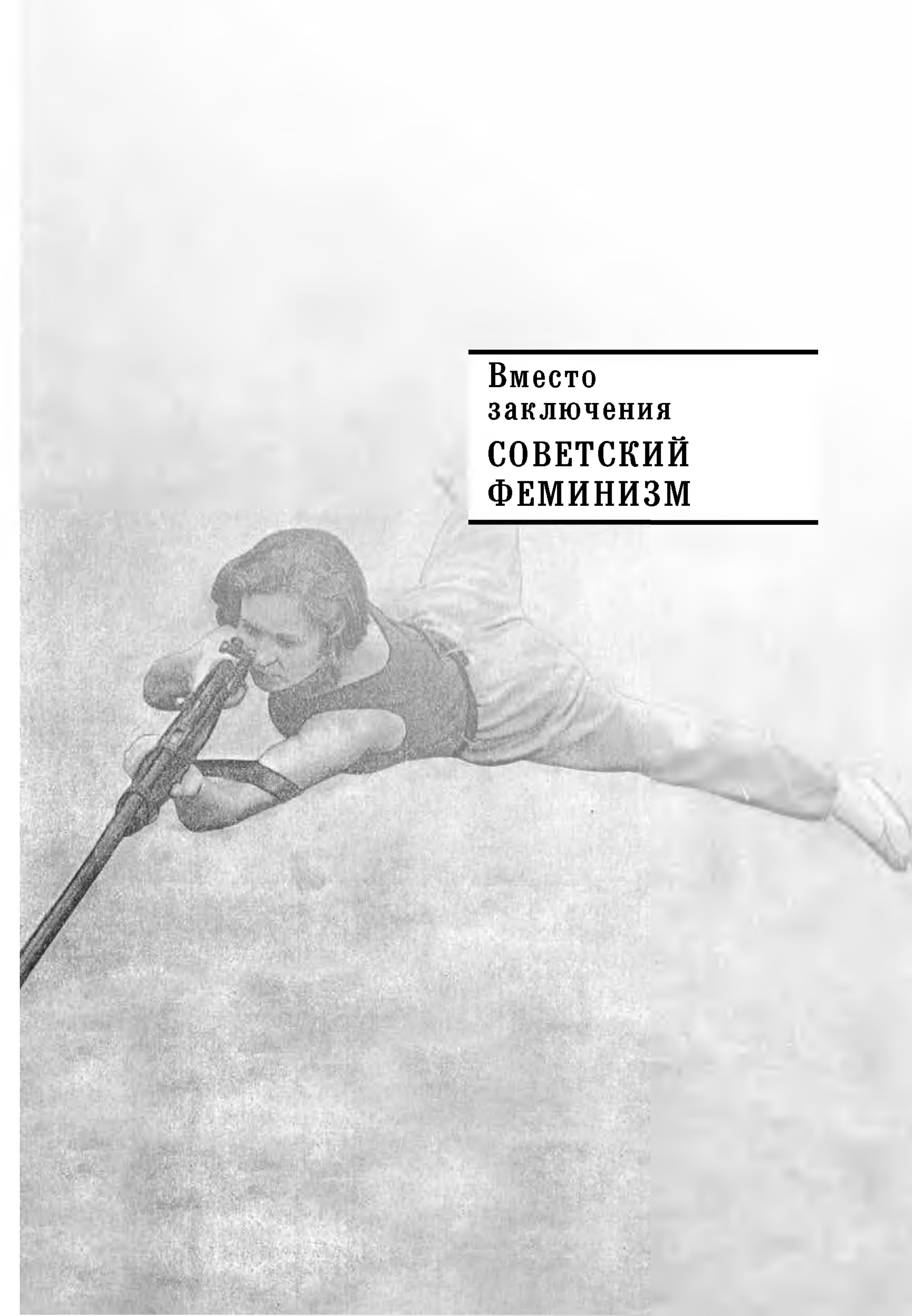
Первая стратегия — формирование культурного дрейфа движения. На протяжении почти 60 лет движение постоянно достигало своих конкретно поставленных целей, постепенно меняя законодательство и социальную практику в отношении женщин, меняя культуру общества, воздействуя на язык и формируя новый дискурс в отношении женщин, женского, женственного. Участницы движения культивировали инициативу индивидуальных решений, предпринимали нетрадиционные ходы по достижению своих личных целей, практика и опыт которых, повторяясь в тысячах женских судеб, порождали одни социальные инновации и делали возможным другие.

Вторая стратегия — вычленение конкретной узкой цели как главной и работа по ее достижению. Достижение этой цели было значительно облегчено теми изменениями, которые произошли в обществе в отношении женщин, их социальной активности и их успехов в таких профессиональных сферах деятельности, как медицина, народное просвещение, политика.

Р. Тернер и Л. Киллиан[625] считают критериями результативности специфических движений два условия, которые по сути дела совпадают с критериями У. Гэмсона:

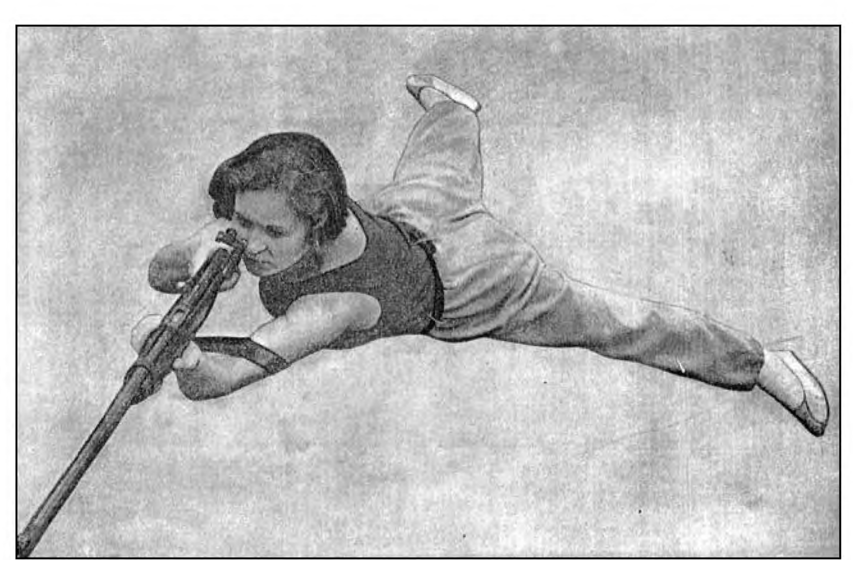
1. Достижение целей движения;
2. Обеспечение поддержки населения.

По мнению этих авторов обе эти цели на практике достигаются редко. В нашем случае можно говорить об усвоении и принятии идей и целей феминистского движения городским населением в марте 1917 года. Это был преимущественно средний класс, без поддержки которого достижение политического равноправия женщин было бы невозможно.



Вместо заключения

СОВЕТСКИЙ ФЕМИНИЗМ



С обложки журнала «Общественница». 1936 г.

В конце октября 1917 года Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов сместил Временное правительство и объявил о создании нового правительства — Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Выборы в Учредительное собрание состоялись 12–14 ноября 1917 года, но в день своего открытия 5 января 1918 года собрание было разогнано. Партия большевиков пришла к власти.

События октября 1917 года часто читаются в исторических трудах как начало новой эры России, не связанной с предыдущей историей страны. Разумеется это не так, и анализ женского движения лишнее тому подтверждение.

Практически во всех работах на тему решения «женского вопроса» утверждалось, что Советская власть даровала россиянкам избирательные права, что в отношении женщин в 1917 году в Советской России было принято самое передовое в мире законодательство. Но, по верному замечанию М. Либораkиной, никогда не анализировался, вопрос, почему в России — стране с давними традициями репрессивного патриархального законодательства это стало возможно[1]. Вспомним, что весной 1917 года Советы рабочих и солдатских депутатов в ситуации двоевластия отвергли идею избирательных прав женщин, а осенью того же года вдруг приняли их. Ларчик открывается просто. Женские политические права под давлением женского движения законодательно были закреплены за женщинами всех классов и состояний Временным правительством. В апреле 1917 года женщины России получили избирательные права на уровне местного самоуправления (городского)[2], а в сентябре 1917 года они получили право избирать и быть избранными в высший законодательный орган страны — Учредительное собрание[3]. Таким образом, ни советское правительство, ни партия большевиков не имели никакого отношения к факту получения женщинами России политических прав.

Социально-экономические права для женщин в значительной части также были завоеваны движением. III Государственная Дума приняла закон «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах женщин и об отношениях супругов между собой и к детям», который после прохождения в Государственном Совете был утвержден IV Государственной Думой в феврале 1914 года. Закон находился в разработке с 1880-х годов и был полем столкновений между разработчиками в лице различных комиссий Министерства юстиции, Министерства внут-

ренних дел и Св. Синодом (лично К. П. Победоносцевым) и находился под неусыпным контролем со стороны женских организаций. Вз.-Благ. общество (Отдел избирательных прав), Российское общество защиты женщин и др. женские организации регулярно выдвигали требования по сути закона, способствуя тем самым его прохождению. По этому закону были отменены паспортные ограничения для женщин, были расширены их имущественные права, гарантирована личная независимость. Женщина получила право заключать договор о найме, поступать на службу и в высшие учебные заведения при условии раздельного проживания с супругом.

Таким образом, к моменту прихода к власти большевики уже имели очень прогрессивную по меркам того времени законодательную базу. Но не все ограничения были сняты с женщин. Законопроект о равноправии женщин, разработанный феминистками и предложенный I Государственной Думе в 1906 году не получил своего полного воплощения. При разработке законопроекта была проведена экспертиза всего свода законов Российской Империи, и указан путь к развитию «дружественного женщинам» законодательства. Советский законодатель воспринял эти наработки в решении «женского вопроса».

Преемственность наблюдалась во всех составляющих «женского вопроса». В том числе в отношении к проблеме проституции. Российское общество защиты женщин еще в 1906 году обратилось в Министерство юстиции с предложением ужесточить наказание за вовлечение в проституцию. В 1909 году был принят закон «О мерах пресечения торга женщинами в целях разврата», в котором предусматривалось наказание за сводничество, за сутенерство и извлечение любой выгоды из проституции. Все последующие законопроекты о проституции феминистских организаций (Законопроект Лиги равноправия женщин об отмене регламентации проституции 1913 года) также рассматривали проститутку как элемент эксплуатируемый и находящийся под давлением социальных условий и потому предусматривали наказание всех участников этого промысла, кроме проститутки. Тот же дух и ту же направленность сохранил советский закон. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года определял наказание за притоносодержание и вовлечение в проституцию несовершеннолетних. Статьи, запрещавшей проституцию и наказующей проститутку не существовало. Петербургские историки Н. Б. Лебина и М. В. Шкаровский сделали вывод, что «законодатель исходил из искаженного представления о том, что в сексуальную коммерцию женщины вступают лишь по принуждению»[4]. Отметим, что это была популярная в феминистско-аболиционистских кругах позиция.

Нерешенными к осени 1917 года остались проблемы прав женщин в семье и репродуктивной сфере — вопросы об упрощении процедуры развода, о незаконнорожденных детях, о «праве на материнство» (право на аборт и его законность). Эти вопросы также осмыслялись равноправками теоретически и инициировались законодательно. Эти нерешенные проблемы доста-

лись в наследство советскому правительству и были решены им именно в той постановке, за которую ратовали русские феминистски. Усилиями русских феминисток эти требования носили политический характер и были широко манифестированы. Советский законодатель пошел по теоретически проработанному и политически прописанному пути.

Другой причиной выступает та, что идеи женского равноправия, их важность для процессов демократизации общества были восприняты не только либеральной российской интеллигенцией, но и частью радикальной интеллигенции, которая пришла к власти. Такие деятели большевизма как Я. Свердлов, Л. Троцкий[5], В. Куйбышев[6] не раз демонстрировали свое понимание важности проблем женщин. Коллонтай писала в своих мемуарах о «ценнейшей помощи» председателя ВЦИК Я. Свердлова в ее деятельности на посту наркома «по освобождению женщин» осенью 1918 году[7].

Медаль 1918 г. Союз земледелия и промышленности, мужчины и женщины

Декреты советского правительства в отношении женщин были результатом долгой и сложной интеграции идей равноправия в сознание среднего класса, в деятельность государственных структур, политических партий и объединений, в их программные документы. Эта деятельность была начата задолго до октября 1917 года. Прогрессивность первых советских законов была определена теоретическими наработками русского феминизма.

16 (29) декабря 1917 года советское правительство приняло «Декрет о расторжении брака», 18 (31) декабря — «Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния». Эти декреты гарантировали женщинам гражданское и моральное равенство супругов — равные права в отношении детей, равные имущественные права, равное право на развод, на выбор местожительства. Брак и его расторжение стали исключительно частным делом. Эти положения были развиты в Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР от 16 сентября 1918 года. Законодатель отказался от концепции незаконорожденности и все дети, рожденные в браке и вне его, получили равные права. Также Кодекс устанавливал взаимную алиментную обязанность для родителей и детей.

На смену Семейному кодексу 1918 года пришел Кодекс 1926 года, который уравнял зарегистрированный и незарегистрированный брак, поднял брачный возраст женщин с 16 до 18 лет, установил упрощенную процедуру установления отцовства (только лишь по заявлению матери), упростил процедуру развода. По семейному кодексу 1926 года развод допускался в одностороннем порядке и по почтовому уведомлению.

Также в первые месяцы советской власти был отменен старый закон о наследовании (апрель 1918 г.), принят декрет о введении обязательного совместного обучения (май 1918 г.), ряд постановлений правительства ввели равную оплату труда мужчин и женщин (например, «Об оплате труда служащих и рабочих советских учреждений» в октябре 1918 г.).

Кодекс законов о труде (декабрь 1918 г., ноябрь 1922 г.) подтвердил принцип равной оплаты труда мужчин и женщин, охраны женского труда, ввел 16-недельный отпуск по беременности и родам, пособие кормящим матерям.

Первая советская Конституция (июнь 1918 г.) закрепила равные политические и гражданские права женщин. Все, о чем мечтали и к чему стремились и за что боролись российские равноправки, свершилось. Советское законодательство надолго опередило свою эпоху и задало ориентиры для западного феминистского движения[8].

На первом этапе осуществления проекта новой формы демократии в виде Советов интересы нового государства и цели женского, феминистского движения объективно совпали. Советскому государству были нужны женские руки для проведения экономической модернизации страны (индустриализации и урбанизации), поэтому экономическая и политическая мобилизация женщин стала насущной необходимостью. Идеология женского, феминистского движения также призывала женщин к активному участию в общественной жизни общества. Другое дело, что вовлечение в публичную сферу было принудительно-насильственным и безальтернативным, а феминизм предполагал свободу выбора.

Но различия были не только в этом. Решение «женского вопроса» «сверху» было подчинено логике интересов нового государства. Интересы женщин как социальной группы не ставились. Коллонтай неоднократно заявляла, что в коммунистическом обществе женского дела нет, а есть только интересы трудящегося коллектива.

В то время как для равноправок правовая эмансипация (внешняя) была условием и прологом к эмансипации личностной (внутренней). И это для них было самое главное.

«Женский вопрос» был соотнесен новой властью только с работницами и крестьянками. Женщины среднего класса были исключены из общественной жизни и новой стратификационной модели общества. Работницы и крестьянки определялись властью как отсталая и консервативная категория населения. Они считались «отсталым элементом» не только из-за низкого уровня грамотности, но и потому, что они были оплотом традиционной семьи, которая рассматривалась как экономическая единица, основанная на частной собственности[9].

И опять как на заре «женского вопроса» женщины предстали как объект воздействия, который нужно воспитывать и преобразовывать, а женскую активность нужно пробуждать и направлять в «правильное русло». Самостоя-

тельные, самоорганизованные женские организации, которые были в состоянии предъявить требования правительству и указать на собственные заслуги в деле достижения прав женщин, были не нужны новой власти. Все «буржуазные» женские организации были закрыты и по факту прекратили свое существование в 1918 году. Тем не менее в партийных резолюциях выражалась обеспокоенность тем, что сложные условия создают «почву для феминистических уклонов», которые «могут способствовать созданию таких специальных обществ, которые <...> приведут к отрыву женской части трудящихся от общеклассовой борьбы»[10].

Риторика дарования всей полноты гражданских прав изменила восприятие этих действительно прогрессивных законов. Утверждение А. М. Коллонтай, что права женщин «им завоевала коммунистическая революция», говорило о том, что они были даны сверху, а не завоеваны в результате собственной политической борьбы и даны были они на определенных условиях — политической лояльности и поддержки власти[11]. Труд на благо социалистического отечества стал государственной повинностью и основой большевистского определения гражданства[12]. Поэтому довольно быстро законы о равноправии стали рассматриваться не в логике прав женщины, а в логике ее долженствования. От идеологии свободной личности, имеющей право выбора и отвечающей за себя, произошел переход к идеологии личности, мобилизованной на строительство коммунизма, т. е. права выбора не имеющей. От идеологии самостоятельного достижения правовой эмансипации и реализованных целей *своего* движения — к идеологии *«дарования и получения»*. Эта подмена разрушала так усердно выпестованную феминистками коллективную женскую идентичность и сформировавшуюся женскую субъективность — женщины, осознающей себя собственной освободительницей.

Победу у равноправок украли. Именно поэтому мы не найдем в советской историографии ни их имен, ни их идей и никаких упоминаний о деятельности русских феминисток в процессе обретения женщинами России гражданских прав.

Задачи партии в отношении женщин были определены как политическая и экономическая мобилизация женщин и сопутствующая ей дефамилизация.

Для пробуждения «широких женских масс» (Коллонтай) при местных партийных комитетах были созданы женкомиссии (1918 г.) и женотделы (1919 г.). Письмо ЦК РКП(б) предписывало последним проводить делегатские собрания и организовывать «практиканство».

Таким образом, для вовлечения женщин в советскую публичную сферу была использована привычная и институционализировавшаяся форма женской активности — женское движение в виде делегатского движения и позднее движения жен-общественниц, которые были запущены «сверху» и перед которыми были поставлены партийные задачи. Перед делегатским движением — служить единению широких масс беспартийных работниц и крестьянок

с партией. Перед движением жен-общественниц — привлекать к делу строительства социализма женщин, оказавшихся вне сферы общественного производства и, соответственно, партийного контроля.

Марксистский феминизм А. М. Коллонтай

Коллонтай вошла в первое советское правительство в качестве народного комиссара по государственному призрению. В то же время она была носительницей феминистских идей, хотя и отрицала это. По словам Т. Ю. Журженко дискурс женской эмансипации и дискурс построения коммунизм драматически пересеклись в работах А. М. Коллонтай[13], что нашло отражение в ее деятельности.

На посту наркома она пробыла недолго — четыре месяца и оставила его «по причинам принципиального несогласия с текущей политикой»[14]. Оставшись не у дел, Александра Михайловна обратилась, по ее словам, «к нерешенной задаче — освобождение женщины»[15]. Она писала: «По закону женщины получили все права, но на практике они все еще жили под старым игом. Неравноправные в семейной жизни. Порабощенные тысячей мелочей домашнего хозяйства»[16]. При создании Женотдела при ЦК РКП(б) А. М. Коллонтай не предложили возглавить отдел, хотя именно она была автором этой идеи и предлагала ее еще в апреле 1917 года на седьмой Апрельской партийной конференции. Но тогда предложение Коллонтай было провалено З. Лилиной и И. Арманд как «феминистский уклон», а в 1918 году идея создания особых женских структур в партии получила поддержку.

Первой заведующей Женотдела стала И. Ф. Арманд, после преждевременной смерти которой в сентябре 1920 года этот пост заняла А. М. Коллонтай. Но тоже ненадолго (1920–1921 гг.). Участие Коллонтай в «рабочей оппозиции» послужило причиной ее отправки в почетную ссылку — торгпредом в Норвегию (с 1922 г.). Политического влияния внутри страны она больше не имела.

Деятельность Коллонтай на посту наркома вылилась в проведение профеминистской государственной политики или политики государственного феминизма первых лет советской власти, понимая под этим то, что вопросы в отношении женщин ставились как приоритетные и государственные задачи. При Наркомате государственного призрения (с апреля 1918 г. — Наркомат социального обеспечения) А. М. Коллонтай создала Отдел по охране материнства и младенчества — Охранматмлад (31 декабря 1917 г.) и Коллегию по охране и обеспечению материнства и младенчества. Политика этих структур строилась на том постулате, что охрана материнства как специфической функции женщины является прямой обязанностью государства. Она создала Дворец по охране материнства, который, впрочем, сгорел, не успев отрыться.

В целом политика государства первых лет советской власти была направлена на отказ от регулирования семейных отношений и контроля над женщиной. Отмена церковного брака, введение гражданского брака, зарегист-

рированного в органах местной администрации, равные права супругов, право женщины оставлять в браке свою фамилию, признание «законными» всех детей, право на развод — все, о чем уже писалось выше, устанавливалось при самом непосредственном участии наркома А. М. Коллонтай.

Перерыв в ее государственной и партийной деятельности после ухода с поста наркома позволил ей сосредоточиться на теоретическом осмыслении проблем строительства советской гендерной политики. И сделала она это в развитии теории марксизма и феминизма.

В работах этого периода она обратилась к нерешенным проблемам русского феминизма — сексуальные, репродуктивные права женщин, освобождение женщины от ига патриархальной семьи — право женщин на развод, на аборт, на рождение ребенка вне брака (не осложненные социальными последствиями). Она разработала эту группу прав по радикальному варианту, считая, что на деле «советское брачное законодательство было не намного прогрессивнее других законов» и что «в этой области было еще много лицемерия и несправедливости»[17]. Ее идеи о равноправном партнерстве в браке, о ценности сексуальных отношений в жизни женщины (вариант эротической дружбы), о необязательности оформления брака, об освобождении женщин от быта, о делегировании материнских функций государству звучали очень радикально. В идеале отношения между женщиной и мужчиной должны были строиться на любви и товарищеских отношениях — Эрос крылатый, по определению Коллонтай. Бескрылый Эрос (только сексуальные отношения) тоже имел полное право на существование.

Коллонтай сама признавала, что в вопросе новой сексуальной морали она была «самым радикальным крылом партии» и с ее идеями «горячо боролись многие товарищи по партии»[18].

Суть ее проекта женского освобождения, по мысли В. И. Успенской, состоял в том, чтобы в ситуации революционной ломки буржуазного строя избавиться при непосредственном участии самих женщин одним махом от тех структур, которые поддерживали «половое неравенство». Направить революционный порыв женских масс на освобождение от патриархатных структур и норм общества — буржуазной семьи, морали, привязанности женщины к мужчине и к семье. Единственной обязанностью женщины было рожать детей и вскармливать их до яслей[19].

Она продолжила реализацию своих идей на посту заведующей Женотделом при ЦК РКПб. И оказалась между двух огней плохо совместимых теоретических подходов марксизма и феминизма и двух взаимоисключающих практик — советского и партийного строительства и попыток вписать в этот процесс женскую составляющую.

С одной стороны, она поддерживала ту установку своей партии, что массовое вовлечение женщин в общественное производство обеспечит решение «женского вопроса» и шла по пути «реализации равноправия женщины как единицы народного хозяйства и как гражданки в политической сфере, кроме

того, с особым условием: материнство как социальная функция»[20]. Она призывала работниц и крестьянок отдать свой труд и употребить свои гражданские права на то, чтобы обеспечить в Советской России полную победу коммунизма. И писала, что силы, здоровье женщин нужно беречь для коллектива. Поэтому активно поддерживала политику обобществления быта, которая как направление партийной работы была принята на VIII съезде партии (1919 г.).

О. А. Хасбулатова считает, что идеи освобождения женщин от «домашнего рабства» носили мифотворческий, упрощенный характер и что политика социализации быта также преследовала интересы государства, а не только женщин. Этот интерес, по ее мнению, просматривается в вопросе распределения продуктов среди населения, в вопросе повышения производительности труда[21]. Отметим, что политика социализации быта не имела проработанной теоретической базы, как это было сделано феминистками в отношении других женских проблем и интересов. Т. Ю. Журженко считает, что «государственный утилитаризм» Коллонтай в отношении женщин был порожден ее искренней верой в то, что впервые в истории интересы женщин и государства совпали[22].

С другой стороны, Коллонтай пришла к выводу, что изменений в социальной структуре общества недостаточно для изменения отношений между мужчиной и женщиной, что должны произойти личностные изменения в женщинах и мужчинах[23]. Коллонтай считала, что препятствием для женщины выступают культурные представления общества. Отсюда ее вывод, что культурная революция для женщин не может ограничиться лишь преодолением неграмотности, что она связана со сложным процессом изменений их представлений о самих себе, о своих правах, своих возможностях и своей ответственности. Другими словами, она обогатила теорию культурной революции включением в нее как обязательной составляющей элементов теории сексуальной революции, с такими новыми для марксизма понятиями, как «психология пола», «половая мораль». Она считала, что женщине предстоит проделать большую работу над собой, чтобы получить свои права и для того ей нужно отказаться от «типичных женских качеств», т. е. предлагала измениться по мужскому образцу.

Коллонтай пришла, вернее, вернулась к идее «новой женщины». Впервые она изложила свои представления о «новой женщине» в одноименной статье в 1913 году. Эта женщина не только была занята в общественном производстве, участвовала в политической деятельности, но и по-новому выстраивала свои сексуальные и семейные отношения. «Новая женщина» Коллонтай полностью совпадала с «новой женщиной» равноправок. В феминистском варианте «новая женщина» стремилась быть самостоятельной и независимой личностью, жить общечеловеческими интересами, боролась за свои гражданские права, выступала против двойной сексуальной морали и отказывалась играть второстепенную роль в обществе. Феминистка А. В. Тыркова, например, развивая эту тему, считала, что «новая женщина», должна бороться не только за

свои политические и социальные права, но и за изменение морали, вырабатывать новый женский характер[24]. Также Тыркова призывала соратниц по движению работать над созданием общества, в котором женщины и мужчины были бы разными и равноценными членами общества, утверждала, что нужно готовить общественные условия и психологию, заставить понять и мужчин и женщин неизбежность и насущность равноправия[25]. Расходилась Коллонтай с равноправками (да и то не со всеми) только в вопросе решения проблемы «разности-одинаковости».

Образ «новой женщины» работал в дореволюционной России, заработал он и в новых политических и экономических условиях и в другой социальной среде. В значительной степени этому способствовала женская коммунистическая пресса — журналы «Работница» (возобновлена в 1923 г.), «Крестьянка» (с 1922 г.), «Делегатка» (1923–1931 гг.), «Коммунистка» (1920–1930 гг.), «Общественница» (1936–1941 гг.), которые по меркам дореволюционных женских журналов выходили огромными тиражами[26], и на страницах которых женщина недавних социальных низов представала как субъект социальных действий и значимая участница грандиозных социальных процессов.

В 1920-е годы «новая женщина» Коллонтай обогатилась идеей женщины — лидера в социалистическом строительстве. «Коллонтай предлагала революционному государству сделать ставку на женщину как привилегированного партнера при создании новых форм общежития, нового коммунистического уклада»[27], к чему лидеры большевистской партии не были готовы. Они были склонны рассматривать женщин как культурно отсталую и обремененную предрассудками массу.

Коллонтай было присуще настойчивое стремление сделать женское движение самостоятельным. Это было продолжением феминистской традиции и плохо согласовывалось с генеральной линией партии, и чем дальше, тем сильнее обрисовывался этот разрыв.

Коллонтай развивала марксистский феминизм, ввела в марксистскую теорию категорию «пол», и тем самым сделала женскую проблематику значимой для социалистической теории[28].

Но Коллонтай положила начало и «сексуальной контрреволюции» (В. Райх). Она рассматривала материнство как социальную обязанность женщин перед государством, и в этой точке совершился поворот к политике государственного протекционализма и вмешательства в частную жизнь женщин и семьи, к политике принудительного материнства, к прямому контракту женщины с государством и возврат к ситуации поглощенности лица миром (Н. А. Бердяев) и личности родом (С. Г. Айвазова). Легализация аборта (ноябрь 1920 г.), по свидетельству Коллонтай, произошла под давлением женских организаций и рассматривалась советским правительством как мера вынужденная и временная. Речь о праве женщины на выбор, на распоряжение своим телом не шла. Идея осознанного материнства, которую развивали равноправки, была оставлена за ненадобностью и со временем была вытеснена из общественного, в том числе женского сознания.

Так был заложен краеугольный камень женского подавления — решение проблем женщин государственной властью в рамках нового социального строя при отсутствии контроля со стороны женского движения. Женское движение в виде делегатского упразднили в 1930-е годы. Утверждение, что в отсутствии общественных движений происходит огосударствление общественной жизни с неизбежным проигрышем граждан, подтвердилось в очередной раз.

Следствием сексуальной контрреволюции стало то, что «дарованные» права свелись к льготам и гарантиям материнских функций женщин. Политика государственного протекционизма не разрушала, а закрепляла отношения патриархатного типа, не создавала условий для развития женской личности. Семья оказалась в полной зависимости от государства. Политические права в государстве, существующем без выборов, утратили свое значение. Государство начало формировать новые отношения между полами, т. е. новый гендерный порядок. Другими словами, «советское государство выступало главным агентом создания и поддержания нового советского гендерного порядка, регулирующего отношения между государством, гражданами и гражданками»[29].

Наступление на саму Коллонтай и ее идеи началось в 1923 году. После потери А. М. Коллонтай своих статусных позиций в партии и отъезда в почетную ссылку в Норвегию появились статьи Б. Арватова «Гражданка Ахматова и товарищ Коллонтай», И. Лин «Эрос из Рогожско-Симоновского уезда», П. Виноградовой «Вопросы морали, пола, быта и тов. Коллонтай»[30], в которых ее идеи грубо дискредитировались.

Женотделы

Отделы по работе среди женщин (женотделы) пронизывали партийную структуру сверху донизу — от ЦК РКП(б) до низовых партийных комитетов. Одновременно с тем они имели и горизонтальное подчинение и были созданы при областных, губернских, городских, уездных, районных комитетах партии и действовали с 1919 по 1930 год. Изначально их задачи были определены

как трудовое раскрепощение работниц и крестьянок, развитие самодеятельности женского пролетариата. Затем цели были уточнены: распространение влияния партии на широкие слои беспартийных работниц и крестьянок путем их политического культурного воспитания; вовлечение женщин в партийное, советское, профсоюзное и кооперативное строительство; социализация быта (т. е. создание яслей, столовых и т. д.)[31]. По мнению исследователей (Градсковой, Журженко, Козловой, Костюшевой)[32], это была политика трудовой мобилизации, для которой было необходимо «вырывание» женщин из семьи, так как они были потенциально дешевой рабочей силой.

12 декабря 1918 года вышла инструкция по работе среди женщин — «Указания ЦК РКП(б) по вопросам организации работы среди женщин» и ЦК сформировал комиссию для пропаганды и агитации среди женщин, которые также централизованно создавались на местах. В декабре 1919 года циркулярное письмо ЦК РКП(б) «Работа среди женского пролетариата» обязала все партийные комитеты создать отделы для работы «исключительно с женщинами».

Работа среди женщин велась строго централизовано. Партийные директивы определяли цели, задачи, средства работы, состав, численность женотделов, их компетенцию, отчетность, место в структуре органов власти. Н. Н. Козлова нашла в тверских архивах требования центра буквального соблюдения инструкций, с тем чтобы «не получить неправильные женские организации на местах»[33]. Показательно, что ЦК РКП(б) еще дважды пересматривал Положение о женсоветах (1921 г., 1926 г.)[34] и четырежды рассматривал и утверждал положение о делегатских собраниях (1923 г., 1925 г., 1927 г., 1929 г.)[35].

Местные комитеты партии в Тверской губернии при создании женотделов зафиксировали тот факт, что женских (рабочих) организаций на местах нет и что опереться в работе с женскими массами не на что. Партийные документы, по данным Н. Н. Козловой, демонстрируют полную отчужденность женщин (работниц и крестьянок) от публичной сферы. Этот факт лишний раз подтверждает вывод об отсутствии до 1917 года женского пролетарского движения. В то время как организации женщин среднего класса, хотя бы в виде Дамских благотворительных комитетов, существовали практически во всех провинциальных городах. По мнению Н. Н. Козловой, работа большевиков среди женщин разворачивалась на голом месте, но серьезного сопротивления не встречала[36].

Плакат 1920-х годов

Коллонтай считала, что женсоветы должны вести работу под контролем партийного комитета, всегда помня, что на первом месте должны быть общие задачи партии. Вместе с тем при

разработке идеологии женотделов, она предполагала для них определенную автономию и право «выдвигать перед партией и советскими органами нужды и запросы женского трудового населения, содействовать развитию законодательства и изменению условий жизни работниц и крестьянок в духе всестороннего раскрепощения женщин»[37].

Тем самым новые партийные женские структуры должны были брать на себя движенческие функции — институциональное представительство женщин как специфической социальной группы. Объективно они вставали на позицию, утверждающую, что женщины имеют свои общеженские проблемы неклассового характера, «которые либо вытекают из особенностей женского пола <...>, либо связанные с особо неблагоприятным положением женщин, с фактической закрепощенностью их или неравенством»[38].

Женотделы проводили женские митинги, конференции, делегатские собрания. Все эти формы работы были давно освоены феминистками и в глазах населения были нормой.

По почину Женотдела с апреля 1920 года началась практика привлечения делегаток из работниц, крестьянок, домохозяек и служащих к практической работе в отделах исполкомов и их учреждениях. С 1921 года, после постановления СНК «О порядке привлечения работниц и крестьянок к работе в советских учреждениях»[39] — в профсоюзных организациях, судах. Делегатки, согласно квоте, избирались на общих собраниях на один год, в течение которого они занимались по программе, разработанной Женотделом и Агитационно-пропагандистским отделом ЦК партии, и проходили практику в советских органах (в отделах социального обеспечения, здравоохранения, образования исполкомов), в фабрично-заводских комитетах, в профсоюзных и партийных структурах. Они вели прием посетителей, проводили обследования, рассматривали жалобы. Многие из них после практики оставались на советской, партийной и профсоюзной работе. Делегатки должны были проводить идеи партии в жизнь и информировать партию о женских проблемах. Год от года делегатское движение разрасталось: в 1922 году делегаток было 95 тыс., в 1923/1924 — 208 700; в 1924/1925 — 378 200; в 1925/1926 — 500 тыс.; в 1926/1927 — 620 тыс.[40] Так, женское движение возродилось в виде делегатского движения.

Женотделы очень скоро расширили свои функции и действительно стали структурой, осуществлявшей институциональное представительство женщин, способствовавшей росту самосознания женщин и осмыслению ими своих интересов и проблем. Сохраняя просветительскую, информационную функции, они взяли на себя контролирующие и правозащитные. Они защищали интересы женщин и стали специфической организацией, решающей их повседневные проблемы (трудоустройство, устройство детей в дошкольные учреждения), взаимодействующей с властями в случае неравноправного положения женщин на производстве, по проблемам охраны женского труда, приема женщин в школы ФЗУ и т. д. Они ставили вопросы о привлечении делегаток к

работе советских, профсоюзных органах, об оплате их труда в этих структурах, опираясь на дополнения Центрального отдела работниц и крестьянок к тезисам товарища Зиновьева «Об улучшении Советского аппарата и о борьбе с бюрократизмом»[41]. С появлением безработицы в годы НЭПа они перешли на оборонительные позиции, с тем чтобы защитить провозглашенное в 1917 году право женщины на труд[42].

В соответствии с планом работы на 1928–1929 годы Отдел по работе с женщинами (женотдел) при ЦК ВКП(б) планировал проверить работу профсоюзов, кооперации и советов по улучшению быта работниц; Наркомздрава и Наркомпроса по выполнению директив о мероприятиях по улучшению быта крестьянок и дать им новые директивы. Женсоветы стремились к расширению собственных структур. В 1924 году были созданы Комиссии по изучению и улучшению женского труда, которые контролировали вопросы охраны труда женщин, профессиональной подготовки женщин-работниц, противостояли вытеснению женского труда с производства[43]. Сказывались традиции и опыт женского и феминистского движения.

Женотделы далеко отошли от поставленных партией задач трудовой и политической мобилизации женщин. Давление на них было постоянным. Исследователи пишут о неприятии их деятельности со стороны партийных и советских органов[44]; отмечают, что особенно эти тенденции были сильны в 1920–1921 годах[45], и что комитеты партии на местах принимали самоуправные решения о ликвидации женотделов[46].

Высшие партийные инстанции регулярно обращались к теме женсоветов, страсти вокруг женских структур в партии не утихали. Не успел XI съезд партии (1922 г.) положить конец дискуссии о праве женотделов на существование[47], как XII съезд (1923 г.) призывал к изживанию «феминистических уклонов» путем осуществления полного руководства парткомов работой женотделов и укомплектования их квалифицированными партработниками»[48].

Все вышеизложенное согласуется с выводом Е. К. Костюшевой, что в советской России имела место «своеобразная феминистская практика, осуществляемая на низовом уровне коммунистического женского движения» и что «инициативное поведение женщин по защите своих прав и интересов в 1920-е годы было продолжением традиции, сформировавшейся в ходе развития либерального женского движения в России середины XIX — начала XX веков»[49].

Деятельность женотделов по формированию активного социального поведения женщин, включение их с производственную сферу и общественную жизнь (определенные нуждами трудовой мобилизации) сопровождались процессами разрушения поло-ролевых установок патриархальной семьи и традиционных моделей поведения женщин. Через участие в общественно-политической и экономической жизни росло самосознание женщин, самооценка, шло усвоение новых ролей, преодоление «внутренних препон» (Шапир). «Раскрепощение» женщин проходило по феминистскому варианту.

А. В. Артюхина

К. И. Николаева

К. Н. Самойлова

С. Н. Смидович

В отечественной историографии встречается мнение о «женской революции», происшедшей в 1920-х годах под воздействием делегатского движения[50].

Личностная самоидентификация женщин — активисток и участниц делегатского движения претерпевала серьезные изменения. Объективно женотделы становились структурой, развивающей и продвигающей независимую женскую личность, ее экономическую и бытовую самостоятельность.

Появились лидеры движения (А. В. Артюхина, А. Васильева, В. П. Голубева, П. Ф. Куделли, К. И. Николаева, К. Н. Самойлова, С. Н. Смидович, И. Унскова, М. А. Шабурова и др.), многие из которых принимали участие еще в женском «буржуазном» движении.

Движение женщин переросло заданные ему рамки. Обсуждение и практика реформирования отношений в семье, построение брака и развода на основах «новой морали», защиты достоинства женщин, позволяет говорить о новом витке в развитии феминистских идей и практик под влиянием новых социально-политических условий и в рамках марксистской идеологии и риторики.

Это была реализация задач, поставленных в свое время равноправками, но в немыслимых для них масштабах.

Самодеятельная инициатива в решении бытовых и производственных вопросов, расширение контролирующих функций, оценка проблем женщин, как базовых и самоценных, созвучность с феминистскими установками о ценности женской личности как таковой, если не в теоретическом поле, то в практической деятельности (охрана прав женщин и др.) вступили в полное противоречие с партийными установками. Особенно это стало очевидно после 1929 года. Курс на ускоренную индустриализацию отодвинул на второй план проблемы отдельного человека и вопросы достойного человека быта. Заниматься социализацией быта у государства не было средств, не было и понимания необходимости такой политики. Теперь это рассматривалось как азарт и перегибы первых революционных лет. «Женский вопрос» был объявлен в СССР решенным.

Постановление ЦК ВКП(б) «О реорганизации аппарата ВКП(б) от 5 января 1929 года[51] упразднило женотделы. Симптоматично, что в апреле того же года было образовано Управление лагерями, которое ноябре 1930 года по-

лучило название Главное управление исправительно-трудовых лагерей и мест заключения — ГУЛаг. Вместо женотделов были созданы женсекторы при отелах агитации комитетов партии, а в 1934 году были закрыты и они. Секретарь ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович написал в своей статье, что женотделы закончили круг своего развития, перестали быть прогрессивным центром и стали «тормозящим», и что женщин в советских, профсоюзных, фабрично-заводских комитетах достаточно[52].

Ликвидация женотделов была неожиданной. Журнал «Коммунистка» (редактор Н. К. Крупская) как орган Отдела по работе с женщинами при ЦК ВКП(б) (в который был переименован женотдел) был закрыт в одночасье, несмотря на то, что подписка на новый 1930 год уже была завершена. Последняя заведующая «женским» отделом А. В. Артюхина считала, что женщин еще совсем недостаточно во всех структурах общества: в партии их было только 13,5 %, в промышленности 29 % (против 30,4 % в 1913 г.), среди учащихся рабфаков 30 %[53]. Но это уже никого не интересовало.

Закрытие женотделов — знак свертывания демократии в стране. Они воспринимались как крайне радикальный проект даже в начале революционных преобразований, а в ситуации концентрации власти особенно. Женщины в СССР так и не стали действующим коллективным субъектом, защищающим свои интересы и привносящим в политику свою субъективность, хотя благодаря женскому и феминистскому движению они были на пути к этому. В. И. Успенская права — реализация идей А. М. Коллонтай не отвечала возможностям общества, а деятельность женсоветов потребностям нового, но старого патриархатного государства, сознавшего выгоды массового вовлечения женщин в социалистическое строительство[54]. Сбылся прогноз А. А. Кальманович, которая на женском съезде в далеком 1908 году предупреждала, что «грядущий социализм будет мужским социализмом» и цена ему будет не больше, чем существующему царскому режиму, если женщины уже на этапе создания демократических оснований жизни не войдут во власть на уровень принятия решений и не поймут, как это важно.

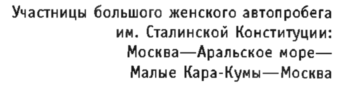
По данным Е. К. Костюшевой в Петрограде в годы НЭПа (1921–1925 гг.) появились новые самостоятельные женские организации и возродились некоторые старые: «Общество содействия женскому сельскохозяйственному образованию», «Российская Лига женщин», «Ассоциация культурных женщин», которые ставили перед собой задачи не коммунистического строительства, а развитие самосознания женщин, улучшение бытовых условий и культурной работы среди женщин. В этом нет ничего удивительно. Повторимся, что в России (в первую очередь в столицах) усилиями женского и феминистского движения была сформирована потребность и

существовала традиция деятельного решения женщинами своих проблем через движение, основанном на признании собственной женской коллективной идентичности, на осознании своих гражданских прав, на выдвижении своих требований и на контроле за деятельностью правительства. В 1920-е годы эти объединения уже никак не могли влиять на политику и вскоре прекратили свое существование.

Понятия «женское движение», «феминизм», «женские интересы», «женские права», «женская культура» в советской пропаганде, а затем и в социальных и гуманитарных науках были опорочены. Наследие русского феминизма было прочно забыто. Традиция защиты женщинами своих прав была прервана.

Движение жен хозяйственников, инженеров и техников тяжелой промышленности, появившееся изначально при Наркомате тяжелой промышленности в 1934 году, никак не может рассматриваться как самодеятельная и самостоятельная инициатива женщин. Оно так же, как и делегатское движение, было запущено «сверху» и не имело ни малейшего шанса выйти на уровень самостоятельного развития. В органе движения — журнале «Общественница» «вдохновителем движения жен» был назван нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе. Журнал был органом движения, принадлежал наркомату и пестрел портретами Орджоникидзе и других комвождей. Вслед за движением жен ИТР появилось движение жен командиров, жен стахановцев, жен работников здравоохранения, легкой и пищевой промышленности, жен слушателей Промакадемии, жен писателей, художников и т. д. Это был отход от идеи женщины как полноценного социального субъекта. Идеи не столько феминистской, сколько либеральной в самом широком смысле слова.

Кружок черчения, организованный женами ИТР на Коломенском вагоностроительном заводе



Участницы большого женского автопробега им. Сталинской Конституции: Москва—Аральское море—Малые Кара-Кумы—Москва

Женщины в этом движении позиционировались как второстепенный, зависимый от своего матримониального статуса элемент. Цель движения была чисто утилитарная и вспомогательная — мобилизовать неработающих женщин на исполнение задач, поставленных партией перед их мужьями. «Наше движение помогает решению задач, поставленных вождем народов товарищем Сталиным», — писала жена директора Кривожстроя и председательница Совета жен ИТР на Кривожье Е. Э. Весник[55]. Женам ИТР отводилась деятельность по повышению общей «культурности» рабочих. На деле жен-домохозяек привлекали в производственную сферу как дополнительный трудовой резерв через общественную работу. Это подтверждает начавшееся в ответ на решения XVIII съезда ВКП(б) в 1939 году движение жен-домохозяек за освоение производственных профессий и переход на производство[56].

«Сделаем наш завод красивым!»
С обложки журнала «Общественница»

Нет сомнений, что в рамках этих проектов существовали самостоятельные и оригинальные женские инициативы. Но сами эти движенческие проекты были имитацией. Они наглядно демонстрировали приоритет партийной идеологии коммунистического строительства и отсутствие собственной идеологии женского движения, отрицали существование специфических женских

Е. Э. Весник информирует жен инженерно-технических работников Криворожстроя о предстоящем Всесоюзном совещании

проблем и женщин как самостоятельных субъектов социальных действий. Они подчиняли женскую инициативу классовым задачам, манипулировали женщинами и эксплуатировали их энтузиазм под видом движения. Эти имитационные движения прекратили свое существование в начале войны в 1941 году.

Новый всплеск советского феминизма произошел в годы застоя. Это было неожиданно на фоне общественно-политической пассивности женщин в СССР. В 1979 году в Ленинграде тиражом в десять экземпляров вышел самиздатовский альманах «Женщина и Россия». Это была инициатива Татьяны Мамоновой, Юлии Вознесенской, Татьяны Горичевой и Натальи Малаховской.

Т. Мамонова

По словам Н. Малаховской, она и ее подруги не знали, что такое феминизм, им это объяснила лидер группы Т. Мамонова[57]. Авторы издания оперировали понятием «женский вопрос» и в редакционной статье утверждали, что он — «существеннейшая часть общей борьбы за обновление мира»[58]. Они отрицали советский опыт решения «женского вопроса», результатом которого явилась подмена женского освобождения изощренной и завуалированной формой эксплуатации и скрытой дискриминацией.

Журнал, несмотря на микроскопический тираж, произвел сильное впечатление на власть. Размышления о реалиях женской жизни в Советском Союзе (положение в роддомах, процедура аборта, женские колонии, пятирублевое пособие одиноким матерям), об общей униженности женщин в советском обществе, об отсутствии репрезентации женщин в советской культуре; рассуждения о женской культуре и через то поиски своей женской идентичности, вызвали резкую реакцию.

Участницы альманаха подверглись запугиванию, обыскам и травле со стороны КГБ. Издательниц предупредили, что в случае продолжения работы над альманахом их арестуют. Самой страшной угрозой, по словам Малаховской, была та, что у них отнимут детей. Поэтому было принято решение начать издавать новый журнал — «Мария».

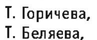
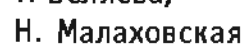
1 марта 1980 года организаторы и авторы журнала провели конференцию, на которой основали клуб «Мария». Первый номер журнала «Мария» был арестован в макете, но потом воссоздан и, перепечатанный на машинке и переплетенный вручную, увидел свет. Группа начала работу над вторым номером.

Первая редколлегия в составе Татьяны Мамоновой, Татьяны Горичевой, Юлии Вознесенской и Натальи Малаховской была выслана из Советского Союза летом 1980 года. Но вокруг журнала уже сложился свой круг поддержки, своя рабочая группа в лице Татьяны Беляевой, Натальи Мальцевой (Вера Голубева), Ксении Ротмановой (Клавдия Романова), Галины Григорьевой (Галина Хамова), Елены Шаныгиной (Елена Дорон), Натальи Лазаревой, Натальи Лукиной, Аллы Сарибан, Софьи Соколовой. Эти женщины также подверглись

репрессиям со стороны властей. Одни покинули страну (в общей сложности выслали семерых), другие потеряли работу. Наталью Лазареву дважды арестовывали, она была осуждена и провела в заключении в общей сложности около пяти лет. Журнал прекратил свое существование в 1982 году.

Ленинградские феминистки идентифицировали себя не как феминисток, а как диссиденток. Они понимали феминизм, как запрет на проявление «женского», как формирование женщины по мужскому образцу. Феминизм у них ассоциировался с советским строем, против которого они выступали как диссидентки. Но в диссидентском движении они остро чувствовали отношение к женским проблемам как второсортным. В то время как активисты-мужчины остро чувствовали взрывоопасность «женских» идей. Собственно проект женского журнала начался с того, что мужская диссидентская элита не пускала женские материалы на страницы таких самиздатовских изданий как «Часы», «37».

Ленинградские диссидентки писали о необходимости «развития женщины во всей красоте и полноте ее пола», о необходимости противостоять «рабству большевистского гермафродизма»[59] и считали, что духовное возрожде-



Т. Горичева,
Т. Беляева,
Н. Малаховская

Т. Горичева,
Ю. Динабург,
Г. Григорьева

ние женщины — наиважнейшая задача для всего общества. Они проповедовали демократизм, любовь, ненасилие, разгосударствление частной жизни и считали, что занимаются проблемами социальными и правозащитными. Тем самым они продолжили теоретическую традицию тех русских феминисток, которые призывали к равенству в различии.

Они были тесно связаны с андеграундом — движением против официальной культуры — и своим творчеством (они были художницами, писательницами, поэтессами, философами) вписывали в культуру женское видение мира. На страницах своего издания они утверждали, что страна находится на краю нравственной, духовной и даже физической гибели из-за попрания женских ценностей[60]. Ленинградские диссидентки воспроизвели идеи русских равноправок о женской культуре, ничего о них не зная. Так, новое женское самосознание заявило о себе через альтернативную неофициальную культуру. Это было проявление новой коллективной женской идентичности, нулевой фазой, латентным этапом движения, которое усилиями КГБ было предотвращено.

Советский феминизм стал феминизмом диссидентским. Логичное завершение проекта освобождения женщины при социализме. С. Г. Айвазова определила этот всплеск советского феминизма как реакцию на «советскую эмансипацию»[61].

В ситуации перестройки традицию по изданию женского самиздатовского журнала продолжила Ольга Липовская, которая в 1988–1991 годах издавала в Ленинграде журнал «Женское чтение». О. Липовская была знакома с феминистской теорией и прямо написала в редакционной статье, что «журнал будет освещать и популяризировать феминизм»[62].

Феминизм вновь появился в России в ситуации агонии социалистического строя и на новом витке своего развития вылился в диссидентскую, правозащитную деятельность.

Заключение
ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ И УСЛОВИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ И ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Женское движение России зародилось практически одновременно с началом модернизации страны. Его появлению способствовала политическая ситуация, сложившаяся в результате экономического и политического кризиса, которая сделала возможным мобилизацию недовольства депривированной и маргинализированной в результате этого кризиса социальной группы — образованных женщин, преимущественно дворянского происхождения.

Исследователи давно уже рассматривают появление женской гражданской активности (включая политическую активность), оформленную в социальное движение женщин, как признак модернизации общественной системы[1]. Данное исследование позволяет сделать вывод, что это движение является также и условием модернизации. Женское, феминистское движения формируют социальные запросы женщин как большой социальной группы, через его структуры активистки движения продвигаются им в модернизаторскую элиту, понимая под ней внутреннюю, преобразующую силу общества, и артикулируют проблемы и требования женщин. Движение женщин аккумулирует их гражданскую активность и способствуют переходу к гражданскому обществу.

Движение — форма коллективного субъекта, основанного на коллективной идентичности, на осознании каждого его участника членом определенной социальной группы со своими специфическими интересами. Женское движение способствовало гражданскому становлению женщин через достижение внешних условий эмансипации (правовых норм) и внутренней работы по формированию коллективной идентичности женщины-гражданки, усвоению идеи значимости каждой отдельной личности для процессов социальных изменений.

Женское движение первого этапа поставило проблему «несправедливого положения женщины в российском обществе» и определило конкретные задачи, решение которых должно было изменить ситуацию. Эти задачи были определены как «труд, знание и свобода чувств».

Отсутствие системы среднего и высшего женского образования, отсутствие у женщин права на высшее образование, запрет практически на все виды оплачиваемой занятости (кроме профессий гувернантки и домашней учительницы для женщин среднего класса), жесткие требования к образу

1 См.: *Айвазова С. Г.* Женское движение как ресурс модернизации России // Гендерная реконструкция политических систем. М., 2004. С. 641.

жизни и поведению женщин, охранительные тенденции в отношении мобильности женщин, их инновационного поведения и как результат зависимое, маргинализированное и нищенское положение большой социальной группы — женщин — вот суть претензий участниц движения.

На первом этапе женского движения многие из этих проблем были решены. Появились средние и высшие женские учебные заведения, женщины начали работать в сфере «интеллигентного» труда (т. е. профессионального и престижного), были пересмотрены нормы женского поведения, изменилось само отношение к женщинам. Эти культурные и социальные изменения имели долгосрочные социальные последствия.

Женское движение России 1858–1905 годов институционализировалось в общественном сознании как благотворительное и благотворительно — просветительское. Его организационную, культурно-просветительскую работу можно определить как вид социальной работы, направленной на поддержание женщин разных социальных слоев, но преимущественно женщин «образованных средних классов» на основе системы специальных учреждений, созданных самими движением. Это была реализованная попытка решить проблемы женщин самостоятельно.

К началу 1880-х годов движение достигло высокого уровня институционализации. Его идеи и деятельность были позитивно приняты общественностью, а правительство вынужденно было разрешить создание структур высшего женского образования, разрешить женщинам трудиться в образовательной, медицинской сферах, в телеграфном ведомстве, в учреждениях Ведомства императрицы Марии. Движение стало реальным субъектом социальных изменений.

Развитие движение по достижению высокого уровня институционализации, т. е. развитие его на стадии зрелости — одна из наиболее трудных внутренних проблем движения[2]. «Социальные движения зарождаются в период социальных волнений, сохраняются на стадии всеобщего возбуждения, переходят к этапу формальной организации и заканчиваются институционализацией», — писал Н. Смелзер[3]. Институционализация предполагает изменение политических институтов, т. е. включение движения и его организаций в социальные и политические институты общества, и изменение общественного мнения, т. е. принятие широкой публикой его идей, а также поддержку его целей со стороны людей высокого уровня влияния.

В начале 1880-х годах «женский вопрос» начал рассматриваться в России как государственная проблема, требующая действий правительства, т. е. система начала откликаться на запрос движения. Институционализация движения всегда означает его закат. Но этого не произошло. Правительство, перейдя в конце 1880-х годов к открытой реакции, практически разрушило

2 *Алексеев А. Н.* Опыт модели концептуализированного описания общественных движений (методологические заметки) // Социология общественных движений: концептуальные модели исследования. 1989–1990. М., 1992.

3 *Смелзер Н.* Социология. М., 1994. С. 602.

созданную движением систему высшего женского образования, которое носило разрешительный характер и не было оформлено законодательно. Женское движение вступило в полосу кризиса.

Кроме того, в самом движении 1880-е годы были временем смены поколений. Участницы и активистки движения первого призыва, достигнув преклонного возраста, отходили от движения. Молодых демократически настроенных женщин идеи женской благотворительности в интересах женщин не привлекали. Они видели в женском движении «душную и пресную филантропию». Ариадна Тыркова поставила диагноз непопулярности женского движения в этой среде — «отсутствие подлинной идеологии». Курсистки, молодые образованные женщины активно включались в революционное, социал-демократическое движение — более модное, прогрессивное, идейное и «общечеловеческое». Они считали женское движение устаревшим и слишком акцентирующим тему пола. Хотя, следует заметить, что свое образование и возможность работать в общественной сфере они получили именно благодаря деятельности этого движения. Их социализация и становление как субъектов социальных действий происходила уже в новых социальных реалиях, изменившихся благодаря деятельности движения. Многие известные социал-демократки имели за плечами Бестужевские курсы — детище женского движения первой волны, о чем свидетельствует мемориальная доска на здании курсов.

Идеи, генерализированные верования, которые развивало и на которых строилось женское движение, — о несправедливости положения женщин, об ограничениях на пути развития женской личности, о необходимости ее развития в интересах общества, о важности использования женского ресурса все в тех же интересах общества — оказались недостаточными для широкой мобилизации. Возникла острая потребность в идеологии, не благотворительно-патронажного характера, а наступательной, объясняющей причины дискриминации женщин и намечающей пути ее преодоления самими женщинами как самостоятельными акторами.

Таким образом, подтвердился вывод, что сопротивление властей — фактор развития движения. Власть не подавляет движение своими репрессиями, а способствует его развитию, обновлению, поиску новых идей, тактик и методов работы.

В результате кризиса 1880-х годов равноправки пришли к выводу, что «равность» женщин и мужчин должны быть оформлено законодательно, что движение должно работать в правовом поле. Так они вышли на другой уровень понимания «женского вопроса» и развития движения. Русские феминистки связали проблему женского равноправия с проблемой формирования правового государства и с проблемой развития правосознания женщин. Равноправность по закону и слом на его основе обычаев, традиций, репрессирующих женщин как социальных субъектов, стало движущей идеей и требованием второго этапа движения. Феминистская идеология объясняла, в чем заключается несправедливость мира по отношению к женщине. Она утверждала

справедливость социальных изменений и мотивировала участниц движения к действиям. В соответствии с новой идеологией были созданы новые женские организации, которые объединили женщин более молодого поколения и которые продвинули движение на политические рубежи. Таким образом, основное различие первого и второго этапов движения — наличие идеологии. Идеология выступила ресурсом и эффективной стратегией мобилизации. Опыт первого этапа движения показал, что мобилизовать только людей недостаточно. Движение должно мобилизовывать идеи, т. е. вырабатывать идеологию, которая объединяет его участников.

Эта переориентация женского движения, разработка наступательной феминистской идеологии обновила социальный состав участниц движения и высветила ряд проблем движения. В том числе проблему рекрутирования и восприятия движения общественностью. Развитие идеи свободной, самостоятельной и самодостаточной женской личности с главной идеей «женщина для себя» встречала сложное и неоднозначное восприятие. А создание идеала «новой женщины» в беллетристике, публицистике, который служил основой самоидентификации для молодых российских женщин, вызвало к жизни сильное противодействие многих видных общественных деятелей и социальных структур. Эмансипационная идеология, основанная на идеологии индивидуализма и включавшая в себя задачу развития самодостаточной женской личности, расширение гражданских прав и свобод женщин в экономической, культурной, общественной сферах, противостояла культурным установкам традиционного российского общества. Процесс личностной автономизации в России вообще шел медленно — он был отягощен неразорванными связями индивида с родом, с общиной[4].

Эмансипационная, феминистская идеология противостояла коллективистской идеологии народничества, пестуемому духу общинности, интеллигентским идеям о долге перед народом. С другой стороны, она находилась в оппозиции православному идеалу женской жертвенности, жизни во имя другого. Женщина в системе ценностей патриархатной культуры не рассматривалась как личность, а только как член семьи, полностью подчиненный ее интересам, не имеющей и не могущей иметь своих личных интересов. Перед женским движением стояла в высшей степени сложная задача — изменить культурные нормы традиционного общества, которые стояли на пути к свободной женской личности, создать условия для жизнедеятельности «новой женщины», что было возможно только в демократическом государстве на основе гражданского общества.

Идея ценности женской личности, создание новых демократических норм выступили основой коллективной идентичности и солидарности женщин. Теория эмерджентных норм рассматривает создание новых норм как одну из ос-

[4] *Айвазова С. Г.* Женское движение как ресурс модернизации России // Гендерная реконструкция политических систем. М., 2004. С. 643.

новных функций движения[5]. Именно они позволили создать систему взаимной поддержки женщин, образовательные структуры для женщин и шире — инфраструктуру жизни одинокой образованной женщины. Именно сформированная коллективная женская идентичность позволила женщинам «образованных средних классов» понять проблемы женщин социальных низов и организовать помощь этим категориям женщин. Участницы женского и феминистского движения активно работали с такими группами женщин, как работницы, проститутки. Некоторые феминистские организации начали работу с крестьянками.

Феминистская идеология, сформированная на ее основе солидарность, работа с женщинами низших социальных групп способствовали росту самосознания как участниц движения, так и его клиентов. Конечно, сложность феминистских идей не позволяла женщинам с низким образовательным уровнем стать активными участницами движения. Но рост самосознания этих женщин подводил их к восприятию себя как субъекта социальных действий и способствовал их включению в революционное движение, которое было для них более значимым и более понятным. Работницы, взращенные в женских организациях, прямо уходили в революцию. Феминистки обсуждали эту проблему и не усмотрели в ней никакого противоречия. Они работали на новое демократическое общество, сами находились в оппозиции к существующему режиму и многие из них в той или иной степени разделяли социалистические идеи. В том числе ту идею, что «истинное освобождение женщины» возможно только при новом общественном строе.

Российский феминизм провозглашал новые ценности, утверждал новые нормы поведения для женщины, переформулировал, что есть женщина, и создавал новую женскую идентичность. Одно из достижений второго этапа движения — осознанная коллективная идентичность россиянок, распространяющаяся в том числе и на женщин «не владеющих групп». Этот фактор стал решающим для зарождения женского пролетарского движения в 1917 году. Таким образом, движение второго этапа — феминистское пересматривало традиционные женские роли и ориентировалось на изменение структуры гендерных отношений.

Сформировав свою идеологию, феминистское движение превратилось в силу, которая, влияя на общественное сознание (через утверждение новых ценностей), на принятие новых правовых норм, постепенно меняла положение женщины в обществе. В итоге движение решило поставленную задачу — равноправки добились всей полноты политических прав для женщин.

Перед любым феминистским движением стоит проблема решения трех групп прав — права женщин на образование и труд, политические права женщин и права женщин в сфере брачно-семейных отношений, в том числе репродуктивные права.

[5] *Turner R. H., Killian L. M.* Collective Behavior. Englewood Cliffs. N. J.: Prentice Hall, 1987.

Движение первого этапа решило проблему получения женщинами образования и положило начало решению проблемы профессиональной занятости женщин.

Движение второго этапа решило проблему получения женщинами России политических прав и сильно «продвинуло» проблему женского оплачиваемого труда.

Нерешенными остались только проблемы прав женщин в сфере семейно-брачных отношений и репродуктивного поведения. Русские феминистки работали в этом направлении. Проблемы двойной сексуальной морали, право женщин на «осознанное материнство» (репродуктивные права) обсуждались в феминистской среде, в женской прессе. На врачебных Пироговских съездах по инициативе равноправок обсуждался вопрос о праве женщин на аборт. Под влиянием движения был принят закон «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах женщин и об отношениях супругов между собой и к детям» (1914 г.). Но эта группа прав не была решена в той степени, в какой это видели активистки движения. Проблемы брака и репродукции досталось в наследство советскому феминизму, и были решены им самым радикальным образом. Лидером в этом вопросе стала Александра Коллонтай.

Зимой — весной 1917 года русский феминизм институционализировался. Поставленные цели были достигнуты, лидеры и активистки движения вошли в состав законодательных (уровень городских дум) и исполнительных (Временное правительство) органов. Феминистский идеал женщины — свободной, равноправной, дееспособной гражданки получил реальное воплощение. В стране произошло изменение политических институтов и включение движения, его требований, лидеров, организаций в социальные и политические институты общества. Идея активного и легитимного участия женщин в строительстве нового демократического общества была популярна в самых широких слоях городского населения. Политические деятели разной партийной принадлежности, члены Временного правительства или поддерживали ее, или вынуждено считались с таким положением дел. Это было время, когда феминистские организации женщин среднего класса находились на пике своей активности, а женщины-пролетарки формировали свои организации и тоже заявляли о себе политическими акциями.

Но процесс распространения и усвоения идей и ценностей феминизма, превращение их в нормы жизни российского общества был прерван социалистической революцией и сменой политического строя. Достижения русского феминизма были выброшены на «свалку истории» вместе с такими достижениями России как буржуазная демократия, правовое государство, гражданское общество.

Феминистские идеи, усвоенные городскими женщинами разных социальных страт, проросли в виде советского феминизма. Они были поддержаны советской властью в первые годы ее существования, когда были приняты законы, реализующие феминистские требования. На этом этапе развития страны

интересы женщин и новой власти совпали. Таким образом, произошло изменение правовых норм в отношении женщин в Советской России (т. е. были созданы внешние условия эмансипации). Но изменение норм традиционной патриархатной культуры в отношении женщин, усвоение этих новых норм самими женщинами под воздействием сформированной коллективной идентичности женщины-гражданки (т. е. создание внутренних условий эмансипации) не произошло. Достижения русского феминизма и первые успехи советского феминизма на этом пути были перекрыты советским традиционализмом.

Нормой советского общества стали такие требования русского феминизма, как высшее образование женщин, работа женщин в общественной сфере, право женщин на репродуктивный выбор. Но феминистские идеи о существовании внеклассовой женской культуры и общеженских интересов, деятельность на их основе самостоятельных женских организаций, их активного гражданского участия, работы женщин на всех уровнях принятия решений были слишком радикальны даже для первых социальных опытов советского строя, не говоря уже о последующих его модификациях.

Советский традиционализм остановил работу феминисток над повышением правосознания женщин, надолго сделал неактуальной тему сознательного гражданства, развития правовой грамотности и культуры, т. е. тех тем, которые актуализировало феминистское движение. Это сказалось на развитии политической культуры страны, на гендерной политике государства, понимая под этим политику, которая оформляет социальные статусы гендерных групп.

Проблема подавления женщин в традиционной патриархатной культуре не была осмыслена в общественном мнении россиян, культурные нормы традиционного общества в отношении женщин не были пересмотрены. Это с неизбежностью привело к отставанию в модернизационном процессе и, соответственно, к последующему возрождению феминистского движения, которое проявилось в конце 1970-х годов в Ленинграде в виде деятельности женской диссидентской группы. Идеи вторичного положения женщин в культуре, их культурной невостребованности, тезисы об умалении всего «женского» в патриархатной советской культуре, о подавлении женской культуры, стали диссидентскими. Движение было ликвидировано усилиями органов государственной безопасности.

В 1980-е годы на волне «перестройки» (т. е. новой попытки модернизации) в стране вновь появилось независимое женское движение. Процесс модернизации — переход от традиционного уклада к современному[6]; заключается не только в экономическом, политическом, социальном, культурном развитии страны на основе демократических принципов, но, прежде всего, в усвоении идей о ценности автономной личности, ее гражданского сувере-

6 *Айвазова С. Г.* Женское движение как ресурс модернизации России // Гендерная реконструкция политических систем. М., 2004. С. 641.

нитета, ее политического участия. Реализуются эти идеи в деятельности самостоятельных, независимых от государства общественных организациях самой разной направленности, создаваемых свободными и ответственными гражданами для защиты коллективных интересов своей группы.

Перед современным женским движением встали проблемы, которые не успел решить русский феминизм. В первую очередь, это изменение традиционной патриархатной культуры в отношении женщин. Этот процесс может развиваться только под воздействием и усилиями женского, феминистского движений, которые формируют коллективную идентичность женщин, женское гражданское самосознание и женскую гражданскую ответственность, а также создают новые ценности и нормы в отношении женщин и шире — новые ценности и нормы гендерных отношений. Прежде всего, это ценности женской индивидуальности, суверенитета ее личности, идея о праве женщины на удовлетворения своих личных материальных и духовных запросов на основе своих гражданских прав и своей личной ответственности. Другими словами, женское и феминистское движения решают проблему гендерного равенства, без чего не возможен переход на современный уровень модернизации.

Социальное движение женщин, как одна из отраслей социальных движений — условие развития демократии, гражданского общества, необходимая составляющая процесса модернизации. Многочисленные исследования доказывают, что если в обществе не могут сформироваться общественные движения, то в них развиваются насилие, саморазрушение, уход в себя или цинизм[7].

[7] *Лаперони Д.* Социология социальных движений // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 2. С. 73.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

1 *Гришина З. В.* Женские организации в России (1905 — февраль-март 1917). Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. ист. н. МГУ, 1978; *Гришина З. В.* Движение за политическое равноправие женщин в годы первой русской революции // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1982. № 2; *Тишкин Г. А.* Женский вопрос в России: 50-е–60-е годы XIX века. Л., 1984; *Павлюченко Э. А.* Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988.

2 *Хасбулатова О. А.* Опыт и традиции женского движения в России. 1860–1917. Иваново, 1994; *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998; *Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б.* Женское движение в России: вторая половина XIX — начало XX века. Иваново, 2003.

3 *Айвазова С. Г.* «Второй пол» и женское движение в России // Вы и Мы. Диалог женщин. 2000, Спец. выпуск; *Айвазова С. Г.* Гендерные исследования современных политических процессов // Женщина в российском обществе. Российский научный журнал. 2002. № 2; *Айвазова С. Г.* Гендерное равенство в контексте прав человека. М., 2001; *Айвазова С. Г.* Женское движение в России: опыт типологического анализа // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. М., 1999; *Айвазова С. Г.* Женское движение как ресурс модернизации России // Гендерная реконструкция политических систем. М., 2004; *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998; *Айвазова С. Г., Кертман Г. Л.* Женщины на рандеву с российской демократией. М., 2001; *Здравомыслова Е.* Коллективная биография современных российских феминисток // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Труды Центра независимых социальных исследований / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. 1996. № 4; *Мельникова Т. А.* Женское движение в России: традиции и инновации. М., 2000; *Темкина А.* Женский путь в политику: гендерная перспектива // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Труды Центра независимых социальных исследований / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. 1996. № 4; *Темкина А.* Феминизм: Запад и Россия // Преображение. Русский феминистский журнал. 1996; *Темкина А.* Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерные тетради. Вып. первый. СПб филиал Института социологии РАН. СПб., 1997; *Юкина И. И.* Деятельность, структура и характерные особенности женских организаций Санкт-Петербурга // Справочник проектов и программ общественных организаций Санкт-Петербурга. St.-Petersburg: euroCom Gesellschaft für europaische Kommunikation, 1995; *Юкина И. И.* Женское движение России: новые тенденции и приоритеты // Реализация политики равных прав и равных возможностей женщин и мужчин в скандинавских странах Северной и Западной Европы и на Северо-Западе России. Калининград, 2003; *Konstantinova V.* No Longer Totalitarianism, but Not Yet Democracy: The Emergence of Independent Women's Movement in Russia // Women in Russia. A New Era in Russia Feminism / Ed. by A. Posadskaya. London, Verso, 1994; *Konstantinova V.* Women's Political Coalitions in Russia (1990–1994). Women's Voices in Russia Today / Ed. by A. Rotkirch and E. Haavio-Mannila. Durmouth Publishers, 1996; *Yukuna I.* Women's Paths to Political Power // Give & Take: ISAR's Journal on Civil Society in Eurasia. Issue on Women and the Third

Sector. Summer 2000; *Yukina I.* New challenges for women's movement in Russia // Women's Strategies and Politics in Transition. Dialogue across the East-West Divide / Ed. by Irina Yukina, Aino Saarinen & Elena Kudriashova. Arkhangelsk: Pomor State University, 2003.

4 *Здравомыслова Е.* Социология общественных движений — становление нового исследовательского направления // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. Изд. 2-е. М., 1998.

5 *Репина Л. П.* Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 27.

6 *Репина Л. П.* Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Под. ред. Л. П. Репиной, В. И. Уколовой. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 6.

7 *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 4. С. 433–434; *Ленин В. И.* Великий почин. М., 1979.

8 Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г. В. Осипова. М., 1998. С. 195; Краткий философский словарь / Под ред. А. П. Алексеева. М., 1997. С. 139.

9 Краткий философский словарь / Под ред. А. П. Алексеева. М., 1997. С. 138.

10 Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 7. С. 408.

11 *Бабосов Е. М.* Социология: энциклопедия. Минск: Книжный дом, 2003. С. 965–970; *Ферреоль Ж.* Социология: терминологический словарь. 2 изд. СПб.: Питер, 2003. С. 113.

12 См.: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1960.

13 *Здравомыслова Е. А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993.

14 Там же. С. 6

15 *Gurr T. R.* Why Men Rebel? Princeton: Princeton University Press, 1979; *Gurr T. R.* A Causal Model of Civil Strife: a Comparative Analysis Using New Indices // American Political Science Review. 1968. Vol. 62.

16 *Blumer H.* Social Movements // Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective / Ed. by B. McLaughlin. N. Y., 1969; *Gurr T. R.* Why Men Rebel? Princeton: Princeton University Press, 1979; *Killian L.* Social Movements // Handbook of Modern Sociology / Ed. by R. Faris. Chicago, 1964.

17 *Smelser N.* The Theory of Collective Behavior. N. Y., 1962.

18 *Здравомыслова Е. А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993. С. 113.

19 *Melucci A.* Nomads of the Present Philadelphia. Temple University Press, 1989.

20 *Blumer H.* Op. cit.

21 *Eyerman R., Jamisson A.* Social Movements: A Cognitive Approach. Pennsylvania State University Press, 1991.

22 *Melucci A.* Op. cit.

23 *McAdam D.* Gender as a Mediator of the Activist Experience: The Case of Freedom Summer // American Journal of Sociology. 1992. Vol. 97.

24 *Gurr T. R.* Why Men Rebel? Princeton: Princeton University Press, 1979; *Idem.* Relative Deprivational Correlates of Protest Behaviour // American Journal of Sociology. 1972. Vol. 49.

25 *Klandermans B.* Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory // American Sociological Review. 1984. Vol. 49.

26 *Соколов М.* Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход // http://ecsoman.edu.ru

27 *Темкина А.* Женское движение второй волны: истоки, концептуализация, результаты. Введение в гендерные исследования. Учебное пособие / Под ред. И. Жеребкиной. Ч. I. Харьков: ХЦГИ; СПб., 2001. С. 672.

28 *Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 7.

29 *Tilly Ch.* Collective Violence in European Perspective // Violence in America / Ed. by H. Graham, T. Gurr. Washington DC, 1969. P. 310.

30 *Здравомыслова Е. А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993.

31 *Клецина И. С.* Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб., 2004.

32 См.: *Тишкин Г. А.* Женский вопрос в России: 50–60-е годы XIX века. Л., 1984. С. 7; *Жукова Ю. В.* Первая женская организация в России: Женское Патриотическое Общество в Петербурге в период 1812–1826 гг. // Все люди сестры. Бюллетень № 5. СПб., 1996. С. 38, 48.

33 *Tilly Ch.* Social Movement and National Politics // Statemaking and Social Movement: Essays in History and Theory. Ed. by Ch. Bright. S. Harding. Ann Arbor, 1984.

34 *Smelser N.* The Theory of Collective Behavior. N. Y., 1962.

35 *Dahlerup D.* Introduction // The New Women's Movement. Feminism and Political Power in Europe and in the USA. Ed. D. Dahlerup. London: Sage, 1986. P. 9.

36 *Темкина А.* Женское движение второй волны: истоки, концептуализация, результаты. Введение в гендерные исследования. Учебное пособие / Под ред. И. Жеребкиной. Ч. I. Харьков: ХЦГИ; СПб., 2001. С. 673; *Chafetz J. and Dworkin A.* Female Revolt // Women's Movement in World and Historical Perspective. University of Houston, 1986.

37 *Гольцев В.* На старую тему // Друг женщин. 1894. № 5. С. 69.

38 *Дроздова А.* Женское движение в России // Воспоминания о будущем... Вып. 2. М., 1997; *Тишкин Г. А.* Женский вопрос в России: 50–60-е годы XIX века. Л., 1984.

39 *Коллонтай А. М.* Труд женщины в эволюции народного хозяйства. М.; Пг., 1923. С. 109.

40 Там же.

41 *Смирнова В. Н.* Женский вопрос на демократическом и социалистическом этапах революции в России // Итоговая научная конференция Казанского университета за 1962 год. Казань, 1963.

42 Большая Советская энциклопедия. М., 1974. Т. 9. С. 170.

43 РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 40. Л. 13.

44 *Вернадская М. Н.* Женский труд // Экономический указатель. 1858. № 60.

45 *Философова А. П.* Женский вопрос в России // Первый женский календарь. СПб., 1912. С. 43.

46 См.: *Щепкина Е. Н.* Из истории женской личности в России: Лекции и статьи. СПб., 1914.

47 *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1993.

48 *Шабанова А. Н.* Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 15.

49 *Щепкина Е. Н.* Женское движение в годы Французской революции. Пг., 1921. С. 14–15.

50 *Хвостов В. М.* Женщина и человеческое достоинство: Исторические судьбы женщин. Природа женщины. Женский вопрос. М., 1914. С. 509.

51 Малый энциклопедический словарь. СПб., 1902. Т. 3. С. 1912.

52 *Рабжаева М. В.* Эмансипация женщин // Словарь гендерных терминов. М., 2002. С. 246.

53 *Коллонтай А. М.* Женщины-работницы в современном мире // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909.

54 Большая Советская энциклопедия. М., 1974. Т. 9. С. 174.

55 *Дроздова А.* Женское движение в России // Воспоминание о будущем... Вып. 2. М., 1997. С. 18.

56 Большая Советская энциклопедия. М., 1974. Т. 9. С. 174–175.

57 *Сердитова С. Н.* Борьба Коммунистической партии за вовлечение работниц в революционное движение (1903 — фев. 1917). Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. ист. н. МГУ, 1954; *Сердитова С. Н.* Большевики за женские пролетарские массы (1903 — фев. 1917). М., 1959; *Смирнова В. Н.* Из истории борьбы за разоблачение буржуазного феминизма в России (О книге А. М. Коллонтай «Социальные основы женского вопроса») // Вопросы истории, философии и педагогики. Вып. 2. Казань, 1967; *Смирнова В. Н.* Требование женского равноправия в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую

(май — окт. 1917) // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Вып. 2–3. Казань, 1969; *Решетова С. Х.* Требование охраны женского труда и материнства работниц в Первой русской революции (по материалам прессы) // Казанский университет им. В. И. Ленина. Сборник аспирантских работ. Гуманитарные науки. История. Казань, 1971; *Решетова С. Х.* Постановка женского вопроса в русских журналах периода революции 1905–1907 гг. // Там же.

58 *Тишкин Г. А.* Женский вопрос в России: 50–60-е годы XIX века. Л., 1984.

59 *Павлюченко Э. А.* Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988.

60 *Гришина З. В.* Женские организации в России (1905 — февраль-март 1917). Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. ист. н. МГУ, 1978.

61 Там же. С. 3.

62 *Гришина З. В.* Движение за политическое равноправие женщин в годы первой русской революции // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1982. № 2.

63 *Коллонтай А. М.* Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909; *Сердитова С. Н.* Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 — февр. 1917). М., 1959; *Сердитова С. Н.* Борьба коммунистической партии за вовлечение работниц в революционное движение: 1903 — февр. 1917. Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. ист. н. МГУ, 1954.

64 *Тишкин Г. А.* Женский вопрос в России: 50–60-е годы XIX века. Л., 1984. С. 62; *Он же.* Женский вопрос в истории России // Феминизм и российская культура. СПб., 1995. С. 161; *Казнин Л. Н.* А. И. Герцен об истинной и ложной эмансипации женщин // Феминизм и российская культура. СПб., 1995. С. 95.

65 *Хасбулатова О. А.* Опыт и традиции женского движения в России. 1860–1917. Иваново, 1994.

66 *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998.

67 *Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б.* Женское движение в России (вторая половины XIX — начала XX века). Иваново, 2003.

68 Там же. С. 10–11.

69 *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. С. 8.

70 Там же. С. 7.

71 *Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б.* Женское движение в России (вторая половины XIX — начала XX века). Иваново, 2003. С. 43.

72 *Гришина З. В.* Женские организации в России: 1905 — февраль-март 1917. Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. ист. н. МГУ, 1978.

73 *Хмеляускене Е. П.* Женское движение в условиях демократизации советского общества: опыт социологического анализа. М., 1991.

74 *Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б.* Женское движение в России (вторая половины XIX — начала XX века). Иваново, 2003.

75 *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998.

76 Там же.

77 *Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б.* Женское движение в России (вторая половины XIX — начала XX века). Иваново, 2003.

78 *Рабжаева М. В.* Женская эмансипация как опыт конструирования гендера: на материале социокультурной ситуации в России 50–60-х гг. XIX в. // Гендерные исследования. 2000. № 2.

79 *Коллонтай А. М.* К истории движения работниц в России. Харьков, 1920. С. 3.

80 *Коллонтай А. М.* Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909.

81 *Стайтс Р.* «Социальные основы женского вопроса» А. Коллонтай // Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. С. 588.

82 *Коллонтай А. М.* К истории движения работниц в России. Харьков, 1920. С. 67.

83 РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 40. Л. 13.

84 РГАСПИ. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 88. Л. 7–10.

85 *Хасбулатова О. А.* Эволюция государственной политики в отношении женщин: обзор исторического опыта дореволюционного периода // Гендерная реконструкция политических систем. М., 2004. С. 349.

86 *Айвазова С. Г.* Женское движение как ресурс модернизации России // Гендерная реконструкция политических систем. М., 2004.

87 *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1978.

88 *Петров-Эннкер Б.* Женщины наступают: об истоках женской эмансипации в России // Отечественная история. 1993. № 5; *Pietrow-Ennker B.* Russlans «neue Menschen». Die Entwicklung der Frauenbewegung von den Anfangen bis zur Oktoberrevolution. Frankfurt; New York, 1999.

89 *Ратчилд Р.* Возвращение к женской истории: пол, класс и феминизм в дореволюционной России // Гендерные истории Восточной Европы. Минск, 2002; *Ruthchild (Goldberg) R.* League of Equal Rights for Women // Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History / Ed. by J. Wieczynski. Vol. 19; *Idem.* Sisterhood and Socialism: The Soviet Feminist Movement // Frontiers: A Journal of Women Studies. 1983. Vol. 7. № 2.

90 *Stites R.* Women and Russian Intelligentsia: Three Perspectives // Women in Russia / Ed. by D. Atkinson, A. Dallin, G. W. Lapidus. Stanford University Press, 1977; *Idem.* Zhenotdel: Bolshevism and Russian Women: 1900–1930 // Russian History. 1976. Vol. 3; 1977. Vol. 8; *Idem.* The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1978.

91 *Engel B. A.* From Separatism to Socialism: Women in the Russian Revolutionary Movement of the 1870s'. 1978; *Idem.* Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1983; *Engel B. A. & Rosenthal C. N.* Five Sisters. Women against the Tsar. Boston, 1987; *Энгел Б.* Русские женщины и революционное наследие: отказ от личной жизни // Посиделки. СПб., 1996–1998.

92 *Noonan N. C.* Marxism and Feminism in the USSR: Irreconcilable Differences? // Women and Politics. 1998. Vol. 8. № 1; *Idem.* Two Solutions to the Zhenskij Vopros in Russia and the USSR — Kollontai and Krupskaja: A Comparison // Women and Politics. 1991. Vol. 11. № 3; *Idem.* Armand Inessa (1875–1920); Kollontai A. M. (1872–1952); Krupskaia N. K. (1869–1939); Women in the Communist Party of the Soviet Union (1922–1991); Zetkin K. E. (1857–1933); Zhenotdel (Women's Department of the Communist Party (1919–1930) // Encyclopedia of Russian Women's Movement / Ed. by C. Norma. Noonan and Carol Nechemias. Greenwood Press, 2001.

93 *Glickman R. L.* The Russian Factory Women: Workplace and Society: 1889–1914 // Women in Russia / Ed. by D. Atkinson, A. Dallin, G. W. Lapidus. Stanford University Press, 1977; *Idem.* The Russian Factory Women: Workplace and Society: 1889–1914. Berkley, 1986; *Idem.* Peasant Women as a Healer // Russian's Women Accommodation, Resistance, Transformation / Ed. by B. E. Clements, B. A. Engel, C. D. Worobec. Berkley, Los Angeles, Oxford, 1991.

94 *Whittaker C.* The Women's Movement During the Region of Alexander II: A Case Study in Russian Liberalism // Journal of Modern History. 1976. № 2.

95 *Buckley M.* Women and Ideology in the Soviet Union. N. Y. and London, Harvester Wheatsheaf, 1989; *Idem.* Glastnost and the Woman Question // Women and Society in Russia and the Soviet Union / Ed. by Edmondson L. N. Y., 1993; *Бакли М.* Политика большевиков и женотделы в 1920–1930-х гг. // Гендерная реконструкция политических систем / Под ред. Н. М. Степановой и Е. В. Кочкиной. СПб., 2004.

96 *Bobroff A.* Alexandra Kollontai: Feminism, Worker's Democracy and Internationalism // Radical America. 1979. Vol. 11; *Idem.* The Bolsheviks and Working Women: 1905–1920 // Soviet Studies, 1974. Vol. 26.

97 *Clements B.* Bolshevik Feminist. The Life of Alexandra Kollontai. Bloomington and London: Indiana University Press, 1979; *Idem.* Alexandra Kollontai and the Russian Revolution // European Women on the Left. Westport, 1981; *Idem.* Baba and Bolshevik: Russia Women and Revolutionary Change // Soviet Union. 1985. Vol. 2. Part 2; *Idem.* Bolshevik Women. Cambridge, 1997; *Idem.* The Birth of the New Soviet Women // Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution / Ed. by Gleason A., Kenez P., Stites R. Bloomington, 1989; *Idem.* The Utopianism of Zhenotdel // Slavic Review. 1992. Vol. 51. № 2.

98 *Lapidus G. W.* The Female Industrial Labor Force // Industrial Labor in the USSR / Ed. by A. Kahan, B. Ruble. N. Y., 1978; *Idem.* The Interaction of Women's Work and Family Roles in the USSR // Women and Work: An Annual Review. Beverly Hills, 1987.

99 *Farnsworth B.* Bolshevik Alternatives and the Soviet Family // Women in Russia / Ed. by D. Atkinson, A. Dallin, G. W. Lapidus. Stanford University Press, 1977; *Idem.* Communist Feminism: Its Synthesis and Demise // Women, War and Revolution / Ed. by Berkib C., Lovett C. N. Y., 1980.

100 *Edmondson L. H.* Feminism in Russia, 1900–1917. Stanford, Calif, Stanford Univ. Press, 1984; *Idem.* Russian Feminists in the First All-Russian Congress of Women // Russian History. 1978. № 3. Part II; *Idem.* Women Emancipation and Theories of Sexual Difference in Russia: 1850–1917 // Gender Restricting in Russian Studies / Ed. by Liljestrom M., Maentysaari E., Rosenholm A. Tampere, 1993.

101 *Брайсон В.* Политическая теория феминизма. Введение. М., 2003.

102 *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. С. 102.

103 *Жеребкина И.* Женское политическое бессознательное. Харьков, 1996. С. 16.

104 *Успенская В. И.* Суфражизм в истории феминизма // Женщины в социальной истории России. Тверь, 1997. С. 71.

105 *Шнырова О. В.* Феномен милитантства в истории суфражизма // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб., 2001. С. 172.

106 *Школьников И. А.* Суфражизм и политические партии Великобритании. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. кандидата ист. наук. Иваново, 2002. С. 15.

107 *Клименкова Т. А.* Феминизм // Словарь гендерных терминов. М., 2002. С. 221.

108 Там же.

109 *Воронина О. А.* Предисловие // Феминизм: перспективы социального знания. М., 1992. С. 7. См. также: *Воронина О. А.* Феминизм и гендерное равенство. М., 2004.

110 Малая Советская Энциклопедия. М., 1931. С. 286.

111 Краткий философский словарь / Под ред. А. П. Алексеева. М., 1997. С. 335.

112 *Успенская В. И.* Феминизм до феминизма: идеи равноправия полов в истории европейской социальной мысли. Тверь, 2000. С. 4.

113 Там же.

114 Там же.

115 Там же. С. 6.

116 *Offen K.* Feminism // Encyclopedia of Social History / Ed. by Peter N. Steams. N. Y.; L., 1994. P. 272.

Глава II

1 *Кошелев А. И.* Записки А. И. Кошелева. Берлин, 1884. С. 7.

2 *Троицкий Н. А.* Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 1997. С. 172.

3 *Амфитеатров А.* Женщина в общественных движениях России. Женева, 1905. С. 28.

4 *Tarrow S.* Struggle, Politics and Reform: Collective Actions, Social Movements and Cycle of Protest. Occasional Paper № 21. Western Societies Program, Center for International Studies, Cornell University, Ithace, N. Y., 1989.

5 *Эйдельман Н.* «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 108.

6 *Некрасова Е.* Студентка на войне. Письма с войны 1877 года // Русская мысль. 1898. С. 927.

7 Там же.

8 *Кавелин Д. К., Чичерин Б. Н.* Письмо к издателю «Русского либерала». Цит. по: *Батуринский В. П.* А. И. Герцен, его друзья и знакомые // Всемирный вестник. 1905. № 1. С. 24.

9 *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека». М., 1999. С. 9.

10 *Кавелин К. Д.* Из дневника. Собр. соч. Т. II. СПб., 1898. С. 1177.

11 *Могильнер М.* Указ. соч. С. 8.

12 Общественность — «социальные группы населения, а иногда и отдельные личности, а также общественные и сословные организации и институты, которые оказывали влияние на официальную власть и с мнением которых она считалась и учитывала при проведении политики» // Миронов Б. Н. Социальная история России. СПб., 1999. Т. 2. С. 110.

13 *Ерасов Б. С.* Социальная культурология. Ч. II. М., 1994. С. 169.

14 Речь Александра II перед московскими дворянами 30 марта 1856 г. Б. м., 1856.

15 *Tarrow S.* Struggle, Politics and Reform: Collective Actions, Social Movements and Cycle of Protest. Occasional Paper № 21. Western Societies Program, Center for International Studies, Cornell University, N. Y., 1989.

16 *Пирогов Н. И.* Вопросы жизни // Морской сборник. 1856. № 9.

17 *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. СПб., 1999.

18 *Иванов-Разумник Р. В.* Общественные и умственные течения 60-х гг. и их отражение в литературе // История русской литературы XIX века / Под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. М., 1909. Т. 3. С. 46.

19 *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 4-е изд. Т. 1. С. 276.

20 *Шелгунов Н. В.* Из прошлого и настоящего // Русская мысль. 1885. № 10; 1886. № 1, 3; 1888. № 3.

21 *Струве П. Б.* О мерах и границах либерального консерватизма // Полис. 1994. № 3. С. 133.

22 *Эйдельман Н.* «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 82.

23 *Амфитеатров А.* Женщина в общественных движениях России. Женева, 1905. С. 29.

24 *Ленин В. И.* Полное собр. соч. 5-е изд. Т. 20. С. 224.

25 *Виртшафтер Э.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 208.

26 *Троицкий Н. А.* Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 1997. С. 140.

27 *Виртшафтер Э.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 208.

28 Там же. С. 40.

29 *Миронов Б. Н.* Социальная история России. СПб., 1999. Т. 1. С. 252–253.

30 *Некрасова Е.* Студентка на войне. Письма с войны 1877 года // Русская мысль. 1898. С. 808.

31 РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 489. Л. 3–8.

32 *Юнге Е.* Из моих воспоминаний. 1843–1860 гг. // Вестник Европы. 1905, кн. 5 (май). С. 257.

33 *Некрасова Е.* Студентка на войне. Письма с войны 1877 года // Русская мысль. 1898. С. 928–929.

34 *Гревс И.* О. К. Нечаева ее работе для СПб Высших женских курсов // Ольга Константиновна Нечаева. 1860–1926. Л., 1928. С. 67.

35 См.: *Здравомыслова Е. А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993.

36 *Цебрикова М. К.* Предисловие // Милль Дж. С. О подчинении женщины. 2-е изд. СПб., 1870. С. II.

37 Там же. С. XII–XIII.

38 *Писарев Д. И.* Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Русское слово. 1861. № 11. С. 1.

39 *Пальховский А.* Еще раз о женском труде. По поводу журнальных толков об этом вопросе // Атеней. 1858, май-июнь; *Он же.* О русской женщине. По поводу романа Гончарова «Обломов». Посвящается исключительно читательницам // Московский вестник. 1859. № 28.

40 *Котляревский Н.* Очерки из истории общественного настроения шестидесятых годов. Женский вопрос в его первой постановке // Вестник Европы. 1914. № 2.

41 *Гиероглифов А.* Общественное призвание женщины // Отечественные записки. 1863. Т. 143. № 7–8. С. 521.

42 *В. М.* Из бесед с членами съезда. А. П. Философова // Слово. 1908, 11 декабря. № 647. С. 6.

43 *Котляревский Н.* Очерки из истории общественного настроения шестидесятых годов. Женский вопрос в его первой постановке // Вестник Европы. 1914. № 2.

44 *Глинский Б. Б.* Права и обязанности женщин // Очерки русского прогресса. СПб., 1900. С. 316.

45 *Засулич В.* Воспоминания. М., 1931. С. 20.

46 *Цебрикова М. К.* Предисловие // Милль Дж. С. О подчинении женщины. 2-е изд. СПб., 1870. С. IX–X.

47 Там же. С. XXXVI.

48 Там же. С. XXI.

49 Там же. С. XX.

50 Там же. С. III.

51 Там же. С. III.

52 Движение женского дела // Первый женский календарь на 1912 год. СПб., 1912. С. 104.

53 *Гиероглифов А.* Общественное призвание женщины // Отечественные записки. 1863. Т. 143. № 7–8. С. 521.

54 *Гольцев В.* На старую тему // Друг женщин. 1894. № 5. С. 67.

55 *Дейк ван Т. А.* Анализ новостей как дискурса // Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 121–122.

56 *Дука А. В.* Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 1. С. 92.

57 Там же.

58 *Амфитеатров А. В.* Женщина в общественных движениях России. Женева, 1905. С. 43.

59 *Цебрикова М. К.* Гуманный защитник женских прав // Отечественные записки. 1870. № 2. С. 227.

60 *Ган Е. А.* Идеал // Русская романтическая повесть. М., 1992. С. 231.

61 *Савкина И. Л.* Кризис идентичности: мужская и женская версии. Дневники и письма Александра и Натальи Герценов (1841–1846) // Женщина в российском обществе. 2000. № 3. С. 27.

62 *Милюков П. Н.* Любовь у идеалистов тридцатых годов. СПб., 1903. С. 164.

63 *Кропоткин П. А.* Идеалы и действительность в русской литературе. СПб., 1907. С. 2.

64 Под «женщинами романтического круга» в книге имеются в виду женщины-дворянки.

65 *Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. Л., 1971. С. 57–58.

66 *Савкина И. Л.* Кризис идентичности: мужская и женская версии. Дневники и письма Александра и Натальи Герценов (1841–1846) // Женщина в российском обществе. 2000. № 3.

67 Там же. С. 17.

68 *Лихачева Е. О.* Материалы для истории женского образования в России. СПб., 1899.

69 Северная Пчела. 1836. № 182; Библиотека для чтения. 1834. Т. 1.

70 Северная Пчела. 1838. № 232.

71 Библиотека для чтения. 1836–1837.

72 *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Изд. 2-е. М., 1878. Т. 1. С. 592.

73 Там же. С. 593.

74 Там же. С. 605.

75 *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 8. С. 457.

76 *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1956–1958. Т. 9. С. 101–102.

77 *Дрыжакова Н. Е.* Герцен на Западе. СПб., 1999. С. 253–265.

78 *Милюков А. П.* Из воспоминаний // Исторический вестник. 1888, сентябрь.

79 Санкт-Петербургские ведомости. 1847. № 251.

80 *Рудая И. М., Благоволина Ю. П.* Предисловие к публикации писем Н. А. Герцен (Захарьиной) к Т. А. Астраковой // Литературное наследство. М., 1997. Т. 99, кн. 1.

81 *Зиммель Г.* Мода // Избранное: В 2 т. М., 1996. С. 287.

82 Санкт-Петербургские ведомости. 1847. № 251.

83 *Б-вой В. П.* Записки старой смолянки. СПб., 1898. Ч. 1. С. 143–144.

84 *Савкина И. Л.* Кризис идентичности: мужская и женская версии. Дневники и письма Александра и Натальи Герценов (1841–1846) // Женщина в российском обществе. 2000. № 3. С. 17–22.

85 *Пирогов Н. И.* Письмо к баронессе Раден. О Крестовоздвиженской общине сестер милосердия. О женском вопросе // Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения. М., 1917. С. 569.

86 Степная барышня. Проза русских писательниц XIX века. М., 1989. С. 11.

87 *Савкина И. Л.* Указ. соч.

88 *Герцен Н. А.* Дневник (1846–1847) // Русские пропилеи: материалы по истории русской мысли и литературе. М., 1915. С. 238.

89 *Савкина И. Л.* Указ. соч. С. 27.

90 Там же.

91 *Боцяновский В. Ф.* Жорж Санд в России // Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки. 1899. № 2. С. 11.

92 *Герцен А. И.* Былое и думы. 1852–1868 // Собрание соч. М., 1957. С. 463.

93 Там же. С. 464.

94 *Амфитеатров А.* В. Женщины в общественных движениях России. Женева, 1905. С. 39.

95 Московский телеграф. 1833. Т. 51.

96 Рецензии на Лисицину и Теплову // Московский телеграф. 1830. Ч. 32; 1831. Ч. 34; 1833. Ч. 53.

97 Женщины XV столетия // Телескоп. 1831. Т. 4; Женщины в Испанской Америке // Молва. 1832. Т. 5; Знаменитые женщины Франции // Телескоп. 1832. Т. 9; Греческие женщины // Телескоп. 1833. Т. 13; Воспитание женщин // Молва. 1833. Т. 6; Жрицы Древней Греции // Телескоп. 1834. Т. 20.

98 Впечатление Парижа // Телескоп. 1836. Т. 32.

99 *Андросов.* Случай, который может повториться // Телескоп. 1834. Т. 19; *Кудрявцев П. Н.* Катенька Пыляева, Две страсти; *Панаев И. И.* Она будет счастлива // Телескоп. 1836. Т. 31–33; *Белинский В. Г.* Литературные мечтания; *Нодье Ш.* Воспитание женщины / Пер. В. Белинского // Телескоп. 1835. Т. 25.

100 Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1.

101 *Пятковский А.* О правах и значении женщины в семье и обществе // Дамский вестник. 1860. № 1. С. 59.

102 *Пирогов Н. И.* Вопросы жизни // Морской сборник. 1856. № 9, июль. С. 595.

103 Там же. С. 593.

104 Там же. С. 596.

105 Там же. С. 595.

106 *Желвакова И. А.* Дом в Ситцевом Вражке. М., 1982. С. 63.

107 *Пирогов Н. И.* Вопросы жизни // Морской сборник. 1856. № 9, июль. С. 595.

108 *Н. Л.* Несколько слов о воспитании. По поводу «Вопросы жизни» г. Пирогова // Современник. 1857. № 5. С. 43.

109 *Кацнельбоген А. Г.* Неопубликованная работа Н. И. Пирогова // Советское здравоохранение. 1982. № 11. С. 61.

110 *Пирогов Н. И.* Письмо к баронессе Раден. О Крестовоздвиженской общине сестер милосердия. О женском вопросе // Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения. М., 1917. С. 569.

111 Там же. С. 557.

112 Там же.

113 Там же.

114 Там же. С. 569.

115 Там же.

116 Рецензия на кн. Д. Мацкевича «Заметки о женщинах» // Современник. 1854. № 9.

117 *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. С. 61.

118 *Лихачева Е. О.* Материалы для истории женского образования: В 2 т. СПб., 1899–1901. Т. 2. С. 467.

119 *А.* Жалоба женщины // Современник. 1857. № 5. С. 65.

120 *А. Х-ва.* Письма к русским женщинам // Журнал для воспитания. 1857. № 1, 3; 1860. № 11; *Она же.* Письма к русским женщинам // Воспитание. 1860. №1–3.

121 *А. Х-ва.* Письма к русским женщинам. О необходимости высшего образования для женщин // Воспитание. 1860. № 1. С. 41.

122 *Надежда Д.* Чему мы, женщины, учились? // Русская Беседа. 1859. Т. 3. С. 21–50.

123 *Бурнашева Е.* Мы сами, женщины, виноваты // Журнал для воспитания. 1859. № 11, отд. 3.

124 *Писарев Д. И.* Сочинения: В 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 233.

125 Вернадская (Шигаева) Мария Николаевна (1832–1861) — публицист, экономист.

126 *Вернадская М. Н.* Собрание сочинений. СПб., 1862. С. 89.

127 *Словцова-Камская Е. А.* Женщина в семье и обществе // Исторический вестник. 1881. № 8. С. 765.

128 *Тур Е.* Женщина и любовь по понятиям г. Мишле // Русский вестник. 1859. Т. 21, кн. 5–6.

129 *Словцова-Камская Е. А.* Женщина в семье и обществе // Исторический вестник. 1881. № 8. С. 782.

130 Современник. 1861. № 4. С. 473.

131 *Писарев Д. И.* Сочинения: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 212.

132 *Гиероглифов А.* Общественное призвание женщины // Отечественные записки. 1863. Т. 143. № 7–8. С. 519.

133 Там же. С. 528.

134 Там же. С. 533.

135 *К. В.* Кое-что о нашей современной женщине. Фельетон // Русский инвалид. 1860. № 283.

136 Там же.

137 *Н. Б-я.* Заметки о настоящем воспитании женщины и влиянии его на жизнь семейную и общественную // Русский педагогический вестник. 1860. № 11. С. 144.

138 Там же.

139 *Иванов В. К.* Женский вопрос. Литературные заметки // Северная пчела. 1863. № 234.

140 Там же.

141 *Писарев Д. И.* Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Русское слово. 1861. № 12. С. 6.

142 *Михайлов М. Л.* Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Современник. 1860. № 4.

143 Там же. С. 473.

144 *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания. М., 1967. Т. 2. С. 76.

145 *Михайлов М.* Парижские письма // Современник. 1859. № 1, отд. 3. С. 165.

146 *Козьмин Б. П.* Литература и история. Сб. статей. М., 1969. С. 147.

147 *Милль Дж. Ст.* Письмо устроительницам Высших женских курсов // Друг женщин. 1883. № 1. С. 83.

148 *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 121.

149 Современник. 1857. № 10.

150 *Козьмин Б. П.* Литература и история. Сб. статей. М., 1969. С. 146–147.

151 *Ткачев П. Н.* Влияние экономического прогресса на положение женщины и семьи // Исторический вестник. 1866, сентябрь.

152 *Милль Дж. Ст.* Подчиненность женщины. СПб., 1869. С. 27.

153 Отчет правления Одесского женского благотворительного общества // Современник. 1857. Т. 63. № 5.

154 *Чернышевский Н. Г.* О распространении знаний в России; *Он же.* О учреждении в Петербурге общества для улучшения помещений рабочего населения // Современник. 1857. Т. 65. № 7.

155 *Богословская Л. П.* «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и женские артели 60-х годов XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1974. С. 125.

156 *М. В. (Вернадская М. Н.)* Женский труд // Экономический указатель. 1858. Вып. 8 (60).

157 *Славинский П. Г.* Общественная самостоятельность женщины. По поводу статьи «Женский труд» в «Экономическом указателе» № 60 // Санкт-Петербургские ведомости. 1858. С. 311.

158 *Вернадская М. Н.* Собрание сочинений, СПб., 1862.

159 Там же. С. 85.

160 *Славинский П. Г.* Общественная самостоятельность женщины. По поводу статьи «Женский труд» в «Экономическом указателе» № 60 // Санкт-Петербургские ведомости. 1858. № 55; *Н. Н.* Свобода женщины // Общезанимательный вестник. 1858. № 9; *Попов В.* Несколько слов по случаю статьи о свободе женщин // Общезанимательный вестник. 1858. № 12.

161 *Писарев Д. И.* Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургеневе и Гончарова // Избр. соч.: В 2 т. М., 1934. Т. 1. С. 150.

162 *Дука А. В.* Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 1. С. 94.

163 *Гончаров И. А.* Собр. соч. М., 1952. С. 131.

164 *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1939. Т. 1. С. 444.

165 *Лесневская А.* По непроторенной дороге. СПб., 1914.

166 *Е. Ц-ская.* Что мешает женщине быть самостоятельной? (По поводу романа г. Чернышевского «Что делать?») // Библиотека для чтения. 1863. № 9. С. 1.

167 Рассвет. 1859. № 4. С. 194.

168 Указ об отмене телесных наказаний для женщин вышел 17 апреля 1863 г.

169 *Филиппов М.* Характер специфических женских преступлений и наказаний // Русское слово. 1863. № 4, отд. 1. С. 1–12.

170 *Водовозова Е. А.* На заре жизни. 1964. Т. 2. С. 209–219.

171 *Кузнецов М.* Историко-статистический очерк проституции в Петрограде в 1857–1869 гг. // Архив судебной медицины. 1870. № 1, отд. 3. С. 3.

172 *К-в П.* Женщины по русскому законодательству: Расторжение брака // Друг женщин. 1883. № 8. С. 71; *Еллиес Е.* Обязанности замужней женщины и ее положение в обществе. СПб., 1848; *Дмоховский А.* О правах женщины в России // Библиотека для чтения. 1862 (61). № 7; *Рейнгардт Н. В.* О личных и имущественных правах женщин по русскому законодательству. Казань, 1885.

173 *Соловьев Н. И.* Милль, Конт и Бокль о женском вопросе. М., 1870. С. 62.

174 *Шашков С. С.* Судьбы женщины, детоубийство и проституция. СПб., 1871. С. 335.

175 Там же. С. 338.

176 *Погодин М. П.* Эмансипация женщины // Русский. 1868, 12 ноября.

177 *Пальховский А.* О русской женщине: По поводу романа г. Гончарова «Обломов». Посвящается исключительно читательницам // Московский вестник. 1859. № 28. С. 340.

178 *Пальховский А.* Еще о женском труде. По поводу журнальных толков об этом вопросе // Атеней. 1858, май–июнь.

179 Там же. С. 493–494.

180 Там же. С. 495.

181 Несостоятельность женской эмансипации // Домашняя беседа. 1862. Вып. 38. С. 232.

182 Там же. С. 235.

183 *Тур Е.* Несколько слов по поводу статьи «Русской женщины»: Елена Николаевна Стахова // Московские ведомости. 1861. № 85. С. 666.

184 Там же. С. 667.

185 Там же. С. 344.

186 *Соловьев Н.* Женщинам // Эпоха. 1864. № 12.

187 Там же. С. 21.

188 Там же. С. 19.

189 Там же. С. 24.

190 *Милль Дж. Ст.* Подчиненность женщины. СПб., 1869. С. 120.

191 Там же. С. 241.

192 *Страхов Н.* Женский вопрос // Заря. СПб., 1870. Т. 1. № 2.

193 *Страхов Н.* Женский вопрос. Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины». СПб., 1871. С. 137.

194 Там же.

195 *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1966. С. 238.

196 Там же. С. 240.

197 *Толстой Л. Н.* Письмо к Н. Н. Страхову от 19 марта 1879 // Собрание соч.: В 22 т. М., 1984. Т. 17. С. 686.

198 Там же. С. 687.

199 Там же. С. 688.

200 Там же.

201 *Соловьев Н.* Милль, Конт и Бокль о женском вопросе. М., 1870. С. 5.

202 Там же.
203 Там же.
204 Там же. С. 5–6.
205 Там же. С. 10.
206 Там же. С. 18–19.
207 Там же. С. 5.
208 Там же. С. 52.
209 *Ветринский И.* Анна Ивановна Волкова. Биографический очерк // Волкова А. И. Воспоминания, дневник и статьи. Н. Новгород, 1913. С. XIV.
210 *Цитович П.* Ответ на письма к ученым людям. Изд. 2-е. Одесса, 1878. С. 24.
211 Там же.
212 Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1878. № 12. С. 822.
213 *Цитович П.* Указ. соч. С. 26–27.
214 Там же. С. 27.
215 Там же. С. 28.
216 Там же. С. 31.
217 *Попов В.* По поводу первой брошюры профессора Цитовича. СПб., 1880. С. 72.
218 Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1878. № 12; Свет. 1879. № 1.
219 *Цитович П.* Объяснение по поводу «Внутреннего обозрения» (Вестник Европы. 1878. № 12). Одесса, 1878.
220 Там же. С. 27.
221 *Амфитеатров А.* Женщины в общественных движениях России. Женева, 1905. С. 50.
222 *Бакунин П. А.* Запоздалый голос 40-х годов: По поводу женского вопроса. СПб., 1881. С. 15.
223 Там же. С. 55.
224 Там же. С. 68.
225 Там же. С. 57.
226 Там же. С. 115.
227 Там же. С. 115–116.
228 *Цебрикова М. К.* Предисловие // Милль Дж. С. Подчинение женщины. СПб., 1870. С. VII.
229 Там же. С. XVIII.
230 *Бакунин П. А.* Запоздалый голос 40-х годов: По поводу женского вопроса. СПб., 1881. С. 73.
231 Там же. С. 72.
232 Там же. С. 35.
233 Там же. С. 84–85.
234 Там же. С. 18.
235 Там же. С. 23.
236 Там же. С. 23.
237 Там же. С. 22.
238 Там же. С. 28.
239 Там же. С. 28–29.
240 Там же. С. 36.
241 Там же. С. 17.
242 *Шапир О. А.* Женский съезд. Впечатления и итоги // Русские ведомости. 1908. № 295, 20 декабря.

243 *Гольцев В. А.* Вестник Европы. 1882. Цит. по: *Z.* Библиография: Женщины-писательницы и их деятельность в истекшем году. Наши журналы о женщинах // Друг женщин. 1883. № 1. С. 86.

244 *Z.* Библиография: Женщины-писательницы и их деятельность в истекшем году. Наши журналы о женщинах // Друг женщин. 1883. № 1. С. 85.

245 *Бишоф фон Г.* Медицинская практика и изучение медицины женщинами. Цит. по: *Z.* Библиография: Женщины-писательницы и их деятельность в истекшем году. Наши журналы о женщинах // Друг женщин. 1883. № 1. С. 86.

246 *Дом Э.* Наука и женщины // Русская мысль. 1882. Цит. по: *Z.* Библиография: Женщины-писательницы и их деятельность в истекшем году. Наши журналы о женщинах // Друг женщин. 1883. № 1. С. 87.

247 Там же.

248 *Z.* Библиография: Женщины-писательницы и их деятельность в истекшем году. Наши журналы о женщинах // Друг женщин. 1883. № 1. С. 88.

249 *Крепанец А.* Опасные стороны полной женской эмансипации. Очерк по женскому вопросу. М., 1893. С. 63.

250 Выдержка из частного письма по поводу возражений на статью «Женщинам» // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 25. С. 414.

251 *Шашков С. С.* Судьбы женщины, детоубийство и проституция. СПб., 1871. С. 340.

252 Движение женского дела // Первый женский календарь на 1912 год. СПб., 1912. С. 104.

253 *Бакунин П. А.* Запоздалый голос 40-х годов: По поводу женского вопроса. СПб., 1881. С. 3.

254 *Щепкина Е. Н.* Из истории женской личности в России. СПб., 1914. С. 282.

255 *Цебрикова М.* Гуманный защитник женских прав // Отечественные записки. 1870. № 2. С. 210.

256 *Соловьев Н.* Милль, Конт и Бокль о женском вопросе. М., 1870. С. 10.

257 *Герцен А. И.* «Кто виноват?» (1845), «Сорока-воровка» (1848); *Кудрявцев П. Н.* «Катенька Пыляева» (1836), «Флейта» (1839); *Авдеев М. В.* «Между двух огней» (1868); *Слепцов В.* «Трудное время» (1865); *Михайлов А.* «Господа Обносковы» (1868); *Писемский А. Ф.* «Виновата ли она?» (1855), «Боярщина», «Горькая судьбина», «Люди 40-х годов», «Тысяча душ» (1858) и др.

258 *Цебрикова М.* Из огня да в полымя // Вестник Европы. 1871. № 6. С. 638.

259 Письмо М. Б. Боткина от 20.03.1841 г. // Пыпин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1876. Т. 2. С. 143.

260 Письмо В. Г. Белинского от 04.04.1841 г. // Пыпин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1876. Т. 2. С. 149.

261 *Цебрикова М.* Гуманный защитник женских прав // Отечественные записки. 1870. № 2. С. 222.

262 Там же. С. 228.

263 *Цебрикова М.* Из огня да в полымя // Вестник Европы. 1871. № 6. С. 633.

264 Там же. С. 603–647.

265 *Соловьев Н.* Милль, Конт и Бокль о женском вопросе. М., 1870. С. 10.

266 *Николаева (Цебрикова) М. К.* Превыспренные героини // Русское богатство. 1891. № 12. С. 101–164.

267 *Некрасова Е.* Студентка на войне. Письма с войны 1877 года // Русская мысль. 1898.

268 *Гончаров Н. А.* Обломов. М., 1975. С. 220.

269 *Цебрикова М.* Гуманный защитник женских прав // Отечественные записки. 1870. № 2. С. 227.

270 *Амфитеатров А. В.* Женщины в общественных движениях России. Женева, 1905.

271 *Гончаров Н. А.* Обломов. М., 1975. С. 219.

272 *Писемский А. Ф.* Соч. М., 1957. Т. 4. С. 240.

273 *Толстой Л. Н.* Мысли, вызванные перепиской: Женщинам; О браке и призвании женщины (1868); Женщинам (1884–1895).

274 *Толстой Л. Н.* Послесловие к рассказу Чехова «Душечка» // Полн. собр. соч. М.; Л., 1932. Т. 7. С. 134.

275 *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 379.

276 *Овсянико-Куликовский Д. Н.* История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX века. Часть 2. От 50-х до 80-х годов. М., 1907. С. 129.

277 Там же. С. 130.

278 Там же.

279 *Соловьев Н.* Милль, Конт и Бокль о женском вопросе. М., 1870. С. 10.

280 *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1939. Т. 11. С. 253.

281 *Богословская Л. П.* «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и женские артели 60-х годов XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1974. С. 132.

282 *Рейсер С. А.* Некоторые проблемы изучения романа Чернышевского «Что делать?». Л., 1975. С. 829.

283 *Кропоткин П. А.* Идеалы и действительность в русской литературе. СПб., 1907. С. 199–200.

284 *Барт Р.* Разделение языков // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 521.

285 *Штакеншнейдер Е. А.* Дневники и записки (1854–1886). М.; Л., 1937. С. 292.

286 Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета. 1777.

287 Объявление об издании литературного журнала «Женский вестник» // Женский вестник. 1866. № 1. С. 67.

288 Там же.

289 *Слепцов В.* Женское дело // Женский вестник. 1866. № 1. С. IV.

290 Женский вестник. 1866. № 1. С. 89.

291 Современные заметки // Отечественные записки. 1868. № 3–4. С. 248–249.

292 *Попов В.* По поводу первой брошюры профессора Цитовича. СПб., 1880. С. 60.

293 Друг женщин. 1882. № 4. С. 57.

294 Друг женщин. 1882. № 1. С. 3.

295 Друг женщин. 1883. № 4. С. 84.

296 Друг женщин. 1883. № 4. С. 116.

297 Друг женщин. 1883. № 1. С. 104.

298 Друг женщин. 1883. № 5. С. 97.

299 *Миронов Б. Н.* Социальная история России. СПб., 1999. Т. 1. С. 247.

300 Там же. С. 263.

301 *Иванов В. К.* Женский вопрос. Литературные заметки // Северная пчела. 1863. № 237.

302 *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1988. С. 242.

303 *Водовозова Е. Н.* К свету (из жизни людей 60-х годов) // Голос минувшего. 1916. № 4. С. 5.

304 *Ковалевская С.* Воспоминания. Повести. М., 1974. С. 57.

305 *Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 249–250.

306 *Павлюченко Э. А.* Женщины в русском освободительном движении. М., 1988. С. 89–94.

307 *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. И.* Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 140.

308 *Павлюченко Э. А.* Женщины в русском освободительном движении. М., 1988. С. 70–71.

309 См.: Там же. С. 75–83.

310 *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 444.

311 *Богданович Г. А.* Любовь людей 60-х. М., 1929. С. 429.

312 *Чернышевская Н. М.* «Озарена тобою жизнь моя...» Николай Гаврилович и Ольга Сократовна Чернышевские // Русская литература. 1978. № 1. С. 128.

313 *Писарев Д. И.* Реалисты. 1864; *Чернышевский Н. Г.* Что делать? 1863.

314 Политические процессы 60-х гг. Сб. под ред. Б. П. Козьмина. М.; Л., 1923. С. 267.

315 *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. Н., Михайлов М. Л.* Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 141.

316 *Лесков Н. С.* Рецензия // Отечественные записки. 1866. № 12. С. 275.

317 *Де-Пуле М.* Нигилизм как патологическое явление русской жизни // Русский вестник. 1881. № 11. С. 73–123.

318 *Писарев Д. И.* Разрушение эстетики. Полн. собр. соч.: В 6 т. СПб., 1864. Т. 4.

319 *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. С. 149.

320 В коммуне проживали: А. Ф. Головачев, Е. Коптева, Е. А. Макулова, А. Г. Маркелова, В. А. Слепцов, Е. И. Ценина, В. И. Языков.

321 Современник. 1863, янв.-февр. С. 95.

322 *Степняк С.* Подпольная Россия. Лондон, 1893. Вып. 6. С. 1–2.

323 *Де-Пуле М.* Нигилизм как патологическое явление русской жизни // Русский вестник. 1881. № 11. С. 73–123.

324 *Щеглов В. Г.* Пол и права женщин. Б. м., 1888.

325 *Цитович П.* Объяснение по поводу «Внутреннего обозрения» (Вестник Европы. 1878. № 12) Одесса, 1878. С. 24.

326 Там же. С. 25.

327 *Де-Пуле М.* Нигилизм как патологическое явление русской жизни // Русский вестник. 1881. № 11. С. 83.

328 Там же.

329 *Шабанова А. Н.* Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 7; *Щепкина Е. Н.* Из истории женской личности в России: Лекции и статьи. СПб., 1914. С. 305.

330 Это не бунт, это революция.

331 *Герцен А. И.* Былое и думы. 1852–1868 // Собрание соч. М., 1957. С. 465.

332 *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. С. 104.

333 *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 2. С. 143.

334 *Буланова-Трубникова О. К.* Три поколения. М.; Л., 1928. С. 103.

335 *Энгельгардт Н. А.* Давние эпизоды // Исторический вестник. 1910. № 2. С. 531–532.

336 *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1988. С. 421.

337 *Амфитеатров А.* Женское нестроение. Очерки и заметки. СПб., 1908. С. 255.

338 Всемирный вестник. 1907. № 3–4. С. 5.

339 *Богучарский В.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1912.

340 *Энгл Б. А.* Русские женщины и революционное наследие: отказ от личной жизни // Дайджест теоретических материалов информационного листка «Посиделки» 1996–1998. СПб., 1999. С. 9.

341 *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. С. 208.

342 *Тыркова А. В.* Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915.

343 Там же.

344 *Будницкий О. В.* Женщины-террористки в России. Бескорыстные убийцы. Ростов-на-Дону, 1996. С. 3–28.

345 *Амфитеатров А.* Женщина в общественных движениях России. Женева, 1905. С. 41.

346 Мемуары г. Старика // Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 187.

347 *Амфитеатров А. В.* Женщина в общественных движениях России. Женева, 1905. С. 50.

348 *Энгл Б. А.* Русские женщины и революционное наследие: отказ от личной жизни // Дайджест теоретических материалов информационного листка «Посиделки» 1996–1998. СПб., 1999.

349 Там же. С. 10.

350 *Белкин М. С.* Особый женский курс. Женские врачебные курсы // Советский врачебный сборник. 1947. № 8. С. 31.

351 *Владимиров В.* Мария Спиридонова. М., 1905.

352 Там же. С. 9.

353 *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1988. С. 241.

354 Там же. С. 255.

355 *Серно-Соловьевич Н. А.* Ссудные кассы для дворовых людей // Северная Пчела. 1861. № 77.

356 *Стасов Д. В.* Каракозовский процесс. Воспоминания // Былое. 1906. № 4. С. 277–278.

357 *Стасова П.* Памяти Надежды Васильевны Стасовой // Женское дело. 1900, кн. I; кн. II.

358 ИРЛИ РАН. Архив Стасовых. Ф. 294. Оп. 1. Д. 318. Л. 222.

359 *Буланова-Трубникова О. К.* Три поколения. М.; Л., 1928. С. 75.

360 При сборе материала для статьи «Женское движение за 25 лет» М. К. Цебрикова опросила А. М. Евреинову, А. П. Философову, Хохрякову (псевд. Симоновой), А. В. Жаклар, Н. А. Белозерскую, С. В. Ковалевскую и др.

361 *Цебрикова М. К.* Воспоминания М. К. Цебриковой. Двадцатипятилетие женского вопроса. 1861–1886 // Звезда. 1935. № 6. С. 196.

362 ИРЛИ РАН. Архив Стасовых. Ф. 294. Оп. 1. Д. 819. Л. 222.

363 Там же. Оп. 5. Д. 399. Л. 45–47.

364 *Буланова-Трубникова О. К.* Три поколения. М.; Л., 1928. С. 75.

365 Там же. С. 101.

366 *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Paris: YMCA-PRESS, 1988. С. 20–21.

367 Имеются в виду женщины, «выпавшие» из традиционных общественных и институциональных структур общества в силу глобальных событий макроуровня и изменения структуры общества, что привело их к социальной изоляции и поиску новых форм коллективности.

368 *Ваховская В. И. (Бонч-Осмоловская).* Жизнь революционерки. М., 1928. С. 8.

369 *Цебрикова М. К.* Воспоминания М. К. Цебриковой. Двадцатипятилетие женского вопроса. 1861–1886 // Звезда. 1935. № 6. С. 198.

370 Женский вестник. 1905. № 1. С. 2.

371 *Saarinen A.* Patronesses, Gentlewomen, Feminists and Common Wives. Political Gender and Class Systems in Tampere during the Period of Industrialization // Moving On. New Perspectives on the Women's Movement. Aarhus University Press, 1991.

372 *Killian L.* Social Movements // Handbook of Modern Sociology / Ed. by R. Faris. Chicago, 1964; *Smelser N.* Social and Psychological Dimensions of Collective Behavior // Smelser N. Essays in Sociological Explanation. Englewood Cliffs. N. J.: Prentice Hall, 1968.

373 Правовая доктрина, согласно которой замужняя женщина не имела никаких гражданских прав и находилась под опекой мужа. В том числе она была недееспособна экономически, т. е. не имела юридического права владеть и распоряжаться собственностью, включая при-

даное. Вся собственность женщины с момента заключения брака поступала в полное владение и распоряжение ее супруга.

374 *Субботин*. Женщина в праве. СПб., б/г. С. 87–88.

375 В семье воспитывалось пять детей самой Хованской и семеро племянников и племянниц.

376 *Буланова-Трубникова О. К.* Три поколения. М.; Л., 1928. С. 75.

377 Там же. С. 82.

378 *Стасов В. В.* Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 21.

379 *Тыркова А. В.* Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915.

380 История возникновения Высших женских курсов // Первый женский календарь на 1899 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1899.

381 *Тыркова А. В.* Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915.

382 *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. С. 268.

383 *Killian L.* Social Movements // Handbook of Modern Sociology / Ed. by R. Faris. Chicago, 1964; *Smelser N.* Social and Psychological Dimensions of Collective Behavior // Smelser N. Essays in Sociological Explanation. Englewood Cliffs. N. J.: Prentice Hall, 1968.

384 *Буланова-Трубникова О. К.* Три поколения. М.; Л., 1928. С. 73.

385 *Иванов-Разумник Р. В.* Общественные и умственные течения 60-х гг. и их отражение в литературе // История русской литературы XIX века / Под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. М., 1909. Т. 3.

386 *Де-Пуле М.* Нигилизм как патологическое явление русской жизни // Русский вестник. 1881. № 11. С. 95.

387 *Бельская А.* Очерки институтской жизни прошлого времени // Заря. 1870. № 8–9.

388 РГАЛИ. Архив Энгельгардт. Ф. 572. Оп. 1. Ед. хр. 343.

389 Там же.

390 *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 134.

391 *Мазовецкая Э.* Анна Энгельгардт. Санкт-Петербург второй половины XIX века. СПб., 2001. С. 51.

392 *Кулиш Ж. В.* М. К. Цебрикова — общественная и литературная деятельность. Воронеж, 1988. С. 12.

393 *Цебрикова М.* Наши недоразумения // Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901. С. 15.

394 *Белозерская Н. А. (Надежда Александровна Белозерская, урожденная Ген).* Автобиография // Исторический вестник. 1913, июнь.

395 Там же. С. 933.

396 Там же. С. 929.

397 *Анзимирова М. Н.* Женщина и ее судьи. СПб., 1896.

398 *Анзимирова М. Н. (Маран).* Причины нравственной физиономии женщины. Исторический очерк. СПб., 1901.

399 *Анзимирова М.* Правда о мужчинах. По поводу брошюры гр. Толстого «Правда о женщинах». М., 1905.

400 *Цебрикова М. К.* Воспоминания М. К. Цебриковой. Двадцатипятилетие женского вопроса. 1861–1886 // Звезда. 1935. № 6. С. 196.

401 Там же. С. 205.

402 Там же. С. 208.

403 *Ядов В. А.* Социальные движения с точки зрения социологического и социо-психологического подходов // Информационные материалы. Академия наук СССР Институт социологии. М., 1990. Вып. 4. С. 2.

404 *Буланова-Трубникова О. К.* Три поколения. М.; Л., 1928. С. 77–78.

405 *Ш.* [*Шабанова А. Н.*] Женские врачебные курсы. Из воспоминаний бывшей слушательницы // Вестник Европы. 1886, январь. С. 347.

406 См.: *Литвинова Е.* а), б), в) и г) Русского женского взаимноблаготворительного общества // Женское дело. 1899, кн. I (январь); кн. II (февраль); кн. IV (апрель).

407 ИРЛИ РАН. Архив Стасовых. Ф. 294. Оп. 5. Д. 408. Л. 294.

408 *Стасов В.* Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 68.

409 ИРЛИ РАН. Архив Стасовых. Ф. 294. Оп. 5. Д. 408. Л. 294.

410 *Менжинская М.* Мое знакомство с М. А. Трубниковой // Женское дело. 1899. № 12. С. 39.

411 *Буланова-Трубникова О. К.* Три поколения. М.; Л., 1928. С. 72.

412 Общие основания проекта Обществ женского труда. СПб., 1863.

413 *Кривошеин А.* По поводу проектированного Общества женского труда. СПб., 1863. С. 1.

414 Там же.

415 *Черкасова В.* М. А. Трубникова // Женское дело. 1899. № 12. С. 26.

416 *Мазовецкая Э.* Анна Энгельгардт. Санкт-Петербург второй половины XIX века. СПб., 2001. С. 53–54.

417 *Тыркова А. В.* Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915. С. 128–132.

418 *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки. М.; Л., 1934. С. 325.

419 *Стасов В. В.* Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 121.

420 Там же. С. 126.

421 Первый перевод и издание сказок Г. Х. Андерсена было осуществлено Женской издательской артелью.

422 *Стасов В. В.* Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 128.

423 В деятельности Артели принимали участие: Е. Г. Бекетова, Н. А. Белозерская, М. Г. Ермолова, В. В. Ивашева (Черкесова), М. Н. Коптева, А. Г. Маркелова-Каррик, М. А. Менжинская (Шакеева), М. С. Ольхина, В. И. Печаткина, П. С. Стасова, В. П. Тарновская, М. В. Трубникова, А. П. Философова, Е. И. Ценина, А. Н. Шульговская, Е. А. Штакеншнейдер, А. Н. Энгельгардт и др.

424 В. А. Иностранцева также принадлежала к кругу образованных женщин, была увлечена идеями организации женского труда и взаимопомощи и организовала переплетную артель по «идейным» причинам.

425 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 17. С. 89–90.

426 *Болотова А., Тысячнюк М., Воробьев Д.* Анализ и классификация экологических неправительственных организаций СПб // Экологическое движение в России. СПб., 1999. С. 14.

427 *Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. Reading, Mass. Addison-Wesley, 1978.

428 *Фарафонтова Т.* Общество попечения о молодых девицах в Санкт-Петербурге // Женское дело. 1899, кн. IV (апрель). С. 152.

429 *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004; *Либоракина М. И.* Обретение силы: российский опыт. Пути преодоления дискриминации в отношении женщин (культурное измерение). М., 1996.

430 *Стасов В. В.* Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 73.

431 Там же. С. 74.

432 *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. С. 68.

433 Например, дом в Измайловском полку, купленный Обществом дешевых квартир и построенный рядом еще один (2 рота, д. 8; 3 рота, д. 7), собственные здания Высших женских Бесту-

жевских курсов (10-я линия, д. 33; Средний пр., д. 43 на Васильевском острове), собственное здание Женского медицинского института (Архиерейская ул., д. 8), «Дом курсистки» (общежитие), построенное Обществом вспомоществования слушательницам ВЖК, Обществом окончивших курс наук на ВЖК и Обществом вспоможения слушательницам врачебных и педагогических курсов.

434 *Чехов Н. В.* Лица женского пола не принимаются // Советские студенчество. 1936. № 10. С. 66.

435 *Котлова Т. Б.* Проблемы развития образования в России на рубеже XIX–XX веков: гендерные аспекты // Женщина в российском обществе. 1999. № 2. С. 52.

436 По поводу 10-летнего юбилея Московских высших женских курсов // Женское дело. 1911. № 2. С. 6–7.

437 *Чехов Н. В.* Курсы и курсистки // Советское студенчество. 1938. № 3. С. 50.

438 Отдел критики и библиографии // Женское дело. 1899, кн. III. С. 147.

439 *Тыркова А. В.* Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915. С. 371.

440 *Стасов В. В.* Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 442–443.

441 Н. В. Стасова пробыла на посту председательницы не долго, в сентябре того же года она умерла. Председательницей Общества стала А. Н. Шабанова, которая пробыла на этом посту все годы существования Общества.

442 *Глинский Б. Б.* Права и обязанности женщин // Очерки прогресса. СПб., 1900. С. 358.

443 Устав Русского женского взаимно-благотворительного Общества в С.-Петербурге. Спутник женщины. Настольная книга для женщин под ред. Н. А. Лухмановой. СПб., 1898. С. 101.

444 *Тыркова А. В.* Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915.

445 *Литвинова Е.* а), б), в) и г) Русского женского взаимноблаготворительного общества // Женское дело. 1899, кн. I (январь); кн. II (февраль); кн. IV (апрель).

446 *Чебышева-Дмитриева Е.* О. Шапир. Ее жизнь и деятельность // Вестник Европы. 1916. № 10. С. 391.

447 *Безобразова М. В.* О Русском женском взаимно-благотворительном обществе. СПб., 1898. С. 6–7.

448 *Jenkins C.* Resource Mobilization Theory and the Study of the Social Movement // Annual Review of Sociology. 1983. Vol. 9.

449 *Freeman J.* The Politics of Women's Liberations. A Case Study of an Emerging Social Movement and its Relation to the Policy Process. New York: David McKay Company, Inc., 1975.

450 *Чебышева-Дмитриева Е.* Первый женский союз. (Очерк 10-летней деятельности Русского женского взаимно-благотворительного общества) // Русское Женское Взаимно-благотворительное Общество. Отчет за 1906 год. СПб., 1906.

451 *Литвинова Е.* а), б), в) и г) Русского женского взаимноблаготворительного общества // Женское дело. 1899, кн. I (январь); кн. II (февраль); кн. IV (апрель).

452 *Глинский Б. Б.* Права и обязанности женщин // Очерки прогресса. СПб., 1900.

453 Женское дело. 1900. № 4. С. 102–103.

454 Друг женщин. 1882. № 6. С. 190.

455 Там же. С. 79.

456 Женское дело. 1900. № 6–7. С. 193.

457 В СПб первая женская воскресная школа открылась 28 августа 1860 г.

458 *Литвинова Е.* а), б), в) и г) Русского женского взаимно-благотворительного общества // Женское дело. 1899, кн. I. С. 134–142; кн. II. С. 140–148; кн. IV. С. 144–151.

459 *Глинский Б. Б.* Права и обязанности женщин // Очерки русского прогресса. СПб., 1900. С. 340.

460 *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 306.

461 Рассвет. 1861. № 8.

462 *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 306.

463 *Стасов В. В.* Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 159.

464 Одним из проводников идеи в профессорско-преподавательской среде был проф. А. Н. Бекетов, жена которого Е. Г. Бекетова входила в кружок Трубниковой и работала в Женской издательской артели.

465 В частности эта поддержка 43 профессоров — участников совещания 1868 года у Трубниковой приняла форму отказа от оплаты за преподавание в первый год существования курсов.

466 История возникновения Высших женских курсов // Первый женский календарь на 1899 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1899. С. 117.

467 Там же. С. 115.

468 Женский вестник. 1906. № 1. С. 13.

469 История возникновения Высших женских курсов // Первый женский календарь на 1899 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1899. С. 117.

470 ЦГИА СПб. Ф. 733. Оп. 191. Д. 124. Л. 89.

471 *Глинский Б. Б.* Женщины-врачи // Очерки русского прогресса. СПб., 1900. С. 248.

472 Там же. С. 266.

473 *Белкин М. С.* Особый женский курс. Женские врачебные курсы // Советский врачебный сборник. 1947. № 8. С. 31.

474 *Глинский Б. Б.* Женщины-врачи // Очерки русского прогресса. СПб., 1900. С. 267.

475 Заявление Правительства о Цюрихских студентках // Женский календарь. 1874. Одесса, 1873. С. 54.

476 Нагрудный «знак отличия на право самостоятельной практики» выполнял роль диплома, которого женщины не получали по окончании Женских врачебных курсов. Приказ № 183 по военному ведомству от 23.06.1880 г.

477 История возникновения Высших женских курсов // Первый женский календарь на 1899 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1899. С. 116.

478 *Черкесова В. В.* М. В. Трубникова // Женское дело. 1899. № 12. С. 34.

479 *Овцын В.* Развитие женского образования. Исторический очерк. СПб., 1887. С. 39.

480 Речь проф. И. М. Гревса // Ольга Константиновна Нечаева. 1860–1921. Л., 1928. С. 80.

481 *Ольховский Е. Р.* Начало женского сельскохозяйственного образования в России в конце XIX — начале XX вв. и И. А. Стебут // «Ей не дано прокладывать новые пути?» Из истории женского движения России. Вып. 2. СПб., 1998.

482 Известия. 1897. № 23.

483 *Глинский Б. Б.* Расширение образовательных прав женщин // Очерки русского прогресса. СПб., 1900. С. 309.

484 Женский вестник. 1906. № 3. С. 86.

485 Женский вестник. 1915. № 11. С. 198.

486 *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX веков. М., 1991. С. 361–368.

487 *Гатилова Л. С.* Благотворительность в российской провинции в конце XIX — начале XX веков (по материалам губерний Центрального Черноземья). Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. н. Курск, 2001; *Егорова Л. Ф.* Благотворительность в российской провинции (Костромская губерния, вторая половина XIX — начало XX веков). Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. н. М., 2002; *Мокроносова О. М.* Благотворительные организации во второй половине XIX — начале XX веков (на материалах Южного Урала). Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. н. Оренбург, 2002; *Коновалова С. П.* Становление

общественного призрения в пореформенный период (на примере Московской губернии. 1861–1917 гг.). Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. н. М., 2005.

488 *Тыркова А. В.* Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915. Т. 1. С. 371.

489 *Глинский Б. Б.* Права и обязанности женщин // Очерки прогресса. СПб., 1900. С. 358.

490 *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. С. 278.

491 *Блюм А.* Инцидент с «Египетскими ночами» // Рифей. Челябинск, 1976. С. 152.

492 Искра. 1861. № 12.

493 *Достоевский Ф. М.* Образцы чистосердечия // Время. 1861. № 3. С. 54–70.

494 *Блюм А.* Инцидент с «Египетскими ночами» // Рифей. Челябинск, 1976. С. 151.

Глава III

1 Указ о создании Государственной Думы от 6 августа 1905 г. предполагал ее законосовещательный характер, но 11 декабря того же года был изменен, и Дума получила законодательные права. Положение о выборах сохранилось без изменений.

2 ПСЗ. Собр. 3-е изд. Т. XXV. № 26662.

3 *Новиков Ю. А.* Избирательная система России. 90 лет истории. М., 1996. С. 7.

4 Там же.

5 *Шабанова А. Н.* Текст обращения Р. Ж. Вз.-Благ. Общ. в Государственную Думу // Первый женский календарь на 1907 год. СПб., 1907. С. 372.

6 *Щепкина Е.* Женское движение в 1905 г. в отзывах современных деятелей. СПб., 1906. С. 1.

7 См.: Первый женский календарь на 1904 год. СПб., 1904. С. 404; Земский съезд 6 ноября 1904 г. Краткий отчет. Париж, 1905. С. 30.

8 Женский вестник. 1905. № 5. С. 159.

9 Там же. С. 145.

10 Новые течения в женском движении в России. Борьба за политические права // Первый женский календарь на 1904 год. СПб., 1904. С. 326–329.

11 Женский вестник. 1905. № 5, 7, 12.

12 *Щепкина Е. Н.* Женское движение в 1905 г. в отзывах современных деятелей. СПб., 1906. С. 2.

13 ГАРФ. Ф. 2251. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 144. (*Чехова М. А.* Воспоминания москвички.)

14 Женский вестник. 1905. № 5. С. 140.

15 Там же.

16 Женский вестник. 1905. № 4. С. 126.

17 Женский вестник. 1905. № 5. С. 144.

18 *Кальманович А. А.* Женское движение и отношение партий к нему. Речь на Первом Всероссийском женском съезде // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 748.

19 *Шаханов А.* Историк С. М. Соловьев и открытие высших женских курсов в Москве // Россияне. 1995. № 1. С. 135–136.

20 Русские ведомости. 1905. № 86. С. 1.

21 *М. А. Р.* Борьба за право как нравственная обязанность женщины // Союз женщин. 1907. № 2. С. 4.

22 *Blumer H.* Social Movements // Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective / Ed. by B. McLaughlin. N. Y., 1969.

23 Женское движение последних дней. Одесса, 1905. С. 67.

24 Первые шаги. Первый Всероссийский женский съезд // Новый журнал для всех. 1909. № 3. С. 114.

25 *Кулик В. Н.* Гендерный подход к изучению истории российской многопартийности // Пути и перспективы интеграции гендерных методов в преподавание социально-гуманитарных дисциплин. Тверь, 2000. С. 80.

26 Программные документы политических партий дооктябрьского периода. М., 1991. С. 40.

27 *Сигалов А. А.* Женский вопрос в программах и деятельности общероссийских политических партий (1900–1914). Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. н. М., 1997. С. 19.

28 Там же.

29 Равноправие женщин. Отчеты и протоколы. СПб., 1906. С. 7.

30 *Гуревич Л.* Вопрос о равноправии женщин в первой Государственной Думе. Пг., 1917. С. 6.

31 *Лучинская А.* Новые законы о «расширении» прав женщин и об «уравнении» их с правами мужчин // Первый женский календарь на 1913 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1913. С. 5.

32 Ответ москвички Союзу 17 Октября // Союз женщин. 1907. № 3. С. 2.

33 Там же. С. 3.

34 Резолюция М.О. СРЖ // Союз женщин. 1907. № 3. С. 13.

35 Первый женский календарь на 1907 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1907. С. 358.

36 *Мирович Н.* Из истории женского движения России. М., 1908. С. 18.

37 Равноправие женщин. Отчеты и протоколы. СПб., 1906. С. 4.

38 См.: *Рябов О. В.* Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново, 1997; *Edmondson L.* Feminism in Russia, 1900–1917. Stanford, 1984.

39 *Янчевская М. М.* Женщина у Вейнингера // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 557.

40 *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости. Л., 1991. С. 193.

41 Там же. С. 193.

42 Там же. С. 194.

43 Там же. С. 196.

44 Там же. С. 192.

45 *Вейнингер О.* Пол и характер. М., 1991. С. 7.

46 *Осипович Т. Е.* В поисках «третьего» пола: «новая женщина» и мужчина-гомосексуалист в литературном дискурсе Серебряного века // Эрос и Логос в современной культуре. М., 2003. С. 6.

47 Там же. С. 12.

48 Там же.

49 *Вейнингер О.* Пол и характер. М., 1991. С. 192.

50 Там же. С. 28.

51 Там же. С. 192.

52 Там же. С. 32.

53 *Мебиус П.* Пол и неучтивость. Критический разбор книги «Пол и характер» Отто Вейнингера. М., 1909. С. 16.

54 *Розен фон К.* Моральное слабоумие женщины. М., 1909. С. 21.

55 Там же. С. 50.

56 *Ашкинази И. А.* Женщина и человек. Отто Вейнингер и его книга «Пол и характер». М., 1909. С. 26.

57 Там же. С. 34.

58 *Берштейн Е.* Трагедия пола: две заметки о русском вейнингерианстве // НЛО. 2004. № 65.

59 *Янчевская М. М.* Женщина у Вейнингера // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 564.

60 Там же.

61 *Осипович Т.* В поисках «третьего» пола: «новая женщина» и мужчина-гомосексуалист в литературном дискурсе Серебряного века // Эрос и Логос в современной культуре. М., 2003. С. 6.

62 *Михельсон Б. О.* Пол и красота. Беседа о красоте по поводу статьи О. Вейнингера «Эротика и эстетика». М., 1910. С. 17–18.

63 Там же. С. 18.

64 *Рябов О. В.* Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново, 1997. С. 30.

65 *Розанов В. В.* Религия и культура // Собр. соч. М., 1995. Т. 1. С. 229.

66 *Бердяев Н. А.* Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991. С. 249.

67 *Поляков Л.* Женская эмансипация и теология пола в России XIX века // Феминизм. Восток. Запад. Россия. М., 1993. С. 167.

68 Там же. С. 174.

69 *Рябов О. В.* Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново, 1997. С. 33–34.

70 *Гиппиус З.* Петербургские дневники. Нью-Йорк; М., 1990. С. 121–122.

71 *Бердяев Н. А.* Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991.

72 *Иванов В. И.* О достоинстве женщины // Иванов В. И. По звездам. СПб., 1909.

73 *Мережковский Д. С.* Тайна трех: Египет и Вавилон. Прага, 1925.

74 *Берштейн Е.* Трагедия пола: две заметки о русском вейнингерианстве // НЛО. 2004. № 65.

75 *Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый // Уединенное. М., 1990. С. 98.

76 *Фриче В. М.* Торжество пола и гибель цивилизации. По поводу книги О. Вейнингера «Пол и характер». М., 1909. С. 21.

77 Там же. С. 52.

78 Там же. С. 54.

79 Там же. С. 19.

80 Женский вестник. 1909. № 1. С. 27–28.

81 Союз женщин. 1907. № 4. С. 24.

82 *Базанкур О. Г.* Влияние женщины на искусство XIX века; *Она же.* Высшее художественное образование женщины // Труды Первого Всероссийского съезда по образованию женщин. Пг., 1915.

83 См.: *Казакова И.* Критика и публицистика конца XIX — начала XX веков о творчестве русских писательниц // Преображение. Русский феминистский журнал. 1995.

84 *Эндерлайн Э.* Размышления о дневнике Марии Башкирцевой // CD Энциклопедия «Российские женщины в XX веке».

85 Там же.

86 Женщина у Вейнингера // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 558.

87 Там же. С. 560.

88 Там же. С. 562.

89 Там же. С. 560.

90 *Юкина И. И.* История женщин России: женское движение и феминизм (1850–1920-е годы). Материалы к библиографии. СПб., 2003. С. 16.

[91] *Шмидт С. О.* Художественная литература и искусство как источник формирования исторических представлений // Шмидт С. О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 114.

[92] *Скоровнская М.* Записки корректорши // Друг женщин. 1882. № 4. С. 19.

[93] Женский вестник. 1917. № 5–6. С. 1.

[94] *Барт Р.* Разделение языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 524.

[95] Женский вестник. 1910. № 10. С. 216.

[96] Женская энциклопедия. М., 1915. Т. 1. С. 205.

[97] Друг женщин. 1884. № 7. С. 104.

[98] *Мирович Н.* Женское движение в Европе и Америке. М., 1907. С. 10.

[99] Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901. С. 247.

[100] Женщина, защищающая свою диссертацию на ученом диспуте с целью получения ученой степени магистра, доктора // Женская энциклопедия. М., 1915. Т. 1. С. 205.

[101] Женщина, выдавшая доверенность // Женская энциклопедия. М., 1915. Т. 1. С. 103.

[102] Друг женщин. 1884. № 7. С. 104.

[103] Женская энциклопедия. М., 1915. Т. 1. С. 205.

[104] Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901. С. 245.

[105] Женская энциклопедия. М., 1915. Т. 1. С. 205.

[106] *Мирович Н.* Женское движение в Европе и Америке. М., 1907. С. 10.

[107] Женское дело. 1899. № 12. С. 152.

[108] Женская энциклопедия. М., 1915. Т. 1. С. 205; Друг женщин. 1883. № 4. С. 1.

[109] Профессиональная чтица // Женская энциклопедия. М., 1915. Т. 1. С. 206.

[110] Женское дело. 1899, кн. 1. С. 143; Женский вестник. 1910. № 10. С. 214; Союз женщин. 1908. № 2. С. 18.

[111] Женщина, выдержавшая экзамен на степень магистра, но еще не защитившая магистерскую диссертацию // Женская энциклопедия. М., 1915. Т. 1. С. 205.

[112] Друг женщин. 1882. № 3. С. 79.

[113] Женщина-врач, производящая операцию // Друг женщин. 1883. № 7. С. 81.

[114] Союз женщин. 1908. № 12. С. 279.

[115] Женская энциклопедия. М., 1915. Т. 1. С. 209.

[116] Женщина, исполняющая обязанности переводчицы в суде // Женская энциклопедия. М., 1915. Т. 1. С. 207.

[117] Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901. С. 245.

[118] Там же. С. 250.

[119] Женская энциклопедия. М., 1915. Т. 1. С. 209; Друг женщин. 1884. № 7. С. 104.

[120] Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901. С. 250.

[121] *Барт Р.* Разделение языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.

[122] Союз женщин. 1908. № 2. С. 12.

[123] *Ватсон М.* Международный женский конгресс в Париже // Женское дело. 1900, кн. VI–VII. С. 146–157.

[124] Женская энциклопедия. М., 1915. Т. 1. С. 219.

[125] Там же. С. 205.

[126] *Покровская М. И.* Женщина и суд // Женский вестник. 1910. № 11. С. 217–219.

[127] Женское дело. 1900. № 3. С. 77.

128 *Барт Р.* Разделение языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
129 *М. П.* Неподражаемый путь // Женский вестник. 1909. № 5–6.
130 Женский вестник. 1909. № 2–3.
131 Женский вестник. 1909. № 10.
132 Женский вестник. 1917. № 2.
133 Женский вестник. 1916. № 2.
134 Женский вестник. 1917. № 9–10.
135 Женский вестник. 1909. № 2. С. 63.
136 Женский вестник. 1909. № 2. С. 61.
137 Женский вестник. 1909. № 1.
138 Женский вестник. 1909. № 1. С. 1–2.
139 Государственный бюджет и женщины // Женский вестник. 1908. № 6, 9.
140 Женский вестник. 1908. № 6, 9.
141 Женский вестник. 1905. № 1. С. 17.
142 Женский вестник. 1908. № 6. С. 160.
143 Женский вестник. 1908. № 1.
144 Женский вестник. 1908. № 2–3.
145 Женский вестник. 1916. № 11–12; 1917. № 1–4.
146 Женский вестник. 1916. № 12. С. 173.
147 Женский вестник. 1917. № 3. С. 34.
148 Женский вестник. 1916. № 12. С. 174.
149 Женский вестник. 1908. № 4. С. 115–117.
150 Женский вестник. 1916. № 12. С. 162.
151 Женский вестник. 1908. № 11.
152 В разные годы ими были: А. И. Бак, М. Е. Бландова, А. Г. Богдановская, М. А. Вахтина, Н. В. Волконская, Гончарова, О. В. Григорьева, Л. Я. Гуревич, С. Э. Евдокимова, Ефремова, З. Н. Журавская, Е. М. Зотова, А. А. Кальманович, О. Н. Клирикова, П. М. Коган, Ф. Л. Левкович, Л. Н. Ленская, Е. А. Мерхелевич, В. М. Невежина, А. А. Поляк, Л.Н. Рутцен, А.А. Саксаганская, Синани, З. С. Соколова, Тищенко, С. А. Тюрберт, Фельман, А. П. Философова, М. А. Чехова, С. Ф. Чирвинская, С. Л. Шабад, Р. А. Шмерлинг, Е. Н. Щепкина.
153 Союз женщин. 1907. № 1. С. 2.
154 Союз женщин. 1908. № 9. С. 5.
155 Союз женщин. 1907. № 4. С. 2–4; № 5. С. 10–12.
156 Союз женщин. 1907. № 3. С. 12–13.
157 Союз женщин. 1907. № 5. С. 14–15; 1908. № 2. С. 19–20; № 5–6. С. 26–28.
158 Союз женщин. 1907. № 5. С. 4–6; 1908. № 3. С. 1–8.
159 Союз женщин. 1909. № 2. С. 1–6.
160 Союз женщин. 1909. № 4. С. 11–14.
161 Союз женщин. 1908. № 1. С. 2–5; № 2. С. 9–10.
162 Союз женщин. 1909. № 1. С. 24.
163 Союз женщин. 1908. № 9. С. 5.
164 Союз женщин. 1907. № 5. С. 7.
165 Женская мысль. 1909. № 1. С. 2.
166 Женский вестник. 1910. № 3. С. 79–80.

167 *Тыркова А. В.* В провинции // Союз женщин. 1909. № 5–6. С. 20.

168 *Hertzler J. O.* A sociology of language. N. Y., 1965.

169 Архив Дома Г. В. Плеханова. Ф. 352. Оп. 1. № 1529.

170 Союз женщин. 1907. № 1. С. 1.

171 Хроника // Женское дело. 1900, кн. V. С. 133.

172 *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993. С. 66.

173 *Тыркова А. В.* Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915. С. 434.

174 *Шмидт С. О.* Художественная литература и искусство как источник формирования исторических представлений // Шмидт С. О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 113–115.

175 *Showalter E.* A Literature of Their Own. British Women Novelists from Bronte to Lessing. Princeton, N. J., 1977.

176 См.: *Куницкий В.* Русские женщины: разбор главнейших женских типов в нашей литературе // Женское образование. 1883. № 6–7; *Протопопов М.* Женское творчество. (Г-жи Смирнова и Ольга Шапир) // Русская мысль. 1891. № 4. С. 123–138.

177 См.: *Куницкий В.* Русские женщины: разбор главнейших женских типов в нашей литературе // Женское образование. 1883. № 6–7.

178 Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей / Сост. Ф. Ф. Фидлер. М., 1911. С. 54.

179 *Чуйко В.* Современные женщины-писательницы. (Г-жи О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева, О. Чюмина) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 23–50.

180 Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей / Сост. Ф. Ф. Фидлер. М., 1911. С. 54.

181 *Без подписи.* Не поверили. Повесть О. Шапир // Русский Вестник. 1898. № 9. С. 300–303.

182 *Николаева М. К. (Цебрикова).* Превыспренные героини // Русское богатство. 1891. № 12. С. 104.

183 Там же. С. 109.

184 *Надсон С. Я.* Роман г-жи Шапир «Без любви» // Надсон С. Я. Литературные очерки. Пб., 1888. С. 22.

185 Там же.

186 *Протопопов М.* Женское творчество. (Г-жи Смирнова и Ольга Шапир) // Русская мысль. 1891. № 4. С. 123–138.

187 *Шапир О.* Вопреки обычаю // Новости и Биржевая газета. 1-е изд. 1891. № 132, 14 мая. С. 2–3.

188 *Колтоновская Е. А.* Творчество, утверждающее жизнь: В. И. Дмитриева // Новая жизнь. Критические статьи. СПб., 1910. С. 136.

189 Там же. С. 135–136.

190 *Венгерова З. А.* Феминизм и женская свобода // Образование. 1898. № 5.

191 Журнал журналов. 1915, декабрь. № 34.

192 *Попов В. В.* Женщина о себе. (Мария Моравская) // «Ей не дано прокладывать новые пути»? Из истории женского движения в России. СПб., 1998. С. 51–59.

193 Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901.

194 *Л. Я.* Посвящаю музыке // Альманах. Издание литературно-научного кружка при женском медицинском институте. СПб., 1914. С. 1.

195 *Л. Г.* Сытые и голодные // Альманах. Издание литературно-научного кружка при женском медицинском институте. СПб., 1914. С. 21.

196 *Смоликова Е.* Письмо // Альманах. Издание литературно-научного кружка при женском медицинском институте. СПб., 1914. С. 12.

197 *Андреева А.* Трагедия сменяющихся мировоззрений. «Привидения» Ибсена. Критический этюд // Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901. С. 66.

198 *Гусельщиков М.* Из студенческой анкеты. По данным переписи 1909/1910 в С.-Петербургском Технологическом институте // Русское богатство. 1910. № 6; *Каблуков Н. А.* Студенческий квартирный вопрос в Москве (Студенческая квартирная перепись в Москве в 1907). М., 1908; *Радин Е. П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. СПб., 1913; *Сватиков С. Г.* Русские студентки (1860–1915) // Путь студенчества. М., 1916; *Он же.* Русское студенчество прежде и теперь // Путь студенчества. М., 1916.

199 *Гусельщиков М.* Из студенческой анкеты. По данным переписи 1909/1910 в С.-Петербургском Технологическом институте // Русское богатство. 1910. № 6. С. 95.

200 *Радин Е. П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. СПб., 1913.

201 *Овсянико-Куликовский Д. Н.* История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX века. Часть 2. От 50-х до 80-х годов. М., 1907. С. 131.

202 *Chafetz J. and Dworkin A.* Female Revolt. Women's Movement in World and Historical Perspective. University of Houston. Rowman & Allamheld Publishers, 1986. С. 157–158.

203 Женский вестник. 1906. № 5. С. 154.

204 Женский вестник. 1905. № 1. С. 2.

205 Женский вестник. 1904. № 1. С. 2.

206 Женский вестник. 1904. № 1. С. 1.

207 Женский вестник. 1905. № 1. С. 2.

208 Женский вестник. 1905. № 5. С. 1.

209 Женский вестник. 1906. № 5. С. 154–155.

210 Женский вестник. 1904. № 4. С. 99.

211 Женский вестник. 1904. № 4. С. 99.

212 Женский вестник. 1904. № 1. С. 22.

213 *Покровская М. И.* О жертвах общественного темперамента. СПб., 1902. С. 28–29.

214 Женский вестник. 1905. № 9. С. 191.

215 Женский вестник. 1905. № 5. С. 130.

216 *Шапир О.* Идеалы будущего // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 898.

217 Там же. С. 896.

218 Там же. С. 897.

219 *Шапир О.* Женское бесправие // Биржевые ведомости. 1916, 16 июля.

220 Там же.

221 Там же.

222 *Шапир О.* Идеалы будущего // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 897.

223 Там же.

224 Там же.

225 Там же.

226 Там же. С. 896.

227 Там же.

228 Там же. С. 898.

229 Там же.

230 Там же.

231 Там же. С. 897.

232 Там же. С. 896.

233 Там же. С. 895.

234 *Шапир О.* Женский съезд. Впечатления и итоги // Русские ведомости. 1908. № 295, 20 декабря.

235 Там же.

236 *Шапир О.* Идеалы будущего // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 897.

237 Там же.

238 *Шапир О.* Женский съезд. Впечатления и итоги // Русские ведомости. 1908. № 295, 20 декабря.

239 *Темкина А. А.* Женское движение второй волны: истоки, концептуализация, результаты // Введение в гендерные исследования. Учебное пособие / Под ред. И. Жеребкиной. Ч. I. Харьков; СПб., 2001. С. 689.

240 *Ратчилд Р.* Возвращение женской истории: пол, класс и феминизм в дореволюционной России // Гендерные истории Восточной Европы. Минск, 2002. С. 71.

241 *Коллонтай А. М.* Женщины-работницы в современном обществе // Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге, 10–16 декабря 1908. СПб., 1909.

242 Там же. С. 799–800.

243 *Ратчилд Р.* Возвращение женской истории: пол, класс и феминизм в дореволюционной России // Гендерные истории Восточной Европы. Минск, 2002. С. 69.

244 *Стайтс Р.* «Социальные основы женского вопроса» А. М. Коллонтай // Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. С. 582–586.

245 Там же. С. 582–583.

246 *Коллонтай А. М.* Женщины-работницы в современном обществе // Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге, 10–16 декабря 1908. СПб., 1909.

247 *Стайтс Р.* «Социальные основы женского вопроса» А. М. Коллонтай // Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. С. 584.

248 Там же. С. 585.

249 *Кускова Е.* Женский вопрос и женский съезд // Женский вестник. 1909. № 4.

250 *Коллонтай А. М.* Из истории движения работниц в России. Харьков, 1920. С. 17.

251 РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 19.

252 *Chafetz J. and Dworkin A.* Female Revolt. Women's Movement in World and Historical Perspective. University of Houston. Rowman & Allamheld Publishers, 1986. С. 157–158.

253 *Коллонтай А. М.* К истории движения работниц в России. Харьков, 1920.

254 *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. М., 1974.

255 *Коллонтай А. М.* К истории движения работниц в России. Харьков, 1920. С. 13.

256 Там же.

257 Там же.

258 Там же. С. 14.

259 *Заблудовская Д. Е.* Одна из первых женщин-врачей-педиаторов А. Н. Шабанова // Педиатрия. 1957. № 6. С 76.

260 Это был нагрудный знак, дающий право самостоятельной практики. Этот знак был дарован лично Александром III по просьбе выпускниц женских врачебных курсов «для внушения уважения военным фельдшерам, не признававших распоряжений женщин-ординаторов», — приказ № 183 от 23.06.1880 по Военному Ведомству. Это был единственный «документ» женщин-врачей до 1883 г.

261 В январе 1883 г. по инициативе министра внутренних дел гр. Д. А. Толстого правительство приняло решение о переименовании женщин-врачей в «ученых акушерок». Шабанова была одной из организаторов кампании подачи Александру III докладной записки с объяснением причин, не позволяющих женщинам-врачам принять это звание, как умаляющее их профессиональные достижения и не соответствующее действительности. От общего собрания женщин-врачей всех выпусков А. Н. Шабанову и Е. П. Казакевич делегировали для передачи петиции к министру двора И. И. Воронцову-Дашкову. В результате 18.02.1883 г. решение было отменено и женщинам-врачам присвоено звание «врач женщин и детей», что оценивалось Шабановой как победа *женщин* над самым могущественным министерством России.

262 *Шабанова А. Н.* Воспоминания о женском Международном конгрессе в Берлине // Новое слово. 1896, ноябрь. С. 88.

263 *Шабанова А. Н.* Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 27.

264 *Шабанова А. Н.* Воспоминания о женском Международном конгрессе в Берлине // Новое слово. 1896, ноябрь. С. 82–93.

265 Там же. С. 92.

266 Там же.

267 *Шабанова А. Н.* О международных женских конгрессах. Пг., 1917. С. 23.

268 *Шабанова А. Н.* Воспоминания о женском Международном конгрессе в Берлине // Новое слово. 1896, ноябрь. С. 87.

269 *Шабанова А. Н.* О международных женских конгрессах. Пг., 1917. С. 23.

270 *Шабанова А. Н.* Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 19.

271 Там же.

272 Там же. С 26.

273 *Шабанова А. Н.* О международных женских конгрессах. Пг., 1917. С. 4.

274 Ответ на женский вопрос. Речи, произнесенные 10 февраля 1914 г. в зале Тенишевского училища на публичном собрании, устроенном отд. изб. прав при Русском женском вз.-благ. обществе. СПб., 1914. С. 59.

275 *Шабанова А. Н.* О международных женских конгрессах. Пг., 1917. С. 12.

276 *Шабанова А. Н.* Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С. 27.

277 *Тыркова А. В.* Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915. Т. 1. С 371.

278 *Шенкман Д. И.* Врач А. Н. Шабанова // Вестник современной медицины. 1928. № 2.

279 К истории женского врачебного образования в России. Памяти И. Я. Чистовича // Ленинградский медицинский журнал. 1926. № 5. С. 59.

280 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1549.

281 *Fireman B., Gamson W.* Utilitarian Logic in the Resource Mobilization Perspective // The Dynamics of Social Movements / Ed. by M. Zald, J. McCarthy. Cambridge, 1979.

282 Черкесов Александр Александрович (1833–1908) — общественный деятель, владелец библиотеки и книжных магазинов в Санкт-Петербурге и Москве.

283 *Амфитеатров А.* Женщина в общественных движениях России. Публичная лекция, прочитанная в Париже в пользу Высшей Русской школы общественных наук в Париже // Женское нестроение. СПб., 1908. С. 287.

284 *Чебышева-Дмитриева Е.* Ольга Шапир. Ее жизнь и деятельность // Вестник Европы. 1916. № 10. С. 391.

285 *Борисов М.* Некролог // Северные записки. 1916. № 10. С. 255.

286 *Покровская М. И.* Как я была городским врачом для бедных. СПб., 1903. С. 6.

287 Там же.

[288] Там же. С. 7.

[289] Там же. С. 61.

[290] Там же. С. 35.

[291] В 1894 г. и в 1897 г. М. И. Покровская провела исследования жилищ рабочих в Петербурге.

[292] Из популярных брошюр М. И. Покровской можно назвать: «Меры, применяемые в Европе против заразных болезней» (1890), «Популярная гигиена» (1893), «О детских развлечениях. Их психологическое и гигиеническое значение» (1896), «Санитарный надзор над жилищами и санитарная организация в различных государствах» (1897), «О влиянии жилища на здоровье, нравственность, счастье и материальное благосостояние» (1896), «Жилые подвалы» — Доклад III Отделению Русского Общества Охранения Народного Здравия (1899), «Улучшение жилищ рабочих в Англии» (1899), «Популярные статьи по гигиене» (1899), «К вопросу об улучшению жилищ» (1900), «Как вести бедное (скромное) хозяйство, чтобы сохранить здоровье» (1900) и др.

[293] *Покровская М. И.* Как я была городским врачом для бедных. С. 65–66.

[294] Женский вестник. 1905. № 2. С. 36.

[295] См.: *Голосенко И. А., Голод С. И.* Социологические исследования проституции в России. СПб., 1998. Гл. I.

[296] Женский вестник. 1905. № 1. С. 2.

[297] Калинкинская больница основана в 1762 г. как лечебное и исправительное учреждение под названием Калинкинский исправительный дом с госпиталем при нем. Позднее это учреждение стало городской больницей для бедных, куда принимались женщины с венерическими и кожными заболеваниями.

[298] Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами. СПб., 1912. Т. 2. С. 272, 315.

[299] Женский вестник. 1910. № 10. С. 90–91.

[300] Женский вестник. 1905. № 2. С. 37.

[301] Женский вестник. 1910. № 4. С. 90.

[302] I Всероссийский женский съезд // Женский вестник. 1908. № 5. С. 122.

[303] Женский вестник. 1908. № 11.

[304] С Новым годом! // Женский вестник. 1908. № 1. С. 1–2.

[305] ЦАГМ. Ф. 2251. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 171.

[306] *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Paris: YMCA-PRESS, 1988. С. 106.

[307] ЦАГМ. Ф. 2251. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 4. (*Чехова Е. Н.* Жизнь моей мамы: семена грядущего.)

[308] ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 12.

[309] Союз Женщин. 1907. № 1. С. 2.

[310] Там же.

[311] Союз Женщин. 1908. № 12. С. 24.

[312] *Шабанова А. Н.* Очерк женского движения в России // Мужчина и женщина. СПб., 1911. Т. 1. С. 729.

[313] *Тыркова-Вильямс А. В.* Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 227.

[314] Там же. С. 229.

[315] *Гиппиус З.* Петербургский дневник. М., 1991. С. 8–9.

[316] Голос жизни. 1905. № 5–6. С. 95–96.

[317] Женский вестник. 1914. № 5–6. С. 134–135.

[318] *Тыркова А. В.* На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 240.

[319] Там же. С. 243.

320 Архив Дома Г. В. Плеханова. Ф. 352. Оп. 1. № 1529.

321 *Тыркова А. В.* Приветственное слово // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 18.

322 *Тыркова А. В.* Женский съезд // Слово. 1908. 10 декабря. № 646. С. 2.

323 Архив Дома Г. В. Плеханова. Ф. 352. Оп. 1. № 1529.

324 *Тыркова А. В.* Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915. С. 471.

325 *Волпянская З.* Накануне съезда // Слово. 1908. 11 декабря. № 647. С. 5.

326 Русские ведомости. 1908. № 295.

327 *Тыркова А. В.* Женское сословие // Слово. 1908. 14 декабря. № 650. С. 4.

328 Там же.

329 Союз женщин. 1909. № 3. С. 2.

330 Союз женщин. 1909. № 5–6. С. 20.

331 *Тыркова А. В.* Приветственное слово // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 18.

332 *Тыркова А. В.* Изменение женской психологии за последнее столетие // Труды I Всероссийского съезда по образованию женщин. Пг., 1915. Т. 1. С. 2.

333 *Шишкина-Явейн П. Н.* Женщина-гласный. Стенограф. отчет речи, произнесенной на публичном собрании, организованном Всеросс. Лигою Равноправия Женщин в Петрограде. Пг., 1917. С. 15.

334 Рижский вестник. 1914, 3 марта. С. 3.

335 *Шишкина-Явейн П. Н.* Женщина-гласный. Стенограф. отчет речи, произнесенной на публичном собрании, организованном Всеросс. Лигою Равноправия Женщин в Петрограде. Пг., 1917.

336 Там же. С. 11–12.

337 Там же. С. 17–18.

338 Dagens Nyheter. 1911, 11 Juni. P. 1.

339 Семейный архив Н. И. Рощиной-Явейн.

340 *Кальманович А. А.* Женское движение и отношение партий к нему // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 790.

341 Там же. С. 784.

342 Там же.

343 Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 769.

344 Союз женщин. 1908. № 9. С. 6.

345 Прения по докладу А. С. Милюковой // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами. СПб., 1911. Т. 1. С. 231.

346 ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 41.

347 ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 145.

348 Женский вестник. 1905. № 4. С. 126.

349 ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 144.

350 ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 145.

351 *Щепкина Е. Н.* Женское движение в 1905 г. в отзывах современных деятелей. СПб., 1906. С. 1.

352 *Кускова Е. Д.* Женский вопрос и женский съезд // Образование. 1909. № 1–2.

353 *Кускова Е. Д.* Женщины и равноправие. По поводу Первого Всероссийского женского съезда // Союз женщин. 1908. № 12.

354 *Кускова Е. Д.* Женский вопрос и женский съезд // Образование. 1909. № 2. С. 38.

355 Там же.

356 Женский вестник. 1904. № 3. С. 84.

357 Женский вестник. 1904. № 3. С. 84; Женское дело. 1899. № 1. С. 135.

358 Русское женское взаимно-благотворительное общество. Отчет за 1906 г. СПб., 1907. С. 152.

359 Союз женщин. 1909. № 1. С. 23.

360 Вопросы равноправия. Отчеты и протоколы. СПб., 1906. С. 7.

361 Русское женское взаимно-благотворительное общество. Отчет за 1907 г. СПб., 1908. С. 102.

362 Русское женское взаимно-благотворительное общество. Отчет за 1911 г. СПб., 1912. С. 6–7.

363 *Тыркова А. В.* Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915. С. 427.

364 Русское женское взаимно-благотворительное общество. Отчет за 1906 г. СПб., 1907. С. 152–153.

365 *Мижуев П.* Женский вопрос и женское движение // Новый энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А. Т. 17. С. 784.

366 *Петражицкий Л. И.* О пользе политических прав женщин. Речь проф. Л. И. Петражицкого, депутата I Государственной Думы. СПб., 1907.

367 Русское женское взаимно-благотворительное общество. Отчет за 1907 г. СПб., 1908. С. 103.

368 Там же. С. 104.

369 Там же. С. 8.

370 *Шишкина-Явейн П. Н.* Женщина-гласный. Стенограф. отчет речи, произнесенной на публичном собрании, организованном Всеросс. Лигою Равноправия Женщин в Петрограде. Пг., 1917. С. 18.

371 См.: *Веременко В. А.* «Лицо с видом на жительство». Гендерные аспекты паспортной системы в России конца XIX — начала XX века // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2004. № 7.

372 Русское женское взаимно-благотворительное общество. Отчет за 1912 г. СПб., 1913. С. 104.

373 Международный женский совет (International Council of Women) был основан в 1888 г. по инициативе американских феминисток. К началу XX в. он объединил женские организации почти 30 стран. Раз в 5 лет МЖС проводил Всемирный женский конгресс. Страны, не имевшие национальных организаций, не могли присоединиться к этой международной женской организации. Они могли иметь только наблюдателя с совещательным голосом в статусе вице-председательницы. А. П. Философова получила приглашение на этот пост. Она выступила с инициативой создания национальной женской организации в России и присоединения к международному женскому движению. Философова надеялась создать российскую национальную организацию на Первом Всероссийском женском съезде.

374 *Давыдова Л.* На женском международном конгрессе: Письмо из Лондона // Мир Божий. 1899. № 8.

375 Юбилей О. А. Шапир // Первый женский календарь на 1905 г. СПб., 1905. С. 375.

376 Там же. С. 374.

377 *Чебышева-Дмитриева Е. А.* Первый женский союз: Очерк 10-летней деятельности Русского женского взаимно-благотворительного общества // Русское женское взаимно-благотворительное общество. Отчет за 1906. СПб., 1907. С. 155.

378 *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. М., 1908. С. 4–5.

379 Сын Отечества. 1905. № 58.

380 *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. М., 1908. С. 5.

381 *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998; *Она же.* Женское движение как ресурс модернизации России // Гендерная реконструкция политических систем. М., 2004.

382 *Айвазова С. Г.* Женское движение как ресурс модернизации России // Гендерная реконструкция политических систем. М., 2004.

383 Союз женщин. 1907. № 2. С. 1.

384 Делегатки прибыли из Петербурга, Владимира, Воронежа, Екатеринославля, Калуги, Киева, Малоархангельска, Минска, Орла, Рыбинска, Рязани, Пензы, Саратова, Смоленска, Твери, Тулы, Ялты, Ярославля.

385 *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. М., 1908. С. 5.

386 Там же.

387 Союз женщин. 1907. № 2. С. 1.

388 Устав Союза равноправности женщин. Казань, 1906. С. 1.

389 Там же.

390 Там же. С. 4.

391 *Гришина З. В.* Движение за политическое равноправие женщин в годы I российской революции // Вестник МГУ. История. 1982. № 2. С. 35.

392 Равноправие женщин. Отчеты и протоколы. СПб., 1906. С. 2.

393 Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906. С. 233.

394 В том числе были открыты отделения в Вильно, Воронеже, Курске, Новгороде, Одессе, Полтаве, Пскове, Самаре, Симферополе, Ставрополе, Харькове. ЦБ вело переписку с 74 городами и населенными пунктами.

395 Равноправие женщин. Отчеты и протоколы. СПб., 1906. С. 5.

396 Там же.

397 ЦАГМ. Ф. 2251. Оп. 1. Ед. хр. 479. Л. 34.

398 Равноправие женщин. Отчеты и протоколы. СПб., 1906. С. 7.

399 Там же.

400 К маю 1905 г. уже были изданы брошюры: «Русская женщина к крестьянам и рабочим», «Русская женщина к крестьянкам и работницам»; *Волькенштейн О.* «Женщина-избирательница», «Женский вопрос в Государственной думе»; *Кудрин И.* «О равноправности женщины»; *Щепкина Е.* «Женское движение в России в 1905 г. в отзывах современных деятелей»; *Гуревич Л.* «Почему нужно дать женщинам все права и свободу»; *Мирович Н.* «Послание австралийских гражданок к женщинам других стран» и др.

401 В 1905 г. Н. Мирович ездила по провинции с лекцией «О женском движении в Англии», Л. Ленская с лекцией «Женщина средних классов», А. Кальманович — «Женское движение за границей».

402 Равноправие женщин. Отчеты и протоколы. СПб., 1906. С. 4.

403 *Мирович Н.* Из истории женского движения России. М., 1908. С. 18.

404 Голос жизни. 1905. № 16–18. С. 95–96.

405 Русские ведомости. 1906. № 16.

406 Женский вестник. 1906. № 5. С. 134–135.

407 Женский вестник. 1914. № 5–6. С. 133.

408 В том числе издательская комиссия выпустила брошюры: *Туркина Н.* «Обновление мира»; *Кайданова О.* «Женская доля»; *Гинзбург С.* «Женщина перед законом»; *Волкова А.* «Одна из многих»; *Люлева Е.* «Свободная женщина и христианство» и др.

409 ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 6.

410 Равноправие женщин. Отчеты и протоколы. СПб., 1906. С. 5.

411 Союз женщин. 1907. № 1. С. 6.

412 Первый женский календарь на 1907 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1907. С. 358.

413 Союз женщин. 1907. № 1. С. 9.

414 Равноправие женщин. Отчеты и протоколы. СПб., 1906. С. 6–7.

415 ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 14.

416 Первый женский календарь на 1907 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1907. С. 358.

417 *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. М., 1908. С. 56.

418 Равноправие женщин. Отчеты и протоколы. СПб., 1906. С. 51.

419 Там же. С. 13.

420 *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. М., 1908. С. 47–48.

421 Там же. С. 48–49; *Рутцен Л.* Равноправность женщин. М., 1907. С. 18.

422 *Мирович Н.* Из истории женского движения в России. М., 1908. С. 28–29; *Рутцен Л.* Равноправность женщин. М., 1907. С. 16–17.

423 Союз женщин. 1907. № 1. С. 8–9.

424 Первым считалось международное женское совещание в Вашингтоне, состоявшееся в 1902 г. по инициативе Американского женского союза. В его работе принимали участие и деятельницы русского движения.

425 *Новикова Н.* Либеральный феминизм в России и на Западе: опыт сравнительного анализа // www.kenan.yar.ru/seminars/novikova-24102000.html

426 Женская прогрессивная партия вступила в МЖСА в 1909 г.

427 *Мирович Н.* Женское движение в Европе и Америке. М., 1907.

428 Равноправие женщин. Отчеты и протоколы. СПб., 1906. С. 5.

429 Союз женщин. 1908. № 12. С. 24.

430 *Тыркова А. В.* Анна Павловна Философова и ее время. СПб., 1915. С. 426.

431 Женский вестник. 1914. № 5–6. С. 132–133.

432 Равноправие женщин. Отчеты и протоколы. СПб., 1906. С. 30.

433 Программа женской политической партии // Российские партии, союзы и лиги. Сб. программ, уставов и справочных сведений о российских политических партиях, всероссийских профессионально-политических профессиональных союзах и всероссийских лига / Под ред. Г. Фальборка, В. Чарнолуского. СПб., 1906. С. 137.

434 Женский вестник. 1906. № 5. С. 154.

435 Там же. С. 154–155.

436 Там же. С. 155.

437 Женский вестник. 1908. № 4. С. 115–117.

438 Равноправие женщин. Отчеты и протоколы. СПб., 1906. С. 30.

439 Женский вестник. 1908. № 1. С. 28.

440 Женский вестник. 1914. № 1. С. 21.

441 Женский вестник. 1914. № 5–6. С. 132–133.

442 Женский вестник. 1909. № 2. С. 62.

443 Женский вестник. 1915. № 10–11.

444 Женский вестник. 1916. № 3. С. 63.

445 Так, депутат Государственной Думы А. И. Шингарев, проф. А. И. Елистратов сотрудничали с Женской партией по вопросу отмены регламентации проституции. Депутаты IV Думы П. Н. Гронский, М. М. Александров, проф. М. П. Чубинский поддерживали акции партии по достижению избирательных прав женщин.

446 Е. И. Гарднер была секретарем Международной Женской Лиги (пред. Е. Томпсон), созданной в США в 1873 г. Она пыталась учредить отделение Лиги в России и была одной из основательниц Русского женского взаимно-благотворительного общества.

447 Отчет о деятельности Российской Лиги равноправия женщин за 1909–1910 гг. СПб., 1911. С. 14.

448 Там же.

449 Там же. С. 9.

450 Первый женский календарь на 1913 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1913. С. 11.

451 Отчет о деятельности Российской Лиги равноправия женщин за 1912 г. СПб., 1913. С. 10.

452 Там же. С. 9.

453 Там же. С. 1.

454 *Шишкина-Явейн П. Н.* Женщина-гласный. Стенограф. отчет речи, произнесенной на публичном собрании, организованном Всеросс. Лигою Равноправия Женщин в Петрограде. Пг., 1917. С. 15.

455 Адвокатессы и Государственный Совет // Женское дело. 1913. № 3. С. 1.

456 *Ф-в Ал.* Женские банки // Женское дело. 1912. № 3. С. 15.

457 Там же. С. 16.

458 *Павлова В.* Женская фабричная инспекция // Женское дело. 1913. № 4. С. 1.

459 Там же.

460 Там же. С. 2.

461 *Попов И.* Фабричные инспектрисы // Женское дело. 1913. № 10 (15 мая). С. 1.

462 Там же.

463 Отчет Российской Лиги равноправия женщин за 1914 и 1915 гг. Пг., 1917. С. 49

464 Там же. С. 4.

465 Там же. С. 3.

466 Отчет Российской Лиги равноправия женщин за 1912 г. СПб., 1913. С. 12.

467 Отчет Российской Лиги равноправия женщин за 1914 и 1915 гг. Пг., 1917. С. 3.

468 Там же. С. 1.

469 Отчет Московского отдела Лиги равноправия женщин за 1911–1912 г. М., 1913. С. 19.

470 Там же. С. 21.

471 Там же. С. 10.

472 Там же. С. 11.

473 Там же. С. 23.

474 Там же. С. 5.

475 Там же. С. 16.

476 Новый женский клуб в Петербурге // Спутник женщин. Настольная книга для женщин / Под ред. Н. А. Лухмановой. СПб., 1898. С. 109.

477 *Маргулиес М. Н.* Женский политический клуб // Первый женский календарь на 1907 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1907. С. 373.

478 Там же.

479 *Коллонтай А. М.* К истории движения работниц в России. Харьков, 1920. С. 17.

480 *Миловидова Э.* Женский вопрос и женское движение. Хрестоматия. М., 1926. С. 366.

481 *Коллонтай А. М.* К истории движения работниц в России. Харьков, 1920. С. 17.

482 *Миловидова Э.* Женский вопрос и женское движение. Хрестоматия. М., 1926. С. 368.

483 Там же.

484 Союз женщин. 1909. № 4. С. 16.

485 Пролетарская революция. 1921. № 3. С. 274–275.
486 Женский вестник. 1908. № 10. С. 238.
487 Женский вестник. 1908. № 1. С. 28.
488 Женский вестник. 1908. № 6. С. 166.
489 Союз женщин. 1909. № 5–6. С. 32.
490 Устав Московского женского клуба. Б/м., 1907.
491 Труды Первого Всероссийского съезда женщин. СПб., 1909. С. 569.
492 Там же.
493 Там же. С. 566–567.
494 Союз женщин. 1909. № 1. С. 15–16.
495 *Klandermans B.* Mobilization and Participation: Social-psychological Expansions of Resource Mobilization Theory // American Sociological Review. 1984. Vol. 49.
496 *Новикова Н.* Под вывеской легального клуба. М., 1974.
497 Союз русских женщин. Устав. СПб., 1908.
498 *Боголюбов А. А.* Женский русско-славянский союз. Записка. СПб., 1899.
499 *Кулик В. Н.* Женщина в российском обществе XX век: история и современность. Специальный курс. М., 1996. С. 45.
500 Союз русских женщин. Устав. СПб., 1908. С. 14.
501 Там же.
502 *Темкина А. А.* Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерные тетради. Вып. первый. СПб. филиал Института социологии РАН. СПб., 1997.
503 Там же.
504 Отчет Союза русских женщин за 1915 год. Пг., 1916.
505 *Кулик В. Н.* Женщина в российском обществе XX век: история и современность. Специальный курс. М., 1996. С. 46.
506 Там же. С. 43.
507 Союз женщин. 1908. № 2. С. 17.
508 *Хасбулатова О. А.* Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново, 1994. С. 59.
509 *Кулик В. Е.* Женщина в российском обществе XX век: история и современность. Специальный курс. М., 1996. С. 48.
510 Союз женщин. 1909. № 10. С. 21.
511 *McCarthy J., Zald M.* Resource Mobilization and Social Movements: a Partial Theory // American Journal of Sociology. 1977, 82(6). P. 1220.
512 Движение женского дела // Первый женский календарь на 1909 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1909. С. 104.
513 Съезд должен был открыться 1.06.1905 г.
514 *Тюрберт С.* Женский вопрос и политический строй // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 511.
515 Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 18.
516 *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. С. 61.
517 *Айвазова С. Г.* Женское движение как ресурс модернизации России // Гендерная реконструкция политических систем. М., 2004.
518 Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 744.
519 Там же.

520 Там же. С. 2.

521 Там же. С. 11.

522 Там же. С. 12.

523 Там же. С. 769.

524 Санкт-Петербургские Ведомости. 1908. № 284, 16 декабря. С. 2.

525 Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 799–800.

526 Там же. С. 794–795.

527 *Новикова Н. В.* Суфражистки и суфражетки: идеология и политики британского феминистского движения в начале XX века // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Минск, 2001.

528 Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 800.

529 Там же.

530 *Кальманович А. А.* Женское движение и отношение партий к нему // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 785.

531 *Кувшинская Е. А.* Женщина и политика // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 498.

532 *Тыркова А. В.* Первые шаги. Первый Всероссийский женский съезд // Новый журнал для всех. 1909. № 3. С. 114.

533 *Кальманович А. А.* Женское движение и отношение партий к нему // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 784–785.

534 Там же. С. 784.

535 Там же. С. 791.

536 Там же. С. 788.

537 Бюллетени I Всероссийского женского съезда. СПб., 1908. № 10.

538 *Шапир О.* Идеалы будущего // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 897.

539 Там же. С. 898.

540 *Тыркова А.* Первые шаги. Первый женский всероссийский съезд // Новый журнал для всех. 1909, январь. № 3. С. 122.

541 Там же. С. 119.

542 Петербургские ведомости. 1908, 11 дек. № 280; Новая Русь. 1908, 11 дек. № 118.

543 *Голосенко И. А.* Отечественная наука о возникновении, функционировании и ограничении проституции (середина XIX — начало XX веков) // Голосенко И. А., Голод С. И. Социологические исследования проституции в России: история и современное состояние вопроса. СПб., 1998. С. 52–53.

544 *Покровская М. И.* Единая половая нравственность // Женский вестник. 1910. № 4. С. 89.

545 *Шабанова А. Н.* Очерк женского движения в России // Мужчина и женщина. СПб., 1911. Т. 1. С. 731.

546 *Покровская М. И.* Первый Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщин // Женский вестник. 1910. № 5–6.

547 Там же. С. 119.

548 Там же.

549 Женский вестник. 1913. № 12. С. 265.

550 *Голосенко И. А.* Отечественная наука о возникновении, функционировании и ограничении проституции (середина XIX — начало XX веков) // Голосенко И. А., Голод С. И. Социологи-

ческие исследования проституции в России: история и современное состояние вопроса. СПб., 1998. С. 57.

551 *Толстой И. И.* Дневник 1906–1916. СПб., 1997. С. 358.

552 Бартошевич — директор училища.

553 *Толстой И. И.* Дневник 1906–1916. СПб., 1997. С. 419.

554 Там же. С. 421.

555 Там же. С. 420.

556 Там же. С. 440–441.

557 *Edmonson L. H.* Feminism in Russia, 1900–1917. Stanford University Press, 1984. P. 154.

558 *Стайтс Р.* «Социальные основы женского вопроса» А. М. Коллонтай // Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. С. 398.

559 Женский вестник. 1916. № 9. С. 124–125.

560 Женский вестник. 1916. № 2. С. 10–11.

561 Женский вестник. 1916. № 1.

562 Отчет отдела избирательных прав Русского женского взаимно-благотворительного общества за 1914 г. СПб., 1915. С. 7.

563 Женский вестник. 1916. № 1. С. 12.

564 Женский вестник. 1916. № 3. С. 60.

565 *Шаханов А.* Историк С. М. Соловьев и открытие высших женских курсов в Москве // Россияне. 1995. № 1. С. 136.

566 *Эсмен А.* Общие основания конституционного права. СПб., 1898. С. 158.

567 *Шишкина-Явейн П. Н.* Женщина-гласный. Стенографический отчет речи, произнесенной на публичном собрании, организованном Всеросс. Лигою Равноправия Женщин в Петрограде. Пг., 1917. С. 12.

568 Женский вестник. 1917. № 3. С. 48.

569 *Кулешов С. В., Волобуев О. В.* Наше отечество: опыт политической истории. М., 1991. С. 342.

570 *Стайтс Р.* «Социальные основы женского вопроса» А. М. Коллонтай // Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. С. 397–398.

571 Там же. С. 397.

572 Женское дело. 1917. № 6–7. С. 1.

573 Женский вестник. 1917. № 3. С. 34.

574 Вестник Временного правительства. 1917, 5 марта. № 1 (46).

575 *Покровская М. И.* Права женщин // Женский вестник. 1917. № 3. С. 40.

576 *Закута О.* Как в революционное время Всероссийская Лига равноправия женщин добилась избирательных прав для русских женщин. Пг., 1917. С. 3.

577 Там же.

578 Известия. 1917, 8 марта. С. 5.

579 *Закута О.* Как в революционное время Всероссийская Лига равноправия женщин добилась избирательных прав для русских женщин. Пг., 1917. С. 5.

580 Там же.

581 Известия. 1917, 21 марта. С. 7;

582 *Гиппиус З.* Петербургские дневники. 1914–1919. Нью-Йорк; М., 1990. С. 121.

583 *Закута О.* Как в революционное время Всероссийская Лига равноправия женщин добилась избирательных прав для русских женщин. Пг., 1917. С. 6.

584 Там же.

585 Равноправие женщин. Отчеты и протоколы. СПб., 1906. С. 2.

586 Там же. С. 3.

587 *Станкевич Н.* Женский месяц // Современник. 1914, кн. 5. С. 129.

588 Там же. С. 127.

589 Целью практически всех женских организаций указанного периода являлось распространение идей равноправия среда работниц. Формами работы были вечерние классы для работниц, разного рода курсы. См.: Равноправие женщин. Отчеты и протоколы. СПб., 1906.

590 *Закута О.* Как в революционное время Всероссийская Лига равноправия женщин добилась избирательных прав для русских женщин. Пг., 1917. С. 6.

591 Там же.

592 Женский вестник. 1917. № 3. С. 33.

593 Русские ведомости. 1917, 20 апреля (3 мая). С. 3.

594 Женский вестник. 1917. № 4. С. 64.

595 Русские ведомости. 1917, 27 апреля (9 мая). С. 5.

596 Женский съезд // Речь. 1917, 9 апреля. С. 6.

597 Там же.

598 *В. Ал.* Женский делегатский съезд // Женское дело. 1917. № 8. С. 15.

599 Женский съезд // Речь. 1917, 9 апреля. С. 6.

600 *В. Ал.* Женский делегатский съезд // Женское дело. 1917. № 8. С. 15.

601 Постановление Временного правительства от 25 марта 1917 г.

602 Закон о выборах в Учредительное Собрание. Официальное положение, утвержденное Временным правительством 20 июля 1917. Пг.; М., 1917. С. 4.

603 Там же С. 5.

604 *Макаров А. Н.* Закон о выборах в Учредительное Собрание // Вестник Европы. 1917, кн. 9–12. С. 328.

605 Женский вестник. 1917. № 5–6. С. 75.

606 Женский вестник. 1917. № 9–10. С. 108.

607 *Кулик В. Н.* Тверитянки в 1917 году // Женщина. История. Общество. Тверь, 1999; *Она же.* Гендерный подход к изучению истории российской многопартийности // Пути и перспективы интеграции гендерных методов в преподавание социально-гуманитарных дисциплин. Тверь, 2000; Первые выборы после победы суфражизма в 1917 г.: избирательницы и политические партии (на примере Тверской губернии) // Гендерная реконструкция политических систем. СПб., 2004.

608 *Кулик В. Н.* Гендерный подход к изучению истории российской многопартийности // Пути и перспективы интеграции гендерных методов в преподавание социально-гуманитарных дисциплин. Тверь, 2000. С. 85.

609 Речь. 1917, 22 сентября.

610 Устав Всероссийского женского Совета // Первый женский календарь на 1912 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1912. С. 3.

611 Отчет Лиги Равноправия женщин за 1914 и 1915 гг. Пг., 1917. С. 86.

612 *Иванова.* Объединение женских организаций // Женский вестник. 1916. № 7–8. С. 103.

613 Женский вестник. 1916. № 11. С. 159.

614 *Шабанова А. Н.* О международных женских конгрессах. Пг., 1917. С. 4.

615 Женский вестник. 1917. № 4. С. 64.

616 Женский вестник. 1917. № 9–10. С. 111.

617 *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы. Одесса, 1921.

618 *Кулик В. Н.* Женщина в российском обществе XX века: история и современность. Специальный курс. М., 1996. С. 57.

619 *Стайтс Р.* «Социальные основы женского вопроса» А. М. Коллонтай // Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004.

620 *Кулик В. Н.* Женщина в российском обществе XX века: история и современность. Специальный курс. М., 1996. С. 59.

621 Женский вестник. 1917. № 9–10. С. 111.

622 *Кулик В. Н.* Гендерный подход к изучению истории российской многопартийности // Пути и перспективы интеграции гендерных методов в преподавание социально-гуманитарных дисциплин. Тверь, 2000. С. 85.

623 *Суханов Н. Н.* Записки о революции. М., 1992. Кн. 3. С. 271.

624 *Gamson W.* The Strategy of Social Protest. Homewood, IL: Dorsev, 1975.

625 *Turner R. H., Killian L. M.* Collective Behavior. Englewood Cliffs. N. J.: Prentice Hall, 1987.

Вместо заключения

1 *Либоракина М. И.* Обретение силы: российский опыт. Пути преодоления дискриминации в отношении женщин (культурное измерение). М., 1996. С. 30.

2 15.04.1917 г. Временное правительство приняло Постановление «О производстве выборов гласных городских дум, об участковых городских управлениях», по которому избирательными правами обладали лица обоего пола, достигшие 20 лет, без различия национальности и вероисповедания.

3 20.06.1917 г. Временное правительство приняло Положение о выборах в Учредительное собрание, с 11.09.1917 г. оно вступило в силу.

4 *Лебина Н. Б., Шкаровский М. В.* Проституция в Петербурге. М., 1994. С. 62.

5 *Троцкий Л.* Вопросы быта. М., 1921.

6 *Куйбышев В. В.* Новая экономическая политика и задачи женотделов // Коммунистка. 1921. № 16–17.

7 *Коллонтай А. М.* Автобиография сексуально эмансипированной коммунистки // Марксистский феминизм: Коллекция текстов Александры Коллонтай. Тверь, 2003. С. 15.

8 *Журженко Т. Ю.* Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков, 2001. С. 76.

9 *Здравомыслова Е., Темкина А.* Гендерное (gendered) гражданство и советский этакратический порядок // Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики. Самара, 2003. С. 33.

10 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1925. Ч. I. М., 1953. С. 754.

11 *Журженко Т. Ю.* Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков, 2001. С. 81.

12 *Здравомыслова Е., Темкина А.* Гендерное (gendered) гражданство и советский этакратический порядок // Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики. Самара, 2003. С. 34.

13 *Журженко Т. Ю.* Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков, 2001. С. 78.

14 *Коллонтай А. М.* Автобиография сексуально эмансипированной коммунистки // Марксистский феминизм: Коллекция текстов Александры Коллонтай. Тверь, 2003. С. 14.

15 Там же.

16 Там же.

17 Там же. С. 16.

18 Там же.

19 *Успенская В. И.* Радикальный проект женской эмансипации Александры Коллонтай // Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики. Тверь, 2003. С. 26.

20 *Коллонтай А. М.* Автобиография сексуально эмансипированной коммунистки // Марксистский феминизм: Коллекция текстов Александры Коллонтай. Тверь, 2003. С. 14.

21 *Хасбулатова О. А.* Обзор опыта советской государственной политики в отношении женщин // Гендерная реконструкция политических систем. М., 2004. С. 400.

22 *Журженко Т. Ю.* Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков, 2001. С. 81.

23 *Успенская В. И.* Радикальный проект женской эмансипации Александры Коллонтай // Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики. Тверь, 2003. С. 24.

24 *Тыркова А. В.* Первые шаги. Первый Всероссийский женский съезд // Новый журнал для всех. 1909. № 3. С. 114.

25 Там же.

26 Тираж «Работницы» с 10 тыс. в 1923 г. вырос до 329 тыс. в 1930 г.

27 *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. С. 72.

28 *Успенская В. И.* Радикальный проект женской эмансипации Александры Коллонтай // Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики. Тверь, 2003. С. 24.

29 *Здравомыслова Е., Темкина А.* Гендерное (gendered) гражданство и советский этакратический порядок // Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики. Самара, 2003. С. 29.

30 Молодая гвардия. 1923. № 2, 4; Красная новь. 1923. № 6.

31 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1925. Ч. I. М., 1953. С. 894.

32 *Градскова Ю. В.* Равноправие по принуждению. Советский тоталитаризм и «освобождение» женщины // www.ug.ru/01.19/pg7.htm; *Журженко Т. Ю.* Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков, 2001; *Козлова Н. Н.* Фонды Тверского центра документации новейшей истории России как источник материалов по женскому вопросу в Советский России // Женщины. История. Общество. Тверь, 2002; *Костюшева Е. К.* Женотделы и феминизм // Женские и гендерные исследования. Вып. 5. СПб., 2000.

33 *Козлова Н. Н.* Фонды Тверского центра документации новейшей истории России как источник материалов по женскому вопросу в Советский России // Женщины. История. Общество. Тверь, 2002. С. 61.

34 Известия ЦК РКП(б). 1926. № 33–34.

35 Известия ЦК РКП(б). 1923. № 7; 1925. № 28; 1927. № 28; 1929. № 23–24.

36 *Козлова Н. Н.* Фонды Тверского центра документации новейшей истории России как источник материалов по женскому вопросу в Советский России // Женщины. История. Общество. Тверь, 2002. С. 65.

37 *Костюшева Е. К.* Женотделы и феминизм // Женские и гендерные исследования. Вып. 5. СПб., 2000. С. 77.

38 *Коллонтай А. М.* Задачи отделов по работе среди женщин // Коммунистка. 1920. № 6. С. 3.

[39] Постановление СНК «О порядке привлечения работниц и крестьянок к работе в советских учреждениях» (1921 г.).

[40] Материалы к перевыборам делегатских собраний работниц и крестьянок на 1927–1928 гг. М., 1927. С. 18.

[41] *Костюшева Е. К.* Женотделы и феминизм // Женские и гендерные исследования. Вып. 5. СПб., 2000. С. 81.

[42] *Бакли М.* Политика большевиков и женотделы в 1920-х годах // Гендерная реконструкция политических систем. М., 2004. С. 356.

[43] *Цирлина Е.* Работа комиссий по изучению и улучшению женского труда // Коммунистка. 1926. № 1. С. 8.

[44] *Градскова Ю. В.* «Обычная» советская женщина — обзор описаний идентичностей. М., 1999. С. 26.

[45] *Бакли М.* Политика большевиков и женотделы в 1920-х годах // Гендерная реконструкция политических систем. М., 2004. С. 373; *Окорочкова Т. С.* Деятельность женотделов партийных комитетов в 1919–1929 гг. // Вестник МГУ. 1990. № 1. С. 15.

[46] *Бороздина Н. А.* Деятельность женсоветов в 1919–1929 годы: опыт и уроки. На материалах партийный и советских организаций Архангельской и Вологодской губернии. Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. ист. н. Л., 1991. С. 6.

[47] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1925. Ч. I. М., 1953. С. 754.

[48] Там же. С. 755.

[49] *Костюшева Е. К.* Женотделы и феминизм // Женские и гендерные исследования. Вып. 5. СПб., 2000. С. 81.

[50] *Большаков А. М.* Советская деревня за 1917–1925 годы. Л., 1925.

[51] Постановление ЦК ВКП(б) от 5.01.1929 «О реорганизации аппарата ВКП(б)» // Партийное строительство. 1930. № 2.

[52] *Каганович Л.* Реорганизация партаппарата и очередные задачи партработы // Коммунистка. 1930. № 2–3. С. 5.

[53] *Любимова С. Т.* Из истории деятельности женотделов // Вопросы истории КПСС. 1969. № 9.

[54] *Успенская В. И.* Радикальный проект женской эмансипации Александры Коллонтай // Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики. Тверь, 2003. С. 28.

[55] *Швейцер В., Ульрих А.* Жены командиров тяжелой промышленности. М.; Л., 1936. С. 28.

[56] *Кашкина И. В.* Материалы Центрального музея революции СССР по истории движения женобщественниц. 1934–1941 гг. // Формы и методы научно-просветительской работы музеев: сборник научных трудов Центрального музея революции СССР. М., 1986. С. 75.

[57] *Юкина И. И.* Неопубликованное интервью Н. Малаховской.

[58] Женщина и Россия: Альманах женщинам о женщинах. Вып. 1. Л., 1979. С. 12.

[59] Мария. Вып. 1. Л., 1980. С. 18.

[60] Там же. С. 7.

[61] *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. С. 93.

[62] Женское чтение. 1988. № 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДП	—	Архив Дома Г. В. Плеханова (Санкт-Петербург)
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ИРЛИ РАН	—	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ОР РГБ	—	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
ОР РНБ	—	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусств (Москва)
РГАСПИ	—	Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
РГИА	—	Российский государственный исторический архив (Москва)
РЦХИДНИ	—	Российский центр хранения исторической документации новейшей истории (Москва)
ЦАГМ	—	Центральный архив города Москвы
ЦГА СПб	—	Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГАИПД СПб	—	Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦГАКФФД СПб	—	Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга
ЦГАЛИ СПб	—	Центральный государственный архив литературы и искусств Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб	—	Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

Библиотека Британского музея. Рукописный отдел (Лондон)
Фонд Гарольда Вильсона и его жены А. В. Тырковой-Вильямс. H. W. Williams Papers. 54436–54476.
Государственный архив Российской Федерации (Москва)
Фонд Союза равноправности женщин. Ф. 516.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
Фонд Л. Я. Гуревич. Ф. 89.
Фонд Е. А. Чебышевой-Дмитриевой. Ф. 328.
Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва)
Фонд Е. С. и В. С. Некрасовых. Ф. 196.
Фонд Э. О. Вахтеровой. Ф. 46.
Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (Санкт-Петербург)
Фонд О. А. Шапир. Ф. 844.
Российский государственный архив литературы и искусств (Москва)
Фонд Стасовых. Ф. 473.
Фонд Энгельгардт. Ф. 572.
Российский центр хранения исторической документации новейшей истории (Москва)
Фонд А. М. Коллонтай. Ф. 134.
Фонд И. Ф. Арманд. Ф. 127.
Фонд Н. К. Крупской. Ф. 12.
Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
Русское женское взаимно-благотворительное общество. Ф. 1075.
Российское общество защиты женщин. Ф. 1335.
Центральный архив города Москвы
Фонд М. А. Чеховой. Ф. 2251.
Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
Фонд М. И. Покровской. Ф. 1037.

Периодические издания

Библиотека для чтения. СПб., 1834–1837.
Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. Петроград, 1914–1916.
Биржевые ведомости. Утренний выпуск. Петроград, 1914–1916.
Весна. Еженедельное обозрение политической и общественной жизни. СПб., 1906–1911.
Всемирный вестник. СПб., 1907.
Голос жизни. 1905–1906.
Голос Москвы. 1908.
Голос работницы. Петроград, 1914–1917.
Дамская газета. Ежедневная газета женской жизни, женских интересов и женских мод. М., 1908.

Дамский вестник. СПб., 1869.
Дамский листок. Художественно-литературный, посвященный вопросам моды, богато иллюстрированный, первый в России еженедельный, встающий в защиту женских прав журнал. СПб., 1910.
Делегатка. М., 1923–1931.
Друг женщин. Литературно-художественный журнал. М., 1882–1884.
Женофоб. Журнал цена одна копейка. М., 1909.
Женская газета. Первая в России общественная, литературная, политико-экономическая газета. Одесса, 1912.
Женская жизнь. М., 1914–1916.
Женская мысль. Двухнедельный художественно-литературный журнал, посвященный равноправию и улучшению экономического положения женщин. Киев, 1909–1910.
Женская мысль. Политическая и литературная газета. СПб., 1908.
Женские новости. Пг., 1915–1916.
Женские работы. СПб., 1872–1874.
Женский вестник. Ежемесячный общественный научно-литературный журнал, посвященный равноправию и улучшению положения женщин. СПб., 1904–1917.
Женский вестник. СПб., 1866–1868.
Женский календарь. М., 1914–1915.
Женский календарь. Одесса, 1874–1875.
Женский календарь-альманах на 1869 год. СПб., 1869.
Женское богатство. СПб., 1908–1909.
Женское дело. М., 1910–1917.
Женское дело. СПб., 1898–1900.
Женское образование. СПб., 1876–1891.
Женщина и война. М., 1915.
Женщина и хозяйка. М., 1917.
Женщина: Гражданка, жена, мать, хозяйка. СПб., 1907–1916.
Жизнь студентов психоневрологов. Газета студентов и слушательниц Психоневрологического института. СПб., 1913–1914.
Журнал для женщин. М., 1915–1926.
Журнал для хозяек. М., 1917–1918, 1923–1926.
Звезда. СПб., 1910–1914.
Известия ЦК РКП(б). М., 1923–1929.
Известия. Петроград, 1917.
Искра. Женева, 1900–1903.
Искра. СПб., 1861.
Коммунистка. Ежемесячный орган Отд. ЦК Всероссийской Коммунистической партии по работе среди работниц и крестьянок, трудящихся женщин Востока и жен рабочих. Всероссийский женотдел при ЦК. Пг., 1920–1930.
Красная новь. М., 1923.
Крестьянка. М., 1922–1921.
Мир женщины. М., 1912–1916.
Молва. М., 1832–1833.
Молодая гвардия. М., 1923.
Московский наблюдатель. 1835.
Московский телеграф. 1830–1833.
Наш листок работницы. СПб., 1914.
Новая Русь. СПб., 1908.
Новое время. СПб., 1908.

Общественница. М., 1936–1941.
Охрана материнства и младенчества. Всероссийское попечительство об охране материнства. Пг., 1917.
Первый женский календарь. Ежегодник / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1899–1915.
Правда. СПб., 1912–1914.
Пролетарская революция. 1921.
Пчелка. Новый женский журнал. М., 1916–1918.
Работница. Еженедельный журнал. Петроград, 1914, 1917–1918.
Рассвет. Журнал наук, искусств и литературы для взрослых девиц. СПб., 1859–1862.
Речь. СПб., 1908–1917.
Рижский вестник. 1914.
Русские ведомости. М., 1905–1917.
Русское слово. М., 1908.
Санкт-Петербургские ведомости. 1847, 1908–1914.
Северная Пчела. СПб., 1836–1838.
Современник. СПб., 1857–1863,
Социал-демократ. Женева, 1908; Париж, 1910.
Союз женщин. Журнал посвящен вопросам, связанным с борьбой за равноправие женщины и, главным образом, за ее избирательные права, как первый необходимый шаг на пути ее освобождения. СПб., 1907–1909.
Сын Отечества. СПб., 1905.
Телескоп. СПб., 1831–1836.
Jus Suffragii. London, 1906–1920.
Dagens Nyheter. Stockholm, 1911.

CD энциклопедии

Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века // Женская информационная сеть. Составители: Клименкова Т. А., Трофимова Е. И., Тройнова Т. Г. ООО «Мощные компьютерные технологии».
Российские женщины в XX веке: опыт эпохи // Женская информационная сеть. Составители: Айвазова С. Г., Клименкова Т. А., Козлова Н. Н., Тройнова Т. Г. ИД «Пасомар».

А. П-к. Письма к женщинам. Сущность равноправия и ближайшие задачи русской женщины // Женское дело. 1911. № 1.
А. Х-ва. Письма к русским женщинам // Журнал для воспитания. 1857. № 1, 3; 1860. № 11.
А. Х-ва. Письма к русским женщинам. О необходимости высшего образования для женщин // Воспитание. 1860. № 1.
Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь. Казань, 1997.
Адвокатессы и Государственный Совет // Женское дело. 1913. № 3.
Айвазова С. Г. «Второй пол» и женское движение в России // Вы и Мы. Диалог женщин. 2000. Спец. выпуск.
Айвазова С. Г. Гендерное равенство в контексте прав человека. М., 2001.
Айвазова С. Г. Гендерные исследования современных политических процессов // Женщина в российском обществе. Российский научный журнал. 2002. № 2.
Айвазова С. Г. Гендерные исследования: перечитывая А. Коллонтай // Формирование гендерной культуры у студенческой молодежи. Набережные Челны, 1995.
Айвазова С. Группа «Мария» 10 лет спустя // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 6.
Айвазова С. Г. Женское движение в России. Опыт типологического анализа // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. Т. 1. М., 1999.

Айвазова С. Г. Женское движение в России: традиции и современность // Общественные науки и современность. 1995. № 1–2.
Айвазова С. Г. Женское движение как ресурс модернизации России // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова и Е. В. Кочкина. М., 2004.
Айвазова С. Г. Идейные истоки женского движения в России // Общественные науки и современность. 1991. № 4.
Айвазова С. Г. К истории феминизма // Женщина в обществе: мифы и реалии. М., 2000.
Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998.
Айвазова С. Г., Кертман Г. Л. Женщины на рандеву с российской демократией. М., 2001.
Алексеев А. Н. Опыт модели концептуализированного описания общественных движений (методологические заметки) // Социология общественных движений: концептуальные модели исследования. 1989–1990. М., 1992.
Альманах. Издание литературно-научного кружка при женском медицинском институте. СПб., 1914.
Амфитеатров А. В. Женское нестроение. Очерки и заметки. СПб., 1908.
Амфитеатров А. В. Женщина в общественных движениях России. Публичная лекция, прочитанная в Париже в пользу Высшей Русской школы общественных наук в Париже. Женева, 1905.
Амфитеатров А. В. Заря русской женщины. Вступительное слово в Высшей школе социальных наук в Париже // Всемирный вестник. 1907. № 1.
Андреева А. Трагедия сменяющихся мировоззрений. «Привидения» Ибсена. Критический этюд // Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901.
Андросов. Случай, который может повториться // Телескоп. 1834. Т. 19.
Анзимирова М. Н. (*Маран*). Причины нравственной физиономии женщины. Исторический очерк. СПб., 1901.
Анзимирова М. Н. Женщина и ее судьи. СПб., 1896.
Анзимирова М. Правда о мужчинах. По поводу брошюры гр. Толстого «Правда о женщинах». М., 1905.
Анкета «К читателям журнала Союз женщин» // Союз женщин. 1909. № 5–6.
Анкета о проституции // Союз женщин. 1909. № 12.
Анчарова М. С. Женская доля. М., 1917.
Арсеньев К. Учредительное собрание и петроградские районные выборы — две стороны медали // Вестник Европы. 1917. № 4–6.
Артюхина А. Ликвидационный зуд нужно унять // Коммунистка. 1928. № 6.
Ашкинази И. А. Женщина и человек. Отто Вейнингер и его книга «Пол и характер». М., 1909.
Базанкур О. Г. Высшее художественное образование женщины // Труды Первого Всероссийского съезда по образованию женщин. Пг., 1915.
Бакли М. Политика большевиков и женотделы в 1920–1930-х гг. // Гендерная реконструкция политических систем / Под ред. Н. М. Степановой и Е. В. Кочкиной. СПб., 2004.
Бакунин П. А. Запоздалый голос 40-х годов: По поводу женского вопроса. СПб., 1881.
Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
Бартенева Е. Г. Евгения Ивановна Конради. Из воспоминаний старой знакомой // Женское дело. 1899. № 1.
Батуринский В. П. А. И. Герцен, его друзья и знакомые // Всемирный вестник. 1905. № 1.
Башкирцева М. К. Из дневника Марии Башкирцевой. СПб., 1889.
Б-ва В. П. Записки старой смолянки, СПб., 1898. Ч. 1.
Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959.
Без подписи. Не поверили. Повесть О. Шапир // Русский Вестник. 1898. № 9.
Безобразов М. В. Из одного альбома. СПб., 1912.
Безобразова М. В. О Русском женском взаимно-благотворительном обществе. СПб., 1898.
Белинский В. Г. Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году // Избранные философские произведения: В 2 т. М., 1948. Т. 2.
Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина // Избранные философские произведения: В 2 т. М., 1948. Т. 2.

Белкин М. С. Особый женский курс. Женские врачебные курсы // Советский врачебный сборник. 1947. № 8.
Белозерская Н. А. (Надежда Александровна Белозерская, урожденная Ген). Автобиография // Исторический вестник. 1913. № 6.
Белый А. Вейнингер о поле и характере // Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991.
Бельская А. Очерки институтской жизни прошлого времени // Заря. 1870. № 8–9.
Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
Бердяев Н. А. Русская идея. Основные идеи русской мысли XIX и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М., 1994.
Бердяев Н. Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991.
Берштейн Е. Трагедия пола: две заметки о русском вейнингерианстве // НЛО. 2004. № 65.
Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. М., 1994.
Блюм А. Инцидент с «Египетскими ночами» // Рифей. Челябинск, 1976.
Богданов В. Г. Из литературной полемики 60-х гг. Петрозаводск, 1941.
Богданович Г. А. Любовь людей 60-х. М., 1929.
Боголюбов А. А. Женский русско-славянский союз. Записка. СПб., 1899.
Богословская Л. П. «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и женские артели 60-х годов XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1974.
Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912.
Болотова А., Тысячнюк М., Воробьев Д. Анализ и классификация экологических неправительственных организаций Санкт-Петербурге // Экологическое движение в России. СПб., 1999.
Большаков А. М. Советская деревня за 1917–1925 годы. Л., 1925.
Большая Советская энциклопедия. М., 1974. Т. 9.
Большой толковый социологический словарь (Collins). М., 1991.
Борман А. А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Легуве. Вашингтон, 1964.
Бороздина Н. А. Деятельность женсоветов в 1919–1929 годы: опыт и уроки. На материалах партийный и советских организаций Архангельской и Вологодской губернии. Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л., 1991.
Боцяновский В. Ф. Жорж Санд в России // Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки. 1899. № 2.
Брайсон В. Политическая теория феминизма. Введение. М., 2003.
Будницкий О. В. Женщины-террористки в России. Бескорыстные убийцы. Ростов-на-Дону, 1996.
Буланова-Трубникова О. К. Три поколения. М.; Л., 1928.
Булгаков С. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1917.
Бурдье П. Начала. М., 1994.
Бурдье П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 4–5.
Бурдье П. Социальное пространство и генезис классов // Социология политики. М., 1993.
Бурдье П. Социология политики. М., 1993.
Бурнашева Е. Мы сами, женщины, виноваты // Журнал для воспитания. 1859. № 11.
Быстров А. Новая женщина // Женское дело. 1916, февраль.
Бюллетени Первого Всероссийского женского съезда. № 1–10. СПб., 1908.
Бюллетень отдела ЦК РКП(б) по работе среди женщин. М., 1922–1924.
Бюллетень отдела ЦК РКП(б) по работе среди работниц и крестьянок. М., 1925.
В. Г. Литературные мечтания // Телескоп. 1835. Т. 25.
В. М. Из бесед с членами съезда. А. П. Философова // Слово. 1908, 11 декабря.
Ватсон М. Международный женский конгресс в Лондоне // Женское дело. 1899. № 9.
Ватсон М. Международный женский конгресс в Париже // Женское дело. 1900. № 6–7.
Ваховская В. И. (Бонч-Осмоловская). Жизнь революционерки. М., 1928.
Вахтина М. В защиту феминизма // Женский вестник. 1909. № 11.

Вахтина М. Л. Брачный вопрос в настоящем и будущем и другие доклады. СПб., 1909.
Вахтина М. Л. Рефераты по женскому вопросу, читанные в Клубе женской прогрессивной партии. СПб., 1908.
Вахтина М. Л. Роль женщины в исторической революции и другие доклады. СПб., 1911.
Введение в гендерные исследования. Учебное пособие / Под ред. И. В. Костиковой. М., 2001.
Вейнингер О. Пол и характер. М., 1991.
Венгерова З. А. Феминизм и женская свобода // Образование. 1898. № 5.
Веременко В. А. «Лицо с видом на жительство». Гендерные аспекты паспортной системы в России конца XIX — начала XX века // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2004. № 7.
Веременко В. А. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX — начало XX вв.). СПб., 2004.
Вернадская М. Н. Женский труд // Экономический указатель. 1858. № 60.
Вернадская М. Н. Собрание сочинений. СПб., 1862.
Веселовский А. Западное влияние в новой русской литературе. М., 1916.
Ветринский И. Анна Ивановна Волкова. Биографический очерк // Волкова А. И. Воспоминания, дневник и статьи. Н. Новгород, 1913.
Виртшафтер Э. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002.
Вишневская Г. А. Вопросы женской эмансипации в русских журналах 1830–40-х гг. // Ученые записки Казанского университета. 1957. Т. 117, кн. 9. Вып. 1.
Владимиров В. Мария Спиридонова. М., 1905.
Водовозова Е. А. На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты. М., 1987. Т. 2.
Водовозова Е. Н. К свету (из жизни людей 60-х годов) // Голос минувшего. 1916. № 4.
Волкенштейн О. А. Всеобщее избирательное право. Пг., 1912.
Волкенштейн О. А. Закон о выборах в Учредительное собрание. Пг., 1917.
Волкова М. М. Задачи и стремления Общества охранения здоровья женщин. Речь женщины-врача М. Волковой при открытии помещения Общества. СПб., 1899.
Волкова М. Общество охранения здоровья женщин // Женское дело. 1899. № 8.
Волпянская З. Накануне съезда // Слово. 1908, 11 декабря.
Волькенштейн О. А. Женщина-избирательница. Ростов-на-Дону; СПб., 1906.
Волькенштейн О. А. Итоги первого Всероссийского женского съезда // Русская мысль. 1909. № 2.
Вопросы равноправия. Отчеты и протоколы. СПб., 1906.
Воронина О. А. Женщина и социализм. Опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток. Запад, Россия. М., 1993.
Воронина О. А. Клименкова Т. А. Гендер и культура // Женщины и социальная политика (гендерный аспект). М., 1992.
Воронина О. А. Предисловие // Феминизм: перспективы социального знания. М., 1992.
Воронина О. А. Социалистический феминизм в России // Социология гендерных отношений. М., 2004.
Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М., 2004.
Всероссийский союз равноправия женщин. Делегатский съезд, 3-й. Москва, 1906. Отчеты и протоколы. СПб., 1906.
Всесоюзное совещание жен хозяйственников, инженерно-технических работников тяжелой промышленности. Стенографический отчет. М., 1936.
Выдержка из частного письма по поводу возражений на статью «Женщинам» // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 25.
Ган Е. А. Идеал // Русская романтическая повесть. М., 1992.
Гарднер Е. И. Надежда Васильевна Стасова. Некролог // Мир Божий. 1895. № 11.
Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова и Е. В. Кочкина. М., 2004.
Гендерные аспекты политической социологии. Учебное пособие / Под ред. С. Г. Айвазовой, О. А. Хасбулатовой. М., 2004.
Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / Под ред. М. М. Малышевой. М., 2002.
Герцен А. И. Былое и думы. 1852–1868 // Герцен А. И. Собрание соч.: В 9 т. М., 1956–1958. Т. 9.

Герцен А. И. Развитие революционный идей в России // Герцен А. И. Эстетика. Критика. Проблемы культуры. М., 1987.
Герцен Н. А. Дневник (1846–1847) // Русские пропилеи: Материалы по истории русской мысли и литературе. М., 1915.
Гессен И. В. Влияние законодательства на положение женщины // Право. 1908. № 51.
Гидденс Э. Гендер и сексуальность // Социология. М., 1999.
Гидденс Э. Пол, патриархат и развитие капитализма // Социс. 1992. № 7.
Гидденс Э. Фуко о сексуальности // Социология сексуальности. Труды СПб филиала ИС РАН. СПб., 1997.
Иероглифов А. Общественное призвание женщины // Отечественные записки. 1863. Т. 143. № 7–8.
Иероглифов А. С. Любовь и нигилизм // Русское слово. 1863. № 1.
Гиллиган К. Иным голосом. Фрагменты из книги // Этическая мысль. М., 1992.
Гинзбург А. А. Женщина перед законом. М., 1906.
Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1971.
Гиппиус З. Петербургские дневники. Нью-Йорк; М., 1990.
Гиппиус З. Петербургский дневник. М., 1991.
Глебов П. Политические права женщин в местном самоуправлении. М., 1906.
Глинский Б. Б. Женщины-врачи // Очерки русского прогресса. СПб., 1900.
Глинский Б. Б. Права и обязанности женщин // Очерки русского прогресса. СПб., 1900.
Глинский Б. Б. Расширение образовательных прав женщин // Очерки русского прогресса. СПб., 1900.
Глинский Б. Б. Революционный период русской истории: 1861–1881. Исторические очерки. СПб., 1913.
Гоголь Н. В. Женщина // Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1967. Т. 6.
Гоголь Н. В. Петербургские записки 1836 года // Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1967.
Гойбарх А. Г. Брачное, семейное и опекунское право Советской республики М., 1920.
Голод С. И. Вопросы семьи и половой морали в дискуссиях 20-х годов // Марксистская этическая мысль в СССР (20-е — первая половина 30-х годов). М., 1989.
Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.
Голод С. И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. М., 1996.
Голосенко И. А. Российская социология проституции. 1861–1917. СПб., 1997.
Голосенко И. А., Голод С. И. Социологические исследования проституции в России: история и современное состояние вопроса. СПб., 1998.
Гольцев В. На старую тему // Друг женщин. 1894. № 5.
Гольштейн А. Из воспоминаний бывшей феминистки. Доисторические времена // Преображение. Русский феминистский журнал. 1995. № 3.
Гончаров И. А. Обрыв // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 6.
Гончаров Н. А. Обломов // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1953. Т. 4.
Горбунов-Посадов И. И. К свободным русским женщинам. Речь на вечере Лиги женского равноправия в Москве. Екатеринодар, 1918.
Горген Л. Гендерная рефлексия: примирение феминизма и равенства // Социология. Серия 11. 2000. № 1.
Горичева Т. Парадоксы женской эмансипации // Посев. 1980. № 9.
Горький А. М. Несвоевременные мысли. Записки о революции и культуре. М., 1991.
Государственный бюджет и женщины // Женский вестник. 1908. № 6, 9.
Градскова Ю. В. «Обычная» советская женщина — обзор описаний идентичностей. М., 1999.
Градскова Ю. В. Равноправие по принуждению. Советский тоталитаризм и «освобождение» женщины // www.ug.ru/01.19/pg7.htm
Гревс И. О. К. Нечаева. О ее работе для СПб Высших женских курсов // Ольга Константиновна Нечаева. 1860–1926. Л., 1928.
Гришина З. В. Движение за политическое равноправие женщин в годы Первой российской революции // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1982. № 2.

Гришина З. В. Женские организации в России (1905 — февраль-март 1917). Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. МГУ, 1978.
Гришина З. В. Союз равноправности женщин (1905–1908). Проблемы истории СССР. Вып. VI. М., 1977.
Гуревич Л. Отношение к вопросу о женском избирательном праве русского общества, земств, городов // Союз женщин. 1907. № 2.
Гуревич Л. Проект законоположений о женском равноправии // Первый женский календарь на 1907 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1907.
Гуревич Л. Я. Вопрос о равноправии женщин в крестьянской среде // Союз женщин. 1907. № 1.
Гуревич Л. Я. Вопрос о равноправии женщин в Первой Государственной Думе. Из стенографических отчетов о заседаниях Государственной Думы. Пг., 1917.
Гуревич Л. Я. Женский вопрос в Государственной Думе. СПб., 1906.
Гуревич Л. Я. М. К. Башкирцева: биографически-психологический этюд // Русское богатство. 1888. № 2.
Гуревич Л. Я. Почему нужно дать женщинам все права и свободу. СПб., 1906.
Гуревич Л. Я. Почему нужно дать женщинам такие же права, как мужчинам. Пг., 1917.
Гурко Т. А. Социология пола и гендерных отношений // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. М., 1998.
Гурко Т. А. Феминистская перспектива в социологии // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О. А.Ворониной. М., 2001.
Гусельщиков М. Из студенческой анкеты. По данным переписи 1909/1910 в С.-Петербургском Технологическом институте // Русское богатство. 1910. № 6.
Давыдова Л. На женском международном конгрессе. Письмо из Лондона // Мир Божий. 1899. № 8.
Даунтендэй Е. О новой женщине и ее любви. М., 1909.
Движение женского дела // Первый женский календарь на 1909 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1909.
Движение женского дела // Первый женский календарь на 1912 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1912.
Дейк ван Т. А. Анализ новостей как дискурса // Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
Де-Пуле М. Нигилизм как патологическое явление русской жизни // Русский вестник. 1881. № 11.
Дерикур Э. О рациональном женском воспитании // Рассвет. 1861. № 12.
Дионесов С. М. В. А. Кашеварова-Руднева — первая русская женщина — доктор медицины. М., 1965.
Дмоховский А. О правах женщины в России // Библиотека для чтения. 1862 (61). № 7.
Дневник Первого Всероссийского съезда по образованию женщин. № 1–11. СПб., 25 декабря 1912 — 18 января 1913.
Долгова Н. П. Женщина на сельскохозяйственном поприще // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909.
Долгова Н. П. Имеются ли основания допустить женщин к участию в земском самоуправлении. СПб., 1913.
Долинин В. Э., Иванов Б. И., Останин Б. В., Северюхин Д. Я. Самиздат Ленинграда. 1950–1980-е. Литературная энциклопедия / Под общ. ред. Д. Я. Северюхина. М., 2003.
Дом Э. Наука и женщины // Русская мысль. 1882.
Достоевский Ф. М. Образцы чистосердечия // Время. 1861. № 3.
Дроздова А. Женское движение в России // Воспоминания о будущем... Вып. 2. М., 1997.
Дрыжакова Н. Е. Герцен на Западе. СПб., 1999.
Дубровина Е. О. Памяти М. И. Михайлова // Беседа. 1905. № 12.
Дука А. В. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 1.
Евреинова А. М. Краткий очерк прав женщин в семье // Первый женский календарь на 1905 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1905.
Евреинова А. М. О уравнении прав женщин при наследовании // Первый женский календарь на 1906 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1906.
Еллиес Е. Обязанности замужней женщины и ее положение в обществе. СПб., 1848.
Ерасов Б. С. Социальная культурология. Ч. II. М., 1994.

Ефремова Н. Г. Шестидесятницы // Вопросы истории. 1978. № 9.
Желвакова И. А. Дом в Ситцевом Вражке. М., 1982.
Женская энциклопедия. Бесплатное приложение к «Журналу для женщин». М., 1915.
Женские банки // Женское дело. 1912. № 3.
Женские делегации в парламентских фракциях // Союз женщин. 1907. № 1.
Женский альманах. Иллюстрированный научно-литературный сборник по вопросам женской жизни. Одесса, 1901.
Женский вопрос в Государственной Думе. Из стенографических отчетов о заседаниях Государственной Думы. СПб., 1906.
Женский вопрос и конституционализм. Историческая справка // Союз женщин. 1907. № 5.
Женский день // Женское дело. 1912. № 5.
Женское движение последних дней. Одесса, 1905.
Женщина в обществе: мифы и реалии / Ред.-сост. Л. С. Круминг. М., 2001.
Женщина в праве. С приложением всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола / Сост. Я. Орович. СПб., 1895.
Женщина и Россия. Журнал для женщин о женщинах. Вып. 1. Л., 1979.
Жеребкина И. А. «Прочти мое желание». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М., 2000.
Жеребкина И. А. Женское политическое бессознательное. Харьков, 1996.
Жеребкина И. А. Феминистская теория 90-х годов // Введение в гендерные исследования. Учебное пособие. Ч. I / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков; СПб., 2001.
Жидкова Е. М. Женщина на страницах русской пореформенной прессы // Социальная феминология. Самара, 1997.
Жукова Ю. Первая женская организация в России (Женское Патриотическое Общество в Петербурге в период 1812–1826 гг.) // Все люди сестры. Бюллетень. СПб., 1996. № 5.
Журавская З. Конгресс международного союза избирательных прав женщин в Амстердаме // Союз женщин. 1908. № 7–8.
Журавская З. Манифестация суфражисток // Союз женщин. 1908. № 5–6.
Журавская З. Победа суфражисток // Союз женщин. 1908. № 4.
Журженко Т. Ю. Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков, 2001.
За право женщин. Речи, произнесенные на женских митингах 17–26 марта 1917 г. Воронеж, 1917.
Закон о волостном земстве. (Общедоступное изложение). Пг., 1917.
Закон о выборах в Учредительное собрание, официальное утвержденное временным Правительством 20 июля 1917 г. Пг.; М., 1917.
Законопроект о женщинах-адвокатах // Женское дело. 1913. № 11–12.
Законопроект о равноправии женщин, составленный юридической комиссией при Союзе равноправия женщин. СПб., 1906.
Законопроект об отмене регламентации проституции, составленный П. Н. Шишкиной-Явейн и членом Государственной Думы А. Н. Шингаревым и внесенном в Государственную Думу в 1913 г. СПб., 1913.
Законопроект об уравнении в правах наследства // Женское дело. 1912. № 5.
Законы и постановления. Россия (февраль–октябрь). Собрание узаконений и распоряжений правительства. Пг., 1917.
Засулич В. Воспоминания. М., 1931.
Заявление Петербургского клуба женской прогрессивной партии о допущении женщин к государственной службе // Женский вестник. 1910. № 1.
Заявление Правительства о Цюрихских студентках // Женский календарь на 1873 год. Одесса, 1873.
Здравомыслова Е. А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993.
Здравомыслова Е. А. Социология общественных движений — становление нового исследовательского направления // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. Изд. 2-е. М., 1998.
Здравомыслова Е., Темкина А. Введение. Социальная конструкция гендера и гендерная система России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный пе-

риод / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. Центр независимых социальных исследований. СПб., 1996.

Здравомыслова Е., Темкина А. Гендерное (gendered) гражданство и советский этакратический порядок // Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики. Самара, 2003.

Здравомыслова Е., Темкина А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Общественные науки и современность. 1999. № 6.

Здравомыслова Е., Темкина А. Создание гендерной идентичности: методика анализа интервью // Гендерные исследования. 2000. № 5.

Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3–4.

Здравомыслова Е., Темкина А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11.

Земский съезд 6 ноября 1904 г. Краткий отчет. Париж, 1905.

Зигерт, проф. Половая жизнь и половые извращения у мужчин и женщин. СПб., 1907.

Зиммель Г. Женская культура // Избранное: В 2 т. Т. 2. М., 1996.

Зиммель Г. Мода // Избранное: В 2 т. Т. 2. М., 1996.

Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX веков. М., 1991.

Иванов В. И. О достоинстве женщины // Иванов В. И. По звездам. СПб., 1909.

Иванов В. К. Женский вопрос. Литературные заметки // Северная пчела. 1863. № 234.

Иванов-Разумник Р. В. Общественные и умственные течения 60-х гг. и их отражение в литературе // История русской литературы XIX века / Под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. М., 1909. Т. 3.

Из отчета Союза равноправия женщин за 1906–1907 гг. // Союз женщин. 1907. № 4.

Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Пг., 1917.

Известия Петроградской городской думы. Пг., 1900–1917.

Информация о конференции Союза равноправия женщин в Москве 13–14 октября 1907 г. // Союз женщин. 1907. № 3.

Исполатова С. Ближайшие задачи // Женское дело. 1917. № 1.

Исполатова С. Нужно ответить! // Союз женщин. № 11.

Исполатова С. Самосознание женщины как фактор обновления общественного строя. Доклад, читанный на Всероссийском женском съезде. М., 1912.

История возникновения Высших Женских Курсов // Первый женский календарь на 1899 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1899.

К истории женского врачебного образования в России. Памяти И. Я. Чистовича // Ленинградский медицинский журнал. 1926. № 5.

К. В. Женщина как залог прочной жизни нации. Изд. 2-е. СПб., 1896.

К. В. Кое-что о нашей современной женщине. Фельетон // Русский инвалид. 1860. № 283.

Каблуков Н. А. Студенческий квартирный вопрос в Москве (Студенческая квартирная перепись в Москве в 1907). М., 1908;

Кавелин К. Д. Из дневника. Собр. соч. Т. II. СПб., 1898.

Каганович Л. Реорганизация партаппарата и очередные задачи партработы // Коммунистка. 1930. № 2–3.

Казакова И. Критика и публицистика конца XIX — начала XX веков о творчестве русских писательниц // Преображение. Русский феминистский журнал. 1995.

Казнин Л. Н. А. И. Герцен об истинной и ложной эмансипации женщин // Феминизм и российская культура. СПб., 1995.

Кайданова О. В. Для чего женщине нужно равноправие. М., 1917.

Кальманович А. Failure is impossible. (Неудача невозможна) // Союз женщин. 1908. № 1.

Кальманович А. А. Женское движение и его задачи. Краткий исторический очерк. Доклад, читанный в Женеве, Москве и Петербурге. СПб., 1908.

Кальманович А. А. Женское движение и отношение партий к нему. Доклад, читанный на Первом Всероссийском женском съезде 15 декабря 1908 г. СПб., 1911.

Кальманович А. А. Конечная цель женского движения // Союз женщин. 1908. № 19.
Кальманович А. А. Отчет о женском международном конгрессе 1904 г. Саратов, 1905.
Кальманович А. А. Претензии к женскому движению вообще и к Первому Всероссийскому женскому съезду в частности. Несколько слов о книге г-жи Коллонтай «Социальные основы женского вопроса». Доклад, читанный публично 18 декабря 1909 г. в Петербурге. СПб., 1910.
Кальманович А. А. Суффражистки и суффражетки. СПб., 1911.
Кальманович А. Необходимость женских организаций // Союз женщин. 1907. № 4–5.
Кальманович А. Несколько слов о феминизме // Союз женщин. 1908. № 3.
Кальманович А. Своеобразная и почетная история женского образования в России // Союз женщин. 1909. № 5–6.
Кальманович А. Три женских судьбы // Союз женщин. 1908. № 10.
Кантор В. Реалии и перспективы самоопределения личности в культурно-историческом развитии России // Русский европеец как явление культуры. М., 2001.
Канторович Я. А. Законы о женщинах. (Сборник всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола). СПб., 1899.
Каренин В. Жорж Санд, ее жизнь и произведения. Т. 1. СПб., 1899; Т. 2. 1916.
Карлбек Х. Гендер и модернизация. Брачное законодательство северных стран и Советской России в 1920-е годы // Новая и новейшая история. 2004. № 5.
Кауфман А. А. Русская курсистка в цифрах // Русская мысль. 1913. № 1.
Кацнельбоген А. Г. Неопубликованная работа Н. И. Пирогова // Советское здравоохранение. 1982. № 11.
Кашкина И. В. Материалы Центрального музея революции СССР по истории движения жен-общественниц. 1934–1941 гг. // Формы и методы научно-просветительской работы музеев: сборник научных трудов Центрального музея революции СССР. М., 1986.
К-в П. Женщины по русскому законодательству: Расторжение брака // Друг женщин. 1883. № 8.
Кечерджи-Шаповалов М. В. Женское движение в России и за границей. СПб., 1902.
Клецин А. А. Очерк истории социологии семьи в России (конец XIX — XX век). СПб., 2000.
Клецина И. С. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб., 2004.
Клизовский А. Основы миропонимания Новой эпохи. Рига, 1934.
Клименкова Т. А. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М., 1996.
Клименкова Т. А. Феминизм // Словарь гендерных терминов. М., 2002.
Клингер К. Либерализм — Марксизм — Постмодернизм. Феминизм и его счастливый или несчастный «брак» с различными теоретическими течениями 20-го столетия // Гендерные исследования. 1998. № 1.
Клирикова О. Законопроект о равноправии женщин // Союз женщин. 1907. № 1.
Клирикова О. Н. Женская культура // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909.
Ковалева И. Н. Женский вопрос в России в 50–60-х гг. XIX в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. Институт истории СССР АН СССР. М., 1981.
Ковалевская С. Воспоминания. Повести. М., 1974.
Козленичи С. Главнейшая культурная задача женщины в настоящий исторический момент // Союз женщин. 1909. № 10.
Козленичи С. По поводу книги Отто Вейнингера «Пол и характер» // Союз женщин. 1909. № 5–6.
Козлова Н. Н. Женотделы и представительная система местных органов власти как эмансипаторский проект большевиков в 1920-е гг. (на материалах Тверской губернии) // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова и Е. В. Кочкина. М., 2004.
Козлова Н. Н. Женский вопрос в первые годы Советской власти // Женщины. История. Общество. Тверь, 1999.
Козлова Н. Н. Фонды Тверского центра документации новейшей истории России как источник материалов по женскому вопросу в Советский России // Женщины. История. Общество. Тверь, 2002.

Козьмин Б. П. Литература и история. Сб. статей. М., 1969.
Коллонтай А. М. Автобиография сексуально эмансипированной коммунистки // Марксистский феминизм: Коллекция текстов Александры Коллонтай. Тверь, 2003.
Коллонтай А. М. Женщины-работницы в современном мире // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909.
Коллонтай А. М. Задачи отделов по работе среди женщин // Коммунистка. 1920. № 6.
Коллонтай А. М. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909.
Коллонтай А. М. Труд женщины в эволюции народного хозяйства. М.; Пг., 1923.
Коллонтай, А.М. Из истории движения работниц в России. Харьков, 1920.
Колтоновская Е. А. Женские силуэты. СПб., 1912.
Колтоновская Е. А. Творчество, утверждающее жизнь. В. И. Дмитриева // Новая жизнь. Критические статьи. СПб., 1910.
Кон И. С. Исторические судьбы русского Эроса // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996.
Кон И. С. Сексуальная культура России. Клубничка на березке. М., 1997.
Конгресс материнства и сексуальной реформы // Женское дело. 1911. № 3.
Кони А. Ф. Лекция о задачах Российского общества защиты женщин // Трудовая помощь. 1901. № 4.
Коннел Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб., 2000.
Конференция работниц и участие в ней представительниц Лиги равноправия. Дискуссия феминисток и товарища Веры // Работница 1918. № 13.
Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993.
Костюшева Е. К. Женотделы и феминизм // Женские и гендерные исследования. Вып. 5 / Ред. И. Юкина. СПб., 2000.
Котлова Т. Б. Проблемы развития образования в России на рубеже XIX–XX веков: гендерные аспекты // Женщина в российском обществе. 1999. № 2.
Котляревский Н. А. Владимир Каренин «Ее жизнь и произведения». СПб., 1899.
Котляревский Н. Женщины шестидесятых годов // Сборник памяти Анны Павловны Философовой. Статьи и материалы. Т. 2. Пг., 1915.
Котляревский Н. Очерки из истории общественного настроения шестидесятых годов. Женский вопрос в его первой постановке // Вестник Европы. 1914. № 2.
Кочкина Е. В. Гендерные раскопки российской истории // В России что-то происходит. М., 2000.
Кочкина Е. В. Женщины в российских органах власти // Общественные науки и современность. 1999. № 1.
Кошелев А. И. Записки А. И. Кошелева. Берлин, 1884.
КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1925. Ч. I. М., 1953.
Кравченко В. В. Жизненный путь М. Безобразовой // Вече. Вып. 4. СПб., 1995.
Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина. М., 1998.
Краткий философский словарь / Под ред. А. П. Алексеева. М., 1997.
Крепанец А. Опасные стороны полной женской эмансипации. Очерк по женскому вопросу. М., 1893.
Кривошеин А. По поводу проектированного Общества женского труда. СПб., 1863.
Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966.
Кропоткин П. А. Идеалы и действительность в русской литературе. СПб., 1907.
Кувшинская Е. А. Женщина и политика // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909.
Кузнецов М. Историко-статистический очерк проституции в Петрограде в 1857–1869 гг. // Архив судебной медицины, 1870. № 1, 3 отд.
Куйбышев В. В. Новая экономическая политика и задачи женотделов // Коммунистка. 1921. № 16–17.
Кулик В. Н. Гендерный подход к изучению истории российской многопартийности // Пути и перспективы интеграции гендерных методов в преподавание социально-гуманитарных дисциплин. Тверь, 2000.

Кулик В. Н. Женщина в российском обществе XX век: история и современность. Специальный курс. М., 1996.
Кулик В. Н. Первые выборы после победы суфражизма в 1917 г.: избирательницы и политические партии (на примере Тверской губернии) // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова и Е. В. Кочкина. М., 2004.
Кулик В. Н. Тверитянки в 1917 году // История. Общество. Тверь, 1999.
Кулиш Ж. В. М. К. Цебрикова — общественная и литературная деятельность. Воронеж, 1988.
Кулиш Ж. В. Цебрикова о женском вопросе // Материалы научно-методической конференции. Вып. 2. Русский язык и литература. Белгород, 1969.
Куницкий В. Русские женщины: разбор главнейших женских типов в нашей литературе // Женское образование. 1883. № 6–7.
Кускова Е. Д. Женщины и равноправие. По поводу Первого Всероссийского женского съезда // Союз женщин. 1908. № 12.
Кускова Е. Женский вопрос и женский съезд // Женский вестник. 1909. № 4.
Лаврентьева С. Российское Общество защиты женщин // Женское дело, апрель.
Лаперони Д. Социология социальных движений // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 1999. № 2.
Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге. М., 1994.
Ленин В. И. Великий почин. М., 1979.
Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 4-е. Т. 20.
Ленин В. И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 39.
Ленин В. И. О значении кризиса // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 20.
Ленин В. И. Что такое «друзья народа и как они воюют против социал-демократов. (Ответ на статью «Русского богатства» против марксистов) // Ленин В. И. Полн. собрание сочинений. Изд. 4-е. Т. 1.
Лесков Н. С. Рецензия // Отечественные записки. 1866. № 12.
Лесневская А. По непроторенной дороге. СПб., 1914.
Либоракина М. И. Обретение силы: российский опыт. Пути преодоления дискриминации в отношении женщин (культурное измерение). М., 1996.
Литвинова Е. а), б), в) и г) Русского женского взаимноблаготворительного общества // Женское дело. 1899. № 1, 2, 4.
Лихачева Е. О. Материалы для истории женского образования: В 2 т. СПб., 1899–1901.
Лозинский Е. О настоящем и будущем женского движения в связи с проблемой целомудрия и задачами материнства. СПб., 1903.
Лорбер Дж. Пол как социальная категория // THESIS. 1996. Вып. 6.
Лорбер Дж., Фарелл С. Принципы гендерного конструирования // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб., 2000.
Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.
Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.
Луначарский А. В. Мещанство и индивидуализм. М., 1923.
Луценко Е. Современное женское движение в Украине // Femina Postsovietica. Украинская женщина в переходный период: от социальных движений к политике / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков, 1999.
Лучинская А. Новые законы о «расширении» прав женщин и об «уравнении» их с правами мужчин // Первый женский календарь на 1913 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1913.
Любимова С. Т. Из истории деятельности женотделов // Вопросы истории КПСС. 1969. № 9.
М. В. (*Вернадская М. Н.*). Женский труд // Экономический указатель. 1858. Вып. 8(60).
М.А.Р. Борьба за право как нравственная обязанность женщины // Союз женщин. 1907. № 2.
Мазовецкая Э. Анна Энгельгардт. Санкт-Петербург второй половины XIX века. СПб., 2001.
Макаров А. Н. Закон о выборах в Учредительное собрание // Вестник Европы. 1917, кн. 9–12.

Малая Советская Энциклопедия. М., 1931–1938.
Малый энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1902. Т. 3.
Малышева М. М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. М., 2001.
Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблемы поколений — состязательность — экономические амбиции. М., 2000.
Маргулиес М. Н. Женский политический клуб // Первый женский календарь на 1907 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1907.
Мария. Вып. 1. Л., 1980.
Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1989.
Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. О женском вопросе. Изд. 2-е. М., 1978.
Материалы для истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства. СПб., 1907.
Материалы к перевыборам делегатских собраний работниц и крестьянок на 1927–1928 гг. М., 1927.
Мебиус П. Пол и неучтивость. Критический разбор книги «Пол и характер» Отто Вейнингера. М., 1909.
Менжинская М. А. Мое знакомство с М. В. Трубниковой // Женское дело. 1899. № 12.
Мережковский Д. С. Тайна трех: Египет и Вавилон. Прага, 1925.
Мижуев П. Женский вопрос и женское движение // Новый энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А. СПб. Т. 17.
Миллетт К. Теория сексуальной политики // Вопросы философии. 1994. № 9.
Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М., 2001.
Милль Д. Ст. Подчиненность женщины. СПб., 1869.
Милль Дж. Ст. Письмо устроительницам Высших Женских Курсов // Друг женщин. 1883. № 1.
Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение / Под ред. и с введением К. Цеткин. Хрестоматия. М., 1929.
Милюков П. Н. Из воспоминаний // Исторический вестник. 1888, сентябрь.
Милюков П. Н. Любовь у идеалистов тридцатых годов. СПб., 1903.
Милюкова А. С. Прения по докладу // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами. Т. 1. СПб., 1911.
Мирович Н. Генрих Ибсен. СПб., 1892.
Мирович Н. Два конгресса женской фронды // На помощь учащимся женщинам. М., 1901.
Мирович Н. Женское движение в Европе и Америке. М., 1907.
Мирович Н. Женское движение в Западной Европе и России // Женское дело. 1910. № 1.
Мирович Н. Женское движение в России XX века // Ланге Е. Женский вопрос в его современной постановке. М., 1909.
Мирович Н. Из истории женского движения России. М., 1908.
Мирович Н. К вопросу о государственной регламентации проституции // Союз женщин. 1908. № 4.
Мирович Н. Новый фазис женского движения в современной Англии // Вестник Европы. 1909. № 8.
Мирович Н. Первый Всероссийский женский съезд // Вестник Европы. 1909, январь.
Мирович Н. Победа женского движения // Первый женский календарь на 1911 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1911.
Мирович Н. Победа женского движения в Финляндии. Лекция, читанная в марте 1907 года в Москве и Костроме. М., 1907.
Миронов Б. Н. Социальная история России: В 2 т. СПб., 1999.
Михайлов М. Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Современник. 1860. № 4.
Михайлов М. Парижские письма // Современник. 1859. № 1.
Михельсон Б. О. Пол и красота. Беседа о красоте по поводу статьи О. Вейнингера «Эротика и эстетика». М., 1910.
Мищенко А. С. «Пол и характер» Отто Вейнингера // Дайджест теоретических материалов информационного листка «Посиделки». 1996–1998. СПб., 1999.
Мищенко А. С. Проблема взаимоотношений полов по А. Шопенгауэру // Дайджест теоретических материалов информационного листка «Посиделки». 1996–1998. СПб., 1999.
Могильнер М. Мифология «подпольного человека». М., 1999.

Мы протестуем! Письмо в редакцию // Женский вестник. 1910. № 3.
Н. Б-я. Заметки о настоящем воспитании женщины и влиянии его на жизнь семейную и общественную // Русский педагогический вестник. 1860. № 11.
Н. Л. Несколько слов о воспитании. По поводу «Вопросы жизни» г. Пирогова // Современник. 1857. № 5.
Н. Н. Борьба суфражисток // Союз женщин. 1909. № 11.
Н. Н. Дело Пуришкевича в столичном мировой съезде // Союз женщин. 1909. № 3.
Н. Н. Свобода женщины // Общезанимательный вестник. 1858. № 9.
Н. П. Женская выставка в Чикаго. СПб., 1894.
Надежда Д. Чему мы, женщины, учились? // Русская Беседа. 1859. Т. 3.
Надсон С. Я. Роман г-жи Шапир «Без любви» // Надсон С. Я. Литературные очерки. СПб., 1888.
Некрасова Е. Студентка на войне. Письма с войны 1877 года // Русская мысль. 1898.
Несколько слов о феминизме // Союз женщин. 1908. № 3.
Несостоятельность женской эмансипации // Домашняя беседа. 1862. Вып. 38.
Николаева (Цебрикова) М. К. Превыспренные героини // Русское богатство. 1891. № 12.
Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998.
Новик И. Борьба за политические права женщин. Исторический очерк. М., 1906.
Новиков А. И. Нигилизм и нигилисты. Опыт критической характеристики. Л., 1972.
Новиков Ю. А. Избирательная система России. 90 лет истории. М., 1996.
Новикова Н. В. Суфражистки и суфражетки: идеология и политики британского феминистского движения в начале XX века // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Минск, 2001.
Новикова Н. Либеральный феминизм в России и на Западе: опыт сравнительного анализа // www.kenan.yar.ru/seminars/novikova-24102000.html
Новикова Н. Под вывеской легального клуба. М., 1974.
Новые течения в женском движении в России. Борьба за политические права // Первый женский календарь на 1904 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1904.
Новый женский клуб в Петербурге // Спутник женщин. Настольная книга для женщин / Под ред. Н. А. Лухмановой. СПб., 1898.
Нодье Ш. Воспитание женщины / Пер. В. Белинского // Телескоп. 1835. Т. 25.
Нолле Н. Петроградская беседа о женском вопросе // Женское дело. 1916. № 6.
О взаимодействии женских организаций с депутатами Государственной Думы // Союз женщин. 1907. № 1.
О женском равноправии. Речь, произнесенная в Государственной Думе 6.06.1906 г. Пг., 1915.
О необходимости основания Общества защиты женщин. СПб., 1896.
О Первом Всероссийском съезде по женскому образованию // Женский вестник. 1913. № 2.
О русской женщине. По поводу романа Гончарова «Обломов». Посвящается исключительно читательницам // Московский вестник. 1859. № 28.
О служебных правах женщин. Заявление Петербургского клуба Женской прогрессивной партии председателю Совета министров о допущении женщин к государственной службе // Женский вестник. 1910. № 1.
Об обществе взаимопомощи служащих интеллигентных женщин // Женское дело. 1899. № 4.
Об обществе попечения о молодых девицах // Женский вестник. 1910. № 11.
Об участии женщин в земском самоуправлении. Записка Русского женского взаимно-благотворительного общества по поводу внесенного 25 янв. 1908 г. заявления 30 чл. Гос. Думы об изменении земского избирательного закона. Составлено Е. В. Авиловой // Союз женщин. 1908. № 4.
Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Paris: YMCA-PRESS, 1988.
Обращение вольнослушательниц к съезду представителей печати // Союз женщин. 1908. № 5–6.
Обращение к профессорам от редакции «Союза женщин» // Союз женщин. 1908. № 5–6.
Общее собрание Российской Лиги равноправности женщин // Союз женщин. 1909. № 4.
Общество охранения здоровья женщины // Женское дело. 1899. № 8.

Общие основания проекта Обществ женского труда. СПб., 1863.
Овсянико-Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX века: от 50-х до 80-х годов. М., 1907.
Овцын В. Развитие женского образования. Исторический очерк. СПб., 1887.
Окорочкова Т. С. Деятельность женотделов партийных комитетов в 1919–1929 гг. // Вестник МГУ. 1990. № 1.
Ольга Константиновна Нечаева. 1860–1921. Л., 1928.
Ольховский Е. Р. Начало женского сельскохозяйственного образования в России в конце XIX — начале XX вв. и И. А. Стебут // «Ей не дано прокладывать новые пути?» Из истории женского движения России. Вып. 2. СПб., 1998.
Орловская М. В. О женском движении в России. СПб., 1911.
Осипович Т. Е. В поисках «третьего» пола: «новая женщина» и мужчина-гомосексуалист в литературном дискурсе Серебряного века // Эрос и Логос в современной культуре. М., 2003.
Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // Общественные науки и современность. 1993. № 1.
Ответ москвички Союзу 17 Октября // Союз женщин. 1907. № 3.
Ответ на женский вопрос. Речи, произнесенные 10.02.1914 в зале Тенишевского училища на публичном собрании, устроенном отделом избирательных прав при Русском женском взаимно-благотворительном обществе. СПб., 1914.
Открытое письмо Саратовского Общества взаимопомощи трудящихся женщин Господину Председателю Государственной Думы // Союз женщин. 1909. № 2.
Отчет Всероссийского союза равноправности женщин. 1905–1906. М., 1906.
Отчет московского отделения Российской Лиги равноправия женщин за 1911–1912 гг. М., 1913.
Отчет московского отделения Российской Лиги равноправия женщин. М., 1911.
Отчет Первого московского женского клуба за 1909 г. М., 1910.
Отчет правления Одесского женского благотворительного общества // Современник. 1857. Т. 63. № 5.
Отчет Российской Лиги равноправия женщин за 1909–1910 гг. СПб., 1911.
Отчет Российской Лиги равноправия женщин за 1911 г. СПб., 1912.
Отчет Российской Лиги равноправия женщин за 1912 г. СПб., 1913.
Отчет Российской Лиги равноправия женщин за 1913 г. СПб., 1914.
Отчет Российской Лиги равноправия женщин за 1914–1915 гг. Пг., 1917.
Отчет Совета императорского Женского патриотического общества за 1895–1915 годы. СПб.; Пг., 1896–1916.
Отчет Союза русских женщин за 1915 год. Пг., 1916.
Отчет Харьковского общества русских женщин за 1911–1912 гг. Харьков, 1912–1913.
Отчеты Комитета Московского общества улучшения участи женщин за 1899–1904. М., 1901–1905; за 1910. М., 1911.
Отчеты Комитета общества для доставления средств Высшим женским курсам в Петербурге за 1878–1917гг. СПб., 1880–1917.
Отчеты Российского Общества защиты женщин за 1910–1915 гг. СПб., 1902–1916.
Павлова В. Женская фабричная инспекция // Женское дело. 1913. № 4.
Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988.
Пальховский А. Еще раз о женском труде. По поводу журнальных толков об этом вопросе // Атеней. 1858, май–июнь.
Пальховский А. О русской женщине: По поводу романа г. Гончарова «Обломов». Посвящается исключительно читательницам // Московский вестник. 1859. № 28.
Памяти Варвары Павловны Тарновской. Сборник. 1914.
Памяти Надежды Васильевны Стасовой. Сб. материалов. СПб., 1896.
Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей / Сост. Ф. Ф. Фидлер. М., 1911.

Первый Всероссийский женский съезд // Женский вестник. 1908. № 5.
Первый Всероссийский съезд работниц 16–21 ноября 1918 года и его резолюции. Харьков, 1920.
Переверзев В. Новые штрихи в женском движении // Женское дело. 1913. № 7.
Петиция женщин в Государственную Думу // Союз женщин. 1907. № 1.
Петражицкий Л. И. О женском равноправии. Пг., 1915.
Петражицкий Л. И. О пользе политических прав женщин. Речь проф. Л. И. Петражицкого депутата I Государственной Думы. СПб., 1907.
Петров-Эннкер Б. Женщины наступают: об истоках женской эмансипации в России // Отечественная история. 1993. № 5.
Пешкова-Толиверова А. И. Памяти М. В. Безобразовой. Не замеченная смерть заметного человека // Русская старина. 1915. № 3.
Пирогов Н. И. Вопросы жизни // Морской сборник. 1856. № 9.
Пирогов Н. И. Письмо к баронессе Раден. О Крестовоздвиженской общине сестер милосердия. О женском вопросе // Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения. М., 1917.
Писарев Д. И. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Писарев Д. И. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 1. СПб., 1894.
Писарев Д. И. Исторические идеи Огюста Конта // Писарев Д. И. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 4. СПб., 1894.
Писарев Д. И. Мысли Вихрова о воспитании женщины // Писарев Д. И. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 4. СПб., 1894.
Писарев Д. И. Реалисты // Писарев Д. И. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 4. СПб., 1894.
Писарев Д. И. Рецензия на кн. А. М. Пальховского «Еще раз о женском труде. По поводу журнальных толков по этому вопросу» // Писарев Д. И. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 1. СПб., 1894.
Писемский А. Ф. Взбаламученное море // Писемский А. Ф. Полн. собр. соч. Т. 9. СПб., 1995.
Письма крестьянок депутатам Государственной Думы // Первый женский календарь на 1907 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1907.
Письмо представителя Петроградского комитета на Первом женском съезде // Социал-демократ. 1909. № 4.
Письмо проститутки участницам Первого Всероссийского женского съезда по борьбе с торгом женщинами // Союз женщин. 1909. № 4.
Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб., 1999.
По поводу 10-летнего юбилея московских высших женских курсов // Женское дело. 1911. № 2.
Погодин М. П. Эмансипация женщины // Русский. 1868, 12 ноября.
Покровская М. И. Борьба с проституцией. Доклад II Отделению Русского общества охранения народного здравия 10.12.1899. СПб., 1900.
Покровская М. И. Врачебно-полицейский надзор за проституцией способствует вырождению народа. СПб., 1902.
Покровская М. И. Выборы в районные думы Петрограда. Пг., 1917.
Покровская М. И. Государственный бюджет и женщины // Женский Вестник. 1908. № 6, 9.
Покровская М. И. Доклад на публичном собрании Петроградского клуба Женской прогрессивной партии 17 марта 1916 г. Пг., 1916.
Покровская М. И. Единая половая нравственность // Женский вестник. 1910. № 4.
Покровская М. И. Единение женщин и классовая борьба // Женский вестник. 1908. № 3.
Покровская М. И. Женская беззащитность // Женский вестник. 1905. № 2.
Покровская М. И. Женский труд (по устройству жилищ для бедных за границей) // Вестник Европы. 1898. № 8.
Покровская М. И. Женщина и суд // Женский вестник. 1910. № 11.
Покровская М. И. Женщины на государственной службе // Женский вестник. 1909. № 10.
Покровская М. И. Задачи Женской прогрессивной партии. Прочитано в общем собрании Партии 16.02.1906. СПб., 1906.
Покровская М. И. Закон и жизнь. Доклад на публичном собрании Клуба женской прогрессивной партии // Женский вестник. 1914. № 3.

Покровская М. И. Защитники и противники равноправия женщин в Первой Государственной Думе. Реферат, прочитанный 16 марта 1907 г. в собрании Петербургской клуба Женской прогрессивной партии. СПб., 1907.
Покровская М. И. Кадетка. Дневник провинциалки // Женский Вестник. 1908. № 2–3.
Покровская М. И. Как женщины должны бороться с проституцией // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909.
Покровская М. И. Как рабочие понимают феминизм // Женский вестник. 1913.
Покровская М. И. Как я была городским врачом для бедных. СПб., 1903.
Покровская М. И. Наши толстые журналы и женское движение // Женский вестник. 1910. № 11.
Покровская М. И. О жертвах общественного темперамента. Что делать с проституцией? (Очерк). — Продал. (Рассказ). СПб., 1902.
Покровская М. И. О падших. (Очерк и рассказы). СПб., 1901.
Покровская М. И. О половом воспитании и самовоспитании. СПб., 1913.
Покровская М. И. Первый Всероссийский женский съезд // Женский вестник. 1909. № 5.
Покровская М. И. Первый Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщин // Женский вестник. 1910. № 5–6.
Покровская М. И. Половое воспитание. М., 1913.
Покровская М. И. Права женщин // Женский вестник. 1917. № 3.
Покровская М. И. Трагедия души современной женщины. Старое и новое.
Покровская М. И. Феминизм // Женский вестник. 1905. № 5.
Покровская М. И. Четырехлетний опыт женщины-врача // Женское дело. 1900. № 4.
Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993.
Политические процессы 60-х гг. Сб. под ред. Б. П. Козьмина. М.; Л., 1923.
Полный Свод Законов. Собр. 3-е. Т. XXV.
Поляков Л. Женская эмансипация и теология пола в России XIX века // Феминизм. Восток. Запад. Россия. М., 1993.
Полянский А. М. Русская женщина на государственной и общественной службе. Сборник постановлений и распоряжений правительства, определяющих права и обязанности русских женщин по службе, с приложением уставов и положений казенных и частных вспомогательных касс и обществ, услугами которых могут пользоваться женщины. М., 1901.
Попов В. В. Женщина о себе. (Мария Моравская) // «Ей не дано прокладывать новые пути»? Из истории женского движения в России. СПб., 1998.
Попов В. Несколько слов по случаю статьи о свободе женщин // Общезанимательный вестник. 1858. № 12.
Попов В. По поводу первой брошюры профессора Цитовича. СПб., 1880.
Попов И. Фабричные инспектрисы // Женское дело. 1913. № 10.
Посадская А. Женские исследования в России // Гендерные аспекты социальной трансформации. М., 1996.
Постановление СНК «О порядке привлечения работниц и крестьянок к работе в советских учреждениях». М., 1921.
Постановление ЦК ВКП(б) от 5.01.1929 «О реорганизации аппарата ВКП(б) // Партийное строительство. 1930. № 2.
Постановления международных социалистических конгрессов по вопросу о гражданском и политическом уравнении женщин. М., 1907.
Почин Лиги равноправия // Женское дело. 1912. № 5.
Программные документы политических партий дооктябрьского периода. М., 1991.
Проект закона о женском равноправии и сравнительная таблица изменений и дополнений в действующих узаконениях, предлагаемых проектом законоположений о равноправии женщин // Первый женский календарь на 1907 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1907.
Протопопов М. Женское творчество. (Г-жи Смирнова и Ольга Шапир) // Русская мысль. 1891. № 4.
Психологический очерк // Женский вестник. 1908. № 1, 4.

Пухова З. Женское движение и перестройка в СССР. Женщины в современном мире. К итогам X-летия женщины ООН. М., 1989.
Пыпин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1876. Т. 2.
Пятковский А. О правах и значении женщины в семье и обществе // Дамский вестник. 1860. № 1.
Рабжаева М. В. Женская эмансипация как опыт конструирования гендера: на материале социокультурной ситуации в России 50–60-х гг. XIX в. // Гендерные исследования. 2000. № 2.
Работницы и первый женский съезд // Союз женщин. 1908. № 5/6.
Равноправие женщин. Отчеты и протоколы. СПб., 1906.
Радин Е. П. Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. СПб., 1913.
Райх М. Цели и задачи Российской Лиги Равноправия Женщин. Доклад на общем собрании членов Лиги 10 декабря 1910 года // Женское дело. 1911. № 1.
Расширение прав женщин. Редакционная статья // Женское дело. 1911. № 10.
Расширение прав женщин. Редакционная статья // Женское дело. 1912. № 4.
Ратчилд Р. Возвращение к женской истории: пол, класс и феминизм в дореволюционной России // Гендерные истории Восточной Европы. Минск, 2002.
Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1960.
Резолюция М. О. СРЖ // Союз женщин. 1907. № 3.
Рейнгардт Н. В. О личных и имущественных правах женщин по русскому законодательству. Казань, 1885.
Рейсер С. А. Некоторые проблемы изучения романа Чернышевского «Что делать?». Л., 1975.
Рейц А. История российского законодательства. М., 1836.
Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.
Репина Л. П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. № 6.
Репина Л. П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Под ред. Л. П. Репиной, В. И. Уколовой. М., 1999.
Рецензия на кн. Д. Мацкевича Заметки о женщинах // Современник. 1854. № 9.
Речь Александра II перед московскими дворянами 30 марта 1856 г. Б. м., 1856.
Решетова С. Х. Постановка женского вопроса в русских журналах периода революции 1905–1907 гг. // Казанский университет им. В. И. Ленина. Сборник аспирантских работ. История. Казань, 1997.
Решетова С. Х. Требование охраны женского труда и материнства работниц в Первой русской революции (по материалам прессы) // Казанский университет им. В. И. Ленина. Сборник аспирантских работ. История. Казань, 1971.
Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М., Куббинс Л., Мещеркина, Е. Писклакова М. Окно в русскую частную жизнь. М., 1999.
Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб., 2002.
Рождественская К. М. Нужны ли женщинам избирательные права? Уфа, 1917.
Розанов В. В. Люди лунного света. СПб., 1913.
Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый // Розанов В. В. Уединенное. М., 1990.
Розанов В. В. Религия и культура // Розанов В. В. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1995.
Розанов В. В. Семейный вопрос в России: В 2 т. СПб., 1903.
Розен фон К. Моральное слабоумие женщины. М., 1909.
Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г. В. Осипова. М., 1998.
Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906.
Российское Общество защиты женщин в 1900 и 1901 гг. СПб., 1902.
Российское Общество защиты женщин в 1913 году. Пг., 1914.
Российское общество защиты женщин. Год седьмой. Отчет отдела попечения о еврейских девушках г. С.-Петербурга за 1907 год. СПб., 1908.
Российское общество защиты женщин. Год восьмой. Отчет отдела попечения о еврейских девушках г. С.-Петербурга за 1908 год. СПб., 1909.

Российское общество защиты женщин. Год девятый. Отчет отдела попечения о еврейских девушках г. С.-Петербурга за 1909 год. СПб., 1910.
Российское общество защиты женщин. Проект организации. Б. м., б. г.
Рудая И. М., Благоволина Ю. П. Предисловие к публикации писем Н. А. Герцен (Захарьиной) к Т. А. Астраковой // Литературное наследство. М., 1997. Т. 99, кн. 1.
Русская Лига мира // Женское дело. 1899. № 6.
Русская феминистка и английская делегация // Женское дело. 1912. № 3.
Русское женское взаимно-благотворительное общество. Отчет за 1906 г. СПб., 1907.
Русское женское взаимно-благотворительное общество. Отчет за 1907 г. СПб., 1908.
Русское женское взаимно-благотворительное общество. Отчет за 1911 г. СПб., 1912.
Русское женское взаимно-благотворительное общество. Отчет за 1912 г. СПб., 1913.
Рутцен Л. Равноправность женщин. М., 1907.
Рябов О. В. Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново, 1997.
Рябов О. В. Русская философия женственности (XI–XX век). Иваново, 1999.
С Новым годом! // Женский вестник. 1908. № 1.
Савельев А. А. Личные и имущественные отношения между супругами // Юридический вестник. 1878. № 12; 1879. № 7.
Савкина И. Л. Кризис идентичности: мужская и женская версии. Дневники и письма Александра и Натальи Герценов (1841–1846) // Женщина в российском обществе. 2000. № 3.
Савкина И. Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). Wilhelmshorst, 1998.
Самойлова К. Вопросы организации: организационные задачи // Коммунистка. 1920. № 6.
Самойлова К. Н. Организационные задачи отделов работниц. М., 1920.
Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901.
Сборник постановлений Правительства РСФСР. М., 1917.
Сватиков С. Г. Русские студентки (1860–1915) // Путь студенчества. М., 1916.
Сватиков С. Г. Русское студенчество прежде и теперь // Путь студенчества. М., 1916.
Свод законов Российской империи / Ред. И. Д. Мордухай-Болконский. В 16 т. СПб., 1912.
Семенов П. Н. Исторические сведения о женском патриотическом обществе (1812–1896). СПб., 1896.
Сердитова С. Н. Большевики за женские пролетарские массы (1903 — фев. 1917). М., 1959.
Сердитова С. Н. Борьба Коммунистической партии за вовлечение работниц в революционное движение (1903 — фев. 1917). Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. МГУ, 1954.
Серно-Соловьевич Н. А. Ссудные кассы для дворовых людей // Северная Пчела. 1861. № 77.
Сигалов А. А. Женский вопрос в программах и деятельности общероссийских политических партий (1900–1914). Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1997.
Синайский В. И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910.
Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928.
Скальковский К. Жорж Санд // Рассвет. 1861. № 3.
Скафтымов А. П. Нравственные искания русской интеллигенции. М., 1972.
Сковронская М. Записки корректорши // Друг женщин. 1882. № 4.
Славинский П. Г. Общественная самостоятельность женщины. По поводу статьи «Женский труд» в «Экономическом указателе» № 60 // Санкт-Петербургские ведомости. 1858. № 55.
Слепцов В. Женское дело // Женский вестник. 1866. № 1.
Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М., 2002.
Словенко М. А. Накануне реформы женского наследования по закону // Женский вестник. 1910. № 3.
Словцова-Камская Е. А. Женщина в семье и обществе // Исторический вестник. 1881. № 8.
Смелзер Н. Социология. М., 1994.
Смелзер Н. Социология. О распределении социальных благ между мужчинами и женщинами // Социс. 1992. № 10.
Смирнова В. Н. Женский вопрос в программных документах Коммунистической партии. Казань, 1963.

Смирнова В. Н. Женский вопрос на всероссийских мусульманских съездах в 1917 году. Казань, 1965.
Смирнова В. Н. Женский вопрос на демократическом и социалистическом этапах революции в России // Итоговая научная конференция Казанского университета за 1962 год. Казань, 1963.
Смирнова В. Н. Из истории борьбы за разоблачение буржуазного феминизма в России (О книге А. М. Коллонтай «Социальные основы женского вопроса») // Вопросы истории, философии и педагогики. Вып. 2. Казань, 1967.
Смирнова В. Н. Требование женского равноправия в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (май–окт. 1917) // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Вып. 2–3. Казань, 1969.
Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, 1917–1918. М., 1919.
Советская власть и раскрепощение женщины (сборник декретов и постановлений РСФСР). М., 1921.
Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965.
Современная западная философия. Словарь. М., 1991.
Современные заметки // Отечественные записки. 1868. № 3–4.
Современный словарь иностранных слов. М., 1993.
Современный философский словарь / Под ред. В. Е. Кемерова. М.; Лондон, 1998.
Соколов М. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход // http://ecsoman.edu.ru
Соколова О. Цели и задачи делегатского собрания. М.; Л., 1926.
Соловьев Н. Женщинам // Эпоха. 1864. № 12.
Соловьев Н. И. Милль, Конт и Бокль о женском вопросе. М., 1870.
Социологический энциклопедический словарь / Под ред. В. Г. Осипова. М., 1998.
Социология гендерных отношений. Учебное пособие / Под ред. З. М. Саралиевой. М., 2004.
Социология общественных движений: концептуальные модели. Исследования 1989–1990. М., 1992.
Социология: терминологический словарь. 2-е изд. СПб., 2003.
Социология: энциклопедия. Минск, 2003.
Союз русских женщин для борьбы с развратом. Как зародилась идея Союза. Программа деятельности Союза. Винница, 1905.
Союз русских женщин. Отчет о деятельности. СПб., 1912.
Сперлинг В. О женском движении в России // Преображение. Русский феминистский журнал. 1995. № 3.
Список капиталов Имп. Женского патриотического общества на 1 янв. 1898 г. СПб., 1898.
Способин А. Д. О разводе в России. М., 1881.
Спутник женщины. Настольная книга для женщин под ред. Н. А. Лухмановой. СПб., 1898.
Стайтс Р. «Социальные основы женского вопроса» А. М. Коллонтай // Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004.
Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004.
Сталь Л. На местах // Коммунистка. 1920. № 5.
Стасов В. В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899.
Стасов В. В. По поводу полемики о Жорж Санд // Стасов В. В. Собр. соч. Т. 3. СПб., 1894.
Стасов Д. В. Каракозовский процесс. Воспоминания // Былое. 1906. № 4.
Стасова П. С. Памяти Марии Васильевны Трубниковой. Слова, сказанные на вечере в Рус. жен. взаимно-благотворительном о-ве в 1898 г. при передаче портрета М. В. // Женское дело. 1899. № 12.
Стасова П. С. Памяти Надежды Васильевны Стасовой // Женское дело. 1900. № 1–2.
Степная барышня. Проза русских писательниц XIX века. М., 1989.
Степняк С. Подпольная Россия. Вып. 6. Изд. Фонда Русской Вольной прессы. Лондон, 1893.
Страхов Н. Женский вопрос // Заря. СПб., 1870. Т. 1. № 2.
Страхов Н. Женский вопрос. Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины». СПб., 1871.

Струве П. Б. О мерах и границах либерального консерватизма // Полис. 1994. № 3.
Субботин. Женщина в праве. СПб., б. г.
Суд над Пуришкевичем // Союз женщин. 1909. № 2.
Судьбы людей. Россия XX век. Биографии людей как объект социологического исследования. М., 1996.
Темкина А. А. Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерные тетради / Под ред. А. А. Клецина. Вып. первый. СПб филиал Института социологии РАН. СПб., 1997.
Темкина А. Женское движение второй волны: истоки, концептуализация, результаты // Введение в гендерные исследования. Учебное пособие / Под ред. И. Жеребкиной. Ч. I. Харьков; СПб., 2001.
Темкина А. Политика и гендерный контракт (по материалам исследования, проведенного в Санкт-Петербурге) // Феминистская теория и практика. Восток-Запад. СПб., 1996.
Темкина А. Теоретические подходы к проблеме политического участия: гендерное измерение // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 1996.
Темкина А. Феминизм: Запад и Россия // Преображение. Русский феминистский журнал. 1996.
Теория и история феминизма. Курс лекций. Учебное пособие / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков, 1996.
Теория и методы гендерных исследований. Курс лекций / Под ред. О. Ворониной. М., 2001.
Тишкин Г. А. Женский вопрос в истории России // Феминизм и российская культура. СПб., 1995.
Тишкин Г. А. Женский вопрос в России: 50–60-е годы XIX века. Л., 1984.
Ткачев П. Н. Влияние экономического прогресса на положение женщины и семьи // Исторический вестник. 1866, сентябрь.
Ткачев П. Н. Избранные сочинения на социально-политические темы в четырех томах. Т. I. М., 1932.
Толстой И. И. Дневник 1906–1916. СПб., 1997.
Толстой Л. Н. Письмо к Н. Н. Страхову от 19 марта 1879 // Толстой Л. Н. Собрание соч.: В 22 т. Т. 17. М., 1984.
Толстой Л. Н. Послесловие к рассказу Чехова «Душечка» // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1932.
Томпсон Д. Л., Пристли Д. Социология. Вводный курс. Львов, 1998.
Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики / Под ред. Л. Н. Попковой, И. Н. Тартаковской. Самара, 2003.
Третья международная конференция коммунисток. Доклад В. А. Мойровой — представителя женотдела ЦК РКП(б) // Правда. 1924, 18 июля.
Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 1997.
Троцкий Л. Вопросы быта. М., 1921.
Трофимова Е. И. Проблема женственности в трилогии о Мимочке В. Микулич // Преображение. Русский феминистский журнал. 1997. № 5.
Труды Первого Всероссийского съезда женщин при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге, 10–16 декабря 1908. СПб., 1909.
Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910. Т. 1–2. СПб., 1912.
Труды Первого Всероссийского съезда по образованию женщин, организов. Российской Лигой равноправия женщин в С.-Петербурге. Т. 1–2. Издание Российской Лиги равноправия женщин. СПб., 1914–1915.
Тур Е. Женщина и любовь по понятиям г. Мишле // Русский вестник. 1859. Т. 21, кн. 5–6.
Тур Е. Несколько слов по поводу статьи «Русской женщины». Елена Николаевна Стахова // Московские ведомости. 1861. № 85.
Тур Е. Парижские письма // Русский вестник. 1858, XVII.
Турже-Турженская де Е. П. Женский вопрос в связи с новым законом «о незаконнорожденных». Смоленск, 1902.

Турже-Туржанская де Е. П. Современное положение женского и рабочего вопросов. В связи с народным образованием. Смоленск, 1906.
Турчин В. С. Феминистский дискурс. Российское эхо // Амазонки авангарда. М., 2001.
Тыркова А. В. Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915.
Тыркова А. В. В провинции // Союз женщин. 1909. № 5–6.
Тыркова А. В. Женский съезд // Слово. 1908, 10 декабря. № 646.
Тыркова А. В. Женское сословие // Слово. 1908, 14 декабря. № 650.
Тыркова А. В. Изменение женской психологии за последнее столетие // Труды Первого Всероссийского съезда по образованию женщин. Т. 1. Пг., 1915.
Тыркова А. В. На путях к свободе. Воспоминания. Лондон, 1990.
Тыркова А. В. Освобождение женщины. Пг., 1917.
Тыркова А. В. Первые шаги. Первый Всероссийский женский съезд // Новый журнал для всех. 1909. № 3.
Тыркова А. В. Приветственное слово // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909.
Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998.
Тюрберт С. Два направления в социализме и женском движении // Союз женщин. 1907. № 5.
Тюрберт С. Женский вопрос и политический строй // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909.
Тюрберт С. Идеал и политическая практика // Союз женщин. 1909. № 2.
Тюрберт С. Социальная проблема и женский вопрос // Союз женщин. 1908. № 3.
Тюрин А. Об Александре Васильевна Гольштейн (1850–1937) // Преображение. Русский феминистский журнал. 1995. № 3.
Успенская В. И. Предисловие // Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия / Под общ. ред. В. И. Успенской. Тверь, 1999.
Успенская В. И. Радикальный проект женской эмансипации Александры Коллонтай // Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики. Тверь, 2003.
Успенская В. И. Суфражизм в истории феминистского движения // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова и Е. В. Кочкина. М., 2004.
Успенская В. И. Феминизм до феминизма: идеи равноправия полов в истории европейской социальной мысли. Тверь, 2000.
Устав и платформа Всероссийского Республиканского Союза Демократических женских организаций при Всероссийской Лиге Равноправия Женщин // Шишкина-Явейн П. Н. Женщина-гласный. Чего ждет русская женщина. Доклады, читанные на публичном собрании, организованном Всероссийскою Лигою Равноправия женщин 18 ноября 1916 г. Пг., 1917.
Устав Московского женского клуба. Б/м., 1907.
Устав Русского женского взаимно-благотворительного Общества в С.-Петербург. Спутник женщины. Настольная книга для женщин / Под ред. Н. А. Лухмановой. СПб., 1898.
Устав Союза равноправности женщин. Казань, 1906.
Ушакин С. Политическая теория феминизма // Вопросы философии. 2000. № 11.
Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера (Doing gender) // Гендерные тетради / Под ред. А. А. Клецина. Вып. первый. СПб филиал Института социологии РАН. СПб., 1997.
Фарафонтова Т. Общество попечения о молодых девицах в Санкт-Петербурге // Женское дело. 1899. № 4.
Ф-в Ал. Женские банки // Женское дело. 1912. № 3.
Федосова Э. П. У истоков феминизма в России // Феминизм и политическая культура. СПб., 1995.
Фесенко В. Динамика политического участия женщин: самоорганизация, политическое движение, вхождение во власть (1989–1989) // Femina Postsovietica. Украинская женщина в переходный период: от социальных движений к политике / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков, 1999.
Филиппов М. Характер специфических женских преступлений и наказаний // Русское слово. 1863. № 4.

Философова А. П. Женский вопрос в России // Первый женский календарь / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1912.
Философова А. П. К русскому обществу и русским женщинам // Союз женщин. 1907. № 5.
Философова А. П. Международный совет женщин // Союз женщин. 1907. № 2.
Философова А. П. О национальных советах женщин // Союз женщин. 1908. № 1.
Фридан Б. Загадка женственности. М., 1994.
Фриче В. Торжество пола и гибель цивилизации. По поводу книги О. Вейнингера «Пол и характер». М., 1909.
Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-логос. М., 1999.
Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2002.
Хасбулатова О. А. Краткая хронология женского движения в России (1860–1917) // Женщины и российское общество: научно-исторический аспект. Иваново, 1995.
Хасбулатова О. А. Обзор опыта советской государственной политики в отношении женщин // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова и Е. В. Кочкина. М., 2004.
Хасбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России. (1860–1917). Иваново, 1994.
Хасбулатова О. А. Эволюция государственной политики в отношении женщин: обзор исторического опыта дореволюционного периода // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова и Е. В. Кочкина. М., 2004.
Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б. Исторические источники по проблеме формирования и развития российского женского движения, его взаимодействии с международными женскими организациями во второй половине XIX — начале XX вв. // Женщина в российском обществе. 2000. № 2.
Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б. Женское движение в России (вторая половина XIX — начала XX века. Иваново, 2003.
Хасбулатова О. А., Правкина И. А. Традиции женского движения в России: история и современность // Женщина в российском обществе. 1997. № 1.
Хасбулатова О. А., Кейфман Т. А. Интеллигенция и женское движение в России. Женщины России в XX столетии: уроки прошлого, реалии и перспективы. Иваново, 1993.
Хвостов В. М. Женщина и человеческое достоинство: Исторические судьбы женщин. Природа женщины. Женский вопрос. М., 1914.
Хвостов В. М. Женщина накануне новой эпохи. Два этюда по женскому вопросу. М., 1905.
Хомяков А. С. О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1918.
Хоткина З. А. Гендерные исследования в России — десять лет // Общественные науки и современность. 2000.
Хоф Р. Возникновение и развитие гендерных исследований // Пол, гендер, культура. М., 1999.
Цебрикова М. Гуманный защитник женских прав // Отечественные записки. 1870. № 2.
Цебрикова М. Из огня да в полымя // Вестник Европы. 1871. № 6.
Цебрикова М. К. Воспоминания М. К. Цебриковой. Двадцатипятилетие женского вопроса. 1861–1886 // Звезда. 1935. № 6.
Цебрикова М. К. Предисловие // Милль Дж. С. О подчинении женщины. Изд. 2-е. СПб., 1870.
Цебрикова М. Наши недоразумения // Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901.
Цедербаум С. (*Ежов В.*) Женщина в русском революционном движении. 1870–1905. Л., 1927.
Цирлина Е. Работа комиссий по изучению и улучшению женского труда // Коммунистка. 1926. № 1.
Цитович П. Объяснение по поводу «Внутреннего обозрения» (Вестник Европы. 1878. № 12). Одесса, 1878.
Цитович П. Ответ на письма к ученым людям. Изд. 2-е. Одесса, 1878.
Ц-ская [*Водовозова Е. Н.*]. Что мешает женщине быть самостоятельною? По поводу романа г. Чернышевского «Что делать?» // Библиотека для чтения. 1863. № 9.
Чеботаревская А. Женщины настоящего и будущего // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909.

Чебышева-Дмитриева Е. А. Первый женский союз: Очерк 10-летней деятельности Русского женского взаимно-благотворительного общества // Русское женское взаимно-благотворительное общество. Отчет за 1906 год. СПб., 1907.
Чебышева-Дмитриева Е. О. Шапир. Ее жизнь и деятельность // Вестник Европы. 1916. № 10.
Черкасова В. М. А. Трубникова // Женское дело. 1899. № 12.
Чернышевская Н. М. «Озарена тобою жизнь моя...» Николай Гаврилович и Ольга Сократовна Чернышевские // Русская литература. 1978. № 1.
Чернышевский Н. Г. О распространении знаний в России // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1939.
Чернышевский Н. Г. О учреждении в Петербурге общества для улучшения помещений рабочего населения // Современник. 1857. Т. 65. № 7.
Чернышевский Н. Г. Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н. Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М., 1974.
Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. СПб., 1863.
Чехов Н. В. Курсы и курсистки // Советское студенчество. 1938. № 3.
Чехов Н. В. Лица женского пола не принимаются // Советские студенчество. 1936. № 10.
Чехов Н. Открытие Московского отделения Российской Лиги равноправия женщин // Союз женщин. 1909. № 12.
Чехова М. А. Женский съезд // Речь. 1917, 9 апреля.
Чехова М. А. Российская Лига равноправия женщин. Речь, читанная на общем собрании Российской Лиги равноправия женщин 25 января 1909 г. // Союз женщин. 1909. № 2.
Чехова М. Анна Павловна Философова // Сборник памяти Анны Павловны Философовой: В 2 т. Т. 2. Пг., 1915.
Чехова М. К читателям журнала «Союз женщин» // Союз женщин. 1909. № 12.
Чуйко В. Современные женщины-писательницы. (Г-жи О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева, О. Чюмина) // Наблюдатель. 1889. № 4.
Ш. [*Шабанова А. Н.*] Женские врачебные курсы. Из воспоминаний бывшей слушательницы // Вестник Европы. 1886, январь.
Шабанова А. К 1-му Всероссийскому Женскому съезду // Союз женщин. 1908. № 10.
Шабанова А. Международный съезд в Стокгольме (09.1911) // Вестник Европы. 1912. № 1–2.
Шабанова А. Н. Воспоминания о женском Международном конгрессе в Берлине // Новое слово. 1896, ноябрь.
Шабанова А. Н. Два года в Гельсингфорском университете. Из воспоминаний женщины-врача // Вестник Европы. 1888. № 1.
Шабанова А. Н. Женское врачебное образование в России // Труды 1-го Всероссийского съезда по образованию женщин. Т. 1. СПб., 1914.
Шабанова А. Н. Задачи женского движения. Речь А. Н. Шабановой в собрании об избирательных правах женщин // Нова. 1912. № 48.
Шабанова А. Н. О международных женских конгрессах. Пг., 1917.
Шабанова А. Н. Очерк женского движения в России // Мужчина и женщина. Т. 1. СПб., 1911.
Шабанова А. Н. Очерк женского движения в России. СПб., 1912.
Шабанова А. Н. Текст обращения Р. Ж. Вз.-Благ. Общ. в Государственную Думу // Первый женский календарь на 1907 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1907.
Шабурова О. В. Гендер // Современный философский словарь / Под ред. В. Е. Кемерова. М.; Лондон, 1998.
Шапир О. А. Женский съезд. Впечатления и итоги // Русские ведомости. 1908, 20 декабря.
Шапир О. Вопреки обычаю // Новости и Биржевая газета. Первое издание. 1891, 14 мая.
Шапир О. Женское бесправие // Биржевые ведомости. 1916, 16 июля.
Шапир О. Идеалы будущего // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909.
Шаханов А. Историк С. М. Соловьев и открытие высших женских курсов в Москве // Россияне. 1995. № 1.

Шахматова Н. А. Что такое феминизм? Реферат, читанный 17 марта 1912 г. в Московском отделении Российской Лиги равноправия. М., 1912.
Шашков С. С. История русской женщины. СПб., 1871.
Шашков С. С. Судьбы женщины, детоубийство и проституция. СПб., 1871.
Швейцер В., Ульрих А. Жены командиров тяжелой промышленности. М.; Л., 1936.
Шелгунов Н. В. Из прошлого и настоящего // Русская мысль. 1885. № 10; 1886. № 1, 3; 1888. № 3.
Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. Т. 2. М., 1967.
Шенкман Д. И. Врач А. Н. Шабанова // Вестник современной медицины. 1928. № 2.
Шишкина-Явейн П. Н. Женщина-гласный. Стенограф. отчет речи, произнесенной на публичном собрании, организованном Всеросс. Лигою Равноправия Женщин в Петрограде. Пг., 1917.
Шишко Л. Е. Общественные движения в шестидесятых и первой половине семидесятых годов. М., 1921.
Школьников И. А. Суфражизм и политические партии Великобритании. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. кандидата ист. наук. Иваново, 2002.
Шмидт С. О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.
Шнырова О. В. Борьба за политические права женщин в Великобритании в конце XIX — начале XX века. Суфражизм // Социально-правовой статус женщины в исторической ретроспективы. Иваново, 1997.
Шнырова О. В. Феномен милитантства в истории суфражизма // Российские женщины и европейская культура. СПб., 2001.
Шнырова О. В., Школьников И. А. Суфражизм в Великобритании и России. Опыт сравнительного анализа // We/Мы. Диалог женщин. 1998. № 6(22).
Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. Л., 1991.
Штакеншнейдер Е. А. Дневники и записки (1854–1886). М.; Л., 1934.
Штомпка П. Много социологий для одного мира // Социс. 1991. № 2.
Штомпка П. Структурирование общественных движений // Политология вчера и сегодня. М., 1992. Вып. 4.
Щеглов В. Г. Пол и права женщин. Б/м., 1888.
Щепкина Е. Апология «буржуазок» в книге г-жи Коллонтай «социальные основы женского вопроса» // Союз женщин. 1909. № 4.
Щепкина Е. Вторая годовщина // Союз женщин. 1908. № 5–6.
Щепкина Е. Н. Женское движение в 1905 г. в отзывах современных деятелей. СПб., 1906.
Щепкина Е. Н. Женское движение в годы Французской революции. Пг., 1921.
Щепкина Е. Н. Женское население Петербурга // Образование, 1897. № 5–6.
Щепкина Е. Н. Женщины в русских университетах // Вестник Европы. 1912. № 9.
Щепкина Е. Н. Из истории женской личности в России. Лекции и статьи. СПб., 1914.
Щепкина Е. Участие женщин в местном самоуправлении // Союз женщин. 1907. № 1.
Эйдельман Н. «Революция сверху» в России. М., 1989.
Энгельгардт Н. А. Давние эпизоды // Исторический вестник. 1910. № 2.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1959.
Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М., 1996.
Энгл Б. А. Русские женщины и революционное наследие: отказ от личной жизни // Дайджест теоретических материалов информационного листка «Посиделки» 1996–1998. СПб., 1999.
Эндерлайн Э. Размышления о дневнике Марии Башкирцевой // CD-Энциклопедия «Российские женщины в XX веке».
Эсмен А. Общие основания конституционного права. СПб., 1898.
Юбилей О. А. Шапир // Первый женский календарь на 1905 год / Сост. П. Н. Ариян. СПб., 1905.
Юкина И. И. Вопреки обычаю // Преображение. Русский феминистский журнал. 1997. № 5.
Юкина И. И. Дискурс женской прессы XIX века // Женские и гендерные исследования. Вып. 5 / Ред. И. Юкина. СПб., 2000.
Юкина И. И. Доктор Шабанова // Харизматические личности в истории России. СПб., 1997.

Юкина И. И. Женское движение России: ценз пола и суфражизм // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова и Е. В. Кочкина. М., 2004.
Юкина И. И. Забытая феминистка Ольга Шапир // Женщина и культура. Материалы научной конференции. М., 1997.
Юкина И. И. Истоки женского движения в России // Все люди — сестры. Бюллетень Петербургского центра гендерных проблем. СПб., 1993.
Юкина И. И. История женщин России: женское движение и феминизм. 1850–1920-е гг. Материалы к библиографии. СПб., 2003.
Юкина И. И. Ольга Шапир — идеолог российского феминизма // Из истории женского движения России. Вып. 2. СПб., 1998.
Юкина И. И. Первый Всероссийский женский съезд // Женщина и российское общество: научно-исторический аспект. Иваново, 1995.
Юкина И. И., Гусева Ю. Е. Женский Петербург: опыт историко-краеведческого путеводителя / Ред. Т. Мелешко. СПб., 2004.
Юкина И. Русские нигилистки // Гендерные исследования. Харьковский центр гендерных исследований. Харьков, 2002. № 6.
Юнге Е. Из моих воспоминаний. 1843–1860 гг. // Вестник Европы. 1905, кн. 5.
Ядов В. А. Социальные движения с точки зрения социологического и социо-психологического подходов // Информационные материалы. Академия наук СССР Институт социологии. М., 1990. Вып. 4.
Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности (программа проекта) // Социальная идентификация личности / Отв. ред. В. А. Ядов. М.: Институт социологии РАН, 1993.
Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. Материалы для истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства. СПб., 1907.
Янчевская М. М. Женщина у Вейнингера // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909.
Ярская-Смирнова Е. Истоки и методы гендерных исследований // Одежда для Адама и Евы. Очерки гендерных исследований. М., 2001.
Z. Библиография: Женщины-писательницы и их деятельность в истекшем году. Наши журналы о женщинах // Друг женщин. 1883. № 1.

Bergman S. Contextualising and Contrasting Feminisms: Studying Women's Movement from a Cross-country Perspective // Crossing Borders. Re-mapping Women's Movement at the Turn of the 21-st Century / Ed. by Hilda Romer Christensen, Beatrice Halsaa, Aino Saarinen. University Press of Southern Denmark, 2004.
Bergman S. Researching the Women's Movement Consideration. Arising out of a Comparative Study of the New Women's Movement in Finland and the Federal Republic of German // Moving on. New Perspectives on the Women's Movement. Acta Jutlandica LXVII: 1. Humanities Series 66. Aarhus University Press, 1991.
Blumer H. Social Movements // Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective / Ed. by B. McLaughlin. N. Y., 1969.
Chafetz J., Dworkin A. Female Revolt // Women's Movement in World and Historical Perspective. University of Houston, 1986.
Dahlerup D. Continuity and Waves in the Feminist Movement. A Challenge to Social Movement Theory // Crossing Borders. Re-mapping Women's Movement at the Turn of the 21-st Century / Ed. by Hilda Romer Christensen, Beatrice Halsaa, Aino Saarinen. University Press of Southern Denmark, 2004.
Dahlerup D. Introduction // The New Women's Movement. Feminism and Political Power in Europe and in the USA / Ed. D. Dahlerup. London: Sage, 1986.
Edmondson L. H. Feminism in Russia, 1900–1917. Stanford, Calif, Stanford Univ. Press, 1984.

Edmondson L. Women's Emancipation and Theories of Sexual Difference in Russia, 1850–1917 // Gender Restructuring in Russian Studies. Tampere, 1993.
Engel B. A. Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
Engel B. A., Rosenthal C. N. Five Sisters. Women against the Tsar. Boston, 1987.
Eyerman R., Jamisson A. Social Movements: A Cognitive Approach. Pennsylvania State University Press, 1991.
Fireman B. & Gamson W. Utilitarian Logic in the Resource Mobilization Perspective // The Dynamics of Social Movements / Ed. by M. Zald, J. McCarthy. Cambridge, 1979.
Freeman J. The Politics of Women's Liberations. A Case Study of an Emerging Social Movement and its Relation to the Policy Process. New York: David McKay Company, Inc., 1975.
Glickman R. L. The Russian Factory Women: Workplace and Society: 1889–1914. Berkley, 1986.
Gurr T. R. A Causal Model of Civil Strife: a Comparative Analysis Using New Indices // American Political Science Review. 1968. Vol. 62.
Gurr T. R. Relative Deprivational Correlates of Protest Behaviour // American Journal of Sociology. 1972. Vol. 49.
Gurr T. R. Why Men Rebel? Princeton: Princeton University Press, 1979.
Hertzler J. O. A sociology of language. N. Y., 1965.
Jenkins C. Resource Mobilization Theory and the Study of the Social Movement // Annual Review of Sociology. 1983. Vol. 9.
Killian L. Social Movements // Handbook of Modern Sociology / Ed. by R. Faris. Chicago, 1964.
Klandermans B. Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory // American Sociological Review. 1984. Vol. 49.
Kristmundsdottir S. D. Doing & Becoming. Women's Movement and Women's Personhood in Iceland 1870–1990. Social Science Research Institute, University Press. University of Iceland. 1997.
Lonna E. Waves in the History of Feminism // Crossing Borders. Re-mapping Women's Movement at the Turn of the 21-st Century / Ed. by Hilda Romer Christensen, Beatrice Halsaa, Aino Saarinen. University Press of Southern Denmark, 2004.
McAdam D. Gender as a Mediator of the Activist Experience: The Case of Freedom Summer // American Journal of Sociology. 1992. Vol. 97.
McCarthy J. & Zald M. Resource Mobilization and Social Movements: a Partial Theory // American Journal of Sociology. 1977, 82(6).
McDermid J., Hillyar A. Midwives of the Revolution. Female Bolsheviks and Worker Women in 1917. UCL Press. Taylor & Francis Group. 1999.
Melucci A. Nomads of the Present Philadelphia. Temple University Press. 1989.
Offen K. Feminism // Encyclopedia of Social History / Ed. by Peter N. Steams. New York; London, 1994.
Rosenholm A. Gendering Awakening. Femininity and the Russian Women Question of the 1860s. Helsinki, 1999.
Saarinen A. Patronesses, Gentlewomen, Feminists and Common Wives. Political Gender and Class Systems in Tampere during the Period of Industrialization // Moving On. New Perspectives on the Women's Movement. Aarhus University Press, 1991.
Showalter E. A Literature of Their Own. British Women Novelists from Bronte to Lessing. Princeton, N. J., 1977.
Smelser N. Social and Psychological Dimensions of Collective Behavior // Smelser N. Essays in Sociological Explanation. Englewood Cliffs. N. J.: Prentice Hall, 1968.
Smelser N. The Theory of Collective Behavior. New York: Free Press, 1962.
Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1978.
Tarrow S. Struggle, Politics and Reform: Collective Actions, Social Movements and Cycle of Protest. Occasional Paper # 21. Western Societies Program, Center for International Studies, Cornell University, Ithace, N. Y., 1989.

Tilly Ch. Collective Violence in European Perspective // Violence in America / Ed. by H. Graham, T. Gurr. Washington DC, 1969.

Tilly Ch. From Mobilization to Revolution. Reading, Mass. Addison-Wesley, 1978.

Tilly Ch. Social Movement and National Politics // Statemaking and Social Movement: Essays in History and Theory / Ed. by Ch. Bright, S. Harding. Ann Arbor, 1984.

Tuttle Lisa. 1986. Encyclopedia of Feminizm. London, Longman Group Limited.

Women in Russia / Ed. by D. Atkinson, A. Dallin & G. W. Lapidus. Stanford University Press, Stanford, California, 1977.

Yukina I. Contested Ideological Issues of Early Russian Feminism // Crossing Borders. Re-mapping Women's Movement at the Turn of the 21-st Century / Ed. by Hilda Romer Christensen, Beatrice Halsaa, Aino Saarinen. University Press of Southern Denmark, 2004.

Yukina I. Ideology of the Russian Feminism. The First Wave // Women Movement and Internationalisation: the «Third Wave» / Ed. by Aino Saarinen, Hilda Romer Christensen & Beatrice Halsaa. Reports from the Faculty of Education University of Oulu, 2001.

Yukina I. Olga Shapir; Policsena Sishkina-Javein // Encyclopedia of Russian Women's Movement / Ed. by Norma C. Noonan and Carol Nechemias. Greenwood Publishing Group. 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

Ирина Юкина

РУССКИЙ ФЕМИНИЗМ
КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Редактор *Т. А. Мелешко*
Корректор *Г. С. Якушева*
Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Координатор проекта *Т. М. Савкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru, aletheia@rol.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Подписано в печать 10.02.2007. Формат 60×88 $^1/_{16}$.
Усл.-печ. л. 33,2. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Лесник-Принт»,
192007, Санкт-Петербург, Лиговский пр., 201 лит. А, пом. 3Н

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В СЛЕДУЮЩИХ МАГАЗИНАХ

МОСКВА

1. Библио-Глобус, 101990, ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5. Тел. (495) 921-58-03
2. Дом книги «Москва», 125009, ул. Тверская, д. 8, стр. 1. Тел. (495) 629-66-43, 629-73-55
3. Магазин «Православное слово». Тел. (495) 951-51-84, 951-34-97
4. Издательство и магазин «Ад Маргинем». Тел. (495) 951-93-60.
6. Магазин «Московский книжник», ул. М. Ульяновой, д. 17, к. 2. Тел. (495)131-11-38
7. ООО «Паолине», ул. Б. Никитская, д. 26/2. Тел. (495) 291-50-05
8. Магазин РГГУ «Гуманитарная книга», 125267, Миусская пл., д. 6. Тел. (495) 973-43-01
9. Магазин «Гнозис». Тел. (495) 247-17-57
10. Магазин «Русское зарубежье», 103375, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
11. Магазин Издательства УРСС, 117312, пр. 60-летия Октября, д. 9
12. Магазин «Музыкальный парк», 109369, Новочеркасский б-р, д. 41, корп. 1
13. Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28
14. Магазин «Фаланстер». Тел. (495) 629-88-21, 504-47-95
15. Сеть магазинов «Букбери». Тел. (495) 240-48-09, 240-48-67
16. Галерея книг «Нина», ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-21-03
17. Магазин издательства «Совпадение». Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84
18. «Новое книжное агентство», 103062, ул. Покровка, д. 27, стр. 1. Тел. (495) 916-28-14

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1. Магазин «Историческая книга», ул. Чайковского, д. 55. Тел. (812) 327-26-37
2. «Книжный салон» Филологического факультета СПбГУ, Университетская наб., д. 11. Тел. (812) 328-95-11
3. Магазин «Классное чтение», 6-я линия В. О., д. 15. Тел. (812) 328-61-13
4. Книжный салон РНБ «Дом Крылова», 191069, ул. Садовая, д. 18. Тел. (812) 310-44-87
5. «Дом книги», Невский пр., д. 62
6. Магазин «Слово», М. Конюшенная, д. 9. Тел. (812) 571-20-75
7. Издательско-торговый дом «Летний сад», Большой пр. П. С., д. 82. Тел. (812) 232-21-04, 233-19-62
8. Магазин «Гуманитарная книга», 1-я линия В. О., д. 42. Тел. (812) 323-54-95
9. Магазин «Академический проект», ул. Рубинштейна, д. 26. Тел. (812) 764-81-64
10. Магазин «Перемещенные ценности», 2-я линия В. О., д. 27
11. Магазин «Подписные издания», 191104, Литейный пр., д. 57
12. Магазин «Культпросвет», 191040, ул. Пушкинская, д. 10
13. Книжная лавка писателей, Невский пр., д. 66
14. Магазин «Золотой лотос», ул. Пушкинская, д. 9

ЕКАТЕРИНБУРГ

«Дом книги», ул. Антона Валека, д. 12

НИЖНИЙ НОВГОРОД

«Дом книги», ул. Советская, д. 14а

СЕТЬ МАГАЗИНОВ «ТОП-КНИГА»

http://www.top-kniga.ru. Тел. (383) 336-10-26, 336-10-36